

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

85

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2023 Issue 85

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewica
w Poznaniu

Evgeniy V. Afonasin
Novosibirsk State University

Stefano GARZONIO
Università di Pisa, Italia

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
Perm State National
Research University

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Natalia B. SELUNSKAYA
Lomonosov Moscow State University

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKO
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2023 Выпуск 85

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории
Российской академии наук

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

Е. В. АФОНАСИН
Новосибирский государственный
университет

Стефано ГАРДЗОНИО
Пизанский университет, Италия

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Пермский государственный
национальный исследовательский
университет

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии
Российской академии наук

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
НИУ «Высшая школа экономики»

Дюла СВАК
Будапештский университет
им. Лоранда Этвеша, Венгрия

Н. Б. СЕЛУНСКАЯ
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
МГИМО (Университет) МИД России

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛЮНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ШАБУНИНА А. К., кандидат исторических наук
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 85

М.: Аквилон, 2023. — 400 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 85

Moscow: Aquilo-Press, 2023. — 400 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073–7564

Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

- © Общество интеллектуальной истории, 2023
- © Институт всеобщей истории, 2023
- © Издательство «Аквилон», 2023
- © Журнал «Диалог со временем», 2023

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

И.Е. СУРИКОВ

ДВА КРИТИЯ И АТЛАНТИДА: ИЗ ИСТОРИИ АФИНСКОЙ ОЛИГАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ (ЧАСТЬ I)*

Знаменитая легенда об Атлантиде (якобы привезенная в Афины из Египта Солоном), излагаемая в двух диалогах Платона («Тимей» и «Критий»), должна трактоваться в контексте политических и историософских дискуссий IV века до н.э. Мыслители этой эпохи хорошо помнили имевшее место в предыдущем столетии противостояние Афин и Спарты, закончившееся победой последней в Пелопоннесской войне. Интересно, что «развращенная морем» Атлантида в изображении Платона в ряде отношений чрезвычайно напоминает демократические Афины времен Перикла, а противостоящие ей и всячески идеализируемые «древнейшие Афины», напротив, четко ложатся в параллель с классической Спартой, консервативной, сухопутной и отнюдь не демократической, а иерархической. Таким образом, в диалогах проявляется олигархическая и лаконофильская система взглядов.

Ключевые слова: Платон, Афины, Атлантида, Критий, олигархия, демократия, Спарта, политическая мысль

Диалог «Критий» – один из самых загадочных текстов в истории древнегреческой философской (да и не только) литературы. Это единственное сочинение Платона, которое мы имеем в незавершенном виде. Причем оно, так сказать, демонстративно не завершено и обрывается буквально на полуфразе. Вот его конец: «Поэтому он (Зевс – И.С.) созвал всех богов в славнейшую из их обителей, утвержденную в средоточии мира, из которой можно лицезреть всё причастное рождению, и обратился к собравшимся с такими словами...» (Plat. Crit. 121c)¹. С какими словами – этого мы от Платона уже не узнаём, хотя из контекста ясно, что имеется в виду решение Зевса уничтожить Атлантиду, жители которой впали в развращенность и гордыню.

«Критий» – прямое продолжение не менее знаменитого диалога «Тимей»², и действующие лица в них одни и те же. Это, разумеется, Сократ, без участия которого не обходится почти ни один диалог платоновского корпуса (кроме «Законов»), а также Тимей, философ-пифагореец из Локр Эпизефирских (греческой колонии в Южной Италии), Критий (вопрос об идентификации этого персонажа как раз будет подробно рассматриваться во второй части этой статьи) и Гермократ, сиракузский полководец и политик незаурядных дарований³, слывший (и являвшийся) противником демократии, во всяком случае, радикальной.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00024, <https://rscf.ru/project/23-28-00024/>

¹ «Критий» и «Тимей» Платона цитируются в переводе С.С. Аверинцева.

² О «Тимее» – главным натурфилософском произведении Платона – специальной литературы даже больше, чем о «Критии». См., напр.: Grasso 2012; Brisson 2012; Renaut 2020.

³ О нем см.: Фролов 2001: 328–339; Will 2003: 149–158.

Вообще говоря, Платоном была задумана трилогия, которая должна была состоять из диалогов «Тимей», «Критий» и «Гермократ»⁴ – как раз по числу вышеупомянутых собеседников Сократа. Из этих трех произведений первое было написано, второе, как видим, не дописано, третье – даже не начато. Кстати, эта неоконченная трилогия уже начинается с загадки. Вот ее первые строки (Plat. Tim.17a):

«Сократ: Один, два, три – а где же четвертый из тех, что вчера были нашими гостями, любезный Тимей, а сегодня взялись нам устраивать трапезу?

Тимей: С ним приключилась, Сократ, какая-то хворь, уж по доброй воле он ни за что не отказался бы от нашей беседы».

Эта загадка «четвертого отсутствующего» (точнее, пятого, если считать и самого Сократа), по выражению одного современного исследователя, «навсегда останется неразгаданной»⁵. Можно предположить (в самой осторожной форме, конечно), что автор предполагал дать ответ на нее в неосуществленном «Гермократе». Не исключено даже, что в нем искомое лицо должно было выздороветь и появиться *in propria persona*.

В начальной части «Тимея» (Plat. Tim. 20d –26c) Критием достаточно кратко упоминается (со ссылкой на Солона и египетских жрецов) об Атлантиде и ее войне с древнейшими Афинами. Затем рассказчик обещает вернуться к этому сюжету в другой раз, чтобы осветить его подробнее, и участники разговора переходят к другой теме: слово берет Тимей и развертывает (вплоть до конца сочинения) грандиозную картину мироздания⁶. Возобновление же рассказа Крития имеет место как в диалоге, названном его именем; действие в нем мыслится происходящим при новой встрече (но в тот же день) нашей четверки. Заглавный герой теперь уже действительно более пространно говорит об устройстве и «доисторического» Афинского государства, и великого острова в океане, находившегося под покровительством Посейдона.

Итак, «Критий» – та самая знаменитая «книга об Атлантиде», которая на протяжении веков порождала сенсации и ажиотаж. Ею Платон дал жизнь одному из величайших мифов в истории человечества, мифу, вера в который далеко перешагнула за пределы античности и дожила до наших дней. Да, и поныне есть люди, которые убеждены в реальности Атлантиды и продолжают ее поиски; возникла квазинаука «атлантология». И если начать сетевой поиск литературы по теме «Атлантида», системой будут выданы сведения о массе книг, содержащих спекулятивные фантазии (такие издания по своему характеру широко варьируют – от полностью шизофренических до вполне фундированных⁷), и

⁴ Gill 2016: 33.

⁵ Панченко 1990: 5.

⁶ Ее детальный анализ см.: Лосев 1969: 607–621.

⁷ Если говорить о последних, нельзя не отметить, что особенной популярностью пользуется теория (ее наиболее развернутое изложение см. в: Castleden 1998), согласно которой в легенде о гибели Атлантиды отразились каким-то образом дошедшие до Платона смутные воспоминания о крушении критской (минойской) цивилизации в середине XV в. до н.э. в результате катастрофического извержения вулкана на острове Фере. Атлантида в рамках этой теории – либо Крит, либо сама Фера. Интересную книгу Р. Кастледена никак не назо-

наряду с ними – лишь единичные названия действительно дельных, серьезных исследований интересующей нас легенды. В частности, на русском языке таковых имеется только два⁸, причем одна из них – переводная, принадлежащая перу выдающегося французского ученого⁹.

Весь дискурс о противостоянии Атлантиды и древнейших Афин следует рассматривать в контексте политических и историософских дискуссий платоновского времени – IV века до н.э. Люди поколения Платона в молодости застали событие, представлявшееся им воистину грандиозным и запечатлевшееся в их памяти на всю жизнь. Речь идет о Пелопоннесской войне 431–404 гг. до н.э. – вооруженном конфликте между Спартой и Афинами, завершившемся победой последней. Эта война сыграла огромную негативную роль в судьбе Древней Греции и в этом смысле должна быть признана весьма важной исторической вехой. Она положила начало общему кризису греческого полисного мира («кризису IV века»). Вся Греция вышла из нее обескровленной, в том числе и одержавшее верх Спартанское государство¹⁰; «золотой век Эллады» остался позади, наступила пора ностальгии.

Противостояние Афин и Спарты в V в. до н.э. мыслителями, писавшими после него, проецировалось и в будущее, и в прошлое. Отнюдь не нами замечено весьма характерное обстоятельство¹¹: Атлантида в изображении Платона чрезвычайно напоминает (за тем исключением, что она представлена государством монархическим, управляемым царями, но иным и не мог быть образ негреческой, «варварской» державы в литературе, созданной в классической Греции) афинский полис времен, скажем, Перикла, – с опорой на могущественный флот и господством на море, блистающий богатством, роскошью, пышностью, переполненный замечательными памятниками искусства. А главное – исполненный культа силы и экспансионистского духа.

Выдающийся политический философ XX в. Лео Штраус, глубоко и тонко знавший античность¹², ввел в свое время понятие «афинский тезис»¹³. Имеется в виду круг идей, сводящийся, в общем, к тому, что в мире торжествует право сильного и политика должна руководствоваться не этическими, а исключительно прагматическими соображениями. Концепт, о котором идет речь, неоднократно обрисовывается в «Исто-

вещь шарлатанской. Однако он и его единомышленники совершенно не принимают во внимание важный нюанс, подрывающий все их построения: у Платона четко указано (Plat. Tim. 24e), что Атлантида по отношению к Греции находилась за Геракловыми столпами (Гибралтарским проливом), т.е. в Атлантическом океане, а не в Средиземном море. Ни к Криту, ни к Фере это, само собой, отнести нельзя.

⁸ Панченко 1990; Видаль-Наке 2012.

⁹ Чью фамилию у нас, в общем-то, всегда было принято передавать как «Видаль-Накэ» (напр.: Видаль-Накэ 2001), но переводчик его книги об Атлантиде почему-то отошел от этой традиции, что породило разнобой.

¹⁰ Schmitz 2000: 506.

¹¹ См., напр.: Herrmann 2017: 151.

¹² О нем и его наследии см.: Zuckert 2009; Amat 2019; Giorgini 2021.

¹³ Strauss 1964: 183.

рии» Фукидида, в наиболее развернутой форме – в «Мелосском диалоге» (Thuc. V. 85–113)¹⁴. На него опиралась внешнеполитическая линия демократических Афин второй половины V в. до н.э., и Фукидидом он в целом разделялся¹⁵, поскольку в историософии этого автора степень цивилизованности общества/государства неразрывно связана с масштабом его военной мощи¹⁶. Между тем уже его старший современник Геродот в «Истории» (опубликованной в 420-х гг. до н.э.¹⁷, на первом этапе Пелопоннесской войны) делал в завуалированной форме грозные предостережения афинянам¹⁸, пророчески указывая на то, что взятый ими империалистический курс может привести их к плачевному концу (что и случилось в 404 г. до н.э.).

Процитируем некоторые характеристики Атлантиды в «Тимее» и «Критии» Платона.

«...Государство ваше (древнейшие Афины – И.С.) положило предел дерзости (ὑβρεῖ) несметных воинских сил, отправившихся на завоевание всей Европы и Азии, а путь державших от Атлантического моря» (Plat. Tim. 24e). «На этом-то острове, именовавшемся Атлантидой, возникло удивительное по величине и могуществу царство, чья власть простиралась на весь остров, на многие другие острова и на часть материка, а сверх того по эту сторону пролива они овладели Ливией вплоть до Египта и Европой вплоть до Тиррении. И вот вся эта сплоченная мощь была брошена на то, чтобы одним ударом ввергнуть в рабство и ваши и наши земли (Грецию и Египет – И.С.) и все вообще страны по эту сторону пролива» (Plat. Tim. 25a–b).

Здесь у читателей диалога могла возникать ассоциация с нападением огромного афинского флота на Сицилию в 415 г. до н.э., окончившимся для него полной катастрофой два года спустя. Не забудем о том, что среди участников разговора – сиракузянин Гермократ, один из тех, кто внес наибольший вклад в отражение этого нашествия афинян.

«...Они (атланты – И.С.) скопили такие богатства, каких никогда не было ни у одной царской династии в прошлом и едва ли будут когда-нибудь еще, ибо в их распоряжении было всё необходимое, приготовляемое как в городе, так и по всей стране. Многое ввозилось к ним из подвластных стран, но большую часть потребного для жизни давал сам остров, прежде всего любые виды ископаемых твердых и плавких металлов, и в их числе то, что ныне известно лишь по названию, а тогда существовало на деле: самородный орихалк, извлекавшийся из недр земли в различных местах острова и по ценности своей уступавший тогда только золоту» (Plat. Crit. 114d–e).

В Афинах, конечно, не было фантастического орихалка. Но как тут не вспомнить, что находившееся на территории их полиса (в Лаврии) месторождение другого драгоценного металла – серебра – являлось крупнейшим в Греции (в которой, кстати, золото не добывалось

¹⁴ Об этом замечательном памятнике древнегреческой политической мысли см.: Bosworth 1993; Vickers 1999; Will 2006; Reden 2013; Fragoulaki 2016; Taylor 2018.

¹⁵ Вопреки А. Бултону (Boulton 2021: 144–145).

¹⁶ Ратгу 1972.

¹⁷ Ревизионистские датировки публикации труда Геродота 410-ми или даже 400-ми годами до н.э. (Fornara 1971; Irwin 2021) не могут быть приняты (Суриков 2023: 35–41).

¹⁸ Brock 2021: 115; Welser 2021: 193; Boedeker 2021: 504.

вообще, так что серебро автоматически становилось самым драгоценным из реально имеющихся металлов).

«Пользуясь этими дарами земли, цари устроили святилища, дворцы, гавани и верфи и привели в порядок всю страну...» (Plat. Crit. 115b). «Всю внешнюю поверхность храма (Посейдона – И.С.), кроме акротериев, они выложили серебром, акротерии же – золотом; внутри взгляду являлся потолок из слоновой кости, весь изукрашенный золотом, серебром и орихалком, а стены, столпы и полы сплошь были выложены орихалком. Поставили там и золотые изваяния: сам бог на колеснице, правящий шестью крылатыми конями и головой достающий до потолка...» (Plat. Crit. 116d).

Тут читателям, конечно, должна была вспоминаться хрисоэлефантинная (из золота и слоновой кости) статуя Афины работы Фидия в Парфеноне, тоже достававшая до потолка.

«Верфи были наполнены триерами и всеми снастями, какие могут понадобиться для триер, так что всего было вдоволь. ...Проток и самая большая гавань были переполнены кораблями, на которых отовсюду прибывали купцы, и притом в таком множестве, что днем и ночью слышались говор, шум и стук» (Plat. Crit. 117d–e). «...Они (атланты – И.С.) оказались не в состоянии долее выносить свое богатство и утратили благопристойность. Для того, кто умеет видеть, они являли собой постыдное зрелище, ибо промотали самую прекрасную из своих ценностей; но неспособным усмотреть, в чем состоит истинно счастливая жизнь, они казались прекраснее и счастливее всего как раз тогда, когда в них кипела безудержная жальность и сила. И вот Зевс, бог богов, блюдущий законы, хорошо умея усматривать то, о чем мы говорили, помыслил о славном роде, впавшем в столь жалкую развращенность, и решил наложить на него кару, дабы он, отрезвев от беды, научился благообразию» (Plat. Crit. 121b).

Несмотря на то, что Атлантида у Платона превосходит размеры Азии и Ливии (Африки), вместе взятых (Plat. Tim. 24e), философ настойчиво называет ее не материком, а островом. Почему? Здесь следует учитывать, что во времена Перикла имел хождение концепт «острова Афин»¹⁹. Он фигурирует в «Первой речи Перикла» у Фукидида (Thuc. I. 143. 5), и, в сущности, исходя именно из такого видения Афин этот политик и полководец построил всю свою стратегию обороны против Спарты в Пелопоннесской войне²⁰. Однако, как замечает У.Р. Коннор – автор, пожалуй, лучшего монографического исследования о Фукидиде²¹, – Афины не остров, и в этом тоже есть своя ирония: ведь, стало быть, избранная стратегия оказалась ошибочной (именно это, кстати, продемонстрировал Д. Кэген, крупнейший специалист по истории Пелопоннесской войны, в статье о Перикле как полководце, достаточно критичной по отношению к нему²²), она, называя вещи своими именами, не оправдала себя²³. Атлантида проиграла свою войну, хотя действи-

¹⁹ В связи с ним см. подробно: Constantakopoulou 2007: 137–175.

²⁰ Об этой стратегии (с высокой оценкой, но ср. то, что будет сказано далее) см.: Ober 1985.

²¹ Connor 1985: 51.

²² Kagan 2005.

²³ Поэтому, может быть, и не является преувеличением суждение, согласно которому отношение самого Фукидида к стратегии Перикла было ироническим: Scardino 2012: 74.

тельно являлась островом; так что же удивительного в том, что Афины, островом себя только возомнившие, свою войну проиграли тоже?

Итак, если Атлантида Платона – это, фигурально говоря, Афины V в. до н.э., то что же с противостоящими ей древнейшими Афинами «Тимея» и «Крития»? А вот они четко ложатся в параллель с классической Спартой²⁴ (до того, как в последней в IV в. до н.э. разрушились «Ликуровы» порядки²⁵). Здесь тоже необходимы релевантные цитаты.

«...Государство, ныне известное под именем Афин, было и в делах военной доблести первым, и по совершенству своих законов стояло превыше сравнения; предание приписывает ему такие деяния и установления, которые прекраснее всего, что нам известно под небом» (Plat. Tim. 23c). «Законы твоих предков (слова египетского жреца, обращенные к Солону, – И.С.) ты можешь представить себе по здешним: ты найдешь ныне в Египте множество установлений, принятых в те времена у вас, и прежде всего сословие жрецов, обособленное от всех прочих, затем сословие ремесленников, в котором каждый занимается своим ремеслом, ни во что больше не вмешиваясь, и, наконец, сословия пастухов, охотников и земледельцев; да и воинское сословие... отделено от прочих, и членом его закон предписывает не заботиться ни о чем, кроме войны» (Plat. Tim. 24a–b).

Характерным образом отсутствует торговое сословие, что вполне в духе Платона, который презирал торговлю и вообще считал, что ей должны заниматься только неграждане (Plat. Legg. XI. 920a).

«И вот вы стали обитать там, обладая прекрасными законами, которые были тогда еще более совершенны, и превосходя всех людей во всех видах добродетели, как это и естественно для отпрысков и питомцев богов» (Plat. Tim. 24d). «Именно тогда, Солон, государство ваше явило всему миру блистательное доказательство своей доблести и силы: всех превосходя твердостью духа и опытностью в военном деле, оно сначала встало во главе эллинов... встретилось с крайними опасностями и все же одолело завоевателей и воздвигло победные трофеи. Тех, кто еще не был поработен, оно спасло от угрозы рабства; всех же остальных, сколько ни обитало нас по эту сторону Геракловых столпов, оно великодушно сделало свободными» (Plat. Tim. 25b–c).

Перед нами аллюзия на победу в Пелопоннесской войне, одержанную Спартой, которая вела борьбу под лозунгом защиты эллинской свободы от посягательств «города-тирана» Афин.

«Обитали в нашей стране и разного звания граждане, занимавшиеся ремеслами и землепашеством, но вот сословие воинов божественные мужи с самого начала обособили, и оно обитало отдельно. Его члены получали всё нужное им для прожития и воспитания, но никто ничего не имел в частном владении, а все считали всё общим и притом не находили возможным что-либо брать у остальных граждан сверх необходимого; они выполняли все те обязанности, о которых мы вчера говорили в связи с предполагаемым сословием стражей» (Plat. Crit. 110c–d).

Считается, что под упомянутым тут вчерашним разговором имеется в виду тот, который составляет сюжет «Государства» Платона²⁶.

²⁴ Herrmann 2017: 151.

²⁵ Об этом кризисном процессе см.: Маринович, Кошеленко 2002.

²⁶ Ср. Marren 2021: 108

Однако это порождает проблему: среди действующих лиц «Государства» нет ни Крития, ни Тимея, ни Гермократа²⁷.

«...Страна была способна содержать многолюдное войско, освобожденное от занятия земледелием» (Plat. Crit. 110e). «...Наверху (на акрополе – И.С.), в уединении, селилось вокруг святилища Афины и Гефеста обособленное сословие воинов за одной оградой, замыкавшей как бы сад, принадлежащий одной семье. На северной стороне холма воины имели общие жилища, помещения для общих зимних трапез и вообще всё то по части домашнего хозяйства и священных предметов, что считается приличным иметь воинам в государствах с общественным управлением, кроме, однако, золота и серебра: ни того ни другого они не употребляли ни под каким видом, но, блюда середине между пышностью и убожеством, скромно обставляли свои жилища, в которых доживали до старости они сами и потомки их потомков, вечно передавая дом в неизменном виде подобным (ὁμοίους)²⁸ себе преемникам» (Plat. Crit. 112b–c). «Так они обитали здесь – стражи для своих сограждан и вожди (ἡγεμόνες) всех прочих эллинов по доброй воле последних (ἐκόντων); более всего они следили за тем, чтобы на вечные времена сохранить одно и то же число мужчин и женщин...» (Plat. Crit. 112d).

Итак, какое же государство предстает перед нами из этого описания? Это государство, во-первых, с ярко выраженной иерархичностью. На фоне сословий земледельцев и ремесленников резко выделяется своим необычайно высоким статусом сословие воинов, не имеющее никаких занятий, кроме учений для подготовки к боям, изолированное даже в территориальном плане от всех прочих, соблюдающее демонстративное равенство в своей среде (что, в частности, акцентируется совместными трапезами), придерживающееся предельной скромности и неприязнательности в быту. Здесь мы имеем почти точный образ «Ликурговой» Спарты, где над сословиями илотов и перизков (занимавшихся соответственно сельскохозяйственной и ремесленной деятельностью) возвышалось правящее военное сословие (фактически каста) спартиатов-гомеев (как мы видели, Платон даже в завуалированной форме упомянул этих самых гомеев с их сисситиями, рваными плащами, «черной похлебкой») и т.п. Спартиаты и в территориальном плане были отделены от прочих: только они имели право проживать собственно в городе Спарте, столице Лакедемонского полиса, в то время как перизки обитали в малых городках, а илоты населяли хору (сельскую местность).

Во-вторых, это государство, являющееся гегемоном над остальными греками, которые притом принимают его гегемонию добровольно, что специально подчеркнуто. Спарта уже с VI в. до н.э. занимала почетное положение гегемона в Греции; тогда гегемония еще воспринималась как моральное «первенство чести», а не как некое принудительное владычество. Элемент деспотизма в представлениях о гегемонии внесли в V в. до н.э. демократические Афины, выстроившие систему Архэ (ἀρχή)

²⁷ См. к вопросу: Nails 2002: 326.

²⁸ Мы намеренно привели здесь термин на языке оригинала. Гомеями (ὁμοιοί – «подобные», «равные», можно перевести даже как «одинаковые», см. Зайков 2000) в Спарте называли себя члены высшего военного сословия спартиатов.

с максимальным уничтожением подвластных полисов. Схватку со Спартой за статус гегемона Афины проиграли; но Спарта, удержав его за собой, к сожалению, восприняла некоторые афинские методы, начав осуществлять (особенно после Анталкидова мира 387 г. до н.э.) силовое господство в греческом мире²⁹, то есть как бы прониклась «афинским тезисом» (о котором см. выше). Идеалом для Платона была, конечно, не эта деградировавшая Спарта, а прежняя, доблестная, «Ликургова»³⁰.

В-третьих, «древнейшие Афины» проникнуты духом крайнего консерватизма. Это, так сказать, «подмороженное» общество. Даже дома сохраняются в неизменном виде из поколения в поколение, а особая забота властей направлена на то, чтобы количество граждан оставалось одним и тем же (то есть, видимо, не росло, во избежание нехватки ресурсов). Всё это тоже в полной мере соответствует облику традиционной Спарты, где любые новшества отторгались как «развращающие». Спартанский полис отгородился от остальной Эллады неким подобием «железного занавеса», выдворив чужеземцев и закрыв границы. «Ликургов» гражданский коллектив в 9000 спартиатов всячески старались удержать в этих рамках. Здесь, правда, возникала серьезная проблема: тенденции к росту этот коллектив действительно не проявлял, а вот противоположная тенденция в силу ряда причин³¹ постоянно давала о себе знать, и число полноправных граждан сокращалось.

Наконец, по контрасту с «живущей морем» Атлантидой «древнейшие Афины» обрисованы как сухопутно ориентированная держава. Таковой была и Спарта до конца V в. до н.э., когда она была поставлена перед необходимостью снарядить сильный военный флот – без этого нельзя было одержать победу в Пелопоннесской войне. Кстати, создание этого флота, безусловно, стало одним из главных факторов морально-политической деградации спартанского полиса, о которой говорилось ранее. Море губит добрые нравы (поскольку связь с ним способствует демократизации³²) – такова одна из идей, лейтмотивов звучащих как у Платона, так и у многих других древнегреческих интеллектуалов периода классики. Как в свое время показал в этапной работе Дж. Обер³³, эти интеллектуалы были, почти без исключений, жесткими критиками радикальной демократии (причем тотальными, не принимающими эту систему в целом, а не какие-то ее отдельные огрехи), составляя в демократическом полисе группу диссидентов (Псевдо-Ксенофонт³⁴, Фукидид³⁵, Аристофан, Платон, Исократ, Аристотель; мы

²⁹ Суриков 2023: 44–46.

³⁰ Ср. Powell 1994: 311–312.

³¹ О некоторых из них см.: Андреев 2014: 186–198.

³² Механизм этого процесса прослежен в: Суриков 2008: 17–18, 165–166.

³³ Ober 1998.

³⁴ Или «Старый олигарх», как его часто называют в западной литературе. Имеется в виду автор «Афинской политики», ошибочно приписывавшейся Ксенофонту. Об этом ярком памфлете (не следует путать его с «Афинской политией» Аристотеля) см. теперь обобщающее исследование: Magg, Rhodes 2015.

бы добавили к этому перечню еще Крития и Ксенофонта, да и Сократ, в общем-то, был тех же взглядов). Не случайно Платон в легенде об Атлантиде заставляет афинян создать флот (а как иначе противостоять мореходам-атлантам?), но затем губит его внезапной природной катастрофой (Plat. Tim. 25c–d), что даже символично: море и «благая жизнь» оказываются несовместимыми.

Картина противостояния *таких* Афин (созданных по спартанским лекалам) и *такой* Атлантиды (во многом опирающейся на модель экспансионистского и демократического афинского полиса) могла быть нарисована только олигархом-лаконофилом, одним из тех людей, которые являлись противниками демократии, воспринимаемой ими как «власть черни»³⁶, и поклонниками порядков, принятых в Спарте. Во второй части статьи речь пойдет о человеке, в уста которого Платон вложил рассматриваемый здесь рассказ.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андреев Ю.В. Спартанский эксперимент: общество и армия Спарты. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2014 [Andreev Yu.V. Spartanskiy eksperiment: obshchestvo i armiya Sparty. St. Petersburg: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo, 2014].
- Видаль-Наке П. Атлантида: краткая история платоновского мифа. М.: ИД ВШЭ, 2012 [Vidal-Naquet P. Atlantida: kratkaya istoriya platonovskogo mifa. Moscow: ID VShE, 2012].
- Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М.: Ладомир, 2001 [Vidal-Naquet P. Chernyy okhotnik. Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire. Moscow: Ladomir, 2001].
- Зайков А.В. Спартанская община *одинаковых* в аспекте сословной семантики // Историческая наука на рубеже веков / под ред. Д.А. Редина. Екатеринбург: Волот, 2000. 315–321 [Zaykov A.V. Spartanskaya obshchina *odinalokovykh* v aspekte soslovnoy semantiki // Istoricheskaya nauka na rubezhe vekov / ed. by D.A. Redin. Ekaterinburg: Volot, 2000. 315–321].
- Лосев А.Ф. История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон. М.: Искусство, 1969 [Losev A.F. Istoriya antichnoy estetiki: Sofisty. Sokrat. Platon. Moscow: Iskusstvo, 1969].
- Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. Причины и обстоятельства падения «Ликургова строя» в Спарте // Проблемы истории, филологии, культуры. 13. 2002. 5–21 [Marinovich L.P., Koshelenko G.A. Prichiny i obstoatel'stva padeniya "Likurgova stroya" v Sparte // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 13. 2002. 5–21].
- Панченко Д.В. Платон и Атлантида. Л.: Наука, 1990 [Panchenko D.V. Platon i Atlantida. Leningrad: Nauka, 1990].
- Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М.: Наука, 2008 [Surikov I.E. Antichnaya Gretsziya: politiki v kontekste epokhi. Vremya rastsveta demokratii. Moscow: Nauka, 2008].

³⁵ Что касается Фукидида, согласиться следует, безусловно, именно с Обером, а не с С. Фаррар (Farrar 1994: 126–191), которая пытается сделать этого не только историка, но и проницательного политического мыслителя (Ober 2006) демократом.

³⁶ Следует отметить, что в Афинах, начиная с последней трети V в. до н.э., существовало два противостоящих друг другу понимания демократии: как власти всех граждан, являющихся равными, и как власти бедноты, даже власти черни, которая притесняет знатных и богатых (Joaze 2022: 40–41; соответственно, в двойном смысле понималась и исходная лексема δῆμος, наиболее детальный анализ ее значений см. в: Hansen 2010). Первой из этих трактовок придерживались, естественно, сторонники демократии (см. прежде всего «Надгробную речь Перикла», Thuc. II. 35–46), второй же – ее оппоненты. Весьма характерна в данном плане та же «Афинская полития» Псевдо-Ксенофонта (420-е гг. до н.э.), которая уже начинается словами: «Что касается государственного устройства афинян, то, если они выбрали свой теперешний строй, я не одобряю этого по той причине, что, избрав его себе, они тем самым избрали такой порядок, чтобы простому народу жилось лучше, чем благородным (курсив наш – И.С.)» (Ps.-Xen. Ath. pol. I. 1; перевод С.И. Радцига).

- Суриков И.Е. Будущее Геродота – настоящее Фукидида – прошлое Ксенофонта (ΑΡΧΗ, ΗΓΕΜΟΝΙΑ и империалистические тенденции в классической Греции глазами трех великих историков // Античный мир и археология. 21. 2023. 31–51 [Surikov I.E. Budushchee Gerodota – nastoyashchee Fukidida – proshloe Ksenofonta (ΑΡΧΗ, ΗΓΕΜΟΝΙΑ i imperialisticheskie tendentsii v klassicheskoy Gretsii glazami trekh velikikh istorikov // Antichnyy mir i arkheologiya. 21. 2023. 31–51].
- Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб.: Гуманитарная Академия, 2001 [Frolov E.D. Gretsia v epokhu pozdney klassiki (Obshchestvo. Lichnost'. Vlast'. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya, 2001].
- Amat D. Leo Strauss' Socrates and the Possibility of Philosophy in our Time // Brill's Companion to the Reception of Socrates / ed. by C. Moore. Leiden; Boston: Brill, 2019. 908–927.
- Boedeker D. End of the *Histories* // The Herodotus Encyclopedia. Vol. 2 (E–O) / ed. by C. Baron. Hoboken: Wiley Blackwell, 2021. 503–505.
- Bosworth A.B. The Humanitarian Aspect of the Melian Dialogue // Journal of Hellenic Studies. 113. 1993. 30–44.
- Boulton A.O. Democracy and Empire: The Athenian Invasion of Sicily, 415–413 BCE. Lanham: Hamilton Books, 2021.
- Brisson L. Why is the *Timaeus* Called an *Eikōs Mythos* and an *Eikōs Logos*? // Plato and Myth: Studies on the Use and Status of Platonic Myths / ed. by C. Collobert, P. Destrée, F.J. Gonzalez. Leiden; Boston: Brill, 2012. 369–391.
- Brock R. Archē (ἀρχή, ἦ) // The Herodotus Encyclopedia. Vol. 1 (A–D) / ed. by C. Baron. Hoboken: Wiley Blackwell, 2021. 114–116.
- Castleden R. Atlantis Destroyed. London; New York: Routledge, 1998.
- Connor W.R. Thucydides. Princeton: Princeton University Press, 1985.
- Constantakopoulou C. The Dance of the Islands: Insularity, Networks, the Athenian Empire and the Aegean World. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Farrar C. The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Fornara C.W. Evidence for the Date of Herodotus' Publication // Journal of Hellenic Studies. 91. 1971. 25–34.
- Fragoulaki M. Emotion, Persuasion and Kinship in Thucydides: The Plataian Debate (3. 52–68) and the Melian Dialogue (5. 85–113) // Emotion and Persuasion in Classical Antiquity / ed. by E. Sanders, M. Johncock. Stuttgart: Steiner, 2016. P. 113–132.
- Gill M.L. Plato's Unfinished Trilogy: *Timaeus* – *Critias* – *Hermocrates* // Plato's Styles and Characters: Between Literature and Philosophy / ed. by G. Cornelli. Berlin; Boston: De Gruyter, 2016. 33–45.
- Giorgini G. The Philosopher and the City: Leo Strauss' Reading of Athenian Democracy // Brill's Companion to the Reception of Athenian Democracy: From the Late Middle Ages to the Contemporary Era / ed. by D. Piovani, G. Giorgini. Leiden; Boston: Brill, 2021 P. 368–398.
- Grasso E. Myth, Image and Likeness in Plato's *Timaeus* // Plato and Myth: Studies on the Use and Status of Platonic Myths / ed. by C. Collobert, P. Destrée, F.J. Gonzalez. Leiden; Boston: Brill, 2012. 343–367.
- Hansen M.H. The Concepts of *Demos*, *Ekklesia*, and *Dikasterion* in Classical Athens // Greek, Roman and Byzantine Studies. 50. 2010. 499–536.
- Herrmann F.-G. Hat Kritias nach Spartas Pfeife getanzt? // Das antike Sparta / hg. von V. Potthou, A. Powell. Stuttgart: Steiner, 2017. 133–155.
- Irwin E. Date of Composition // The Herodotus Encyclopedia. Vol. 1 (A–D) / ed. by C. Baron. Hoboken: Wiley Blackwell, 2021. 409–412.
- Joyce C.J. Amnesty and Reconciliation in Late Fifth-Century Athens: The Rule of Law under Restored Democracy. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2022.
- Kagan D. Perikles as General // Periklean Athens and its Legacy: Problems and Perspectives / ed. by J.M. Barringer, J.M. Hurwit. Austin: University of Texas Press, 2005. 1–9.
- Marr J.L., Rhodes P.J. The 'Old Oligarch': The Constitution of the Athenians Attributed to Xenophon. Oxford: Oxbow Books, 2015.
- Marren M. Plato and Aristophanes: Comedy, Politics, and the Pursuit of a Just Life. Evanston: Northwestern University Press, 2022.
- Nails D. The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2002.

- Ober J. Thucydides, Pericles, and the Strategy of Defense // *The Craft of the Ancient Historian: Essays in Honor of Chester G. Starr* / ed. by J.W. Eadie, J. Ober. Lanham; New York; London: University Press of America, 1985. 171–188.
- Ober J. *Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule*. Princeton: Princeton University Press, 1998.
- Ober J. Thucydides and the Invention of Political Science // *Brill's Companion to Thucydides* / ed. by A. Rengakos, A. Tsakmakis. Leiden: Brill, 2006. 131–159.
- Parry A. Thucydides' Historical Perspective // *Studies in Fifth-Century Thought and Literature* / ed. by A. Parry. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. 47–61.
- Powell A. Plato and Sparta: Modes of Rule and Non-rational Persuasion in the *Laws* // *The Shadow of Sparta* / ed. by A. Powell, S. Hodkinson. L.; N.Y.: Routledge, 1994. 273–321.
- Reden S. von. Die Dialogisierung historischer Darstellung: Der Melierdialog in einer Wissenskultur im Umbruch // *Der Dialog in der Antike: Formen und Funktionen einer literarischen Gattung zwischen Philosophie, Wissensvermittlung und dramatischer Inszenierung* / hg. von S. Föllinger, G.M. Müller. Berlin; Boston: De Gruyter, 2013. 201–220.
- Renaut O. Emotions and Rationality in the *Timaeus* (Ti. 42a–b, 69c–72e) // *Emotions in Plato* / ed. by L. Candiotta, O. Renaut. Leiden; Boston: Brill, 2020. 103–122.
- Scardino C. Indirect Discourse in Herodotus and Thucydides // *Thucydides and Herodotus* / ed. by E. Foster, D. Lateiner. Oxford: Oxford University Press, 2012. 67–96.
- Schmitz W. Peloponnesischer Krieg // *Der neue Pauly: Enzyklopädie der Antike*. Bd. 9: Or – Poi / hg. von H. Cancik, H. Schneider. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2000. 501–506.
- Strauss L. *The City and Man*. Charlottesville: McNally, 1964.
- Taylor M.C. *Thucydides's Melian Dialogue and Sicilian Expedition: A Student Commentary*. Norman: University of Oklahoma Press, 2018.
- Vickers M. Alcibiades and Melos: Thucydides 5. 84–116 // *Historia*. 48/3. 1999. 265–281.
- Welser C. Athens and Herodotus // *The Herodotus Encyclopedia*. Vol. 1 (A–D) / ed. by C. Baron. Hoboken: Wiley Blackwell, 2021. 192–193.
- Will W. *Thukydidens und Perikles: Der Historiker und sein Held*. Bonn: Habelt, 2003.
- Will W. *Der Untergang von Melos: Machtpolitik im Urteil des Thukydidens und einiger Zeitgenossen*. Bonn: Habelt, 2006.
- Zuckert C.H. *Twentieth Century Revivals of Ancient Political Thought: Hannah Arendt and Leo Strauss* // *A Companion to Greek and Roman Political Thought* / ed. by R.K. Balot. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. 542–556.

Суриков Игорь Евгеньевич, доктор исторических наук, г.н.с., ИВИ РАН; профессор, РГГУ; isurikov@mail.ru

Two Critiases and Atlantis: From the history of Athenian oligarchic thought

The famous legend of Atlantis (allegedly brought to Athens from Egypt by Solon) set forth in Plato's two dialogues (*Timaeus* and *Critias*) should be treated in the context of political and historiographical discussions of the 4th century B.C. Thinkers of that epoch remembered well opposition of Athens and Sparta, which took place in the previous century and was finished by the Spartan victory in the Peloponnesian War. It is interesting that Atlantis, "corrupted by the sea" as pictured by Plato, in a number of relations is extraordinarily reminiscent of the democratic Athens of Pericles' times, and the "most ancient Athens", which is opposed to it and idealized in every possible way, is, on the contrary, a clear parallel to the Classical Sparta – conservative, land-oriented and rather hierarchic than by any means democratic. In other words, the dialogues in question demonstrate an oligarchic and Laconophile system of views.

Keywords: *Plato, Athens, Atlantis, Critias, oligarchy, democracy, Sparta, political thought*

Igor E. Surikov, Prof. Dr. in History, chief research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; professor, Russian State University for Humanities; isurikov@mail.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НЕРАВЕНСТВА КАК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ*

Статья посвящена осмыслению понятия неравенства в призме подходов интеллектуальной истории. В центре исследовательского сюжета находится трансформация явления из проблемы морально-этической в проблему политическую. На основе изучения обширного научного материала сформирован срез ключевых академических представлений об эволюции понятия неравенства и его интерпретациях в различные исторические эпохи. Повышенное внимание уделяется также описанию исторического контекста, особенностям общественной среды (социально-политическим, экономическим), повлиявшим на изменение дискурса. Анализ производился при помощи передовых методов работы с научной информацией, включающих математические и компьютерные технологии.

Ключевые слова: *неравенство, равенство, справедливость, историография, общественные классы, Ngram Viewer.*

В представленной статье ставится вопрос о причинах трансформации неравенства в политическую проблему. Для ответа на него необходимо, в первую очередь, осмыслить динамику интеллектуальных представлений о феномене. При актуальности проблемы мы крайне мало знаем о том, как понималось неравенство в разные эпохи, в каких семантических значениях описывалось и от каких контекстов зависели изменения описаний. Гипотезу исследования можно сформулировать следующим образом: интеллектуальное внимание к неравенству обусловлено противоречивой динамикой явления, а усложнение содержания понятия – экспансией государства в экономику. При всем многообразии неравенств, семантическим ядром, вокруг которого строится исследование, является экономическое понимание неравенства. Этот выбор обусловлен тем, что именно оно в разных своих проявлениях является сегодня центром академической и политической дискуссии.

Поскольку ставится задача дать общий обзор формирования понятия неравенства как политической проблемы на фоне довольно ограниченной историографии, мы можем говорить о методологической рамке, но не о строгом авторском методе. На наш взгляд, наиболее продуктивным здесь является контекстуальный подход, о преимуществах которого 15 лет назад писала Л.П. Репина: «Фокусировка на проблемах, а не на учениях и теориях, позволила включить идеи и тексты в их исторический контекст, совместить их с целью понять высказывание или текст как событие, результаты которого определяются как мыслительным процессом, так и внешними обстоятельствами...».¹ Итак, нас интересует контекст, в рамках которого формировалось интеллектуальное представление о неравенстве. Контекст условно разделяется на три состав-

* Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования РФ (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

¹ Репина 2008: 8.

ляющие: интеллектуальный (т.е. общий объем текстов, затрагивающий проблему), социально-экономический и политический.

Качественный анализ чрезвычайно важен, но не менее важно понять и идейный фон, на котором тексты создавались. Здесь мы предлагаем применить упрощённую логику «дальнего чтения» Ф. Моретти, предполагающую рассмотрение корпуса литературы «на расстоянии» с применением количественных методов². В качестве инструмента выступит Ngram Viewer – одна из самых больших библиотек, специализирующихся на научной литературе (наряду с Project Gutenberg, Internet Archive и другими, более специализированными). Ngram Viewer – софт, отображающий частотность слова или короткого предложения, при помощи использования ежегодного количества n-грамм, найденных в источниках, напечатанных между 1500 и 2019 гг.³ на нескольких языках. N-граммы сопоставляются с учетом регистра, сравнивая точные буквы, и наносятся на график⁴. В области компьютерной лингвистики n-грамма представляет собой непрерывную последовательность n-элементов из заданной последовательности текста или речи. Элементы могут быть фонемами, слогами, буквами, словами или парами оснований в соответствии с приложением. N-грамм размера 1 называется «униграммой». Есть размер 2 «биграмма», размер 3 «триграмма» и т.д. Модели n-грамм широко используются в статистической обработке естественного языка.

Важно уточнить некоторые особенности инструмента. Первые годы графики дают больше всплесков и плато. Разработчики объясняют это так: «издательское дело было относительно редким явлением в XVI и XVII в. Если фраза встречается в одной книге в течение одного года, но не встречается в предыдущие или последующие годы, это создает более высокий всплеск, чем в более поздние годы»⁵. Но это не искажает результаты, так как данные нормализованы⁶. В ряде случаев использовано сглаживание, поскольку часто тенденции становятся более очевидными, когда данные рассматриваются как скользящее среднее. Сглаживание, равное 1, означает, что данные, показанные за 1789 г., будут средним значением необработанного подсчета за 1789 г. плюс 1 значение с каждой стороны: («подсчет за 1788 г.» + «подсчет за 1789 г.» + «подсчет за 1790 г.»), разделенное на 3. При сглаживании, равном 3, самое левое значение (предположим, что это 1789 г.) будет рассчитано как («счет за 1789 г.» + «счет за 1790 г.» + «счет за 1791 год» + «счет за 1792 г.»), разделенный на 4. Сглаживание 0 означает необработанные данные.

В рамках социально-экономического контекста мы рассмотрим динамику экономического неравенства по данным новейших исследований и сопоставим ее с частотностью упоминания понятия неравенства

² Моретти 2016.

³ Верхняя граница корпуса действительна на момент исследования.

⁴ Мы осознанно не используем регистр, поскольку заглавные буквы в английском языке искажают картину, так как при их использовании игнорируются артикли.

⁵ См.: <https://books.google.com/ngrams/info>

⁶ См. Sparavigna, Marazzato 2015.

в Ngram Viewer. Политический контекст носит общий характер и построен на выявлении ключевых тенденций экономической политики развитых государств, как фактора, влияющего на неравенство и его осмысление. Во-вторых, необходимо обозначить географические и лингвистические границы. Несмотря на важность изучения неравенства в глобальном разрезе, мы останавливаемся на странах Запада, поскольку в период модерна именно интеллектуальные традиции Европы, а затем и США определяют пространство и оптику науки вплоть до XXI века. В статье будет рассматриваться динамика использования понятия «неравенства» в английском.⁷ Выбор языка, безусловно, ограничивает релевантность выводов, но обоснован статусом английского в академическом мире.

Краткая история понятия «неравенство»

Сосредоточимся на ключевых дискуссиях современной историографии, среди которых можно выделить следующие: когда неравенство становится интеллектуальной проблемой; почему системное изучение неравенства маргинализировано в XX в. и получает оформление только в конце столетия. Как отмечают Дж.Д. Висман и Дж.Ф. Смит, интеллектуальная история неравенства на Западе восходит к Античности, будучи историей его легитимации.⁸ Но фактически в историографии существует консенсус о том, что неравенство не было интеллектуальной проблемой, но частью естественного порядка вещей. Исследуя мир воображаемого в Средние века, Ж. Ле Гофф формулирует основу историографического консенсуса: «в согласии со средневековым менталитетом и институтами, неравенство вполне вписывается в «сферу равенства»; примером тому служит договор о вассальной зависимости»⁹.

Античные мыслители рассуждали в категориях справедливости и равенства. Так, например, в «Никомаховой этике» Аристотель размышляет о равенстве в отношении справедливости и несправедливости. Для него справедливость можно понимать с точки зрения того, что было законным (всеобщей справедливости) и того, что было справедливым и равным (особая справедливость).¹⁰ Эти идеи оказали значительное влияние на средневековую мысль. Фома Аквинский вдохнул новую жизнь в аристотелевское понятие распределительной справедливости и определение равенства с точки зрения пропорциональности различий. В своем комментарии к «Политике» Фома Аквинский разъясняет, что существуют две формы равенства: вещи, которые равны, и вещи, которые пропорциональны¹¹. Как мы видим на примере двух классических мыслителей, неравенство было вторичным по отношению к концепции справедливости и равенства. Однако, это не снимает вопроса о том, когда неравенство начинает осмысляться как проблема. Наиболее рас-

⁷ В рамках исследования был обработан корпус всех доступных языков.

⁸ Wisman, Smith 2011.

⁹ Ле Гофф 2001: 119.

¹⁰ Аристотель 1983: 149.

¹¹ Aquinas 2007: 84, 129-130.

пространённой позицией является то, что неравенство оформляется в XVIII в. под влиянием промышленной революции и политических событий во Франции и Америке. Поворотным моментом считается трактат Руссо «Рассуждение о происхождении неравенства» 1754 г.¹²

Неравенство как неотъемлемую часть божественного плана и концепцию равенства (но не неравенства) до промышленной революции подтверждают в своем исследовании Г. Альфани и Р. Фригени.¹³ Преимущественно на итальянском материале они отмечают, что средневековые тексты предлагают идеал социального «порядка», в котором неравенство между людьми должно сохраняться, а *aequitas* (неравенство) исторически связано с другими семантическими областями и лишь постепенно приобрело экономическое значение.¹⁴ И хотя экономическое неравенство возрастало, такое понимание неравенства возникает только в период индустриализации.¹⁵ Начало этого процесса авторы относят к XVI в. и связывают с развитием концепции естественного права.

Выводы Г. Альфани и Р. Фригени оспаривает Дж. Макклор.¹⁶ Она соглашается со значением XVI в. в развитии дискуссии о неравенстве, но обосновывает его развитием империализма. Также утверждает, что понятие неравенства существовало в средневековой Европе. По мнению Макклор, оно не рассматривалось как естественный порядок, поскольку в природе все вещи равны. Анализируя тексты томистской традиции и саламанкской школы, она приходит к выводу, что дискуссия о порядке вещей не была только исключительно теологической, но также политической и экономической, поскольку строилась вокруг термина «*dominium*» (собственность, власть).¹⁷

Эпоха Просвещения и события «двойной революции» практически всеми исследователями рассматриваются как период оформления новых подходов. Так, С. Стуурман в исследовании интеллектуальной истории равенства, выделяет четыре современных дискурса неравенства, возникших в эпоху Просвещения: политэкономия, гендерная теория, расовая теория и новая философия истории. Политэкономия была новой наукой, оправдывающей социальное неравенство через полезность и продуктивность. Как отмечает С. Стуурман новым языком неравенства, имевшим наибольшие последствия, оказалась философия истории, расположившая человечество на шкале времени и предложившая пространственно-временную матрицу этапов развития¹⁸.

Именно последний дискурс мы видим в большинстве текстов. Руссо интересовался жизнью «дикарей», чтобы разработать собствен-

¹² См.: Померанц 2017; Afani, Frigeni 2016; Alacevich, Soci 2018; Beck 2010; Clark 2007; Mokyр 2018; Stuurman 2017.

¹³ Afani, Frigeni 2016.

¹⁴ Ibid 39.

¹⁵ Ibid 58.

¹⁶ McClure 2022.

¹⁷ Ibid 2, 14.

¹⁸ Stuurman 2010: 167.

ную теорию стадий развития и подвергнуть критике властные отношения в современной Европе.¹⁹ К. Маркс, существенно повлиявший на историю понятия, концептуализировал неравенство с точки зрения класса, а не с точки зрения индивидуума.²⁰ В этом отношении он явно многим обязан традиции классической политической экономии, наследником и критиком которой являлся. Но именно такой подход будет доминировать в экономической науке XX в.

При общем консенсусе об отсутствии неравенства как интеллектуальной проблемы в доиндустриальной Европе, новейшие исследования предлагают более сложную интерпретацию отношения понятий справедливость/равенство/неравенство. При этом эпоха Промышленной революции и политических революций в Европе и Америке считается периодом оформления современных языков описания неравенства, которые предложили новые формы его легитимации. Концепции пространственно-временной стадийности развития человечества, как и классовый подход, оказали наиболее сильное воздействие на осмысление неравенства. И это подводит нас ко второму историографическому спору.

Э. Аткинсон, Т. Пикетти и другие задаются вопросом почему, будучи одной из центральных в XIX в., проблема неравенства во второй половине XX в. оказалась на периферии экономической (и не только) науки²¹ Возвращение неравенства связывают с «эффектом Пикетти» – востребованности проблемы после публикации «Капитала в XXI веке»²². Но не стоит забывать о работах Э. Аткинсона и других авторов, начавших серию публикаций о неравенстве с середины 1970-х²³. Расплывчатость хронологических рамок академического забвения проблемы не отменяет вопроса о ее причинах. Вину вслед за Пикетти принято сегодня возлагать на С. Кузнеца и его кривую, согласно которой в капиталистических обществах неравенство сначала возрастает в рамках современного экономического роста, а затем начинает сокращаться. Сложно не согласиться с Пикетти в том, что «кривая Кузнеца» позволила последующим поколениям экономистов ограничиваться отсылкой к ней без попыток осмысления²⁴. На наш взгляд, динамика предложенного К. Джини коэффициента и наследие Маркса также способствовали тому, что неравенство не было востребованной академической проблемой.

Э. Кук обращает внимание на то, как история экономической мысли повлияла на отсутствие интереса к неравенству во второй половине XX в. Она полагает, что рост неоклассической экономической теории до Второй мировой войны привел к маргинализации вопроса распределе-

¹⁹ Руссо 1969.

²⁰ Влияние классовый концепции на дискурс науки косвенно можно проследить по динамике использования понятия класс, которая неуклонно возрастает во второй половине XIX – начале XX вв. (NgramViewer). См. Маркс 2021.

²¹ Аткинсон 2018; Пикетти 2016; Beck 2010; Christiansen, Jensen 2019 и т. д.

²² Cook 2019; Jackson 2023.

²³ Atkinson 1975.

²⁴ Пикетти 2016: 11–17; Kuznets 1955.

ния в пользу максимизации производства и национального роста во второй половине XX в. Факторами, в наибольшей степени ответственными за преуменьшение неравенства и распределения до конца XX в., Кук считает предельную производительность, теорию полезности и оптимальность по Парето²⁵. Интересно, что на увлечение ВВП как ключевой параметр оценки экономического развития, повлиявшего на маргинализацию проблемы, указывают и другие авторы. Так, Ф. Лепенис пишет, что «политическое доминирование ВВП не только отодвигало на второй план такие вопросы, как неравенство в ходе послевоенной эпохи. На самом деле триумф (и это был глобальный триумф) ВВП был триумфом над существующим альтернативным показателем, национальным доходом, в основе которого была озабоченность доходом, его распределением и, таким образом, акцент на вопросах равенства и неравенства»²⁶. Сходную оценку дает и команда Д. Стиглица²⁷.

Негативное влияние либеральной теории на историю осмысления неравенства отмечает М. Дж. Томпсон. Он полагает, что Локк, Кант, МанDEVиль, Констан и Роулз разделяли ряд идей, которые изменили наши представления об экономической жизни. С его точки зрения, сторонники либерализма готовы уменьшать крайности неравенства, «но только в той мере, в какой они верят в предоставление всем равного доступа к возможности войти в то, что уже представляет собой неравно структурированный комплекс социальных отношений»²⁸.

Ответственными за маргинализацию проблемы неравенства в современной историографии называют: «кривую Кузнецца», неоклассическую либеральную теорию, либеральную теорию, ВВП и ряд других макроэкономических показателей и, в определенном смысле, марксистское наследие. Фактически все они в той или иной степени игнорировали вопросы экономического распределения, неоклассическая теория не интересовалась проблемой в условиях экономического роста, а марксистская оптика учитывала доли только в пределах крупных социальных групп. Способы статистической оценки принятые в XX в. только способствовали тому, что экономическое неравенство было интеллектуально отделено от экономической эффективности.

Анализ современной историографии позволяет говорить о том, что хронология интеллектуального осмысления неравенства охватывает эпоху капитализма. Начиная оформляться в текстах XVI в. и концептуализируясь в течение XVIII в., неравенство привлекает значительное внимание в XIX в., а затем теряет актуальность вплоть до конца XX в. В оптике «дальнего чтения» с применением Ngram Viewer мы можем увидеть некоторые особенности процесса, выявленные в результате качественного анализа текстов.

²⁵ Cook 2019.

²⁶ Lepenies 2019: 85.

²⁷ Стиглиц, Сен, Фитусси 2015.

²⁸ Thompson 2019: 80.

Хотя работы Руссо и Маркса принято считать поворотным моментом в изучении неравенства, мы не видим заметного роста употребления понятия. Публикации «Рассуждений о происхождении неравенства» и «Капитала» находятся в общем тренде: Руссо – восходящем, Маркс – нисходящим (График 1). Это не отменяет значения их работ, напротив – подтверждает выводы о долговременном процессе изменения в подходах к неравенству. Действительно, мы видим рост употребления понятия в XVII в., усиливающийся во второй половине XVIII в. и достигший пика в начале XIX в. Это полностью совпадает с результатами качественного анализа, которые относят оформление неравенства как интеллектуальной проблемы и его экономическую концептуализацию к эпохе «двойной революции».

График 1. Динамика понятия неравенство (1500–2019, англ.)

Более примечательной является нисходящая динамика в XIX в. Здесь мы видим снижение частоты употребления понятия вплоть до 1910-х гг. (с незначительным подъёмом в 1830-е гг.). Восходящий тренд употребления начинается после I мировой войны и усиливается в к. 1950-х гг. Это позволяет предположить, что снижение интереса к проблеме было постепенным и обусловлено не только интеллектуальным наследием выявленных традиций, но и, возможно, общими экономико-политическими факторами. Возвращение неравенства в академическую повестку было менее резким, чем это принято считать. Частота употребления не является показателем уровня значимости проблемы напрямую, но отражает интеллектуальный контекст и демонстрирует нормализацию понятия. Стоит отметить, что вариативность использования понятия неравенство, отражающее его качественное усложнение, подтверждает хоть и не значительное, но устойчивое увеличение частотности употребления смежных понятий – гендерного, социального и т. д. неравенств (График 2).

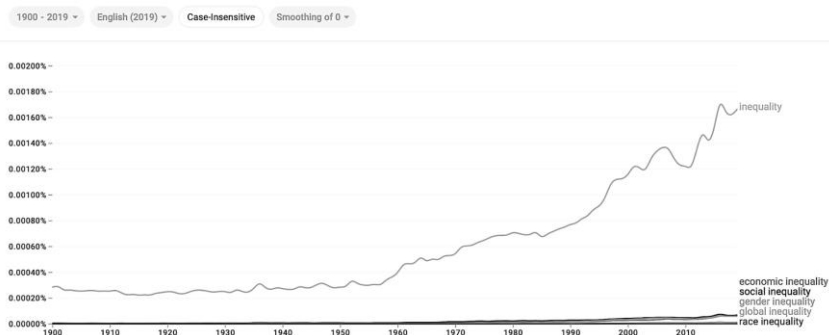

График 2. Динамика понятий смежных неравенств (1900–2019, англ.)

Процесс нормализации и усложнения можно представить нагляднее, рассмотрев динамику употребления слова во взаимосвязи с определяющими его понятиями (График 3). Первичность равенства как концепции по отношению к неравенству видна на протяжении всего временного ряда. Логично, что осмысления условий равенства определяют размышления о неравенстве. Политический аспект хорошо виден в противофазе динамики понятия справедливость. Будучи ключевым для политической и социальной философии со времен античности, справедливость теряет позиции по мере оформления языка современной науки, но со второй половины XX в. возвращается в академический дискурс (очевидно, не без влияния Дж. Роулза). Этот общий тренд на увеличение частотности также нужно рассмотреть в контексте политико-экономического развития. Сопоставление с понятием класс позволяет говорить об оформлении секулярного языка науки. Класс опережает справедливость по частоте употребления примерно на 20 лет раньше публикации «Капитала». Это подтверждает возможность использования частотности употребления понятий для анализа интеллектуальных трендов.

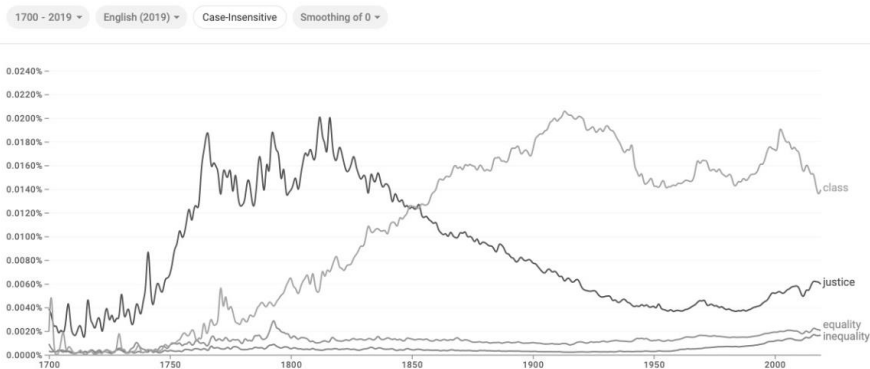

График 3. Динамика смежных неравенству понятий: равенство, справедливость, класс (1700–2019, англ.)

Сопоставление анализа историографии с частотой употребления подтверждает нормализацию понятия в академическом дискурсе в капиталистический период, однако два ключевых тезиса о маргинализации и возвращении (к. XX в.) требуют уточнения.

Понятие «неравенство» vs неравенство

Первая гипотеза, контекстуально объясняющая расхождения в частотности употребления понятия неравенства и заключений качественных исследований, должна быть связана с динамикой феномена. Можно предположить, что опережающая качественные изменения в осмыслении неравенства частота употребления связана с возрастанием уровня неравенства. Мы предлагаем соотнести частотность Ngram Viewer с двумя мейнстримными способами расчета показателей неравенства в исторической ретроспективе. Речь о моделях Б. Милановича и Т. Пикетти²⁹.

Миланович описывает три способа определения глобального экономического неравенства³⁰. В рамках первого можно исследовать неравенство между странами, игнорируя доходы индивидов и домохозяйств, рассчитывая средний доход и вычисляя коэффициент Джинни. Второй учитывает, что государства имеют разные группы населения. При первом методе подсчета каждая страна имеет одинаковый вес, а при втором – национальный доход рассчитывается относительно численности населения. Третий метод предполагает выход за пределы методологического национализма и все страновые расчеты экстраполируются на весь мир. Доходы или богатства домохозяйств классифицируются на основе выборки домохозяйств максимально доступного количества стран. Затем их делят на квинтили, децили, вентили или процентили, что позволяет отследить тенденции распределения. Именно этот способ Б. Миланович считает наиболее эффективным, несмотря на ограниченность данных³¹. Фактически Миланович предлагает отказаться от марксистской парадигмы классового (группового) понимания неравенства.

Т. Пикетти, как и Дж. Стиглиц, популяризировал долю богатейшего процента в совокупных доходах населения как способ измерения неравенства³². Подход Пикетти заключается в расчете соотношения национального богатства и национального дохода. Поскольку богатство представляет собой владение активами и само по себе не является производительным, тогда как доход – продукт, произведенный в текущем году, их соотношение показывает удельный вес собственности в текущей экономической деятельности. Фактически Пикетти экстраполирует этот метод в исторической ретроспективе, сохраняя оптику Маркса³³.

²⁹ Аргументом в пользу выбора моделей говорит положение авторов в рейтинге цитируемости (см. URL: <https://ideas.repec.org/top/top.person.dcities.html#pmi44>). Пикетти находится на 116 месте (с учетом времени), Миланович 1939 (опережая других специалистов по глобальному неравенству).

³⁰ Миланович 2017.

³¹ Там же: 24–70.

³² Пикетти 2016; Stiglitz 2012.

³³ Пикетти 2016; 2023; см. также: World Inequality Database: <https://wid.world/world/>

Необходимо отметить, что в экономической науке нет согласия о принципах подсчета неравенства. Как отмечает Р.И. Капелюшников «Экономическое неравенство – это не физический объект, к которому можно подойти с линейкой... Никакая оценка масштабов неравенства не может считаться “объективным фактом”. В нагрузку к фрагментам объективной информации мы всегда получаем громадный «мешок» с множеством условностей...»³⁴ Он также отмечает, что в специальном выпуске 2015 г. *Journal of Economic Inequality*, посвященном сравнительному анализу наиболее авторитетных международных баз данных по неравенству, не было и намека на согласие авторов³⁵. Тем не менее, именно предложенные методы подсчета, во-первых, составляют если не консенсус, то мейнстрим современного взгляда на динамику неравенства, а, во-вторых, в независимости от их корректности, составляют полюса методологической оптики авторов и влияют на их оценку интеллектуальной истории неравенства. Если мы наложим график частоты употребления понятия неравенство на расчеты Б. Милановича, опубликованные в конце 2022 г., по исторической динамике глобального неравенства³⁶, то на первый взгляд не увидим никакой связи (График 4).

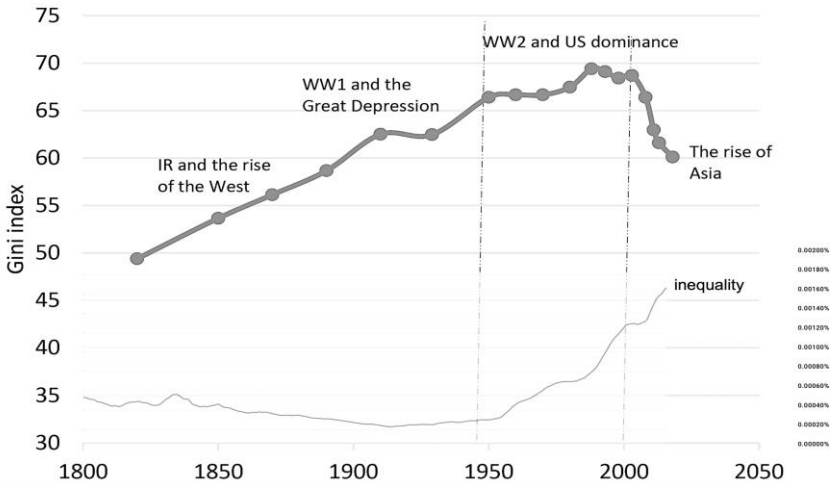

График 4. Динамика понятия неравенство и глобального неравенства (по данным Б. Милановича)

Хотя уровень глобального неравенства неуклонно рос с начала XIX в. вплоть до конца XX в., частота употребления, напротив, падала (если не считать некоторый всплеск перед «Весной народов»), а затем возрастала. То есть, как отмечает Б. Миланович, глобальное неравенство в период с 1820 по 2018 гг. прошло три этапа: в первый (до 1950-х) не-

³⁴ Капелюшников 2019: 7.

³⁵ Там же.

³⁶ Milanovic 2022.

равенство в уровне доходов возросло; второй (вторая половина XX в.) характеризовался наивысшим уровнем глобального неравенства, на третьем наблюдалось его снижение. Эту динамику он связывает с международным экономическим развитием. В первый период увеличение неравенства связано с «Великим расхождением» между индустриализирующимися странами Европы, Северной Америки, Японии и Китаем, Индией и Африкой, столкнувшимися с падением уровня доходов. Колонизация и связанные с ней процессы рассматриваются как ключевой объяснительный фактор³⁷. Существенный рост неравенства во второй половине XX в. Миланович объясняет увеличением количества стран и функционированием трех миров (развитых стран, советского и развивающихся). Тут стоит обратить внимание на концентрацию богатства в развитых странах после ВМВ, особенно в США.³⁸ Текущее падение неравенства на глобальном уровне он обосновывает ростом доходов в Азии, прежде всего Китая, и появлением глобального «среднего» класса.

По мере того, как индустриальный Запад концентрировал в своих руках основные плоды экономического роста, интеллектуально проблема неравенства рассматривалась в европейской науке преимущественно на уровне классовых различий и постепенно маргинализировалась, в т.ч. и на фоне «кривой Кузнеца»³⁹. Ощутимое возрастание с 1950-х гг. можно связать с политической повесткой, прежде всего с особенностями экономической политики. Наибольший интерес представляет пик интеллектуального интереса, совпадающий с третьим периодом. Часть данных была впервые опубликована Милановичем в 2013 г.⁴⁰ Исходный график, получивший название «кривая слона» или диаграмма Лакнера-Милановича, иллюстрирует что с 1988 по 2008 г. распределение прироста богатства в мире происходило неравномерно. В развивающихся странах резко возросли доходы среднего класса. Столь же стремительно увеличивались доходы элиты. Между тем, у низших слоев среднего класса в странах с развитой экономикой доходы не росли. Главное преимущество «кривой слона» в том, что она доходчиво объясняет одну из главных причин недовольства среднего класса в развитых странах, а также количественный рост частоты употребления понятия. Представители среднего класса развитых стран (включая основную массу интеллектуалов) заметили отсутствие роста благосостояния на фоне «глобального среднего класса» и богатейших людей мира. Таким образом, возвращение проблемы в академический дискурс можно связать с тем, что ее ощутили те, кто о ней пишет. В целом, Пикетти разделяет мнение Милановича и Аткинсона, хотя и отмечает, что это результат политических усилий и трансформации институтов⁴¹. Анализ данных о распределении дохода и собственности как составляющих богатства в рамках

³⁷ Аткинсон 2018; Пикетти 2023; Померанц 2017.

³⁸ Арриги 2006; Пикетти 2016; Пикетти 2023.

³⁹ Подробнее о неравенстве в XIX в. см. Памук, Занден 2012; Christiansen, Jensen 2019.

⁴⁰ Lakner, Milanovic 2013.

⁴¹ Пикетти 2023.

национального дохода в Европе и США в течение XX в. свидетельствует о том же ухудшении положения, что и «кривая слона». Пикетти указывает на сближение доходов 10% богатейших, 40% среднего класса и 50% беднейших в течение 3 первых третей XX в. Этому неравномерному сближению способствовали Первая и Вторая мировые войны.⁴² Однако, с 1970-х гг. динамика меняется. При наложении графика частотности употребления понятия неравенства на данные Пикетти мы видим, что по мере роста доходов среднего класса и беднейших в Европе и США до 1950 г. частота употребления снижается (График 5).

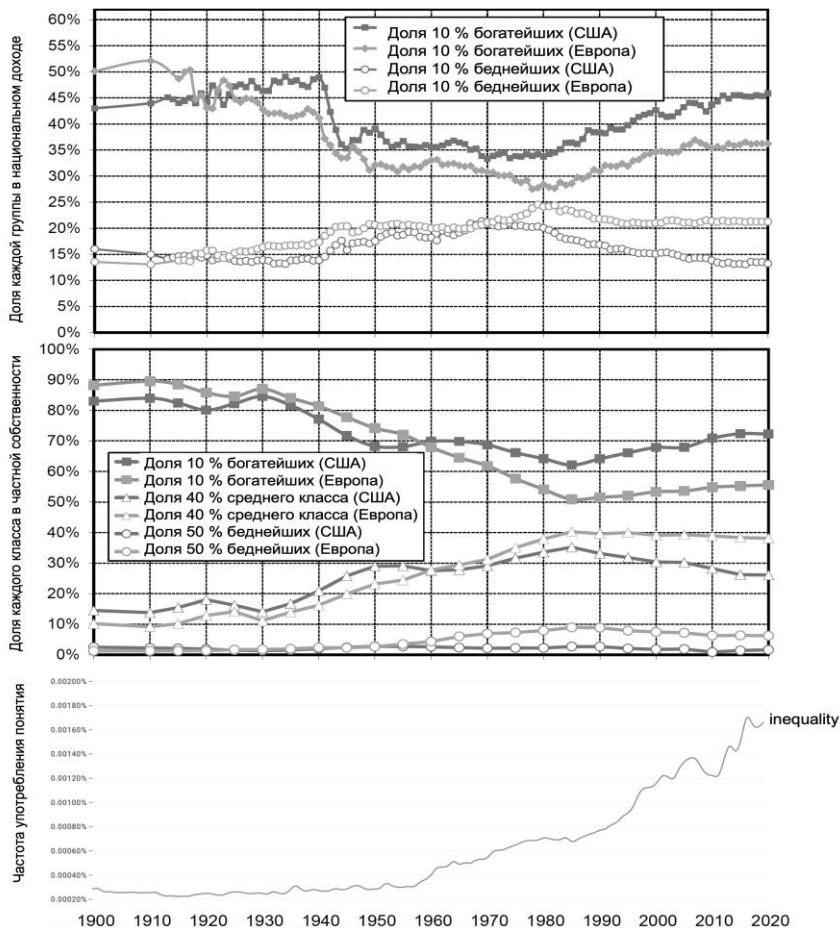

График 5. Динамика понятия неравенство и неравенства (по данным Т. Пикетти)

С середины XX в. происходит увеличение частотности, которое возрастает параллельно с расхождением доли доходов богатейших со

⁴² Там же; 235.

средним классом и беднейшими. Интересно, что частотность возрастает раньше, чем показатели неравенства. Очевидно, значительную роль сыграли последствия структурного экономического кризиса 1970-х гг. Мы видим снижение темпов возрастания доли доходов 40% среднего класса в США в 1955–1965 гг., что может объяснять возрастающий тренд частоты употребления понятия неравенство.

Сопоставление более длительных данных по Франции демонстрирует более сложную картину. Сокращение частоты употребления понятия неравенство в XIX в. (с учетом восходящих волн) совпадает с динамикой роста доли доходов богатейших людей Франции вплоть до конца Первой мировой войны. В то время как его снижение существенно опережает рост частотности. Это расхождение позволяет предположить, что помимо динамики неравенства в интеллектуальной истории важен и политический контекст (График 6).⁴³

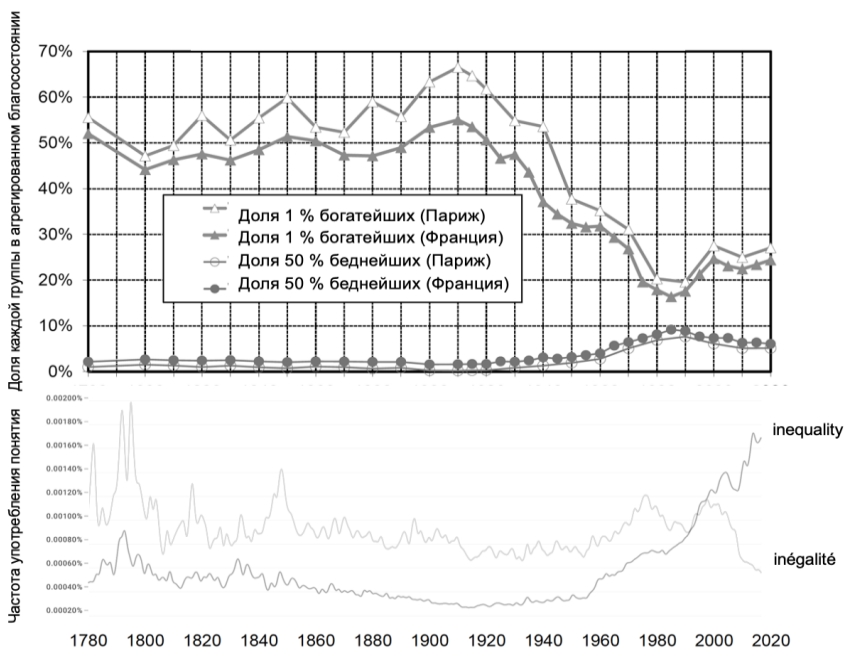

График 6. Динамика понятия неравенство и неравенства во Франции (по данным Т. Пикетти)

Данные по неравенству до XIX в. достаточно ограничены, в последующие два столетия исследователи выявляют разнонаправленную динамику. С одной стороны, глобальное неравенство после существенного

⁴³ Отметим, что, анализируя данные по США, из работы Т. Пикетти 2018 г., Г. Аутен и Д. Сплитнер пришли к выводу о том, что суммарные доходы 1% росли теми же темпами, что и у остальных групп населения. Р.И. Капелюшников связывает это с произвольными допущениями и неполным учетом налогов и трансфертов обеими командами. См.: Капелюшников 2019.

увеличения в период современного экономического роста, видимо, сокращается на фоне модернизации азиатских стран. С другой стороны, с последней трети XX в. доходы среднего класса в развитых странах не растут по сравнению формирующимся глобальным средним классом и с богатейшими. Контекстуальный анализ во многом объясняет почему в XIX в. неравенство осмысляется классово и понятие класса фактически вытесняет и неравенство, и справедливость. Увеличение глобального неравенства не вызывает серьезных интеллектуальных опасений в условиях колонизации и успехов современного экономического роста, тогда как временное усиление внутристранового неравенства осмысляется преимущественно в логике класса. Медленное возвращение неравенства в интеллектуальную повестку в XX в. стоит связать не только с рассмотренными выше интеллектуальными традициями, но и с достаточно медленным сближением распределения национальных доходов. Некоторое падение доли доходов среднего класса и беднейшего населения США в середине 1950-х отчасти объясняет увеличение внимания к проблеме неравенства и позволяет уточнить почему мы видели разрыв в динамике частотности и результатов анализа историографии. «Кривая слона» как и увеличение доли 1–10% богатейших на фоне сокращения благосостояния основной массы населения с 1980-х логично определяет превращение неравенства в мейнстрим.

Экономическая политика в борьбе за «неравенство»

Экономическая политика государств в XIX в. была достаточно ограниченной. По данным В. Танци и Л. Шукнехта, расходы государственного сектора в большинстве индустриальных стран составляли в среднем 10% ВВП⁴⁴. Видимо, немалую роль в этом сыграла позиция классических экономистов. Как отмечают Д. Богарт, М. Дрелизман, О. Гельдерблом и Ж.-Л. Розенталь, в 1700-1870-х гг. «значительно расширилась вовлеченность центральных властей в деятельность социальных и экономических институтов. <...> Неудивительно, что до 1800 г. везде и всюду в качестве главного инструмента политики... рассматривался рынок (развитие которого означало снижение степени раздробленности). В качестве средств решения этой задачи наравне с военными действиями использовались налоговые реформы, изменения законодательства и инфраструктурные инвестиции. Основным условием применения каждого из них была сильная исполнительная власть»⁴⁵.

Однако с конца XIX в. ситуация начала меняться. В XX в. мы можем наблюдать экспансию государства и расширение его экономического функционала. Так, с 1870 по 1998 гг. государственный сектор, измеряемый отношением общих государственных расходов к ВВП, в среднем вырос в группе развитых стран с 10% до 45%⁴⁶. Существенную роль в этом сыграла Первая мировая война. До 1914 г. большинство ев-

⁴⁴ Tanzi, Schuknecht 1997.

⁴⁵ Кембриджская экономическая история Т. 1. 2013: 158–159.

⁴⁶ The World 2000: 172.

ропейских экономик представляли собой модели рыночных экономик XIX в., в которых фактически отсутствовала политика социального обеспечения. После Первой мировой войны социальные институты и рынки труда подверглись перестройке. В результате доля заработной платы в национальном доходе заметно возросла⁴⁷. И если Пикетти оценивает эти изменения как существенный прорыв в борьбе с неравенством⁴⁸, то авторы Кембриджской экономической истории Европы отмечают негативные последствия формирования институтов.⁴⁹ Экономическое планирование, возникшее из-за дефицита в 1914–1919 гг., приобрело систематический характер. В условиях колебаний систематизируются попытки установить политический контроль над экономикой. В период между двумя мировыми войнами активная экономическая политика стала девизом политических сил. Для осуществления государственных интервенций создавались специальные структуры, многие из которых до сих пор сохраняют свое влияние⁵⁰. Политическое вмешательство подкреплялось развитием теории. Фактически, и теория, и политическая практика балансировали между безработицей и инфляцией.

Вторая мировая война, как отмечает Т. Пикетти, также способствовала сокращению неравенства.⁵¹ В послевоенные годы бюджеты развитых (и не только) государств возросли и это позволило государству оказывать более существенное влияние на уровень расходов. Монетарная и фискальная политика являются основными способами стабилизации цен, производства и занятости. В 1950–1960-х гг. в странах Запада использовались различные их комбинации. Если посмотреть на деятельность правительств европейских государств в XX в., то станет понятно, что главные цели в экономике определялись в основном политическими предпочтениями. Примеры тому правительство Ф. Франко или опыт «левого эксперимента» Ф. Миттерана. Политические предпочтения определяли покупательская ли способность валюты или стабильный уровень производства, и занятости являются главными целями⁵². От этого зависело какой уровень инфляции и экономической активности будет учитываться при принятии политического решения. Данная ситуация во многом была связана с изменением электоральной системы. Расширение и усложнение электората в течение XX в. заставляло партии и правительства часто, но не всегда успешно, подчинять экономические решения политической необходимости или выгоде. Это не значит, что баланс между экономической эффективностью и социальной справедливостью искусственный. В XX в. и экономическая теория, и политическая практика, и макроэкономические параметры, их объединяющие, способствовали тому, что экономическое неравенство

⁴⁷ Кембриджская экономическая история Т. 1. 2013: 242.

⁴⁸ Пикетти 2023.

⁴⁹ Кембриджская экономическая история Т. 1. 2013: 226–242.

⁵⁰ Там же: 224–225.

⁵¹ Пикетти 2023.

⁵² См. подробнее Кембриджская экономическая история Т. 2. 2013.

было отделено от экономической эффективности. Немаловажную роль в процессе расширения вмешательства государства играло и изменение параметров успешности. Если XIX в. был борьбой за богатство наций, то XX в. постепенно стал веком борьбы за благосостояние. Это отражалось в сдвигах в экономических параметрах оценки, но осмыслялось в параметрах благосостояния, а не неравенства.

После структурного экономического кризиса середины 1970-х – начала 1980-х гг. на первый взгляд наметилось сокращение вмешательства государства, и в 1990-х гг. установился неолиберальный консенсус. События 2008 г. его поколебали. Монетарная и фискальная политики остаются главными формами экономической политики государства, которое балансирует между экономической эффективностью и социальной справедливостью. Но теперь используется еще и понятие неравенства. В последние годы войну неравенству объявили едва ли не все мировые политики. Например, в своей инаугурационной речи об этом говорил Б. Обама.⁵³ Государственные, негосударственные, международные организации – от Oxfam до Human Development Report публикуют отчеты, в которых называют неравенство самой главной проблемой человечества.⁵⁴ По данным Pew Research, граждане разделяют это беспокойство.⁵⁵ Неравенство стало не только реальной проблемой, но и действенным политическим инструментом. В борьбе за избирателей политические силы создают дополнительный интеллектуальный контекст – в каком-то смысле заказ – на изучение неравенства. Это усиливает интерес к проблеме,⁵⁶ формируемой опасениями среднего класса, пока составляющего в развитых странах основную электоральную группу. Отчасти именно этим объясняется усложняющаяся динамика понимания неравенства – развитие гендерного, расового, исторического дискурсов.

Неравенство становилось политической проблемой довольно медленно. Анализ современной историографии позволяет говорить о том, что большая часть интеллектуальной истории неравенства была историей легитимации понятия. Причем даже по мере концептуализации понятия в экономическом смысле, начиная с XVI в., это была история изобретения оправдательных дискурсов.

Динамика частотности употребления понятия, как отражение интеллектуального контекста, подтверждает выводы качественного анализа текстов: неравенство начинает трансформироваться в текстах XVI в. и оформляется в течение XVIII в. Однако количественные данные указывают на то, что снижение академического интереса к неравенству начинается в XIX в., а его маргинализация в XX в. является продолжением данной тенденции. В равной степени частотность употребления указы-

⁵³ Obama 2013.

⁵⁴ Например, Human Development 2019; Inequality kills 2022.

⁵⁵ Poushter 2014; Poushter, Fagan, Gubbala 2022.

⁵⁶ Для подтверждения этого тезиса стоит обратить внимание на грантовую политику.

вает на возвращение неравенства в сферу общественного интереса существенно раньше «эффекта Пикетти» и даже публикаций Э. Аткинсона.

В историографии в качестве факторов, способствовавших «забвению» неравенства, называют «кривую Кузнеца», неоклассическую либеральную теорию, либеральную теорию, макроэкономические показатели и, в определенном смысле, марксистское наследие классового взгляда, поскольку они способствовали отделению в структуре аналитики экономической эффективности от экономического неравенства. Данные о неравенстве Б. Милановича и Т. Пикетти позволяют заключить, что в интеллектуальной истории проблема неравенства рассматривалась преимущественно на уровне классовых различий и постепенно маргинализировалась, в том числе и на фоне «кривой Кузнеца», пока развитые государства накапливали плоды экономического роста. Ощутимое возрастание интереса к проблеме с 1950-х гг. можно связать как с «кривой слона», так и данными Пикетти – по мере того как средний класс, включая интеллектуалов, начал ощущать сокращение своего благосостояния на фоне «глобального среднего класса» и богатейших людей мира, проблема неравенства выходила на первый план.

Расширение экономического функционала государства, его вторжение в экономику посредством монетарной и фискальных политик также повлияло на историю вопроса. Экономические решения правительств сильно зависели от их политических предпочтений, а расширение и усложнение электората заставляло партии и правительства еще больше подчинять экономические решения политической необходимости. Этот процесс, на наш взгляд, способствовал возникновению дополнительного запроса на осмысление неравенства «сверху» и усложнению семантического употребления неравенства.

Дискуссия о неравенстве, как и углубление наших представлений о ее внутренних интеллектуальных процессах, не только возвращает нас к дихотомии экономическая эффективность-социальная справедливость, но свидетельствует о возрождении справедливости как одного из центральных концептов политической философии и глобального блага в аристотелевском смысле.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аристотель. Никомахова этика. // Аристотель. Сочинения. / Пер. И.В. Брагинской. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 53–294. [Aristotle Nichomachean Ethics. // Aristotle Sochineniya. M.: Mysl, 1983. T. 4. S. 53-294].
- Арриги, Джованни. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. М.: Территория будущего, 2006. [Arrighi G. Dology dvadzatyi vek: Dengi, vlast i istoki nashego vremeni. M.: Territoriya buduschego. 2006].
- Аткинсон Э. Неравенство. Как с ним быть? / Пер. с англ. О. Левченко; под науч. ред. М. Добряковой. М.: Дело. 2018. [Atkinson A. Neravenstvo. Kak s nim byt? M.: Delo. 2018].
- Капелюшников Р.И. Экономическое неравенство – вселенское зло? / Препринт WP3/2019/01 / Сер. WP3. Проблемы рынка труда. [Kapelyushnikov R.I. Economicheskoe neravenstvo – vselenskoe zlo? / Preprint WP3/2019/01 / Seria WP3. Problemy rynka truda]. URL: https://wp.hse.ru/data/2018/12/27/1143198178/WP3_2019_01_f.pdf
- Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. / Общ. ред. С.К. Цатуровой. М.: «Прогресс», 2001. [Le Goff J. Srednevekovi mir voobrajaemogo. M.: Progress, 2001].

- Маркс К. Капитал. М.: Гос. изд. полит. лит-ры, 1952. Т. 1. Гл. 24. С. 718–721. [Marx K. Capital. M.: Gos. izd. polit. lit-ry, 1952, T. 1. Gl. 24. S. 718-721].
- Миланович Б. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации / пер. с англ. Д. Шестакова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. [Milanovic B. Globalnoe neravenstvo. Novyi podhod dlya ehohi globalizatsii. Global Inequality. M.: Izd. Inst. Gaidara. 2017].
- Моретти Ф. Дальнее чтение. / Пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука и А. Шели; под науч. ред. И. Кушнareвой. М.: Изд. института Гайдара, 2016. [Moretti F. Dalnee chtenie. M.: Izd. Inst. Gaidara. 2016].
- Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. В 2 Т. Том 1: 1700–1870 / пер. с англ. Ю. Каптуревского; Том 2: 1870–наши дни / пер. с англ. Н. Эдельмана; под ред. Т. Дробышевской. М.: Изд-во Инс. Гайдара, 2013. [Cambridzskaiya ekonomicheskaya istoria Evropy Novogo I Noveyshego vremeni. V 2 T. Tom 1: 1700-1870; Tom 2: 1870-nashy dni. M.: Izd. Inst. Gaidara. 2013].
- Пикетти Т. Капитал в XXI веке. / Пер. с фр. А. М Дунаев.: Ad Marginem. 2017. [Piketty T. Capital v XXI v. M.: Ad Marginem. 2017].
- Пикетти Т. Краткая история неравенства. / Пер. с фр. В.М. Липки; науч. ред. А. Павлов. АСТ, 2023. [Piketty T. Kratkaiya istoria neravenstva. M.: АСТ, 2023].
- Померанц К: Великое расхождение. Китай, Европа и создание современной мировой экономики. / Пер. с англ. Матвеевко А.; под науч. ред. Володина А.Ю. М.: Дело, 2017. [Pomeranz K. The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy. Princeton, NJ: Princeton U.P., 2000].
- Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2008. Вып. 25 (I). С. 5–11. [Repina L.P. Contexty intellektualnoy istorii // Dialog so vremenem. 2008. Vyp. 25 (I). S. 5-11.]
- Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. / Пер. с фр. А.Д. Хаютина. М.: Наука, 1969. С. 31–108 [Rousseau J.-J. Rassuzhdeniy o proishkozhenii I osnovaniyah neravenstva mezdu ludmi // Rousseau J.-J. Traktaty. M.: Nauka, 1969. S. 31-108].
- Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социально-го прогресса / пер. с англ. И. Кушнareвой; науч. ред. Т. Дробышевская. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. [Stiglitz D., Sen A., Fitoussi J.-P. Neverno otzenivaya nashu zhizn: Pochemu VVP ne imeet smysla? M.: Izd-vo Inst. Gaidara. 2015].
- Alacevich M., Soci A. Inequality: a Short History. Washington: Brookings Institution Press. 2018.
- Alfani G., Frigeni R. Inequality (Un)perceived: The Emergence of a Discourse on Economic Inequality from the Middle Ages to the Age of Revolution. // The Journal of European Economic History. Vol. 1. 2016. P. 21–66.
- Aquinas, Thomas. Commentary on Aristotle's Politics // Tr. by R.J. Regan. Indianapolis, IN: Hackett Publishing, 2007.
- Atkinson A. The Economics of Inequality. L.: Clarendon Press, Oxford University Press, 1975.
- Beck U. Re-mapping Social Inequalities in an Age of Climate Change: For a Cosmopolitan Renewal of Sociology // Global Networks. Vol. 10, no. 2. 2010. P. 165–181.
- Christiansen C.O., Jensen S.L.B. Histories of Global Inequality: Introduction // Histories of Global Inequality. New Perspectives. Ed. C.O. Christiansen, S.L.B. Jensen. London: Palgrave Macmillan, 2019. P. 1-32.
- Cook E. Historicizing Piketty: The Fall and Rise of Inequality Economics // Histories of Global Inequality. New Perspectives. Ed. C.O. Christiansen, S.L.B. Jensen. London: Palgrave Macmillan, 2019. P. 33-58.
- Google Books Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams/info>
- Gregory C. A Farewell to Arms: A Brief Economic History of the World. Princeton, NJ: U.P., 2007.
- Human Development Report 2019 // URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2019>.
- Inequality Kills. January 2022. // URL: <https://www.oxfam.org/en/research/inequality-kills>
- Jackson T. The New History of Old Inequality // Past & Present. 2023. V. 259, Iss. 1. P. 262–289.
- Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // American Economic Review. 1955. Vol. 45. P. 1–28.

- Lepenes P. Products Before People: How Inequality Was Sidelined by Gross National Product // Global Intellectual History. 2022. Special issue on Towards a Global Intellectual History of an Unequal World. P. 83-105.
- Lakner C, Milanovic B. Global Income Distribution: From the Fall of the Berlin Wall to the Great Recession. Policy Research Working Paper; No. 6719. 2013. URL: <http://hdl.handle.net/10986/16935>
- Milanovic B. The three eras of global inequality, 1820-2020 with the focus on the past thirty years // Stone center on socio-economic inequality. Working paper series. N 59.
- McClure J. The intellectual foundations of imperial concepts of inequality // Global Intellectual History. 2022. Special issue on Towards a Global Intellectual History of an Unequal World. P. 1-18.
- Mokyr J. A Culture of Growth: The Origins of the Modern Economy. Princeton: U.P., 2018.
- Obama Inaugural Address, 21 January 2013, paragraph 20 // URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/realitycheck/the_press_office/President_Barack_Obamas_Inaugural_Address#:~:text=On%20this%20day%2C%20we%20gather,We%20remain%20a%20young%20nation.
- Poushter J. What is the greatest threat to the world? Depends on where you live. 16 October 2014. // URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2014/10/16/what-is-the-greatest-threat-to-the-world-depends-on-where-you-live/> (время доступа 20.05.2023).
- Poushter J., Fagan M., Gubbala S. Climate Change Remains Top Global Threat Across 19-Country Survey. People see UN favorably and believe 'common values' are more important for bringing nations together than 'common problems' 31 August 2022 // URL: https://www.pewresearch.org/global/wp-content/uploads/sites/2/2022/08/PG_2022.08.31_Global-Threats_FINAL.pdf
- Sparavigna A.C., Marazzato R. Using Google Ngram Viewer for Scientific Referencing and History of Science. 2015. URL: <https://arxiv.org/abs/1512.01364>
- Stiglitz J. The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future. N.Y. W.W. Norton. 2012.
- Stuurman S. The Invention of Humanity: Equality and Cultural Difference in World History. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2017.
- Tanzi V., Schuknecht L. Reconsidering the Fiscal Role of the Government: The International Perspective // The American Economic Review. 1997. May. P. 164-168.
- The world economy in the twentieth century: Striking developments and policy lessons / World economic outlook (International Monetary Fund). 2000 // URL: <https://www.elibrary.imf.org/display/book/9781557759368/front-1.xml>
- Wisman J.D., Smith J.F. Legitimizing Inequality: Fooling Most of the People All of the Time // American Journal of Economics and Sociology. 2011. Vol. 70, no. 4. P. 974-1013.

Климова Галина Сергеевна, кандидат исторических наук, и.о. зав. кафедрой политологии и политического управления, факультет политических исследований ИОН РАНХуГС; klimova-gs@ranepa.ru

Демиденко Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, декан, факультет политических исследований ИОН РАНХуГС; demidenko-sv@ranepa.ru

The Intellectual History of Inequality as a Political Issue

The article is devoted to the concept of inequality within intellectual history approaches. The research is focused on the transformation of the phenomenon from a moral and ethical problem into a political one. Based on the study of, A section of key academic ideas about the evolution of the concept of inequality and its interpretations in different historical eras has been formed on the basement of the variable sources and data. Special attention is also paid to the description of the historical context, the characteristics of the social environment (socio-political, economic), which influenced the change of the inequality discourse. The analysis was carried out using advanced methods of working with scientific information, including mathematical and computer technologies.

Keywords: *inequality, equality, justice, historiography, social classes, Ngram Viewer.*

Galina S. Klimova, PhD (History), Acting head Department of Political Science and Political Management of the Faculty of Political Research, ISS RANEPА; klimova-gs@ranepa.ru

Sergey V. Demidenko, PhD (History), Dean of the Faculty of Political Research, ISS RANEPА; demidenko-sv@ranepa.ru

СОЗДАТЕЛИ ЭПОХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ П.Я. ЧААДАЕВ И МЫСЛИТЕЛИ БЕНГАЛЬСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Автор сопоставляет П.Я. Чаадаева и мыслителей Бенгальского Возрождения в свете особой роли, сыгранной ими в интеллектуальной истории их стран в контексте модернизационных трансформаций России и Индии XIX века. Их сходство определяется в терминах М. Бубера как родство «проблематичных мыслителей» и их «философий кризиса». Мыслители ощутили трансформирующийся характер своего времени, осмыслили его как кризис в социальной, культурной и моральной областях и стали основателями философии кризиса. Последняя понимается как условный комплекс вопросов и ответов, обозначающих векторы мысли и её проблемные поля. Как П. Чаадаев, так и бенгальские интеллектуалы поднимали вопросы о духовном, моральном и социальном состоянии обществ, о подлинной сути религии, о традициях, истории, социальном устройстве и цивилизационном облике своих стран, о путях и методах возрождения народа в сложившейся ситуации. Появление философий кризиса проблематизирует сознание российского и индийского обществ и порождает эпохи. П. Чаадаев положил начало эпохе религиозной и социальной мысли, решающей фундаментальные проблемы бытия народа и российского общества в мире. Бенгальские мыслители от Раммохана Рая до Рабиндраната Тагора, анализируя проблемы бытия Индии в мире и в истории, создали эпоху национально-культурного ренессанса.

Ключевые слова: интеллектуальная история, П.Я. Чаадаев, Бенгальское Возрождение, философия кризиса, социальная мысль, Новое время, Россия, Индия.

В 1836 г. в № 15 российского журнала «Телескоп» появилось знаменитое первое «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева с констатацией и попыткой анализа «того печального положения вещей, которому подчинены у нас сердца и умы всех вообще»¹. И словно в ответ русскому единомышленнику в лекции «О природе и важности исторических исследований» индийского учёного, христианского священника и общественного деятеля Кришномохана Банерджи прозвучало: «Мы никоим образом не можем удовлетвориться существующим положением дел. Нам жаль, что нас окружают столь несчастные и деградирующие соотечественники, и мы желали бы гордиться более мудрыми и совершенными умами и вдохновляться стойким гражданским духом»². Оба мыслителя осознали сложность состояния, в котором находились их общества, оказавшиеся перед необходимостью выбора дальнейшего пути развития и одновременно преодоления множественных барьеров, накопленных за века жизни традиционного социума. Их роднит общее ощущение кризиса – духовного, морального, социального, интеллектуального, – что побуждает поднимать острые и сложные вопросы и пытаться дать на них ответ – иной раз столь же нелюбезный, сколь и полный горечи.

Чаадаев сформулировал свои вопросы о родной стране ещё в 1829–1831 гг. в восьми «Философических письмах» (ФП); из них только одно

¹ Чаадаев 1989: 15.

² Chattopadhyaya 1965: 22.

увидело свет; ответами и последующими разъяснениями своей позиции и философии вызвал серьёзное движение общественной мысли России и дискуссии, давшие импульс становлению понимания обществом самого себя, своей истории, настоящего и перспектив будущего. И в то же самое время на субконтиненте, чья история столь часто будит у интеллектуалов желание сравнений с Россией³, а душевный склад и культура вызывают живой интерес, – в Индии начались и развивались духовные, интеллектуальные и социальные процессы, которые и сами участники, и первые их исследователи считали национально-культурным ренессансом. Поднятые вопросы вместе с ответами на них, темы и векторы мышления породили комплекс смыслов, замечательным образом перекликающихся со смыслами социальной философии Чаадаева.

Истоком Индийского Ренессанса XIX – начала XX вв. стали интеллектуальные и реформаторские движения в Бенгалии⁴. Начиная с инициатора большинства идей и сфер реформирования и развития, «отца современной Индии», философа и общественного деятеля Раммохана Рая (1772–1833), интеллектуалы постоянно размышляли о проблемах, необыкновенно похожих на те, которые в России ставил Чаадаев. Более того, прочтение текстов, созданных мыслителями эпохи по самым разным поводам, выявляет удивительное сходство их идей и высказываний с содержанием его трудов. Многолетняя работа с текстами Бенгальского Возрождения привела меня к убеждению, что если в России XIX в. философ с такой концентрированно выраженной и сообразной эпохе «философией кризиса» (М. Бубер) – один, то в Бенгалии каждый более или менее крупный интеллектуал фактически играет подобную роль – будь то в области религиозной мысли или мысли социальной. В Индии есть и личность, вполне сопоставимая с П. Чаадаевым по масштабу и глубине мысли и по значению для своей страны – Раммохан Рай. Так или иначе, нельзя не констатировать присутствие в бенгальских мыслителях вплоть до Р. Тагора, «чаадаевского начала». Острота, бескомпромиссность и беспощадность социальной критики бенгальцев живо вызывает ассоциации с содержанием текстов Чаадаева. При этом их позиции при выражении не наталкиваются на жёсткие барьеры цензуры, которая ограничивала резонанс от трудов их российского собрата по духу и мысли.

Речь идёт о типологическом сходстве интеллектуалов России и Индии XIX в., обусловленном особенностями личности, мышления и общественной проблематики в их трудах, не говоря уже о сходстве исторического контекста, которое уже было замечено, но без попытки обоснования. В 1928 г. бенгальский историк Джодунатх Шоркар, осмысливая Индийский Ренессанс, первым обратил внимание на сходство в размышлениях Р. Тагора «с движением, которое началось в России XIX в. – самый язык славянских лидеров повторяется у индийского поэта»⁵. Од-

³ См.: Серебряный 2003: 195–202.

⁴ См.: Скороходова 2008; Dasgupta 2011; 2012.

⁵ Sarkar 1944: 94.

нако историк не уточнил, что имел в виду период участия Тагора в политическом движении начала XX в., когда он отдал дань этнофильству на грани традиционализма⁶. Не углубляя этой мысли, Шоркар предложил в процитированных высказываниях П.Я. Чаадаева, где он описывал умонастроения славянофилов, заменить слово «Россия» словом «Индия», но без примерного сопоставления идей Тагора и Чаадаева. В российском востоковедении на сходство траекторий мышления (парадигм) Чаадаева и индийских философов обратил внимание Е.Б. Рашковский⁷.

Разумеется, термин «чаадаевское начало» исключительно условен для описания критического настроения бенгальской интеллектуальной элиты, но это не отменяет необходимости типологического сопоставления российского и бенгальских мыслителей как особого феномена в интеллектуальной истории периферийных Западу и незападных модернизирующихся стран, создающих проблемные поля мысли и деятельности для своих обществ. Если искать вышеназванному термину «деперсонализованную» замену, приложимую и к Чаадаеву, т.е. типологическую и экзистенциальную, то удачным будет понятие «проблематичный мыслитель». По мысли М. Бубера, он появляется в переломные эпохи «бездомности», когда человек во Вселенной ощущает себя одиноким и «проблематичным для самого себя», осмысливает ситуацию как кризис и работает над созданием нового образа мира⁸.

Такие эпохи случаются в истории философии, о чём Бубер писал подробно; но и истории цивилизаций знакомы подобные, но называемые по-разному периоды. Эпохой особого перелома оказывается в Новое время начало трансформации традиционных обществ под действием экономики, социальных институтов и культуры модернизированных западных стран. По разным траекториям и в разное время в него вступили периферийная Западу Российская империя – благодаря начатой Петром I государственной модернизации, и Индия – считая с установления власти Ост-Индской компании в Бенгалии и дальнейшего распространения её на другие регионы субконтинента. Привычная обустроенность – жизнь «во Вселенной как дома»⁹, отличающая существование традиционных обществ, несмотря на войны и междоусобицы, на активность автократических монархов, – расшатывается воздвигаемыми в этих цивилизациях новыми институтами – от рыночных и правовых до образовательных и научных. Традиционные институты, ценности и нормы, модели мышления и действия, приходя в соприкосновение с новыми, самим фактом несходства оказываются в кризисе, даже если субъекты власти принципиально не вмешиваются в традиционную социальную жизнь, а модернизационные процессы затрагивают лишь узкие слои элит. В этом смысле ситуации в Индии и России похожи, отличаясь нюансами, но совпадая

⁶ См.: Sarkar 1970: 153; Kopf 1979: 289–298.

⁷ Рашковский 1986: 115.

⁸ Бубер 1999: 218.

⁹ Там же. 211.

по содержанию. Британская администрация, строя Индийскую империю, предпочла невмешательство в привычную жизнь и социальную структуру¹⁰, только по-своему упорядочила её с помощью сконструированного представления о кастовой системе. При этом начался активный процесс формирования новой индийской элиты, созданной взаимодействием с британцами в экономической, правовой, образовательно-научной и культурной сферах, а массы народа (низкокастовые земледельцы и ремесленники) остались в прежнем положении, к которому добавились новые формы экономической зависимости. Российские самодержцы, владея крупнейшей сухопутной империей с внутренними колониями¹¹, начали процессы модернизации сверху, не озаботившись развитием её гражданского, «негосударственного» основания – рыночной экономики, и в неприкосновенности оставили крепостное право, более чем на полтора столетия законсервировавшее традиционность основной массы населения. Выгодами от элитарной модернизации могли воспользоваться только элиты – дворянское сословие, сохранявшее статус владельцев «крещёной собственности» (А.И. Герцен).

Именно из этих элит происходят «проблематичные мыслители» Нового времени России, Индии и иных стран Востока, – те, кому под силу ощутить одиночество и «бездомность», переломность эпохи и кризис, и осмыслить последний как требующий решения вместе с вариантами его преодоления и пути в будущее.

П.Я. Чаадаева с бенгальскими интеллектуалами от Раммохана Рая до Рабиндраната Тагора роднит особое качество «кросс-культурности» мышления: в личностном плане они формировались на перекрёстке культур; первый – Запада и России, которая этнически, лингвистически и культурно сродни народам Европы и связана с Западной цивилизацией, но в плане социально-организационном – внезападна во многих отношениях, в т.ч. континентальном¹². Бенгальские мыслители фундаментально связаны с Индией как частью восточного цивилизационного ареала; культурно и интеллектуально они формировались в особом пространстве Калькутты – колониального города, «окна» в Европу и Америку, места встречи и диалога культур Востока и Запада. Кросс-культурность мышления формируется на основе, с одной стороны, хорошей осведомлённости в родной традиции и социализации в своей культуре, а с другой – открытости Другому в лице Запада, его стран, народов, культур, вовлечённости в их понимание. Прекрасно известна широчайшая образованность П.Я. Чаадаева, взращённого в дворянской культуре и унаследовавшего как просветительские и научно-рационалистические воздействия, так и религиозные¹³. Такая же кросс-культурность – в фактах биографий бенгальцев: Р. Рай получил два традиционных образова-

¹⁰ Фергюсон 2013: 198–210.

¹¹ См.: Эткин 2010.

¹² Рашковский 1999: 133.

¹³ Каменский 1991: 10–11.

ния (мусульманское и санскритское), прежде чем начал осваивать западное наследие и языки. Кришномохан Банерджи наряду с блестящим английским образованием был знатоком санскрита и литературы на нём. Свами Вивекананда (Норендронатх Дотто, 1863–1902) помимо широчайшей образованности европейского типа углублённо изучал санскрит и священные тексты у традиционных пандитов. Рабиндранат Тагор, как и все дети семьи Тагоров из Джорашанко изучал санскрит с детства.

Благодаря кросс-культурности социализации и её среды в сознании интеллектуала обнаруживается два взаимосвязанных феномена – «Паломничество в страну Запада» (перефразированное выражение Г. Гессе)¹⁴ и «открытия» родной страны. Первый в виде реального или воображаемого путешествия в западное цивилизационно-географическое пространство формирует внутренний опыт восприятия и постижения Запада как Другого, значимого для себя, своей страны и культуры невзирая на отличия, а также опыт нахождения смысла и универсальности «поверх барьеров» (Б. Пастернак), разделяющих народы и цивилизации. Каждый «проблематичный мыслитель» эпохи запоздалой модернизации в периферийных ей странах – паломник в страну Запада. Если первое паломничество П. Чаадаева состоялось во время обучения в Московском университете как интеллектуальное, то второе, реальное он проделал от Бородина в 1812–1814 гг. как участник заграничного похода русской армии; и только в 1823–1826 гг. путешествовал по Англии, Франции, Швейцарии, Италии, Австрии и Германии. Первый бенгальский паломник на Запад – Раммохан Рай, начавший со стремления учиться в английском университете, освоения древних и новых языков Европы, её философии и наук в 1800-х гг. и завершивший поездкой в Англию в 1831–1833 гг. Какой бы вид ни принимало паломничество – интеллектуальный (группа «Молодая Бенгалия», Дебендронатх Тагор, Бонкимчондро Чоттопадхай и др.) или реальные поездки на Запад (Кешобчондро Сен, Ромешчондро Дотто, Сурендронатх Банерджи) и по всему миру (Свами Вивекананда, Р. Тагор), оно оборачивалось мощными интеллектуальными и практическими начинаниями¹⁵. Последние были вызваны к жизни другим феноменом сознания – открытием родной страны, которое становилось осознанным благодаря постижению Запада и на его фоне.

Открытие Своего – страны, культуры, народа, её истории, настоящего и будущего – свежее и осознанное восприятие родного и привычного, а также пребывавшего на периферии, но обнаруженного – вместе с постижением его особенности на фоне Другого и в сопоставлении с ним. «Философические письма» П. Чаадаева в этом свете можно назвать итогом его открытия России на фоне восхищения культурой, институтами и историей Европы, воплотившей речение Христовой молитвы *Adventiat Regnum Tuum*; он ищет и не находит в России подобий тому в истории и социальности и пишет (в письме А.И. Тургеневу 1 мая 1835 г.), что «лю-

¹⁴ Рашковский 1990: 66.

¹⁵ См.: Скороходова 2022: 107–158.

бил в своей стране лишь её будущее»¹⁶. То «открытие Индии» (Дж. Неру), которое совершили бенгальцы, начиная с Р. Рая, впервые приложившего это «внешнее» имя к субконтиненту и наметившего взгляд на её историю, воплотилось в масштабном корпусе его трудов и реформаторской практике, а также в появлении особого образа Индии, прекрасной в своих лучших проявлениях и готовой потенциально не только преодолеть свои трудности, но и быть полезной всему миру¹⁷.

«Проблематичных мыслителей» роднит общая личностная позиция в социуме, в котором они выступают «возмутителями спокойствия» (А.Дж. Тойнби), поднимая вопросы и темы, прежде бывшие на периферии общественного сознания, или воспринимавшиеся как привычные, а с момента выступления интеллектуала становились предметом споров. Эта позиция активного субъекта, берущего на себя труд изменения ситуации теоретическим или практическим действием, создаёт «философию кризиса», где настоящее состояние общества полагается объяснить (обращением к прошлому и сравнением с другими), беспристрастно выявить все недостатки и пороки и начать их преодолевать по мере сил, имея перед собой и некоторый положительный образ будущего.

Ключевой пункт, или сердцевина этой философии – критическая оценка современности в её объективном сочетании позитивных и негативных качеств – с позиций открытия правды, выяснения истины. «Скажите мне, где та идея, которую мы развиваем? Что мы открыли, выдумали, создали? Поэтому... нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое, выйти из лжи и утвердиться в истине», – пишет Чаадаев А.И. Тургеневу¹⁸. Этот призыв пронизывает все «Письма». О самопонимании и осознании истинного положения вещей, о постижении страны в её реальном состоянии говорят многие; эта мысль многократно высказана в публицистике Р. Тагора: «Мы живём в Индии, но почти ничего не знаем о ней! И это мешает нам по-настоящему служить своей родине»¹⁹. Его выступление 1912 г. резонирует с мыслями Чаадаева: «Нам нужно ясно понять, где наше место и куда мы идем. Даже если эта истина окажется нелёгкой, нам всё равно нужно её знать. До сих пор мы во имя ложного спокойствия старательно занимались самообманом, пытаясь закрыть глаза на собственные страдания. Совершенно неверным является утверждение, будто наше индийское общество может сделать очень много для того, чтобы привить человеку человеческие качества. Это – мнение, которое на каждом шагу опровергает себя»²⁰.

Общая интенция – не только открытие истины, но и исполнение долга перед страной. Знаменитый афоризм П. Чаадаева о том, что предпочтительнее «бичевать свою родину, ...огорчать её, ...унижать её, только бы её не обманывать» (107), сопряжённый с другим – о любви к

¹⁶ Чаадаев 1989: 373.

¹⁷ См.: Скороходова 2022: 160–206.

¹⁸ Чаадаев 1989: 379.

¹⁹ Тагор 1961: 103–104.

²⁰ Тагор 1957: 396.

своему отечеству «в его интересах, а не в своих собственных» (152)²¹ – в полной мере приложимы к бенгальским мыслителям и реформаторам XIX–начала XX в. Раммохан Рай первым заговорил о своей осознанной ответственности: «Чувство долга, которое один человек испытывает в отношении другого, побуждает меня сделать всё, что в моих силах, чтобы избавить их (соотечественников. – Т.С.) от обмана и рабства и содействовать их утешению и счастью»²². Это сознание пронизывает эпоху, повторяясь в разных контекстах, например, в политическом, когда Сурендронатх Банерджи говорит о желании бенгальцев распространить обретенные истины («свет, который в нас пребывает») по всей Индии, дабы прогнать «прочь эту киммерийскую тьму, которая поглотила интеллектуальную и моральную атмосферу этой великой страны»²³.

Однако в большинстве случаев такая позиция и тем более реальное действие вызывают сопротивление и отторжение большинства. Неудивительно уподобление у Герцена первого «Философического письма» Чаадаева «выстрелу, раздавшемуся в тёмную ночь»: «...тонуло ли что и возвещало свою гибель, был ли это сигнал, зов на помощь, весть об утре или о том, что его не будет, – всё равно, надобно было проснуться»²⁴. Современник говорит о потрясении «всей мыслящей России от письма», как и о возмущении самодержавной власти и ретроградов всех мастей («большинство оскорблено»)²⁵. Похожая реакция наблюдалась в Бенгалии на тексты и реформаторские кампании Р. Райа – ортодоксы-индуисты были убеждены, что он «нападает на нашу религию», «публично оскорбляет нас и пишет пасквилы против нашей религии»²⁶.

Есть лишь одно серьёзное отличие Чаадаева от его бенгальских современников: он только философ, теоретик, открывающий темы и векторы мышления, дающий новый импульс культуротворческим процессам, тогда как бенгальские интеллектуалы обычно не ограничиваются сферой мысли и нередко приходят к ней от общественной деятельности или от творческих занятий. Пожалуй, только Раммохан Рай сначала заявил о себе как о неортодоксальном мыслителе, который, вопреки традиционному для Индии равнодушию к осмыслению социальной жизни вдруг поднял острые вопросы о духовном, моральном и социальном состоянии индуистов и быстро стал реформатором, правозащитником и просветителем, стараясь провести свои идеи в жизнь. Многие носители «чаадаевского начала» в Бенгалии – журналисты и учёные (как младобенгальцы – ученики поэта и просветителя Г.В.Л. Дерозио), реформаторы (как Ишшорчондро Биддешагор и Кешобчондро Сен), писатели и учёные (как Бонкимчондро Чоттопаддхай и Бхудеб Мукхопаддхай). В начале XX века звучали мощные критические выступления учёного-

²¹ Чаадаев 1989: 172, 183.

²² Roy 1982: Vol. I: 116.

²³ Banerjea [n. d.]: 226.

²⁴ Герцен 1987: 375.

²⁵ Там же: 376.

²⁶ Singh 1957: 126.

химика Профуллочондро Рая, актуализировавшего социально-критическую проблематику. Тогда же Рабиндранат Тагор высказывает идеи, по уровню и содержанию сопоставимые с чаадаевской мыслью.

Отличались только условия интеллектуальной деятельности и её восприятия – не в пользу России. Чаадаев творил в «мертвенную николаевскую эпоху, когда так важно было даже просто устоять, сохранить личность, самостоятельность суждений, а уж тем более суждений, существенно отличающихся от хора угодливых голосов»²⁷. Самый «золотой век русской культуры» в николаевской России был не «благодаря», а скорее «вопреки». Неудивительно, что Чаадаев был объявлен сумасшедшим, так как, по его собственным словам, власти российской свойственно было «преследовать не поступок автора, а его мнения»²⁸. В Бенгалии исходящая от новых интеллектуалов социальная критика уязвляла и индуистов-ортодоксов, и традиционалистов, и колониальную власть. Первые доходили до угроз убийством Раммохану Раю, который вёл кампанию за запрет сожжения вдов (*sati*) и буквально рисковал жизнью после его запрета при У. Бентинке (1829). Травле и ostracismу ортодоксов во время своей кампании за замужество вдов подвергся реформатор Ишшорчондро Биддешагор. Британские власти в Индии остро реагировали на бенгальскую критику экономических условий и форм эксплуатации социальных низов, ограничений прав индийских подданных, но никого не объявили сумасшедшим, не преследовали в уголовном порядке за убеждения и имели мужество не просто выслушивать нелицеприятную критику, но и идти на уступки в наиболее одиозных ситуациях. Самых критиков ценили по достоинству во властных кругах ситуации, а также власти и общественность метрополии: пример тому – Раммохан Рай, оказавший влияние на общество не только своей страны, но и викторианской Англии²⁹. Их награждали почётными званиями, как Бонкимчондро Чоттопадхая, и присваивали рыцарские титулы, как Р. Тагору³⁰.

Парадоксально, но активная субъектная позиция проблематичного мыслителя создавала особую экзистенциальную ситуацию его одиночества. Последнюю М. Бубер назвал отправным пунктом его становления и одновременно условие того, чтобы увидеть «за своими собственными проблемами – общечеловеческую проблематику»³¹. В бенгальском обществе отправной точкой часто было отчуждение от ближайшего традиционного окружения, включая семьи. Из-за веры в единого Бога и отказа следовать вишнуитской обрядности как «идолопоклонству» в юности начался конфликт Раммохана Рая с родителями, и его одиночество создало пространство свободы мышления и действия и привлекало единомышленников. Отчуждение от традиционных семей и конфликты пере-

²⁷ Рашковский, Хорос 1988: 111.

²⁸ Чаадаев 1989: 398.

²⁹ См.: Zastoupil 2010.

³⁰ От титула баронета Р. Тагор отказался в знак протеста против расстрела мирной демонстрации в Амритсаре (1919).

³¹ Бубер 1999: 210.

жили ученики Г. Дерозии; примеры можно продолжать. Мысля и действуя вразрез с традиционным обществом, бенгальские интеллектуалы им отторгаются; однако и статусно подобные им европейски образованные элиты (*бходролок*) тоже не спешили признавать новые идеи и инициативы. Неудивительно, что Нирад Чоудхури пишет обо всех мыслителях Индийского Ренессанса от Рая до Тагора как об «отчуждённых, Дантовых фигурах»: и они, и их идеи ещё при жизни были «непопулярны, недооценены, осмеяны и оклеветаны», что заведомо ставило их в позицию «постоянной защиты от нападков»³². Ситуация одиночества хорошо известна и по воспоминаниям современников Чаадаева. Герцен оставил описание его «печальной и самобытной фигуры» в свете, посреди «мишурной знати, ветреных сенаторов, седых повес и почётного ничтоже-ства», и одновременно подчеркнул его влияние, объясняемое «невольным сознанием, что мысль стала мощью, имела своё почётное место, вопреки высочайшему повелению»³³. Название его статьи «Апология сумасшедшего» примечательно позицией *защиты*, которую он занял ради подтверждения и утверждения высказанных идей. Она роднит Чаадаева с бенгальцами, у которых немало подобных текстов – начиная с Раммохана Рая («В защиту индуистского теизма», «Обращения к христианской общественности в защиту “Заповедей Иисуса”» и др.). Они защищают не только свои идеи, но и (как реформаторы и просветители) интересы и права разных групп и слоёв населения – женщин, крестьян, детей.

«Философия кризиса», которую создают «проблематичные мыслители» России и Индии, – условное обозначение комплекса вопросов, определяющих векторы размышления, и попыток ответа на них, которые создают темы с соответствующими проблемными полями. Так формируется эпоха интеллектуальной истории.

Первым по значению для развития мысли и практик представляется вопрос о духовном состоянии общества, объединяющий проблему подлинного содержания религии и проблему моральной жизни. Реальность воспринимается как «печальная действительность»³⁴, «нищета и упадок»³⁵ и т.п. из-за общего состояния духовной жизни, связанной в России – с христианством, в Индии – с индуизмом.

В 1ФП Чаадаев называет «слабость наших верований или недостаток нашего вероучения» и связывает этот факт с историческим выбором «византийской» вероисповедной традиции, из-за которого люди «были отторгнуты от общей семьи» христианских народов Европы, единства и всеобщего братства, как и от их духовного и социального опыта³⁶. «Хотя мы и христиане, не для нас созрели плоды христианства», – заявил он, имея в виду как человеческие и моральные качества, придаваемые

³² Chaudhuri 2003: 577.

³³ Герцен 1987: 377, 378.

³⁴ Чаадаев 1989: 35.

³⁵ Banerjee 1970: 226.

³⁶ Чаадаев 1989: 26.

людям религий, так и производные от неё социальные качества и знания³⁷. Отсюда возникает его императив освоения подлинного духа христианства вместе с воплощением его в нравственной и социальной жизни: «Необходимо стремиться всеми способами оживить наши верования и дать нам воистину христианский импульс»³⁸. Понимание внутренней духовной жизни и религиозных убеждений как источника внешних цивилизационно-культурных и социальных благ и проблем, а также убеждение в универсальности истин христианства и его вселенском предназначении формируют у Чаадаева вектор поиска путей духовного возрождения и развития нравственности, коль скоро народы действительно желают преодолеть свой упадок и тем более – принести пользу человечеству. Начать он предлагает с выработкой «домашней нравственности народов», «научиться знать и оценивать самих себя, ...знать свои недостатки и свои добродетели; они должны научиться раскаиваться в ошибках и преступлениях, ими совершённых, исправлять совершённое ими зло, упорствовать в добре, по пути которого они идут»³⁹. Так создается проблемное поле этической мысли в русской философии.

В Индии бенгальские интеллектуалы тоже ставят вопрос о духовном состоянии индуистской общины, в которой ритуал, правила и ограничения, «буква» религии давно и прочно заслонили живую веру и знание о Высшем начале. Ситуация осложнена вопросом об объекте веры: пуранический индуизм политеистичен, и почитание его богов на фоне других религий – христианства и ислама – требует особого осмысления. В начале XIX века вопрос о духовном кризисе поднял Раммохан Рай, увидевший его истоки в забвении монотеизма, заданного в священных книгах Вед (в Упанишадах) и в исторически сложившемся почитании множества богов и богинь, поощряемом брахманами. Духовная жизнь индуистов фактически выродилась в идолопоклонство, разрушающее моральное чувство и «жизненные удобства», и «вредное для общественной структуры». Правила, ограничения и предписания, в т. ч. кастовые, ввергают индуистов «в полную изоляцию от остального мира и также друг от друга и в постоянные неудобства и страдания»⁴⁰. Моральная жизнь индуистской общины, по мысли Р. Рая, совершенно искажена из-за ритуальных и кастовых предписаний – люди не только пассивны, разобщены и безынициативны⁴¹, но и полностью заменили исполнение моральных норм соблюдением запретов и требований ритуальной чистоты: нарушения их страшнее преступлений⁴². Вернуть веру в Единого Бога означало для Р. Рая вернуть «чистейшие принципы морали», золотое правило нравственности; но при этом пользу должно принести не

³⁷ Там же. 27.

³⁸ Там же. 29.

³⁹ Там же. 96.

⁴⁰ Roy 1982: Vol. I: 119.

⁴¹ Ibid. Vol. IV: 929–930.

⁴² Ibid. Vol. I: 74.

только обращение к текстам священных книг, но и к этическим и религиозным заповедям, данным Христом в Евангелиях, поскольку они универсальны для всех, чтобы «произвести желательное воздействие на совершенствование сердец и умов людей различных вероисповеданий и разных уровней понимания»⁴³. Младший современник Р. Рая Кришномохан Банерджи считал, что преодоление духовного, морального и социального упадка лежит для Индии только на пути освоения истин и принципов христианства – ведь оно «предоставляет... готовое решение проблем, над которыми так долго бились умы ваших предшественников»⁴⁴. По его мнению, ведийские мудрецы только подошли к идеям Откровения Бога человеку и жертвоприношения, но не проникли в их смысл, открытый Христом.

Императив возрождения как духовного и морального преобразования пронизывает выступления общественных деятелей 2 половины XIX в. «От нравственного возрождения нашей страны... зависит её интеллектуальное, социальное и политическое возрождение»⁴⁵, – заявляет Сурендронатх Банерджи и предлагает возродить принципы, заповеданные Буддой, а также представленные в эпосах Махабхарата и Рамаяна, в т. ч. самопожертвование, правдивость, верность долгу и др. Вопросами этики глубоко озабочены и мыслители-неоиндуисты, отличающиеся от брахмоистов признанием всей полноты содержания индуизма и видящие в его культах ступени к Богу для верующих сообразно уровням их сознания. Так Вивекананда, различая и примиряя дух и внешние формы этой всеобъемлющей религии, является одним из самых последовательных критиков его наличного состояния. Из предпочтения формы происходят «главные проблемы» индуизма – сектантство, ведущее к растрате духовных сил, и фанатизм – приверженность догме и форме, неспособность к созиданию из-за вытеснения разума из жизни. С другой стороны, духовный упадок и оскудение, проистекшие из предпочтения формы и ритуала вере и этике, породили множественные пороки в обществе. На языке религии как «самом подходящем» для индуистов, Вивекананда говорит о насущных социальных преобразованиях, считая этику главным мотивирующим средством в борьбе с пороками, невежеством и бедностью: «Любите ли вы ближних? И куда устремляетесь в поисках Бога? Разве бедные, отверженные, слабые – не боги? Почему прежде всего не служить им?»⁴⁶.

С первым тесно связан другой вопрос – о социальном состоянии соотечественников, поднимающий проблемы укоренённости в традиции и открытости миру, отношения элит и народа, и общественного устройства. Чаадаев ставит его в I ФП как вопрос о привязанности к социально-географическому пространству и об упорядоченности жизни – опять же

⁴³ Ibid. Vol. II: 484.

⁴⁴ Philip (ed.) 1982: 173.

⁴⁵ Banerjee 1970: 241.

⁴⁶ Vivekananda 1998–2002: Vol. V: 51.

ради высоких целей «развития человеческого существа»⁴⁷. Корень проблемы социальной жизни в России он видит в отсутствии у неё строгой принадлежности к Западу или Востоку и, следовательно, к их традициям, из чего происходит общая текучесть и непостоянство жизни: «Все словно на перепутьи. Ни у кого нет определённого круга действия, нет ни на что добрых навыков, ни на что нет твёрдых правил, нет даже и домашнего очага, ничего такого, что бы привязывало, что пробуждало бы ваши симпатии, вашу любовь, ничего устойчивого, ничего постоянного...». В истории Чаадаев не находит периода формирования собственной традиции, подобной опыту других народов, – из-за веками длящейся изоляции от остального мира: «Выделенные по странной воле судьбы из общего движения человечества, не восприняли мы и традиционных идей человеческого рода»⁴⁸. Отсюда вопрос о преодолении этого привычного отвержения прогресса, отчуждённости от всемирного развития и освоении достижений цивилизации, добившейся наибольшего успеха в социальном развитии, т. е. Европы.

У Индии, принадлежащей Востоку, традиций, напротив, в избытке, и это на их авторитет ссылаются в дискуссиях по социальным вопросам не только новые бенгальские интеллектуалы, но и их оппоненты – ортодоксальные *пандиты* и традиционалисты. Первые склонны чётко определять, что именно относят к традиции, принимаемой за подлинную и потому наиболее авторитетную для *современности*. Так Р. Рай, понимавший традицию как созданную конкретным обществом для упорядочения действий и поведения людей⁴⁹, считал, что она, с одной стороны, не должна быть защищена от критики, а с другой – может быть аргументом в обосновании и преодолении социальных зол, – чему следовал сам. Его духовные наследники во всём многообразии накопленного социального опыта, норм и институтов за традицию принимали только *лучшее и сообразное человечности*. Здесь проблемой, тормозящей выход из состояния упадка, виделась власть традиции над людьми, особенно – власти обычая. Свами Вивекананда напрямую связал с нею традиционную закрытость индуистского сообщества: «На мой взгляд, единственной крупной причиной нашего упадка (downfall) и вырождения Индии явилось воздвижение стены обычая – чьим фундаментом была *ненависть* к другим – вокруг нации, и настоящей целью этой стены в древние времена было охранить индусов от контактов с окружающим буддийскими нациями. ...Этот неизбежный результат – подтверждение морального закона, гласящего, что никто не может ненавидеть других, не вырождаясь сам. ...Мы – живой урок попрания закона, который наши предки впервые открыли и распространили»⁵⁰. Его решение выдержано в общем духе социальной мысли эпохи: смелый отказ от всех окосте-

⁴⁷ Чаадаев 1989: 20.

⁴⁸ Там же: 19–20.

⁴⁹ Roy 1982: Vol. IV: 951–952.

⁵⁰ Vivekananda 1998–2002: Vol. III: 365.

невших установлений и ограничений, тормозящих прогресс, столь же смелое освоение достижений Запада, включая знание и технологии, и открытое взаимодействие со всем миром.

Отношение элит и народа – сердцевина проблемы общественного устройства, поднятой в русской и бенгальской мысли. У Чаадаева оно представлено как исторически сложившееся лидерство «известных сил, стоящих у вершин общества» – они размышляют, формируют сознание народа и приводят его в движение, тогда как «массы непосредственно не размышляют», в основном только чувствуют. В истории России он таких мудрецов не видит: «Кто из нас когда-либо думал, кто за нас думает теперь?»⁵¹. Отсюда фундаментальная проблема общественного устройства, сформулированная в последней статье, имитирующей текст французского журналиста: «вся история этого народа составляет сплошь один ряд последовательных отречений в пользу своих правителей»⁵², т.е. подчинение государству, замещающему собой всё – не только народ, но и мыслящие и действующие элиты. Отношения элит и народа в России Чаадаев с горечью описывает термином «рабство», имея в виду крепостное право, и пытается открыть причины «этой ужасной язвы, которая нас изводит»⁵³. Представитель высшей элиты России, Чаадаев вместе с другими интеллектуалами своей эпохи, включая будущих декабристов, пережил непосредственную встречу со своим народом во время Отечественной войны 1812 г., и его состояние, в т.ч. социально-правовое, было очевидным знаком общественного нездоровья, особенно на фоне исчезновения феодальной зависимости в Европе. Во 2ФП он не находит ответа, почему закрепощён и не освобождён *христианский русский народ*, а духовенство здесь не показало, как европейское, примера освобождения собственных крепостных: «Пусть православная церковь объяснит это явление»⁵⁴. Незадолго до кончины философ отметил исключительность «русского рабства» как вытекающего из внутренней жизни народа и пагубно влияющего на «классы, которым оно на первый взгляд выгодно». Отпечаток зависимости/рабства носит, по мысли Чаадаева, всё в России – от нравов и образования и до самой свободы⁵⁵. Уже при жизни Чаадаева развёртывалось решение этой проблемы, самим содержанием вводившей темы об исторической памяти и исторических судьбах, о возможности и основаниях современного развития и о будущем, о роли и месте России в истории и настоящем времени.

Изначально элитистски ориентированная культура Индийского субконтинента обусловила внимание бенгальских мыслителей к роли элит в своём обществе, оказавшемся в упадке. Именно на брахманские элиты, монополизировавшие знание и власть над духовной и социальной жизнью общины и подчинившие всех своему влиянию, брахман

⁵¹ Чаадаев 1989: 24.

⁵² Там же. 268.

⁵³ Там же. 40.

⁵⁴ Там же. 41.

⁵⁵ Там же: 271.

Раммохан Рай возложил ответственность за моральную и социальную деградацию индуистов. Этот мотив критики роли духовной элиты продолжается у всех – от К. Банерджи до Рабиндраната Тагора, который говорит об отчуждении, грозящем обществу и начавшемся с отчуждения элит от народа: «...С тех пор как брахман, чьей обязанностью было обогащать общество своим примером простой жизни, отбросил предписанную ему роль и спустился к общественным вратам, дабы занять пост надзирателя, – мы прекратили вносить свой вклад в мир и даже исказили и сделали бесполезным всё то, что у нас было»⁵⁶. Вместе с тем складывается элитистская модель преобразований, которые должны инициировать и направлять «здоровые просвещённые силы общества» (К. Банерджи)⁵⁷, т. к. народ не осознаёт и не понимает необходимости изменений. Эту модель встречаем у Вивекананды, говорящего об обязанности образованных слоёв перед массами: «Единственная служба (service), которую мы можем сослужить нашим низшим классам – это дать им образование, развивать их утраченную индивидуальность. Это великая задача взаимодействия между нашим народом и правителями»⁵⁸. В социальном опыте бенгальских интеллектуалов было и открытие собственного народа – по долгу службы чиновника в колониальном аппарате или же по роду научных занятий. В трудах, посвящённых жизни и проблемам крестьянства, был задан вектор защиты их прав от административного и экономического произвола; но в отличие от России, базовой проблемой общественной структуры здесь была не крепостная зависимость, а подчинение низших каст высшим и неприкасаемость. К. Банерджи видел в кастовой системе и других традиционных институтах реальный «барьер нашему выходу на более высокий уровень нашей цивилизации»⁵⁹. Критика кастовой системы составила значительную долю в общем проблемном поле мысли Бенгалии. Здесь особого упоминания заслуживает Профуллочондро Рай, связавший общий упадок социума, а с ним культуры и научного знания, с закреплением деспотической власти брахманов после их победы над буддизмом. Утверждение принципа ритуальной нечистоты занятий и запретов образовали масштабный слой низкокастовых групп, отсечённых от значимых областей жизни и возможностей социального роста, что сохраняется и в XX в.⁶⁰. Единственным выходом является устранение ограничений и установление «равных возможностей для роста и развития индусов и мусульман, высоких и низких, брахманов и париев»⁶¹.

Поднятые вопросы и темы – лишь самый краткий абрис философии кризиса, возникшей стараниями русского и бенгальских мыслителей. Однако даже краткое и неизбежно схематичное сравнение их идей

⁵⁶ Tagore 1961: 64.

⁵⁷ Chattopadhyaya 1965: 193–194.

⁵⁸ Vivekananda 1998–2002: Vol. III: 362.

⁵⁹ Chattopadhyaya 1965: 183.

⁶⁰ Ray (n. d.): 189, 194–195.

⁶¹ Ibid. 211.

и самого движения мысли, как и общественного настроения, отличающего их устремления, позволяют говорить о феномене создания эпохи.

Недаром З. А. Каменский назвал «Философические письма» Чаадаева «произведением поистине новаторским, делающим эпоху»⁶², что справедливо для всей его мысли, давшей импульс развитию русской философии и общественной дискуссии о перспективах страны. Созданная им эпоха – эпоха религиозной и социальной мысли, решающей фундаментальные проблемы бытия народа и общества России в мире, с одной стороны, устремлённом в современность, а с другой – с интересом и тревогой постигающем прошлое и не желающим терять с ним связь.

Ш. Шоркар писал о «созидающем эпоху значении жизненных трудов» Раммохана Рая⁶³, и он действительно был творцом Ренессанса в Бенгалии, и не только в интеллектуальной, но и в практической областях; вслед за ним эпоху творили его младшие современники и новые поколения духовных наследников. Бенгальские интеллектуалы от Р. Рая до Р. Тагора создали национально-культурный ренессанс – интеллектуальной и социотворческой, решая те же проблемы – бытия Индии, её народа с многотысячной историей и культурой, осознающего себя в мире Modernity и стоящего перед выбором дальнейшего пути.

Сопоставление «проблематичных мыслителей» России и Индии позволяют увидеть, что в интеллектуальной истории стран, находившихся в XIX в. на периферии модернизационных процессов, эпохи создаются благодаря появлению развёрнутой «философии кризиса». Интеллектуалы формируют её на основе адогматического восприятия и понимания Своего в соотношении с Другим (дихотомия «Восток – Запад») и постановки вопросов о Своем, ломающих привычные устоявшиеся представления и генерирующих императивы его нового осмысления.

Собственными ответами на эти вопросы «проблематичные мыслители», во-первых, полагают три аспекта философии кризиса: онтологический, где речь идёт о проблемах духовного и социального бытия их обществ в мире; эпистемологический, в котором поднимаются темы познания обществом Себя в контексте общечеловеческого мира ради движения в будущее и преодоления кризиса, и аксиологический, ориентированный на поиск ценностей как смыслов, могущих служить обществу опорой в процессе трансформаций.

Во-вторых, интеллектуалы намечают как векторы мысли и практики, так и поля общественных дискуссий, чем проблематизируют общественное сознание своих стран. В таких философиях складывается также проективное представление о путях преодоления кризиса во имя развития страны. Особым фактором, работающим на создание эпохи, является готовность создателей эпох отстаивать свои идеи, поскольку они убеждены в необходимости и безальтернативности изменений для обществ – России и Индии.

⁶² Каменский 1991: 20.

⁶³ Sarkar 1970: 18.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бубер М. Два образа веры. М.: АСТ, 1999. 592 с. [Buber M. Dva obraza very. M.: AST, 1999. 592 s.].
- Герцен А.И. Былое и думы. В 2-х тт. Т. 1. М.: Художественная литература, 1987. 671 с. [Gercen A.I. Byloe i dumy. V 2-h tt. T. 1. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1987. 671 s.].
- Каменский З.А. Парадоксы Чаадаева // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2-х тт. Т. I. М.: Наука, 1991. С. 9–85. [Kamenskij Z.A. Paradoxsy SNaadaeva // SNaadaev P.YA. Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pis'ma. V 2-h tt. Tom I. M.: Nauka, 1991. С. 9–85.].
- Рашковский Е.Б. К публикации письма П.Я. Чаадаева // Народы Азии и Африки. 1986. № 5. С. 109–117. [Rashkovskij E.B. K publikacii pis'ma P.YA. SNaadaeva // Narody Azii i Afriki. 1986. № 5. S. 109–117.].
- Рашковский Е.Б. На оси времен. Очерки философии истории. М.: Прогресс–Традиция. 1999. 208 с. [Rashkovskij E.B. Na osi vremen. Oчерki filosofii istorii. M.: Progress–Tradiciya. 1999. 208 s.].
- Рашковский Е.Б. Научное знание, институты науки и интеллигенция в странах Востока XIX–XX вв. М.: Наука, 1990. 202 с. [Rashkovskij E.B. Nauchnoe znanie, instituty nauki i intelligenciya v stranah Vo-stoka XIX–XX vv. M.: Nauka, 1990. 202 s.].
- Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. Проблема «Запад – Россия – Восток» в философском наследии П.Я. Чаадаева // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1988. С. 110–142. [Rashkovskij E. B., Horos V. G. Problema «Zapad – Rossiya – Vostok» v filosofskom nasledii P.YA. SNaadaeva // Vostok – Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publika-cii. M.: Nauka, 1988. S. 110–142.].
- Серебряный С. Д. Роман в индийской культуре Нового времени. М.: Российск. гос. гуманитар. ун-т, 2003. 216 с. [Serebryanj S. D. Roman v indijskoj kul'ture Novogo vremeni. M.: Rossijsk. gos. gumanit. un-t, 2003. 216 s.].
- Скорородова Т.Г. Бенгальское Возрождение. Очерки истории социокультурного синтеза в индийской философской мысли Нового времени. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. 320 с. [Skorohodova T.G. Bengal'skoe Vozrozhdenie. Oчерki istorii sociokul'turnogo sinteza v indijskoj filosofskoj mysli Novogo vremeni. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2008. 320 s.].
- Скорородова Т.Г. Понимание Другого и диалог в философии Бенгальского Возрождения. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2022. 580 с. [Skorohodova T.G. Ponimanie Drugogo i dialog v filosofii Bengal'skogo Vozrozhdeniya. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie. 2022. 580 s.].
- Тэгор Рабиндранат. Собрание сочинений в 12-ти тт. / Пер. с бенг. и англ. М.: Художественная литература, 1961–1965. Т. XI. 428 с. [Tagor Rabindranat. Sobranie sochinenij v 12-ti tt. / Per. s beng. i angl. M.: Hudo-zhestvennaya literatura, 1961–1965. T. XI. 428 s.].
- Тэгор Рабиндранат. Сочинения в 8 тт. Т. VIII. М.: Художественная литература, 1957. 424 с. [Tagor Rabindranat. Sochineniya v 8 tt. T. VIII. M.: Hudozh. literatura, 1957. 424 s.].
- Фергюсон Ниал. Империя: чем современный мир обязан Британии. Пер с англ. К. Бандуровского. М.: АСТ: Corpus, 2013, 560 с. [Fergyuson Nial. Imperiya: chem sovremennyj mir obyazan Britanii. Per s angl. K. Bandurovskogo. M.: AST: Corpus, 2013, 560 s.].
- Чаадаев П. Я. Сочинения. Сост., подгот. текста и прим. В. Ю. Прокуриной. М.: Правда, 1989. 656 с. [SNaadaev P. YA. Sochineniya. Sost., podgot. teksta i prim. V. YU. Proskurinoj. M.: Pravda, 1989. 656 s.].
- Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. 2-е изд. М.: НЛЮ, 2014. 448 с. [Etkind A. Vnutrennyaya kolonizaciya. Imperskij opyt Rossii. 2e izd. M.: NLO, 2014. 448 s.].
- Banerjea Surendranath. Speeches and Writings. Madras, G.A. Natesan & Co, (n.d.) 514 p.
- Banerjee Surendranath. The Study of Indian History // Nationalism in Asia and Africa. N. Y., Cleaveland, L.: Widenfield, 1970. 225–244 p.
- Chattopadhyaya G. (Ed.) Awakening in Bengal in the Early Nineteenth Century. Selected Documents. Calcutta, Progressive Publishers, 1965. LXVIII, 416 p.
- Chaudhuri Nirad. Autobiography of Unknown Indian. Mumbai, Delhi: Jaico Books, 2003. 610 p.
- Dasgupta Subrata. Awakening: The Story of the Bengal Renaissance. Noida: Random House India, 2011. 481 p.
- Dasgupta Subrata. The Bengal Renaissance: Identity and Creativity from Rammohun Roy to Rabindranath Tagore. 2nd impression. New Delhi: Permanent Black, 2012. 280 p.

- Kopf D. Brahma Samaj and Making of Modern Indian Mind. Princeton: University Press, 1979. XXIII, 399 p.
- Philip T.V. (ed.) Krishna Mohan Banerjea: Christian Apologist. Bangalore: CISRS, 1982. 201 p.
- Sarkar Jadunath. India through the Ages. 2nd ed. Calcutta, 1944. 108 p.
- Sarkar Susobhan. Bengal Renaissance and Other Essays: New Delhi: People's Publishing House, 1970. 166 p.
- Singh Iqbal. Rammohun Roy: A Biographical Inquiry into the Making of Modern India. In 3 vs. Vol. I. Bombay: Asia Publishing House, 1957. 320 p.
- Ray Prafulla Chandra. Essays and Discourses., 1st ed. Madras: G.A. Natesan & Co, (n. d.) 349 p.
- Roy Raja Rammohun. The English Works / ed. by J.C. Ghose. In 4 vs. New Delhi, Cosmo, 1982.
- Tagore Rabindranath. Towards Universal Man. Bombay etc.: Asia, 1961. IX, 387 p.
- Vivekananda Swami. Complete Works. Mayavati Memorial Edition. 12th ed. 9 vols. Mayavati – Almora: Advaita Ashrama, 1998–2002.
- Zastoupil Lynn. Rammohun Roy and the Making of Victorian Britain. N.Y.: Palgrave, Macmillan, 2010. 262 p.

Скороходова Татьяна Григорьевна, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор, Пензенский государственный университет, профессор кафедры «Теория и практика социальной работы», skorokhod71@mail.ru

Epoch-Makers in Intellectual History Pyotr Tchaadaev and the Bengal Renaissance Thinkers

The article compares P.Y. Tchaadaev and the thinkers of the Bengal Renaissance in the light of the role they played in the intellectual history of their countries in the context of the modernizing transformations of Nineteenth-century Russia and India. The typological similarities are defined in terms of M. Buber's "problematic thinkers" and "philosophy of crisis". The thinkers perceived the transforming nature of their time, conceived it as a social, cultural, and moral crisis, and became the founders of a philosophy of crisis. The latter is understood as a conventional complex of questions and answers denoting the vectors of thought and its problematic fields. Both Pyotr Tchaadaev and Bengal intellectuals raised questions about the spiritual, moral, and social state of society, the true essence of religion, about traditions, history, social structure and civilizational image of their countries, about the ways and methods of revival of the people in their present situation. The emergence of the philosophy of crisis problematized the consciousness of Russian and Indian societies and gave rise to epochs in intellectual history. P. Tchaadaev ushered in the epoch of religious and social thought that addressed the fundamental problems of existence of the people and Russian society in the world. Bengal thinkers from Rammohun Roy to Rabindranath Tagore, analyzing the many problems of India's being in the world and in history, created the epoch of national-cultural renaissance.

Keywords: *intellectual history, Pyotr Tchaadaev, the Bengal Renaissance, problematic thinkers, philosophy of crisis, social thought, Modernity, Russia, India.*

Tatiana G. Skorokhodova, Dr. Sc. (Philosophy); PhD in History, Professor, Penza State University, Department "Theory and Practice of Social Work"; skorokhod71@mail.ru

И.Е. ЗАДОРОЖНИК, Э.Г. ЗАДОРОЖНИК

ОБ ОДНОЙ СТРАНИЦЕ ИЗ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ИСТОРИЯ ИДЕЙ»

Авторы анализируют творческое наследие историка литературы Д.П. Святополк-Мирского. Оно трактуется как продолжение отечественной традиции, заложенной в трехтомных трудах по истории идей Иванова-Разумника, Г.В. Плеханова и Т.Г. Масарика. Подчеркивается новаторский подход Д.П. Святополк-Мирского: привлечение к анализу истории идей инструментария психологии искусства, достижений представителей формальной школы и Общества изучения поэтического языка (ОПОЯЗ), зарождавшейся в то время философии науки.

Ключевые слова: Святополк-Мирский, русская литература, русский реализм, история идей, интеллектуальная история, марксизм, евразийство, славянофильство.

В 1926 г. и 1927 г. в Лондоне и Нью-Йорке увидели свет две книги на английском языке князя и левого евразийца, начинавшего глубоко интересоваться марксизмом, Дмитрия Петровича Святополк-Мирского, значительно повысивших интерес англоязычных читателей, причем не только специалистов, к русской литературе и манифестируемым ее представителями идеям. Первая книга: «Современная русская литература. 1881–1925»¹; вторая: «История русской литературы с древних времен до смерти Ф. Достоевского (1881)»². Они вызвали немало откликов; дискуссии о них продолжались в течение века, но так и не завершились окончательно³. В 1949 г. обе книги вышли в одном томе в Лондоне и Нью-Йорке, а в 1992 г. впервые в переводе на русский язык Р. Зерновой труд опубликовало лондонское издательство⁴. Отечественному читателю «История русской литературы» (далее – ИРЛ) была представлена впервые в 2001 г. издательством в Магадане (крайне низким тиражом, зато недалеко от того места, где посланный в исправительно-трудовые лагеря князь-марксист нашел вечный покой); затем книгу выпустили несколькими изданиями в Новосибирске и разместили в Интернете, а в 2008 г. она вышла вместе с иллюстрациями и биографией переводчицы Р. Зерновой в Москве. В статье будут приводиться цитаты из издания, опубликованного в Новосибирске в 2006 г.⁵

Этому фундаментальному труду, на наш взгляд, уделяется недостаточное внимание в ракурсе истории идей. Князь Святополк-Мир-

¹ Contemporary Russian Literature... 1926.

² A History... 1927.

³ Coute 1978: 175. Культуролог Д. Коут отметил, что явление Святополк-Мирского на британской культурной сцене было подобно громкому звуку в тишине. Славистика Англии получила мощный импульс развития, а тяготение князя к марксизму удивило мало: загадочная, дескать, славянская душа, правда, принадлежавшая обладателю уникальных знаний. Англичане умели ценить этот ресурс и привлекли Святополк-Мирского к написанию статей в «Британскую энциклопедию» (об этом свидетельствует казус еще одного ее автора, тоже князя, П. Кропоткина).

⁴ Святополк-Мирский 1992.

⁵ Святополк-Мирский 2006.

ский, считавшийся рюриковичем и одновременно неортодоксальным марксистом, погибший в сталинских лагерях, создал фундаментальный труд в данной предметной области, заполняя брешь в ее развитии от 1917 г. до начала 1990-х гг.⁶

Надо сказать, что русской литературе как сокровищнице идей Святополк-Мирский уделял внимание постоянно – еще до 1922 г., когда он начал преподавать ее курс в Школе славянских и восточноевропейских исследований при Лондонском университете по поручительству видного русиста М. Беринга⁷. При этом Святополк-Мирский затрагивал мало известные западным исследователям сюжеты жизни и идей ее представителей. Так, в 1920 г. во франкоязычном журнале «Литературный Меркурий» (№ 3) он впервые привлек внимание к фигуре В. Розанова, а в 1922 г. в том же журнале (№ 5) назвал его творчество «высшим воплощением русскости»⁸. В 1922 г. П. Сувчинский привлек его к евразийству, но другие первоевразийцы не стремились к установлению с ним тесных контактов. Лишь в 1925 г. Святополк-Мирский смог опубликовать в «Евразийском временнике» (№ 4) относительно идеологически нейтральную статью о протопопе Аввакуме. Появлялись статьи о русской литературе также в франко- и немецкоязычных изданиях, но лидирующими становились все же англоязычные.

Первый подступ к синтетическому литературоведению как экспликации истории идей был намечен Святополк-Мирским еще в 1924 г., когда он выпустил книгу о русской поэзии⁹. Отбор поэтов, предисловие и комментарии ориентировали на понимание отечественной лирики, чтобы, говоря словами уважаемого им Г. Державина, ощущать «глагол времен» и «металла звон», одновременно слушая эти звуки в тончайшей лирике А. Фета. Святополк-Мирский находил эти звуки не только в том, что именовалось им прорывными ветвями развития поэзии, но и в ветвях тупиковых. Даже там обнаруживалась диалектика развития идей, а что уж говорить об их отражении в прозе, драматургии, критике и журналистике, позже сведенных в издании «История русской литературы» в некое взаимно усиливающееся единство. Уже тогда Святополк-Мирский выступил против восприятия России как «синтеза большевизма и русского балета», а не как страны, продуцирующей идеи, значимые для интеллектуальной истории всего человечества.

Рассматривая ее в этом ракурсе, следует отметить, что нам придется уточнить положения своей статьи об отечественном варианте истории идей, в заключение которой утверждалось, что данная предметная

⁶ Она вновь начала разрабатываться в России на рубеже веков, когда в Институте всеобщей истории РАН был создан Центр интеллектуальной истории, а затем возглавляемое Л.П. Репиной Общество интеллектуальной истории с филиалами во многих городах РФ.

⁷ Володько 2018: 165-178.

⁸ Цит. по: Розановская энциклопедия...2006: 1997.

⁹ Русская лирика...2010.

область прекратила свое существование с ходом социалистической революции в России¹⁰. Книга князя-марксиста показывает, что эта традиция не только не была отправлена «в архив», но и разрабатывалась в далеком Лондоне. В статье характеризовалась роль трех фундаментальных трехтомников: Иванова-Разумника «История русской общественной мысли» (первое издание в 1906 г.; последнее (седьмое) с нашим послесловием в 1997 г.), Т.Г. Масарика «Россия и Европа» (на немецком языке в 1913 г., русский перевод в 2000–2003 гг.)¹¹; Г. Плеханова «История русской общественной мысли» (написана в 1909–1914 гг., издана в 1918–1919 гг.) в становлении отечественного варианта истории идей (во многом синонимичный термину «интеллектуальная история»). В статье также критически оценивалось приписывание приоритета в ее становлении труду американского философа А. Лавджоя (1873–1962), опубликованного в 1936 г.¹² Отмечалось также, что само понятие «*Ideengeschichte*» было употреблено немецким историком А. Корфом в 1923 г.¹³, хотя англоязычное периодическое издание «*The Journal of the History of Ideas*» появилось в 1940 г. и только в 2007 г. был учрежден немецкоязычный журнал «*Zeitschrift für Ideengeschichte*». Приведем оказавшееся чрезмерно генерализированным заключение статьи: «Поразительно, что после выхода трудов Иванова-Разумника, Масарика и Плеханова такого рода фундаментальные разработки не появлялись ни в России, ни в Европе, а если появлялись значительно более мелкие труды, то они были идеологически сверхангажированными. Отечественный вариант истории идей как предметной области исследований почти на целый век был отправлен в некий архив. На его месте сегодня возникла традиция, связанная с “великой цепью бытия” (Лавджой), имеющая отдаленное отношение к одному из примечательнейших феноменов – духовному развитию России, манифестируемому в ее художественной литературе. Она – одно из высших эстетических достижений человечества и своеобразное проявление крайне нетривиальной социальной мысли с, казалось бы, перманентно убийственной самокритикой»¹⁴.

Сегодня данный вывод нуждается в уточнении после знакомства как с трудом Святополка-Мирского, так и с разработками современных отечественных специалистов по интеллектуальной истории и истории идей. Примечательно, что уже к 2008 г. количество изданий ИРЛ превысило число изданий труда Иванова-Разумника; можно также утверж-

¹⁰ Задорожнюк, Задорожнюк 2017: :99-111.

¹¹ В послесловии к книге Т.Г. Масарика «Россия и Европа» приводилось мнение еще одного соратника Святополк-Мирского по Школе славянских исследований Р. Сетон-Уотсона о том, что она была одной из настольных книг специалистов генерального штаба германской армии, а после ее перевода на английский язык в 1919 г. - и у британских военных специалистов. Абрамов, Задорожнюк, Лаврик 2004: 625.

¹² Lovejoy 1936.

¹³ Korf 1923.

¹⁴ Задорожнюк, Задорожнюк 2017: 110-111.

дать, что эти труды находятся в отношении комплементарности – даже без признаков взаимной комплементарности. Остается добавить, что если Иванов-Разумник готов был принять революцию через свое скифство, то Святополк-Мирский противостоял ей, находясь в войсках Деникина. Затем первый начал хулить Ленина, особенно когда покинул пределы страны вместе с германскими войсками (у него была жена-немка), в то время как второй в англоязычной (и до сих пор не переведенной на русский язык) биографии¹⁵ его хвалил. Должной рецепции его идей мешала репутация князя-марксиста: в одних местах и временах то, что он князь, а в других (включая Россию времен перестройки) – что марксист. Надо сказать, что недоброжелателей у Святополк-Мирского было более чем достаточно, в их числе русские эмигранты и зарубежные журналисты. По остроумному до бессмысленности замечанию одного из них, ему-де «удался совершенно необыкновенный трюк: он умудрился быть паразитом при трех режимах – князем при царизме, профессором при капитализме и человеком пера при коммунизме»¹⁶.

Побольше бы таких «паразитов», ибо при царизме Святополк-Мирский был смелым гвардейским офицером, отмеченным наградами; при капитализме – как раз уникальным профессором, который смог вызвать неугасаемый интерес к русской литературе и сопутствующей истории идей сначала у англо-, а затем и русскоязычных читателей и исследователей. Наконец, при социализме он, как «человек пера», вводил английскую литературу с присущей ей историей идей в русскоязычную среду, причем без скидок на идеологическую ангажированность – и наоборот: литературу русскую в среду англоязычную. О том же, что он не «умудрялся быть», а в полную меру был, свидетельствует его судьба, которую он, подобно герою греческой трагедии, избрал добровольно и встречал с открытыми глазами, встретив смерть в исправительном лагере по недоказанному обвинению. Правда, не от пули, как его соратник по евразийству С. Эфрон или как профессор-сменовеховец Н. Устрялов.

На наш взгляд, как раз ИРЛ продолжила линию трехтомников, прерванную после 1917 г., излагая ход истории идей через творения великих писателей. Это были не только авторы стихов и романов, но также создатели государственных документов и политически ориентированных текстов, публицисты и журналисты, теоретики искусства и видные ученые. Святополк-Мирскому удалось соединить их творения в некий единый поток и выявить в его течении моменты возникновения и исчезновения многих идей не только эстетического, но и социального характера. Причем хотя он не декларировал отдельно подобной задачи, но ее контуры имплицитно проявлялись в ходе его изложения, в частности с опорой на новейшие методы современных ему наук, к примеру,

¹⁵ Mirsky 1931.

¹⁶ Цит. по: Святополк-Мирский 2006: 594.

психологии искусства, разработок формальной школы ОПОЯЗа, социологии знания и даже находящейся в процессе становления философии науки. В обеих работах князя просматриваются идеи на то время еще не в полной мере освоенного им марксизма, а не позитивизма как, скажем, у Иванова-Разумника или социологизма, как у Масарика. Правда, марксизм в варианте Г. Плеханова был не менее убедителен, а в разработке социально детерминированной динамики идей XVIII века его мысли до сих пор не освоены в полной мере.

В начале книги по ИРЛ содержится жесткий до жестокости вывод о бедности древнерусской литературы; Святополк-Мирский считал, что гений Древней Руси выявился в архитектуре. Однако эта «бедность» характеризуется лапидарным, но предельно ярким рассмотрением всего корпуса текстов XII–XVII вв., включающим Пролог – учительный сборник, привлекавший внимание Толстого, Лескова и Ремезова; проповеди, агиографии, моления, философские поучения и, конечно же, летописи (интересные, считал Святополк-Мирский, скорее, для историков, включая историков идей, чем для историков литературы). Особо отмечена роль «Слова о полку Игореве», выраженного ритмизированной прозой «аристократического и воинского духа»¹⁷. От татарского нашествия до Ивана III длится «темный период» русской литературы – доминантные позиции занимала уже живопись, но тогда же сформировались жития (Епифания о Сергии Радонежском), военные повести (о Мамае, Задонщине и др.), «Хождение» Афанасия Никитина – «яркое отражение мышления среднего русского человека в непривычной обстановке»¹⁸.

Рассматривалась Святополк-Мирским переписка Ивана Грозного с князем Курбским с особым вниманием к идее оправдания самодержавия, а также литература периода «смуты» с учетом описаний еще одной «смуты» начала XX века. Этап в развитии ИРЛ – одухотворенное слово протопопа Аввакума, привлекшее внимание и англоязычных славистов; этот «пылкий консервативный реформатор»¹⁹, ставший после осуждения раскольником, его «Житие» оживило и русский язык.

Что касается Петра Первого как писателя, то его стиль, по оценке Святополк-Мирского, отличался обилием варваризмов, но все-таки он оставил след в литературе. В его времена по-новому начали писать экономист И. Посошков и историк В. Татищев, труды последнего находились «вполне на уровне тогдашней европейской эрудиции»²⁰. Идеи классицизма маркируются именами сатирика князя А. Кантемира и поповского сына В. Тредиаковского, первого из писателей не-дворян, получившего образование за границей. Еще один шаг в ИРЛ – творчество уже крестьянина (рыбака, а не хлебопашца, уточняет Святополк-Мир-

¹⁷ Святополк-Мирский 2005: 49.

¹⁸ Там же: 60.

¹⁹ Там же: 74.

²⁰ Там же: 84.

ский) М. Ломоносова. Его ода по случаю взятия Хотина стала образцовой для данного периода, являя «две такие сильные страсти, как патриотизм и любовь к науке»²¹; он усилил также звучание духовных стихов и философской поэзии. С ним состязался А. Сумароков как отец профессионализма в русской литературе и «первопроходец в журнализме»²².

Г. Державин, согласно Святополк-Мирскому, «поэт величия»²³, составляющие его таковы: слава и мощь Империи, деистический Бог – но и восторженность бурным водопадом, острая политическая сатира – но и приязнь к людям, особенно любимым женщинам. Его поэзию трудно передать другим языком, для этого надо знать широкие политические контексты жизни и судьбы поэта.

Святополк-Мирский не преминул упомянуть, что ключевые идеи «Наказа» Екатерины II были столь либеральны, что «во Франции его запретила цензура»²⁴. Но вскоре она сама запретила «Путешествие» А. Радищева, которого радикальная интеллигенция считала своим предтечей и мучеником. Она посадила в крепость журналиста Н. Новикова, который «сформировал русскую читающую публику»²⁵ и с которым ранее полушутливо препиралась; приглушила голос другого журналиста, ставшего значительно позже баснописцем И. Крылова. Ее литературный стиль четче просматривался в письмах к Ф. Гримму, но считающаяся со-основателем сатирической журналистики Екатерина стала ее душепителем.

Примечательны портреты историков М. Щербатова и И. Болтина, «отца русской истории»²⁶, по слову Святополк-Мирского. Высоко оценивает он литературный стиль А. Суворова – «одного из культурнейших и информированнейших людей эпохи»²⁷; это стиль политика-активиста, употребляемый политиками после Петра Первого крайне редко²⁸. С достаточной трезвостью оценивает Святополк-Мирский Н. Карамзина как реформатора литературного языка через введение «русифицированных галлицизмов», но суть дела в том, что один иностранный образец заменился другим. Более того, не приблизилась, а даже увеличилась пропасть между ним и разговорным языком; высшее оправдание карамзин-

²¹ Там же: 97.

²² Там же: 103.

²³ Там же: 106.

²⁴ Там же: 118.

²⁵ Там же: 119.

²⁶ Там же: 120.

²⁷ Там же: 124.

²⁸ Все же в ракурсе истории идей эти фигуры намного полнее и ярче осветил Плеханов в своей «Истории русской общественной мысли», даже не упомянутой Святополк-Мирским в ИРЛ. А ведь в ней с редкой и для современного исследователя дотошностью рассматриваются именно идейные профили не только Посошкова и Татищева, но также Сумарокова и Фонвизина. Трактовка Плехановым истории литературы как истории идей весьма убедительна и может считаться дополнением к ИРЛ. Параллельное же прочтение этих трудов позволяет глубже уяснить специфику идейной жизни петровского и послепетровского времени (3-й том труда Плеханова доведен лишь до начала XIX века).

ского языка «в том, что он стал языком Пушкина»²⁹. И все же именно Жуковский «был истинным отцом новой русской поэзии»³⁰, он, как и Карамзин, начинал как поборник идеи реформ, но заканчивал «совершенным выражением официальных идеалов императорской России»³¹; шаги на этом пути делали многие писатели и мыслители. В баснях Крылова видится свифтовское начало; для этого основателя «школы реализма» появился и новый адресат: «великоросс низшего или среднего класса»³². По убеждениям Крылов был консерватор, а по темпераменту – носитель «обывательской инертности», тем не менее он стоял в стороне от перехода от идей реформаторства к идеалам верноподданства.

Первая треть XIX в. – «золотой век поэзии», в которой не было «ни примитивной грубости державинской эры, ни выродившейся расхлябанности позднего 19 века»³³, утверждает Святополк-Мирский; связан он, в первую очередь, с именем Пушкина и плеяды его друзей. Преобразились классицизм, сентиментализм и романтизм, особенно в одежде байронизма, вершине этого века присущ «русский реализм, который поэтичен, не идеализируя реальности»³⁴. Все же и ему пришлось после встречи с Николаем I отказаться от внутренней свободы и сделать шаги по известному для русских литераторов пути от либерализма к верноподданству. Данная лишь намеченная в ИРЛ тема получила дальнейшее развитие в франкоязычной книге о Пушкине 1928 г. и предельно заострилась в 1934 г. после публикации статьи «Проблема Пушкина» в 14-16 томах «Литературного наследства». На него ополчились и соратники по цеху – литературные критики, и официальные философы, начиная с П. Юдина, и журналисты. Князю-марксисту пришлось оправдываться в том, что он обличал едва ли не лакейство поэта, искупившееся его смертью в том, что его-де неправильно поняли, но автора статьи спасло лишь заступничество Максима Горького³⁵. А ведь в это время готовилось столетие со дня гибели поэта, превращаемого в икону. Гибель непослушного царю М. Лермонтова знаменовала окончательное закрытие эпохи стихотворства, констатировал Святополк-Мирский.

Созревал спрос на новые идеи и их во многом удовлетворяли журналы – московские (в основном дворянские) и петербургские (соответственно «плебейские»), издаваемые «пионерами интеллигенции», в основном не дворянской, а бессословной, Н. Полевым и Н. Надеждиным. Их наследником и стал В. Белинский, «диктатор литературных мнений,

²⁹ Святополк-Мирский 2006: 126.

³⁰ Там же: 129.

³¹ Там же: 130.

³² Там же: 138.

³³ Там же: 144.

³⁴ Там же: 170.

³⁵ Надо сказать, что анализ эволюции идей Пушкина в творчестве Святополк-Мирского обжигает до сих пор – и, по всей видимости, в силу этого не в должной мере оценивается работниками индустрии пушкинистики.

а с 1837 по 1848 и отец русской интеллигенции»³⁶. Конечно, поэзия не исчезла, но В. Бенедиктова чаще высмеивали, А. Кольцову излишне покровительствовали, а Ф. Тютчева, «одного их трех величайших русских поэтов»³⁷, просто не замечали. Правда, Святополк-Мирский, оценивая идейный стержень поэзии, трактует его так: «убежденный реакционер и панславист», «один из несгибаемых столпов политического национализма»³⁸; наряду с высшим полетом поэтического гения ему была присуща «рифмованная журналистика»³⁹ в духе антиевропеизма, поэтому и его авторитет как носителя идей консерватизма непререкаем.

В центр художественной жизни тем временем выдвинулся Н. Гоголь, «наделенный сверхчеловеческой силой творческого воображения (в мировой литературе у него в этом есть равные, но нет высших)»⁴⁰. Одно из следствий этого воображения в сфере идей – сомнение о том, что он являет собой учителя и друга просвещения. В этом крылось, согласно Святополк-Мирскому, громадное недоразумение, не разрешенное как теми, кто трактовал его «Мертвые души» как ад без проблесков не то, что рая, а и чистилища, так и теми, кто видел в идеях его «Выбранных мест переписки с друзьями» нужное России слово. Мимо Гоголя прошли и носители противоположных идей из кружков Н. Станкевича и А. Герцена, близкие к Московскому университету, который «стал тиглем, где все классы сплавлялись в неклассовую интеллигенцию»⁴¹. Она раздвоилась, при этом и Пушкин, и Гоголь для нарождавшихся славянофилов были недостаточно русскими, а для радикализирующихся западников – недостаточно современными.

Святополк-Мирский предлагает следующую «формулу» славянофильства: культ России плюс эмоциональное отношение к русскому народу плюс консервативный анархизм с элементами либерализма – при том, что А. Хомякову особенно нравилась Англия, а И. Киреевскому – немецкий идеализм. Белинский же как лидер западников знаменовал еще в «Литературных мечтаниях» 1834 г. «начало журнализма русской интеллигенции»⁴², его творчество в целом – «веха, отметившая конец правления дворянства и пришествие к управлению культурой неклассовой разночинной интеллигенции»⁴³, наконец, утверждается, что этот критик «отравил русскую литературу зудом выражения идей»⁴⁴. Убийственно четкие характеристики, хотя Святополк-Мирский добавляет, что не все в этом плане нужно списывать на грехи только Белинского.

³⁶ Святополк-Мирский 2006: 222.

³⁷ Там же: 230.

³⁸ Там же: 232.

³⁹ Там же: 237.

⁴⁰ Там же: 261.

⁴¹ Там же: 283.

⁴² Там же: 291.

⁴³ Там же: 296.

⁴⁴ Там же.

Далее Святополк-Мирский констатирует: И. Тургенев «пишет произведения социальной значимости»⁴⁵, собранные в «Записках охотника» его рассказы «стали не только литературным, но и общественным событием», а «Дневник лишнего человека» маркировал заметную фигуру духовной жизни России. По стилю своего письма, отмечал Святополк-Мирский, Тургенев особо близок викторианцам Англии: он был представителем среднепоместных дворян, получивших идеалистическое воспитание, постепенно становившихся бесклассовой интеллигенцией, и считался вождем общественного мнения по социальным вопросам. Все же многие его герои, причем стремившиеся стать активистами, оказывались лишними или умирали на пороге активизма. А вот другой писатель Гончаров изобразил поистине лишнего для России человека: «Обломов более чем персонаж, это символ»⁴⁶. Писатель через его фигуру отразил «атмосферу неизбежного рока» над своим сословием в лирическом ключе, в сатирическом ключе писали другие.

Время реформ Святополк-Мирский вольно или невольно ассоциирует с эпохой журнализма. Действительно, и западник правого крыла А. Дружинин, и автор шедевра социальной истории об окружении Пушкина П. Анненков, и создатель органической критики А. Григорьев, «последователь славянофильства, прославляющий русскую кротость против хищности европейца»⁴⁷, непредставимы вне журналов. Промежуточное положение между ними и журналистами радикальными занимал Герцен, которому принадлежит «одинаково важное место в политической истории, в истории мысли и истории литературы»⁴⁸. Будучи подвержен влияниям романтизма и немецкого идеализма, испытал разочарование в Западе с 1848 г., он заложил основы русского аграрного социализма, идеи которого затем мигрировали к народникам и эсерам. В заключение Святополк-Мирский пишет о Герцене: «Он понимал все и всех»⁴⁹. Понимал он и радикальных журналистов, по его слову, «желчевиков». Их портреты предельно лапидарны, но ярки: святыми для радикальной интеллигенции стали как раз сыновья священников Н. Чернышевский и Н. Добролюбов, эстафету подхватили сыновья дворян Д. Писарев и П. Лавров, а затем и дворянин кающийся – Н. Михайловский. Журналистом и успешным издателем, влияющим на общественные настроения, был и Н. Некрасов; в поэзии же он разрабатывал темы социального сострадания через мучительные личные переживания.

Не менее ярко представлены портреты консерваторов: почитаемого Святополк-Мирским К. Леонтьева и пресловутого М. Каткова, о котором говорится: «Никогда еще на всем протяжении русской истории

⁴⁵ Там же: 335.

⁴⁶ Там же: 320.

⁴⁷ Там же: 364.

⁴⁸ Там же: 371.

⁴⁹ Там же: 372.

правительство так внимательно не прислушивалось к журналисту». И далее опять-таки: но Катков «никогда не был творцом *идей*»⁵⁰ (последнее слово выделено самим Святополк-Мирским).

О Толстом и Достоевском Святополк-Мирский писал много и часто. Первый писатель являет собой ту звезду, которую «никогда не затмит никакое небесное тело»⁵¹, хотя идеи его «Войны и мир» – это «философия растительного консерватизма»⁵². Достоевскому присуще нечто вроде мистического народничества и соответствующего ему христианства; правда, по слову князя, «он верует потому что, а не как народ»⁵³. Его романы строятся на умении «чувствовать идеи», подобно апостолу Павлу, Августину, Паскалю и Ницше, причем идея того или иного романа неотделима от художественной концепции. «Он был первым и величайшим симптомом духовного разложения русской души на высочайших его уровнях, которое предшествовало окончательному распаду царской России»⁵⁴. Трудно опровергаемое суждение Святополка-Мирского о Достоевском, в чем-то похожее на суждение Ленина о Толстом как «зеркале русской революции».

С этими оценками идейных профилей великих писателей соотносится статья Святополк-Мирского о русской литературе в «Британской энциклопедии», которая являет собой реферат его фундаментального труда. Правда, в отличие от ИРЛ, в ней упоминается в числе литературных критиков М. Покровский – «патриарх диалектического материализма», «высокопрофессиональный историк, «обновивший наши идеи относительно прошлого России» (*renovate our ideas of the Russian past*)» – ни больше, ни меньше. И это, уже после того, как Святополк-Мирский оказался в СССР, преподносилось в авторитетном справочном издании, предназначенном не узким специалистам, а массовому пользователю⁵⁵.

В отдельной статье о Достоевском указано: «Его идеи обычно оцениваются более высоко, чем мастерство творческого воображения»⁵⁶, а статья о Толстом, вдвое больше по объему и ближе к тексту ИРЛ, особо подчеркивает момент «сатиры на злые и социальные порядки»⁵⁷. Приведенные статьи исчезли со страниц «Энциклопедии Британники» не сразу – лишь в издании 1950-х гг., при этом авторы новых статей о русской литературе пользовались идеями и оценками Святополк-Мирского.

Завершает серию портретов великих Салтыков-Щедрин – «первый и самый замечательный из полуроманистов, полужурналистов»⁵⁸. С ним

⁵⁰ Там же: 385.

⁵¹ Там же: 432.

⁵² Там же: 438.

⁵³ Там же: 460.

⁵⁴ Там же: 481.

⁵⁵ Encyclopedia Britannica...1932. V. 13: 758.

⁵⁶ Encyclopedia Britannica. ...1932. V. 7: 547.

⁵⁷ Encyclopedia Britannica...1932 V. 22: 274.

⁵⁸ Святополк-Мирский 2006: 482.

Святополк-Мирский связывает упадок жанра романа, хотя «Господа Головлевы» аттестуется им как памятник «ненавистному русскому провинциальному дворянству». Этому роману предшествовал «Обломов» Гончарова, а за ним следовал «Суходол» И. Бунина. В то же время число романов лишь множилось, замечает Святополк-Мирский, но в основном романов антинигилистических; ключевое место в них занимали реакционные и неубедительные образы.

Что касается Лескова, его художественных открытий и сопутствующих им идей, то он трактуется в ИРЛ как создатель «юмористического культа героев» (те, кто вчитывался в его произведения, припомнят, что это в его глазах как раз праведники русской земли), что Святополк-Мирский оценивает очень высоко. И добавляет: Лесков – «разительный пример невыполнения русской критикой своего долга»⁵⁹. Это, в первую очередь, касается Н. Михайловского – «доктора богословия» народнической церкви»⁶⁰, но также К. Леонтьева – «единственного действительно гениального консервативного философа»⁶¹. В. Короленко был присущ «идеалистический радикализм»⁶²; В. Соловьев – религиозный идеалист, правда не такой, как Толстой и Достоевский, ибо «по политическим взглядам он либерал-западник, свободный от мистического национализма»⁶³. Любимый англичанами А. Чехов знаменует собой грустную осень, довольствуясь идеей безыдейности.

Святополк-Мирский как никто другой препарирует консервативные устои представителей своего класса – Н. Стрехова и Н. Данилевского, Н. Бердяева и С. Булгакова. Достается и символистам – как теоретикам, так и поэтам-практикам; часто манифестируемым одними и теми же фигурами, к примеру Андреем Белым и В. Ивановым. Всем перечисленным и ряду других фигур Святополк-Мирский активно противопоставляет акмеизм Н. Гумилева и «революционный реализм» Горького.

Символизм и сопутствующие ему достижения описаны в ИРЛ с кажущейся беспристрастностью; выделены семь основных его качеств, дающие представление и о динамике истории идей: 1. символизм – часть и в чем-то итог общекультурного подъема России с конца 19 века, 2. ему присуще некое смешение особой эстетики и мистики, до этого находившихся на периферии духовной жизни страны, 3. во Франции символизм был формой поэтического возрождения, «а русские сделали его еще и философией»⁶⁴, 4. ему присущи «фонетические жесты» и особая музыкальность творений символистов, 5. хотя символизм и был пронизан «достоевщиной», он оказался способен осуществить восприятие самых

⁵⁹ Там же: 541-542.

⁶⁰ Там же: 559.

⁶¹ Там же: 562.

⁶² Там же: 585.

⁶³ Там же: 595.

⁶⁴ Там же: 724.

культурных потоков, особенно с Востока, 6. отечественные символисты – как организаторы художественных процессов, к примеру, Парижских сезонов – оживили закоснелую западную культуру, 7. наконец, символистская поэзия (и пронизанная ею проза, к примеру, того же Андрея Белого) явила собой «второй золотой век»⁶⁵ русской культуры.

После 1917 г. начался новый этап в развитии литературы – активизма с опорой на такую местную разновидность марксизма, как русский большевизм. При присущем ему догматизме родилось множество идей и стилей их интерпретации. Одно дело – писательский стиль Ленина, вызывающий уважение Святополк-Мирского: «Его статьи – статьи человека действия, у него есть ораторский темперамент, но нет литературной культуры»⁶⁶. Другое – стиль Л. Троцкого, бьющий на эмоции: «Немногим более, чем воодушевленный и ловкий полемист»⁶⁷, третье – стиль Луначарского, «провинциального школьного учителя»⁶⁸, ориентированного на сохранение ценностей традиционной культуры; удивительно, но его пьесы встретили хороший прием в Англии.

Еще большой разнобой наблюдается в идеях общекультурных. Символисты, отмечает Святополк-Мирский, ждали и звали революцию, но редко кто за нею пошел – не без трагических исходов своей судьбы: достаточно вспомнить А. Блока, призывавшего слушать революцию. Футуристы казались более соответствующими революционному порыву, но и они не были в полной мере востребованными новой властью. Группы писателей и деятелей культуры, именуемых попутчиками, демонстрировали неисчерпаемость духовного потенциала новой России, что ценилось и поддерживалось ею, но опять-таки не без трагических исходов для некоторых носителей попутничества.

Большевики и попутчики совместно оценивали мощь гения Пушкина, в отношении которого не допускалось «огульного отрицания». Конечно, весомая часть культурной элиты страны вольно или невольно – через высылку – оказалась за ее рубежами, они больше потеряли, чем нашли. Политическая литература там процветала и манифестируемые в ней идеи привлекли внимание западных мыслителей, что же касается писателей, даже великих, а точнее крупных, то они за рубежом «не сохранили своей творческой энергии»⁶⁹. Может, это суждение и отличается чрезмерностью, но, будучи подвергнут острейшей критике своих собратьев по эмиграции, Святополк-Мирский все же не опасался кошку называть кошкой. Выделены в рядах эмигрантов Г. Ландау (Алданов) с его творением «Закат Европы», И. Бунин, не достигавший прежних высот, А. Толстой, их бравший после возвращения из-за рубежа, почи-

⁶⁵ Там же: 728.

⁶⁶ Там же: 801.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же: 802.

⁶⁹ Там же: 805.

таемый, несмотря на критические стрелы в адрес Святополк-Мирского, В. Ходасевич. Описаны идеи сменовеховцев, но особенно евразийцев, маркируемых как крайние националисты. Что касается пассажиров «философского парохода», включая писателей, то они, по убеждению Святополк-Мирского, к порядкам по ту сторону границы «проявили гораздо большую сервильность, нежели принято было при старом режиме»⁷⁰.

Как известно, он предоставил страницы своего журнала «Версты» многим уже советским писателям – попутчикам и не только. В ИРЛ они характеризуются яркими словами – за талант, а не за сервильизм по эту уже сторону границы. В числе отмеченных М. Пришвин и Е. Замятин, В. Шкловский и И. Эренбург, а также те, кого он именуется новой надеждой русской литературы – И. Бабель, Л. Леонов, Б. Пильняк; им стремятся противостоять идейно стойкие, но «бесталантные писатели-коммунисты»⁷¹, правда, без особого успеха. Что объединяет практически всех писателей новой России? Ответ Святополк-Мирского сводится к афоризму, который можно трактовать в различных ракурсах: «Никогда Россия не была так пропитана национализмом, как с тех пор, как в ней воцарился Интернационал»⁷². Любая расшифровка данного афоризма, на наш взгляд, практически безгранична, но он фиксирует внимание на взаимодействии носителей ключевых идей рассматриваемого периода.

И заключительные страницы ИРЛ: раздел «Paralipomena (Дополнения)», состоящий из двух частей. В первой характеризуется эволюция драмы с учетом взрывоподобного спроса на нее, удовлетворяемого, правда, дореволюционными и зарубежными пьесами: «В годы голода, военного коммунизма и Гражданской войны театр переживал свой звездный час»⁷³. Во второй дается обзор литературной критики, в которой Святополк-Мирский сводит счёты с собратьями по перу. Довольно метко характеризуются радикальный демократ А. Пыпин и позитивист Д. Овсяннико-Куликовский, молодой на их фоне С. Венгеров, упоминается критик-марксист А. Воронский. Иванов-Разумник подвергнут жесткому осуждению: «скифство» этого наставника Блока и Андрея Белого как идейная платформа интереснее, чем его труды, а его переизданная и в 1918 г. «История русской общественной мысли» «есть тщательно схоластический отчет о развитии индивидуализма (который он отождествляет с социализмом), каковым история литературы и подменяется»⁷⁴.

Ранее Святополк-Мирский, имея в виду Иванова-Разумника, утверждал: «Возникает соблазн рассматривать ее (русскую литературу во всем богатстве проявлений) как источник информации об истории русской общественной мысли, и только люди, ничего не знающие о приро-

⁷⁰ Там же: 810.

⁷¹ Там же: 811.

⁷² Там же.

⁷³ Там же: 894.

⁷⁴ Там же: 899.

де художественной литературы, ни о характере исторических данных пользуются романом как историческим источником, за исключением тех случаев, когда литературное свидетельство подкрепляется внелитературным источником»⁷⁵. Конечно, этот грех был присущ не только Иванову-Разумнику. С другими мыслителями, названными нами классиками истории идей, Святополк-Мирский обходился еще хуже – не замечал их. Плеханова он упоминал лишь в других контекстах, хотя его «История» и очерки о русских писателях написаны ярко и убедительно. Масарика же он не упоминает вовсе. Все же для новой генерации критиков, как для ЛЕФ-овцев, так и для формалистов, «характерен интерес и глубокое проникновение в процессы истории»⁷⁶. Самое последнее положение труда – высокая похвала О. Мандельштаму-критику за его редкие статьи, «богатые мыслями и переполненные идеями»⁷⁷. Последнее слово в этом предложении – ключевое для всей книги, которую можно трактовать как высоко значимый труд в области истории идей.

Святополк-Мирский пришел к евразийству через П. Сувчинского, но отдавал должное идеям еще одного князя – Н. Трубецкого, отмечавшего, что европейская цивилизация превосходила другие лишь с точки зрения военной и коммерческой, но не культурной. Импонировало ему и общее убеждение евразийцев в том, что история есть утверждение свободы и творческой природы народов. На этом основании Святополк-Мирский допускал, что идеи и некоторые положения евразийства можно включать в образование и воспитание нации, избегая, правда, ориентализма, присущего истовому «-азийству». Но его призыв к «родству с будущим» сразу же вызвал недоверие со стороны трех первоевразийцев Н. Трубецкого, П. Савицкого и Г. Флоровского, а в дальнейшем их острую критику, и ему пришлось с Сувчинским и С. Эфроном основывать журнал «Версты» – орган, позже названный левоевразийским. При этом Святополк-Мирский в письме Сувчинскому в мае 1927 г. аттестовал себя как «сочувствующего Евразийству не-Евразийца», а своего соиздателя – как «не сочувствующего Евразийству Евразийца»⁷⁸. Первый выпуск журнала вышел в год появления на свет англоязычной «Современной русской литературы. 1881–1925», а второй – «Истории русской литературы от древнейших времен к смерти Достоевского». В. Ходасевич утверждал, что цель журнала – заманивание к большевикам, хотя в приложении к первому выпуску был напечатан явно антибольшевистский «Апокалипсис нашего времени» Розанова. Во втором выпуске публиковались И. Бабель, Б. Пастернак, С. Есенин. В третьем (1928 г.) содержится своеобразный эпилог к вышедшей книге об истории русской литературы и сопутствующей ей истории идей. Идеи, эксплицирован-

⁷⁵ Там же: 303.

⁷⁶ Там же: 911.

⁷⁷ Там же: 916.

⁷⁸ Цит. по: Ефимов: 338.

ные в ней, сводятся к таким феноменам, как революционная эволюция, а также слияние личного и общественного – это не столько оксюмороны, сколько характеристики стиля мышления критика-парадоксалиста, через которые он манифестировал свое понимание диалектики идей. Вот примеры этой диалектики, выраженной почти афористически.

Первый – поэзия Некрасова: «В наиболее полном слиянии с коллективом Некрасов совершенно преодолевал страдание (которое в личном плане – у него всегда оставалось непреодолимым) и один из всех поэтов Петербургского периода мог преображать свое творчество в народное»⁷⁹. В чем – добавим от себя – ему «завидовали» многие символисты, переоткрывшие этого певца не только «скорби и печали».

Второй – проникнутые духом активизма поэтические творения Пастернака: «В них онтологическая революционность поэта сливается в одно русло с исторической революцией эпохи. Давая симфоничность, сочувственность целому иную чем у Державина и Некрасова, но не менее полную и подлинную»⁸⁰. Для историка идей остается лишь сожалеть, что третий выпуск «Верст» оказался последним.

В целом монография князя-марксиста по истории русской литературы и статьи-эпилоги к ней на разных языках читаются занятнее любого детектива. В них он предстает как незаурядный социальный мыслитель и как русскоязычный, а с начала 1930-х и отечественный классик истории идей, несмотря на то, что ключевой его труд по этой теме напечатан впервые на английском⁸¹. Следы этой предметной области видны во всех трудах, созданных Святополк-Мирский после прибытия в Англию, не исключая небольших статей для английских читателей о русских мыслителях (ими представлялись в основном писатели) и русским об английских. «История русской литературы» продолжила линию, прерванную после 1917 г.: историй литературы было много, и даже более чем трехтомных, но анализа идей им не доставало. В них сначала задавалась идея, а под нее подверстывались позиции писателей. Святополк-Мирский же излагал дело по-другому: идея, можно сказать, «выковывалась» в текстах писателей с учетом специфики «заражения» как их художественным текстом, так и содержащимися в нем социально значимыми мыслями. Вот почему есть все основания утверждать: труды Святополк-Мирского в предметной области «история идей», и главным образом его ИРЛ, выдерживают в этом плане самый строгий экзамен.

⁷⁹ Версты...1928: 141.

⁸⁰ Там же: 151.

⁸¹ Поразительно, но в переведенной с английского на русский язык книге интеллектуальная история, или история идей, связывается только с линией Лавджоя. Не упоминаются исследования российских разработчиков данной предметной области в прошлом и настоящем, хотя приводятся немало русских фамилий в именном указателе. Но оказывается, что это только переводчики и интерпретаторы; упоминания удостоился один Л. Толстой. См.: Уотмор 2023: 111. Что такое после знакомства с данной усердно рекламируемой книгой русская интеллектуальная история? Навязываемое извне «слепое пятно».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Абрамов М.А., Задорожнюк И.Е., Лаврик Э.Г. Томаш Гарриг Масарик: жизнь, дело, учение // Масарик Т.Г. Россия и Европа. Т. II. СПб.: РХГИ, 2004. 720 с. [Abramov M.A., Zadorozhnyuk I.E., Lavrik E.G. Tomash Garrig Masarik: zhizn', delo, uchenie // Masarik T.G. Rolssiya i Evropa. T. II. Spb.: RHGI, 2004. 720 p.]
- Версты. Вып. 3. Париж. 1928. [Versty. Vyp. 3. Parizh. 1928].
- Володько А.А. «Непостижимая связь между нами»: Морис Бэринг и Россия // Диалог со временем. 2018. Вып. 64. С. 165-178 [Volod'ko A.A. «Nepostizhimaya svyaz' mezhdu nami»: Moris Bering i Rossiya // Dialog so vremenem. 2018. Vyp. 64. S. 165-178].
- Ефимов М.В., Смит Дж. Святополк-Мирский. М.: Молодая гвардия. 2021. 704 с. [Efimov M.V., Smit Dzh. Svyatopolk-Mirskij. M.: Molodaya gvardiya. 2021. 704 s.]
- Задорожнюк И.Е., Задорожнюк Э.Г. Становление истории идей: три труда между двумя войнами и двумя революциями // Вопросы истории. М., 2017. № 12. С. 99-111. [Zadorozhnyuk I.E., Zadorozhnyuk E.G. Stanovlenie istorii idej: tri truda mezhdu dvumya vojnamy i dvumya revolyuciyami // Voprosy istorii. M., 2017. № 12. S. 99-111].
- Розановская энциклопедия. М.: РОССПЭН. 2006. [Rozanovskaya enciklopediya. M., 2006].
- Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Сост. Д.П. Святополк-Мирский. Новосибирск: «Свиньян и сыновья», 2010. 292 с. [Russkaya lirika. Malen'kaya antologiya ot Lomonosova do Pasternaka/ Sostavitel D.P. Svyatopolk-Mirskij. Novosibirsk: «Svin'in i synov'ya», 2010. 292 s.]
- Святополк-Мирский 1992. Д.П. История русской литературы с древних времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. L.: Overseas Publ. Interchange Ltd., 1992 [Svyatopolk-Mirskij D. Istoriya russkoj literatury s drevnejshih vremen do 1925 goda. L., 1992].
- Святополк-Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск: «Свиньян и сыновья», 2006. 872 с. [Svyatopolk-Mirskij D. Istoriya russkoj literatury s drevnejshih vremen po 1925 god. Per. s angl. R. Zernovoy. Novosibirsk: Svin'in i synov'ya, 2006. 872 s.]
- Уотмор Р. Что такое интеллектуальная история? М.: НЛЮ. 2023. 200 с. [Uotmor R. Chto takoe intellektual'naya istoriya? M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2023. 200 s.]
- A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1981). L., 1927. Contemporary Russian Literature. 1881–1915. London, 1926.
- Coute D. The Fellowtravellers. Oxford. Univ. press. 1978. P. 175.
- Encyclopedia Britannica. London. 1932. V. 7, 13, 22.
- Korf A. Geist der Goethezeit. Band 1. Sturm und Drang. Leipzig. 1923.
- Lovejoy A.O. The Great Chain of Being, A Study of the History of an Idea. Camb. (Mass.) 1936.
- Mirsky D.S. Lenin: Makers of the Modern Age. London. 1931.

Задорожнюк Иван Евдокимович, доктор философских наук, Международная педагогическая академия; zador46@yandex.ru

Задорожнюк Элла Григорьевна, доктор исторических наук, заведующая, Отдел современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН; elzador46@mail.ru

About One Page from the Subject Area "History of Ideas"

The authors analyze the creative heritage of the literary historian D.P. Svyatopolk-Mirsky. It is interpreted as a continuation of the domestic tradition laid down in three-volume works on the history of the ideas of Ivanov-Razumnik, G.V. Plekhanov and T.G. Masaryk. His innovative approach is emphasized: attracting to the analysis of the history of the ideas of the toolkit of the psychology of art, the achievements of representatives of the formal school and the Society for the Study of the Poetic Language (ОПОУАЗ), the philosophy of science that was emerging at that time.

Keywords: Svyatopolk-Mirsky, Russian literature, Russian realism, history of ideas, intellectual history, Marxism, Eurasianism, Slavophilism.

Ivan E. Zadorozhnyuk, Dr. Sc. (Philosophy), International Pedagogical Academy; zador46@yandex.ru

Ella G. Zadorozhnyuk, Dr. Sc. (History), Head, Department of Contemporary History of States of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, RAS; elzador46@mail.ru

А.Б. СОКОЛОВ

АЛЬФРЕД ЛЕПЕШКА И ДРУГИЕ ГЕРОИ БРИТАНСКОЙ ИСТОРИИ: О ЗНАМЕНИТОЙ ПАРОДИИ НА ШКОЛЬНЫЙ УЧЕБНИК (часть 1)

В 1930 г. в Лондоне была опубликована написанная У. Селлером и Р. Йетменом книга «1066 и все такое» – сатира на современный школьный учебник истории, остающаяся одним из самых известных произведений английской сатиры XX в. В статье рассмотрены особенности и содержание этого сочинения с целью выявить предпосылки его появления, причины непреходящей популярности и значение в контексте развития исторического сознания в Англии на рубеже 1920–30-х гг. Автор исходит из того, что эта мистификация получила популярность на фоне общественного разочарования в идеологии викторианской и эдвардианской эпохи. Трагедия первой мировой войны привела к ослаблению чувства национального превосходства и имперского величия. Тип учебника, сложившийся в начале XX в., известный как национальный нарратив, основанный на патриотической риторике, вызывал теперь изрядную долю критики. В статье показано, как комическое, построенное по правилам английского юмора, понятное и близкое публике, подрывало представление о единственно верной национальной истории, какой она выступала в школьных учебниках.

Ключевые слова: «1066 и все такое», Британия и ее роль в мире, короли и королевы, сатира, английский юмор, школьный учебник истории.

Одним из направлений, возникших во время «историографической революции» 1980–90-х гг., была новая интеллектуальная история. Между видами интеллектуальной истории, традиционной и новой, два главных отличия. Во-первых, традиционная интеллектуальная история, занимавшаяся историей мысли, отдавала предпочтение классическим образцам, шедеврам гениев. Новая история охотнее обращалась к массовой культуре и ее интеллектуальным проявлениям. Второе отличие более существенно. Классическая интеллектуальная история смотрела на историю мысли как на воплощение высокого предназначения *homo sapiens*, способного преобразовывать мир. Новая интеллектуальная история испытала сильное влияние методологии постмодернизма и видела в идеях выражение дискурсов современной эпохи. Так, заслуга Кембриджской школы (Кв. Скиннер, Д. Покок) состоит в том, что она указала на исторический контекст как источник идей. Соблазнительно вспомнить об этом, обсуждая необычный интеллектуальный продукт.

В 1930 г. вышла книжечка Уильяма Селлара и Роберта Йетмена «1066 и все такое». По форме она напоминала учебник истории для начальной школы, но стала самой знаменитой сатирой (возможно, не только в Англии) на него. Эта пародия помогает увидеть особенности и недостатки традиционного учебника с непривычного ракурса. Об авторах известно немного: вместе учились в Оксфорде, участвовали в I мировой войне (т.е. принадлежали к «потерянному поколению»), о котором с горечью писал Э.М. Ремарк), в 1920-х гг. один директорствовал в школе (ремесло учителя знакомо не понаслышке), другой был журналистом.

Иллюстрации выполнил художник Джон Рейнольдс: «Его великолепные рисунки – это готовые граффити. Их черный юмор завораживает тем ужасом, который делает темницы любимым местом проведения школьных экскурсий, и рассказы о жестокостях прошлого эффективным способом удерживать внимание аудитории»¹.

Со времени появления до наших дней книга издавалась десятки раз, оставаясь одной из самых популярных пародий в английской литературе. Профессор Майлин Ньюитт однажды сказал мне об этой небольшой книге: «Она со мной с самого начала и всегда». Однако тут же оговорился, что видит в ней сатиру не на историю Британии, а на то, как ее преподают. Берусь утверждать: любой подданный английской короны, имеющий отношение или интерес к истории, знаком с ней. Шедевр Селлара и Йетмена стал образцом для ряда других подобных пародий, в названиях сохранивших свой источник, например, «1984 и все такое». Они выходили в Шотландии и США. В Лондоне в 1930–1940-х гг. ставилась пьеса по книге Селлара и Йетмана. Так что эта комическая пародия на школьный учебник имеет собственную историю.

Об этой книге историки вспоминали не раз, чтобы подчеркнуть собственные концептуальные позиции. В монографии о внешней политике Британии в «долгий» XIX век британский историк М. Чемберлен, характеризуя отношение британцев к роли своей страны, использовала «бессмертную фразу» (*top nation*) из «1066 и все такое»:

«Вера в существование добрых либеральных закономерностей, защищаемых Британией, была стартовым пунктом целого набора мифов. Век с 1815 по 1914 г. представлял единство, одновременно уникальное и обычное, в смысле отношения Британии к окружающему миру. Существовала подспудная вера в то, что Великобритания была, пользуясь бессмертными словами Селлара и Йетмена (1930), “топ-нацией”, по крайней мере, до 1918 года, когда этот титул перешел к США. На этом, как считали британцы, история поставила точку. “1066 и все такое” – это сатира, и как любая успешная сатира, основана на нелицеприятной правде. Британская публика верила, что Великобритания обладала особым положением в мире, и когда в XX веке разрыв между мифом и реальностью стал слишком очевидным, чтобы его не замечать, воцарились растерянность и разочарование. Если в сочинениях начала XX в. констатировался статус Британии как мировой державы, то в современных исследованиях ставится вопрос: когда начался ее упадок, и можно ли было его избежать?»².

Собственно, фраза о точке – просто повторение из «1066 и все другое». Последняя 62 глава называлась «Плохая вещь» и состояла всего из нескольких слов: «Так что Америка точно стала топ-нацией, и история подошла к концу»³. В то же время американский историк Д. Лоуэнталь, подразумевая, видимо, снижение качества исторического образования новых поколений и слабые знания исторических фактов, выразил сомнения в том, что теперешнему читателю мистификация «1066 и все та-

¹ Samuel: 212.

² Chamberlain 1995: 6.

³ Sellar, Yeatman 1997: 123

кое» покажется смешной, потому что он знает мало дат и имен, которые она высмеивает»⁴. Ведь шутка «работает» только тогда, когда существует общий контекст. Исследователь юмора У. Нэш подчеркнул: «Почти всегда юмор предполагает наличие общего для юмориста и аудитории фактического знания, например о том, что у Генриха VIII было шесть жен, у Нельсона один глаз, а Линкольн был убит в театре (Но если отбросить случившееся, миссис Линкольн, понравилась ли Вам пьеса?)»⁵.

Я убедился в важности общих знаний и представлений аудитории, когда обратился к «1066 и все такое» на занятиях со студентами в курсе по анализу школьного учебника истории. Быстро выяснилось, что они не воспринимали текст эмоционально, поскольку не обладали достаточным уровнем знаний по истории Англии. Приходилось разъяснять едва ли не каждый эпизод, что сводило комический эффект к нулю. Английский филолог Э. Росс писала: «Юмор, от политической сатиры до шутки, значим как способ установления дружеских взаимоотношений и исключения других»⁶. В нем важен не только личный вкус, но и «сильный социальный аспект». Одна шутка может «прозвучать» в одном контексте, и «умереть» в другом: «Юмор с трудом преодолевает временные границы и границы социальных групп; юмор так же устаревает, как мода, и часто зависит от конкретных культур и ценностей»⁷. Нэш отмечал, что устный и письменный юмор различаются по природе: устный юмор прост и обычно является повторением набора типичных шуток или каламбуров. Наоборот, письменный юмор «имеет множество ассоциаций и связей»⁸. Пародия Селлара и Йетмена многослойна и разновекторна, она сочетала обе природы, став частью поп-культуры.

Чем же привлекает пародия Селлара и Йетмена? Во-первых, в ней в утрированном виде представлены все приемы учебной презентации исторического материала, особенности педагогической риторики в области истории. Высмеивая тип школьного учебника, сложившийся в начале XX в., узнаваемый и сегодня (хотя не в Англии), авторы пародии вскрыли его слабости, примитивность презентации исторических лиц и событий, убогость наставлений в националистическом духе, противоречивость и архаизм моральных утверждений, вкладываемых в головы учеников. Они использовали игру слов, каламбуры, гиперболы, метафоры, литоты, разнообразные языковые средства для создания эффекта комического. Бесконечное повторение в учебниках, как заклинаний, таких слов, как «памятная дата»⁹, «топ-нация», прилагательных «хороший» или «плохой» по отношению к королям и королевам, тем или иным лицам или событиям (*good thing / bad thing*), остроумно и безжа-

⁴ Knowing, Teaching and Learning History 2010: 69.

⁵ Nash 1985: 4.

⁶ Ross 1998: IX.

⁷ Ross 1998: 1-2.

⁸ Nash 1985: 20.

⁹ Memorable date (person) – пафосная «памятная дата» превращается у авторов в дату (имя), которое надо или не надо запомнить

лостно обыгрывается авторами¹⁰. О «бессмертной фразе» Селлара и Йетмена (на этот раз о «плохих королях») вспомнил в 1972 г. крупный английский историк XX века А. Тейлор: «Опыт показывает, что управление по наследству – не лучшая вещь, чтобы проявить способности. Но мы все равно видим в королях род способностей, как у тех, кто сам пробивался наверх... Мы забываем, что большинство этих героев занимались тем, что показывали себя и наслаждались жизнью: охотились, волочились за любовницами, строили дворцы, собирали коллекции произведений искусства, наконец, просто ели и пили. Если они слишком этим увлекались, то хулим их за пренебрежение тем, что считаем их главной обязанностью – править»¹¹. Возвращаясь к антитезе «хороший/плохой», напомним мнение российских исследователей массового исторического сознания американцев: «К функции поддержания (задания) образцов прежде всего можно отнести трансляцию моральных норм и накопление социального опыта. Смысловое поле истории индуцируется нравственными практиками, общими понятиями о том, что “хорошо” и что “плохо”, что допустимо и что неприемлемо»¹².

У книги Селлара и Йетмена есть подзаголовок «Памятная история Англии, состоящая из того, что вы запомнили, включая 103 хороших дела, 5 плохих королей и 2 подлинные даты». Абсурд – средство, к которому авторы прибегали, используя оксюмороны и формулируя абсурдные вопросы. Эта книга – авторский вариант отрывочных сведений, путаницы, которая остается в головах после изучения истории в школе. Известный английский педагог-методист Джонатан Никол, обосновывая переход к новой парадигме, предполагающей развитие критического мышления учащихся в качестве главной задачи обучения истории, подчеркивал неэффективность традиционных подходов. В 1989 г., в разгар обсуждения школьных стандартов, он проводил рабочую встречу с родителями и, чтобы завязать диалог, попросил припомнить исторические факты, знакомые со школы. «Результат был великолепным, – иронизировал Никол, он был куда больше похож на “1066 и все такое”, чем свидетельствовал об учебном рвении»¹³. В 1994 г. аналогичный результат был получен при интервьюировании 32-х учителей начальной школы из Эйвона и Дорсета. По мнению большинства английских педагогов, преподавание истории приобрело подлинный смысл, когда осуществился переход от «патриотического нарратива» к развитию критического мышления на основе работы с источниками.

У авторов книги был непосредственный объект для пародирования – довольно популярный учебник «История нашего острова» Генриетты Э. Маршалл, впервые опубликованный еще в 1905 г. В Интернете можно найти американское издание этого учебника, вышедшее в 1920 г.

¹⁰ В контексте книги лучшим вариантом перевода является слово «дело» (то есть, случившаяся вещь), например: «и это хорошее дело».

¹¹ Taylor 1993: 41.

¹² Савельева, Полетаев 2008: 22.

¹³ Nichol 1999: 6.

Особенность данного издания в наличии введения, составленного в форме беседы отца с детьми¹⁴. Оно служило отправной точкой для рассказа о стране, в которой жили их предки. Ниже мы сравним несколько отрывков из этих двух книг. Старый учебник Г. Маршалл не так давно вызвал в Англии общественный резонанс в связи с высказываниями тогдашнего премьера страны Д. Кэмерона при проведении референдума о независимости Шотландии. Он вспомнил об этой книге, что, как писала газета «Гардиан», «заставило многих изумленно поднять брови». Причем Кэмерон не впервые упомянул этот учебник. Он и раньше называл его «своей навсегда любимой детской книжкой». В контексте проблем англо-шотландских отношений данная ссылка не удивляет: Маршалл действительно считала унию Англии и Шотландии, предопределенной на все времена, придерживаясь в этом взглядов старых шотландских тори, вроде Вальтера Скотта. Она, писавшая свой учебник в Австралии, видела прогресс в достижении британского единства и укреплении Содружества. Но по мнению «Гардиан», ссылка на эту книгу в устах лидера консерваторов звучала странно, поскольку идеологическая позиция Маршалл была радикальной, а не торийской¹⁵. Она неустанно критиковала «плохих» королей, таких, как Вильгельм Завоеватель, Иоанн Безземельный или Карл I, симпатизировала народным движениям, например крестьянам, в 1381 г. восставшим под руководством Уота Тайлера.

И все же сатира Селлара и Йетмана приобрела громадную популярность, поскольку в ней подверглась осмеянию не одна книга, а формы презентации и идеи, которые вкладывались в головы школьников многими авторами учебников. В этом легко убедиться, если сравнить учебник Маршалл с сериями учебников, изданных в Англии в первой половине XX в., такими как «Здание истории», «Создатели Содружества» или «Магистраль истории».

Учебник Г. Маршалл принадлежал к типу учебника истории, сложившемуся на рубеже XIX–XX вв. Его называют «национальным» или «патриотическим нарративом». Учебники такого рода прославляли собственную нацию, ее качества и достижения, подчеркивали ее особую роль в мире. Они базировались на либерально-вигской концепции прогресса, во главу которого ставилась Великобритания. Уже в XIX в. прозвучали опасения, не будут ли такие учебники способствовать непониманию между народами и взаимной ненависти. В авторитетном и в наши дни исследовании английский ученый В. Ченслер писала: «Безусловно, есть правда в том, что учебники по истории стали более *джингоистскими* к концу XIX в. Акцент на величии британских владений и идеалов империи, стереотипное описание национальных достоинств по сравнению с низшими расами, проповедь патриотических обязанностей – все это позволяет говорить об усилении национального чувства. Сыграло ли это чувство роль в приближении войны, или оно само являлось

¹⁴ An Island History 1920.

¹⁵ Our Island Story 2014.

следствием напряженности в Европе – вопрос конъюнктурный. Тем не менее, примечательно, что и в такое время столь многие авторы учебников для детей сумели сохранить критическое отношение к действиям своей нации за рубежом. Традиционное представление о том, что власть накладывает моральные обязательства, твердо противостояло подходу “права или нет, но это моя страна...”. Если и были такие, кто хотел развить бездумное послушание призывами к патриотизму, ведущими к производству «пушечного мяса», то среди авторов учебников истории к этой группе относились только немногие»¹⁶. Одним из самых националистических по духу был воспевавший имперские ценности учебник «Школьная история Англии», вышедший в 1911 г. Он любопытен тем, что одним из авторов был получивший незадолго до того Нобелевскую премию по литературе поэт Р. Киплинг. Его прославлявшие миссию империи стихи были частью этого учебника.

После I мировой войны закрепилась точка зрения: учебники послужили пропаганде национального превосходства, следовательно, способствовали ее возникновению. Лига Наций предприняла усилия, чтобы историческое образование стало инструментом мира. Широко распространилось мнение, что «излишек патриотизма в преподавании истории сделал Великую войну возможной и даже неизбежной», что одной из ее причин был, по выражению писателя Герберта Уэллса, «яд истории». Антитезой националистическому представлению о роли истории стала концепция «патриотического интернационализма». Международный комитет по интеллектуальному сотрудничеству Лиги Наций рекомендовал школе отказаться от узко националистического взгляда и расширить преподавание истории других стран и народов¹⁷. Так что «1066 и все такое» в какой-то степени отразило данную тенденцию, обеспечив новым идеям широкий круг сторонников. Правда, в отрицании военной героики Селлар и Йетмен шли куда дальше «патриотического интернационализма». Их труд – трудно не согласиться с Р. Самуэлем – носил антивоенный характер. Примером такого рода литературы был роман Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», шедевр антивоенной сатиры. Наши авторы, пройдя войну, имели право смеяться над стереотипами и заблуждениями: «Новая политика мира короля Эдуарда (VII – A.C.) была очень успешной, ее кульминацией была Великая война за то, чтобы закончить войну. Эта миролюбивая и неотвратимая борьба проходила в царствование Хорошего и памятного Его Величества короля Георга V, и она была причиной нашего времени и конца истории». Война «продолжалась три года или периода. Американцы оказались на 100% победителями. Сначала русские оказали большую помощь американскому делу, одолжив памятный паровой каток, а также тем, что однажды воскресным утром перед завтраком прошли через Англию со снегом на сапогах. Американцам также помогали австралийцы (AZTECS,

¹⁶ Chancellor 1970: 137-138,

¹⁷ Osborne 2016: 216.

вместо ANZAK, австралийский и новозеландский военный корпус – А.С.), несколько канадцев и 51 шотландский горец. Хотя во время войны произошло несколько сражений, ни одно из них не было таким ужасным, как Мир, подписанный в навсегда памятном Зале Ужасов в Версале, единственной причиной которого были памятные американские государственные деятели, президент Вильсон и полковник Белый дом»¹⁸.

Англичане любят свою страну, ее достопримечательности и ее историю, но они не приемлют напыщенной серьезности и патриотического пафоса. Культурный антрополог Кейт Фокс писала: «С неприятием и презрением мы воспринимаем сентиментальный патриотизм вождей и напыщенную серьезность писателей, художников, артистов, музыкантов, ученых мужей и других общественных деятелей всех национальностей, ведь англичане за двадцать шагов чуют малейший намек на важничанье»¹⁹. И далее: «Англичанам несвойственно хвастаться своим патриотизмом. По сути, и проявления патриотизма, и хвастовство считаются заслуживающими порицания качествами, поэтому сочетание этих двух пороков вдвойне постыдно. Но из данного правила есть одно исключение: мы испытываем патриотическую гордость за наше чувство юмора, и особенно за виртуозное умение иронизировать»²⁰.

Во-вторых, английская сатира не имеет запретов и ограничений, чувство юмора считается частью английского национального характера. Традиция сатиры присутствовала в английской литературе, по меньшей мере, со времен Чосера, и надо признать: хотя Селлар и Йетмен не Свифт, не Теккерея и не Диккенс, они оставили свой след. Говорят, что по-настоящему задеть англичанина можно только сказав ему две вещи: что он не любит собак и что он не понимает юмора²¹. После Французской революции, со вступлением Европы в век национализма концепция национального характера стала важным средством формирования идентичности и самоидентификации. В «Культурной истории юмора» говорится: «Распространенной ошибкой является предположение, что существует нечто вроде “онтологии юмора”, что юмор и смех имеют транскультурный и неисторический характер. Смех, как и юмор, культурно детерминированный феномен»²². Частью представлений об английском национальном характере является признание особого свойства – шутить не так, как это делают представители других наций. Авторы исследования по культурной истории определяли юмор «как любое послание, выраженное в действии, словах, письме, изображениях или музыке, направленное на то, чтобы вызвать улыбку или смех».²³ Защитниками

¹⁸ Seller, Yeatman 1997: 121-122. Каламбур со словом «ужасный»: “Chamber of Horrors” вместо “Chamber of Mirrors”. Почему мир ужаснее любого сражения? Как иначе, если его подписали в Зале ужасов? White House вместо имени советника Вильсона полковника Хауза.

¹⁹ Фокс 2008: 81.

²⁰ Фокс 2008: 83.

²¹ The Character of England 1947: 350.

²² A Cultural History of Humour 1997: 5.

²³ A Cultural History of Humour 1997: 1.

священного права – шутить по-особому – являются, прежде всего, сами англичане. Трудно не согласиться с российским исследователем английской литературы: «Англичане гордятся своим юмором и не без основания считают его своим национальным богатством. Они болезненно относятся к оценке его со стороны иностранцев. Можно усомниться в любом национальном достоинстве англичан, традиционно приписываемом их характеру – вежливости, изобретательности, терпимости, – ничто не ущемит их национального самолюбия так, как суждения об отсутствии у них юмора».²⁴ Поэтому пародия Селлара и Йетмена была «обречена» на успех в исторической культуре британского общества середины XX в.

Описания европейских путешественников, в т.ч. русских, побывавших в Англии в конце XVIII – первой половине XIX в., показало, что многие, особенно плохо знавшие английский язык, не понимали английский юмор и даже считали англичан мрачными и угрюмыми, но не веселыми, как французы²⁵. Н.М. Карамзин, как большинство иностранцев, не осознал особенность английского юмора, заключающуюся в том, что англичанин, когда шутит, как правило, сохраняет совершенно серьезный вид, что часто вводит иностранцев в заблуждение. Как пишет В.П. Шестаков, «английский юмор не сводится к простой шутливости. Действительно, одна и характерная особенность английского юмора в том, что он сохраняет серьезность, когда шутит. Шутливость и серьезность – это два необходимых элемента в английском юморе»²⁶. Селлар и Йетмен на «полном серьезе» и одновременно шутливо представили свое сочинение как результат «многолетнего исследования, проведенного в гольф-клубах, оружейных комнатах, оранжереях и т.д. Например, две из четырех памятных дат, включенных вначале в повествование, были в последний момент вычеркнуты, так как исследование в Итоне и Хэрроу, показало, что это вовсе не памятные даты»²⁷.

Одним из немногих русских путешественников, оценивших англичан как нацию, обладавшую веселостью и прекрасным чувством юмора, был видный славянофил и большой поклонник Англии А.С. Хомяков, особо отметивший такую его черту, как «ребячливость». Он с удивлением наблюдал, как «взрослые девушки играли со своими ровесниками, будто дети». Сами англичане считают «детскость» одним из признаков английского юмора. Через сто лет после Хомякова дипломат и историк Г. Николсон в книге, посвященной английскому юмору, задавал вопрос: «Не является ли английское чувство юмора всего лишь воплощением таких национальных характеристик, как доброта, толерантность, сентиментальность, оптимизм, лень, игривость, ребячество, нелюбовь к крайностям и стремление к умственному и эмоциональному облегчению?»²⁸ Он предполагал, что в английском юморе присутствует «особое сочета-

²⁴ Шестаков 2010: 64.

²⁵ Соколов 2013: 310–327.

²⁶ Шестаков 2010: 87.

²⁷ Sellar, Yeatman 1997: 5.

²⁸ Nicolson 1956: 3.

ние насмешки и важности, что в нем выражены скорее нервные, чем интеллектуальные реакции, что он предполагает надевание неожиданных масок, что он содержит большую долю воображения, что он иногда дегенерирует в буффонаду и ребячество. Немногие будут отрицать, что любовь к чуши составляет значительный компонент английского юмора». ²⁹ Пародия «1066 и все такое» человеку, незнакомому с английским юмором, вполне может показаться набором такой чуши. В английском юморе культурный антрополог К. Фокс выделяла правило преуменьшения и правило «самоуничижения», поощряющее самоиронию: «Как бы поощряется демонстрация скромности. Это скрытый юмор, зачастую почти неуловимый. Умалая собственное достоинство, мы подразумеваем противоположное, мы высоко ценим человека, который принижает себя. Проблемы возникают, когда англичане следуют этому правилу в разговоре с представителями других культур, которые не способны оценить иронию и принимают наши самоуничижительные заявления за чистую монету» ³⁰. Кому-то самоирония при написании истории своей страны может казаться чрезмерной и даже недопустимой, но не англичанам: «Наше пристрастие к самоуничижению можно рассматривать как форму иронии. Обычно это не проявление подлинной скромности; мы обычно говорим противоположное тому, что имеем в виду, или – по крайней мере – противоположное тому, что, по нашему замыслу, люди должны понять» ³¹. Эти особенности дают ключ к пониманию стилистики «1066 и все такое». В следующих словах источника можно обнаружить данное правило: «Пользуясь возможностью, признаем наш неопределимый долг перед массой образованных мужчин и женщин этой расы, чья историческая интуиция и мнения сделали эту работу возможной. Также благодарим великий британский народ, без готовности которого жертвовать собой, чтобы стать топ-нацией, не было бы (памятной) истории», – тут можно усмотреть правило самоуничижения и в то же время неприятие пафоса «патриотического нарратива» ³².

В-третьих, созданию «1066 и все такое» способствовала трансформация исторического сознания английского общества после I мировой войны. Именно это подразумевала М. Чемберлен. По словам английского историка-марксиста Р. Самюэла, авторы этой пародии были «пионерами ревизионизма» в британской историографии. Они подняли топор на концепцию консервативных историков, будто историю делают «великие люди». В то же время «их бурлеск не оставил пространства для [либеральной] идеи прогресса о «свободе, расширившейся от прецедента к прецеденту» или о «развитии свободы под покровительством закона» ³³. Сатира Селлера и Йетмена – продукт своего времени. Под влиянием травмы, нанесенной Великой войной, эта книга стала проявлением

²⁹ Nicolson 1956: 22.

³⁰ Фокс 2008: 90.

³¹ Фокс 2008: 88.

³² Sellar, Yeatman 1997: 5.

³³ Samuel 1999: 209.

отхода от идеи национального величия и героического прошлого. Британцы уже не казались расой господ, предназначенной для мирового лидерства, как этому учили в школах в царствование Эдуарда VII. Нацеленность на то, чтобы быть «номер один», «топ-нацией», представлялась теперь, по меньшей мере, странной, а короли и королевы больше не служили моральным уроком добра и зла, а попросту выглядели бестолковыми созданиями. Развенчание героики прошлого стало в 1920-х гг. «национальным спортом, формой анестезии, спасения от боли», и Селлар и Йетмен, прошедшие полями войны, выражали эту тенденцию³⁴.

Рафаэл Самюэл ставил Селлара и Йетмена в один ряд с крупнейшими представителями британской историографии того времени: Льюисом Нэмиром и Гербертом Баттерфилдом. Действительно, работы вышли почти одновременно: «Политическая структура Англии к моменту воцарения Георга III» Нэмира в 1929 г., «1066 и все такое» в 1930 г., «Вигская интерпретация истории» Баттерфилда в 1931 г. Нэмир работал в жанре коллективной биографии, описав парламент 1761 г. Его труд перечеркнул взгляд вигов на укрепление парламента как критерий прогресса в истории Англии. В основу политики он поместил не принципы и заботу об интересах страны, а личные мотивы депутатов: получение sinecur, доходов и других преимуществ. Баттерфилд критиковал стремление «писать со стороны протестантов и вигов, восхвалять революцию, утверждая, что они имели успех, подчеркивать определенные принципы прогресса в прошлом и создавать историю, которая является подтверждением, если не восхвалением, настоящего». Впрочем, тенденция к пересмотру патриотической традиции возникла раньше, сразу после войны, одной из первых ласточек была книга Литтона Стречи «Именитые викторианцы», вышедшая в 1918 г.³⁵ Он принадлежал к кружку интеллектуалов, известных как группа Блумсбери, в нее входили такие знаменитости, как М. Кейнс и Л. Вульф. Книга состояла из четырех биографий викторианской эпохи: кардинала Мэнинга, Флоренс Найтингейл, реформатора образования, директора школы Рэгби Т. Арнольда и генерала Гордона. Эти биографии далеки от апологетики: в лице Мэнинга автор критиковал евангелизм, являвшийся важнейшей частью религиозной культуры XIX века. Изображая сестру милосердия Найтингейл, он опроверг один из главных мифов викторианской эпохи – она приобрела славу во время Крымской войны, но большую часть жизни, после возвращения, потратила на безрезультатную борьбу с военной бюрократией. Рассмотрев биографию Арнольда, Стречи показал ограниченность либеральной идеи прогресса. В деятельности Гордона он видел скрытую страсть к славе и свидетельство принадлежности к самой агрессивной фракции в руководстве страны.

В условиях довольно широкого общественного неприятия ценностей и героики викторианской эпохи появилась сатирическая пародия

³⁴ Samuel 1999: 209.

³⁵ Strachey 1986.

«1066 и все такое». «Обязательное введение» напоминало читателю, что роль учебника в формировании исторической культуры не бесспорна: «Прежде истории писались с целью возвысить авторов. Цель этой книги в том, чтобы утешить читателя. История – не то, что Вы думаете. Это то, что вы смогли запомнить. Перед вами единственная история Англии, которую вы запомнили». В процессе школьного обучения приобретаются не стройные систематические знания, а остаются отдельные путаные сведения, которые причудливо сплетаются в сознании человека. Возможно, для иллюстрации получаемого результата вполне подходит русская поговорка «Слышать звон, да не знать, где он». По крайней мере, Селлар и Йетмен намекали на это. Они повернули все вверх дном: вместо последовательности «от учебника – к тому, что осталось в голове», у них наоборот: их «учебник» пародирует стереотипы общественного сознания.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Савельева И.М., Поletaev A.B. Социальные представления и прошлом, или знают ли американцы историю. М.: Новое литературное обозрение, 2008 [Savelyeva I.M., Poletaev A.V. Sozialniye predstavleniya o proshlom, ili zhayut li amerikantsi istoriyu. M.: Novoye literaturnoe obozreniye, 2008]
- Соколов А.Б. Юмор как черта английского национального характера (по сочинениям путешественников конца XVIII – первой половины XIX вв.) // Диалог со временем. 2013. Т. 44. С. 310–327. [Sokolov A.B. Yumor kak cherta angliyskogo natsionalnogo kharaktera // Dialog so vremenem. 2013. T. 44. S. 310–327].
- Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. М.: РИПОЛ классик, 2008 [Foks K. Nabludaya za anglichanami. Skryityie pravila povedeniya. M.: Ripol klasik, 2008]
- Шестаков В.П. Английская литература и английский национальный характер. СПб.: Нестор-история, 2010 [Shestakov V.P. Angliyskaya literature I angliyskiy nazionalnyi kharakter. SPb.: Nestor-istoriya, 2010]
- Chamberlain M. “Pax Britannica”? British Foreign Policy 1789–1914. L.: Longman, 1995[1988].
- Chancellor V. History for their Masters. Opinion in the English History textbooks 1800-1914. Bath: Adams and Dart, 1970.
- The Character of England / Ed. by E. Barker. Oxford: Clarendon Press, 1947.
- A Cultural History of Humour. From Antiquity to the Present Day / Ed. by J. Bremmer and H. Roodenburg. N.Y.: Polity Press, 1997.
- An Island History / by H.E. Marshall. N.Y.: Frederick A. Stokes, 1920 // digital.library.upenn.edu.
- Our Island Story: Not as Conservative as David Cameron Imagines. The Guardian. 2014. February 7. <https://www.guardian.com>feb>.
- Knowing, Teaching, and Learning History: National and International Perspectives // Ed. by P.N. Stearn, P. Seixas, S. Wineburg. New York: University Press, 2000.
- Nash W. The Language of Humour. Style and Technique in Comic Discourse. L.: Longman, 1985.
- Nichol Jon. Who Wants to Flight? Who Wants to Flee? Teaching History from “Thinking Skills” Perspective // Teaching History. 1999. N 95. P. 6-11.
- Nicolson H. The English Sense of Humour and Other Essays. L.: Constable and Company Ltd, 1956.
- Osborne K. Creating the “International Mind”: The League of Nations Attempts to Reform History Teaching 1920-1939 // History of education Quarterly. 2016. V. 56. N. 2. P. 213-240.
- Ross A. The Language of Humour. L.: Routledge, 1998.
- Samuel R. Island Stories: Unravelling Britain. Theatres of Memory, Volume II / ed. by E. Light. L.: Verso, 1999 [1998].
- Sellar W.C., Yeatman R.J. 1066 and All That. A Mandarin Humour Classic, 1997 [Methuens, 1930].
- Strachey L. Eminent Victorians. L.: Penguin Books, 1986 [1918].
- Taylor A.P. From Napoleon to the Second International. Essays on Nineteenth Century Europe. L.: Penguin Books. 1993.

Соколов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского.

**Alfred the Cake and the Other Heroes of British History:
About One Famous Satire on School Textbook. Part 1**

A small book “1066 and All that” – satire on modern school history textbook written by Walter Sells and Robert Yetman was published in London in 1930. It is still one of the most famous satirical works in English literature of the XX century. The distinctive features and content of this parody are regarded to understand the causes of its’ lasting popularity, as well as its’ place in the context of development of historical consciousness in England at the end of 1920s and beginning of 1930s. The author takes point that this mystification became popular in the conditions of civil disappointment in ideology of Victorian and Edwardian time. The tragedy of the First World War led to weakening of the feeling of national and imperial greatness and superiority. The type of textbook constructed at the beginning of the XX century, known as national narrative and based on patriotic rhetoric, received a great share of criticism in new conditions. It is shown that the comic elements were built according to the rules of English humour, which means understandable and congenial to the public, undermined representation of the only authentic national history as it was reflected in school textbooks, and its’ heroes.

Key words: “1066 and All That”, Britain and its’ role in the world, kings and queens, satire, English humour, school history textbook.

Andrei B. Sokolov PhD (History), Professor, Yaroslavl State Ushinsky Pedagogical University.

Д.С. МИТЮРЁВА

ПОНЯТИЕ «COMMONWEALTH» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКЕ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В АНГЛИИ XVII ВЕКА¹

В статье рассматривается история употребления термина «commonwealth» в Англии во время гражданской войны XVII в. К середине XVII в. понятие «commonwealth» имело три значения: религиозное сообщество, монархический республиканизм, народный республиканизм. Предпринята попытка проследить как роялисты и парламентарии использовали позитивное смысловое поле термина: порядок, справедливость, стабильность, благосостояние, свобода. Монархический республиканизм был главным течением в английской политической мысли XVII в. и обе стороны конфликта понимали «commonwealth» как гармоничное правление «короля-в-парламенте». Установление Республики в 1649 г. стало началом развития классического республиканизма в Англии, хотя базовое представление о «commonwealth» как о политическом теле, в котором возможны разные формы государственного устройства, не претерпело существенных изменений. После Реставрации Стюартов началось конструирование негативного образа режима Кромвеля, что создало вокруг понятия «commonwealth» противоположное смысловое поле: гражданская война, мятеж, восстание, анархия. На примере ряда ординарных писателей показано как использование термина в политической полемике стало неудобным и двусмысленным, что привело к вытеснению понятия из публичной речи и использованию слова «republic».

Ключевые слова: *commonwealth, республика, государство, Англия, XVII век, гражданская война, политический язык.*

У понятия «республика» в европейских языках была нелинейная судьба: везде происходило удвоение, а то и утроение значений, а его общая траектория на рубеже Нового времени сдвигалась от значения «государства» к «народному правлению». В английском языке это понятие имеет ряд особенностей. Английская традиция начала с того, что перевела это понятие, сделав буквальную кальку – «*commonwealth*». Это уже была некая адаптация понятия под свои реалии.

Историю понятия «*commonwealth*» с начала его появления в XV в. до конца XVIII в. хорошо раскрыла группа британских исследователей под руководством Марка Найта². Также существует множество исследований (в т.ч. на русском языке³) о содержании термина при Тюдорах и первых Стюартах⁴. В этом тексте мы попытаемся выделить траекторию понятия в годы гражданской войны, сделать некоторые акценты на семантической эволюции, которую прошел или мог пройти данный термин. В годы гражданской войны было опубликовано огромное количе-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 23-78-01101 «Политические публицисты в Английской гражданской войне XVII в.: цифровая просопография»), <https://rscf.ru/project/23-78-01101/>.

² Knights 2011: 659–687.

³ Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века 2021: 266–310; Хархордин 2021: 66–86; Томсинов 2012: 95–108.

⁴ Collinson 2002: 89–95; Cromartie 2006; Dauber 2016; Political thought and the Tudor Commonwealth 1992; The Monarchical Republic of Early Modern England 2007.

ство полемических текстов, в которых используется понятие «*commonwealth*», рассмотреть их все невозможно. Мы сознательно избегали обращения к известным авторам и текстам и, напротив, опирались на сочинения малоизученные, рядовые, в том числе потому, что в них можно уловить выражающее норму неосознанное словоупотребление.

В качестве вводной части приведем основные моменты появления понятия «*commonwealth*» в английском языке. Лексической основой слова является сочетание середины XV в. «*common weal*» – термин для обозначения общего блага, который получил распространение среди критиков правления Генриха VI. Представления о «*bonum commune*», «*utilitas communis*» и «*utilitas publica*», основанные на трудах Аристотеля, Цицерона, Августина и других философов, были неотъемлемой частью европейской политической мысли. «*Common weal(th)*» стало лишь последним в череде терминов – «*common profit*», «*thynge public*», «*good public*», обозначающих этические и социальные цели правления, его обязанность обеспечивать безопасность, общественный порядок, справедливость, мир и процветание⁵. Так, Томас Элиот, автор трактата о правильном воспитании государя, был категорически против перевода «*res publica*» как «*commonwealth*», поскольку последнее может быть истолковано как социальное равенство. По его убеждению, в государстве должна существовать иерархия, где «*res*» (имущество) не является общим. Более точным для него был перевод «*res publica*» как «*public weal*», а «*common weal(th)*» он считал соответствующим латинскому «*res plebeia*»⁶. Хотя «*weal*» и «*wealth*» (блага и богатство) были практически взаимозаменяемы в средневековом английском языке, некоторые современники считали разницу принципиальной. Роберт Филмер в предисловии к трактату «Необходимость абсолютной власти всех королей» (1648) отмечает, что вариант «*commonweale*» более корректен, чем «*commonwealth*», которое можно интерпретировать как «народное правление, в котором богатство и вещи будут общими»⁷, т.е. первый термин отражает характеристику «общего блага» как «общего дела», второй относится к области общественного имущества. У термина был и второй смысл, связанный с понятиями «*commune*» и «*community*» – политической коллективности, представленной в Английском королевстве парламентом.

Политический кризис в Англии, начавшийся в 1640-х гг., запустил серию дебатов, в ходе которых была предпринята попытка переосмыслить наследие политических сочинений, обсуждавших преимущества разных форм правления и государственного устройства. Можно встретить утверждение, что эти дебаты привели к трансформации концепции государства и общества в Англии⁸. Однако этот тезис не столь однозначен, и история понятия «*commonwealth*» может это проиллюстрировать.

⁵ Knights 2011: 663.

⁶ Condren 1994: 45.

⁷ Smith 1963: 248–252.

⁸ Пинкус 2017: 22.

Понятие «*commonwealth*» в середине XVII в., когда в Англии случился политический коллапс, уже имело все три значения, о которых пойдет речь в статье: религиозное сообщество, монархический республиканизм, народный республиканизм. Все они сосуществовали параллельно, иногда пересекаясь, в зависимости от контекста. Политический язык Нового времени только складывался и употребление понятий не было строго разграничено: «*commonwealth*» употреблялось как синоним «*state*», «*realm*», «*kingdom*» порой даже в одном предложении.

1. Религиозное сообщество – «*Christian commonwealth*». В Средние века связь церковной и политической терминологии очень тесная, и светская традиция формировалась, заимствуя определения из церковной. Представление о *corpus (mysticum) Christi*, заложенное определением Св. Павла христианской церкви как мирового сообщества, во главе которого находится Христос, вытеснялось светским содержанием и превращалось в *corpus reipublicae mysticum* – совершенное королевство, управляемое королем в качестве викария Христа⁹. Отсюда уже, как пояснил А.В. Марей, вытекала двойственность понятия: для Аврелия Августина и Фомы Аквинского оно служило определением и церкви как *respublica* всех христиан (*respublica omnium Christianorum*), и для обозначения политической общности вообще¹⁰. Однако значение религиозного сообщества было первостепенно: это было христианское переосмысление цicerоновского определения «*res publica*» как общности, единства, согласия в вере¹¹.

Словосочетание «*Christian commonwealth*» стало активно использоваться в эпоху Реформации для оправдания происходивших изменений и использовалось для обозначения идеала государства как христианской общины. Пропагандисты утверждали, что протестантские реформы способствуют установлению «общественного блага» и продвижению интересов самых разных людей¹². Это значение в большей степени указывает на (со)общество в первую очередь верующих, а затем граждан. В этом отличие религиозного понимания «*commonwealth*» от двух политических значений, которые семантически синонимичны государству как аппарату управления. В годы гражданской войны религиозный смысл понятия еще больше вытесняется политическим, но до конца так никогда и не теряется, поскольку для обеих сторон религиозные аргументы оставались средством достижения политических идеалов, центром мировоззрения. Наконец, вероятно, отсюда же, из сообщества верующих, происходит идея народного суверенитета.

Идея «*Christian commonwealth*» была весьма актуальна в свете религиозных распрей, которые происходили в европейских странах. Историк Ричард Ноллс, прославившийся благодаря двум работам – «Всеобщ-

⁹ Канторович 2015: 290–298, 304–306.

¹⁰ Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века 2021: 19–56.

¹¹ Там же; Хархордин 2021: 19–20.

¹² Dauber 2016: 3.

щей истории турок» и переводу на английский язык «Шести книг о государстве» французского юриста Жана Бодена, делает акцент в своих предисловиях на важности именно этого значения «*commonwealth*» (для него более корректно употреблять «*commonweale*»). Ноллис заявляет, что цель его жизни и работы – сделать нечто полезное для *Christian commonweale*. Историк видит в активной турецкой экспансии опасность для всего христианского мира и призывает к единству и религиозному умиротворению в свете внешней угрозы: «Благо всего христианского сообщества никогда еще не подвергалось такой опасности... Только Ваше высочайшее Величество, объединив усилия с остальными христианскими государями, сможет дать ему [христианскому сообществу] спасение от величайшего ужаса, [который несут] варвары»¹³. При этом государства он называет «*Estates*», «*Christian commonweale*» для него – определение более высокого порядка. При этом в другом контексте он употребляет это слово в значении государства: например, Ноллис отмечает, что наука о делах государств (*Commonweales*) является одной из самых важных¹⁴.

2. Монархическая политическая традиция (или монархический республиканизм) была превалирующей в интеллектуальном пространстве Англии XVII в. «*Commonwealth*» в этой традиции – политическое образование, возглавляемое монархом и обладающее набором свойств: *commune / community, public spiritedness, equity, justice, order, harmony, health*¹⁵. Именно это семантическое поле обеспечивало преимущество использования этого термина перед «*realm*» и «*kingdom*». Как точно отметил Дж. Покок: «Добродетель была принципом республик (*Commonweales*)»¹⁶. Иллюстрировалась эта общность при помощи трех метафор: дерево, корабль и тело. Распространенность этих метафор можно проиллюстрировать следующими сочинениями известных авторов: трактат Эдмунда Дадли «*The Tree of Commonwealth*» (1509); трагикомедия Уильяма Шекспира «*Буря*» (1611), где гибель корабля-государства вызывает крушение иерархии и социальных перегородок; широко известный фронтиспис «*Левиафана*» Томаса Гоббса (1651). Метафоры олицетворяют систему, в которой каждая часть важна для целого, будь то корни и ветви, команда корабля или части тела – все играют определенную роль, создают баланс в отношениях государя, аристократии и народа. В английских политических сочинениях эта мысль чаще всего выражалась в идее «смешанного правления», в том, что политическое тело состоит не только из короля, но из короля, двора и совета (или короля совместно с

¹³ «...good of the Christian commonweale in general, never by any so much impugned or endangered ... as unto your most excellent Majesty, with the rest of the Christian princes, sitting at the helme of tour Estates; who only by your united forces (the barbarous enemies greatest terror) are able to give remedy thereunto...» // Knolles 1603: The Epistle Dedicatorie.

¹⁴ «Среди множества великих и глубинных изобретений мировой мудрости, [необходимой] для поддержания и сохранения человеческого общества (основа сохранения у людей земного счастья), самым справедливым, самым прочным и лучшим было установление и формирование государств (*Commonweales*)» // Bodin 1606: To the reader.

¹⁵ Knights 2011: 661, 674.

¹⁶ Покок 2020: 496.

лордами и общинами)¹⁷. Таким образом, второе значение «*commonwealth*» обозначало уже государство, а не общество. Важно, что это государство нормативное: правильно устроенное и правильно управляемое, идеал, от которого отталкивались авторы.

В этом значении понятие «*commonwealth*» тесно связано с пониманием суверенитета. Жан Боден дал ему определение: «Суверенитет есть высшая, абсолютная и вечная/постоянная власть в государстве»¹⁸ и выделил признаки: право принимать и отменять законы, быть верховным судьей, назначать и смещать верховных магистратов, объявлять войну и заключать мир, милловать осужденных¹⁹. Именно от этой теории отталкивались мыслители XVII в., в т.ч. англичане. Определение Бодена вызвало дискуссию о том, кому принадлежит суверенитет в правильно устроенном *commonwealth*. Сам Боден отрицал преимущества «смешанного правления», которое ведет к распаду суверенитета, и соответственно не предполагал участия граждан/подданных в «общем деле». Часть англичан, настроенных про-королевски, подобное объяснение устраивало. Однако большая часть интеллектуалов (в т.ч. роялистов) выражала идеальное устройство *commonwealth* формулой «*король-в-парламенте*».

В дискуссиях XVII в., формулируя идею «смешанного правления», авторы обращались к политическим трактатам Джона Фортеस्कью, Томаса Смита, Джона Кейса. Последние развивали идею о том, что в Англии (в отличие от Франции) правление является и королевским, и политическим²⁰, прославляли период римской государственности после тиранов, но до установления народного правления как равновесный²¹, рисовали Англию как монархию, в которой подданные участвуют в управлении²². Об этих авторах много написано, не будем подробно на них останавливаться. Важно, что именно к их рассуждениям об Английском королевстве обращались авторы периода гражданской войны.

Обе стороны гражданской войны отталкивались от представления об идеальном *commonwealth*, различаясь лишь в акцентах. В качестве примера приведем полемические сочинения, вышедшие в 1642 г., когда аргументы противников еще не приняли радикальный характер.

В начале гражданской войны за высказываниями Карла I с интересом следили и охотно их комментировали. Таким стал «Ответ Его Величества на Девятнадцать предложений». В 1642 г. появился небольшой памфлет, озаглавленный «Замечания о некоторых последних ответах и высказываниях Его Величества»²³. Сочинение было опубликовано анонимно, но известно, что его автором был юрист, писатель и пропаганд-

¹⁷ Канторович 2015: 328.

¹⁸ «*Maiestie or Soveraigntie is the most high, absolute, and perpetuall power over the citisens and subiects in a Commonweale*» // Bodin 1606: 98.

¹⁹ Баязитова 2023.

²⁰ *Political thought and the Tudor Commonwealth* 1992: 5.

²¹ Dauber 2016: 81–113.

²² *Ibid*: 114–152.

²³ Parker 1642.

дист, выступивший на стороне парламента, Генри Паркер. Основной тезис этого текста состоит в том, что монархическая власть подчиняется парламентской, поскольку государь пользуется доверием (*Trust*) народа и служит общественному благу (*publike weale*)²⁴. Интересующий нас термин появляется только четыре раза: два раза в виде «*publike weale*» и два – как «*Commonwealth*»²⁵. Паркер пишет, что действия парламента оправданны и законны, потому что *Commonwealth* находится в опасности²⁶. Также для обозначения государства Паркер использует и «*State*», говоря, что именно парламента является «*Majesticall Body*»²⁷ или «*body of the State*» и обладает «*Sovereign power*»²⁸, а потому он может работать и без короля. Вероятно, между «*Commonwealth*» и «*State*» есть оттенки различия в смысле: первое олицетворяет правильное управление королевством и порядок, второе – государство как реальность. Это именно то, что принято называть монархическим республиканизмом: акцент не на прерогативах монарха (хотя они не отрицаются), а на том, что государь – слуга и его главный долг – служить благу общества.

Сочинение было написано коротко и четко, выделены ясные пять тезисов короля, которые выглядят сомнительно в свете политической традиции Англии, изложенной в названных выше трактатах, и семь тезисов парламента, на которых и стояла вся парламентская сторона вплоть до бегства короля из резиденции в Гемптон Корт в 1647 г. Королевская пропаганда была обязана отреагировать на брошенный вызов.

В ответ появилось короткое сочинение с длинным названием, автором которого предположительно является епископ Томас Мортон, известный автор текстов, направленных против католической церкви еще при Якове I. Оно было озаглавлено как «Теологическое рассуждение, в котором доказывается, что королевская или монархическая власть установлена не по человеческому, а по божественному праву, и что Бог, а не народ, является единственной действительной ее причиной», а в подзаголовке дополнительно раскрывается, что «каждый монарх стоит над всем *Commonwealth*»²⁹. Таким образом, главный тезис сочинения был вынесен в заглавие. Задача автора – не допустить утверждения мнения, что король обладает своей властью благодаря доверию, которое ему выказали его подданные. Термин «*Commonwealth*» употребляется здесь гораздо чаще и параллельно с французскими «*Civill Societies*» и «*Republiques*». Сами контраргументы автора построены через термин «*Commonwealth*». Определение, которое дает ему автор, вытекает из первого значения, о котором говорилось выше: религиозное объединение людей, чтобы служить Богу – конечная цель всех *Commonwealthes*³⁰, что не про-

²⁴ Ibid: 4.

²⁵ Ibid: 4, 18, 20, 34.

²⁶ Ibid: 20–21, 33–34.

²⁷ Ibid: 10.

²⁸ Ibid: 45.

²⁹ [Morton] 1642.

³⁰ Ibid: 2–3.

тиворечит сказанному Паркером. Его аргумент, что «тело *Commonwealth*» состоит из народа, Мортон не отрицает, но утверждает, что любому телу нужна управляющая сила (*absolute Power*), иначе оно погибнет³¹. Обоснование права короля на суверенитет у него уже очень похоже на договорную теорию происхождения государства в духе Томаса Гоббса: он пишет, что народ добровольно передает суверенитет в руки одного, но однажды передав эту власть, отозвать ее уже не может³².

Эти враждующие авторы следуют одной интеллектуальной традиции: первопричина объединения людей в государство – Бог, тело государства состоит из народа, отсюда – одинаковое понимание «*commonwealth*» как объединения для защиты порядка и общественного блага. Однако в первом тексте сделан акцент на обязанностях государя перед подданными, во втором также говорится о долге государя осуществлять правильное управление, но здесь акцент смещен в сторону его полномочий и, соответственно, к обязанностям подданных подчиняться.

Несколько позднее вышло еще одно роялистское сочинение, опровергающее тезисы Г. Паркера³³. Его автором был историк Джон Спелмен, теоретик роялистов, посвященный в рыцари Карлом I и служивший ему в начале гражданской войны. Спелмен в своих размышлениях о правильном управлении *commonwealth* соединяет аргументы, с одной стороны, Бодена, что при разделении суверенитета *commonwealth* будет не монархией, но аристократией³⁴, с другой, Томаса Смита и Джона Фортеस्कью³⁵, что для восстановления порядка в государстве (*Commonwealth*) необходимо объединить силы короля и парламента³⁶. Оттенки употребления термина отличают это сочинение от предыдущих текстов: для Джона Спелмана – это полноправный синоним государства («*State*», «*Realm*», «*Kingdom*») как политической общности. Отметим, что во всех трех текстах синонимы звучат чаще, чем «*Commonwealth*».

Таким образом, на начальном этапе взгляды участников гражданской войны на идеальное политическое устройство не так уж сильно различались. Большая часть тех, кто выступил на стороне парламента, понимали «*commonwealth*» в духе монархического республиканизма, как гармоничное правление «*короля-в-парламенте*». В своих речевых моделях они делали акцент на свободе, собственности и обязанностях государя заботиться о благе подданных, в чем ему непременно должен помогать совет – парламент. В свою очередь, роялисты не отвергали тезисы, изложенные Фортеस्कью и Смитом, и лишь с усугублением ситуации стали склоняться к континентальной (более абсолютистской) традиции. При этом на всех этапах они делали акцент на обязанности подданных подчиняться государю и на образе короля «милостью Божией»,

³¹ Ibid: 8–9.

³² Ibid: 12–13.

³³ Spelman 1643.

³⁴ Ibid: 10.

³⁵ Ibid: 13.

³⁶ Ibid: 40.

политическое тело которого лишено «недостатков и немощей», а, соответственно, он не может ошибаться, принимая решения³⁷. Йоханн Соммервилль назвал это «хитрым использованием понятий»³⁸. Однако, при всех существующих противоречиях, основой понятия «*commonwealth*» для обеих сторон были понимаемые нормативно порядок и гармония.

3. Несмотря на то, что монархический республиканизм был главенствующим течением в английской политической мысли XVII в., существовала и другая, едва различимая, республиканская традиция в современном смысле этого слова³⁹. Она существовала, главным образом, как традиция континентальных монархомахов, которая была представлена Франсуа Отманом, Филиппом Дюплесси-Морне, Теодором де Безом. Представление о том, что *республика (commonwealth)* не равна *монархии* едва ли имело сколько-нибудь английских сторонников до середины XVII в. Несмотря на то, что Джон Покок писал о чертах классического республиканизма в предреволюционной и революционной Англии⁴⁰, это были скорее республиканские ценности, которые пытались реализовать в монархии, т. е. они целиком укладывались в описанную выше традицию монархического республиканизма.

Развитие классического республиканизма в стране стало результатом исторических обстоятельств, когда в Англии в 1649 г., ситуативно, как об этом сказал Квентин Скиннер, была установлена *Республика*⁴¹. 19 мая 1649 г. актом парламента Англия была провозглашена «*a Commonwealth and Free-State*», в котором верховная власть принадлежала народу, а королю и палате лордов больше не было места⁴². «*Commonwealth*» становится не абстрактным термином, а официальным названием английского государства. Таким образом, фактически устанавливается значение этого слова как не-монархии. Хотя семантическое поле термина сохранялось: *Commonwealth* все также должно было обеспечивать порядок и общее благо. Вышедшая следом Декларация переопределила, что следует считать правильным правлением: такое, какое было в Римской республике после изгнания царей, в Венеции, в Швейцарских кантонах, в Республике Соединенных провинций⁴³. Поэтому «представители народа, собравшиеся в парламенте, сочли необходимым изменить правительство этого народа с монархии на республику (*Republique*), и не иметь больше короля»⁴⁴. Использованное в этом главном определении

³⁷ Канторович 2015: 104.

³⁸ Sommerville 2014: 216.

³⁹ «Исключающий республиканизм» предполагал, что 1) монархия и республика несовместимы; 2) республика превосходит монархию в моральном отношении. Хархордин 2021: 22.

⁴⁰ Покок 2020: 494–542.

⁴¹ Res Publica: Русский республиканизм... 2021: 266–310.

⁴² An Act Declaring and Constituting the People of England to be a Commonwealth and Free-State 1649.

⁴³ A Declaration of the Parliament of England, Expressing the Grounds of Their Late Proceedings, and of Settling the Present Government in the Way of a Free State 1648: 16.

⁴⁴ «The Representatives of the People now Assembled in Parliament, have judged it necessary to change the Government of this Nation from the former Monarchy, (unto which by many

французское «*Republique*» демонстрирует, что собственной английской республиканской интеллектуальной традиции еще не было. Строго говоря, в Англии XVII в. к ней можно отнести только левеллеров и их главу Джона Лилберна, чьи идеи изначально носили антимонархический характер⁴⁵. До 1649 г. Лилберн пользуется термином «*commonwealth*» в нормативном значении⁴⁶, а после – как именем собственным⁴⁷. Лидер левеллеров идет дальше своих современников: в его текстах присутствует не просто идея «общего блага», а представления об «общем достоинии» и «общем деле»⁴⁸.

Республика и Протекторат О. Кромвеля были установлены вне связи с тем, разделяло общество представления о таком правительстве или нет. Роялистские восстания напоминали о нелегитимности установленного государственного строя⁴⁹, и новому правительству пришлось приложить немалые усилия для того, чтобы новая форма государственного устройства обрела народное признание. Ключевым моментом этой двусмысленной ситуации стала предложенная Кромвелю «Покорнейшая петиция и совет», в которой петиционеры предложили ему провозгласить себя королем. После этого сторонники Кромвеля были вынуждены провести различие между *монархией* и *республикой* и заявить, что монархия сама по себе оскорбляет республиканские ценности. Авторами самых удачных республиканских проектов стали Марчамонт Нидхэм и Джеймс Харрингтон, в названиях сочинений которых мы видим интересующий нас термин. Центральная идея защитников Английской республики заключалась в том, что эта форма правления лучше, чем монархия сохранит свободы народа⁵⁰, а монархическая республика (главный конструкт предыдущего периода) невозможна⁵¹. Несмотря на пренебрежительное отношение к Нидхэму, Покок пишет, что его «Защита дела Английской республики» (1650) – «первое в Англии пространное описание республиканской демократии на классическом языке Античности и Макиавелли»⁵². «Республика Океания» Харрингтона была более цельным проектом, опять же по выражению Покока, вышедшим за рамки своего контекста⁵³. Тем не менее, оба текста представляли собой классическое описание трех форм «*Commonweals*»: монархии, аристократии и демократии, их преимуществ и недостатков⁵⁴.

injurious incroachments it had arrived) into a Republique, and not to have any more a King to tyrannize over them». Ibid: 20.

⁴⁵ Res Publica: Русский республиканизм... 2021: 266–310.

⁴⁶ The case of the Armie truly stated, together with the mischiefs and dangers that are imminent, and some sutable remedies, humbly proposed by the agents of five regiments of horse, to their respective regiments, and the whole Army 1647.

⁴⁷ Lilburne 1649.

⁴⁸ Lilburne 1645: 30–31.

⁴⁹ Ивонина 2016: 179–180.

⁵⁰ Скиннер 2006: 62.

⁵¹ The Monarchical Republic of Early Modern England 2007: 234–235.

⁵² Покок 2020: 540.

⁵³ Там же: 542–563; The Monarchical Republic of Early Modern England 2007: 235–237.

⁵⁴ Nedham 1650: 1–2.

Неубедительность этих проектов, вероятно, состояла в невнятном изложении того, как в республике права и блага будут более доступны народу. Оставался непроясненным и вопрос, чем принцип нового правления отличается от монархической республики, за которую выступали представители парламента в начале гражданской войны⁵⁵. Эту тенденцию можно проиллюстрировать сочинением богослова Ричарда Бакстера, занимавшего сторону парламента в гражданской войне. В 1659 г. на излете Протектората, ощущая надвигающийся политический кризис, он пишет трактат «A Holy Commonwealth», где снова представляет правильное правление в форме конституционной монархии⁵⁶. Скиннер отмечает, что с этой же проблемой позже столкнулись и виги, которым нужно было разъяснить, чем правление Вильгельма III и Марии лучше правления Якова II. И Бакстер, и вигская пропаганда пользуются аргументами столетней давности: речь идет о преимуществе власти короля и парламента вместе, а не единоличного правления⁵⁷, что является реализацией проекта 1642 г. – уравновешенной свободной монархии, монархии с республиканскими ценностями. То есть движение английской республиканской мысли вернулось к своему началу.

Таким образом, в период Протектората базовое представление о «*commonwealth*» как о политическом теле, в котором возможны разные формы государственного устройства, не претерпело каких-либо существенных изменений. Тем более, что республиканского в режиме и взглядах самого Кромвеля было немного. Гражданская война могла бы послужить толчком к переосмыслению политической традиции, но, по словам Соммервилля, так и не стала переломным моментом в английской политической мысли⁵⁸. Тем не менее, в период «междоусерствия» для термина «*commonwealth*» происходит одно важное изменение – он становится именем собственным, что предопределило его судьбу в период Реставрации, когда роялистская пропаганда стала выстраивать вокруг режима и его названия нужное им семантическое поле.

Целенаправленное конструирование негативного образа режима Кромвеля началось после Реставрации Стюартов. Очень активно это происходило в 1660–1663 гг., следующий пик ультрароялистской литературы пришелся на 1680-е гг., когда в публичной сфере звучали опасения республиканского заговора. Главной задачей роялистских трактатов виделась необходимость отстоять идею нерушимости наследственной монархии, которая была оттеснена теорией общественного договора.

Авторы роялистской литературы в первые годы Реставрации не планировали отказываться от широко употребляемого ранее понятия «*commonwealth*», за которым тянулась долгая история позитивных значений. Они попытались возродить его изначальное значение – правиль-

⁵⁵ The Monarchical Republic of Early Modern England 2007: 238.

⁵⁶ Baxter 1659.

⁵⁷ The Monarchical Republic of Early Modern England 2007: 240–243.

⁵⁸ Sommerville 2014: 222.

ное правление должно возглавляться монархом. Можно привести в пример сочинение политика Роберта Пойнта с говорящим названием «Оправдание монархии и правительства, давно установившееся в Церкви и Королевстве Англии, против пагубных утверждений и мятежных действий последнего парламента Карла I». Он использует распространенное сравнение государя с отцом семьи, говоря, что «суверен является отцом своей страны и мужем *Common-wealth*»⁵⁹, а те подданные, которые даже дают плохой совет государю, не говоря уже о мятежниках, становятся врагами *Common-wealth*⁶⁰. Но главное он возвращается к идее «смешанной монархии», говоря, что «права парламента и власть монархии – два столпа государств (*kingdomes and Common-wealths*)»⁶¹.

Эту же тенденцию можно увидеть в тексте противника исключительной власти короля, богослова Джорджа Лоусона, принявшего сторону парламента в гражданской войне. В 1660 г. в трактате «Политика церковная и гражданская» он, как и многие, берется разбирать преимущества и недостатки разных форм правления. У него мы встречаем определение «*Common-wealth* – порядок господства и подчинения в обществе, [установленный] в интересах общественного блага»⁶². Дальше он поясняет, что гражданское общество обладает верховной властью и имеет свободу и право определять какую форму правления считать правильной⁶³. Это одно из редких определений интересующего нас термина в английской политической мысли XVII века, и оно аналогично определениям в сочинениях елизаветинской эпохи.

Привычное значение понятия «*commonwealth*» не могло стереться за 11 лет «междоусобицы», однако не могло оно и остаться неизменным. Остановимся на еще одном интересном сочинении – «Королевская апология королю-мученику Карлу I, посвященная Карлу II, королю Великобритании» Цимельгуса Бонда. В тексте использованы все возможные метафоры: король является главой *Commonwealth*⁶⁴ и ее мужем⁶⁵, «*Commonwealth* составляет лишь одно тело, и вполне естественно, что одним телом управляет одна душа»⁶⁶, только теперь при Карле II «корабль нашего *Commonwealth* будет надежно защищен»⁶⁷. Однако в этом тексте нашло место и новое значение термина. Перечисляя известные правильные и неправильные формы правления, Бонд приравнивает *commonwealth* к охлократии⁶⁸. Автор раскрывает и содержание этих форм. Определение Охлократии или *Commonwealth* выглядит следующим образом: «испорченная и ущербная демократия, когда плутовской

⁵⁹ Poyntz 1661: 91.

⁶⁰ Ibid: 79.

⁶¹ Ibid: 35.

⁶² Lawson 1689: 12.

⁶³ Ibid: 26–27.

⁶⁴ Bonde 1662: 57, 173, 300.

⁶⁵ Ibid: 75–76, 164–165, 222.

⁶⁶ Ibid: 77.

⁶⁷ Ibid: 362–363.

⁶⁸ Ibid: 66.

сброд или худшая часть народа правит в силу своей многочисленности»⁶⁹. Так же автор активно пользуется словоформой «*Commonwealthsmen*», которой указывает на людей, которые выступили против короля и установили собственное правительство. Бонд характеризует их как нечестивых, лживых⁷⁰, тех, кто уловками прельщали народ разговорами о свободе и религии, но в итоге уничтожили их вовсе⁷¹.

Этот текст представляет собой промежуточное звено в цепочке изменений, происходивших с термином «*commonwealth*». С одной стороны, исходное значение было сильным и давно укоренившимся, соответственно, автор мог рассчитывать на положительную реакцию читателей. С другой, он понимает, что в современном ему языке существует минимум два противоположных значения этого слова. Но Бонд не нашел способа развести эти понятия. Далее эта лексическая проблема будет только усугубляться, соответственно, это был вопрос времени, когда «*commonwealth*» будет вытеснено нейтральным «*state*».

Несмотря на то, что существуют дискуссии о том, как переводить античный и средневековый термин «*республика*» в разных языковых традициях на русский язык, вокруг английского «*commonwealth*» споров почти не возникало: «*De republica Anglorum*» Томаса Смита обычно переводят как об «*Об Английском государстве*», а «*a Commonwealth and Free-State*» Оливера Кромвеля как «*республику*». Хотя и в этих случаях порой не хватает комментариев, но, кажется, на данном этапе впервые появляется проблема с переводом этого термина на русский язык, который в данном тексте можно переводить исключительно контекстуально.

Пик критических настроений по отношению к термину «*commonwealth*» приходится на кризис правопреемства в 1680-е гг. Наиболее яркие примеры уже приведены в статье «*Commonwealth: the social, cultural, and consensual contexts*», повторим наиболее показательные. Так, автор анонимного памфлета «*Сатира против республик (common-wealths)*» прямо упрекает правительство Оливера Кромвеля в чудовищных нововведениях и говорит, что будет высмеивать все *Commonwealths* от Древнего Рима до современной Женевы⁷². Фронтиспис другого анонимного памфлета «*Произвол правительства, проявившийся в тиранической узурпации Охвостья и Оливера Кромвеля*» изображает дракона, пожирающего все того, что составляет основу древних английских традиций: *laws, customs, Magna Charta, episcopcy, monarchy, nobility, House of peers*. Изображение также напоминало, что управление *Commonwealth* Кромвель осуществлял вместе с постоянной армией⁷³.

Подобные литературные и графические изображения «*Commonwealth*» как действовавшего исторического режима в 1680-е гг. демон-

⁶⁹ Ibid: 205.

⁷⁰ Ibid: 45, 100, 208, 338, 346–347.

⁷¹ Ibid: 49.

⁷² Н.Р. 1684: A preface to the reader.

⁷³ Frontispiece to Thomas May's «Arbitrary Government Display'd» 1683.

стрировали страх перед возвращением к республиканским идеям. Из этих примеров видно, что у термина появилось новое смысловое поле, которое вокруг него выстраивали роялисты: *civil war, rebellion, sedition, confusion, anarchy*⁷⁴. Понятие становится синонимом бунта и восстания. Общественное мнение способствовало развитию этих настроений, поскольку уже вскоре после казни Карла I в представлениях многих англичан монархия постепенно стала обретать черты «золотого века».

Как показало время, этот способ дискредитации оппонентов через клеймение их терминологии оказался непродуктивным. Такая роялистская критика оставалась ситуативной, в ней не выковывался новый идеал государственного устройства, не предлагались иные политические ценности. Она была в одну точку: восстание против короля разрушительно для государства. Вероятно, поэтому новое, исключительно негативное смысловое поле «*commonwealth*» не прижилось, а само понятие сохранило свое значение правильного правления. Тем не менее, использование его в политической полемике стало бы неудобным и двусмысленным: те роялисты, что еще пользовались «*commonwealth*» в значении государство могли попасть под дружественный огонь критики своих же единомышленников, а настоящие республиканцы во избежание недоразумений начали пользоваться словом «*republic*». Таким образом, этот полемически нагруженный термин оказалось проще вытеснить из публичной речи, чем однозначно переопределить.

Подведем итоги.

Английская история понятия «*commonwealth*» уникальна уже созданием нового термина путем перевода, а не заимствованием латинской формы – как, например, произошло с французским «*République*». Тем не менее, до начала гражданской войны история этого понятия не сильно отличалась от континентальной традиции. Но после того, как «*commonwealth*» стало официальным названием Английского государства в середине XVII в., в использовании термина появилась революционная двусмысленность. При этом ни роялисты, ни сторонники парламента, ни даже редкие республиканцы не собирались отказываться от тех преимуществ, которые давало употребление термина, освященного тысячелетней политической традицией.

Когда авторы указывали на то, что именно их методы ведения политических дел сохраняют *Commonwealth*, они подразумевали, что за этим понятием читатели увидят *порядок, справедливость, стабильность, благосостояние, свободу*. Поскольку понятие с самого начала имело несколько значений, это привело к тому, что на протяжении почти всего XVII в. политические писатели охотно манипулировали смыслами, используя позитивное, известное всем смысловое поле, упирая на заботу о благе подданных и благе государства.

⁷⁴ Knights 2011: 681.

Вторая уникальность – в том, что республики, не важно каким термином ее назвать «*republic*» или «*commonwealth*», в Англии так и не сложилось. Но республиканские идеи, связанные с политическим участием граждан, медленно, но верно прорастали в английском обществе и политике. Эти идеи несколько позднее воплотились в том, что в сохранившей монархическое устройство Англии одной из первых начали развиваться такие современные политические практики как избирательное право, разделение властей и пр.

Один из главных парадоксов заключается в том, что на этом история термина «*commonwealth*» могла закончиться, потому что в современном политическом языке для него не оказалось места. Однако этого не случилось, напротив, оно сделало круг, вобрав в себя вышеперечисленные значения, и возродилось в начале XX в. как *The Commonwealth of Nations*, что на русский язык переводится как *Содружество*: по большому счету – империя, главой которой является монарх, а одной из целей существования этого объединения, по крайней мере формальной, является развитие демократических и капиталистических практик в бывших колониях. Сложно судить о том, какие именно смыслы вкладывали архитекторы этого Содружества в подобное словоупотребление, но мы можем увидеть в нем все три идеи, относящиеся к раннему Новому времени: сохранение института монархии и забота о благе тех, кто находится под опекой, демократические практики, сообщество, объединенное некой одной идеей. Американский историк политической мысли Ной Добер заканчивает свое исследование «*State and Commonwealth*» следующим рассуждением: «*Commonwealth*» с его значениями исчезло, однако концепция, которую воплощало это понятие, в изменившемся обществе воплотилась в других теориях о государстве и его функциях, в частности, в идее государства всеобщего благосостояния⁷⁵.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Баязитова Г.И. «Шесть книг о республике» // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. 2023. URL: <https://bigenc.ru/c/shest-knig-o-respublike-6033b5/?v=6348848>. [Bayazitova G.I. «Shest' knig o respublike» // Bol'shaya rossijskaya enciklopediya: nauchno-obrazovatel'nyj portal. 2023. URL: <https://bigenc.ru/c/shest-knig-o-respublike-6033b5/?v=6348848>.
- Ивонина Л. Драма династии Стюартов. М.: Ломоносовъ, 2016 [Ivonina L. Drama dinastii Stjuartov. M.: Lomonosov", 2016].
- Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015 [Kantorovich E.H. Dva tela korolya. Issledovanie po srednevekovoj politicheskoj teologii. M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2015].
- Пинкус С. 1688 год. Первая современная революция. М.: АСТ, 2017 [Pinkus S. 1688 god. Pervaya sovremennaya revolyuciya. M.: AST, 2017].
- Покок Д. Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М.: НЛО, 2020 [Pokok D. Moment Machiavelli: Politicheskaya mysl' Florencii i atlanticheskaya respublikanskaya tradiciya. M.: NLO, 2020].
- Скиннер К. Свобода до либерализма. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2006. [Skinner K. Svoboda do liberalizma. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta, 2006].

⁷⁵ Dauber N. State and Commonwealth. P. 232–233.

- Томсинов В.А. Модернизация политической системы Англии в XVI – первые десятилетия XVII в. // Вестник РУДН. Сер.: Юридич. науки. 2012. № 1. С. 95–108 [Tomsinov V.A. Modernizatsiya politicheskoy sistemy Anglii v XVI – pervye desyatiletiya XVII v. // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: YUridicheskie nauki. 2012. № 1. S. 95–108].
- Хархордин О. Республика. Полная версия. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2021 [Harhordin O. Respublika. Polnaya versiya. SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2021].
- A Declaration of the Parliament of England, Expressing the Grounds of Their Late Proceedings, and of Settling the Present Government in the Way of a Free State. L.: Printed for Edward Husband, 1648.
- An Act Declaring and Constituting the People of England to be a Commonwealth and Free-State. L.: Printed for Edward Husband, printer to the Parliament of England, 1649. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/ebo/A84568.0001.001/1:1?rgn=div1;view=fulltext> (дата обращения: 10.08.2023).
- Baxter R. A Holy Commonwealth, or Political aphorisms, opening the true principles of government: for the healing of the mistakes, and resolving the doubts, that most endanger and trouble England at this time. L.: Printed for Thomas Underhill and Francis Tyton, 1659.
- Bodin J. The Six bookes of a Commonweale / by R. Knolles. L.: Impensis G. Bishop, 1606.
- Bonde C. Salmasius his buckler, or, A royal apology for King Charles the martyr dedicated to Charles the Second, King of Great Brittain. L.: Printed for H.B., 1662.
- Collinson P. The State as Monarchical Commonwealth: Tudor England // Journal of Historical Sociology. 2002. Vol. 15. № 1. P. 89–95.
- Condren C. The Language of Politics in Seventeenth-Century England. Basingstoke: Macmillan, 1994.
- Cromartie A. The Constitutionalist Revolution: An Essay on the History of England, 1450–1642. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Dauber N. State and Commonwealth. The Theory of the State in Early Modern England, 1549–1640. Princeton: Princeton University Press, 2016.
- Frontispiece to Thomas May's «Arbitrary Government Display'd». L., 1683. URL: https://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=3069115&partId=1&images=true (дата обращения: 10.08.2023).
- H.P. A satyr against common-wealths. L.: Printed for J. Hindmarsh and F. Hicks, 1684. 0 p.
- Knights M. Commonwealth: the social, cultural, and conceptual contexts of an Early modern keyword // The Historical Journal. 2011. № 54 (3). P. 659–687.
- Knolles R. The Generall Historie of the Turkes. L.: Printed by Adam Islip, 1603.
- Lawson G. Politica sacra & civilis. L.: Printed for J.S., And are to be sold by T. Goodwin, 1689.
- Lilburne J. An agreement of the free people of England. Tendered as a peace-offering to this distressed nation. L.: Printed for Gyles Calvert at the black spread-Eagle at the West end of Pauls, 1649.
- Lilburne J. England's birth-right justified. L.: Larner's Press at Goodman's Fields, 1645.
- [Morton T.] Christvs dei, or, A theologicall discourse wherein is proved that regall or monarchicall power is not of humane but of divine right and that God is the sole efficient cause thereof and not the people. Oxford: Printed by H. Hall, 1642. 17 p.
- Nedham M. The case of the Common-wealth of England stated. L.: Printed for E. Blackmore and B. Lowndes, 1650.
- Parker H. Observations upon some of His Majesties late answers and expresses. L.: s.n., 1642.
- Political thought and the Tudor Commonwealth / ed. by P.A. Fideler and T.F. Mayer. L., N.-Y.: Routledge, 1992.
- Poyntz R. A vindication of monarchy and the government long established in the Church and Kingdome of England against the pernicious assertions and tumultuous practices of the innovators during the last Parliament in the reign of Charles the I. L.: Printed by Roger Norton and are to be sold by Gabriel Bedell, and Thomas Collins, 1661.
- Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века / под ред. К.А. Соловьева. М.: Новое литературное обозрение, 2021 [Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ya do konca XX veka / pod red. K.A. Solov'eva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021].
- Smith C.I. Filmer, and the Knolles Translation of Bodin // The Philosophical Quarterly. 1963. Vol. 13. № 52. P. 248–252.

Sommerville J.P. *Royalists and Patriots: Politics and Ideology in England 1603–1640*. Second edition. L.; N.-Y.: Longman, 2014. 304 p.

Spelman J. A view of a printed book intituled Observations upon His Majesties late answers and expresses. L.: Printed by Leonard Liechfield [sic], 1643. 45 p.

The case of the Armie truly stated, together with the mischiefes and dangers that are imminent, and some sutable remedies, humbly proposed by the agents of five regiments of horse, to their respective regiments, and the whole Army. L.: [s.n.], 1647.

The Monarchical Republic of Early Modern England: essays in response to Patrick Collinson / ed. by J.F. McDiarmid. Aldershot: Ashgate Publishing, 2007.

Митюрёва Дарья Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, лаборатория «Идеи. Контексты. События», Тюменский государственный университет, dmiturova@yandex.ru

The Concept of «Commonwealth» in Political Writings of the Civil War

This article examines the history of the use of the term «commonwealth» in the English Civil War. In the 17th century the term «commonwealth» had three meanings: religious community, monarchical republicanism, and popular republicanism. The article attempts to trace how royalists and parliamentarians manipulated these meanings using the positive semantic field of the term: order, justice, stability, welfare, freedom. Monarchical republicanism was the dominant current in seventeenth-century English political thought and both sides of the conflict understood «commonwealth» as the harmonious rule of a «king-in-parliament». The establishment of the Commonwealth in 1649 was the beginning of the development of classical republicanism in England, although the basic idea of the "commonwealth" as a political body in which different forms of government were possible did not undergo significant changes. After the Stuart Restoration, the construction of a negative image of Cromwell's regime began, which created an opposite semantic field around the concept of «commonwealth»: civil war, rebellion, revolt, anarchy. The example of several ordinal writers shows how the use of the term in political polemics became awkward and ambiguous, leading to the displacement of the concept from public speech and the use of the word «republic».

Keywords: *commonwealth, republic, state, English Civil War, political language.*

Daria S. Mityureva, PhD in history, Research Fellow in the Laboratory «Ideas. Contexts. Events», University of Tyumen, dmiturova@yandex.ru

**«ВЕРТОГРАД МНОГОЦВЕТНЫЙ»
БЛАГО И ОБЩИЙ ПОРЯДОК МИРА СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО***

В статье рассматривается концепт Благо как основополагающая ценность христианского вероучения – Божественного дара благодати человеку. В европейской культуре Нового времени от XVII к XVIII вв. расширяется его востребованность в земных делах: в общественной морали, социально-политической и хозяйственной жизни, что характерно особенно для протестантских стран. Немалую роль в этом процессе сыграло проповедническое искусство как католической, так и протестантской церквей. Учительное слово от апостольских времен и патристики было важнейшим инструментом утверждения христианской веры. В средневековой Европе проповедь стала мощным средством не только религиозной, но и социальной дисциплинаризации паствы. В Новое время ее содержание – своего рода проводник трансформации социальных ценностей, в том числе, идеи «общего блага», а также индикатор потребности в них человека в общем порядке мира. Исследуется концепт Благо в барочной поэтической «энциклопедии» «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого с обращением к комментариям А. Хипписли, для понимания работы Симеона по «пресаждению корней» из западной католической гомилетики в российский поэтический сад, обладающий мощной проповеднической интенцией. Вывод автора: Симеона Полоцкого, могилянца «первого призыва» – выпускника Киево-Могилянской коллегии, проводника юго-западного православного просвещения можно рассматривать как книжника и деятеля начального этапа реформ в этой области, которые далее имели продолжение в царствование Петра I.

Ключевые слова: «Вертоград многоцветный», Благо, барочная риторическая система, догматическое и нравственное богословие, православное просвещение.

Церковная проповедь – обращение к пастве со Словом появляется на восточнославянских землях с принятием христианства; в период Удельной Руси, не закрепившись в православной литургии, она постепенно теряет свое значение. В Московском царстве проповедь заменяли Уставные чтения: читались фрагменты из «четьих сборников» нравоучительного и агиографического содержания, а также отрывки из толкований Святых Отцов на Священное Писание¹.

Во второй половине XVII в. учительное Слово вернулось в Московскую Русь. На Печатном дворе в 1640–1650-е гг. были изданы разнообразные сборники учительного характера, в т.ч. переводные², что свидетельствовало и о распространении книг из западных и юго-западных православных земель. Выпускники Киево-Могилянской коллегии Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и др., приглашенные царем Алексеем Михайловичем на Московский двор, познакомили московских книжников с *книжной проповедью*, рецептированной в первой по-

* Статья подготовлена по Программе фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE).

¹ Поторжинский: 1891; Никольский 1901; Черторицкая 1985: 236–238.

² Зернова 1958; Поздеева, Пушков, Дадькин. 2001; Опарина 2006.

ловине XVII в. украинскими и белорусскими книжниками. Проповедь как жанр и как практическое богословие развивалась здесь из двух источников – греко-славянского и латино-польского, влияние последнего становилось все более заметным³. В конце XVII в. латино-польские книги были включены в работу над переводом Нового Завета книжниками-справщиками Московского Печатного двора под руководством Епифания Славинецкого⁴. Выпускник Киево-Могилянской коллегии Симеон Полоцкий в своих трудах широко пользовался книгами католических и протестантских авторов, опираясь на сложившуюся риторическую традицию юго-западного барочного проповедничества. И конечно же, он имел в виду руководство по составлению проповедей как приложение к сборнику И. Галытовского «Наука, албо способ зложения казания»⁵.

Одно из названий гомилетики – пастырское богословие – указывает на ее место среди богословских дисциплин, преподаваемых в духовных учебных заведениях. Церковное учение о проповеди, опираясь на Слово самого Христа и апостолов (Иоан., XVI, 13; XIV, 26; Матф., X, 19; Марк., XIII, 11; Лук., XII, 12; 1 Кор., II, 4, 12, 13; посл. ап. Иоан., II, 20, 27 и др.), усматривает в *литургийной проповеди* осуществление одной из возможностей *благодатной жизни церкви*. Продуктивная сила проповеди – *благодать*, ее дарует проповеднику таинство Священства⁶. В совершаемой молитве рукополагаемому испрашивается благодать, «священнодействовати слово истины»⁷. Основание этой молитвы – обетование Христа апостолам о даровании им благодатной помощи в служении Евангелию: «...вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян 1. 8). «Благодать учительства, – разъяснял митрополит Макарий – дается всем преемникам св. апостолов – пастырям Церкви...»⁸.

Интеллектуальной истории известны случаи, когда от времени авторского создания книг до возможности их встречи с читателем прошло немало времени. Такая судьба постигла поэтический сборник «Вертоград многоцветный» (ВМ) Симеона Полоцкого (Самуил Гаврилович Петровский-Ситнянович, 1629–1680), белоруса по происхождению, из Полоцка, с 1664 г. в Москве, иеромонах Заиконоспасского монастыря. Три рукописи ВМ (автограф, писцовый список и окончательная редакция парадной) сохранили этапы работы автора от 1678 г. до его смерти

³ Корзо 2007. Ч. III.

⁴ Епифаний Славинецкий и книжники его круга Чудова монастыря обращались к польским переводам Нового Завета: Николенкова 2018; Пентковская. 2016.

⁵ Чапига 1985: 6-31; Елеонская 1990: 88: «Творчески Симеон Полоцкий наиболее тесно был связан со своими однокашниками по Киево-Могилянской коллегии: Иоанникийем Галытовским, Лазарем Барановичем, Иннокентием Гизелем, Антонием Радивилевским».

⁶ Право литургийной проповеди дается имеющим благодать священства (епископам и пресвитерам: по Прав. апост. 58-е, прав. 64-е VI-го Вселен. собора): при поставлении во священство в посвятительной молитве испрашивается у Бога посвящаемому «вествовати Евангелие Царствия Божия», что свидетельствует и о высшем богословском образовании проповедника.

⁷ Чиновник архиерейского священнослужения. 1982. Кн. 1: 216-217.

⁸ Макарий (Булгаков), митр. 1891: 76.

в 1680 г. Автограф (*рукопись А*) – собрание соединенных в многочислен-ные темы силлабических стихов, смысловое единство которых достига-ется через стихотворное представление разнообразных «вещей», как на-зывает их сам Симеон. Исследователь и издатель текста Л.И. Сазонова называет эти множества тематически связанных друг с другом стихов «идейно-тематическими единствами»⁹. Второй, *писцовый список В*, Си-меон принципиально изменил: композиция сада получила алфавитный порядок, а место каждого стиха стало определяться той буквой, с кото-рой начиналось его заглавие. На одно и то же слово им было написано разное количество стихов, от одного до 56. В исследуемом далее цикле «Благо» под одним названием представлены 1, 2, 4, 6, 7 стихов, каждое из которых обозначается порядковым номером. Таким образом стихи ВМ объединены не только темой, но и концептом, выраженным загла-вием стиха, определяющим «слово-вещь». Множа поэтические образы, тексты стихов конструируют Вертоград мира земного и мира небесного, определяя общий порядок своим расположением в книге.

Последний *подносной иллюминированный список С* завершал уче-ник и помощник Симеона Сильвестр Медведев. В 1690 г. патриарх Ио-аким запретил чтение ВМ и других сочинений «латинствующего» авто-ра, не знавшего «греческих книг», под страхом «церковных казней», «извержения священства», и «отлучения». Рукописи Симеона были изъ-яты и сложены в сундук Патриаршей ризницы¹⁰. Исследователям о них стало известно лишь в середине XIX в. по описанию собрания Москов-ской Синодальной (патриаршей) библиотеки А.В. Горским и К.И. Невос-труевым. Лишь в конце XX в. в результате текстологической работы, проведенной Л.И. Сазоновой и А. Hippisley, палеографического описа-ния автографа (А), списка (В) и парадной рукописи (С), а также с по-дробным историографическим комментарием, «Вертоград многоцвет-ный» был издан (за основу взят список С) в трех томах в немецком из-дательстве Böhlau спустя более трех столетий от времени его создания¹¹.

«Вертоград» – «верт» (сад) божественных премудростей, творился Симеоном по законам барочной поэтической силлабики, с сильнейшей просветительской и проповеднической интенцией, которую автор сохра-нил, работая с середины 1670-х гг. над сборниками книжных пропове-дей «Обед душевный» и «Вечеря душевная»¹². Источниками большей части стихов ВМ, как и сборников, были тексты книжных проповедей католических и отчасти протестантских священников, находившиеся в личной библиотеке Симеона, самой большой в Москве того времени¹³.

«Мир как книга» – концепт барочной гипертекстуальности раннего Нового времени – очевиден в текстовом мире Симеона. И «Верто-

⁹ Сазонова 2006: 575.

¹⁰ Сазонова 1996: xiv-xv.

¹¹ Simeon Polockij. 1996-2000. Bd.10, I-III.

¹² Эти книги Сильвестр Медведев после смерти Симеона успел издать в Верхней типо-графии Кремля в 1680 и 1681 гг.

¹³ Хипписли 2001: 695-708.

град...»), и сборники проповедей, и «Рифмологион» – внутренне связаны и представляют, своего рода, «большой текст», в котором земной и духовный миры соединены текстами Священного писания. Порядок букв, как известно, определяется алфавитом, буквы складываются в слова, благодаря которым человек может описывать и понимать мир. А потому справедлива формула: *порядок букв и есть порядок мира*, этот порядок и стал основой симоновой книги. Алфавитное нововведение дало право называть ВМ энциклопедическим стихотворным трудом, первым в русской книжности, где во всех подробностях было представлено христианское мироустройство созданного Богом мира, где человек собой соединял земное с Божественным небесным.

Проповедническая интенция, направленная на человека как творение Божье реализуется в назидании, просвещении и поучении паствы благочестию и нравственному поведению в согласии с христианской верой через Слово Божье. Наполняя смыслами слова-вещи своего сада, автор опирался на знание барочной риторической системы¹⁴, которой обучали в иезуитских коллегиях. Однако образование как система еще не состоялось в Московском царстве. Именно Симеон, выпускник Киево-Могилянской коллегии, постигавший «латинскую ученость» в Вильно, считал необходимым создать в Москве образование как систему. Прежде всего, образован должен быть клир. Священникам, пастырям-проповедникам были адресованы сборники книжных проповедей Симеона. Он разработал и подробный проект высшей школы по образцу университетов Речи Посполитой, который уже после смерти Симеона стал основой «Привилея» Сильвестра Медведева, предложившего царю Федору Алексеевичу открыть в Москве «академию».

Понятно, что и паства, к которой обращался проповедник, должна владеть как минимум знаниями катехизиса, чтобы понимать смысл читаемых или слышимых текстов¹⁵. Еще в начале XX в. Н.К. Никольский, исследователь истории проповеди в русском православии, отмечал книжный характер православного учения до XVII в.: «Распространением христианского просвещения и церковностью быта наша древняя, отсталая Русь была обязана более книге, чем устному слову»¹⁶. Но читать могли немногие. Проповедническое слово, как отмечалось, заменяли Уставные чтения – главный источник «русских духовных идеалов», по Никольскому. Возвращение проповеди в русское православие в контексте морально-риторической системы знаний и западной проповеднической литературы, «заимствования», которыми широко пользовался Симеон Полоцкий, наставляя и просвещая паству, имели важные последствия

¹⁴ «определенное мышление слова» – так барочная риторика осмыслялась А.В. Михайловым, разделявшим идеи С.С. Аверинцева о завершающем характере риторического развития в эпоху барокко: «это последняя эпоха сохраняющегося в нетронутом виде традиционного языка культуры, уходящего в глубь тысячелетий». (Михайлов 2007: 131-132, 140, 151-152.

¹⁵ См.: Поздеева: 2018: 557-578; 2016; 2007: 206-219.

¹⁶ Никольский: 1901.

для древнерусской книжности. Барочная проповедь подвела древнерусскую книжность к той границе, за которой начинались новые процессы в интеллектуальной культуре Московского царства: открывались новые задачи, первыми из которых были просвещение православной паствы и систематическое образование ее священства. Их реализация началась в ближайшую Петровскую эпоху и тогда доминантное единство древнерусской книжности распалось: и богословие, и светская научная и художественная, поэтическая и философская литература нашли собственное место в меняющейся книжной культуре России Нового времени.

Благо как сакральный барочный концепт в контексте западного влияния

Одной из центральных тем ВМ в силлабическом искусстве Симеона Полоцкого является *слово-вещь* «Благо». Еще в «Предисловии ко благочестивому читателю» (издатели отмечают: в списке А употребляется слово «благоговѣиному»), говоря об обычае насаждать из других вертоградов семена и коренья в своих домах для пользы и веселия, Симеон указывает на «союз друголюбия <...>, понеже челоуѣкъ нѣсть звѣрь дивый, но содружный...»¹⁷. Живя в содружестве, люди оказывают «взаим помощь» друг другу и объединяются, чтобы славословить «купно Создавашаго ны о всяческих Его благотворениих» (Там же). В завершение Предисловия Симеон вспоминает царя Алексея Михайловича, «благочестѣишаго, тишаишаго и самодержавнѣишаго», «приснопамятного Самодержца» (ВМ,7), к которому обращает слова из своего «благодарного сердца» с молитвами, почтением и благодарениями. Также слова благодарности Симеон адресует «скипетродержцу благочестивейшему» царю Федору Алексеевичу (ВМ,8).

«Оглавление вещей, в книзѣ сей содержимых» – так Симеон озаглавил таблицу, в которой дал список всех стихов (называя их «статьями») в алфавитном порядке, а в двух колонках обозначил номер листа и количество стихов, сочиненных на одно и то же название. Интересующие нас 22 *благодетельные вещи* находятся на листах 22–29 (ВМ, 75–91) и представляют корневую систему (ризому) концепта *благо*, из которой они выросли поэтическим искусством Симеона.

«Благая мира прелщают» – стихотворение, открывающее цикл, где говорится о «прелщении» человека земного, кое уводит его от благих дел¹⁸. Последние три стиха цикла – «Блаженство», «Блаженство грѣш-

¹⁷ Simeon Polockij 1996: 5. Далее в статье ссылки на это издание: (ВМ, номер стр.).

¹⁸ Ю.С. Самарин в исследовании, посвященном Стефану Яворскому и Феофану Прокоповичу, писал, что предметом и содержанием проповеди являются «убеждения и дела людей как оскорбляющие догматы и законы Церкви». Сам проповедник является *живым посредником* между Церковью и частными лицами: «самое дело посредничества есть проповедь», а «проповедь есть орудие этого посредничества» (Самарин 1996: 300-301). Это посредничество проповедника объясняет наличие двух частей в проповеди – догматической и нравственной, которые сочетают в себе две стороны. *Отрицательная* сторона, по Самарину, включает «опровержение ложных мыслей, суеверий, сомнений и пр., затемняющих чистоту веры, и уяснение, напоминание догматов Церкви» (Там же: 301). *Положительная* сторона способствует обличению пороков и наставлению в добрых делах.

ных», «Блаженство мира» (Л.28–29; ВМ, 90об. – 91) завершают конструкцию, связывая логико-риторической формой (тезис-антитезис-синтез) единство всего цикла и смыслом тройное соцветие блаженства.

Тезис первого стиха:

Не кто в злато богат есть, истинно блаженный,
но верую с благами дѣлы исполненный. (ВМ, 90)

Антитезис сформулирован во втором стихе о блаженстве грешных, где дан совет не завидовать богатству блаженствующих в земной жизни, ибо их Бог обрек «на вечну казнь». Это отсылка к начальному стиху цикла, подробности о котором ниже. Симеон завершает знакомство со всем цветником и каждым отдельным цветком этого благого уголка «Верта...» стихом «Блаженство мира», где в полную силу развернуты аргументы нравственного богословия и «положительная сторона» поэтической проповеди, по Самарину, вступает в свои права: как только о земном блаженстве «память истребится», с того дня «будущая зрите»:

со всеми людьми добротнo живите,
Да ся измѣнѣ вашей не ругают,
но паче руку помощи подают. (ВМ, 91)

Но вернемся к первым виршам и по порядку...

«Благая мира прелщают» – вступление в тему, где дается аллегорический образ пойманных на крючок рыб, прельщенных пищей, подобно которым «в мирѣ живущих» прельщают благами людей. Гоняясь всю жизнь за земными благами, они желают достичь «блаженство имущих» и попадают в зависимость от других людей (врагов), превращаясь со временем в «снѣдь аду». Этот своего рода визуальный стих можно представить словесным рисунком барочной эмблемы, а следующее двустрочие «Благо» по своей форме – девиз, по правилам эмблематического построения, правда последует, а не предшествует словесному рисунку:

Благая вещь, аще вся цѣла бывает.
Худа же, аще и мал вред являет. (ВМ, 75)¹⁹.

Разъяснению противопоставления «благой» и «худой» вещей, Симеон посвящает стихотворение «Благо истинное» (Л.22), где объясняет концепт *праведного блага*. Оно заключено не в злате и серебре, но в любезных Богу добродетелях. Ему бренность дороже, чем земные богатства. Стяжание добродетели уравнивает людей, а результатом усилий станут «вечные богатства», которые равно и нищим, и богатым позволено будет принять в небе – «со Господем вѣчно царствовати» (ВМ, 76).

Здесь же, в земной жизни следует отвечать за свое поведение. И прежде, чем разъяснять, что есть *благо и благодать*, Симеон в стихе «Благоговѣинство» (Л.22об.) счел важным напомнить читателю "дисци-

¹⁹ Напомним об исследовании Хипписли текстов проповедей священников-иезуитов, послуживших источниками всего проповеднического гипертекста Симеона. О данном стихе Хипписли пишет: «Взято у Фабера, Неделя 10 по Пятидесятнице №7 “Quae sint partes viri humilis”» (Hippisley 1996: 322.). И далее большая часть конструкции *благо* имеет источником проповеди этого автора, а также Иоганна Меффрета из его собрания проповедей «Hortulus Reginae» и др.

плинарные" правила поведения «смирненного» человека в церкви. Повелительная форма глагола 2 лица ед. числа, использованная Симеоном в тексте, сосредоточит верующего на самом себе и «разуме службы»:

очеса смири, усты да молчиши.

Собери ум свой, возведи ко Богу...

.....

Стой благочинно, блюдиися дремати,

разуму службы прилежно внимати... (ВМ, 76)²⁰.

Тема *благодарствие* насаждается Симеоном в семи стихотворных соцветиях одноименного цикла (ВМ, 76-79; Л.23-23об.). Во всех его частях разными риторическими приемами постулируется неразрывная связь *благодарствия* и *благоворения*. Первый стих в четыре строки – подобие барочного эмблематического девиза, где определены необходимые атрибуты благодарствия: *знать* о творении блага; *помнить* о нем; *стараясь прославлять, воздавать* тому, от кого благой дар получен²¹. Во втором стихе уточняется, какие три степени имеет благодарствие как ответ на полученное благо: 1) не упустить его в «забвение»; 2) хвалить милость; 3) по силе творить воздаяние. Три степени неблагодарных отмечаются Симеоном: 1) «неблагодарник», кто не воздает благодарность, не ублажающий благодетеля; 2) «величайший» – не желает в памяти держать благодати; 3) «проклятый» – «злобник», отплачивающий за благо злом. Заключается этот стих выводом: «милость от человек» ведет к милости от Бога²². В последующих стихах речь о благодарении Бога за его дар вечной жизни. Воздаяние же людям за добро следует делать от *сердца, словом и делом*, любить благодетельца и не скрывать от людей его благоворения. Таким образом умножается достоинство человека и желание впредь делать добро.

После усвоения читателем правил и нравственных принципов в отношении благодарствия и благоворения Симеон считает возможным перейти к главному слову-вещи *благодать*, представляя его во многих соцветиях поэтического верта.

²⁰ Источник, по Хипписли, Матфей Фабер (Matthias Faber) компендиум «Concionum opus tripartitum», разные части проповеди № 2 «Ratio conversandi in templis», Неделя 10 по Пятидесятнице (Ibid.).

²¹ Хипписли дает ссылку из того же источника М. Фабера: Ферия 3 Пятидесятницы под № 7. «...есть три вида благодарности: признавать пользу, восхвалять ее, помянуть ее, проповедовать ее; наконец, компенсировать ее другим даром или услугой" (Ibid.: 322). Далее все стихи, кроме 5, имеют источником проповеди Фабера (Ibid.).

²² К этому стиху комментатор указывает на проповедь М. Фабера Недели 13 по Пятидесятнице под № 1 «Благодарности и неблагодарности, различные степени», где обсуждаются три степени благодарностей и неблагодарности всегда равной себе, по Фоме Аквинскому: 1) «...что человек признает полученную им пользу»; 2) «...что он хвалит и благодарит»; 3) «...что он платит за место и время по своим способностям. Но так как то, что последнее в порождении, является первым в решении, то первая степень неблагодарности состоит в том, что человек не отвечает на услугу; во-вторых, что он маскирует ее, как бы не показывая, что получил выгоду; в-третьих, самое серьезное то, что он не сознает ее ни по забывчивости, ни каким-либо другим способом. А так как противоположность утверждения понимается как отрицание, то к первой степени неблагодарности относится, следовательно, то, что кто-то платит злом за добро» (Ibid.).

Что же есть – *благо данное*? Следующие два листа 24-25 (с оборотными) заполнены стихами с *шестью* разными названиями, толкующими этот вопрос. «Благодать» первого стихотворного соцветия включает шесть стихов; по Хипписли, источники 1-3 стихов – проповеди Фабера, а 4-6 – Меффрета²³. Благодать в первом стихе определяется, по Ветхому завету, как «огнь присно горяше в храмъ Господнем и не угасаше» (ВМ, 79). По аналогии, каждый человек «храм Богу живу и в сѣбе хранити // Огнь благодати Его божественный, // да никогда не будет угашенный» (Там же)²⁴. Загасить огонь способны грехи человеческие, и тогда слезы могут снова его «возвзнетить». Однако необходимы «дѣлеса благая», именно они приведут к жизни вечной.

Следующая часть соединяет благодать не с огнем, но с водой, которую не вычерпывают из колодца. Застоявшаяся вода становится метафорой невозможности благодати в отсутствие благих дел. Метафора следующей части – солнечный луч: без него наступает тьма, и душа без благодати во тьме греха исчезает. В трех последних частях стиха, Симеон напоминает, что дар благодати Бог не может «во душу нечисту вливати» (ВМ, 80). Человек, зная свои грехи, просветляет душу любовью к Богу: «прильпаяся сердцем, знамя благодати, // яко Господь изволи внутрь его витати // ... // блюсти непогубимо, яко же святое» (Там же). Аналогии, характерные для барочной риторики, появляются и в завершение темы: тот, кто «вся тщися терпѣти» получит «неоскудну благодать» (Там же).

Трехчастный стих «Благодать Божия» задан темой связи души и тела человека:

Яко тѣло без души труп смрадный бывает,
такое без благодати душа истлевет. (Там же)

Симеон, поэтически разясняя, что есть суть *Благодати Божией*, не может обойти один из главных вопросов верующего человека: каково отношение его души к телу? Напомним, что телесность и ее достаточно подробное представление, в том числе визуальное, в культуре барокко интересно Симеону, насадившего немало цветов в своем верте на данную тему. Здесь же он придерживается канонов нравственного богословия: если от души благодать отстывает, то душа попадает в ад; полное благодати сердце человека – свободно от грехов (ВМ, 81). В последнем стихотворении 24 листа «Благодать через тайны» Симеон сталкивает Закон Ветхого завета и благодать Нового, говоря о невозможности соблюсти закон без данной свыше Богом благодати, упоминаемая тайны Божественные: в Церкви – сокровища, «общее прибежище» верным, святую воду для исцеления, и благодать, и потопление грехов.

Три стиха завершают тему благодати: «Благодать есть живот», «Благодать добродетелей виновна» и «В Благодати не уповати» (Л.25). В них также немало поэтических аналогий. В первом формулируется

²³ Ibid., 323.

²⁴ Комментатор замечает: «Фабер говорит о священниках, поддерживающих огонь Благодати в своих сердцах, тогда как Симеон применяет... к каждому человеку» (Ibid.:323).

условие жизни человека: необходимость душе «в благодати быти», также как для рыб жизнь «воды внѣ скоро умирает» (ВМ, 82); во втором поэт сравнивает землю покинутую солнцем, без тепла, с коротким днем и морозом, землю не плодоносящую, с душой человека покинутой Господом, которая «дѣяний благих никако рождает» (Там же). Наконец, последний текст этого цикла (к нему нет западного источника), представляет сюжет угождения людьми вельможам, непомнящими о Боге. Симеон, обращаясь к тексту Иеремии, обвиняет тех, кто «Заповедь Бога жива презѣрают, // да их лукавѣй воли угождают» (ВМ, 83). Описывая лукавство вельмож, он вспоминает библейский сюжет про горделивого Амана, «первого по царѣ во царствии». Но милость царя скоро сменилась на гнев, и Аман был повешен. Симеон, противопоставляя божественную власть светской, заключает: Бог «косен к казни, скор же миловати» (ВМ, 84). И потому благо не в том, чтобы его желать, а в том, чтобы на Бога во все времена уповать.

Продолжая насаждать многоцветный верт, Симеон осмысляет слово-вещь *благоденствие*. Два стиха с таким названием показывают читателю разную меру восприятия блага: грешники грешат, потому их благоденствие «безблаженно»²⁵; в благоденствии требуется умеренность, а главное терпеливость, если случаются злоключения. Содержание следующего стиха «Благородие» строится Симеоном на отрицательном примере: дурно поступает тот, кто, защищая себя, обижает слабых (Там же). Стихотворение «Благодать Божия» содержит 4 тезиса явленной человеку благодати: 1) сотворил род человеческий «во образ Свой» (ВМ, 84); 2) благодать Свою изволил дать людям; 3) величайшую благодать изъявил, соединив «естество Свое с нашим»; 4) ожидать следует, что «даст нам лице Свое свѣтло созерцати» (Там же). *Благо как процесс* единения людей представлено Симеоном в стихе «Благодать общитися». Если прочая тварь через «дары своего естества» воспринимает Благого Бога, то «Человек и агтели выше естественных // общество восприяша даров божественных». Но как люди вообще общаются? «Особным образом», пишет Симеон: через божественную ипостась – «вочеловѣчение лица Бога Слова», т.е. Христа, пожертвовавшего собой за грехи людские:

...Яко на страсть дав за ны Си тѣло

И смерть восприем, вяшше сотворил естъ дѣло. (ВМ, 85)

Благотворение человека реализовывается в делах, о чем Симеон пишет в четырех стихах-соцветиях одноименного текста. Первое двустишие напоминает читателю о заповеди в отношении к ближнему: «благо творя недругу, в друга преложиши, // из жестокого Савла Павла

²⁵ В комментарии к этому стиху указывается: «Взято из Фабера на «Праздник св. вмч. Стефана» № 6 (Festo S. Stephani Protomartyris. «Obdurationis causae et remedia», sect.4 «Prosperitas»): «Поэтому справедливо Сенека сказал в книге «О Провидении», что нет ничего более несчастного, чем счастье грешников» (Ibid.: 324). Далее по тексту ссылки на Фабера (Ibid.: 324-325); лишь «Блаженство мира» «взято из Меффрета, Неделя 1 по Пасхе «Проповедь о Евангелии»» (Ibid.: 325).

сотвориши»²⁶. Симеон приводит примеры о благотворительности бедным (нет ничего «божественнѣе» этого деяния). В третьем стихе, самом объемном в этом цикле, на который в комментариях не указан источник (ВМ, 85-87), автор вспоминает римского кесаря Тита, однажды рассуждавшего о прошедшем дне, когда он не сделал никому блага («О, друзи, благо не створил есмь, // день погубил есмь»: ВМ, 86). Симеон замечает, что здесь христианская добродетель исходит от язычника. Христианам же каждый день следует судить, сделано ли благо другим, и особенно нищим. Подробные рассуждения о делах людей ставят перед Симеоном вопрос о мере и соотношении трудов на себя и свой дом, и о тех, кто наделяют благом других людей. Трудясь, нельзя скрывать плоды своего труда и не использовать их для добрых дел. Отдавая ближним свои обильные труды, «найпаче убогим», человек получает воздаяние от Бога по делам своим. Кто милости ближним не творил, в огне вечном будет муки терпеть; кто благо творил, тому «Бог всещедрый <...> воздаст во вѣки» (ВМ, 87). Заключает цикл Симеон кратким напоминанием Слова из Нагорной проповеди Иисуса Христа: «...не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими...» (Мф. 7:6), имея в виду неблагодарных за полученное от людей благо. Тема корреспондирует с циклом концепта «Благотворение», в котором уже шла речь, где Симеон писал о творении благ человеком человеком.

Следующее соцветие благ Симеон посвящает концепту *Благотворение Божие*. Вопрос о том, как Бог связан благим образом с человеком: в чем состоит творение благ, какие ответы Бог надеется получить, как относится к добру и злу в человеческом существе, давая блага и добрым, и злым... Все это богословские вопросы. Симеон взял за источник стиха проповедь Фабера, как указано в комментариях, «Неделя 17 по Пятидесятнице, №2 «Стимул любить Бога» из 2 раздела «Потому что Господь есть высший благодетель и возлюбленный наш» и 4 раздела «По способу любви»: «Во-первых, Он прежде желает, чтобы мы называли его отцом, и усыновляет нас. Во-вторых, он унижается до самого низкого из нас и обитает там, где страдания самые великие. В-третьих, он часто предвосхищает нуждающихся еще до того, как их об этом попросят, выражая благодарность. В-четвертых, он часто дает больше, чем просят. В-пятых, дает даже плохим и неблагодарным»²⁷. Вдохновившись этими рассуждениями Симеон пишет о великих творениях Бога: 1) «велит отцем Себя звати // и благоволил нас во сыны прияти»; 2) «печение о нас отческое дѣет // к большим нуждам скорѣе с помощью спѣет»; 3) «нужды наша предваряет // благодатами Своими, в путь благ устрояет»; 4) «обычае множае даяти, // нежели мы дерзаем от Него желати»; 5) «дает же благим и злым, да не одолѣет // Его благости наша злоба» (ВМ,

²⁶ Из Фабера «Праздник св. вмч. Стефана» №2: «Сделай ему добро, ибо таким образом ты победишь его и повергнешь его, как Саула, и сделаешь из него Павла, то есть из врага – друга» (Ibid.: 324).

²⁷ Ibid.: 325.

88). Симеону важно укрепить человека в необходимости подражать благодати Бога: всем «неодоленным злобой» быть дружными.

Во втором стихотворении этого соцветия, Симеон освещает темы догматического богословия, выявляя премногу *суть Благотворения* от «трилична Бога» к человеку. Бог Отец – «суть общая»: (1) «... из ничегого плоть нашу создал есть // и дух оживляющъ во ону влиялъ есть»; (2) «...образом Своим украсилъ есть»; (3) «вся животная ему (человеку – М.К.) покорилъ есть» и потому человек мир и все в нем «держит, соблюдает, // о всех промыслъ дѣет, живит и питает // и вѣнец в небеси славы соплѣтает» (ВМ, 88). Через Христа *суть* расширяется: (1) добротворение через естественное воплощение: «благоволилъ плоть нашу прияти, // по челоувѣческу нас дѣля страдати»; (2) учение людей «в правдѣ», наставляя на путь спасения не как язычники «свѣтом естественным» или как «Израилск древле род учаше» через ангелов или пророков, не в мечтах или образах «тайны явилъ», но «Сам Христос Господь правдѣ научилъ есть, // Да знаемъ Господа Троицы единого, // Отца купно с Сыномъ и Духа Святого» (ВМ, 89); (3) «образы», которые дает Бог верным в трудах во спасение, проявляющим «вся добродѣтели»: смирение, кротость, милость, любление, пост, молитву; (4) добротворение – избавление от греха и смерти в вечную жизнь через жертву Христа; (5) наследование Царства Небесного для вечной жизни, не только «остави грѣхъ и казнь» жертвой Христа, но и сделав сынами Отца небеснаго; (6) «добро есть греховъ прощение»: Бог прощает, если «кто во грѣхи въпадает, // токмо бы жалъ имѣлъ» (Там же); (7) Благотворение Бога в сотворении человека как «... общника Своего // Тѣла пречистаго и крове святыхъ, // кающихся душамъ живот дающия» (Там же). За все эти благодати и щедроты люди должны имя Божье всегда прославлять. Следующее двустигшие «Благоумие» – своего рода формула творения блага человеком:

Судии Страшнаго да ся не страшиши,

Уклонися зла, блага да твориши. (ВМ, 90)

По сути, вся стихотворная конструкция *блага* в ВМ есть нравственное богословие, основу которого составляют догматы христианской веры. В стихотворном цветнике дан словесный образ различения добра и зла: понимание, что есть настоящее богатство, – не земное, порождающее скупость, разрушающее благотворение человека Богу и человеку, а деятельное, стремящееся помочь ближним, а особенно нищим; объяснения необходимости быть благодарным; приятие бренности земных благ и уразумения основ той жизни, которая совместима с небесной ценностью добродетелей и др. Сакральность этих ценностей определена главным источником – текстами Священного Писания. Сюжеты, к которым обращался Симеон в текстах имели своей задачей христианское просвещение *благоумных читателей*, ищущих пути праведной Божией Благодати. Понятно, что прежде всего, этими читателями были члены царской фамилии, которым и адресовался подносной список рукописи.

Стоит также отметить, что в текстах ВМ концепт Благо присутствует не только в тех стихах, которые приведены выше. Благо как дар Божий имеет в том или ином смысле отношение к любому из 2763 стихотворений, входящих в автограф «Вертограда многоцветного».

Поэтический текст Симеона и его разработка концепта благо остается в пределах христианской веры, основываясь на догматическом и нравственном богословии, текстах Священного Писания, патристики, гомилетики, исторических трудах, философии и пр. Отметим, что, кроме «сюжета» дисциплинаризации в стихе «Благоговѣнство» о поведении в храме, трудно указать на иные явные зависимости от католической традиции, имея в виду источники, которыми Симеон пользуется. Он настойчиво повторяет в своих текстах необходимость творения добрых дел для сохранения и преумножения блага в земной жизни, ибо Благой Бог чрезвычайно терпелив и воздаст людям, которых объединяет исправление грехов и добро в делах. И именно божественная ипостась – «вочеловѣчение лица Бога Слова», т.е. Христа, пожертвовавшего собой, позволяет людям соединиться (вообщиться). Концепт Благо, таким образом, в земной жизни остается под зорким Божественным Оком, объединяя тех, кто делает добро.

Смысловой задачей труда Симеона Полоцкого было создание барочного поэтического мира *слов-вещей* в их взаимной зависимости, чтобы представить в многоцветье сада Божественные дары земной жизни человека и его веры в вечную жизнь. Важно, что в каждом стихе можно найти проповедническую интенцию: верт поэта был насаждаем рукой ритора, проповедника и врачевателя разных человеческих недугов, кои следовало лечить Словом. А цветы и травы в садах с самых давних пор именно для этого и предназначены.

Безусловно, влияние европейских источников не могло не сказаться. И в Предисловии Симеон Полцкий открыто заявил проблему заимствования. Видя и посещая «пребогатоцвѣтные вертограды», вкушая цветы услаждения душеживительного, Симеон сверяет свое намерение в подражании с обычаем среди людей, когда «не что ино перво намѣрствуется, то-чию слава, честь, хвала, благодарствие, величание Создателя... второ же усмотряется всѣх душевная вѣрных полза и спасение, есть весьма блажителен и подражателен?». И отвечает самому себе положительно и программно для дальнейшего создания своего Вертограда: «в домашний ми язык славенский, яко во оплот и ограждение Церкви Российския, отуду пресаждение кореней и пренесение съмн богодухновенноцвѣтородных содбю...» (ВМ, 4).

Таким образом, само дело Симеона Полоцкого по пересадке сада в домашний «славенский язык» можно рассматривать как общее богодухновенное Благо, обращенное ко всем людям христианской веры, объединяющее их и создающее общий порядок мира.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Hippisley A. Commentary // Simeon Polockij. Vertograd mnogocvėtnyj / ed. Antony Hippisley and Lydia I. Sazonova. T.1 S. 322.).
- Simeon Polockij. Vertograd mnogocvėtnyj /ed. by Antony Hippisley and Lydia I. Sazonova. Köhln etc.: Böhlau, 1996-2000. Bd.10, I-III.
- Елеонская А.С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века М., 1990. 224 с. [Eleonskaja A.S. Russkaja oratorskaja proza v literaturnom processe XVII veka M.,1990. 224 s.]
- Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М., 1958. 152 с. [Zernova A.S. Knigi kirillovskoj pečati, izdannyje v Moskve v XVI–XVII vekah. Svodnyj katalog. M., 1958. 152 s.]
- Корзо М.А. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI–XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. М., 2007. Ч.III, V. 672 с. [Korzo M.A. Ukraïnskaja i belorusskaja katehetičeskaja tradicija konca XVI–XVIII vv.: stanovlenie, jevojucija i problema zaimstvovanij. M., 2007. Ch.III, V. 672 s.]
- Макарій (Булгаков), митр. Слова и речи. СПб., 1891. X, 712, IV с. [Makarij (Bulgakov), mitr. Slova i rechi. SPb., 1891. X, 712, IV s.]
- Михайлов А.В. Избранное. Завершение риторической эпохи. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 477, [2] с. [Mihajlov A.V. Izbrannoe. Zavershenie ritoričeskoj jepohi. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. 477, [2] s/]
- Николенкова Н. В. Переводческая деятельность в московском Чудовом монастыре: новые данные о кружке Епифания Славинецкого // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 6. С. 77–91 [Nikolenkova N. V. Perevodčeskaja dejatel'nost' v moskovskom Chudovom monastyre: novye dannye o kruzhke Epiifanija Slavineckogo // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija. 2018. № 6. S. 77–91].
- Никольский Н.К. Исторические особенности в постановке церковно-учительного дела в Московской Руси (XV–XVII вв.) и их значение для гомилетики. СПб., 1901. 19 с. [Nikol'skij N.K. Istoricheskie osobennosti v postanovke cerkovno-učitel'nogo dela v Moskovskoj Rusi (XV–XVII vv.) i ih značenie dlja gomiletiki. SPb., 1901. 19 s.] https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Nikolskij/istoricheskie-osobennosti-v-postanovlenii-tserkovno-uchitel'nogo-dela-v-moskovskoj-rusi-i-ih-značenie-dlja-sovremennoj-gomiletiki/.
- Опарина Т.А. К предыстории рецепции украинского барочного богословия в России // Человек в культуре русского барокко. М.: ИФРАН, 2006. С.175-199. [Oparina T.A. K predystorii recepcii Ukraïnskogo barochnogo bogoslovija v Rossii // Čelovek v kul'ture russkogo barokko / pod red. M.S. Kiselevoj. M.: IFRAN, 2006. С.175-199.]
- Пентковская Т.В. Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого и польская переводческая традиция XVI в.: перевод аргументов к Апостолу // Русский язык в научном освещении. 2016. № 1. С. 182–226. [Pentkovskaja T.V. Novyj Zavet v perevode knižnogo kruga Epiifanija Slavineckogo i pol'skaja perevodčeskaja tradicija XVI v.: perevod argumentov k Apostolu // Russkij jazyk v nauchnom osvshhenii. 2016. № 1. S. 182–226]
- Поздеева И.В. «Учиться надобно чисто, прямо по существу и неспешно, знати естество словес и силу их» // Историк и источник. СПб., 2018. С. 557-578. [Pozdeeva I.V. «Učit'sja nadobno čisto, prjamo po sushhestvu i nespeshno, znati estestvo sloves i silu ih» // Istorik i istochnik. SPb., 2018. S. 557-578].
- Поздеева И.В. Издания Московского печатного двора для обучения вере и грамоте. 1615-1700 // Федоровские чтения. 2007. М., 2007. С. 206-219. [Pozdeeva I.V. Izdaniya Moskovskogo pečatnogo dvora dlja obučeniya vere i gramote. 1615-1700 // Fedorovskie čtenija. 2007. M., 2007. S. 206-219].
- Поздеева И.В. Человек. Книга. История. Московская печать XVII века. М., 2016. 576 с. [Pozdeeva I.V. Čelovek. Kniga. Istorija. Moskovskaja pečat' XVII veka. M., 2016. 576 s.]
- Поздеева И.В., Пушкин В.П., Дадькин А.В. Московский Печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг.: от восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона. Исследования и публикации. М., 2001. 543 с. [Pozdeeva I.V., Puškin V.P., Dadykin A.V. Moskovskij Pečatnyj dvor – fakt i faktor russkoj kul'tury. 1618–1652 gg.: ot vosstanovlenija posle gibeli v Smutnoe vremja do patriarha Nikona. Issledovanija i publikacii. M., 2001. 543 s.]
- Поторжинский М.А. История русской церковной проповеди в биографиях и образцах пастырской-проповедников с 1/2 IX-XIX вв. 3-е изд., испр. и доп. Киев: тип. Р.К. Лубков-

- ского, 1901. 682 с. [Potorzhinskij M.A. Istorija ruskoj cerkovnoj propovedi v biografijah i obrazcah pastyrej-propovednikov s 1/2 IX-XIX vv. 3 izd., ispr. i dop. Kiev: tip. R.K. Lubkovskogo, 1901. 682 s.].
- Сазонова Л.И. «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого // Simeon Polockij. Vertograd mnogocvetnyj /ed. By Anthony Hippisley and Lydia I. Sazonova. Köhln etc.: Böhlau, 1996. Bd.10. I. S. xi-lii. [Sazonova L.I. «Vertograd mnogocvetnyj» Simeona Polockogo // Simeon Polockij. Vertograd mnogocvetnyj /ed. By Anthony Hippisley and Lydia I. Sazonova. Köhln etc.: Böhlau, 1996. Bd.10. I. S. xi-lii.].
- Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур. 2006. С. 575. [Sazonova L.I. Literaturnaja kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremja. M.: Jazyki slavjanskikh kul'tur. 2006. S. 575.].
- Самарин Ю.С. Избранные произведения. М.: РОССПЭН, 1996. 608 с. [Samarin Ju.S. Izbrannye proizvedenija. M.: ROSSPJeN, 1996. 608 s.].
- Хипписли А. Западное влияние на «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. Т. 52. 2001, С. 695-708. [Hippisli A. Zapadnoe vlijanie na «Vertograd mnogocvetnyj» Simeona Polockogo // TODRL. T. 52. 2001, S. 695-708.]. URL: <http://odrl.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=ju92e8jUaFE%3d&tabid=2298>
- Чапига И.П. «Ключ Розуміння» І.Галятювського – видатна пам'ятка української мови XVII ст. // І. Галятювський. Ключ Розуміння. Київ, 1985. С. 6-31. [Chapiga I.P. «Kljuch Rozuminnja» I.Galjatovsk'ogo – vidatna pam'jatka ukraїнskoj movi XVII st. // I. Galjatovsk'ij. Kljuch Rozuminnja. Kiїв, 1985. S. 6-31].
- Черторицкая Т.В. Уставные чтения. Исследования и материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1985. С. 236–238. [Chertorickaja T.V. Ustavnye chtenija. Issledovanija i materialy dlja «Slovarja knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi»// TODRL. T. 30. L., 1985. S. 236–238.].
- Чиновник архиерейского священнослужения. М., 1982. Кн. 1. 252 с. [Chinovnik arhieriej-skogo svjashhennosluzhenija. M., 1982. Kn. 1. 252 s.].

Киселева Марина Сергеевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Российская федерация, markiseleva@gmail.com

The good and general order of the world of Simeon Polotskij

The article examines the concept of Good as a fundamental value of Christian doctrine - the Divine gift of grace to man. In European culture of the New Age from the 17th to the 18th cc. its relevance in earthly affairs is expanding: in public morality, socio-political and economic life, which is especially characteristic of Protestant countries. The preaching art of both the Catholic and Protestant churches played a significant role in this process. Since apostolic times and patristics, the teaching word has been the most important instrument for establishing the Christian faith. In medieval Europe, preaching became a powerful means of not only religious, but also social discipline of the flock. In modern times, its content is a kind of conductor of transformation of social values, including the idea of the "common good," as well as an indicator of a person's need for them in the general order of the world. The concept of Good in the baroque poetic "encyclopedia" "Vertograd mnogocvetnyj" by Simeon Polotckij is explored with reference to the comments of A. Hippisley, in order to understand the work of Simeon in "planting roots" from Western Catholic homiletics into the Russian poetic garden, which has a powerful preaching intention. Author's conclusion: Simeon Polotckij, a graduate of the Kiev-Mohyla Collegium, a conductor of southwestern Orthodox education, can be considered as a scribe and figure in the initial stage of reforms in this area, which then continued during the reign of Peter I.

Key words: "Vertograd mnogocvetnyj", Благо, baroque rhetorical system, dogmatic and moral theology, Orthodox education.

Marina S. Kiseleva DSc in Philosophy, Professor, Chief Research Fellow, National Research University Higher School of Economics (HSE).

ПОУЧЕНИЯ ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО
В СОСТАВЕ «КЕЛЕЙНОГО ЛЕТОПИСЦА»: НРАВСТВЕННОЕ
ВОСПИТАНИЕ ПАСТВЫ И ИДЕИ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

В статье предложен анализ нравоучительных нарративов в составе «Келейного летописца» Димитрия Ростовского (1651–1709), которые являются частью комментариев к изложению библейских событий (в Летописце пересказано и прокомментировано тридцать две главы Книги Бытия). Основное внимание уделено рассмотрению текстов, посвященных проблемам нравственного воспитания паствы, идеям социального порядка и бесконфликтного существования общества. Они читаются в поучениях о грехе и страхе Божьем, нравоучениях о зле войны и зле золота. Эти нравоучения являются ключевыми и составляют в рамках «Келейного летописца» как бы единый блок – последовательно следуют друг за другом, заполняя собой небогатые на события столетия: с восьмого столетия второго тысячелетия до первого столетия третьего тысячелетия. Их значимость, как показывает автор статьи, определяется также тем, что осмысление святителем «греха» имеет некоторые отличия от русского нравственно-учительного богословия и ближе к западноевропейскому прочтению, затрагивающему понятия Божьего страха и смертного греха, одним из которых являются несправедливые войны. Вскрывая их причины, святитель Димитрий тем не менее призывает общество к страстотерпческой терпимости и прославляет нравственную красоту человека, который ради общего блага способен пожертвовать самым дорогим.

Ключевые слова: Димитрий Ростовский, Келейный летописец, поучения о грехе, зле войны, нравоучительные нарративы.

«Келейный летописец», наряду с Четьми Минеями («Книгой житий святых»), «Розыском о раскольнической брынской вере», – одно из самых важных и крупных сочинений Димитрия Ростовского (1651–1709), послужившее тому, чтобы имя святителя Димитрия прочно вошло в историю не только древнерусской книжности, но и русской культуры Нового времени. «Келейный летописец», в основе которого лежит пересказ и толкование первых тридцати двух глав Книги Бытия, по содержанию и жанровым характеристикам, безусловно, далек и от средневековых летописей, и от хронографических памятников, при этом он также существенным образом отличается от западноевропейских толкований на библейские книги, образцы которых были взяты святителем Димитрием за основу¹. Это отличие заключается прежде всего во введении в текст памятника нравоучительных толкований и поучений, которые по объему могли быть как краткими, от нескольких строк, так и пространными, до многостраничных пассажей, заменяя собой в некоторых случаях библейскую историю целых столетий.

В средневековой русской литературе «включение одних произведений в состав других без внешней мотивировки» являлось «особенностью самой жанровой структуры произведения»: хронографы, патерики, торжественники «по жанровой природе включали в свой состав

¹ «Келейный летописец» сейчас активно изучается А.В. Волковым, см. Волков 2022.

произведения первичных жанров»². В «Келейном летописце», в памятнике, стоящем на рубеже средневековой культуры и культуры раннего Нового времени, это было еще и глубоко продуманной установкой автора, о чем он писал не только своим корреспондентам, с которыми обсуждал произведение³, но и определенно заявил в его «Предисловии»: «Не буди же чтущему удивительно сіе, яко писанная здѣ не таковымъ чиномъ писашася, каковъ обычно хранится в хронографехъ и исторіографехъ, дѣянїя токмо кїихъ царствъ и народовъ, прежде бывшая, сказующихъ: здѣ же между дѣянїями на нѣкїихъ мѣстехъ иная различная по прилучаю, ово толковательная, ово разсмотрительная, ово нравоучительная духовная бесѣдованїя положишася» (IV)⁴; «наставленїя ради ближняго» (V) – вот одна из трех причин, по которой, как полагал святитель Димитрий, следует «вѣдать» Божественное Писание.

Этот «дидактический» перевес первым отметил И.А. Шляпкин, указав, что «главная цель Летописца не была историческая, а преимущественно нравственная»⁵; так характеризуют памятник и современные исследователи, рассуждая о его жанровом своеобразии: «это одновременно всемирная хроника, учительное евангелие, толкование Библии, история спасения человеческого рода, теологический трактат, глубоко риторический обличительный памфлет и сочинение проповедническое»⁶. Выделим два последних определения из данного высказывания, принадлежащего итальянской исследовательнице Дж. Броджи Беркофф: глубоко риторический обличительный памфлет и сочинение проповедническое.

Общественная риторика никогда не была основой гомилетических сочинений Димитрия Ростовского, хотя примеры такого красноречия в его творчестве присутствуют. Исследователи наследия ростовского митрополита не раз подчеркивали, что один из излюбленных и наиболее часто цитируемых святителем Димитрием отцов церкви – Иоанн Златоуст; кроме того, самого Димитрия за его блестящие ораторские способности, красоту языка и стиля называли «российским Златоустом» (это сравнение, вероятно, происходит из служб Димитрию Ростовскому, во

² Лихачев 1971: 50.

³ «А под титулом и образом Лѣтописца, желалъ быхъ нѣкая полезная нравоученїя писать, хотячи читателя не токмо исторїями delectare, но и нравоученїями docere, hoc meum intentum, tale desiderium, si non propter alios (nam quis sum ego ut docerem doctos?) saltem propter me ipsum», – пишет Димитрий Ростовский в письме Стефану Яворскому от 4 декабря 1707 г. (см.: ГИМ, Синодальное собр., № 81, л. 2–3 об.). Или в письме Федору Поликарпову-Орлову от 8 ноября 1708 г.: «О начатомъ с Божїею помощїю нами лѣтописани хотящимъ вѣдати буди извѣстно, яко намѣренїе наше не толико в исторїяхъ углублятися, елико в нравоученїяхъ и толкованїяхъ Святаго Писанїа поучатися.<...> Пишу, убо Господу поспѣшествующу, нравоученїа, мѣстами же и толкованїа Писанїа Святаго, елико могу немощный. А исторїи, яже в Быблїахъ, токмо вкратцѣ вмѣсто фемы полагаю, и отъ тѣхъ, аки отъ источниковъ струи, нравоученїа производю» (Там же. Л. 9–10 об.).

⁴ Здесь и далее «Келейный летописец» цитируется по изданию: Летопись 1796. Это издание не только полнее первого, 1784 г., подготовленного Н.И. Новиковым, но и послужило образцом для всех последующих переизданий. См.: Волков 2013, 89–97. При цитировании лист ставится в конце цитаты, орфография сохранена, пунктуация современная.

⁵ Шляпкин 1891: 425.

⁶ Броджи Беркофф 1996: 204.

всяком случае, так он именуется почти во всех гимнографических сочинениях, ему посвященных). Но несмотря на эту близость и параллель, в проповедях Иоанна Златоуста сильнее просматривается политическая риторика, общественно-моралистическое начало, а в большинстве поучений Димитрия Ростовского – восточно-аскетическая мистика⁷. Здесь важно указать не только на цитаты в его трудах из аскетической литературы (Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина, Макария Египетского и др.), но главное – на богомысленные рассуждения святителя, на его учение о внутреннем человеке, основанное на представлении об амбивалентной сущности человека и внутренней, умной и «втайне», молитве. Это учение изложено в проповедях, небольших молитвенных текстах, но наиболее выразительно и последовательно в таких сочинениях, как «Апология во утоление печали человека, сущаго в беде, гонении и озлоблении...», «Врачество духовное на смущение помыслов, от различных отеческих книг вкратце собранном» и «Внутренний человек в клети сердца своего уединенном», популярность и востребованность которых в народной среде подтверждается большим количеством списков и изданий.

Наиболее ярким исключением из этого контекста является «Рѣчь преосвященнаго Димитрія, митрополита Ростовскаго, в Ростов на престол свой пришедшаго»⁸, в которой с кафедры Ростовского Успенского собора 1 марта 1702 г. он обратился к своей пастве, городской аудитории:

«О возлюбленнїи словеснаго Христова стада овцы! Мир вамъ глаголю, миръ пречестнѣйшему сему Пречистыя Матере Божїа храму, миръ Богоспасаемому граду Ростову, миръ Богоспасаемому граду Ярославлю, миръ Богоспасаемому граду Угличу, и всѣмъ Богоспасаемымъ Епархіи сея церквамъ и градовомъ миръ и благословенїе! *Миръ жительству и сожитію вашему, миръ домовомъ вашимъ, миръ сердцамъ вашимъ* (курсив мой. – М. Ф.)»⁹.

Только что взошедший на свою новую кафедру митрополит призывает тем самым граждан к внутреннему равновесию и гармонии с окружающим миром, основанным на доверии, духовном единстве и соподчинении, т. е. к социальному порядку:

«Да не смущается сердце ваше, о моемъ къ вамъ пришествїи; дверьми бо внїдохъ, а не прелазїи инуды; не искахъ, но поисканъ есмь, и не вѣдахъ васъ, ниже вы мене вѣдасте; судьбы же Господня бездна многа, тыя послаша мя къ вамъ, азъ же прїидохъ, не до послужите ми, но да послужу вамъ <...> Прїидохъ къ вамъ съ любовїю: рекъ быхъ, яко прїидохъ, якоже отецъ къ чадамъ, но паче реку: прїидохъ, якоже братъ къ братїи, якоже другъ къ любезнымъ другомъ»¹⁰.

Неверно было бы видеть в речи святителя суждения о философско-социологических понятиях, его слова ближе к представлениям о моральном порядке, вопросам о нравственности и ответственности челове-

⁷ Зубов 2001: 19–20.

⁸ Проповедь не раз издавалась и известна в большом количестве списков, в том числе и авторизованных: ГИМ, собр. М. И. Соколова, № 81, л. 292–294 об.; собр. И. Е. Забелина, № 619, л. 457–460.

⁹ Сочинения святого Димитрия митрополита Ростовскаго. М., 1839. Т. 1. С. 55.

¹⁰ Там же. С. 55–56.

ка, облеченного, в данном случае, церковной властью; сам архиерей Димитрий, возглавляя ростовскую кафедру, не стал «князем в рясе»¹¹, стяжавшим богатства¹², свою задачу он видел во внушении и проповеди нравственно-православных истин, в утверждении которых ростовский митрополит мог быть твердым и даже жестким.

Пример такого бескомпромиссного выступления наблюдаем в двух написанных в 1702 г. учительных посланиях к иереям епархии, т. н. «уложении» святителя Димитрия – ярком образце его духовного красноречия: первый текст посвящен обличению одного из самых больших нарушений, которое допускали ростовские духовники и которое было выявлено митрополитом, – нарушения тайны Исповеди, второй – таинству Евхаристии¹³. Цель их – поднять нравственный уровень клира, особенно в вопросах покаяния в церковной жизни, но прежде всего они были направлены на «увещевание» духовенства. Священник – служитель церкви, а совершение таинства Исповеди – лишь одно из его служений, и он не может злоупотреблять своей властью над духовными детьми, раскрывая их грехи перед обществом. Именно на это, выявленное со стороны клириков-духовников епархии нарушение со всей, не свойственной митрополиту в обычной жизни страстью обрушился Димитрий Ростовский:

«О духовниче неискусный, злый обличителю дѣтей своих духовных, разорителю тайны Божия, соблазнителю мира и виновниче пагубы многих душ человеческих! Почто исповѣданные грѣхи и уже прощенные паки на среду приводиши? Почто Богом покровенная и потаенная, открывая, являеши? Почто благо омовенное паки наносиши на омовенных? Почто скверниши очищенных? Почто мимомедшая и уже забвению преданная, паки воспоминающая, возвращаеши?»¹⁴.

В письме к иеромонаху Иосифу, наместнику Ростовского архиерейского дома в Ярославле, в котором Димитрий кратко излагает содержание своего послания к иереям, он идет дальше и «своим архиерейским благословением» разрешает: «Аще кто имат духовнаго отца зла, обличающа грѣхи пред людьми, и хвастлива, и распростирающа власть излишнюю над ним духовенства ради, то духовника таковаго челоуѣк да оставит и на исповѣдь к нему да не приходит, да избрет же себѣ инаго коего в ином приходѣ, честнаго иерея во духовнаго отца, или в коем мо-

¹¹ Сукина 2008: 35.

¹² «...не стяжевахъ имѣнія и мшелоимства, кромѣ книгъ святыхъ, не собирахъ злата и сребра, не изволяхъ имѣти излишнихъ одеждъ, никакихъ либо вещей, кромѣ самыхъ нуждъ <...> Никтоже убо да трудится по смерти моей испугу или взыску каковаго либо келейнаго моего собрания...», – читаем в «Духовной» митрополита Димитрия. Цит. по: Сочинения свяятаго Димитрия митрополита Ростовскаго. М., 1839. Т. 1. С. 48.

¹³ Тексты посланий также неоднократно издавались, в том числе в собраниях сочинений Димитрия Ростовского, они сохранились, кроме того, в прижизненной авторизованной рукописи святителя, датированной 1705 г.: ГИМ, Синодальное собр., № 147, л. 329–338 (второе послание), 340–344 (первое послание).

¹⁴ Цит. по: ГИМ, Синодальное собр., № 147, л. 342. Словам Димитрия Ростовского вторил другой представитель Петровской эпохи – Иван Посошков: «Кои пресвитеры и во граде живут, и те не весьма знают, в чем грех и в чем спасение, и того ради прихожан своих к покаянию не принуждают» (см. цитату: Сукина 2008: 37).

настыру усмотря чернаго попа, мужа искусна и добродѣтелна, и того да имать себѣ во отца духовнаго...»¹⁵

Ссылаясь в первом послании на авторитет киево-печерских старцев, а во втором – на ряд положений «Требника» Петра Могилы, святитель Димитрий показывает, что в вопросах и таинств Исповеди и Причастия он следует за киевской могилянской традицией, именно к ней он стремится приобщить клириков своей епархии. Таинства Покаяния и Евхаристии он отводил центральное место в церковной жизни. Эти учительные литературные послания как разновидность книжно-славянской риторики близки по своей стилистике к проповедям митрополита, но несут гораздо более выраженную нравоучительную нагрузку. Они написаны по всем правилам риторической науки, можно даже сказать, что ближе к образцам общественно-политической риторики – торжественным (или эпидейктическим) речам, их стиль и язык – более эмоциональные, чем другие проповеди святого Димитрия. Все это, а также огромная эрудиция автора делали его творения, в том числе и эти тексты, самыми популярными и переписываемыми среди современников¹⁶.

Не столь экспрессивны, но не менее выразительны, убедительны и актуальны были нравоучительные нарративы в составе «Келейного летописца» Димитрия Ростовского. Так, В.В. Калугин, полагал, что Н.И. Новикова, который первый предпринял издание памятника в 1784 г., в духе его просветительской деятельности, в «Келейном летописце» привлекли «скрытые выпады Дмитрия Ростовского против правительства, мысли о внесловной ценности человека, о необходимости оценки людей не по признакам родословности и чинам, а по их действительному достоинству и дарованию»¹⁷. Выразительным примером такой критики власть имущих является восклицание святителя в поучении о земледелии, помещенном в седьмом столетии второго тысячелетия: «О коль многии суть туне хлѣбъ ядущи, ихъ же исчести невозможно! Различно различными питаются неправедными прибитки: овъ отъ грабленія и хищенія, овъ отъ татьбы и разбоя, овъ отъ насилуванія и мучительства, овъ отъ инаго каковаго не богоуднаго промысла» (222). Несмотря на то, что интерес к библейской хронологии, лежащей в основе «Келейного летописца», зародился у Димитрия в 1690-е гг., еще при жизни на Украине, но создан памятник был в тот период, когда святитель возглавлял ростовскую кафедру, точнее – в 1707–1709 гг., о чем свидетельствует переписка митрополита, а потому темы и высказывания его нравоучений были продиктованы как авторским намерением донести до читателя общехристианские ценности, с верой в торжество добра над злом, так и контекстом его ростовского служения и российской действительности. В данном случае, считая земледелие един-

¹⁵ Текст письма сохранился в двух списках, цит. по: ГИМ, Синодальное собр., № 811, л. 252 об.

¹⁶ См. подробнее: Федотова 2022.

¹⁷ Калугин 1983: 169–170.

ственным промыслом, дающим «от труда рук своих и от пота лица своего» праведное и богоугодное пропитание, святитель резко порицает наиболее характерные и частые недостатки современного общества – празднoлюбие, разбой, хищения, коварство, немилосердие.

Святитель Димитрий постулировал, что работал над «Келейным летописцем» «моего ради вѣденія» и «в наученіе *себѣ* (курсив мой. – М.Ф.) собираяя», но он прекрасно осознавал, что пишет свой труд для просвещения паствы: «Богъ же да дасть чтущимъ и внимающимъ усердіе къ чтенію и внятію въ снисканіе душевныя пользы» (III–IV). Видя мрак невежества даже среди священнослужителей («...рѣдко хто от духовного чина вѣдаетъ порядокъ исторій бѣблийныхъ, что, когда дѣялося», – сетует он Стефану Яворскому)¹⁸, митрополит ставит перед собой цель – изложить библейскую историю для своего клира связно, логично, разъясняя каждый исторический факт, сопровождая его не только толкованиями, но и поучениями. Тем самым, «Келейный летописец» был направлен на просвещение прихода, на нравственное воспитание низшего духовенства, но более всего мирян, на противостояние и преодоление их духовной необразованности. Большое значение святитель придавал воспитанию детей. В небольшом поучении о воспитании, помещенном в «Келейном летописце» под третьим столетием третьего тысячелетия, он сравнил юного отрока с доской, приготовленной для написания иконы: святое или грешное, ангел или бес, честное или бесчестное – то, что будет написано на ней изначально, то и останется навсегда – богоугодное или богоненавистное, ангельское или бесовское. Воспитание детей, пишет митрополит, должно быть с младенчества, и не только и не столько ласкою, но строгостью и угрозою, ибо юность подобна (здесь он использует уподобление Иоанна Златоуста) коню необузданному и зверю некротимому¹⁹. Наставлять и учить детей добродетелям должны родители, а также хорошие и добрые воспитатели и учителя, поэтому неудивительно, что, согласно предисловию к одному из списков «Келейного летописца» (РГБ, ф. 218 (ф. ОР), № 1171)²⁰, памятник предназначался для учеников Ростовской школы, открытой святителем в 1702 г.; воспитанники училища, возможно, делали и списки «Келейного летописца»²¹.

Содержание нравственно-духовных текстов «Келейного летописца» разнообразно: о благородстве, зависти, грехе, зле войны, воспита-

¹⁸ ГИМ, Синодальное собр., № 81, л. 3.

¹⁹ Цитируем письмо самого Димитрия Ростовского, написанное в 1706 г., вероятно, в Москве, где он был на церковном служении в течение года, и обращенное к ученикам организованной им Ростовской школы: «Дѣти, блядины дѣти. Слышу о вас худо, мѣсто учения учитесь развращения, нѣции от вас и въслѣд блуднаго сына пошли с свиньями конверсовати. Печалося зѣло и гнѣваюся на вас. А якоже вижду, вина развращения вашего та, что всякъ живет по своей воли, всякъ болший. Того ради поставляю над вами сенѣора господина Андрея Юревича, чтобъ вас мунштровал, какъ цыганскихъ лошадей, а вы ему будте покорни, послушливи, а кто будетъ противен, той пожалован будетъ плѣтью. Арх. Димитрій» (Цит. по автографу: Ярославский музей-заповедник, № 15470, л. 1.).

²⁰ Список указан: Калугин 1983: 171–172.

²¹ Волков 2022: 27–28.

нии, пьянстве, земледелии, служении священства и пастырях, о сновидениях и церковной десятинае, о блудниках и браке и др. Как видим, большинство из них имеют достаточно «жизненное» содержание и сводятся к освещению двух проблем – нравственного воспитания и бесконфликтного существования общества. Святитель Димитрий, с одной стороны, как писатель Петровского времени, взявшего ориентир на европейскую культурную традицию и прогресс, не мог не осознавать духовного кризиса, охватившего государство²², разрешение которого виделось ему через просвещение народа. С другой – как христианский писатель он ищет выход из этих противоречий в проповеди православной этики. Один из примеров такого «общественного» спора, в котором Димитрий Ростовский принимал активное участие, – это раскол и соответственно сочинение, написанное митрополитом на эту тему, – «Розыск о раскольнической брынской вере», во главу угла которого он ставил не репрессии и жесткость в борьбе с прихожанами-староверами и старообрядческими священниками, а образование и литературно-богословскую практику, так как полагал, что именно незнание Священного Писания является источником несправедливой и греховной жизни народа²³.

В контексте нашей темы важными представляются поучения о грехе, страхе Божьем, зле войны и зле золота, тем более что они составляют в рамках «Келейного летописца» как бы единый блок – последовательно следуют друг за другом, заполняя собой небогатые на события столетия: с восьмого столетия второго тысячелетия до первого столетия третьего тысячелетия. Их значимость определяется тем, что, с одной стороны, проблема греха – одна из ключевых и наиболее проработанных в творчестве Димитрия Ростовского, с другой – ее осмысление святителем имеет некоторые отличия от русского нравственно-учительного богословия и ближе к западноевропейскому прочтению.

Понимание греха прописано в Летописце детально. Без апелляции к понятию «блага», высказывания святителя Димитрия в некоторой степени сопрягаются здесь с этикой блаженного Августина (святого Аврелия Августина Иппонийского, наравне со святым Иеронимом, ростовский митрополит, среди прочих западных отцов церкви, почитал за святого), провозгласившего в своей этической системе главный постулат: «Бог есть высшее благо». Среди нравственных чувств и поведения в соответствии с идеалами и принципами морали Августин утверждал, что «высшее благо для твари есть вечная и блаженная жизнь с Богом, а высшее зло – вечная и мучительная смерть вне Бога, поэтому для приобретения первой и избежания последней человек должен жить праведно и исполнять заповеди Божии»²⁴. Именно это утверждение является ос-

²² См. об этом: Панченко 1996: 510.

²³ Ср.: Крылов 2015.

²⁴ Фокин 2000: 105. О степени влияния наследия блаженного Августина на представителя раннего Нового времени исследователи высказывают различные точки зрения (см., например: Хондзинский 2013; Григорьев 2016). Не останавливаясь на них, отметим, что в библиотеке святителя Димитрия имелся конволют из четырех книг с сочинениями Аврелия

новным в восприятии святителем греха и суждениях о нем: «Грѣхъ есть преступленіе заповѣди Божія, сопротивленіе воли Господней, непослушаніе къ Богу, заповѣдавшему не творити зла, дѣяти же доброе; отвращеніе и удаленіе себе отъ Бога, презреніе Бога, и своего спасенія пренебреженіе, самоизвольное себе отъ жизни въ смерть вриновеніе» (237).

В отличие от других сочинений, в которых святитель «учит паству о грехе и борьбе с ним с позиций высокого богословия», а «главное внимание... неизменно уделяет грехам душевным»²⁵, в «Келейном летописце» рисуются достаточно яркие картины «греховного зла»:

«Что же речемъ о тѣхъ, иже выну валяются аки свинія въ калу в грѣхахъ скверныхъ, блудныхъ, богомерзкихъ, во объяденіяхъ же и пїянствахъ, и чревоугодіяхъ провождають дни своя, питающае безъ воздержанія, аки на день заколѣнія? Не любве же, и вражды, и коварства, и неправды преисполнены; а хищенія и грабленія имуть нынѣ, яко праведный прибытокъ, и не током о покаянїи не помышляють, но едва въ грѣхъ себѣ вмѣняють толь злая, и толь многая дѣла своя» (234–235).

Наряду с духовным разрушением, грешник теряет и земные блага, причем на этом святитель делает особый акцент: «Грѣхами сластолюбивыхъ истощаваются имѣнїя, въ нищету приходять богатїи. Грѣхами невоздержанія вредится здравіе, погубляется красота лица, умалется житїе, и мудрїи обезумлются, и честїи безчествуются. Всякъ убо здѣ расуди, коль велїе есть зло грѣхъ, толикихъ благ лишай грѣшника!» (236).

Для нравоучений «Келейного летописца», как и для других текстов святителя, характерна «открытая» форма – один из излюбленных риторических приемов авторов культуры барокко: число образов и примеров неисчерпаемо, сравнениям и параллелям нет предела, в заключении одной темы следует намек, переход к новой, которая развивается по такой же схеме. Это происходит и в слове о грехе: автор нанизывает одну за другой аналогии и сравнения, поучая, что грех «прогневляет» Бога, бесчестит Бога Сына и Бога Духа Святого, таким образом, постепенно подводя читателя к изложенной уже в другом столетии теме – теме наказания, кульминацией которого является память о грехе, а апогеем и высшей платой за содеянные грехи и зло – память самого грешника о них:

«...вся оная временна суть, грѣхъ же мучить во вѣки; аще и прощень будеть, обаче самому согрѣшившему отъ памятованїя не отыдеть. Яко же прїятая на тѣлѣ язва, аще и исцѣлится, но знаменїе язвы остаеть: сице в душѣ, согрѣшившей и прощенїе от милосердія Божїя получившей, аще и въ Царствїи небесномъ водворится, обаче памятованїе грѣха въ ней останеть, аки бывшія язвы знаменїе с предъ очима выну сущее <...> и память челоувѣча вся своя преждедодѣянная не забудеть во вѣки, и въ простившемъ ему Божїемъ милосердіи зрѣти имать бывшая прогнѣванїя» (241–242).

Августина на латинском языке (по Описи иеромонаха Филарета № 72, см.: Филарет 1855), и в «Келейном летописце» ростовский митрополит цитирует его труды не единожды, что свидетельствует о знании им учения Августина, хотя нужно признать, что он использует их в большей степени в качестве комментария Священного Писания, подобно Стефану Яворскому, Арсению (Мацевичу), Феофилакту (Лопатинскому) (см.: Григорьев 2016).

²⁵ Крылов 2013: 197.

Тема вечной болезни души, вечной муки души за содеянное зло самого согрешившего, даже если он и прощен будет, является главным наставлением Димитрия Ростовского и его призывом к более глубокому пониманию греха. Таким образом, в «Келейном летописце» ростовский митрополит обращается к другой составляющей греховной жизни человека, другой нравственной проблеме и причине всех зол, связанной в то же время с темой вечной памяти греха, а именно – теме страха Божьего, который есть основание и начало богоугодного жития, а его отсутствие – источник смертных грехов, и в этом его близость к западноевропейской трактовке понимания греха, так как «русское православие и до, и после реформы середины XVII в. вообще не признавало понятия “смертного греха”»²⁶, который нельзя искупить высшим заступничеством и прощением. Эта тема будет предметом обсуждения в более позднее время, в частности в трудах другого иерарха Русской церкви – Тихона Задонского (1724–1783)²⁷, но, к сожалению, осталась незамеченной Димитрием Ростовским²⁸. В связи с этим, нужно отметить, что в данном поучении «Келейного летописца» святитель практически не пишет о теме покаяния, исповедания грехов, это сюжет и предмет для обсуждения в других его сочинениях, в т. ч. в упомянутом выше «уложении», или посланиях иереем. Здесь же он утверждает: «...чесо ради пребеззаконный грѣшникъ умыслилъ въ себѣ преступати законы Божїа, добрыя, святагя, душеспасительныя, и дѣяти неугодная Богу? Того ради, яко нѣсть страха Божїа предъ очима его», поэтому сильный насилует немощного, бесстыдник сквернословит, клятвопреступник ложно клянется, мздоимец неправедно судит, а грешник в лености и «сквернах греховных» жизнь проводит, не помышляя о покаянии. Совершенно очевидно, что святитель призывает мирян не только к покаянию, а к «пробыванию» в душе страха Божьего, чем настойчиво предостерегает от злых дел: «Не сущу же страху, не можеть быти отъ грѣховъ воздержанїе и житїя исправленїа...» (255). В иерархии беззаконий смертным грехом, как пишет он далее, является неправедная война. Обращение к теме войны на фоне военных действий против Швеции является в тексте «Келейного летописца» вполне закономерным, остается только подчеркнуть какой проницательностью наполнены суждения на эту тему ростовского митрополита.

Война определяется как греховное зло, прежде всего, потому что является противоположностью заповеди Бога: «Не убий», противоположностью всеобщему согласию, «добру мира», при котором устанавливается социальный порядок: «...царства утверждаются, градове населя-

²⁶ Сукина 2008: 36.

²⁷ Творения 1994.

²⁸ Отметим, что Димитрию Ростовскому принадлежит «Слово о страсъ Божии, как той имѣти всякому челоувѣку» (тема: «Приидите, чада, послушайте мене: страху Господню научу вас. Словеса Духа святаго, глаголанная пророком и царем Давидом во псалмѣ 33, в стихѣ 12»; нач.: «Жо блаженному и евангельскому житию зѣло потребно есть всѣм нам учение...»), известное в ряде списков и изданий. Справедливости ради нужно указать, что эта проповедь относится к текстам со спорной атрибуцией, так как встречается в рукописях, где читаются и слова Стефана Яворского, например: РНБ, собр. СПбДА, № 101.

ются, человеѣцы умножаются, селенія распространяются, богатства изобилуютъ» (261). В дальнейшем изложении святитель задается вопросом: «Развѣ бы кто одобрилъ брань тую, яже по благословной винѣ дѣтается?», ибо война бывает двоякая – напрасная и несправедливая, и это смертный грех, как убийство, и праведная, которая защищает себя и других от несправедного вражеского наступления. «Благословною же виною бывает брань, ею же кто себе и другія защищаетъ, та не яко грѣхъ смертный судится, паче же иногда и въ высокую любовь добродѣтель вмѣняется, аще съ добрымъ творится намѣреніемъ, еже не толико себе единого, елико все отечество сохранить отъ находящихъ враговъ цѣло, и соблюсти не токмо тѣлесное ближнихъ своихъ здравіе, но и душевное тѣхъ спасеніе...» (262). Война, возникающая по такой причине, указывает Димитрий, имеет свою похвалу и в Святом Писании: «Больше сия любви никто же имать, да кто положит душу свою за други своя (Ин. 15:13)». Однако и благословная война, продолжает ростовский митрополит, не всегда бывает безгрешной, так как и здесь присутствуют свои грехи и злодеяния – желание отмщения, тщетная слава. Причиною же войн и убийств является золото и серебро, именно из-за сребролюбия нарушается порядок, умножаются кровопролития, начинаются войны, народ восстает на народ, царство на царство, вор крадет, разбойник убивает неповинных путников, торговец лжет, богатый похищает чужое, очи мудрых слепнут, судьи творят несправедный суд, т.е. губятся вечные небесные блага, повреждается душа человеческая. Однако заканчивает святитель свое поучение страстотерпческим призывом к кротости: «Но да вкратцѣ речемъ: зло есть брань, понеже и благословная, развѣ по нуждѣ добра бываетъ, лучше миръ, и природная естеству человеѣческому кротость» (263). И в этом читается учение Димитрия о сердечной любви – «любви христианской, любви-мученичества, любви-страдания, любви-жертвы», Августиновской любви за Христа и во Христе, которую святитель видел в древних страстотерпцах Борисе и Глебе, в их возможности «принять невинные страдания “о Христе”, в силу добровольности их принятия становящиеся, таким образом, страданиями “за Христа”»²⁹, что стало сквозной темой его творчества и составляло вершину его богословия, т.е. прославления нравственной красоты человека, который ради общего блага способен пожертвовать самое дорогое.

Безусловно, «Келейный летописец» – это в большей степени памятник компилятивный, и огромное количество цитат и ссылок на европейских авторов в значительной мере затрудняет его восприятие; неудивительно, что в одном из списков Летописца можно прочесть: «Смотрел книгу от начала до конца рыбинский мещанин Петр Яковлев Никольский и ровно ничего не понял, только всю книгу измял»³⁰. Однако в своей «поучительной» части святитель Димитрий как бы обращается к «простейшим», поражая чистотой языка, ясной логикой изложения, по-

²⁹ Хондзинский 2018: 193–194; Хондзинский 2013.

³⁰ РНБ, собр. А.А. Титова, № 3546, л. 152 об.–153. Цит. по Волков 2022: 45.

нятыми примерами и сравнениями, доступными сознанию неискушенного читателя. Работа над «Келейным летописцем» не была завершена (последний раздел текста – толкование на 3600 год), но и в своем незаконченном виде этот памятник стал одним из самых популярных и востребованных: без преувеличения можно утверждать, что не найдется такого книгохранилища, в котором не было бы его списка или издания. Задуманный как комментарий к библейской истории, а также чтобы разрешить вопросы несогласования славянских и западноевропейских хронографов, «Келейный летописец» в итоге стал прежде всего душеполезным чтением, выполняя дидактические, более того, просветительские задачи. Текст Священного Писания толковался святителем не только исторически, но и аллегорически, таким образом, «то, о чем повествовали книги Ветхого завета, – это не только повествования о “подлинных исторических” событиях, фактах, но каждый факт – аналог иного события, дающий образец морального поведения», без сомнения, обращенного к действительности, что придавало сочинению святителя Димитрия яркую «публицистическую остроту», вызванную желанием автора заботиться об общем благе, а не только отдельной личности³¹.

Следует также отметить особую роль, которую играли нравоучительные тексты в ансамбле сочинений Димитрия Ростовского. Начиная с первых книг святителя Димитрия, таких как «Чуда Пресвятой и Преподобной Девы Марии» (1677) и «Руно орошенное» (1683), нравоучения в его творчестве становятся особым нарративом, имеют не только четкую внутреннюю структуру и занимают центральное место в композиции, но и являются важной составляющей художественного времени³². Эта значимость, на наш взгляд, заключается в том, что нравственно-духовные тексты, прежде всего в «Келейном летописце», являясь частью толкований к историческому повествованию, переносят события и факты, которые они комментируют, по своей внутренней природе за грани хронологии и нивелируют их историчность, выдвигая на первый план общий, вневременный, более того, вечный смысл.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Броджи Беркофф Дж. «История во кратце» иеросхимонаха Спиридона: опыт исследования в контексте европейской историографии XVII в. // Славяне и их соседи. Вып. 6. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. М., 1996. С. 201–215. [Brogi Bercoff G. “Istorija vo kratce” ieroshimonaha Spiridona: opyt issledovanija v kontekste evropejskoj istoriografii XVII v. // Slavjane i ih sosedi. Vyp. 6. Grecheskij i slavjanskij mir v srednie veka i rannee novoe vremja. Moscow, 1996. S. 201–215.]
- Броджи Беркофф Дж. Аспекты русской историографии XVII – начала XVIII в. в европейском контексте // ТОДРЛ. 2009. Т. 54. С. 211–219. [Brogi Bercoff G. Aspekty russkoj istoriografii XVII – nachala XVIII v. v evropejskom kontekste // TODRL. 2009. T. 54. S. 211–219].
- Волков А.В. Издания Келейного летописца Димитрия Ростовского // Звезда от Киева воссиявшая. Почитание святителя Димитрия Ростовского: История и современность. М., 2013. С. 89–97. [Volkov A.V. Izdanija Kelejnogo letopisca Dimitrija Rostovskogo //

³¹ Калугин 1983: 170–172.

³² Лихачев 1971: 310–314.

- Zvezda ot Kieva vossijavshaja. Pochitanie svjatelja Dimitrija Rostovskogo: Istorija i sovremennost'. Moscow, 2013. S. 89–97.]
- Волков А.В. «Келейный летописец» Димитрия Ростовского: источники текста и принципы работы автора». Дисс. канд. филол. наук. СПб., 2022 [Volkov A.V. «Kelejnyj letopisec» Dimitrija Rostovskogo: istochniki teksta i principy raboty avtora». Diss. kand. filol. nauk. St Petersburg, 2022].
- Григорьев А.Б. Сочинения блаженного Августина как аргумент в полемическом богословии сер. XVIII в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 5 (72). С. 75–85. [Grigor'ev A.B. Sochinenija blazhennogo Avgustina kak argument v polemicheskom bogoslovii ser. XVIII v. // Vestnik PSTGU. Serija II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2016. Vyp. 5 (72). S. 75–85.]
- Зубов В.П. Святитель Димитрий Ростовский // Зубов В.П. Русские проповедники. Очерки по истории русской проповеди. М., 2001. С. 13–62. [Zubov V.P. Svjatel' Dimitrij Rostovskij // Zubov V.P. Russkie propovedniki. Oчерki po istorii russkoj propovedi. Moscow, 2001. S. 13–62.]
- Калугин В.В. «Келейный летописец» Димитрия Ростовского // Альманах библиофила. М., 1983. Вып. 15. С. 160–174. [Kalugin V.V. «Kelejnyj letopisec» Dimitrija Rostovskogo // Al'manah bibliofila. Moscow, 1983. Vyp. 15. S. 160–174.]
- Киселева М.С. Священная и гражданская история в контексте книжной барочной проповеди: к вопросу об истоках исторического знания в России // Vox. Философский журнал. 2014. Вып. 17. С. 1–24. [Kiseleva M.S. Svjashhennaja i grazhdanskaja istorija v kontekste knizhnoj barochnoj propovedi: k voprosu ob istokah istoričeskogo znanija v Rossii // Vox. Filosofskij žurnal. 2014. Vyp. 17. S. 1–24.]
- Крылов А.О. Святитель Димитрий Ростовский и понимание греха в русском обществе рубежа XVII–XVIII вв. // История и культура Ростовской земли / Материалы конференции. 2012. Ростов, 2013. С. 191–199. [Krylov A.O. Svjatel' Dimitrij Rostovskij i ponimanie greha v russkom obshhestve rubezha XVII–XVIII vv. // Istorija i kul'tura Rostovskoj zemli / Materialy konferencii. 2012. Rostov, 2013. S. 191–199.]
- Крылов А.О. «По чesому познати, аще кто волк есть, или добр человек?» Кому был адресован и с какой целью был написан «Розыск о раскольнической брынской вере» свт. Димитрия Ростовского // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2015. С. 273–278. [Krylov A.O. «Po chesomu poznati, ashhe kto volk est', ili dobr chelovek?» Kому byl adresovan i s kakoj cel'ju byl napisan «Rozysek o raskol'nicheskoj brynskoj vere» svt. Dimitrija Rostovskogo // Rus', Rossija: Srednevekov'e i Novoe vremja. Chetvertye chtenija pamjati akademika RAN L.V. Milova. Moscow, 2015. S. 273–278.]
- Летопись иже во святых отца нашего Димитрия митрополита, ростовскаго чудотворца, сказующая вкратце деяния от начала миробытия до Рождества Христова, собранная от Божественнаго Писания из различных хронографов и историографов, греческих, славенских, римских, польских, еврейских и иных, с присовокуплением богоугоднаго Жития сего Святителя, Духовной грамматы, келейных записок и гравированнаго его портрета... издал Василий Сопиков. В 2 ч. СПб., 1796/ [Letopis' izhe vo svjatyh otca nashego Dimitrija mitropolita, rostovskago chudotvorca, skazujushhaja vkratce dejanija ot nachala mirobytija do Rozhdestva Hristova, sobrannaja ot Bozhestvennago Pisanija iz razlichnyh hronografov i istoriografov, grecheskih, slavenskih, rimskih, pol'skih, evrejskih i inyh, s prisovokupleniem bogougodnago Zhitija sego Svjatelja, Duhovnoj grammaty, kelejnyh zapisek i gravirovannago ego portreta... izdal Vasilij Sopikov. V. 2 ch. St Petersburg, 1796.]
- Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 2-е. Л., 1971 [Lihachev D.S. Pojetika drevnerusskoj literatury. Izd. 2-e. Leningrad, 1971].
- Панченко А. М. Начало петровской реформы: идейная подоплека // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 3. С. 510. [Panchenko A.M. Nachalo petrovskoj reformy: idejnaja podopleka // Iz istorii russkoj kul'tury. Moscow, 1996. T. 3. S. 510.]
- Сукина Л.Б. Митрополит Димитрий Ростовский и его сочинение «Внутренний человек» // История и культура Ростовской земли. 2007. Ростов, 2008. С. 34–42. [Sukina L.B. Mitropolit Dimitrij Rostovskij i ego sochinenie «Vnutrennij chelovek» // Istorija i kul'tura Rostovskoj zemli. 2007. Rostov, 2008. S. 34–42.]
- Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Т. 2. Псков, 1994 [Tvorenija izhe vo svjatyh otca nashego Tihona Zadonskogo. T. 2. Pskov, 1994].

- Федотова М.А. Нравоучение в творчестве Дмитрия Ростовского (от «Руна орошенного» до «Келейного летописца») // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 4. С. 1420–1437 [Fedotova M.A. Nravouchenie v tvorchestve Dimitrija Rostovskogo (ot “Runa oroshennogo” do “Kelejnego letopisca”) // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 4. S. 1420–1437].
- [Филарет, иеромонах]. Роспись книг келейных // *Москвитянин*. 1855. № 21–22. С. 79–86. [Filaret, ieromonah]. *Rospis' knig kelejnyh* // *Moskvitjanin*. 1855. № 21–22. S. 79–86.]
- Фокин А.Р. Августин. Жизнь. Сочинения // *Православная энциклопедия*. М., 2000. Т. 1. С. 93–106. [Fokin A.R. Avgustin. Zhizn'. *Sochinenija* // *Pravoslavnaja jenciklopedija*. Moscow, 2000. Т. 1. S. 93–106.]
- Хондзинский П., прот. Век Августина // Хондзинский П., прот. «Ныне мы все болеем теологией»: Из истории русского богословия предсинадальной эпохи. М., 2013. С. 44–79. [Hondzinskij P., prot. Vek Avgustina // *Hondzinskij P., prot. «Nyne my vse bolem teologiej»: Iz istorii russkogo bogoslovija predsinaodal'noj jepohi*. Moscow, 2013. S. 44–79.]
- Хондзинский П., прот. Святитель Дмитрий Ростовский и богословское наследие древнего Киева // *Православие и православная культура в эпоху святого Дмитрия Ростовского: Сб. исследований*. Ростов, 2018. С. 187–197 [Hondzinskij P., prot. Svjatelj' Dimitrij Rostovskij i bogoslovskoe nasledie drevnego Kieva // *Pravoslavie i pravoslavnaja kul'tura v jepohu svjatogo Dimitrija Rostovskogo: Sbornik issledovanij*. Rostov, 2018. S. 187–197].
- Шляпкин И.А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891 (Записки Историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского ун-та. Ч. XXIV). X, 460 [Shljapkin I.A. Sv. Dimitrij Rostovskij i ego vremja (1651–1709). St Petersburg, 1891 (*Zapiski Istoriko-filologicheskogo fakul'teta Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo un-ta*. Ch. XXIV). X, 460].

Федотова Марина Анатольевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, *fedotova_m@mail.ru*

Dimitry of Rostov' Sermons as Part of the Cell Chronicle Moral Education of the Flock and Ideas of Social Order

The article offers an analysis of the moralizing narratives in the composition of the “Cell Chronicle” by Dimitry of Rostov (1651–1709). They are part of the comments on the presentation of biblical events (thirty-two chapters of the Book of Genesis are retold and commented in the essay). The main attention is paid to the consideration of texts devoted to the problems of the moral education of the flock, the ideas of social order and the conflict-free existence of society. They are set forth in the teachings on sin and the fear of God, in the moralizing on the evil of war and the evil of gold. Both themes are key and make up, as it were, a single block within the framework of the “Cell Chronicle” - they consistently follow each other, filling the centuries that are not rich in events: from the eighth century of the second millennium to the first century of the third millennium. The author of the article believes that their significance is also determined by the hierarch's understanding of the concept “sin”. It has some differences from Russian moral and educational theology and is closer to Western European view, affecting the concepts of God's fear and mortal sin, one of which is unrighteous wars. Revealing their causes, St. Dimitry nonetheless calls society to passionate tolerance and glorifies the moral beauty of a person who is able to sacrifice the most precious thing for the common good.

Key words: *Dimitry of Rostov, Cell Chronicle, teachings about sin, the evil of war, moralizing narratives.*

Marina Fedotova, Dr. Hab. (Philology), Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences, fedotova_m@mail.ru

А.И. Попович

ВОЙНА И МИР В ПРОПОВЕДЯХ СТЕФАНА ЯВОРСКОГО¹

В статье исследуются и уточняются представления церковного лидера петровской эпохи Стефана Яворского в наиболее мифологизированный период его жизни (1707–1712). Преимущественно на материале неизученного рукописного проповеднического наследия выявляются особенности авторской провиденциалистской трактовки Северной войны как наказания общества за грехи и аналогичных объяснений отсутствия мира (и победы в войне). В отличие от панегирических текстов, свои обличительные проповеди Яворский наполнял морально-дидактическим содержанием, находя многочисленные примеры нарушения христианских заповедей в России (в основном среди государственной элиты) и призывая слушателей к искоренению греха, покаянию и, по сути, общественному согласию (миру с ближним и Богом). Продемонстрировано, что знаменитая проповедь 1712 года на день св. Алексия, человека Божия, считающаяся кульминацией оппозиционных настроений Стефана Яворского, в основном содержала в себе ранее уже высказывавшиеся автором идеи и лишь подвела некий итог размышлениям проповедника о путях исправления общества.

Ключевые слова: *Стефан Яворский, проповедь, Северная война, мир, общество, обличение.*

Стефан Яворский, митрополит Рязанский и Муромский, фактически возглавлявший российскую церковь в 1700–1722 гг., оставил после себя обширный корпус проповедей² – уникальный источник не только для восстановления личных воззрений влиятельного интеллектуала своего времени и характеристики конкретных направлений его деятельности, но и для реконструирования идейной атмосферы эпохи, многослойного общественного мнения, в том числе об общественно-политических процессах. В переходную эпоху проповедничество заняло особое место среди прочих моделей социальной коммуникации³. Бóльшая часть проповедей была прочитана Стефаном Яворским в храмах Московского Кремля, как правило, на них присутствовала государственная элита, на которую проповедник, преследуя те или иные цели, стремился воздействовать словом, используя традиционный для учительных жанров арсенал убеждения.

Очень немногие проповеди автора опубликованы, в основном это тексты панегирического содержания, созданные в связи с событиями Северной войны и составившие т.н. «викториальный цикл». Из-за этого

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

² Автографы (за редким исключением) проповедей сохранились в коллекции рукописей Синода (329 текстов): РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1592а (л. 1–517), 1592б (л. 518–909), 1592в (л. 910–1382), 1592г (л. 1383–1797). Проповеди Стефана Яворского. 1691–1721 гг. 4°. Скоропись, полуустав. При цитировании текстов по рукописям листы указываются в круглых скобках после цитаты.

³ Кагарлицкий 2000.

Яворского-проповедника нередко рассматривают исключительно как придворного панегириста⁴ и называют схоластом, далеким от современных проблем и не способным быть понятым своими слушателями⁵. В историографии принято отмечать перемену в настроениях митрополита, произошедшую на рубеже 1700–1710-х гг.⁶, кульминацией которой стала прозвучавшая довольно однозначно проповедь «О соблюдении заповедей Божиих», произнесенная на день св. Алексия, человека Божия 17 марта 1712 г. в Успенском соборе Кремля. Сенаторы были возмущены излишней прямоотой Яворского и сообщили об этом царю. Во вступительной части проповеди он утверждал, что несоблюдение заповедей Божиих является причиной затягивающейся войны и отсутствия «превожденнаго мира»: «Се имате мзду закона Божия разорители се слышите громы заповѣдей Божии преступницы, того ради не удивляйтесь что много мятежная Россия наша доселѣ в кровныхъ буряхъ волнуется, не удивляйся что по толиких смятенихъ доселѣ не имамы превожденнаго мира, миръ есть сокровище неоцѣненное но тии толко симъ сокровищемъ богатыся которыи любятъ законъ Господень»⁷.

В.М. Живов, опубликовавший текст по единственному известному списку, специально выполненному сенатскими служащими для царя, отмечал, что в этой проповеди Стефан Яворский «возобновил свои атаки» после неудачного Прутского похода 1711 г. и безуспешной военной кампании в Померании, рассчитывая на «усталость и разочарование» среди элиты – слушателей проповеди⁸. Однако такие исторические актуализации (в данном случае термин В.М. Живова) носили отнюдь не единичный характер и обнаруживаются в более ранних текстах, что позволяет поставить под вопрос предлагаемые в историографии это и другие⁹ собственно исторические объяснения обличительной риторики проповедника и уточнить его целеполагание при произнесении проповедей, в которых говорилось о нравственном несовершенстве общества, по мнению Яворского, напрямую мешающего достижению желанного мира.

Концепция войны как наказания общества за грехи

Продолжительная Северная война охватила весь период творчества Стефана Яворского на митрополичьей службе, за исключением последнего года жизни. Несмотря на протестный по отношению к нововведениям Петра I ореол, который окружает личность Яворского, он, дей-

⁴ Сморжевских-Смирнова 2013.

⁵ Чистович 1867.

⁶ Терновский 1879: 310–313.

⁷ Цит. в упрощенной графике по: Живов 2004: 271. Последнее слово исправлено согласно предположению публикатора, изложенному в примечании.

⁸ Живов 2006: 202. Сенаторы считали, что своей проповедью Яворский рассчитывал поднять народ на мятеж. Об этом пишет царю сам Стефан Яворский: «...пришли ко мнѣ и стали мене бѣднаго обличати, укоряти и претити за то, будто на бунтъ и мятежъ народъ возмушаю и будто я царской чести касаюся дерзнословиемъ». Цит. по: Рункевич 1906: 157.

⁹ См., например: Serech 1951.

ствительно, многое сделал для прославления военных побед, а в своих панегирических сочинениях был рупором официальной идеологии. Наряду с другими панегириками петровского времени эти тексты оказывали определенное идеологическое воздействие на общество и отражали государственную (и разделяемую большинством) точку зрения на войну, завершением которой непременно должна была стать победа и сопутствующий ей «превожденный» мир¹⁰.

Однако наряду с панегирическими текстами Яворский на рубеже 1700–1710-х гг. создал большое число учительных проповедей, затрагивающих проблематику войны и мира в ином ключе. Избегая крайностей в интерпретации этих в основном обличительных текстов и не приписывая Стефану Яворскому паци-фистские или пораженческие взгляды, необходимо разобраться, на какое воздействие на слушателей рассчитывал автор, вкладывая в проповеди далеко не панегирическое, а морально-дидактическое содержание.

Интерпретируя проповедь 1712 г., В.М. Живов отмечал, что «Стефан противопоставляет “порочные законы человеческие” закону Господню и угрожающе предупреждает, что, пока в России разорется закон Божий, она не получит мира»¹¹. То, что идея божественного отмщения была одной из центральных в проповеди, подтверждается тем, что Яворский сам акцентировал на ней внимание, объясняя в письме царю от 21 марта 1712 г., что обличительные пассажи о несоблюдении заповедей как причине бедствий, пришедшие на вторую неделю Великого поста¹², предназначались исключительно для устрашения и увещания народа, от греховной жизни которого напрямую зависит «на семь свѣтѣ благополучие, и въ небѣ животь вѣчный»: «Отъ сихъ словесъ, у Исаии пророка написанныхъ, кричалъ я къ народу, увѣщевая ихъ, дабы хранили заповѣди Господня, аще хошуть имѣти и на семь свѣтѣ благополучие, и въ небѣ животь вѣчный, устрашая же ихъ отмщениемъ Божиимъ за преступление заповѣдей Своихъ»¹³.

В течение нескольких лет, предшествующих произнесению этой проповеди, митрополит не впервые называл войну наказанием грешников. 24 февраля 1708 г. Димитрий Ростовский писал своему другу Яворскому, разделявшему его переживания, скрывая за латинскими выражениями внутреннюю панику и взаимно разделяемые объяснения внешних бедствий: «Внѣуду брани, внутрьуду страха. Молимся и боимся, да не преодолѣютъ грѣхи наши Божиа милосердиа и долготерпения. Столько злодеяний, столько насилия, столько угнетений взываютъ къ небу и пробуждаютъ гневъ и отмщениа Божие, но об этом помолчим, воля Господня

¹⁰ Прославление мира нередко составляло содержание панегирических текстов о победах в период Северной войны. Панегирическая литература 1979: 155, 164, 187 и др. О наиболее существенных особенностях военных проповедей того времени см.: Ivanov 2022.

¹¹ Живов 2004: 127.

¹² О важности этого обстоятельства см. ниже.

¹³ Цит. по: Рункевич 1906: 157.

да будет!»¹⁴. Такое объяснение нельзя назвать необычным: провиденциалистские трактовки войны и прочих бедствий были характерны для древнерусских книжников и столичных проповедников конца XVII в.¹⁵ В то же время чем больше укреплялась государственная идеология, тем меньше у этих идей было шансов стать частью позитивной идеологической повестки¹⁶. Нежелание Стефана Яворского молчать о по-настоящему волновавших его причинах войны исследователи нередко связывают с ухудшением военной обстановки и поиском на этом фоне возможностей для оппозиции царю¹⁷, но даже победа в Полтавской битве¹⁸, в прославлении которой Стефан Яворский активно участвовал, не меняла трактовку проповедником причин войны. Ключевой же «мишенью» проповедей, судя по всему, был не столько Петр, сколько общество, особенно высшие круги власти, которые, как митрополит сообщает царю, издавна желали ему зла: «А господа сенаторы, древле ненавидящия мя и ищущия душу мою изъяти, сие лукавое дѣло на мя совѣщаша»¹⁹.

Нужно учитывать, что обличительные интонации Яворского были достаточно типичными и нередко отражали жанровые тенденции, подкрепляемые скорее конкретным типом праздника (или другого события, к которому приурочена проповедь), чем индивидуально-авторскими стратегиями²⁰. Состав злодеяний, в которых разные проповедники обличают свою паству, в основном включает одни и те же группы грехов, однако некоторым грехам в авторских проповедях уделяется больше внимания, чем остальным.

В царских палатах Кремля 8 сентября 1711 г. на праздник Рождества Пресвятой Богородицы Стефан Яворский произносил проповедь перед первыми лицами государства, которая, как ни странно, не вызвала того же негодования, что проповедь 1712 г. Отталкиваясь от образа жезла из корня Иессеева (Ис 11:1), проповедник перечисляет различные жезлы, которыми обладает Христос, восхищается царствами, которые управляются «жезлом правости и правды» (впрочем, не приводя конкретные примеры), и критикует общественные настроения внутри Российского государства, в котором нет этого жезла:

«О цасливые, о всяким благополучием процветающие царствія, которые сим жезлом Царя небеснаго, жезломъ правости и правды управляются! Но обрящем ли таковъ жезлъ в нашемъ государствѣ Российскомъ? Возведѣте очеса ваша на пространство сего царствія, вездѣ рыдания, вопли и воздыханія, плачи услышите, вездѣ лихоиманія, грабленія, обиди, и угѣсненія убогихъ увидите, и сие ли то есть жезлъ правости и правды?» (л. 318 об. – 319).

¹⁴ Цит. по: Федотова 2005: 142, прим. Латинские фрагменты переданы по подстрочному переводу.

¹⁵ Богданов 2001: 76–88.

¹⁶ Перевес был за другими концепциями о причинах войны, создававшимися при активном участии государя, см.: Люстров 2012; Пушкарев 2003: 97–99.

¹⁷ Serech 1951: 55; Живов 2004: 126–127.

¹⁸ Ср.: Brogi Bercoff 2009/2010: 205–212.

¹⁹ Цит. по: Рункевич 1906: 157.

²⁰ См., например, многочисленные приводимые примеры в работе: Елеонская 1990.

Среди грехов, вопиющих к Богу и требующих иного жезла – жезла наказания, проповедник называет «убийство вольное», «блуд содомский», «лишение мзды дѣлателей» и «озлобление и утѣснение убогихъ»: «Сею четвернею, сими четырьми грѣхами, беззаконие по сем государствѣ ѣздит невозбранно. А наипаче лихоимание, здырства²¹, обиди, и всякая неправда в нас губительное имать сѣдалище» (л. 319). Ветхозаветный образ жезла железного (Пс 2:9) будет использован и в проповеди 1712 г.: «О жезла ужаснаго жезлѣ желѣзнаго – на сокрушение наше уготованного; упасеши я жезломъ желѣзнымъ яко сосуды скудельнича сокрушиши я»²². В качестве бесспорного подтверждения своей позиции Яворский ссылается на слова царя Давида, обращаясь к нему с просьбой рассказать, что он видит в России, и используя его слова, сказанные о другом городе (Пс 54:10–11), применительно к Москве:

«Но аще мнѣ не вѣрите, вопросите Давыда, негли онѣ пророческимъ своимъ окомъ дозрѣлъ межъ нами правду. Рцы намъ, Давыде, что в сем государствѣ, что и в сем градѣ видиши? Отвѣщаетъ онѣ: “Видѣхъ беззаконие и прерѣкание въ граде...” О нечестивыи граждане!.. Гдѣ неправда? По лавкамъ ли? По торжищамъ ли? По приказамъ ли? Не скажетъ именно Давыд. Только во обществѣ глаголетъ: “Посредѣ его неправда”» (л. 319 – 319 об.).

Словосочетание «во обществѣ» в этом контексте подразумевает обобщающий, а не социальный смысл.

Типичный для проповедей Яворского образ «града», в котором живет и сам проповедник, обозначает не просто административно-географическую единицу, столицу государства, но прежде всего людей, в т.ч. различные социальные группы, населяющие ее. Утеснению убогих как следствию злоупотребления властью Стефан Яворский, имевший возможность напрямую обращаться к сенаторам и представителям других институтов власти (приказов, канцелярий и т.д.), уделяет особое внимание. В проповеди на Воскресение Христово (24 апреля 1709 г.) проповедник достаточно резко высказался о правителях-безумцах, которые используют доверенную им власть во вред: «Мнози бо на властяхъ, на ~~приказахъ~~ обрѣтаются такие безумцы, которые яко безсловесные скоты рогами и неповинныхъ бодут, колют, убиваютъ» (л. 70). Яворский зачеркивает в рукописи словосочетание «на приказахъ», по-видимому, избегая в этом тексте терминологии, имеющей прямое отношение к государственному аппарату. Далее автор, решив, что этих слов недостаточно, добавляет на полях рукописи фразу:

«Иному дураку попадется власть, которой онѣ на зло употребляет и бѣдныхъ людей мучит и озлобляет. Какъ о такомъ разумѣти? Свигѣ то приправлено роги, которыми и неповинныхъ убодаетъ» (л. 70). В качестве примеров Яворский называет имена древних правителей, возносивших себя выше Бога: «Такимъ же рогами въ высоту возносящимися были оные прегордые Навходоносори, Валтасари, Антиохи, Ироди и прочии тмочисленные, которыхи мянху себе быти богами, и многихъ бѣдныхъ людей избодяху рогами» (л. 70).

²¹ Т.е. грабежи – А.П.

²² Цит. в упрощенной графике по: Живов 2004: 271.

За обличениями несправедливого использования государственной власти стояли распространенные в отечественном интеллектуальном дискурсе рубежа XVII–XVIII вв. идеи ее предназначения для достижения общего блага, представления о добродетели правителя и пределах власти²³. Гармоническая модель общества, в котором наступило согласие, представлена в панегирических сочинениях Яворского через образ колесницы, где каждое из четырех колес (властители, воинство, духовенство, простой народ) – это «чин» «царства благочестивого», а в своем единстве они работают не для себя по отдельности, но на пользу всех «чинов» в совокупности, всего государства²⁴. Задачу подобного структурирования общества ставили перед собой многие проповедники XVII–XVIII вв.²⁵ Однако в проповедях Яворского есть и другие метафоры для описания Российского государства и условий, в которые оно помещено. В учительных текстах обличительного характера проповедник сравнивает мир, земное бытие с бушующим и непостоянным морем, его обитателей – с рыбами, поглощающими друг друга, а шумящие волны – с гордыми и нечестными людьми:

«А что есть миръ сей, въ немже обитаем? Есть морем волнующимся, сие море великое и пространное, тамо гады, имже нѣсть числа... Море есть непостоянно, а в мирѣ сем кто постоянно обрящет? В морѣ рыбы великия малых пожирают, тож и в мирѣ дѣется, великомощные маломощных поглощают. В морѣ шумящія волны высоко возносятся, а низко опадают. Тоуж и в мирѣ дѣется. Возносятся шумящія волны гордынею и нечестием своим, а потом такъ низко опадают, что и слѣда их не обрящещи, восходят до небесъ и низ ходят до безнѣ» (л. 110–110 об.) (проповедь на Вознесение Господне, 10 мая 1711 г.).

В другой проповеди на неделю девятую по Пятидесятнице (год произнесения неизвестен) Яворский развивает эту образность: «Море есть миръ сей: корабль Церковь Христова, или все общество Христианское, якоже Российское царство въ обще глаголющи, во особности же всякъ человекъ»²⁶. Проповедник приближает фокус от большего корабля к меньшему и говорит, что каждый человек – корабль, который управляется душой в содружестве с памятью, разумом и волей, как бы исследуя микро- и макрокосмос в одних и тех же трагических условиях: «...въ тѣлѣ пловцы суть душа съ товарищи, же суть память, разумъ, и воля: вѣтры противныи, бури, волны, суть многоразличныи и многообразныи бѣды»²⁷. Странник взгляда на бедствия как божественное наказание, Стефан Яворский подробно описывает волнения, с которыми сталкиваются «Церковь Христова и все отечество Христианское», пожары, войны и восстания: «...якоже сами явѣ видимъ, нашихъ времянь поущениемъ Божиимъ восташи, и востають многія волны на

²³ См. подробнее: Лаппо-Данилевский 2005; Бугров, Киселев 2016.

²⁴ См. подробнее: Киселева 2011: 348–359. Ср. также: Попович 2023.

²⁵ Границы и маркеры 2018: 156–168.

²⁶ Стефан Яворский 1804–1805, ч. 1: 247–248.

²⁷ Там же: 248.

всещълый корабль Церкви Христовы, и всего отечества Христианскаго, ово огненнии казни, пожжения изрядныхъ домовъ, градовъ, и храмовъ Господнихъ: ово непрестанныя брани, востания иноплеменныхъ»²⁸.

Эта проповедь Стефана Яворского текстуально перекликается с проповедью Димитрия Ростовского на тот же праздник (Москва, Донской монастырь, 10 августа 1701 г.)²⁹, что позволяет говорить о требующем дополнительного исследовательского внимания единстве идей этих авторов в публичном поле проповеди и конкретных механизмах подобных заимствований.

Если корабль государства подвержен волнам войн, то корабль церкви находится в опасности из-за еретиков. Неистовый обличитель протестантов и старообрядцев, Стефан Яворский связывал неуспехи на войне с грехами против Бога и Церкви, в особенности с неверием. В Слове на праздник Рождества Пресвятой Богородицы 1711 г. Яворский приводит в пример апостолов, которые не могли изгнать беса из-за своего неверия (Мф 17:14–20) и рассуждает, что по той же причине Россия не может победить своих врагов:

«Смѣсихомся съ язики незнающими и хулящими Богородицу и навькаем лукавымъ дѣломъ ихъ, съ челоуѣки адскимъ ядомъ поврежденными живем, посреде скорпий обитаем и мы тѣмже ядомъ тайно повреждаемъ, с заповѣтрянными³⁰ живем, и тогожъ душепагубнаго повѣтрія набираемъ, тѣмже ослабѣваетъ в нас вѣра яже къ Богородици, а ослабѣвшей вѣрѣ ослабѣваетъ и сила на супостаты» (л. 321).

Военную силу, таким образом, Яворский ставит в прямую зависимость от силы веры.

Напоминая слушателям судьбу других царств, городов (Вавилона, Ниневии, Трои, Афин) и монархий (ассирийской, персидской, греческой и римской), закончивших свое существование из-за несправедливой жизни, Яворский озвучивает свои опасения за судьбу Российского государства: «Мы убо что видим на иныхъ царствіяхъ, тогожъ и сами боимся» (л. 319 об.). Среди угрожающих предзнаменований Яворский называет моровое поветрие в Малороссии и войну, длянущуюся на тот момент двенадцатый год: «А чтожъ речем о войнѣ уже дванадесятолѣтнимъ кроворазлианіемъ, еще доселѣ ярящейся?» (л. 320). А в проповеди на день митрополита Петра (рубеж 1700–1710-х гг.)³¹ Яворский создает безрадостную картину ярости Божией, обрушившейся на «бесовские плевели» внутри страны:

«...внутрь уду смятение и молва, внѣ уду страхъ и трепетъ, внутрь уду огонь и пожаръ такъ частый, внѣ уду война, бездождіе, наводнение, суши, глади, бесплодствія земная, и прочая премногая утѣсненія. Но откуда сія? Плевели бѣсовскіе, плевели, вы то вы на все царство праведно движимыя ярости Божія серпъ изошряете» (л. 980).

²⁸ Там же.

²⁹ Шляпкин 1891: 287.

³⁰ Т.е. зараженными – А.П.

³¹ См. подробнее: Попович 2024.

Яркие демонические образы Яворский создает и в проповеди на день Николая Чудотворца (6 декабря 1708 г.), по какой-то причине оставшейся произнесенной. Обличая грешников, подобных египтянам, побежденным адским фараоном и напрасно желающим быть победителями, Николами, он актуализировал темы соблюдения российским обществом закона Божия и отсутствия у него страха Божьего: «А что суть здырцы³², лакомцы, хищницы кровь людей убогих истачающии, снѣдающии люди вмѣсто хлѣба? Что суть иныи беззаконницы, Бога, страх Божий и законъ Его святыи забывающии? Египтяне то суть... О египтяне, и вы ли хотите быти Николами, то есть побѣдителями? И вы ли хотите враговъ победити сами побѣждени суще адскимъ фараоном? И вы ли хотите враговъ плѣнити, сами в плѣни и работѣ дьявольской пребывающе? Для вас то, для вас, египтяне мерзкии, не дает Господь Богъ побѣди, ваше то сердечное окаменение изощрает мечь ярости Божия» (л. 944–944 об.).

Таким образом, отсутствие победы, а следовательно, и «превозделеннаго мира» Яворский напрямую связывает с существованием в обществе «бесовских плевел» и «египтян», на которых устремился меч Божий (в других вариантах жезл и т.д.). Было бы, однако, неверно интерпретировать эти рассуждения проповедника как единичные обличения конкретных грешников. Пафос его проповедей распространяется на каждого слушателя, хоть в малом предпочтешего мирской Вавилон небесному Иерусалиму, а все отдельные грехи, обличаемые Яворским, становятся деталями общей картины падения нравов, наблюдаемой проповедником прежде всего в высших кругах власти.

Исправление общества и достижение мира

Объясняя отсутствие военных успехов и перспектив завершения войны наказанием за грехи, автор в первую очередь взывает к религиозному чувству своей паствы. Призывая голубицу с масличной ветвью, Яворский возносит внутри своих проповедей молитвы о завершении кровавого потопа и, например, цитирует в проповеди на Вербное воскресенье (6 апреля 1707 г.) ирмос песни 6 гласа 1 Воскресного канона:

«Тѣмже убо оная вѣтвь масличная бѣше знаменением мира, знаменением умаления гнѣва Божия. О превозделѣнная всеи о желаемая мира благовѣстнице, когда въ очесах наших возсияеши! Се потопъ кровный потопъ слезный уже от седми лѣтъ в нашей России волнуется, буря страшная гнѣва Божия в малѣ нас не потопляет, мыже в корабли Церкви Христовой отсюду обуреваемы жалоснымъ пѣниемъ воспѣваемъ: “Обыйде нас послѣдняя бездна, нѣсть избавляй, вмѣнихомся яко овцы на заколение”» (л. 1247).

Подобные молитвы о мире – голубице с масличной ветвью – звучали и в других проповедях Яворского. Голубь был одним из библейских образов Святого Духа, поэтому именно его в Слове в неделю Пятидесятницы (дата произнесения неизвестна) призывал проповедник в укрощение бури, в которую попал корабль Российский: «Ты намъ бу-

³² Т.е. грабители – А.П.

ди, Душе Святой, такимъ голубемъ, мира и тишины благовѣстникомъ: ты съ такою вѣтвю прилети въ корабль Ноя нашего Российскаго: ты укрочаеши и волны: ты повели бури, да станеть въ тишину, и да умолкнуть волны ея»³³. Молить о мире в отечестве Стефан Яворский просил Александра Невского, «сродником и наследником» которого является Петр I: «Ты облечень еси во облакъ: сохраняй убо от всякихъ противныхъ вѣтровъ, моли о благорастворении воздуху въ твоёмъ отечествѣ: имаши на главѣ твоей дугу знаменія мира, моли убо о мирѣ во отечествѣ твоёмъ: даждь миръ Сроднику и Наслѣднику и Преемнику престола твоего, твоимъ нравамъ подражающему...»³⁴.

На одну из таких проповедей с молитвой о завершении войны и наступлении мира обратил внимание Петр I в письме Ф.М. Апраксину от 8 января 1707 г.: «Поздравляю вамъ новымъ годомъ; дай, Боже, чтобъ о семь годѣ пророчество Яворского збылось»³⁵.

Молитвы об ограждении Российского государства миром постоянно звучали в панегирических словах, прославляющих военные победы:

«О которомъ благополучии благодаряще мы сынове Россійстии Господа, Церковь святую долженствуемъ непрестанно молити, да сохранить тя Государя нашего цѣла, и покорить всю силу вражю льва, разширить Государство, и миромъ оградить на вѣки»³⁶ («Слово о побѣдѣ надъ Королемъ Шведскимъ под Полтавою, 1709 г.); «Великороссийскую же державу твою, царство твое наипаче просвѣтиши и прославиши побѣдами и торжествами, и миромъ аки лучами оградиши»³⁷ («Слово благодарственное о взятии Шведскаго града глаголемаго Выборгъ, 1710 г.); «Ты убо, деснице Христова, Петру своему простираема, даруй ему множество лѣтъ мирныхъ, даруй богатство, а паче некрадомое вѣчное на небеси»³⁸ («Рука Христова, Петру простираемая», 14 июля 1709 г.).

30 октября 1710 г. Стефан Яворский писал царю из Рязани об известии о взятии Ревеля (совр. Таллинн) и ожидании мира: «Дажь Богъ воскорѣ благовѣстие слышати и о превожделѣнномъ мирѣ, и уповаемъ на Бога, Который возмущение волнъ морскихъ укрочаетъ, яко Онъ же повели вѣтромъ шумящимъ и бури, и будетъ тишина велия»³⁹. Комментируя этот фрагмент письма, М. Сморжевских-Смирнова несправедливо говорит о том, что Яворский в 1710 г. корректирует собственные представления и вслед за государем начинает ожидать мира: «И теперь даже война в представлении митрополита Стефана из борьбы с апокалипсическими силами и торжеством истинной веры над ними, трансформируется в морскую бурю, которую следует поскорей укротить»⁴⁰.

³³ Стефан Яворский 1804–1805, ч. 1: 167–168.

³⁴ Там же, ч. 2: 306.

³⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого, т. 5: 14.

³⁶ Стефан Яворский 1804–1805, ч. 3: 249.

³⁷ Там же: 257–258.

³⁸ Певницкий 1875, май: 505.

³⁹ Цит. по: Рункевич 1906: 150.

⁴⁰ Сморжевских-Смирнова 2013: 144.

В действительности, ожидание мира и образность морской бури были характерны для Стефана Яворского (как и для Петра) и раньше, в том числе и в панегирических словах, в которых милитаристская риторика, хотя и была достаточно сильна, нередко уступала место ценностям иного порядка.

Что при этом вкладывал в понятие «мир» Стефан Яворский?

В проповеди на Сретение Владимирской иконы Пресвятой Богородицы, произнесенной 23 июня 1709 г., автор рассуждает о его двояком значении (будучи при этом в своих текстах не системен в написании гласных в двух семантически различных словах): «Здѣже разсудити предлежитъ, яко сие слово мѣръ двоякое имѣетъ разумѣние. Первое. Миръ знаменуетъ свѣтъ сей и людей на свѣтѣ живущихъ... Другое. Миръ знаменуетъ тишину и покой...» (л. 568 об.). Тишина, покой и безмятежие – вот ценности, которые Яворский поставит на первый ряд в проповеди 1721 г. после завершения Северной войны:

«О дарование небесное! О неизреченная сердцець человѣческихъ сладость! И кое можетъ быти дражайшее сокровище паче мира? Кая большая радость и веселие, паче тишины и безмятежия? А что есть мѣръ? Мѣръ есть часть онаго живота вѣчнаго небеснаго, идеже нѣсть мятежа ни молвы, только едина тишина превелия»⁴¹.

В проповеди 1709 г. прославляя мир сходным образом, Яворский называет его плодоносным летом и противопоставляет зиме войны, несущей увядание и опустошение:

«Мѣръ подобень есть лѣту. Брань подобна есть зимѣ. Якоже убо зима всио погубляетъ, всио пустошитъ. А лѣто всио возвращаетъ, всио прорашаетъ, и умножаетъ. Такъ и брань, война по подобию зимы лютой, всио пустошитъ, всио погубляетъ, всио увядениемъ и лютоостию поядаетъ. А мѣръ выпреки творить...» (л. 569 об.).

Характерно, что проповедник не только обличал нравственное состояние общества, но и, как правило, предлагал конкретные шаги по достижению мира. В той же проповеди Яворский перечисляет три условия («тройкое уготование») для наступления мира. Во-первых, автор истолковывает евангельскую цитату «Мѣръ дому сему: и аще убо будетъ ты сынъ мира, почиеть на немъ мѣръ вашъ» (Лк 10:5–6) и говорит, что чтобы быть сыном мира необходимо хранить закон Божий и иметь мир с Богом и ближним: «А кто не престае согрѣшати, кто бунтуется на Бога законопреступствомъ и возноситъ на высоту рогъ свой, той нѣсть сыномъ мира <...> Съ ближнимъ имѣетъ мѣръ той, который ближняго своего не обидит, не похищаетъ яже суть его, не утѣсняетъ, не озлобляетъ, не бьетъ, не ругаетъ, не лицемѣрствуетъ» (л. 570 об.). Объединяя ценности согласия между людьми с соблюдением закона Божьего, Яворский называет те грехи, о которых постоянно говорит в других проповедях, и возвращается к библейскому образу рога, символизирующего как бунтовщиков против церкви, так и тех, кто обижает ближнего.

⁴¹ Цит. по: Попович 2023: 115–116.

Вторым условием мира проповедник, опираясь на Псалтырь (Пс 84:11, 71:7), называет нерушимый союз мира и правды, понимаемой им как христианская справедливость и неложная истина:

«О сынове челоувѣчестии, доколѣ тяжкосердии вскую любите суетная и ищите лжи, неправду руки ваша соплѣтают. И како можем восприяти мирь, не имущи правды. Правды надобѣ кто хочет мир имѣти. Двоица сия совокупно и нераздѣльно ходит. Правда и мирь облобизистѣся. Аще убо восияет во днѣх наших правда, то восияет и множество мира» (л. 571).

В этой проповеди Яворский также обращается к словам царя Давида (Пс 54:10–11): «Хотѣлъ я в сем градѣ поискати правды, аж мнѣ псаломникъ глаголетъ: “Видѣхъ беззаконие и прерѣкание въ градѣ, днем и нощию обыйдет и по стѣнам его беззаконие и труд посредеь его и неправда”» (л. 571). Для того чтобы усилить обличительную линию, он продолжает это рассуждение на полях рукописи и перечисляет конкретные типы столичных учреждений, ни в одном из которых невозможно найти правду: «Коли бѣ ту пойшол по приказам, по купецким лавкам, по канцеляриям и прочая, о не вѣм аще бы знайшол правду» (л. 571).

Невозможность восприятия мира без правды будет сформулирована и в проповеди 1712 г. на день св. Алексия, человека Божия: «А кто законъ Божий разоряеть от того мир далече отстоит – гдѣ правда тамъ и мирь, правда и мирь дѣло то изочтѣся, а гдѣ нѣсть правды там мира не надейся»⁴². Понятия «правда» и «истина» Стефан Яворский использует как синонимы, озвучивая эту же мысль несколько иначе в проповеди 1708 г. на день Николая Чудотворца и удивляясь желанию иметь мир, не имея правды: «Там милость Божия идеже истинна. Милость и истинна стрѣтихтѣся. Хотѣм всѣ и желаем от всего сердца нашего мира, и не имѣем правды. Слушайтеж, где мирь живет. Тамо мир пребывает идеже правда, правда и мир облобизастѣся... То дивно что мы хоцѣм имѣти мирь, и желаем всѣмъ усердием мира, в сих кровныхъ треволненіях, а не имѣем правды» (л. 945 об.).

Третьим «уготованием» мира проповедник называет искоренение греховного обычая из сердец, подобно тому, как Ноева голубица смогла вернуться в ковчег, когда в нем уже не было ворона: «Искоренити грѣховный обычай из сердец наших. Вещь разсуждения достойная... Для чего такъ? Не можаше ли врань съ голубицею вмѣстити и совокупно быти? А прежде съ собою такъ долго в ковчезѣ пребывали. Слышателие, пребывали съ собою врань и голубица, покамѣст голубица не принесла вѣтвь масличный знамение мира» (л. 571). Яворский, подчеркивает, что, ожидая мир, необходимо прогнать «из сердечнаго ковчѣга нашего врана богомерзкаго» (л. 571–571 об.). Не случайно в проповеди «Тесный и прискорбный путь ищущимъ Христа», говорившейся в одно из воскресений Великого поста в 1708 г., Стефан Яворский призывает слушателей к покаянию «в нынѣшнее лютое время»: «Слышачи от

⁴² Цит. в упрощенной графике по: Живов 2004: 271.

Евангелия, от Апостола и от иных книг богодухновенных увѣщательная словеса, обѣщание будущихъ благъ имѣюще, не каемся, а найпаче в нынѣшнее лютое время, егда явственный гнѣвъ Божий, изошренныя окамениемъ сердце нашихъ стрѣлы на насъ напряжает» (л. 1220). Учительный пафос проповеди лучше всего иллюстрируется ее завершением – словами распятого Христа (Лк 23:34), к которым в своей скорби за паству присоединяется и сам проповедник: «Отче, отпусти им, не вѣдаютъ бо что творятъ» (л. 1220).

На дни Четырехдесятицы Стефан Яворский возлагал особые надежды и в других проповедях. Так, 4 февраля 1711 г. в Неделю о блудном сыне он предполагал (проповедь осталась непроизнесенной) говорить в Рязани слово о покаянии в преддверии Великого поста – времени покаяния и спасения: «Прийдѣмъ въ чувство, любимицы, прийдѣмъ в чувство. Покаймось от злѣбъ наших. Се нынѣ грядет время покаяния, время благоприятно, дние спасения четырехдесятица святая» (л. 1077). Перед этим проповедник в напоминание перечислял три горя, пришедшие в Россию, – войну, моровое поветрие и угрозу голода из-за неурожая: «Горе первое от войны такъ продолженной, и надежды окончания неимущей. Горе второе от повѣтрія и людскаго и скотскаго. Горе третее от глада, которымъ насъ устрашаютъ нынѣшние недороди, и скудость немала» (л. 1076 об.).

Другим значимым фактором исправления грешников наряду с внутренней работой человека (молитвой и исповедью) для Яворского является труд пастыря (прежде всего проповедничество). В 1708 г. в проповеди на день митрополита Петра он говорит слушателям о тяжести своего труда и возможности наказания за гибель своей паствы, если он решит умолчать о ее грехах: «Се слышите, любимицы, коль страшное прещение нам слова Божия проповѣдникомъ, стражемъ дому Израилева, аще умолчимъ, крови сыновъ погибелныхъ на насъ взыщетъ Господь Богъ, аще не станемъ гласити» (л. 972). Пользуясь возможностью не молчать о грехах своих слушателей, в этой проповеди Яворский по порядку обличал некаяющихся грешников, гордыхъ властолюбцев, прелюбодеев, убийц и самовольцев, которые «страха Божия неимущи, закону Божию и гражданскому неподлежащи, броздами и уздоу наказания невостягнени вся по своей волѣ и хотѣнью творящи» (л. 972 об.). Неподсудности божественному и гражданскому суду далее иллюстрируется проповедником практикой неправедныхъ разводов и осквернения тем самым супружескаго ложа. Частное обличение вновь встраивается Яворским в общий взгляд на неправедно живущее общество, о грехах котораго должен постоянно говорить на проповеди пастырь.

Конструируя собственный образ проповедника, Яворский ориентировался прежде всего на Иоанна Златоуста. В предисловии (1709 г.) к «Беседам на 14 посланий апостола Павла» Яворский развивает идеи своих проповедей этого периода и много рассуждает о пастырских обя-

занностях, подчеркивая чрезвычайную роль проповедника в спасении паствы, насаждении среди «винограда Христова» добродетелей и благочестия и искоренения всякого злонравия и беззакония: «О съ коликимъ прилъжаньемъ, съ коликими трудами искореняше ереси, насаждаше же благочестие, исторгаше гордость, насаждаше же смирение: разрушаше ненависть и зависть, насаждаше же братолюбие. Расточаше лихоимание и лакомство, насаждаше же правду и щедролубие: разрушаше всякия нечистоты, насаждаше же цѣломудрие: исторгаше пьянство и чревобѣсие, насаждаше же воздержание. Кратко реши: всякое беззаконие, всякое злонравие, аки нѣкое всегубительство потребляше, искореняше, и вонь из винограда Христова изметаше. Всякую же благостыню, всякую добродѣтель, законъ и страхъ Божий в сердцахъ развращенныхъ насаждаше, вкореняше, углубляше струями златоточныхъ учений своиѣхъ напаяя неоскудно»⁴³. В этом пассаже представлены едва ли не все возможные семантические пары христианских добродетелей и пороков.

Стефан Яворский подчеркивал, что Златоуст не боялся обличать сильных, очевидно, беря его за образец, когда произносил проповеди с сомнительным для высокопоставленных слушателей содержанием: «Не точию же не стыдяшеся, но ниже бояшеся, обличающѣ сильныя, державныя, крѣпкия, аки вторый Иоанн Предтеча...»⁴⁴. Проповедник настаивает, что, критикуя властителей, он желает им блага и сетует на то, что, когда удастся сказать правду властителям, те гnevаются на него: «Сиче начальницы и великии господа прибѣгаютъ къ слушанию проповѣди: егда же бывають уловляемы отистины, абие съ великимъ воплемъ и гнѣвомъ отходятъ, на проповѣдающаго весьма нелѣпая приглаголющи»⁴⁵ (Слово в неделю 21 по Пятидесятнице, дата произнесения неизвестна). Собственное целеполагание проповедника хорошо объясняется и в его рассуждении о вредном и благотворном обличении в «Увещании» Григорию Талицкому (1701), называвшему Петра антихристом⁴⁶ и, по мысли митрополита, желавшему уподобиться древним обличителям: «Они обличаху царей о истинѣ, ты же вся лжеши, отъ отца лжи научень и надучень; они обличаху съ кротостию, ты же ярость дьявольскую отрыгнуль еси; они обличаху, не возмущающе народъ на толика кроворазлияния; они обличаху, хотяще блага обличаемымъ, ты же хотѣль еси всѣхъ лютыхъ золь и смерти...»⁴⁷. В своих проповедях Стефан так или иначе выбирает ту обличительную стратегию, которая, по его мнению, принесет государству и обществу пользу, а не вред.

Несмотря на подробно обоснованную Яворским трудность осуществления всех трех «уготований» мира, проповедь на Сретение Владимирской иконы Богородицы завершалась предсказанием скорейшего

⁴³ Стефан Яворский, ч. 3: 136.

⁴⁴ Там же: 130.

⁴⁵ Стефан Яворский, ч. 2: 136.

⁴⁶ О контексте распространения идей Талицкого, см. Акельев 2022.

⁴⁷ Цит. по: Введенский 1912: 915.

его наступления, молитвой о нем, возносимой к Богоматери: «Да будет нам превожделѣнное мира и тишины знамение нынѣ и присно и вѣ въки вѣковъ» (л. 571 об.). Двамя годами позже, накануне Прутского похода Яворский вспоминал эту и другую проповедь (на Тихвинскую икону Богородицы, 26 июня 1709 г.), напрямую связывая их с победой в битве под Полтавой: «... во время оной преславной виктории Полтавской быть ту у насъ ходъ и особливое набоженство въ день Срѣтенской Богородицы, 23 дня июня; тогда на казании гласил, яко грядущая къ намъ изъ Владимира Богородица, яко голубица Ноева, несеть къ намъ вѣтвь масличную побѣдоносную. Потом спустя три дни июня 26-го было также у насъ особливое набоженство къ Богородицѣ, нарицаемой Тихвинской: ту я снова гласиль на казани о тепломъ предствательствѣ и заступлении Богородичномъ за насъ къ Сыну своему. Ажъ смотрите, – на завтрее по Тихвинской Богородицѣ июня 27-го и преславная сталася побѣда. То – то есть полагаати на Бога, а по Бозѣ на Богородицу надежду и упование!»⁴⁸ («Моисей Российский», 25 февраля 1711 г.).

Идейно пестрое и многоликое проповедническое творчество Стефана Яворского практически невозможно подвести к единому знаменателю, исследуя отношение автора к тем или иным проблемам. Известный благодаря изданиям XIX в. как верноподданный панегирист, почему-то взбунтовавшийся в 1712 г., Яворский в наиболее свойственных для себя поджанрах учительного слова, представленных малоизученным рукописным наследием, всегда был непримиримым обличителем безнравственности, властолюбия, маловерия, лицемерия, ересей, угнетения бедных и других грехов и пороков той части российского общества, к которой он обращался с проповеднической кафедры.

Такие кризисные явления, как затянувшаяся Северная война, которой нередко сопутствовали эпидемии, пожары и неурожаи, традиционно трактовались церковными деятелями как наказание за грехи. Однако обличительная стратегия, избранная Стефаном Яворским, была представлена не только абстрактными и «графаретными» заявлениями, но допускала готовность к «златоустовскому» конфликту с государственной элитой. Часто не сдерживая себя в выражениях и недвусмысленно критикуя в своих проповедях пороки, распространявшиеся прежде всего среди представителей светской власти, Яворский, особенно в текстах 1707–1712 гг., постоянно рассуждал о том, что именно из-за них не может наступить ожидаемый мир (а вместе с ним и победа) в войне. Воспевая мир как вневременную ценность для всего отечества, Яворский озвучивал идеи нравственно-религиозного исправления своей паствы, призывал ее каяться в грехах, иметь правду и жить в мире с ближним и Богом – своего рода солидаризации, достижения согласия в обществе, плывущем в обуреваемом морскими волнами корабле.

⁴⁸ Певницкий 1875, октябрь: 132–133.

Индивидуальное благочестие проповедник напрямую соотносил с общественным благополучием и уделял «волнениям» человеческой души не меньшее внимание, чем бедствиям, охватившим общество, рассматривая отдельного человека как источник зла или, наоборот, благополучия всего государства: за грехи «злых плевелов», по мысли автора, страдает и «добрая пшеница», в то же время желая сберечь пшеницу, Бог иногда не трогает и плевелы⁴⁹. Не стоит при этом преувеличивать пессимизм Яворского: каждая из его обличительных проповедей завершалась молитвами к Богу и Богородице о мире в широком смысле этого слова. За этим стояли присущие проповеднику надежда на собственный ресурс убеждения и силу сакрального учительного слова в исправлении паствы, а также упование на милость Бога, способного навести в России чаемый порядок, который при этом соответствовал бы собственным представлениям Яворского об «общем благе».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Акельев Е.В. Русский Мисопогон: Петр I, брaдобритие и десять миллионов «москвитов». М.: Новое лит. обозрение, 2022 [Akel'ev E.V. Russkii Misopogon: Petr I, bradobritie i desyat' millionov «moskovitov». Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2022].
- Богданов А.П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М.: Ин-т российской истории РАН, 2001 [Bogdanov A.P. Moskovskaya publitsistika poslednei chetverti XVII veka. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, 2001].
- Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель. Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та: Университет. изд-во, 2016 [Bugrov K.D., Kiselev M.A. Estestvennoe pravo i dobrodetel'. Integratsiya evropeiskogo vliyaniya v rossiiskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII v. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Universitetskoe izdatel'stvo, 2016].
- Введенский С.Н. К биографии митрополита Стефана Яворского // Христианское чтение. 1912. № 7–8. С. 892–919. [Vvedenskii S.N. K biografii mitropolita Stefana Yavorskogo // Khristianskoe chtenie. 1912. No. 7–8. P. 892–919.].
- Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования / под ред. Д.А. Редина. СПб.: Алетейя, 2018 [Granitsy i markery sotsial'noi stratifikatsii Rossii XVII–XX vv.: vektory issledovaniya / ed. by D.A. Redin. St Petersburg, Aleteiya, 2018].
- Елеонская А.С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М.: Наука, 1990 [Eleonskaya A.S. Russkaya oratorskaya proza v literaturnom protsesse XVII veka. Moscow, Nauka, 1990].
- Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 360 с. [Zhivov V.M. Iz tserkovnoi istorii vremen Petra Velikogo: Issledovaniya i materialy. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 360 p.].
- Живов В.М. Стратегии пророчества: проповедь Стефана Яворского на память Алексея Человека Божия // Стих, язык, поэзия: памяти М.Л. Гаспарова. М.: РГГУ, 2006. С. 201–210. [Zhivov V.M. Strategii prorochestva: propoved' Stefana Yavorskogo na pamyat' Alekseye Cheloveka Bozhiya // Stikh, yazyk, poeziya: pamyati M.L. Gasparova. Moscow, RGGU, 2006. P. 201–210].
- Кагарлицкий Ю.В. Проповедь как источник по истории русской словесной и интеллектуальной культуры XVIII в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Древлехранилище, 2000. С. 243–258. [Kagarlitskii Yu.V. Propoved' kak istochnik po istorii russkoi slovesnoi i intellektual'noi kul'tury XVIII v. // Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka. Moscow, Drevlekhranilishche, 2000. P. 243–258.].
- Киселева М.С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 472 с. [Kiseleva M.S. Intellektual'nyi vybor Rossii vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII veka: ot drevnerusskoi knizhnosti k evropeiskoi uchenosti. M.: Progress-Tradiitsiya, 2011. 472 s.].

⁴⁹ См.: Попович 2024.

- XVIII veka: ot drevnerusskoi knizhnosti k evropeiskoi uchenosti. Moscow, Progress-Traditsiya, 2011. 472 p.]
- Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики / Предисл. М.Ю. Сорокиной; подг. текста М.Ю. Сорокиной при участии К.Ю. Лаппо-Данилевского. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2005. XXXII [Lappo-Danilevskii A.S. Istoriya politicheskikh idei v Rossii v XVIII veke v svyazi s obshchim khodom razvitiya ee kul'tury i politiki / pref. by M.Yu. Sorokina; ed. by M.Yu. Sorokina, K.Yu. Lappo-Danilevskii. Köln, Weimar, Wien, Böhlau, 2005. XXXII].
- Люстров М.Ю. Война и культура: русско-шведские литературные параллели эпохи Северной войны. М.: РГГУ, 2012. 329 с. [Lyustrov M.Yu. Voyna i kul'tura: russko-shvedskie literaturnye paralleli epokhi Severnoi voiny. Moscow, RGGU, 2012].
- Панегирическая литература петровского времени / изд. подг. В.П. Гребенюк; под ред. О.А. Державиной. М.: Наука, 1979 [Panegiricheskaya literatura petrovskogo vremeni / comp. by V.P. Grebenyuk; ed. by O.A. Derzhavina. Moscow, Nauka, 1979].
- [Певницкий В.] Слова Стефана Яворского, митрополита рязанского и муромского // Труды Киевской духовной академии. 1875. Май. С. 486–505. Октябрь. С. 124–145. [[Pevnitskii V.] Slova Stefana Yavorskogo, mitropolita ryazanskogo i muromskogo // Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii. 1875. Mai. P. 486–505. Oktyabr'. P. 124–145.].
- Письма и бумаги императора Петра Великого: в 13 т. СПб.: Гос. тип., 1907. Т. 5 (январь-июнь 1707) [Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo: v 13 t. St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografya, 1907. Vol. 5 (yanvar'-iyun' 1707)].
- Попович А.И. Смерть и жизнь «на общую пользу» в Петровскую эпоху: две проповеди Стефана Яворского // Герменевтика древнерусской литературы. 2023. Сб. 22. С. 83–138. [Popovich A.I. Smer' i zhizn' "na obshchuyu pol'zu" v Petrovskuyu epokhu: dve propovedi Stefana Yavorskogo // Germenevтика drevnerusskoi literatury. 2023. Vol. 22. P. 83–138].
- Попович А.И. Проповеди митрополита Стефана (Яворского) на дни российских святителей Петра и Алексия: исследование и публикация // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2024. № 1. (В печати.) [Popovich A.I. Propovedi mitropolita Stefana (Yavorskogo) na dni rossiiskikh svyatitelei Petra i Aleksiya: issledovanie i publikatsiya // Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. 2024. No. 1. (In print.)].
- Пушкарев Л.Н. Идеи мира в русской общественной мысли (XVII – первая половина XVIII в.) // Мировтворчество в России. Церковь, политики, мыслители. От раннего средневековья до рубежа XIX–XX столетий. М.: Наука, 2003. С. 85–102. [Pushkarev L.N. Idei mira v russkoi obshchestvennoi mysli (XVII – pervaya polovina XVIII v.) // Mirotvorchestvo v Rossii. Tserkov', politiki, mysliteli. Ot rannego srednevekov'ya do rubezha XIX–XX stoletii. Moscow, Nauka, 2003. P. 85–102.].
- Рункевич С.Г. Архиереи петровской эпохи в их переписке с Петром Великим. Вып. 1. СПб.: Тип. Монтевиды, 1906. IV, 194 с. [Runkevich S.G. Arkhieri petrovskoi epokhi v ikh perepiske s Petrom Velikim. Vyp. 1. St Petersburg, Tipografya Montvida, 1906. IV, 194 p.].
- Сморжевских-Смирнова М. Ингерманландия, Эстляндия и Лифляндия в церковном панегирике Петровской эпохи. Tallinn: Tallinn Univ. Press, 2013 [Smorzhevskikh-Smirnova M. Ingermanlandiya, Estlyandiya i Liflyandiya v tserkovnom panegirike Petrovskoi epokhi. Tallinn, Tallinn Univ. Press, 2013].
- Стефан Яворский. Проповеди: [в 3 ч.]. М.: Синод. тип., 1804–1805. [Stefan Yavorskii. Propovedi: [in 3 parts]. Moscow, Sinodal'naya tipografya, 1804–1805.].
- Терновский Ф.А. Очерки из истории русской иерархии в XVIII веке. Стефан Яворский // Древняя и новая Россия. 1879. Сб. 5, № 8. С. 305–320. [Ternovskii F.A. Ocherki iz istorii russkoi ierarkhii v XVIII veke. Stefan Yavorskii // Drevnyaya i novaya Rossiya. 1879. Vol. 5, No. 8. P. 305–320.].
- Федотова М.А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского. Исследование и тексты. М.: Индрик, 2005 [Fedotova M.A. Epistolyarnoe nasledie Dimitriya Rostovskogo. Issledovanie i teksty. Moscow, Indrik, 2005].
- Чистович И.А. Неизданные проповеди Стефана Яворского. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1867. [Chistovich I.A. Neizdannye propovedi Stefana Yavorskogo. St Petersburg, Tipografya Departamenta udelov, 1867].

- Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 г.). СПб.: Тип. и хромо-лит. А. Траншель, 1891 [Shlyapkin I.A. Sv. Dimitrii Rostovskii i ego vremya (1651–1709 g.). St Petersburg, Tipografiya i khromolitografya A. Transhel', 1891].
- Brogі Bercoff G. Poltava: A Turning Point in the History of Preaching // Harvard Ukrainian Studies. 2009/2010. Vol. 31, № 1/4 (Poltava 1709: The Battle and the Myth). P. 205–226.
- Ivanov A. David and Goliaths: Image of the Enemy in Ealy Imperial Russian Military Sermons // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 56. 2022. № 1. P. 1–32.
- Šerech Ju. Stefan Yavorsky and the Conflict of Ideologies in the Age of Peter I // The Slavonic and East European Review. Vol. 30. 1951. № 74. P. 40–62.

Попович Алексей Игоревич, младший научный сотрудник, лаборатория эдиционной археографии, ассистент, кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет; alexeupopowich@mail.ru

War and Peace in Sermons of Stefan Yavorsky

The article examines the ideas of the Stefan Yavorsky, church leader of the Petrine era, in the most mythologized period of his life (1707–1712). The study reveals, mainly on the material of the unstudied manuscript preaching heritage, the features of the author's providential interpretation of the Great Northern War as a punishment of society for sins and similar explanations for the lack of peace and victory. Unlike panegyric texts, Yavorsky's accusatory sermons are filled with moral and didactic content. The preacher found numerous examples of violation of Christian commandments in Russia (mainly among the state elite) and called on listeners to eradicate sin, repentance and, in fact, social harmony (peace with neighbor and God). It is demonstrated that the famous sermon of 1712 on the day of St Alexius of Rome which is considered the culmination of Stefan Yavorsky's oppositional moods, mainly contained the ideas he had previously expressed and only summed up the preacher's reflections on ways to improve society.

Key words: *Stefan Yavorsky, sermon, Great Northern War, peace, society, denunciation.*

Alexey Popovich, Junior Researcher of the Laboratory for the Study of Primary Sources; Assistant of the Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University; alexeupopowich@mail.ru

ПЕТР I И ЗАКОНОЗНАТЕЛЬ ПУФЕНДОРФ¹

Статья посвящена истории создания и публикации в 1726 г. русского перевода сочинения С. Пуфендорфа «De officio hominis et civis iuxta legem naturalem» в ее взаимосвязи с идейными предпочтениями и поисками Петра I. В историографии рассматривают этот перевод как знак проявления интереса царя к трактатам по естественному праву, которые в свою очередь оказали влияние на использование Петром концепта «общего блага» при обосновании его государственной деятельности. Показывается, что появление этого перевода было связано с тем, что Петр хотел получить на русском языке учебник по юриспруденции, а не с какими-то его особыми симпатиями к правовым идеям Пуфендорфа. Соответственно, при поиске идейных источников, из которых Петр черпал вдохновение, связанное с понятием общего блага / общей пользы, следует обратиться, скорее, к его интересу к религиозной и морально-политической литературе и историческим сочинениям.

Ключевые слова: *Петр I, Пуфендорф, общее благо, история России, история переводов.*

В историографии достаточно прочно утвердилась идея, что концепт «общего блага» был одним из ключевых для Петра I в обосновании его государственной деятельности. При этом в качестве одного из источников, из которых Петр почерпнул этот концепт, нередко называют юридические сочинения ключевого теоретика естественного права второй половины XVII в. С. Пуфендорфа.

Е.В. Анисимов в 1996 г. писал, что «на следующем этапе преобразований», объявленном Петром I в 1718 г., монарх «опирался на ряд теоретических принципов, взятых преимущественно из западноевропейской рационалистической философии, юриспруденции, учения о государстве. ...Венцом упомянутых общих идей было представление о том, что все реформы и связанные с ними лишения и жертвы служат одной великой цели – достижению “общего блага” (*salus publica*), которое представлялось земным раем. Нет сомнений, что Петру I были известны многие из этих популярных идей государственного строительства. ...Книга Пуфендорфа “О должности гражданина и человека” так понравилась царю, что он распорядился перевести и издать ее на русском языке»². В 1999 г. Х. Баггер утверждал, что в зрелом возрасте Петр I углублялся, «когда предоставлялся случай, в современные государственно-правовые трактаты, переводимые для него на русский язык. Любимым его пособием стал перевод “De officiis hominis et civis” (“О должности человека и гражданина”) Самуэля Пуфендорфа»³. В посвященной идеологии Петра работе 2022 г., утверждается, что «Пуфендорфу удалось соединить в рам-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)».

² Власть и реформы 1996: 128.

³ Баггер 1999: 140.

ках целостной концепции все три ключевые идеи своего времени – естественное право, общественный договор и общее благо. И все эти идеи в пуфендорфовском изложении были известны Петру». Более того, «Петр I глубоко изучил произведения Пуфендорфа»⁴.

Отправной точкой для рассуждений о влиянии правовых идей Пуфендорфа на Петра является факт перевода по распоряжению монарха пуфендорфовского трактата «*De officio hominis et civis iuxta legem naturalem*», напечатанного в Санкт-Петербурге в 1726 году под названием «О должности человека и гражданина по закону естественному». В то же время история появления этого перевода изучена довольно слабо и, как правило, исследователи не идут далее сведений, которые привел еще в 1862 г. П.П. Пекарский⁵. Конечно, в 2001 г. вышла статья Н.И. Малышевой, специально посвященная судьбе этой книги Пуфендорфа в России, но в изложении истории перевода исследователь опирается только на данные из «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII в.» и предисловия Гавриила Бужинского 1726 г.⁶ Новые сведения, связанные с историей перевода, приводятся в статье С.В. Польского 2022 г. о роли рукописных перевода в формировании светского политического языка в России первой половины XVIII в., однако статья не лишена спорных утверждений⁷. Соответственно, в связи как с отмечаемым исследователями значением этого перевода трактата Пуфендорфа, так и с проблемой его изученности в настоящей работе будет рассмотрена история создания и публикации в 1726 г. русского перевода сочинения С. Пуфендорфа «*De officio hominis et civis iuxta legem naturalem*» в ее взаимосвязи с идейными предпочтениями и поисками Петра I.

Прежде всего, необходимо отличать интерес Петра I к Пуфендорфу-юристу от его интереса к Пуфендорфу-историку. Еще в 1716 г. царь назвал Пуфендорфа «славным историком». По повелению «Петра Перваго, всероссийского императора», как сообщалось на титульном листе первой печатной книги Пуфендорфа на русском языке, видным церковным деятелем Гавриилом Бужинским было переведено с латыни историческое сочинение Пуфендорфа, опубликованное под заголовком «Введение, в историю Европейскую» в Санкт-Петербурге в 1718 г., а затем вышедшее там же вторым изданием в 1723 г. Однако «Введение...» не содержало естественно-правовых рассуждений, а наименование Петром Пуфендорфа «славным историком» показывало, что монарх воспринимал его к 1716 г. именно как историка, а не как правоведа, хотя Гавриил Бужинский в предисловии к переводу 1718 г. охарактеризовал его не только как «Историка искуснаго», но и как «премудраго в своем веле Юристы... барона и тайнаго советника Електора Бранденбургскаго»⁸.

⁴ Багдасарян, Иерусалимский, Сильвестр (Лукашенко), Реснянский 2022: 62, 63.

⁵ Пекарский 1862: 213.

⁶ Малышева 2001: 187–188, 196.

⁷ Польской 2022: 268–271.

⁸ Гавриил Бужинский 1718: 3–4.

Более того, с упоминанием юридических сочинений Пуфендорфа, включая и «De officio...», Петр столкнулся еще в 1703 г., когда утвердил составленный бароном Г. Гюйссеном наказ по обучению царевича Алексея. В нем, прежде всего, предлагалось «чтоб тотчас Гистории действовать начать и к такому предложению надлежит Бунонову идею Гистории общей с продолжением на Французской язык перевести и во Голландии напечатать велеть, ...далее, Пуффендорфово введение к Гистории главнейших государств в Европе употреблять», читать французские газеты и «купно о том политическия, географическия и нравоучительныя напоминания в разговорах его высочеству представлять». При этом следовало также для изучения географии «доброто аутора избрать, дабы его высочество в Гистории и Географии, яко истинном основании Политики, благо обучен быть мог». Далее шли арифметика и геометрия, обучение письму, после чего предлагалось: «Возможно заранее Пуффендорфову *малую книжицу о должности человека и гражданина* (выделено нами. – М.К.) на Французский язык перевести и в Голландии напечатать велеть, дабы оно употребить, яко введение в право Всенародное и яко преддверие Гроция или Пуффендорфа ж о праве Естественном и Народном». Однако после этого делалось другое заявление: «Паче всех симболы Саведровы и в свете знатнаго Телемака к наставлению его высочества рекомендуются, дабы оныя, яко зеркало и правило предбудущаго его правительства во всю жизнь употребить»⁹.

В документе, созданном предположительно в 1708 г., было зафиксировано, что в рамках реализации гюссеновской инструкции Алексеей «фабулы Ессоповы, описание езды Олеариуса, *введение в историю Пуффендорфа* (выделено нами. – М.К.), также географию, генеалогию, науку печатей королей, арифметику и геометрию, нарочито выучил». Кроме того, обучаясь письму по-французски и по-немецки, он переписывал «на обоих языках» краткие тексты «науки политическия ...изо всяких историй и ведомостей собранные», которые по переписыванию «ему располагаются и толкуются». Далее царевичу предлагалось перейти к чтению книг «Разговор над общею историею... дофину», т. е. «Discours sur l'histoire universelle», где епископ Ж.-Б. Боссюэ, воспитатель Людовика Великого Дофина трактовал историю в провиденциалистском ключе, а также «Телемак, который князю Боргонскому от ученаго Фенелона послан», т. е. морально-политический роман «Les Aventures de Télémaque» епископа Ф. Фенелона, воспитателя Людовика, герцога Бургундского, сына Людовика Великого Дофина¹⁰. При этом известно, что в 1707–1711 гг. «по желанию и по велению» Петра I Феофаном Прокоповичем был переведен упомянутый в наказе морально-политический трактат Д. Сааведра Фахардо «Изображение христіанополитическаго властелина, символами объясненное»¹¹. Уже в феврале 1710 г. ав-

⁹ Устрялов 1859: 302–303.

¹⁰ Марченко 1901: 518–519.

¹¹ Бутров, Киселев 2016: 122–123.

стрийский дипломат Г.В. Вильчек написал в Вену про учебу Алексея, что Гюйссен «порекомендовал ему для чтения книгу Сааведры “*Ideam Principis Christiani*” (первые 24 главы которой царевич усердно проштудировал), а также Квинта Курция об Александре Македонском, Валерия Максима и другие сочинения. Их царевич читает, переводит и толкует трудные места; также самостоятельно читает по-польски и по-немецки и чтением настолько увлечен, что помимо рекомендаций со стороны гофмейстера и других приближенных к нему царедворцев прочел всю Библию – 4 раза по-русски и один раз по-немецки»¹².

Итак, имеющиеся сведения об обучении царевича Алексея не позволяют говорить, что упоминание юридических сочинений Пуфендорфа в наказе Гюйссена вызвало к ним какой-либо интерес у Петра. Также нельзя сказать, что в правоведческой части этот наказ был хоть сколько-нибудь реализован. В то же время эти сведения фиксируют интерес Петра к морально-политическим сочинениям с христианским оттенком, равно как и изучение такого рода сочинений наследником престола вкупе с историческими книгами.

Тем не менее, остается фактом публикация в Санкт-Петербурге в 1726 г. русского перевода трактата Пуфендорфа «*De officio hominis et civis iuxta legem naturalem*», выполненного по распоряжению Петра. О чем это свидетельствовало? Можно, как писал Е.В. Анисимов, исходить из того, что эта книга «так понравилась царю, что он распорядился перевести и издать ее на русском языке». Но как Петр смог ознакомиться до перевода с содержанием написанной на латыни книги? Здесь следует указать, что о мотиве заказа Петром перевода написал Гавриил Бужинский, на что обращает внимание Н.И. Мальшева¹³. Что важно, Бужинский, который часть русского перевода «*De officio...*» отредактировал, а часть перевел сам, в своей переводческой деятельности общался с Петром, так что мог получить сведения из первых уст. В предисловии («приношении») к публикации перевода 1726 г., адресованном Екатерине I, Бужинский утверждал, что Петр, «видя внутреннее государства правление, паче же в судах бываемое, от прочих государств Европейских различное, ... возжелал да и в сем Россия деле, равное восприимет почтение. Ради Церковнаго убо мира и тишины уставил... Синод, ради мирскаго благосостояния... коллегии, избрав во оныя елико возможно, тако Российских, яко и иностранных, искусно в юриспруденции обучившихся мужей, узаконил: над оными же еще... определил... Сенат». Далее Гавриил Бужинский указывал как на сочинение новых законов, так и на отправку *юношей* для обучения *юриспруденции* «в Европейския преславныя академии». В то же время он отмечал, что Петр, «разсуждая же еще и предвидя, что оное школьное учение, не бывает без продолжения времени многого... и толикия книги законов наполнены, что исчислити невозможно», озаботился следующим: «Прежде даже юноство Российское

¹² Гордин 2022; Флоровский 1967: 673–675.

¹³ Мальшева 2001: 187.

оние юриспруденции обучится, да бы те, которые при судах суть, а учения онаго... лишившийся, скоряе всякую правду и долженство свое уразумели, како бы сие возмогло исполниться?» По этому вопросу Петр «со многими и оными в том изученными художестве мужи, благоразумный предвосприял совет». Результат совета был такой: «Услышал, что во многих академиях аки алфавит употребляют в научении юнош, книгу преславнаго юристы Самуила Пуфендорфа, именуемую: О ДОЛЖНОСТЯХ ЧЕЛОВЕКА ГРАЖДАНИНА ПО ЗАКОНУ ЕСТЕСТВЕННОМУ, абие возжелал оную на Российском диалекте видети»¹⁴.

Согласно Гавриилу Бужинскому, интерес к трактату Пуфендорфа был связан с тем, что Петр задался проблемой перевода на русский *учебника по юриспруденции*. Такая петровская заинтересованность в учебнике в контексте реформы управления подтверждается документами. Сохранилась такая записка, написанная рукой Петра в 1715 г.: «Универсалкой лексьикон, которой вы читали, – кто автор, дабы я мог отписать к Веселовскому, чтоб оной в Праге перевесть, также эстрат, [буде всего много], из Юриспруденции перевесть там же». Уже 16 декабря 1715 г. Петр писал русскому резиденту в Вене А.П. Веселовскому: «Старайся, дабы сыскать тебе в нашу службу из шрейберов или из бных не гораздо высоких чинов и приказных людей, которые бывали в службе цесарской... которые знают по-словенски ото всех Колегий, которые есть у цесаря, [кроме духовных] по одному человеку, и чтоб они были люди добрыя и могли те дела, [в которых Колегиях они бывали], здесь основать. ...Також сыщите книги Лексикон универсалис, которой печатан в Лейпцихе у Томоса Фрича; другой Лексикон универсалис же, в котором есть все художества, который выдан в Англии на их языке, и оной сыщите на латинском или на немецком языке. Також сыщите книгу *Юриспруденций* (выделено нами. – М.К.). И как их сыщешь, надобно тебе съездить в Прагу и там в езуицких школах учителем говорить, чтоб они помянутые книги перевели на славенский язык»¹⁵.

Итак, вопрос о поиске и переводе некоей книги по юриспруденции, т. е. учебника / обобщающего труда, был поставлен Петром в конце 1715 г. При этом монарх не называл автора такой книги, а сам запрос на ее поиск и перевод был сделан во время поиска же квалифицированных иностранных служителей для планируемых в России коллегий.

А.П. Веселовский в ответ сообщил Петру 1 февраля 1716 г., что нашел переводчика, «который берется переводить три книги, а именно два лексикона и юриспруденцию за 300 ефимков», для чего предполагалось «к нему прислать в помочь двух человек русских, которые по латине знают». В ответ на это царь отметил, что «хотя б и помощники к нему были присланы, и те три книги ему одному с ними трудно и долго-временно будет переводить, а к тому ж и послать, кроме киевских чернцов, некого». Петр предписал Веселовскому съездить в Прагу и прове-

¹⁴ Гавриил Бужинский 1726: 5–8.

¹⁵ Воскресенский 1945: 47–48.

сти дополнительные переговоры. Однако, как следовало из письма Петра от 8 июня 1716 г., «езуит, которой взялся переводить лексикон, умре, и после ево нашли другова гисториографа чешского, которой хочет... те лексиконы в год времени перевесть за пять сот червонных». Петр соглашался с этим и дополнительно просил Веселовского «достать книгу лексикон Техником (артиум эт сиенциарум), которая выдана в Англии, и чтоб она была на латинском или немецком языке, и отдайте переводить в помянутой же кляштор езувитам». При этом в Прагу в сентябре 1716 г. были направлены русские переводчики из Славяно-греко-латинской академии¹⁶. Они там работали над переводами лексиконов, включая «исторический универсальный дикционар» И. Буддея¹⁷. Уже в начале марта 1718 г. Веселовский в Праге «осматривал переводу с повеленных лексиконов» и пришел к выводу, что «помянутые переводы малаго труда к исправлению требуют» и что при этом работы по переводу можно вести в России без больших затрат, связанных с проживанием за границей¹⁸. Переводчики вернулись в Россию к 1721 г., правда, не завершив полностью перевода лексикона Буддея¹⁹. Далее 24 октября 1723 г. Петр передал в Синод через его вице-президента Феодосия Яновского указ, по которому следовало «новопечатную на немецком диалекте книгу, именуемую Лексикон универсальный исторический, каков у некоторых в Россию прибывших иноземцев купецких людей обретается, купить в Синод для исправления прежняго с такова ж Лексикона на славенский диалект учиненнаго перевода и ради совершеннаго, что не переведено, dokonчания»²⁰. Получается, что по каким-то причинам из петровских писем А.П. Веселовскому и связанных с ними переводческих работ исчезла книга *Юриспруденций*, а сам Петр сконцентрировал свое внимание в связи с деятельностью переводчиков в Праге на лексиконах.

Впрочем, нельзя сказать, что Петр совсем забыл про *юриспруденцию*. В резолюции на мемориал Г. Фика от 9 мая 1718 г., где тот предлагал подать записку «о нетрудном обучении и воспитании российских младых детей, чтоб оных, в малое время, в такое совершенство поставить, дабы В.В. все гражданские и воинские чины в Коллегиях, губерниях, судах, канцеляриях, магистратах и протчая своими природными подданными наполнить», Петр написал: «Зделать Академию, а ныне приискат из русских, хто учен и к тому склонность имеет. Также начат переводит книги *юриспруденцию* (выделено нами. – М.К.) и протчии к тому. Сие учинит сего году начала»²¹. Таким образом, вполне в соответствии с тем, что писал Бужинский в 1726 г., Петр в 1715–1718 гг. поднимал вопрос о переводе некоей книги по юриспруденции в связи с реформой управле-

¹⁶ Пекарский 1862: 231–233; РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Д. 53. Л. 54–54 об.

¹⁷ Мельников 1974.

¹⁸ Пекарский 1862: 234–235.

¹⁹ Мельников 1974.

²⁰ Воскресенский 1945: 128–129.

²¹ Воскресенский 1945: 224.

ния, которая стала разворачиваться как раз с 1715 г. Другое дело, что монарх к 1718 г. так и не определился, какую именно книгу или книги по юриспруденции следует перевести. Стоит также указать на разрыв между распоряжениями Петра и тем, как они исполнялись. Так, академия не была учреждена в 1718 г. Схожим образом, отсутствуют свидетельства, что в 1718 г. начались работы по переводу книг об юриспруденции.

И вот, как было зафиксировано в протоколе Синода от 19 ноября 1721 г., «Петр Великий... во время имеющей... Синода в... Сенате конференции соизволил... Синоду отдать печатную на латинском языке книжицу, именуемую Пофендорф, и указал... оную книжицу в... Синоде перевести на словенский диалект и напечатать для распространения в народ оных число довольное». Затем в протокол была внесена небольшая правка: после слова «Пофендорф» было надписано сверху название книги – «О чинах человека гражданина». 28 ноября состоялся указ Синода, по которому *книжица* отсылалась в Типографскую контору, а ее руководителю Гавриилу Бужинскому повелевалось «чинить о том» по указу²².

Гавриил Бужинский был достаточно опытным переводчиком. Однако он к концу 1721 г. занимал ряд должностей, которые, отнимали у него немало времени: он был настоятелем Ипатьевского монастыря, советником Синода, а также протектором синодальных «школ и типографий». Кроме того, в марте 1722 г. он стал настоятелем более значимого монастыря – Троице-Сергиева. Скорее всего, в связи с занятостью Гавриил Бужинский решил не братья за перевод сам и передал его своему молодому подчиненному Иосифу Матвеевичу Кречетовскому. Последний был учащимся Славяно-греко-латинской академии, которого «из реторики» отправили в 1717 г. в Прагу «для наук латынских» и после возвращения 6 июня 1722 г. определили справщиком в Московскую типографию²³. При этом Гавриил Бужинский в итоге назначил Кречетовскому повышенное жалованье «за то, что он сверх обыкновенного труда справщицкого, по искусству своему, переводит, когда что случится, тамо с латинского на славенский и с славенского на латинский диалект»²⁴. И, как заявлял в своем доношении Гавриил Бужинский, «в 1722^м годе... велено переводить в Москве книгу Самуила Пуфендорфа О должности человека и гражданина, которая в минувшем 1723^м годе и переведена справщиком Иосифом Кречетовским». Перевод последнего был 7 января 1724 г. представлен Гавриилом Бужинским в Синоде, где, согласно выписке из протокола от 21 января 1724 г., определили: «Тое книгу переписать и переписанную сообщить в Кабинет его императорского величества». Затем 5 февраля 1724 г. члены Синода подписали приговор, по которому следовало «с той книги списать точную копию и сообщить в Кабинет», а оригинал, переплетя, «содержать в синодальной архиве»²⁵.

²² РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 671. Л. 1–2 об.

²³ Пекарский 1862: 238; Страхова 2005: 122.

²⁴ Полное собрание постановлений 1876: 265.

²⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 671. Л. 4–4 об.; Оп. 209. Д. 7. Л. 117 об.–118.

Однако выполнение приговора затянулось. По крайней мере, оригинал не был переплетен достаточно быстро. Об этом позволяет утверждать тот факт, что сохранившаяся рукопись перевода И.М. Кречетовского была переплетена вместе с материалами Гавриила Бужинского, который завершил работу над ними не ранее августа 1725 г.²⁶

Затем 11 сентября 1724 г. Пётр I направил в Синод собственноручную записку: «Посылаю при сем книгу Пуфендорфа, в которой два трактата, первой о должности человека и гражданина, другой о вере христианской. Но требую, чтоб первой токмо переведен был, понеже в другом не чаю к ползе нужде быт. И прошу, дабы не по конец руки переведена была, но дабы внятна и хорошим штилем»²⁷. В Синоде записка и «печатная на латинском диалекте книга Самуила Пуфендорфа О должности человека и гражданина и О вере христианской» были получены 12 сентября, а 18 сентября там зафиксировали в протоколе: «По справке в ... Синоде оная О должности человека и гражданина Пуфендорфова книга уже переведена, только тот перевод совершенно не исправлен». В связи с этим Синод принял решение, что «оную новопреведеную на руском языке Пуфендорфову книгу» следует «по должности освидетельствовать с помянутою на латинском диалекте печатною книжицою» и «всесовершенно исправить» Гавриилу Бужинскому «как скоро возможно с поспешением, и для того» освободить его от учения «в сесиях синодальных ... в каждой седмице, кроме прежде уволенного для собириания к печатанию прочений, еще по одному дню ... и оную присланную книгу и перевод вручить немедленно»²⁸.

Как можно объяснить факт наличия двух распоряжений Петра – 1721 и 1724 гг. – о переводе одного и того же сочинения Пуфендорфа, каждое из которых сопровождалось печатной книгой на латыни? С.В. Польской без ссылок на источники и исследования пишет, что «первоначальный перевод был выполнен по личному распоряжению Петра I Синоду (1721) справщиком Иосифом Кречетовским к началу 1724 года, но царю» якобы «перевод показался неудобопонятным, поэтому за его исправление взялся бывалый переводчик Григорий (sic! – М.К.) Бужинский»²⁹. Итак, исследователь безапелляционно утверждает, что второе распоряжение было связано с тем, что Петра не удовлетворило качество перевода. Однако дабы утверждать это, надо все же доказать, что монарх действительно получил перевод И.М. Кречетовского!

Факт отправки перевода из Синода в Кабинет должен был быть зафиксирован в делопроизводстве. Согласно синодальному делу о переводе, было принято решение сделать копию и лишь после этого отправить перевод Петру. Однако документы этого дела не фиксируют отправки, равно как этого не фиксирует и реестр исходящих писем из Си-

²⁶ Попов 1909: 2; ОР ГИМ. Син. 1013.

²⁷ Воскресенский 1945: 148.

²⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 671. Л. 5–6.

²⁹ Польской 2022: 268.

нода в Кабинет за 1724 г.³⁰ В документах из Синода за 1724 г., которые сохранились в делах Кабинета Петра, также не упоминалась отправка / получение такого перевода, хотя в них обсуждал книжные дела³¹.

Заминка с созданием и отправкой копии перевода в Кабинет могла быть связана с тем, что по указу от 9 февраля 1724 г. все члены Синода, кроме петропавловского протопопа Петра Григорьева, а также немалая часть канцелярских служителей убывали в Москву связи с намечавшейся там коронацией императрицы Екатерины, откуда вернулись в Санкт-Петербург только в середине лета³². Следует также понимать, что для петровского времени не самое быстрое исполнение распоряжений, которые мог отдавать и сам монарх, не было чем-то удивительным. Нехватка квалифицированных специалистов была одной из ключевых проблем петровских реформ, когда распоряжений было больше, чем людей, способных их выполнить. Это приводило к тому, что многие указы, в том числе и в сфере книгоиздания, не были в итоге реализованы. Так, еще 16 декабря 1722 г. Петр I распорядился, чтобы «бывшие с начала прешедшей Шведской войны ... предики (проповеди. – *М.К.*), которые где б ни были ... проповедованы с воспоминанием взятых городов и полученных викторий, собрав все погодно в одну книгу и сочиня надлежащей на них реэстр и предисловие, напечатать потребное таких книг число **немедленно** (выделено нами. – *М.К.*)». Синод 17 декабря 1722 г. поручил это весьма занятому Гавриилу Бужинскому, которому накануне и так передали перевод Пуфендорфа. Далее 3 августа 1724 г. Синод потребовал от него такие проповеди «предложить к рассмотрению». Гавриил Бужинский, получивший указ только 4 сентября, ответил 7 числа, что «всех таких предик не токмо печатать, но и собрать не надлежит, понеже предики во дни праздничныя и воскресныя многия проповеданы были, которыя до войны свейской и неприличествуют, и проповедники таковыя иные померли, а иные стали быть в дальности мест, почему мне таких сыскать стало невозможно, и за синодальными делами неприлично, и кошту такового на зыскание откуда взять не положено, також и на исправление такового дела надобны искусные в орфографии писцы и для писания собственно им покой, бумага, свечи и сим подобная, а откуда оное взять, в указе не определено». Получалось, что вместо того, чтобы ревностно исполнить указ Петра, Гавриил Бужинский спустя более чем полтора года после него только задался вопросом об условиях исполнения указа. Синод отдал соответствующие распоряжения и о служителях, и о материальных средствах, а также освободил самого Гавриила Бужинского от посещения части синодальных заседаний. В итоге же такая книга не была составлена, и к 1727 г. работа над ней заглохла³³. Приме-

³⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 671. Оп. 444. Д. 22.

³¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 68.

³² РГИА. Ф. 796. Оп. 444. Д. 22. Л. 4 об.-5, 9 об.; Полное собрание постановлений 1876: 68.

³³ РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 1253.

чательно, что о таких проблемах знали и в Кабинете, в связи с чем были вынуждены прибегать к напоминаниям. Так, 2 октября 1724 г. в Синоде было получено письмо от кабинет-секретаря А.В. Макарова, где сообщалось, что Петр «указал внести в историю (которая сочиняется о прошедшей шведской войне) все поздравления и приветствия, которые чинены были во время триумфальных входов его величества в Москву от преосвященного резанского митрополита Стефана, також от учителей латинской и греческой школ, о чем в 722^м году говорено» Гавриилу Бужинскому, «чтоб приискав прислал в Кабинет, но и поныне оных не прислано»³⁴. Однако такие напоминания не возымели должного результата. Итак, исполнение как распоряжений Синода, так и самого монарха могло затягиваться на месяцы и даже годы. Более того, в некоторых случаях даже нельзя было сказать, велась ли работа по таким распоряжениям. Петровский денщик А.Д. Тапищев 2 декабря 1723 г. передал вице-президенту Синода Феодосию Яновскому «две книги, латинскую да галанскую, именуемые Иулия Кесаря дел описание», которые следовало «перевести на славенской диалект *в самой скорости* (выделено нами. – М.К.)». Синод 3 декабря распорядился отдать эти книги для перевода чудскому архимандриту Феофилу Кролику, а 28 января 1724 г. предписал ему «о немедленном того переводу синодскими переводчиками, кем надлежит, исправлении чинить по своему рассмотрению». И на этом история перевода в синодальных документах закончилась³⁵.

Таким образом, существование требований самого Петра сделать что-то по книжной части «немедленно» или «в самой скорости» отнюдь не означало, что это было сделано «немедленно» и «в самой скорости». Приведенные примеры как раз за 1722–1724 гг. показывают, что такого рода работы могли вестись крайне медленно и далеко не всегда доводиться до конца. Неудивительно, что и изготовление с отправкой копии перевода Пуфендорфа в Кабинет могли затянуться.

Конечно, в записке от 11 сентября 1724 г. Петр выразил желание, чтобы перевод был сделан качественно, что можно рассмотреть, как косвенное свидетельство, что монарх ознакомился с переводом И.М. Кречетовского, и тот показался ему неудобопонятным. Однако это могло быть и просто дополнительным напоминанием, что следует контролировать качество перевода, дабы затем его не переделывать. Здесь можно вспомнить судьбу попытки Петра напечатать перевод римского историка Тита Ливия, когда Синод *всепокорно* 23 августа 1722 г. сообщил монарху в ответ на его указ «книги Тита Ливия ... выправив, напечатать», что эти книги «явились к печатанью весьма неудобны, понеже перевод из зело неисправен и требует ко исправлению и труда многого и времени довольнаго»³⁶. Как результат, перевод так и не был опубликован.

³⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 444. Д. 21. Л. 175.

³⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 586.

³⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 1390. Л. 4.

Следует также обратить внимание, что Петр в распоряжении от 11 сентября 1724 г. не указал *исправить*, т. е. отредактировать некий перевод. Вместо этого он указал именно *перевести*. И, что немаловажно, он дополнительно отметил, какой именно из двух посылаемых в Синод трактатов Пуфендорфа надо перевести. Если бы речь шла уже о состоявшемся переводе конкретного трактата, такое уточнение было бы не нужно. Таким образом, с учетом как петровских формулировок, так и делопроизводственных документов Синода и Кабинета, следует признать наиболее вероятным то, что Петр не был знаком с переводом И.М. Кречетовского. Почему же тогда Петр второй раз отдал распоряжение о переводе? Ответ лежит на поверхности: с учетом занятости он мог банально забыть о своем первом распоряжении.

В то же время первое распоряжение Петра было зафиксировано в делопроизводстве Синода и даже выполнено в части перевода, что нельзя было проигнорировать. Другое дело, что об этом можно было затем умолчать, дабы избежать неудобных вопросов: почему в Синоде, получив еще в январе 1724 г. перевод, его не отправили в Кабинет к сентябрю 1724 г.? И если этот перевод был действительно так «всесовершенно неисправлен», то почему в том же январе 1724 г. не было принято решения о его исправлении? Соответственно, обходя молчанием эти вопросы, Гавриил Бужинский в предисловии 1726 г. фактически фальсифицировал часть истории перевода, заявив, что когда Петр «возжелал оную на Российском диалекте видети», то он эту книгу «Синоду при собственноручном писании вручил, да бы со всевозможною скоростию сия книга Российски переведена была»³⁷. И так, был опущен и эпизод с отправкой книги при устном указе в 1721 г., и эпизод с поручением этой работы в 1722 г. И.М. Кречетовскому, а отправной точкой перевода стала передача Синоду книги 11 сентября 1724 г. «при собственноручном писании».

Как отмечает С.В. Польской, обратившийся к рукописи перевода И.М. Кречетовского, которую стал редактировать Гавриил Бужинский³⁸, последний «сначала попытался править перевод Кречетовского прямо в его рукописи, но чем дальше он продвигался, тем больше приходилось исправлять, поэтому он стал зачеркивать текст Кречетовского и испещрять все свободное пространство свободным текстом. ...Когда Бужинский заканчивал правку книги I “De officio”, он полностью отказался от текста Кречетовского даже как от основы... и заново перевел всю вторую половину трактата Пуфендорфа»³⁹.

Согласно предисловию Гавриила Бужинского, «егда же начася перевод, не терпя премудрейший Император долгаго времени не видети ю, неколико времени прешедшу, спросил совершена ли книга она? Ответ

³⁷ Гавриил Бужинский. 1726: 8.

³⁸ Рукопись хранилась в архиве Московской конторы Синода и в 1894 г. была передана в т.н. патриаршую библиотеку, сейчас она находится в Синодальном собрании рукописей Государственного исторического музея. См.: Попов 1909: 2.

³⁹ Польской 2022: 268–269.

же услышав, яко в толь кратком времени тое исполнити есть не возможно: тогда хотя некия части желаше видети: и вручено Его Императорскому Величеству, десять глав книги первыя, которыя прочет тако возлюбил, яко во многих местах собственноручно исправи, и абие в Типографию своею Императорскою Персоною прибыв, повелел оную тиснению предати». Правда, монарху было заявлено, что с печатью до завершения работ над переводом «обождать надлежит». После этого Петр «всегда о переводе, и как скоро окончится вопрошаше. При собраниях же Сенаторов, и в Царских своих палатах, и на ассамблеях в домех Сенаторских, онья первыя десять глав прочтенныя похвалял, и всегда Автора ея Пуфендорфа мудрым именовал Юрисперитом (законодательем)»⁴⁰.

В протоколе Синода в 1724 г. было зафиксировано, что Петр «сего декабря 15 дня, будучи в Санкт-Петербургской под синодским ведомством типографии, указал... переведенную с латинского на славенский диалект книгу Самуила Пуфендорфа О должности человека и гражданина на славенском диалекте в Санкт-Петербургской типографии напечатать»⁴¹. Кроме того, С.В. Польской обратил внимание, что рукопись перевода глав с четвертой по восьмую первой книги (трактат С. Пуфендорфа делился на две части, называвшимися «книгами») содержит правки, произведенные рукою Петра⁴². Итак, источники подтверждают как правку Петром, самое меньшее, пяти глав перевода, так и посещение типографии. В связи с этим можно говорить о достоверности утверждений, что Петр хвалил С. Пуфендорфа как правоведа, а также известную ему часть перевода. Однако это произошло не ранее 11 сентября 1724 г.

Синод в связи с указом Петра 16 декабря 1724 г. распорядился напечатать перевод в количестве 600 экз.⁴³ Правда, скончавшийся 28 января 1725 г. Петр так и не увидел полного перевода: Гавриил Бужинский завершил его, судя по помете на рукописи, не ранее августа 1725 г.⁴⁴, а набело переписанная рукопись была представлена им только 8 ноября 1725 г., о чем Синод постановил доложить Екатерине I. Гавриил Бужинский в связи с этим 13 ноября 1725 г., «будучи в Летнем ея величества доме», вручил ей перевод, а она отдала его секретарю Кабинета И.А. Черкасову, «а ему, советнику, сказала, что по прочтении оной книги о печатании ея в... Синод указ впредь будет прислан». Указ был прислан 28 февраля 1726 г.⁴⁵, и в ноябре 1726 г. книга была издана.

Таким образом, Петр I мог прочитать в переводе только первые 10 глав из 17 первой книги и ни с одной из 18 глав второй книги, т.е. примерно с 44 % перевода (если считать по печатному изданию – с 237 страницами из 537). При этом без каких-либо сомнений и оговорок мож-

⁴⁰ Гавриил Бужинский. 1726: 9–10.

⁴¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 671. Л. 7.

⁴² Польской 2022: 270.

⁴³ РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 671. Л. 7 об.

⁴⁴ Попов 1909: 2.

⁴⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 671. Л. 10, 11.

но утверждать, что Петр читал только главы с четвертую по восьмую. Приведем названия первых десяти глав первой книги, которые он мог прочитать: гл. 1 «О действии человеческом», гл. 2 «О правиле действий человеческих или о законе общем и о правде», гл. 3 «О законе естественном», гл. 4 «О должности человека к Богу: или о Богопочтении естественном», гл. 5 «О должности человека к себе самому», гл. 6 «О должности всякого ко всем, и перее еже не обидети других», гл. 7 «О должности всякого ко всем. И второе о познании естественного равенства между человеки», гл. 8 «О должностях всякого ко всем. И третье, о творении взаимных человекоприятных должностей», гл. 9 «О должностях договаривающихся, то есть согласующих между собою, на собственных неких положенных правах, или договорах (пактах)», гл. 10 «О должности разглагольствующих, то есть речь между собою имущих»⁴⁶. Получается, что Петр мог познакомиться с общими морально-этическими рассуждениями Пуфендорфа касательно *должностей* человека, которые при этом были хорошо приправлены богословскими рассуждениями, включая тезис, что «Богопознание ко спасению души приводит, и от собственного Божия откровения происходит»⁴⁷. Что же до рассуждений о том, что такое естественное состояние и что такое состояние гражданское, каково устройство государства, какие есть обязанности у граждан и правителей, включая заботу об общем благе, то они содержались в так и не прочитанных Петром главах второй книги.

Кроме того, мало понимать, что именно прочитал Петр. Необходимо также попытаться понять, как именно Петр прочитал доступные ему главы трактата и что именно ему могло в них понравиться. Здесь помощь могут дать петровские пометы.

Прежде всего, Петр прочитал перевод как редактор, в связи с чем на полях черным карандашом зафиксировал следующий принцип, которому надлежало следовать при переводе: «Писат те слова, котория уже обькли». Далее некоторые слова и выражения Петр исправил своей рукой, используя черные чернила. Так, вместо слова «всеконечнее» он написал фразу «всеконец имущее», слово «впоследствовали» исправил на «оному последствовали», слово «дорогшей» исправил на «дражайшее». В двух местах Петр поместил разъяснения: рядом со словом «магистрата» он написал «то есть началства» (гл. 5, § 14), а над словом «винна» он надписал «погрешение» (гл. 6 § 9)⁴⁸.

В ряде случаев Петр черными же чернилами отмечал проблемные с его точки зрения фрагменты крестом на полях, а также подчеркиванием пунктиром. В этих случаях правку вносил своей рукой Гавриил Бужинский. Несколько таких правок касались отдельных слов и выражений: фраза «без раскаяния» была исправлена на «упорством своим», «когда бы на» на «ежели бы на» (гл. 5 § 13), «такового бедствия не бе-

⁴⁶ Пуфендорф 1726: 1–237.

⁴⁷ Пуфендорф 1726: 73.

⁴⁸ ОР ГИМ. Син. 1013. Л. 167, 169, 180, 189.

гал» на «от таковых бедствий не бегал» (гл. 5 § 9)⁴⁹. В некоторых случаях переписывался перевод отдельных предложений. Петра не устроил такой перевод части § 9 четвертой главы, который был в итоге зачеркнут: «Егда бо в гражданстве токмо суд произносится по делам и по доказательству, в безбожии отворится дверь ко всем беззакониям и безчинствам, из которых мнит кто себе пользу получить, токмо бы тайно и без свидетелей, по хитрости ума и сил своих, оное что ему угодное сотворити возмогл». Вместо этого Гавриилом Бужинским на отдельной бумажке был написан новый вариант, напечатанный в 1726 г.: «Егда бо в гражданском суде определение бывает по делам и доказательствам, то в Атеистстве всякия беззакония и безчинства, из которых аще бы кто токмо чаял пользу себе получить, ежели бы оныя тайно и без свидетелей содеял, в похвалу и остроумие себе по своему благоизволению могл бы приписать»⁵⁰. С одной стороны, в новом переводе более понятно была передана фраза «*in foro civili pronuncietur*», дословно «на форуме гражданском объявлено», когда вместо громоздкого и не совсем ясного «в гражданстве токмо суд произносится» появилось выражение «в гражданском суде определение бывает». С другой стороны, нельзя сказать, что выражение «то в Атеистстве всякия беззакония и безчинства», где пропало сказуемое, более удачно, чем выражение «в безбожии отворится дверь ко всем беззакониям и безчинствам». Как бы то ни было, с помощью таких правок Петр старался сделать перевод более понятным. Однако в такого рода правках не видны значимые терминологические предпочтения самого Петра, и если по ним можно судить о переводческих приемах монарха, то едва ли получится понять, что же его привлекло в концептуальном плане.

В рукописи перевода есть только одна помета, которую можно истолковать в том смысле, что Петр заинтересовался идейным содержанием фрагмента. Петр написал знак NB рядом со словами о тех, кто «согрешают» против *должности* «ДА БЫ ВСЯК О ДРУГАГО ПОЛЬЗЕ И ЕЯ УМНОЖЕНИИ ЕЛИКО МОЖЕТ ИМЕЛ ПОПЕЧЕНИЕ». С одной стороны, Пуфендорф написал о тех, которые «о пользе других той промышляет, кто душу и тело свое добре обучает, да бы полезнейшыя действия для других мог делати, или аще чрез остроту разума, таковыя изобретает, от чего бы житие человеческое могло быть больше искусное». С другой стороны, есть те, которые как раз и заинтересовали Петра. Они, «которые никоему честному художеству нехотят обучатися, и житие в тишине препровождают, душу токмо вместо соли имеющие, да бы не согнили, для числа и порченья хлеба рожденные. И иже богатством от родителей оставшимся доволни, и для того во всяком невежестве живут свободно, имуще чуждыми трудами приобретенное препитание, а сами о примножении оных ниже малое имеют попечение. И которые аки свинии токмо по смерти своей других увеселяют: (есть по-

⁴⁹ ОР ГИМ. Син. 1013. Л. 180, 178.

⁵⁰ ОР ГИМ. Син. 1013. Л. 172; Пуфендорф 1726: 94–95.

словица, лакомый человек и свинья по смерти вкусни:) и другии сим подобнии, токмо тщетная земли тяжесть»⁵¹.

Такая критика живущих праздно за счет наследства и не желающих обучаться чему-либо полезному была более чем созвучна рассуждениям Петра I в указе о единонаследии от 23 марта 1714 г. В нем монарх указывал на опасность «непотребности», т. е. выбора бесполезной жизни, когда получивший наследство и «имея свои даровой хлеб, хотя и малой, ни в какую пользу государства без принуждения служить и простирацца не будет, но ищет всякой уклоняцца и жить в праздности, которая (по святому писанию) материю есть всех злых дел». В связи с этим «по примеру Англии и Франции», как это было написано в черновом варианте указа, Петр вводил ограничения на передачу по наследству недвижимости, рассчитывая, что оставшиеся без наследства «не будут праздны, ибо принуждены будут хлеба своего искать службою, учением, торгами и прочим. И то все, что оныя сделают вновь для своего пропитания, государственная польза есть». При этом Петр предписывал, что «когда кто из кадетов дворянских фамилий захотят итить в чин купеческой, или какое знатное художество, также... и в духовныя, то есть в белыя священники, то тем, которыя в сие вышеписанное вступят, не ставить ни в какое безчестье им и их фамилиям ни словесно, ни письменно»⁵².

Напиши Петр рассуждения такого рода после знакомства с трактатом Пуфендорфа «О должности человека и гражданина...», ничто бы не помешало заявлять в соответствии с принципом «после – значит вследствие», что они созданы под влиянием пуфендорфовских идей о *должности* «да бы всяк о другаго пользе и ея умножении елико может имел попечение». Однако к 1714 г. Петр не читал этого трактата. Он порицал *праздность* ссылаясь на христианскую традицию, меняя при этом нормы наследственного права с опорой на западноевропейский опыт с целью достижения *государственной пользы*. И это не было чем-то уникальным – в своей государственной деятельности Петр, с одной стороны, регулярно апеллировал к Священному писанию, а с другой стороны, активно интересовался европейским законодательством⁵³.

С учетом изложенного следует рассматривать отношение Петра I к трактату Пуфендорфа «О должности человека и гражданина по закону естественному» (возможно, не только к нему) не в категориях «влияния» и «заимствования», а в категориях созвучия / совпадения идей. К 1724 г. Петр был зрелым государственным деятелем, так что он в прочитанной части пуфендорфовского трактата мог обращать внимание, прежде всего, на те идеи, которые совпадали с его уже сформировавшимися взглядами. Отсюда могла происходить и похвала Пуфендорфу, так как Петр видел в его идеях подтверждение своим решениям как государственного деятеля. Обоснования же этим решениям, связанным с понятием общего

⁵¹ ОР ГИМ. Син. 1013. Л. 193 об.; Пуфендорф 1726: 175–176.

⁵² Законодательные акты Петра I 2020: 11–15.

⁵³ Бутров, Киселев 2016: 89–91, 97–103, 109–112.

блага / общей пользы, Петр искал, скорее, в религиозной и морально-политической литературе, подкрепляемой историческими сочинениями, нежели в правовых трактатах. Как отмечал лично знавший Петра Ф.И. Соймонов, хотя монарх «имел весьма худое воспитание, но натуральная к добру склонность, великое остроумие, крайнее рассуждение и высокие намерения, но и вяще дополнили недостаток его воспитания так, что чрез единое током с учеными людьми обращение стал он быть премудрейшим государем, и мог почитан быть за **доброго философа, за достойного богослова** (выделено нами. —М.К.), за глубоко разсудительно-го в натуральных делах, за острейшаго в математике и безмерно искусного в механике, знал довольно древнюю римскую и греческую историю»⁵⁴. Конкретные же рецепты для государственных решений Петр мог искать посредством обращения к западноевропейским практикам. В соответствии с этой логикой начало работы над переводом «De officio...» оказалось связано не с какими-то особыми симпатиями Петра к пуфендорфовским правовым идеям, а было обусловлено тем, что в процессе государственного реформирования Петр задался целью получить на русском языке учебник по юриспруденции для чиновников, которые должны были служить в новых учреждениях, создаваемых по западным образцам.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Т. I. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1945 [Voskresenskij N.A. Zakonodatel'nye акты Petra I. Т. I. М.—Л.: Izd-vo AN SSSR, 1945].
- Гавриил Бужинский. Предисловие // Пуфендорф С. Введение, в историю Европейскую. СПб.: б.и., 1718. С. 1–9. [Gavriil Buzhinskij. Predislovie // Pufendorf S. Vvedenie, v istoriju Evropejskuyu. SPb.: b.i., 1718. S. 1–9].
- Гавриил Бужинский. [Приношение Екатерине I] // Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб.: Санктпетербургская тип., 1726. С. 1–12. [Gavriil Buzhinskij. [Prinoshenie Ekaterine I] // Pufendorf S. O dolzhnosti cheloveka i grazhdanina po zakonu estestvennomu. SPb.: Sanktpeterburgskaya tip., 1726. S. 1–12].
- Законодательные акты Петра I. Т. II–III. М.: Древлехранилище, 2020 [Zakonodatel'nye акты Petra I. Т. II–III. М.: Drevlekhranilishche, 2020].
- Отдел рукописей Государственного исторического музея (ОР ГИМ). Син. 1013. [Otdel rukopisej Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (OR GIM). Sin. 1013].
- Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. IV. СПб.: Синод. тип., 1876 [Polnoe sobranie postanovlenij i rasporyazhenij po vedomstvu pravoslavnago ispovedaniya Rossijskoj imperii. T. IV. SPb.: Sinod. tip., 1876].
- Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб.: Санктпетербургская тип., 1726 [Pufendorf S. O dolzhnosti cheloveka i grazhdanina po zakonu estestvennomu. SPb.: Sanktpeterburgskaya tip., 1726].
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. I. Д. 53. [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA). F. 9. Otd. I. D. 53].
- РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 68. [RGADA. F. 9. Otd. II. D. 68].
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 1. Д. 671. [Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). F. 796. Op. 1. D. 671].
- РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 1253. [RGIA. F. 796. Op. 3. D. 1253].
- РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 1390. [RGIA. F. 796. Op. 3. D. 1390].
- РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 586. [RGIA. F. 796. Op. 4. D. 586].
- РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 7. [RGIA. F. 796. Op. 209. D. 7].
- РГИА. Ф. 796. Оп. 444. Д. 21. [RGIA. F. 796. Op. 444. D. 21].

⁵⁴ Соймонов 2014: 427–428.

РГИА. Ф. 796. Оп. 444. Д. 22. [RGIA. F. 796. Op. 444. D. 22].

Соймонов Ф.И. Рукописное наследие. М.: ГИМ, 2014 [Sojmonov F.I. Rukopisnoe nasledie. M.: GIM, 2014].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Баггер Х. Реформы Петра Великого в России // Царь Петр и король Карл: два правителя и их народы. М.: Текст, 1999. С. 121–155. [Bagger H. Reformy Petra Velikogo v Rossii // Tsar' Petr i korol' Karl: dva pravatelya i ih narody. M.: Tekst, 1999. S. 121–155].
- Багдасарян В.Э., Иерусалимский Ю.Ю., Сильвестр (Лукашенко), Реснянский С.И. Идеология Петра I: историческая развилка и выбор модели развития государства. Ярославль: [б.и.], 2022 [Bagdasaryan V.E., Ierusalimskij YU.YU., Sil'vestr (Lukashenko), Resnyanskij S.I. Ideologiya Petra I: istoricheskaya razvilka i vybor modeli razvitiya gosudarstva. Yaroslavl': [b.i.], 2022].
- Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. [Bugrov K.D., Kiselev M.A. Estestvennoe pravo i dobrodetel': Integraciya evropejskogo vliyaniya v rossijskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII veka. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2016].
- Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996 [Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoj k sovetskoj Rossii. SPb.: Dmitrij Bulanin, 1996].
- Гордин Я.А. Миф о «непотребном сыне» и реальная жизнь царевича Алексея Петровича // Звезда. 2022. № 6. С. 15–87. [Gordin Ya.A. Mif o «nepotrebnom syne» i real'naya zhizn' carevicha Alekseja Petrovicha // Zvezda. 2022. № 6. S. 15–87].
- Мальшева Н.И. Судьба книги Самуила Пуфендорфа «О должности человека и гражданина» в России // Немцы в России: российско-немецкий диалог. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 187–197. [Malysheva N.I. Sud'ba knigi Samuila Pufendorfa «O dolzhnosti cheloveka i grazhdanina» v Rossii // Nemtsy v Rossii: rossijsko-nemeckij dialog. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2001. S. 187–197].
- Марченко М. К. Как и чему учились царевич Алексей Петрович // Русская старина. 1901. № 3. С. 517–520. [Marchenko M. K. Kak i chemu uchilsya tsarevich Aleksej Petrovich // Russkaya starina. 1901. № 3. S. 517–520].
- Мыльников А.С. Русские переводчики в Праге. 1716–1721 гг. // XVIII век. Вып. 9. Л.: Наука, 1974. С. 279–288. [Myln'nikov A.S. Russkie perevodchiki v Prage. 1716–1721 gg. // XVIII vek. Вып. 9. Л.: Nauka, 1974. S. 279–288].
- Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб.: Общественная польза, 1862 [Pekarskij P.P. Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom. T. I. SPb.: Obshchestvennaya pol'za, 1862].
- Польской С.В. Рукописный перевод и формирование светского политического языка в России (1700–1760-е) // Лаборатория понятий: перевод и языка политики в России XVIII века. М.: НЛО, 2022. С. 236–314. [Pol'skoj S.V. Rukopisnyj perevod i formirovanie svetskogo politicheskogo yazyka v Rossii (1700–1760-e) // Laboratoriya ponyatij: perevod i yazyki politiki v Rossii XVIII veka. M.: NLO, 2022. S. 236–314].
- Попов Н.П. Недавняя поступления рукописей в Патриаршую библиотеку в Москве // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. № 9. Отд. 4. С. 1–8. [Popov N.P. Nedavniya postupleniya rukopisej v Patriarshuyu biblioteku v Moskve // Zhurnal Ministerstva narodnogo proshvshcheniya. 1909. № 9. Otd. 4. S. 1–8].
- Страхова О.Б. Внутриведомственный конфликт на Московском Печатном Дворе // Palaeoslavica. 2005. Vol. 13. № 2. P. 117–135. [Strahova O. B. Vnutrivedomstvennyj konflikt na Moskovskom Pechatnom Dvore // Palaeoslavica. 2005. Vol. 13. № 2. P. 117–135].
- Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. VI. СПб.: II отд. СЕИВ Канцелярии, 1859 [Ustryalov N.G. Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikago. T. VI. SPb.: II otd. SEIV Kantselyarii, 1859].
- Флоровский А.В. Царевич Алексей Петрович в 1710 году: записка гр. Г.В. Велчека // To honor Roman Jakobson: Essays on the occasion of his 70th birthday, 11 Oct. 1966. Vol. 1. Paris; The Haug: Mouton, 1967. P. 672–677. [Florovskij A. V. Tsarevich Aleksej Petrovich v 1710 godu: zapiska gr. G.V. Velcheka // To honor Roman Jakobson: Essays on the occasion of his 70th birthday, 11 Oct. 1966. Vol. 1. Paris; The Haug: Mouton, 1967. P. 672–677].

Киселев Михаил Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета; mihail.a.kiselev@gmail.com

Peter the Great and Iurisperitus Pufendorf

The article is devoted to the history of the creation and publication in 1726 of the Russian translation of S. Pufendorf's book «De officio hominis et civis iuxta legem naturalem» in its relationship with the ideological preferences of Peter I. Traditionally this translation considers as a sign of the tsar's interest in treatises on natural law. Moreover, it is believed that such treatises influenced Peter to use the concept of the «common good» in justifying his activities. It is shown that the appearance of this translation related to Peter's desire to receive a textbook on jurisprudence in Russian, and not with any of his special sympathies for Pufendorf's legal ideas. Accordingly, it is necessary to analyse Peter's interest in religious and moral-political literature and historical writings for searching ideological sources from which Peter drew inspiration related to the concept of the common good / common benefit.

Keywords: *Peter I, Pufendorf, common good, Russian history, history of translations.*

Kiselev Mikhail Alexandrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ural Federal University (Ekaterinburg); mihail.a.kiselev@gmail.com

ОБ АРТИКУЛЯЦИИ ПОНЯТИЯ «ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД»
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
БРИТАНИИ И РОССИИ В XVII–XVIII ВВ.

В статье представлен анализ интеллектуального наследия английских и российских просветителей, общественных и государственных деятелей, а также обзор нормативных документов середины XVII – середины XVIII века на предмет появления предложений использования принудительного труда в качестве уголовного наказания. В британском варианте концепт «принудительный труд» проявился изначально в либеральном дискурсе, и только спустя столетие прошел нормативное оформление. В концептосфере российского политического дискурса институт принудительных работ возникает как законоустановление.

Ключевые слова: Великобритания, Россия, эпоха Просвещения, смертная казнь, принудительный труд, каторга и ссылка.

В 1516 г. Томас Мор вложил в уста путешественника Рафаила Гитлодея, одного из персонажей своей знаменитой «Утопии», интересное суждение о нецелесообразности «рубить голову» тем, у кого «нет никакого другого способа снискавать пропитание», т.е. о недопустимости высшей меры наказания в отношении имущественных преступлений. В таких случаях, в качестве альтернативы применения смертной казни, автор предложил использовать общественные работы, когда «люди остаются в целостности и встречают такое обхождение, что им необходимо стать хорошими, и в остальную часть жизни искупить все то количество вреда, которое они причинили ранее»¹. В качестве аргумента приводится опыт полилеритов – выдуманного «не маленького и вполне разумно организованного» народа, власти которого якобы уже практикуют *общественные работы* [здесь и далее курсив мой. – С.В.] за преступления против собственности, проще говоря, воровство. Таким образом, осужденные не только отработывают совершенную кражу, свое содержание во время исполнения наказания, но и вносят часть заработка в государственную казну. Содержатся эти работники за счет государства – на доход от общественных работ и за счет введенного поголовного налога. В тех местах, где организация общественных работ представляется затруднительной, но, к примеру, «каждое частное лицо нуждается в наемных рабочих, оно нанимает на рынке любого из них за определенную плату, несколько дешевле по сравнению со свободным человеком»².

Подводя итог описанию обычаев выдуманного народа, Рафаил оценил такие порядки как «человечные и удобные», и прибавил, что не видит основания в том, «почему бы этот образ действия не мог принести и в Англии гораздо большие плоды». Но, возможно, осознав несвоевременность подобных мыслей в начале XVI в., Томас Мор ввел

¹ Мор 2017: 35.

² Там же: 33–34.

в диалог англичанина, который на прозвучавшее предложение «скривил презрительно губы» и заявил: «Никогда ничего подобного нельзя установить в Англии, не подвергая государство величайшей опасности», и все присутствующие охотно согласились с его словами³.

В 1706 г. в Англии вышел закон, с полным названием «Закон о поимке, преследовании и наказании преступников, совершивших кражи со взломом в частных владениях: домах, магазинах, складских помещениях, а также конокрадов»⁴, который разрешил судьям на свое усмотрение *приговаривать к принудительным работам* в исправительных домах за преступления, по которым по существующим прецедентам полагалась смертная казнь. Современники кратко называли статут «Закон о тяжелом труде»⁵, фактически выделяя его сущность – принудительные работы в качестве уголовной репрессии.

Таким образом, за два столетия искомая идея прошла путь от утопичного и опасного предложения до законодательной нормы, закрепившей уже устоявшуюся к началу XVII в. практику уголовных наказаний. Этот период не случайно совпадает с началом модернизационных процессов в европейских странах, которые впоследствии сложились в «великий проект» эпохи Просвещения как идеи прогрессивного развития человечества. С опорой на новые рационалистические основания (идея бюрократического государства, экономическая модернизация и материальный прогресс, формирование нового человека) Британия уверенно обретала новый статус – статус «великой державы»⁶.

Историческая уникальность переходной эпохи для Великобритании определялась как происходившими бурными преобразованиями в экономике и стремительным формированием капиталистических отношений, так и противоречивой политической и религиозной обстановкой, что, в свою очередь, вело к изменениям в духовно-мировоззренческой сфере. Анализ дискурсивных практик, запечатленных в многочисленных сочинениях британских интеллектуалов, показал, что, прежде чем воплотиться в норму права на страницах официального документа, исходящего от государства и обеспеченного его силой, любая инициатива проходила настоящее испытание «войной перьев» – напряженным интеллектуальным поиском оснований и ориентиров, сфокусированном на идее «общего блага».

Обращение мыслителей к проблеме использования принудительного труда в качестве уголовного наказания первоначально было частью более широкого контекста – открытой общественной полемики по вопросу отмены смертной казни. Апеллируя к авторитету Писания, аболиционисты высшей меры обращали внимание на то, что даже суровая

³ Там же: 36–37.

⁴ An Act for the better apprehending, prosecuting, and punishing Felons that commit Burglaries, House-breaking, or Robberies in Shops, Warehouses, Coach houses, or Stables, or that steal Horses. 1706. 5 Anne, c. 6.

⁵ Англ. Hard Labour Act.

⁶ См. подробнее: <https://www.rscf.ru/project/22-18-00488/>

вера Моисея обязывала сохранить преступнику жизнь, для того чтобы он мог исправить причиненный им вред⁷; Новый Завет и вовсе не допускает повешения, ведь в Писании сказано: «Кто крал, впредь не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся»⁸. Подобные аргументы звучат уже в «Утопии»: «...закон Моисеев, несмотря на все его немилосердие и суровость, все же карал за кражу денежным штрафом, а не смертью»⁹, а в беспокойный XVII век встречаются в декларациях представителей различных, иногда противоборствующих друг другу, общественных и религиозных течений. Духовный лидер «Религиозного общества друзей» Джордж Фокс в категоричной форме заявлял Парламенту: «Ни один человек не должен предаваться смерти за покушение на движимое имущество, деньги или любую форму собственности»¹⁰. Сохраняя преступнику, осужденному за воровство, жизнь, – проповедовал квакер, – правосудию долженствует предоставить ему и *возможность искупить причиненный ущерб*, а как еще это можно сделать, если не трудом в пользу того, кому нанесена обида, или в пользу государства, которое вершит правосудие¹¹.

Кроме Дж. Фокса, библейское правосудие в отношении преступлений против собственности предлагали и другие религиозные и политические лидеры Английской революции. Один из вождей «Людей Пятой монархии» Томас Веннер, выступая против смертной казни, утверждал, что воров следует не казнить, а *заставлять работать до тех пор, пока они не компенсируют ущерб* своим жертвам¹². В петиции лидера левеллеров Самюэля Чидли «Протест против вопиющего греха» подробно разобрана заповедь о воровстве, которая предписывает отработать свой долг. Чидли критикует смертную казнь (вопиющий грех – *С.В.*) как недопустимую меру с точки зрения религии и невыгодный для государства механизм наказания: «Люди могут быть полезны, пока живы, но когда они мертвы, они бесполезны: живая собака лучше мертвого льва. Мы же готовы скорее похоронить, чем нанять на работу, хотя так несправедливо предавать их смерти, когда Апостол говорит: пусть трудится, но нет, говорит судья, он должен быть повешен...»¹³.

В рассмотренном дискуссионном поле основной акцент, безусловно, делается на положении о неприкосновенности человеческой жизни, потому что она «дар Божий», на призыве интеллектуалов пересмотреть основы системы правосудия в свете Христовых истин. Соответственно концепт «принудительный труд», компенсирующий нанесенный имущественным преступлением вред, подкрепленный библейскими аллю-

⁷ Исх. 22:1. Если кто украдет вола или овцу и заколет или продаст, то пять волов заплатит за вола и четыре овцы за овцу.

⁸ Еф. 4:28.

⁹ Мор 2017: 31–32.

¹⁰ Fox 1659.

¹¹ Gospel truth ... 1831: 264.

¹² Хилл 1998: 13.

¹³ Chidley 1810: 282.

зиями, выступает здесь в качестве возможной альтернативы смертной казни. Однако, курсивом мы выделили маркеры параллельного контекста, который также является частью не менее масштабной дискуссии по вопросам совершенствования государственного управления и поиску средств обогащения, из которой сложатся первые экономические доктрины раннего меркантилизма. Внимания меркантилистов было сосредоточено на проблеме поиска средств обогащения страны, в свою очередь богатство нации напрямую связывали с количеством трудящегося населения и колониальной экспансией. Известный экономист и реформатор Джон Беллерс был убежден: «общество несет экономические убытки, убивая преступников, вместо использования их труда». Между тем, завершает мысль автор, «заклочение с *подходящим трудоустройством*, возможность [для преступника, которому сохранили жизнь. – С.В.] создать семью или же препровождение в колонии способствовали бы переходу от порока к добродетели, что спасло бы не только их тела и души от вечной гибели, но и *сохранило их потомков для процветания государства*»¹⁴. С. Чидли также предлагал сохранять жизнь вора и мошенникам, чтобы тех можно было отдать в наем той стороне, которая понесла ущерб, пока не отработает украденное в двойном размере. А если никто не пожелает его нанять, *государство должно использовать его труд*: на земле, на воде, в угольных шахтах, на галерах, в рабочих домах. Убегут от назначенной работы – сумма долга, которую надлежит отработать, удваивается, выразят отказ трудиться – не получают пищи¹⁵.

Дискутируя о потенциальных ресурсах принудительного труда, британские интеллектуалы находили диаметрально противоположные доводы в пользу карательных, назидательных и исправительных возможностей данного способа уголовных наказаний. В анонимной публикации 1695 г. под авторством «искреннего патриота» «Солон Секундус, или Некоторые недостатки английского права с надлежащими советами правовых преобразований» отмечалось: «...английский человек так любит свободу, что это [лишение свободы] для него ужаснее, чем бесславная смерть, которая просто неприятна»¹⁶. Даже в сравнении с телесными наказаниями лишение свободы, по мнению автора, воспринимается значительно тяжелее, если же «в довесок» к лишению свободы присовокупить каторжный труд – результат превзойдет ожидания, а поучительный пример для окружающих будет иметь долгосрочный эффект: «...если бы эти негодяи, после справедливого и законного осуждения, были обречены на двадцать один год заключения и каторжных работ, один пример такого рода ужасает больше, чем одновременная казнь ста человек, о которой забывают, как только рассказ окончен»¹⁷. Назидательный эффект от длительного подневольного труда, соразмерного бесконечным

¹⁴ Bellers 1699: 19.

¹⁵ Chidley 1810: 283.

¹⁶ Solon Secundus...1695: 14.

¹⁷ Ibid: 22–23.

адским мучениям, отмечали архиепископ Йоркский Уильям Доуз¹⁸ и епископ Клойнский Джордж Беркли: «Не станет ли подневольное состояние, цепи и многолетний тяжелый труд более серьезным, а также более адекватным наказанием для преступников, чем даже сама смерть?»; «Разве взгляд на преступников, скованных парами и удерживаемых на каторжных работах, не будет назидательным для толпы? Неужели в Англии, где грабители так ожесточены, что не боятся страха смерти, где неуклонно растет число грабежей и взломов, не ощущается ежедневная необходимость в организации такой системы?»¹⁹.

В то же время, начиная с «Утопии» Мора, презентация воспитательного потенциала принудительного труда, когда у наказуемого возникает потребность «стать хорошим» и «искупить все то количество вреда, которое они причинили ранее»²⁰, встречается у многих государственных и общественных деятелей. Подобные мысли высказывал современник Т. Мора политический деятель и гуманист, королевский капеллан Генриха VIII Томас Старки. В своем главном произведении «Диалог Томаса Лапсета и Реджинальда Пола» Старки рассматривает социальные и экономические «недостатки» в жизни общества (нищету и бродяжничество, преступность и проституцию) и советует противостоять им исключительно строгой системой воспитания и «очищения нравов», перевоспитанием мошенников и воров посредством принудительного труда, в организации которого Старки видел несколько ключевых преимуществ: во-первых, *возможность возмещения ущерба*, нанесенного обществу, во-вторых, физические страдания, вызванные тяжелым трудом, как воплощение цели наказания и, наконец, укоренение трудолюбия как привычки, которая будет в дальнейшем «направлять их сердца»²¹.

Итак, государство может и должно использовать *их* труд с целью возмещения ущерба и *ради «общего блага»*. Использовать там, где сочтет это нужным и необходимым для процветания нации. Появляясь сначала в дискуссионном поле английской общественной мысли, подобные концепты постепенно просачивались в нормотворчество. В первых статутах, предусматривавших высылку *уголовных преступников*, бродяг и нищих «за моря»²², содержатся узнаваемые уже формулировки «принести Содружеству выгодную службу за границей»²³. После 1662 г. в парламентских актах появляются устойчивые клише «ссылка в одну из плантаций Его Величества *для использования их в услужении*»²⁴. В по-

¹⁸ Dawes 1707: 8.

¹⁹ Berkeley 1750: 40–41.

²⁰ Мор2017: 35.

²¹ Starkey 1948:131.

²² An Act for punishment of Rogues, Vagabonds, and Sturdy Beggars. 1597. 39 Eliz. I, c. 4; An Act for the Continuance and Explanation of the Statute made in the thirty-ninth Year of the Reign of the late Queen Elizabeth, intituled, An Act for Punishment of Rogues, Vagabonds and Sturdy Beggars. 1603. 1 Jac I, c. 7.

²³ Англ. ...and yield a profitable service to the Commonwealth in parts abroad.

²⁴ Англ. ...to any of the English Plantations beyond the Seas there to be disposed in the usual way of Servants //An Act for the better Reliefe of the Poore of this Kingdom, 1662. 14 Car. II, c. 12.

пулярном практическом руководстве для мировых судей – справочнике мирового судьи из Кембриджа Майкла Далтона «Государственное правосудие» (издавался с 1618 по 1746 год) – в отношении тяжелого труда (*Hard Labour*) было рекомендовано назначать его с целью наказания, с примечанием: «работа должна быть хорошо организована», а осужденные наставляемы в религии, так как трудом и религиозным покаянием «любая натура может быть обуздана, а разум просветлен, другим же это будет в назидание»²⁵.

В первой половине XVIII в. тенденция рассматривать потенциальную выгоду для государства от использования принудительного труда осужденных явно усилилась. В 1737 г. вышеупомянутый Дж. Беркли в риторической форме оригинального труда «Вопрошатель» критикует неэффективную карательную систему уголовных наказаний и выдвигает рациональные предложения по организации принудительного труда: «Есть какой-то способ сделать преступников полезными на общественных работах?; Можем ли мы создавать для них рабочие места, по опыту других наций?; Разве принудительное заключение, при котором он накормлен, одет и должен работать не будет предпочтительнее для него?; Могут ли преступники, не лишаясь свободы, возместить ущерб, нанесенный обществу, путем тяжелого труда?; Разве большинство из нас, дабы не отнимать у преступника жизнь, не желают наказания, соразмерного его преступлению?»²⁶

В течение XVIII века концепт принудительного труда в сочетании с категориями «пользы для государства», «возмещение ущерба» со страниц общественной полемики перекочевал в нормотворчество, парламентскую риторику и пенологию (теорию наказания). В дебатах вокруг тюремной реформы молодой парламентарий, юрист Уильям Иден возражал против «удаления полезных работников из британской экономики», а ядром своей политической программы сделал борьбу за сочетание «временного тюремного заключения с принуждением к труду; способе наказания, который укоренит привычку к трудолюбию, и в результате этой привычки такое наказание одинаково полезно для преступника и общества»²⁷.

Обобщая вариативные контексты, в которых концепт «принудительный труд» в течение двух столетий артикулировался в «войне перьев», первый пенолог-теоретик Джереми Бентам в своих работах разработал утилитарную формулу основных целей уголовного наказания: наказание, исправление, экономическая выгода. Наказание выражается в строгости содержания, всевозможных санкциях за нарушение режима, принудительном удержании на строго регламентированный срок. Исправление – в применении к осужденным принципа «снисхождения» или милосердия – по возможности отказ от унижительных телесных

²⁵ The Country Justice... 1746: 127–128.

²⁶ Berkeley 1750: P. 6, 7, 40–41.

²⁷ Eden 1771:264.

наказаний, обучение ремеслам, возможность претендовать на денежное выражение результатов своего труда. Правило «хозяйствования», или выгоды, заключалось в обеспечении арестантов «*полезной работой с возможностью извлечения дохода для государства, так и частной управляющей компании*»: «Разве не может каждая тюрьма быть спроектирована и как место безопасного содержания, и как место эффективного труда»²⁸, – вопрошает он своего респондента в серии писем о Паноптиконе. Увидев в тюрьме элемент капиталистических отношений, Бентам настаивал на том, что тюрьма-фабрика должна балансировать между экономической выгодой от труда и благополучием (моральным и физическим) арестанта, между наказанием и исправлением.

Интересным представляется провести параллельный анализ концептосферы российской государственной власти допетровского периода, где уже в середине XVII в. появляются родственные нормативно-правовые дефиниции: «из тюрьмы выимая его посылать в кандалах *работать* на всякие изделия, где государь укажет», а как он свое отсидит «его посылать в украинные города, где государь укажет, и велети ему в украинных городах быти, в какой чин он *пригодится*»²⁹. В отличие от британского сценария, где подобные предложения более полутора столетий «блуждали» по страницам проповедей и памфлетов, прежде чем проявиться в нормотворчестве, в российском варианте концепт принудительного труда появляется сразу как норма права, исходящая от государства и обеспеченная его авторитетом. В Англии на переход от идеи к норме, на согласование нового вида уголовного наказания понадобился длительный исторический период. Пока интеллектуалы оттачивали формулировки и дискутировали о компромиссе наказания и исправления, соотношении пользы и затрат при организации общественных работ, власти осторожно экспериментировали с введением элементов принудительного труда в различные социальные практики (брайдуэллы и рабочие дома, ссылка, общественные работы в устье Темзы и т.п.).

Россия в рассматриваемый период выбрала сценарий «догоняющей модернизации», что зачастую сопровождалось копированием части институциональных образцов, предлагаемых западной цивилизацией, и оригинальной их адаптацией под российскую действительность. Незрелость (или даже отсутствие) гражданского общества в сочетании с практически безграничным авторитетом государственной власти не способствовало формированию пространства для либерального дискурса. По мнению российского философа С. Гаврова, «власти казалось куда как проще и надежнее не полагаться на частную инициативу “маленького человека”, но принять очередное/внеочередное судьбоносное решение, мобилизовать все возможные силы на очередной прорыв»³⁰. Появление принудительных работ (каторги и ссылки) в российской лестнице нака-

²⁸ Bentham1843: 47.

²⁹ ПСЗ-1. Т.3.

³⁰ Гавров 2004: 5–6.

заний во второй половине XVII в. трудно назвать «прорывом», но нельзя не отметить быстроту появления этих норм в законодательстве, монополию государственно-правового дискурса и всецелое подчинение государственным нуждам. Нет места (необходимости?) рассуждениям об исправительном потенциале принудительного труда, соотношении наказания и пользы, христианским дискуссиям о ценности жизни и добродетели труда. В развитии ссылочной системы и каторжных работ власти увидели большой потенциал и заманчивые перспективы использования труда колодников «ради общего блага».

В 1668 г. государственный деятель голландского происхождения Андрей Винуус предложил русскому царю Алексею Михайловичу построить на Каспии «каторги», чтобы «всяких воров и бусурманских полоняников на каторги сажать для гребли в цепях, чтоб не разбежались и зла не учинили... и чем таким вора и полоняникам, которых по тюрьмам бывает много, *хлеб туне давать*, и они б на каторгах хлеб зарабатывали»³¹. На эту прогрессивную идею откликнулся молодой государь Петр I, еще во время путешествия по Европе взяв на заметку выгоду от каторжного труда: «В Венеции, которые бывають сосланы на корабли, те в городе никогда не живут: сделан великий дом на острове – каменная ограда великая, и, как придет корабль, или каторга, тотчас всех соберут на тот двор и запрут, и караул крепкий всегда стоит; а как на корабле и каторгах иди на море, то со двора отпускают; а больше того свету не знают, как на службе живут; так что волею своею отдаются туркам от безмерного мучения». 24 ноября 1699 г. был издан указ в отношении осужденных за взятки: «И тем людям... сказать смерть и положить на плаху, а от плахи подняв, бить, вместо смерти кнутом без пощады и сослать в ссылку в Азов с женами и детьми, и быть им на каторгах, в работе»³². Здесь мы не найдем и намека на полемику вокруг высшей меры, как это было в британских когнитивно-риторических практиках, доводов против смертной казни как средневекового варварского способа устранения человека или библейских аргументов против убийства. По замечанию А. Филиппова: «Петр Великий был слишком практичен, слишком занят проведением в жизнь своих планов, чтобы жить абстракциями»³³. Нуждаясь в огромном количестве рабочих рук для осуществления своих преобразовательных планов, Петр I смотрел на преступников исключительно прагматично, как на «даровую рабочую силу, не требующую государственных затрат, а, напротив, представляющую широкие возможности для извлечения максимальной выгоды»³⁴. В Артикулах Воинских (1715) в полной мере проявилось стремление власти к предельно выгодному использованию труда заключенных: «долго в тюрьмах не держать преступников, а *приставить их к рабо-*

³¹ Сергиевский 1887: 19.

³² ПСЗ-1. Т.3. № 1722.

³³ Филиппов 1891: 185.

³⁴ Детков 1998: 9.

те», что было детализировано в отдельных наказных статьях сибирским воеводам: «долго в тюрьмах не держать, а сковав их по два человека ошейными добрыми или ножными железами, приставить к работе делать кирпичь и известь, и кирпичь жечь, камень ломать, и глину таскать и мять порознь и строить каменное строение, где нужно для бережи Великаго Государя хлебной, винной, пороховой, оружейной, товарной и всякой казны и на городовое строение»³⁵. Кроме того, государство находило возможным предлагать принудительный труд и частным лицам: в Указе Сенату 1719 г. предписывалось «для умножения полотняной фабрики тонких полотен» компанейщиков Андрея Турка с товарищами отсылать к ним «для пряжи льну баб и девок таких, которые будут ... по делам за вины своим наказаны»³⁶. К принудительным работам с 1722 г. приговаривались «за исправление государственных долгов»: тех колодников, которые «до вершения дела» содержались в государственных делах – «мужеского пола» предписывалось отсылать «для казенных работ», а баб и девок – «для работ на мануфактурные прядильные дворы»³⁷. В такого рода указах обнаруживается сугубо утилитарный подход, когда государство видело в осужденных прежде всего источник дешевого труда и возможность снабжать доступной и относительно бесплатной рабочей силой все заинтересованные ведомства. Поэтому государственная политика, направленная на «извлечение выгод материальных из наказания и из личности преступника»³⁸, т.е. эскалация ссылки и каторжных работ в рассматриваемый период, стала претворяться в жизнь с небывалым размахом.

Таким образом, появление первых правовых норм, регламентирующих систему принудительного труда, в британском и российском законодательствах зафиксировано практически одновременно, однако социокультурный контекст, в котором происходит в одном случае их вызревание, в другом – насаждение, разительно отличается.

В российском варианте ограниченность употребления концепта «принудительный труд» исключительно лексиконом государственно-правовых документов повлияла на историографические и историко-правовые оценки данного феномена. Первые отечественные научные исследования природы принудительного труда были предприняты историками права во второй половине XIX в. Причем характерная особенность практически всех подобных исследований – использование методологического арсенала сравнительного правоведения, обращение к европейской практике «для того, чтобы из этого многовекового опыта добыть несколько законодательных аксиом»³⁹. Главная «аксиома», которую отечественные правоведы извлекли из своих исследований, – «род-

³⁵ ПСЗ-1. Т.3. № 1670.

³⁶ Филиппов 1891: 186.

³⁷ Там же: 188–189.

³⁸ Сергиевский 1887: 15.

³⁹ Филиппов 1873: 2.

ственное основание» в разработке государственной системы использования принудительного труда, когда народы Запада стояли «в тесной друг с другом связи, совместно пользуясь капиталом опыта, приобретаемым хотя и каждым из них в отдельности, но быстро становившимся общим их достоянием»⁴⁰. По устоявшемуся мнению, основной причиной перехода от карательных практик средневековья (смертной казни и калечащих наказаний) к практикам ссылки, каторги и иным формам принудительного труда, стали «практические указания правительства», которые подстраивали систему наказаний под приоритетные государственные нужды, когда «получая дорогой, хотя и даровой труд осужденных, правительство имеет полное право направлять его в те пункты, находящиеся в его распоряжении, где сбыт этому труду более и всего лучше обеспечен»⁴¹. И. Фойницкий, к примеру, рассматривал этот процесс как создание целой системы государственного контроля за девиациями, сопутствующими преступной деятельности: «... в XVII столетии в Западной Европе появляются огромные массы людей, не имевших занятий и пристанища и перекочевывавших с места на место, соединявшихся в бродячие шайки, в высшей степени опасных для тогдашней гражданственности. Естественно было явиться мысли обратить их на пользу общественную, приучив к работам». Встраивание системы принудительного труда в региональные нужды Фойницкий объяснял «всцело стороной фискальной», а уголовно-исполнительную политику – как деятельность государства «для достижения пользы общественной»⁴².

Доктор уголовного права, профессор А. Кистяковский в обширном исследовании о природе смертной казни, также был убежден, что основными причинами изменений в практиках наказания и обращению к принудительному труду стал недостаток в «работниках, которые бы могли своими работами и прилежанием доставить средство сделать сказанные колонии и поселения приносящими пользу нации»⁴³. Другой отечественный юрист М. Филиппов также рассматривал ссылку и сопряженные с ней принудительные работы как «наказание у народов просвещенных», а эволюцию системы наказаний в Англии (переход от смертной казни к практике принудительного труда), он упрощенно объяснял решениями правительства: «причиной тому, как заявило о том правительство, было то, что в американских колониях чувствовался большой недостаток в работниках, которые своим трудом могли бы принести доход государству»⁴⁴.

Так в отечественной историко-правовой науке были заложены основы *государственно-правового подхода* в оценке становления системы принудительного труда, который практически без изменений продол-

⁴⁰ Фойницкий 1881: VII.

⁴¹ Там же: 306.

⁴² Фойницкий 1889: 309.

⁴³ Кистяковский 2000: 187–188.

⁴⁴ Филиппов 1873: 3–4.

жает доминировать в современных исследованиях. Во главу угла поставлены интересы государства с его потребностями и возможностями «обратить их на пользу общественную». Такой подход действительно выделил «родственные основания» в правительственных решениях и нормативном оформлении перехода многих стран от средневековых калечащих и физически устранивающих человека наказаний к практикам использования принудительного труда.

Не меньшая склонность к обобщению характерна для марксистского подхода к пониманию изменений в природе наказания. Странники этой концепции видят причину возникновения преступности в классовом расслоении общества, а причину перехода от смертной казни и телесных наказаний к принудительному труду в форме каторги, ссылки, галер и труда в условиях длительного тюремного заключения – в экономических интересах субъектов капиталистической системы. В этой связи, становление принудительного труда рассматривается как один из источников трудовых ресурсов – закономерный итог развития капитализма в странах Европы⁴⁵. Квинтэссенцией «рыночного подхода» к наказанию является работа Г. Руше и О. Кирчхеймера, которые предлагали «сорвать с институтов наказания их идеологический покров... и описывать их в реальных производственных отношениях»⁴⁶. Такой подход отличал практически каждое пенологическое исследование советского периода: к примеру, Б. Утевский причину перехода к системе принудительного труда объяснял тем, что «старые феодальные методы уголовной расправы противоречили интересам буржуазии, заинтересованной не в уничтожении, а в сохранении излишней рабочей силы, т.е. товара, который тем дешевле купить, чем больше его на рынке. Топор, колесо и виселица уничтожали рабочую силу, которая имела в излишке при феодализме и не представляла особой ценности для феодалов. Тюрьма же, ломавшая непокорных и сопротивляющихся новой форме эксплуатации, превращавшая их в покорную рабочую силу, гораздо лучше удовлетворяла требования предпринимателей»⁴⁷.

Современные российские исследователи продолжают развивать как нормативистский (государственно-правовой), так и экономический подходы к рассматриваемой проблеме. К примеру, доктор юридических наук П. Тепляшин – крупнейший современный специалист в области западных пенитенциарных систем, в целом разделяет взгляды дореволюционных и советских правоведов на преобразования системы наказания как «непреложной задачи государства и общества»⁴⁸. На аналогичных позициях построены историко-правовые диссертационные исследования конца XX – начала XXI вв. С другой стороны, И. Чернышов, характеризуя экономические циклы в системе исследуемых отно-

⁴⁵ См. напр.: Melosy 1981: 13–16.

⁴⁶ Rusche 1939: 20.

⁴⁷ Утевский 1950: 178–179.

⁴⁸ Тепляшин 2005.

шений принудительного труда, в целом придерживается марксистской терминологии: «Капиталисту «тюрьма» нужна была не как контрагент, поставляющий на рынок собственную продукцию, а как источник даровой рабочей силы, способной под влиянием минимальных экономических рычагов производить прибавочный продукт, который он присвоит без посредничества тюрьмы. При этом капиталист, принуждая осужденного к труду за определенную плату, не собирался отказываться и от внеэкономических административных рычагов»⁴⁹.

Очевидно, что оба подхода отличает чрезмерная тяга к обобщению и поиску закономерностей, по вектору, заданному еще дореволюционными исследователями, – выявление «родственных оснований» для вывода «законодательных аксиом». Однако, такая исследовательская парадигма фактически исключает из сферы их научного интереса и анализа тот богатейший историко-культурный контекст, в котором рассматриваемый концепт прошел длительный этап идейного оформления. Между тем, еще И. Фойницкий, исследуя западный опыт, предположил, что многие стороны русской ссылки развивались «независимо и даже вопреки западно-европейским влияниям»⁵⁰. За скобками досконально исследованной правительственной нормативной политики и экономических законов системы принудительного труда остался важнейший вопрос общественного отношения к этому явлению. Необходимость перепрочтения сущности модернизационных процессов эпохи Просвещения в социально-экономической и государственно-правовой сферах «через властные репрезентации идентичности человека в целостности единого культурного пространства»⁵¹ ставит перед исследователями интересные задачи. В чем состояло «общее благо» искомой идеи с точки зрения общества, причем как со стороны социальных изгоев, к которым непосредственно относилась новая форма социальной практики, так и с позиции просветителей, которые как раз и были озабочены поиском новых более совершенных форм человеческого общежития?

Если в сочинениях британских интеллектуалов явственно прослеживается идея исправления трудом, в т.ч. христианская составляющая данной инициативы, то и в русском варианте имеет смысл поискать сходные мысли в церковной гомилетике и риторике рассматриваемого периода. Исследования Е. Марасиновой подтверждают, что «в русском обществе XVIII столетия такая драматичная сфера социальной жизни, как судьбы совершивших смертные преступления, не могла не иметь самой тесной связи с евангельским учением и институтом церкви»⁵². Историк отмечает, что во времена Елизаветы Петровны и Екатерины II религиозные догматы использовались как в воспитательных, так и в процессуальных целях, причем «авторитет сакральных текстов тонко

⁴⁹ Чернышов 2015: 171.

⁵⁰ Фойницкий 1881:VI.

⁵¹ См. подробнее: <https://www.rscf.ru/project/22-18-00488/>

⁵² Марасинова 2017: 144.

использовался в приговорах, звучащих более как политические памфлеты, для целенаправленного создаваемого имиджа власти»⁵³. Тогда идея исправления наказанием (в первую очередь искупление трудом), вероятно, будет обнаружена в более ранних русскоязычных текстах, тем самым оспорив первенство Наказа Екатерины II и «очистив» репутацию государыни от упреков в прямом плагиате у Монтескье и Беккариа видения карательной политики государства ради «общего блага».

Значение имеют также социокультурные особенности восприятия преступников и осужденных обществом, связанные с особенностями национального характера, уровнем общей и правовой грамотности. В британской культуре черта, отделявшая правопослушных граждан от социальных девиантов, явственно ощущалась: от уголовно-исполнительной политики в первую очередь ожидали функции охраны и социальной гигиены. В целом практика ссылки уголовников за океан воспринималась большинством современников как евристическая возможность «выпустить дурную кровь нации»⁵⁴, «очистить нацию от мусора, не забывая жизни»⁵⁵ и пр. И даже если интеллектуалы придерживались гуманистических позиций, всячески аргументируя в пользу воспитательных возможностей принудительного труда, менторский тон сочинений только подчеркивает очевидное размежевание и противопоставление социальных групп. В русском варианте, следуя архетипичному «от сумы, да от тюрьмы не зарекайся», взаимовосприятие представляется более сложным. В 1871 г. вышел трехтомный труд этнографа-беллетриста С. Максимова «Сибирь и каторга». В первой части, озаглавленной «Несчастные», этнограф пишет: «Иноземное слово *арестант* до сих пор остается только в казенных бумагах и на языке официальных лиц; в народ оно не ушло. Народ упорно стоит против этого названия, как упорно не соглашается всякого ссыльного признать *преступником*. И это слово он не принимает в свой язык, не умея осмыслить его для себя в своем мягком сердце. Всякого преступника, идущего в тюрьму, в ссылку, на поселение, на каторгу, наш народ везде называет “несчастливым”»⁵⁶.

Очевидно, что исследование социокультурных особенностей концептов «арестант», «тяжелый труд», «каторжник», «ссыльный» и пр. в русском и английском языковом сознании представляет отдельную историко-филологическую задачу. В вышеобозначенных научных подходах к изучению практики принудительного труда в качестве уголовного наказания, сфокусированных на поиске «родственных оснований», не в полной мере учтены коннотационные и деривационные межязыковые аспекты употребления ключевых понятий. К примеру, прямой перевод на русский язык английского *hard labor*⁵⁷, который впервые появляется

⁵³ Там же: 123.

⁵⁴ Hanway 1776: 62.

⁵⁵ Olyffe 1731: 8.

⁵⁶ Максимов 1871: 4.

⁵⁷ Досл. тяжелый труд.

в трудах отечественных правоведов XIX в., – каторга, каторжный труд. Однако в традициях отечественного тюрьмоведения каторга обычно понимается как подневольный *карательный* труд в пользу казны, непременно в соединении со *ссылкой* в отдаленные места, где этот труд особенно востребован. В условиях английской системы уголовных наказаний *hard labor* напротив, географически максимально приближен к месту вынесения приговора, в отличие от ссылки (*transportation*), целью которой было непременно удаление криминальных элементов за пределы страны, без претензии казны на их труд. Поэтому приговор к *hard labor* подразумевал наличие подходящего места и условий для такого труда в географических пределах Британского острова, желательно в рамках того графства, где приговор был вынесен.

Кроме того, в интересующий нас период можно наблюдать эволюцию семантического объема понятия. Как уже упоминалось выше, закон 1706 г., который по краткому заголовку современники называли *Hard Labour Act*, регламентировал приговор к принудительным работам в исправительных домах в качестве альтернативы смертной казни. В начале века уголовные наказания ассоциировались исключительно с мерами карательного воздействия, поэтому и тяжелый труд в данном случае воспринимался исключительно как репрессия. В течение столетия под влиянием новой евангельской этики, морали и ценностей эпохи Просвещения в концептосфере английского общественно-политического дискурса зафиксирована устойчивая тенденция к признанию коррекционных и воспитательных возможностей принудительного труда. С 1776 г. американский континент перестал принимать трансферы английских преступников. Лишившись привычного механизма «сбыта» криминальных элементов, английские власти стремительно приступили к решению вопроса за счет внутренних резервов с расчетом на скорейшую модернизацию системы уголовных наказаний. Экстренной мерой стал законопроект, внесенный У. Иденом – «Статут, разрешающий на ограниченное время использование *принудительного труда для преступников*, которые за определенные преступления осуждены к высылке в любую из колоний и плантаций Его Величества»⁵⁸. Закон позволил судьям в качестве наказания, альтернативного высылке в колонии, приговаривать преступников мужского пола к содержанию на плавучих тюрьмах с использованием их труда на верфи или по углублению дна Темзы. Так впервые в официальной юридической лексике принудительный труд (*hard labour*) появляется в заголовке статута. Осознавая краткосрочную перспективу данного акта (за два-три года плавучие тюрьмы оказались переполнены сверх нормы), Иден срочным порядком приступает к разработке альтернативного законопроекта, сфокусировавшись на ключевой идее принудительного труда осужденных, в стремлении сделать

⁵⁸ An act to authorize, for a limited time, the punishment by hard labour of offenders who, for certain crimes, are or shall become liable to be transported to any of his Majesty's colonies and plantations. 1776. 16. Geo. III, c. 43.

таковой, с одной стороны, экономически выгодным для казны, с другой – рассматривать его в качестве исправительной меры. Результатом тандема парламентария Идена и самого, пожалуй, именитого юриста эпохи Уильяма Блэкстона стал *Билль о принудительном труде*⁵⁹, который предусматривал создание качественно новых учреждений исполнения уголовных наказаний – *Домов принудительного труда*⁶⁰. В конечном итоге Билль не прошел парламентские слушания, но сама идея *исправительного* труда, который по-прежнему обозначался как *hard labour*, вброшенная в контекст будущей реформы системы уголовных наказаний, осталась в нем в качестве фундаментальной.

В российском варианте можно констатировать четкое разграничение понятий *каторжный* труд, который воспринимался современниками исключительно как карательная мера, и *исправительный* труд – концепт, возникший в официальной лексике только в XIX в. в ходе отечественной пенитенциарной реформы с появлением новой формы пенитенциарных учреждений – исправительных отделений.

Таким образом, выявление «родственных оснований» может быть необходимо для вывода «законодательных аксиом», но, чтобы восстановить подлинную картину прошлого, сравнительных и типологических методов бывает недостаточно. Современные исследовательские подходы интеллектуальной истории, предполагающие постановку нетрадиционных вопросов к историческому источнику, представляются продуктивными в изучении истории идей в их тесной связи с конкретно-историческими условиями: социокультурным окружением и общими моральными и эстетическими ценностями эпохи. Подводя итог, отметим, что заданные векторы ревизии могут быть лишь одним из вариантов перепрочтения и декодирования переходной для русской и британской культур эпохи XVII–XVIII вв. Возможность заново переосмыслить происхождение и сущность государственной системы принудительного труда и связанные с ней отношения в контексте национальной уникальности социальных и культурных практик представляется не столько вызовом существующим отечественным историко-правовым концепциям, сколько захватывающей исследовательской задачей.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004. 352 с. [Gavrov S.N. Modernizaciya vo imya imperii. Sociokul'turnye aspekty modernizacionnyh processov v Rossii. M., 2004. 352 s.]
- Детков М.Г. Научное и организационно-правовое обеспечение исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в Российском государстве. М., 1998. 294 с. [Detkov M.G. Nauchnoe i organizacionno-pravovoe obespechenie ispolneniya ugovolnyh nakazaniy v vide lisheniya svobody v Rossijskom gosudarstve. M., 1998. 294 s.]
- Кистьяковский А.Ф. Исследование о смертной казни / Воспроизводится по изданию 1867 г., Киев. Тула, 2000. 270 с. [Kistyakovskij A.F. Issledovanie o smertnoj kazni / Vosproizvoditsya po izdaniyu 1867 g., Kiev. Tula, 2000. 270 s.]

⁵⁹ Англ. Hard-Labour Bill.

⁶⁰ Англ. Hard-Labour House, или краткая форма Labour-houses – Дома труда.

- Максимов С.В. Сибирь и каторга: в 3 ч. Ч. 1. СПб., 1891. 459 с. [Maksimov S.V. Sibir' i katorga: v 3 ch. Ч. 1. SPb., 1891. 459 s.].
- Марасинова Е.Н. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. М. 2017. 508 с. [Marasinova E.N. «Zakon» i «grazhdanin» v Rossii vtoroj poloviny XVIII veka: ocherki istorii obshchestvennogo soznaniya. M. 2017. 508 s.].
- Мор Т. Утопия; Кампанелла Т. Город Солнца; Бекон Ф. Новая Атлантида / пер. с лат. А. Малеина, Ф. Петровского; пер. с англ. З. Александровой. СПб., 2017. 320 с. [Mor T. Utopiya; Campanella T. Gorod Solnca; Bekon F. Novaya Atlantida / per. s lat. A. Maleina, F. Petrovskogo; per. s angl. Z. Aleksandrovoj. SPb., 2017. 320 s.].
- Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. I, Т. III. [Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sbranie 1. T. I, T. III].
- Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1887. 300 с. [Sergeevskij N.D. Nakazanie v russkom prave XVII veka. SPb., 1887. 300 s.].
- Тепляшин П.В. Истоки и развитие английского тюремоведения: монография. Красноярск, 2005. 219 с. [Teplyashin P.V. Istoki i razvitie anglijskogo tyur'movedeniya: monografiya. Krasnoyarsk, 2005. 219 s.].
- Утевский Б.С. История уголовного права буржуазных государств. М., 1950. 424 с. [Utevskij B.S. Istoriya ugolovnogo prava burzhuaznyh gosudarstv. M., 1950. 424 s.].
- Филиппов М.А. История и современное состояние карательных учреждений за границей и в России. СПб., 1873. 388 с. [Filippov M.A. Istoriya i sovremennoe sostoyanie karatel'nyx uchrezhdenij za graniceyu i v Rossii. SPb., 1873. 388 s.].
- Филиппов А.Н. О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой. М., 1891. 457 с. [Filippov A.N. O nakazanii po zakonodatel'stvu Petra Velikogo, v svyazi s reformoyu. M., 1891. 457 s.].
- Фойницкий И.Я. Ссылка на Западе в ее историческом развитии и современном состоянии. СПб., 1881. 342 с. [Fojnickij I.YA. Ssylka na Zapade v ee istoricheskom razvitii i sovremennom sostoyanii. SPb., 1881. 342 s.].
- Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889. 503 с. [Fojnickij I.YA. Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem. SPb., 1889. 503 s.].
- Хилл К. Английская Библия и революция XVII века / пер. с англ. Т. Павловой. М., 1998. 490 с. [Hill K. Anglijskaya Bibliya i revolyuciya XVII veka / per. s angl. T. Pavlovoj. M., 1998. 490 s.].
- Чернышов И.Н. Эволюция принудительного труда: от истории к современности // ЭКО (Экономика и организация промышленного производства): всероссийский экономический журнал. 2015. № 3 (489). С. 167–177. [Chernyshov I.N. Evolyuciya prinuditel'nogo truda: ot istorii k sovremennosti // EKO (Ekonomika i organizaciya promyshlennogo proizvodstva): vserossijskij ekonomicheskij zhurnal. 2015. № 3 (489). S. 167–177.].
- Anon. Solon Secundus: or some defects in the English Laws; with their proper remedies. By a hearty Lover of his Country. L., 1695. 28 p.
- Bellers J. Essays about the poor, manufactures, trade, plantations, & immorality and of the excellency and divinity of inward light, demonstrated from the attributes of God and the nature of mans soul, as well as from the testimony of the Holy Scriptures. L., 1699. 26 p.
- Bentham J. Panopticon or, the Inspection-house: containing the idea of a new principle of construction applicable to any sort of establishment, in which persons of any description are to be kept under inspection; and in particular to penitentiary-houses, prisons, poor-houses, lazarettos, houses of industry, manufactories, hospitals, work-houses, mad-houses, and schools: with a plan of management adapted to the principle. In a series of letters, written in the year 1787, from Checheff in White Russia, to a friend in England // The works Jeremy Bentham. Vol. IV. Edinburgh, 1843. P. 37–172.
- Berkeley G. The Querist, containing Several Queries, proposed to the consideration of the public. To which is added, by the same author, a Word to the Wife or, an exhortation to the Roman Catholic Clergy of Ireland. L., 1750. 83 p.
- Chidley S. A Cry against a Crying Sin. A just complaint to the Magistrates // The Harleian Miscellany or, A collection of scarce, curious, and entertaining pamphlets and tracts, as well in manuscript as in print, found in the late earl of Oxford's library, interspersed with historical, political, and critical notes. Vol. VI. L., 1810. P. 272–288.

- Dawes W. The objections against the eternity of Hell-torments, answer'd. In a Sermon Preach'd Before King William, at Kensington, January, 1701. 2nd ed. Part VI. L., 1707. 16 p.
- Eden W. Principles of Penal Law. L., 1771. 300 p.
- Fox G. To the Parliament of the Common-Wealth of England. Fifty-nine Particulars laid down for the Regulating things, and the taking away of Oppressing Laws, and Oppressors, and to ease the Oppressed, L.: Printed for Thomas Simmons, at the Bull and Mouth near Aldersgate, 1659. Режим доступа: <http://universalistfriends.org/quf2002.html>. свободный. Загл. с экрана. Данные соответствуют 01.01.2023.
- Gospel truth demonstrated, in a collection of doctrinal books, given forth by that faithful minister of Jesus Christ, George Fox: containing principles essential to Christianity and salvation, held among the people called Quakers. Vol. I. Philadelphia, Printed in 1706. Re-printed 1831.
- Hanway J. Solitude in Imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutary Prevention. L.: Printed for J. Bew, 1776. 144 p.
- Melossi D., Pavarini M. The Prison and the Factory: Origins of the Penitentiary System. L., 1981. P. 13–16.
- Ollyffe G. An essay humbly offer'd, for an Act of Parliament to prevent capital crimes, and the loss of many lives; and to promote a desirable improvement and blessing in the nation. L., 1731. 27 p.
- Rusche G., Kirchheimer O. Punishment and Social Structure. N-Y., 1939. 268 p.
- Starkey T. A dialogue between Reginald Pole and Thomas Lupset / ed. by Kathleen M. Burton; with a preface by E. M. W. Tillyard. L., 1948. 213 p.
- The Country Justice: Containing the Practice, Duty and Power of The Justices of the Peace, as well in as out of their sessions / by M. Dalton. L., 1746. 508 p.

Васильева Светлана Анатольевна, доктор исторических наук, доцент, профессор, кафедра философии и истории, Академия ФСИН России, vasil-svetlana@yandex.ru.

The Articulation of the Concept of «Hard-Labour» in the Socio-Political Discourse of Britain and Russia in the XVII–XVIII Centuries

The article presents an analysis of the intellectual heritage of English and Russian educators, public figures and statesmen, and a review of normative documents of the mid-17th to mid-18th centuries for the appearance of proposals for the use of forced labor as a criminal punishment. In the British version, the concept of "hard labour" appeared initially in the liberal discourse, and only a century later passed the normative formalization. In the conceptual sphere of the Russian political discourse, the institution of forced labour arises as a legal institution.

Keywords: *Great Britain, Russia, the Age of Enlightenment, death penalty, forced labor, hard labor and transportation.*

Svetlana Vasilieva, doctor of historical sciences, associate professor, professor of the Chair of Philosophy and History of the Academy of Penal Service of Russia, vasil-svetlana@yandex.ru.

**«ХУДОЖЕСТВА» В БОРЬБЕ ДИСКУРСОВ
ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ И НАУК
В СЕТИ ЕВРОПЕЙСКИХ АКАДЕМИЙ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ¹**

Анализируется структура научного знания Раннего Нового времени на примере места «художеств» в Академии художеств и наук, учрежденной именным указом из Сената 28 января (8 февраля) 1724 года в Санкт-Петербурге, и место последней в общеевропейской сети академических сообществ. Задача исследования показать актуальность и инновационность петровского академического проекта, как в силу специфических российских условий, так и в силу особенностей структуры научного знания Раннего нового времени. На примере 1) общего и различного между Петербургской академией наук и ведущими европейскими академиями, 2) особенностью словосочетания «художества и науки» в контексте петровского времени обосновывается тезис, что Художественные палаты и ремесленные мастерские при Академии не были всего лишь «обслуживающими» потребности науки и осуществлявшие «побочные» работы, не имеющие отношения к «чистой науке». Художества были самими инструментами «производства фактов» в науке и для науки, неотделимые от ее процесса. В момент учреждения Академии, без наук не могло быть художеств, как и художеств без наук. Присутствие словосочетания «художества и науки» в названии Академии хорошо объясняется семантикой слова «художество», включавшего в себя и науки, и искусства, и ремесла.

Ключевые слова: *Петр I; Санкт-Петербург; Академия наук; художественные или ремесленные палаты; художества и науки; ученые и ремесленные мастера.*

Позиция, представленная в статье, расходится с авторами, приверженными традиционному конвенциональному мнению по отношению к «художествам» в Академии как нежеланным пасынкам науки, выполняющим «обслуживающую», «побочную», «вспомогательную» функцию, как к чему-то внешнему по отношению к науке, имеющему мало общего с потребностями Академии. Соединение Петром I художеств и наук в одной институции можно считать его концептуальной новацией, предполагавшей тесный союз науки и технологий. Факт широко распространённого в научной литературе критического отношения к данному сочетанию, привёл автора статьи к мысли о необходимости дополнительного обоснования его присутствия в изначальном названии Петербургской Академии художеств и наук. Ввиду специфики того времени понятие «техники» было представлено «механикой», как преподававшейся в университете при академии, так и изучавшейся в самой академии. В это время техника определялась как наука о промышленных искусствах так же, как не существовало современных понятий «чистой» или «фундаментальной науки» для описания ситуации ученого и ремесленного мастера Раннего Нового времени.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания МНиВО РФ по теме «Взаимодействие культурно-языковых традиций: Урал в контексте динамики исторических процессов», № FEUZ-2023–0018.

Изменившаяся парадигма не только допускала, но предполагала сотрудничество ученых и «художников», где ученые могли выступать и как ремесленники: механики, оптики, часовщики, токари. Вспомним Г.В. Лейбница, отправившегося в рамках своих дипломатических обязанностей в Париж (в 1672–1676 гг.), в т.ч. чтобы выведать секреты первоклассных мастеров в механических ремеслах для постройки своего арифмометра, выполнявшего четыре арифметических действия сложения, вычитания, умножения и деления. Вспомним академиков Л. Эйлера и Г.Ф. Крафта, а также токарных дел мастера А.К. Нартова и механика И. Брукнера, обязывавшихся 21 февраля 1739 г. принять экзамены у машинного подмастерья Андрея Мартынина из Адмиралтейств-коллегии на звание мастера. Кроме того, в обязанности членов Санкт-Петербургской Академии наук входило делать «инвенты»², т.е. предоставлять регулярные открытия и находить им практическое применение, например в механических устройствах. В Регламенте 1747 г. говорилось: «В государстве, в котором учреждена уже полиция добрая, художества, мануфактуры, армия, флот, чужестранное купечество, необходимая нужда стараться изобретать материи, краски и различные художества. Надобны всякие машины [...]. Сих ради причин надобен третий класс физический же, только соединен с математическим, в котором должен быть академик физики экспериментальной... Другой академик, который должен иметь будет механика. Его должность будет изобретать всякие машины [...].»³. В данном контексте понятно, почему вниманию Петра I во время его визитов в академии Лондона и Парижа Исаак Ньютон представил чертеж механической кареты, а в Королевской Академии наук, среди прочего, продемонстрированы модель водоподъемной машины, речной домкрат большой мощности и механическая игрушка в виде кареты с упряжкой лошадей. По сообщению свидетеля посещения Петром академии Б. де Фонтенеля, она «хвалилась тем, что у неё было самого нового и любопытного из опытов и машин», поскольку Петр, по словам Ф.-М. Вольтера, являлся «механиком, художником, геометром»⁴. Данные эпизоды принято по традиции интерпретировать с одной стороны узким «утилитаризмом» Петра, с другой, как тяжкую обязанность ученых, мешавшую им заниматься «чистой наукой». На этих примерах видно значение практики в процессе научного исследования, а значит и специалистов в качестве экспертов по трансформации материи во всевозможных областях материального производства.

В 1718 г. магистрату города Спа в австрийских Нидерландах (сегодня Бельгия), где Петр I прошел летом 1717 года курс лечения на минеральных водах, была преподнесена памятная черная мраморная доска, на которой тот запечатлен среди прочего как «всех наук, теоретических

² ПСЗ-1. Т. 7. № 4443.

³ Летопись. Т. 1: 27; Данилевский: 80.

⁴ Мезин 2015: 204–205.

и прикладных, основоположник»⁵, в чем видится квинтэссенция структуры научного знания Раннего нового времени, объединившего науку и практику, науки и искусства. Это произошло задолго до основания Академии наук в России, когда Петр уже был принят 22 декабря 1717 года почетным членом в Парижскую Королевскую Академию наук: «Петр получил от нее патент “мастера”, как когда-то от Г.К. Поля патент (аттестат) корабельного плотника»⁶. В данной декларации своего статуса и намерений Петра можно констатировать характерное деление наук того времени на «теоретические и прикладные», о которых также упоминает Г.Ф. Миллер в своих «Материалах к истории Академии Наук»⁷. Следовательно, необходимо исследовать взаимодействие двух больших комплексов знаний в академической модели Петра, с одной стороны, теоретической и прикладной науки, с другой, «искусств» и ремесел под общим названием «художеств» как практических знаний. Согласно озвученной концепции научного знания, является целесообразным ввести трехчастную эпистемологическую модель Петербургской Академии художеств и наук, состоящую из академии (наука), университета и гимназии (образование) и художественных и ремесленных палат или мастерских (ремесла, искусства, образование, науки и технологии)⁸.

Данное объединение не было актом чисто механического соединения чуждых областей знания, как то представляется в традиционной историографии. Когда не было этой модели, то не было и нового качества, а значит и возможностей. Понимая это, Петр, чтобы объяснить своим соратникам смысл своих намерений, пользовался образом академии в виде символической мельницы, которую он построил, воду же к ней (науки, искусства и искусства) подведут его наследники. Следствием данного метода явилось не последовательное и поступательное развитие сначала школ и гимназий, потом университетов, и только потом академии, но основание всего вместе и сразу, с присоединением художеств, ремесел и мастерств. Когда появилась эта модель, появилась и новое качество, а именно – самодостаточная организация, «фабрика знаний». Это не просто образование в отдельно взятых гимназии или университете, занятия наукой в отдельно взятой академии, занятия механикой, инструментоведением, машино- и станкостроением в отдельно взятых ремесленных мастерских. Это подготовка к длинному пути в науку и искусство, это рождение художеств и наук на качественно новом уровне, поскольку без наук не могло быть художеств, как и художеств без наук. Это три взаимозависимые и принадлежащие од-

⁵ Вагеманс 2013: 155.

⁶ Гузевич, Гузевич 2020: 22.

⁷ Миллер 2006: 492.

⁸ В литературе встречаются различные варианты наименования палат. У А. И. Юхта, например, находим при Академии «инструментальные мастерские» и «гравировальную палату», что говорит о желании исследователя отделить «художества» от «ремесел» [Юхт 1987: 114].

ному целому части. Гимназия и университет при академии, это больше, чем только гимназия и университет, как и сама академия. Так же, как и художества и ремёсла – это больше, чем просто академия без них. Получив эту последнюю компоненту, научное знание Раннего Нового времени получает своё новое качество, новую структуру, когда соблюдается принцип сочетания практического и теоретического, теоретического и прикладного: чистой математики и прикладной математики, чистой физики и прикладной физики и так далее. Это научное знание имеет свое целеполагание, оно направлено на изучение природы, а изучение природы производится во имя идеи общего блага.

Для обоснования данной позиции необходима переоценка сложившегося традиционного взгляда на петровское целеполагание реформ как исключительно «утилитарное» и «ремесленное» с негативной коннотацией. Это делает необходимым отказ от чисто утилитаристского и инструментального подхода в исследовании не только петровских реформ, но и истории ремёсел, препятствующего более широкому взгляду на роль ремёсел и техники в становлении и развитии современной науки и технологий. Уже на рубеже XIX–XX веков российские и немецкие инженеры совершили смену дискурсов относительно технологии (*die Technik*), ставшей наукой о технике и технологиях⁹. Следующим шагом должна стать перенастройка когнитивной карты, на которой найдется место ремесленному, цеховому мастеру, а не только таким неологизмам, как анонимные «изобретатели», «интеллектуалы», «техники» и «инженеры» (за исключением военных инженеров) – понятия, появившиеся спустя десятилетия. Данная когнитивная карта сформирована с помощью осознанных или неосознанных стратегий переписывания или умолчания фактов, не вписывающихся в традиционный нарратив «современной науки».

Прерывая континуум анонимной истории техники от Древнего мира до современности, исследователь становится на путь переосмысления понятия ремесел и техники. В разное время в Академии появились (1) Гравировальная, (2) Инструментальная, (3) Механическая, (4) Оптическая, (5) Рисовальная (включавшая изучение архитектурных стилей), (6) Токарная, (7) Переплётная, (8) Словолитная, (9) Пунсонная и резного дела, (10) Фигурная, (11) Ландкартная, (12) Слесарная и (13) Столярная палаты¹⁰. Для историка ремесла палаты 2, 3, 4, 6, 7, 8, 11, 12 и 13 будут являться «ремесленными», тогда как историк искусства объявит палаты 5, 10, а также 1 и 9, «художественными» мастерскими и объектом своего исследования как нуклеусов будущей Академии художеств, поскольку «палата» могла представлять из себя и ремесленные (все «художества» кроме будущих классических), и художественные (три будущих классических «художества»: живопись, ваение и зодчество) мастерские. Также

⁹ Schatzberg 2018: 3; см.: Азаренко, Келлер 2021: 83.

¹⁰ Келлер 2022: 46.

историки декоративно-прикладного искусства называют часть этих производств по традиции художественными мастерскими.

Для полного анализа введем три аналитические категории, охватывающие все отрасли производства знаний Академии: «Академии наук» (науки), «Академии художеств» (будущие классические искусства) и «Академии ремёсел», много лет сосуществовавшей с «Академией художеств» в неразрывном единстве. В «Академии ремесел» производились машины, станки, инструменты, макеты и модели¹¹. С данной моделью вполне могло бы согласиться большинство членов Академии. Согласно опросу на «чрезвычайной конференции» 7 сентября 1733 года, созванной президентом Академии Г.К. фон Кейзерлингом, большинство профессоров высказалось за сохранение «художеств», заботясь «об инструментальном и типографском обслуживании Академии», что далеко не значило только то, что они «вольно или невольно» выступали в интересах Остермана, Бирона и Шумахера. Данное обстоятельство негативно сказалось на судьбе «художеств» в российской историографии, поскольку *все говорило против* «художеств» – «этих посторонних учреждений» в Академии¹². В связи с этим авторы «Краткого исторического очерка» Академии наук посчитали правомерным прийти к выводу, что с «художествами» якобы «развитие многих наук ставилось под угрозу»¹³.

Известно, что И.Д. Шумахер действительно сконцентрировал большую власть в своих руках, заведя библиотекой, Кунсткамерой, академической канцелярией, типографией, а также всеми художествами и ремеслами, включая финансы. Но вправе ли мы перечеркивать академический проект Петра только потому, что Шумахер серьезно конфликтовал с А.К. Нартовым, Г.Ф. Миллером, М.В. Ломоносовым и другими видными представителями российской науки. Е.В. Анисимов отметил, что «современная система научных институтов Академии наук отчасти выросла именно из этих институций Академии»¹⁴, т.е. Физического кабинета, Химической лаборатории, Гравировальной палаты, Инструментальной палаты, Академической обсерватории. Данная триада наук / художеств / ремесел крайне характерна для разнообразной литературы. Так у И.В. Нехачина приведена следующая характеристика целей Петра во время Великого посольства, в т.ч. во время его нахождения в Вене в 1698 г., откуда он собирался отправиться в Италию, но вынужден был срочно вернуться в Россию: «...также и для научения Себя наукам, художествам и ремеслам»¹⁵, что говорит об устоявшейся к концу XVIII в.

¹¹ Напротив, признанный специалист по истории Гравировальной палаты Академии наук XVIII в. М. А. Алексеева говорит о совокупности «разных учреждений: научно-исследовательского – Академии, учебных – гимназии и университета – и вспомогательных», где слово *вспомогательные* ставит нейтральный или даже пейоративный акцент на присутствии ремёсел в Академии [Алексеева 1985: 8].

¹² Копелевич 1977: 125–126.

¹³ Академия 1977: 34.

¹⁴ Анисимов 2010: 34–35.

¹⁵ Нехачин 1795: 42–43.

общеизвестной формуле, которая была естественна для петровского времени и выкристаллизовалась, была сформулирована последующими знатоками истории как устойчивая формула. И.В. Нехачин ссылается также на авторитетного И.Г.Г. Юсти, говорившего о Петре: «... все имеет участие в славе, художество, науки, земледелие и торговля»¹⁶, и дополняет его: «Сия деятельная рука [...] упражнялась в художеских мастерских и совершила сама совершенныя художеския творения»¹⁷. В журнале «Живописец», издаваемом Н.И. Новиковым, находим в номере за 1772 г.: «Но да [...] процветут в России науки, художества и ремесла»¹⁸. Якоб фон Штелин, современник Петра и автор «оригинальных анекдотов о Петре Великом», изданных в 1785 г., приводит пример «первого проекта Положения Петербургской Академии наук от 22 января 1724 г.», с которого он снял копию, с записями Петра на полях проекта. 23 января приписано: «Мне должны сыскать военных инженеров и артиллеристов, прежде всего из тех, которые служили в Брабанте во время последней войны»¹⁹. Напротив последнего пункта о финансировании Академии Петр делает пометку о необходимости послать распоряжение Романцову на Украину об обмене быков на овец для разведения последних²⁰.

Такое мышление можно условно назвать топологическим, когда время-пространство предполагает одновременное сосуществование и перетекание различных темпоральных режимов и топосов в крайне ассоциативном и спонтанном мышлении Петра сообразно огромному количеству задач, решение которых было не менее важным. Опираясь на свидетельство Я. фон Штелина, можно сделать вывод о том, что для «ментального государства» Петра и проекта «Академии наук» в его топологеме²¹ характерно материальное и хронологическое наложение и совмещение различных проектов: и «Проекта учреждения Академии» Л.Л. Блюментроста, и «Проекта о сочинении Академии Наук и разных художеств» А.К. Нартова²², интенсивно обсуждавшихся в 1724 году. В проекте последнего имеются такие варианты названий, как «Академия разных художеств», «корпус академических разных художеств», «императорская Академия разных художеств», где свободные искусства и ремесла поставлены Петром в один ряд²³. В проект Нартова от 1 декабря 1724 года Петр, помимо уже внесенных 24 ремесел, собственноручно внес 19 дополнительных «художеств ремесла». Это были: «живописцы, скульпторы, тушевальщики, граверы, столяры, токари, плотники, граж-

¹⁶ Там же: 397.

¹⁷ Там же: 444.

¹⁸ Живописец 1772: 126.

¹⁹ Войны за испанское наследство 1701–1714 [Stählin 1785: 198].

²⁰ Stählin 1785: 200.

²¹ См.: Редин 2020; Азаренко, Келлер 2021.

²² ПСЗ–1 1830: 220; Законодательные 2020: 706–709.

²³ Ю.Ф. Копелевич отмечала, «что Проект, обсуждавшийся в Сенате 22 января, не был окончательно составлен и одобрен Петром задолго до этой даты, а еще накануне был предметом разного рода обсуждений» [Копелевич 1977: 54].

данские архитекторы, строители мельниц, шлюзов, фонтанов и специалисты по гидравлике, оптики, мастера по математическим инструментам, мастера по медицинским инструментам, слесари, медники, часовщики»²⁴, которых мы находим позже в Академии художеств и наук. Необычный формат новой Академии являлся абсолютно оригинальным, а потому и крайне непривычным для западных коллег, не встречавших такого сочетания в европейских академиях. Поэтому понятно их стремление использовать в «Комментариях» Академии, а также преимущественно в документах и публикациях, предназначенных для международной переписки, название «Петербургской академией наук»²⁵.

Из этих примеров видна большая важность и семантическая емкость в русском языке слова «художества», подтверждающаяся его появлением в названии первой научной институции в России – Петербургской академии художеств и наук, адекватно передающим семантику и со-временный Петру смысл академического проекта, представлявшего из себя синтез теории и практики. Согласно его замыслу, художества и науки не могут быть разделены механически на историю науки (Академия наук) и историю искусства (Академия художеств и «Академия ремесел») и исследоваться изолированно друг от друга, поскольку для составления адекватной истории первых десятилетий Российской Академии наук необходимо видение частей как единого целого, которые нашли свое место в Академии, где целое больше чем его части. В этом контексте присутствие «художеств» в последней не выглядит противоречивым или ее недостатком, но напротив системным или структурным преимуществом, логической необходимостью присутствия в академии художественных палат и ремесленных мастерских.

Художества необходимо рассматривать в длинной традиции многовековой истории ремесел, родившихся в древнейшие времена в одной топологии и из одних практик вместе с искусствами и науками. Не удивительно поэтому, что науки и искусства петровского времени так часто употребляются в схожих контекстах вместе с ремеслами. Платон считал, что *techne* тесно связано с научными систематизированными знаниями, его ученик Аристотель – что это систематическое использование знаний в интеллектуальной деятельности человека. Резкие изменения произошли в переводе греческого *techne* на латинское *ars* и английское *art*. Древнегреческие *τέχνη* (техне) и *τεχνικός* (технический) переводятся как ремесло, технология, медицина, риторика и все искусства. Перешедшие в латинское *ars*, они понимаются как искусство в широком смысле: механическое, гуманитарное и изобразительное, включающее научное и ремесленное знание, все, что производится. Фома Аквинский (1225–1274) попытался примирить эти понятия в средневе-

²⁴ По мнению А.И. Юхта, проект Нартова предполагал выделение из состава Академии Наук и Художеств специальной Академии Художеств, что и произошло гораздо позднее [Экономические 1951: 415–416].

²⁵ Копелевич 1977: 56.

ковой схоластики, утверждая, что искусства того же типа, что и добродетель научного знания (*scientia*). *Ars* соответствуют английское *art* (искусство), *craft* (ремесло), *workmanship* (ремесленничество), *trade* (ремесло, торговля), *artfulness* (искусность, ловкость), немецкое *das Handwerk* (рука и произведение), *die Technik* (техника), *die Kunst* (искусство). Такие трансформации сказались на непрекращающейся борьбе порой непримиримых дискурсов до позднего Нового времени вплоть до наших дней. Эрик Шатцберг емко сформулировал эволюцию ремесел и технологий: «Технологии – внебрачное дитя неопределенного происхождения, результат искривленной генеалогии, пересекающей множество дискурсов. Ни одна научная дисциплина не владеет этим термином»²⁶. Итак, древнегреческий язык и латинский языки, легли в основу образования современных понятий науки, техники и искусства, родственных понятию ремесла. Отсюда происходят и «механические искусства» («*mechanical arts*»), основанные на принципах механицизма – («*mechanical philosophie*»), расцветшие первоначально вне стен университетов – в салонах «интеллектуалов» и частных академиях, затем – в Лондонском королевском обществе и Парижской Королевской академии наук²⁷.

Дискуссии о том, какая европейская академия послужила образцом, явилась прототипом Петербургской академии наук, продолжают и сегодня. Есть мнения, что это была Парижская академия наук, равно как и множество европейских академий. Целесообразно объединить эти концепции, чтобы показать, что Петербургская академия представляла из себя научный институт, выстроенный по европейским принципам организации науки со всей необходимой инфраструктурой: библиотекой, кунсткамерой вместе с обсерваторией, Ботаническим, т.е. Аптекарским (1713), садом, с 1735 г. Медицинским огородом, типографией, анатомическим театром, физическим кабинетом и химической лабораторией, подобно кабинетам физики в университетах Падуи, Турина или в Институте Болоньи²⁸. В то же время Петербургская академия наук – это еще и не имевший аналогов институт, в котором интегрированы гимназия, университет, художественные палаты и ремесленные мастерские²⁹. Следовательно, Петербургская академия наук – это уникальный проект, образцом для которого послужило великое множество примеров европейских академий, опыт которых в той или иной степени был учтен.

Само название «Академия или Социетет художеств и наук» несет в себе петровскую программу, впервые объединившую «художества и науки» в одной научной институции, что не получилось сделать в Англии, Франции, Германии, Италии и т.д. Лишь в 1780 г. основана «Американская академия искусств и наук» со схожей концепцией³⁰, первым

²⁶ Schatzberg 2017: 14.

²⁷ Garber 2006: 46.

²⁸ Bertucci 2013: 150.

²⁹ Копелевич, Соболева 1975.

³⁰ American Academy of Arts and Sciences, Кембридж, Массачусетс.

российским членом которой стал Леонард Эйлер, проголосовавший в 1733 г. за сохранение «Академии художеств», т. е. ремесел и искусств в Академии наук. Показательно и закономерно, что на основе американской академии в 1861 г. создан Массачусетский технологический институт (MIT), занимающий сегодня лидирующие позиции в рейтингах среди технологических университетов мира. На важность методологического соединения «художеств и наук» указывает их девятикратное упоминание в «Проекте учреждения Академии», выработка которого проходила при непосредственном личном участии Петра³¹, что не является случайностью и не вызвано его «недопониманием». Для петровского времени это совершенно естественно и логично, поскольку в этом словосочетании заключалась неразрывная связь «художеств и наук». Эта неразрывная связь привела впоследствии к рождению науки о технике и технологиях, хранившей ключ к запуску механизмов промышленной и научно-технической революции, заложивших основу модерности, то есть современных обществ и современной цивилизации.

В современной историографии заметна тенденция, в который раз «убрать художества» из истории Академии наук, корни которой уходят в академический спор 1950–1960-х гг., когда победил дискурс «чистой науки», где художества получили второстепенный ранг «большого “околонаучного” комплекса» с побочной, обслуживающей функцией³². Таковую позицию представила в последнее время Т.В. Костина, аргументационная линия которой основывается на корректном критическом анализе конвенционального названия, принятого в историографии второй половины XX века: «Проект положения об учреждении Академии наук и художеств»³³. Однако исследователь противопоставляет ему недавно обнаруженную среди бумаг А.И. Остермана обложку Проекта, на титульной странице которого представлено немецкое название: [das] «Projekt der Einführung der Akademie», с русским переводом «Проект учреждения Академии». Этого, как полагает исследователь, достаточно, чтобы отказаться от «художеств» в названии Академии, поскольку экземпляр Проекта, хранящийся в РГАДА, не имеет такового, а значит, если следовать ее логике, первенство должно быть отдано «варианту Остермана». Но такое название полностью соответствует законодательно закрепленному «Проекту учреждения Академии...» в приложении к именному указу из Сената «Об учреждении Академии...» от 28 января 1724 года. Считаем, что такой редукционизм является недостаточно убедительным ввиду наличия текста оригинала Проекта с названием новой «Академии, или Социетета художеств и наук», закрепленным именованным указом из Сената³⁴. Академический регламент, разработанный к 27 сентября 1725 года, но не утвержденный Екатериной I, повто-

³¹ ПСЗ-1 1830. № 4443.

³² Копелевич 1977: 135.

³³ См.: Проект 1975: 31–39.

³⁴ РГАДА 1724: 89–100; ПСЗ-1 1724: 220.

ряет все основные пункты петровского академического Проекта, а значит не входит в противоречие с последующей структурой и содержанием Петербургской Академии художеств и наук³⁵. Указание на неточности перевода в «варианте Остермана»³⁶, не принципиально, поскольку они устранены в «екатерининском» Регламенте³⁷.

Э. Шатцберг, вместе с Лео Марксом, объясняет такого рода интервенции «семантической пустотой», возникшей во время движения от искусства к прикладной науке, когда произошел неправильный перевод технологий как техники во время сужения понятий искусства и науки в XIX в., в следствие чего в начале XX в. отсутствовали адекватные понятия для описания не только художеств: ремесел и искусств в Академии наук, но и машин, технологий и новой индустриальной эры³⁸. В результате «потери» «художеств» в научном дискурсе, ремесла и мастера утратили свое легитимное место в истории Академии наук, став ее постылыми пасынками, а их место заняли «изобретатели, техники, технологи и инженеры». Еще один случай такой семантической пустоты представляет собой издание коллективной монографии «*Pierre le Grand et l'Europe des sciences et des arts...*» в 2020 г., что в переводе означает «Петр Великий и Европа наук и искусств...». В основе книги лежат материалы двух парижских коллоквиумов 2013 года под общим названием «Пётр Великий и Европа наук и искусств: контекст, система организации, распространение и использование знаний». Но по каким-то причинам издание русскоязычного тома получило схожее название с первым коллоквиумом: «Пётр I и европейский интеллектуальный мир: контекст, сети и циркуляция знания» или «Петр Великий и европейский интеллектуальный мир. Циркуляция знаний, взаимовлияния. 1689–1727»³⁹, что приводит сведущего читателя в некоторое недоумение заменой аутентичных «наук и художеств» на неологизмы «интеллектуального мира» и «искусств», которые Петр I не оценил бы, да и не понял⁴⁰. Тем более, что, говоря о терминологии, редакторы Д.Ю. Гузевич и И.Д. Гузевич, справедливо замечают, что в «историческ[ой] наук[е], ...именование, соответствующее эпохе, приобретает первостепенное значение», тут же делая некорректное замечание, что «художественное, научное... знание приобретает новое звучание, начинает теснить перенос знания технического», что в корне неверно, так как «художественное, научное» и «техническое» знание являются в данном контексте синонимами⁴¹. 27 декабря 1717 года непреходящий секретарь Академии Фонтенель, благодаря «Петра от имени Академии за согласие на свое избрание», писал

³⁵ Материалы 1885: 297–324.

³⁶ Костина 2022: 84.

³⁷ См.: Материалы 1885: 314.

³⁸ Schatzberg 2018: 11, 55, 116–117.

³⁹ Гузевич, Гузевич 2020: 13; Lepéhin.

⁴⁰ Мы не отрицаем продуктивность понятия «интеллектуального мира» в других контекстах. См.: Келлер: 2022.

⁴¹ Гузевич, Гузевич 2020: 15, 18.

о «счастливейшем из переворотов» в России – воцарении в ней «Наук и Искусств»⁴². Данную замену «художеств» на «искусства» можно было бы объяснить особенностями русского перевода или случайным совпадением, если бы не многочисленные повторения, позволяющие говорить о некоей тенденции и сложившемся дискурсе в академической истории Академии наук, требующем «выкинуть искусства из ее истории», очистить, наконец, историю науки от присутствия в ней «художеств» как чуждых «чистой науке», что искажает смысл академического проекта Петра I⁴³.

Это программа Петра, его авторский масштабный академический проект по укоренению института современной науки, проект, дававший перспективу развития на 200–300 лет. Царь-ремесленник прекрасно понимал, что технологическая успешность Европы, а значит и ее первое глобальное технологическое лидерство⁴⁴, основывалось на союзе: *наук*, для анализа и синтеза, *искусств*, для концептуализации и визуализации, и *ремесел*, для технического оснащения и практической реализации, т. е. проектирования, моделирования и производства. В России эта программа была реализована лишь частично ввиду дефицитов в экономике и высоких транзакционных издержек (Дуглас Норт). Учёные XVII века сделали то же самое, что и немецкие и российские инженеры конца XIX века, когда первые возвели храм науки на фундаменте ремесленных технологий, оставив ремесленников на пристани технического прогресса и отправившись в кругосветное путешествие, а вторые – повысили свой социальный статус за счёт цеховых мастеров и технологов, в чем им помогла, как идеология века Просвещения, так и «технического прогресса», записавшая цеховых ремесленников в «козлов просвещения и индустриализации».

Почти сразу и единодушно Петербургская академия наук была признана «парадизом для ученых», обретших в России свою вторую родину. Именно Петербургская академия наук стала тем подобием «Дома Соломона» в «Новой Атлантиде» Фрэнсиса Бэкона⁴⁵, экспериментальным пространством в локусе Санкт-Петербурга – «лаборатории модерна», как назвал его Карл Шлэгель. Основана Академия, институционально объединившая «художества и науки», теорию и практику, подобно тому, как это описал Фрэнсис Бэкон в «Новой Атлантиде»

⁴² Демёленэр-Дуйер 2020: 88.

⁴³ См., напр.: Lerehlin 2022, где в названии французского тома окончательно исчезает «...l'Europe des sciences et des arts».

⁴⁴ Война за испанское наследство (1701–1714) крайне истощила Голландию, которая не могла больше соперничать с Англией в морской торговле и, наряду с Испанией, прекратила быть великой державой.

⁴⁵ Согласно утилитаристской позиции английского философа, производство практических знаний должно было помочь завоевать природу и освоить ее богатства. Сегодня данный взгляд принципиально пересмотрен, а устранение негативного воздействия т.н. «побочных последствий» на экологию, объявленную важным фактором будущего развития человечества, направлены усилия международного сообщества.

(1594), где описана республика ученых на утопическом острове Бенсалема и «Дом Соломона», откуда каждые 12 лет должны были отправляться в разных направлениях два корабля «для ознакомления [...] с науками, искусствами, производствами и изобретениями всего мира»⁴⁶. Основное внимание исследователя, согласно новой познавательной установке (эпистема по М. Фуко) направлено теперь на изучение самой природы⁴⁷, что явилось следствием смены парадигм в начале XVI в. среди ученых и философов, разрушившим «барьер между эпистемой и техне, сделавшим возможным фундаментальное переосмысление отношений между теорией и практикой, рациональным и практическим, философией и искусством»⁴⁸.

Остров Бенсалема и Дом Соломона, как центральный институт ученых с высоким автономным статусом, который дает им королевская власть, – это «проект новой всегосударственной организации науки – идеализированное предвосхищение будущих европейских академий наук, как впоследствии не раз отметят многие ученые. Так, организаторы Лондонского королевского общества Спрат, Бойль и Гленвиль прямо заявляли, что они только выполняли бэконовскую программу», – что можно сказать и о планах Г.В. Лейбница создания «влиятельной коллегии» по введению «просвещения, наук и художеств» в России. Аналогично планам Лейбница, «прерогативу бенсалема, „Дома Соломона“ составляют не только планирование и организация научных исследований и технических изобретений, но и распоряжение производительными силами страны, ее природными ресурсами и производством. Ему принадлежит забота о внедрении в промышленность, сельское хозяйство и быт достижений науки и техники»⁴⁹, что соответствует требованиям Бэкона по созданию «государственных учреждений, деятельность которых полностью посвящена развитию искусств и ремесел»⁵⁰.

Но это еще не означало социального равноправия во взаимодействии ученых и ремесленников, где последние не являлись «джентельменами» или «свободными актерами», не имея доступа к культуре доверия. В результате этого ремесленник стал, по выражению Стивена Шейпина, «невидимым техником», исполнявшим техническую часть эксперимента, что привело к стиранию ремесленного труда из отчетов по его проведению. Это нисколько не умаляет труд ремесленников, оставшийся важным фактором в экспериментальной науке XVII–XVIII веков⁵¹. Э. Шатцберг называет четырех мыслителей: Карла Маркса, русского инженера Петера Энгельмайера, Вернера Зомбарта и Макса Вебера, идеи которых повлияли на изменение отношения к тех-

⁴⁶ Бэкон 1977: 68–69; т. 2: 499–500.

⁴⁷ Колчинский, Сыгин, Смагина 2004: 6.

⁴⁸ Schatzberg 2018: 53.

⁴⁹ Субботин 1978: 54.

⁵⁰ Деар, Шейпин 2015: 97–99.

⁵¹ Там же; цит. по: Schatzberg 2018: 53.

нологиям как просто к машинам⁵². Им последовали историки и социологи науки Торстейн Веблен, Эдгар Зильсель, Льюис Мамфорд, стоявшие в начале концептуального поворота в отношении ремесел и технологий, определившего положительное изменение места «художеств» в аксиологической системе науки, положившего начало большому направлению в современной историографии по истории науки, исходящей из постулата, что ремесленные знания и практики играли ключевую роль в становлении современной науки. Объединившие свои усилия ученость и ремесло должны были помочь объяснить и скопировать «машину природы» – с помощью «механики изготовления фактов», опытов и экспериментов. Ремесленный мастер изготовил в том числе и такие инструменты, как телескоп, микроскоп и скальпель, бросившие «вызов средневековому представлению о месте человека во Вселенной и об устройстве человеческого тела», лишившие «людей былого положения в центре мироздания, [...] [приоткрыв] тайну живой материи»⁵³.

Теперь это был не только мир ученых, но и «яркий раннесовременный мир элитных ремесленников, объединивших науку и искусство, мир художников, граверов, производителей инструментов, практикующих врачей и мелких торговцев, [...] технологии [которых] сыграли ключевую роль в развитии современной науки. Однако структура науки раннего Нового времени противоречила социальной структуре того времени»⁵⁴. Этот новый взгляд на Научную революцию, вызван повышенным интересом к науке как к некоей культурной активности, времяпрепровождению для «джентльменов». Теперь, в результате появившейся социальной конструкции знания, сфокусированного на практике, наука изучается не как набор теорий, а скорее, как практика для «практикующих» науку⁵⁵. Трансформация отношения к природе и материальному миру означала изменение методов и способов работы с материалом.

Научные сети ученых, академий, научных и философских кружков в Западной, Центральной, Южной, а затем и в Восточной Европе, возникли в мировой истории впервые, за счёт чего этот регион на долгое время занял лидирующие позиции в технологической конкуренции. Эти сети достигли к началу XVIII в. невиданной концентрации: только в одной Италии имелось около 1.000 академий по типу платоновской, ставших собраниями художников, литераторов, философов, ремесленников и учёных. Здесь нет еще узкоспециализированных «чистых» ученых, художников или ремесленников. Многие члены академий XVII – начала XVIII вв., обладая навыками ремесленных мастеров, могли сами изготавливать необходимые инструменты, а художники и ремесленные мастера: механики, часовщики, слесари, инструментальщики, токари, оп-

⁵² Schatzberg 2018: 98.

⁵³ Сеннет 2008: 207.

⁵⁴ Деар, Шейпин 2015: 90–116, 350, 412–458.

⁵⁵ Smith 2004: 18.

тики, многие другие, не могли обойтись без познаний в математике, химии, физике, становясь порой членами академий, что в прежние времена было немислимо. Специалисты широкого профиля, они подобны людям эпохи Возрождения, но с иным пониманием того, что есть научное знание и научный опыт, добытый с помощью эксперимента, немислимого без «интеллигентных» рук, знаний и умений художников и ремесленников. Прекрасной иллюстрацией к вышеизложенному является мнение Михайло Васильевича Ломоносова в его «Слове о пользе химии» (1751): «Науки художествам путь показывают; искусства происхождение наук ускоряют. Обои общею пользою согласно служат»⁵⁶.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Азаренко С.А., Келлер А.В. Теоретико-методологические аспекты социальной топологии ремесла // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. № 5. С. 81–90 [Azarenko S.A., Keller A.V. Teoretiko-metodologicheskie aspekty sotsial'noj topologii remesla // Intellect. Innovacii. Investicii. 2021. No. 5. P. 81–90].
- Академия наук СССР: Краткий ист. очерк: (В 2 т.) / Г.Д. Комков, Б.В. Левшин, Л.К. Семенов. Т. 1: 1724–1917. 2-е изд. М.: Наука, 1977 [Akademiya nauk SSSR: Kratkij ist. ocherk: (V 2 t.) / G.D. Komkov, B.V. Levshin, L.K. Semenov. T. 1: 1724–1917. 2-е изд. М.: Nauka, 1977].
- Алексеева М.А. Гравировальная палата (исторический очерк) // Гравировальная палата Академии наук XVIII века: сб. документов / АН СССР; сост. М.А. Алексеева и др.; отв. ред. Б.В. Левшин. Л.: Наука, 1985 [Aleksееva M.A. Graviroval'naya palata (istoricheskij ocherk) // Graviroval'naya palata Akademii nauk XVIII veka: sb. dokumentov / AN SSSR; sost. M.A. Aleksееva i dr.; otv. red. B.V. Levshin. Leningrad: Nauka, 1985]
- Анисимов Е.В. и др. История технических прорывов в Российской империи в XVIII – начале XX вв.: уроки для XXI в.? Доклад ЕУСПб для ГК «Роснано», сентябрь 2010 [Anisimov E.V. i dr. Istoriya tekhnicheskikh proryvov v Rossijskoj imperii v XVIII – nachale XX vv.: uroki dlya XXI v.? Doklad EUSPb dlya GK «Rosnано», sentyabr' 2010].
- Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. [Bekon F. Sochineniya: V 2 t. 2-е изд., ispr. i dop. М.: Mysl', 1978. Vol. 2. (Filosofskoe nasledie)].
- Вагеманс Э. Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды. (1716–1717). Перевод с нидерландского В.К. Ронина. СПб.: Изд- «Европейский Дом», 2013 [Vagemans E. Tsar' v Respublike. Vtoroe puteshestvie Petra Velikogo v Niderlandy. (1716–1717). Perevod s niderlandskogo V.K. Ronina. SPb.: Izdatel'stvo «Evropejskij Dom», 2013].
- Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Предисловие редакторов. Петр Великий и европейский интеллектуальный мир. Циркуляция знаний, взаимовлияния (1689–1727). Постановка проблемы и итоги обсуждения // Петр Великий и европейский интеллектуальный мир. Циркуляция знаний, взаимовлияния. 1689–1727 / Под ред. Д. Ю. Гузевича и И. Д. Гузевич. Париж-СПб.: Европейский дом, 2020. С. 13–32 [Guzevich D.Yu., Guzevich I.D. Predislovie redaktorov. Petr Velikij i evropejskij intellektual'nyj mir. Tsirkulyatsiya znanij, vzaimovliyaniya (1689-1727). Postanovka problemy i itogi obsuzhdeniya // Petr Velikij i evropejskij intellektual'nyj mir. Paris–SPb.: Evropejskij dom, 2020. P. 13-32].
- Данилевский В.В. Нартов и «Ясное зрелище машин». М.-Л., 1958. 271 с. [Danilevskiy V.V. Nartov i «Yasnoe zrelishe mashin». Moscow-Leningrad, 1958. 271 p.].
- Депар П., Шейпин С. Научная революция как событие. М.: НУО. 2015 [Dear P., Shapin S. Nauchnaya revolyutsiya kak sobytie. М.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2015].
- Демеленэр-Дуйер К. «Единоголосно и без баллотировки»: Петр I и Парижская Королевская Академия наук [Christiane Demeulenaere-Douyère. «Edinoglasno i bez ballotirovki»: Petr I i Parizhskaya Korolevskaya Akademiya nauk] // Petr Velikij i evropejskij intellektual'nyj mir... Р. 80–93].
- Живописец: Часть 1: Еженедельное на 1772 год сочинение. СПб.: [Тип. Акад. наук], [1772] [Zhivopisets: Chast' 1: Ezhenedel'noe na 1772 god sochinenie. SPb.: [Tip. Akad. nauk], [1772].
- Келлер А.В. К предыстории появления «художеств» в Петербургской академии наук 1697–1724 // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13. № 4. С. 33–54 [Keller A.V.

⁵⁶ Ломоносов 1950: 166.

- К predystorii povyleniya «khudozhestv» v Peterburgskoj akademii nauk, 1697–1724 // *Sociologiya nauki i tekhnologii*. 2022. T. 13. № 4. S. 33–54].
- Колчинский Э.И., Сьтин А.К., Смагина Г.И. Естественная история в России (Очерки развития естествознания в России в XVIII веке). СПб.: Изд-во СПб ИИ РАН «Нестор-История», 2004 [Kolchinskij E.I., Sytin A.K., Smagina G.I. Estestvennaya istoriya v Rossii (Ocherki razvitiya estestvoznaniya v Rossii v XVIII veke). SPb.: Izdatel'stvo SPb II RAN «Nestor-Istoriya», 2004].
- Копелевич Ю.Х., Соболева Е. В. Российская академия наук // Большая советская энциклопедия. в 30-ти т. 3-е изд. Т. 22. М.: Совет. энцикл., 1975 [Kopelevich Yu.H., Soboleva E.V. Rossijskaya akademiya nauk // Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. v 30-ti t. 3-e izd. T. 22. M.: Sovet. entsikl., 1975].
- Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук; АН СССР, Ин-т истории естествознания и техники. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 211 с. [Kopelevich Yu.H. Osnovanie Peterburgskoj akademii nauk; AN SSSR, In-t istorii estestvoznaniya i tekhniki. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1977. 211 s.].
- Костина Т.В. «О приведении Академии в надлежащий порядок»: регламентирующие документы Петербургской академии наук 1724–1735 // Петр I и становление российской науки: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 3–5 октября 2022 г. / отв. ред. Т.А. Базарова. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 83–84 [Kostina T.V. «O privedenii Akademii v nadlezhashchij porjadok»: reglamentiruyushchie dokumenty Peterburgskoj akademii nauk 1724–1735 // Petr I i stanovlenie rossijskoj nauki: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Sankt-Peterburg, 3-5 oktyabrya 2022 g. / otv. red. T.A. Bazarova. SPb.: Nestor-Istoriya, 2022. S. 83–84].
- Летопись Российской Академии наук. Т. 1, 1724–1802 / отв. ред. Н.И. Невская. СПб., 2000 [Letopis' Rossijskoj Akademii nauk. Vol. 1, 1724–1802 / otv. red. N. I. Nevskaya. St Petersburg, 2000].
- Ломоносов М.В. Слово о пользе химии // М.В. Ломоносов. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1950. [Lomonosov M.V. Slovo o pol'ze khimii // M.V. Lomonosov. Izbrannye proizvedeniya. Moscow.: Gospolitizdat, 1950].
- Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 1: 1716–1730. Т. 1. СПб., 1885 [Materialy dlya istorii Imperatorskoj akademii nauk. T. 1: 1716–1730. T. 1. SPb., 1885].
- Мезин С.А. Пётр I во Франции; Институт Петра Великого. СПб.: Европейский Дом, 2015. [Mezin S.A. Pyotr I vo Frantsii; Institut Petra Velikogo. SPb.: Evropejskij Dom, 2015].
- Миллер Г.Ф. Избранные труды; сост., ст., примеч. С. С. Илизарова. М.: Янус-К: Московские учебники, 2006 [Miller G.F. Izbrannye trudy; sost., st., primech. S.S. Ilizarova. M.: Yanus-K: Moskovskie uchebniki, 2006].
- Нехачин И.В. Ядро истории государя Петра Великого, первого императора всероссийского: С присовокуплением описания монумента, воздвигнутого в память сему Отцу Отечества Екатериною II Великою, и с краткою историею сына его, царевича Алексея Петровича. / М.: В вольной типографии А. Решетникова, 1795. [Nekhachin I.V. Yadro istorii gosudarya Petra Velikago, pervago imperatora vserossijskago: S prisovokupleniem opisaniya monumenta, vozdvignutago v pamyat' semu Otsu Otechstva Ekaterinoyu II Velikoyu, i s kratkoyu istorieyu syna ego, tsarevicha Alekseya Petrovicha / M.: V vol'noj tipografii A. Reshetnikova, 1795].
- Петр Великий и европейский интеллектуальный мир / ред. Д.Ю. Гузевич, И.Д. Гузевич. Париж; СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2020. [Pierre le Grand et l'Europe des sciences et des arts: Circulations, réseaux, transferts, métissages (1689–1727): Monographie collective issue des deux colloques tenus a Paris 28-29 et 30 mars 2013 / Sous la dir. de Dmitri Gouzévitch et Irina Gouzévitch. Saint-Petersbourg: Edition Evropeyskij Dom, 2020].
- Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗ-1). СПб., 1830. Т. 5. № 4443 [Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda (PSZ-1). St Petersburg, 1830. Vok. 5. No. 4443].
- Проект положения об учреждении Академии наук и художеств, 1724 г. // Уставы Академии наук / отв. ред. Г. К. Скрябин. М., 1975 [Projekt polozheniya ob uchrezhdenii Akademii nauk i khudozhestv, 1724 g. // Ustavy Akademii nauk / otv. red. G. K. Skryabin. M., 1975].
- РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 18: Указы Петра I Сенату. 1724 г. 457 л. [RGADA. F. 1451. Op. 1. D. 18: Ukazy Petra I Senatu. 1724 g. 457 l.].
- Редин Д.А. Очарование «регулярства»: еще раз о «ментальном государстве» Петра Великого. Ч. 1. Петр I: Интеллект и психология мышления // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 49–59 [Redin, D.A. (2020). Ocharovanie «regulyarstva»: Eshhe raz o «mental'nom gosudar-

- stve» Petra Velikogo [The charm of „regularity”: Once again about the “mental state” of Peter the Great]. Ch. 1. Petr I: Intellect i psihologiya myshleniya [Intellect and psychology of thinking]. Dialog so vremenem. Vyp. 73. S. 49–59].
- Сеннет Р. Мастер. М.: Strelka Press, 2018 [Sennet R. Master / Per. s angl. M.: Strelka Press, 2018].
- Субботин А.Л. Фрэнсис Бэкон и принципы его философии // Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т.: [Перевод] ...; М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 5–55 [Subbotin A.L. Frensis Bekon i printsipy ego filosofii // Bekon F. Sochineniya: V 2 t.: [Perevod] ...; M.: Mysl', 1978. T. 2. S. 5–55].
- Юхт А.И. В.Н. Тагичев и развитие науки и просвещения в России // Вестник Академии наук СССР. 1987. № 6. С. 104–116 [Yukht A.I. V.N. Tatischev i razvitie nauki i prosveshcheniya v Rossii // Vestnik Akademii nauk SSSR. 1987. No. 6. P. 104–116].
- Bertucci P. The Architecture of Knowledge: Science, Collecting and Display in Eighteenth-Century Naples (Chapter 7) // Hills, H. New Approaches to Naples c. 1500 – c. 1800: The Power of Place (M. Calaresu, Ed.) (1st ed.). Routledge, 2013. P. 149–174.
- Garber D. Physics and Foundation. Part 1. The New Nature // The Cambridge History of Science. Vol. 3: Early Modern Science. Ed. by Katharine Park and Lorraine Daston. Cambridge University Press, 2006. P. 21–69.
- Лерхин М.Р. Рец.: «Д.Ю. Гузевич, И.Д. Гузевич, ред. Петр Великий и европейский интеллектуальный мир. Циркуляция знаний, взаимовлияния (1689–1727) // Cahiers du monde russe, 63/3–4. 2022, 776–781 [D.Ju. Gouzévitch, I.D. Gouzévitch, réd., Pierre le Grand et le monde intellectuel européen: circulation des savoirs, influences mutuelles (1689–1727): Monographie collective basée sur les matériaux de deux colloqu coastenus à Paris les 28–29 et 30 mars 2013].
- Schatzberg E. Technology: Critical history of a concept. Chicago: Uni-ty of Chicago Press. 2018.
- Smith P.H. The Body of the Artisan: Art and Experience in the Scientific Revolution. Uni-ty of Chicago Press, 2004.

Келлер Андрей Викторович, доктор исторических наук, доктор философии, старший научный сотрудник, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет; *keller26000@gmail.com*

St. Petersburg Academy of Arts and Sciences in the Network of European Academies in the Early Modern Period The Place of "Arts" in the Structure of Scientific Knowledge

This article analyzes the structure of scientific knowledge in the Early Modern period with reference to the place of "arts" in the Academy of Arts and Sciences, established by a nominal decree from the Senate on January 28 (February 8), 1724 in St. Petersburg, and the place of the latter in the pan-European network of academic communities. The study aims to show the relevance and innovativeness of the Russian academic project, both due to specific Russian conditions and the peculiarities of the structure of scientific knowledge of the Early Modern period. Based on 1) the common and the different between the St. Petersburg Academy of Sciences and the leading European academies, 2) peculiarities of the phrase "arts and sciences" in the context of Petrine times, the thesis is substantiated that the Art Chambers and craft workshops at the Academy did not just "serve" the needs of science and carry out "side" work that had nothing to do with "pure science". The arts were themselves instruments of "fact production" in and for science, inseparable from its process. At the time of the establishment of the Academy, there could be no sciences without art, just as there could be no arts without sciences. The presence of the phrase "arts and sciences" in the name of the Academy is well explained by the semantics of the word "art", which included sciences, arts, and crafts.

Keywords: *Peter I; Saint Petersburg; Academy of Sciences; art or craft chambers; arts and sciences; scientists and artisans.*

Andrei V. Keller, Dr. Sc. (History), Dr. Ph., Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation; *keller26000@gmail.com*

В.П. БУДАНОВА

ЧТО СКАЗАЛОСЬ И О ЧЕМ УМОЛЧАЛА «GETICA» ИОРДАНА

На основе системного анализа мировосприятия человека и писателя VI в. Иордана в статье предпринята попытка осмыслить сумбурное изложение событий, композиционные приемы путаницы, авторских сокрытий и исключений в тексте «Getica». Предложен анализ творческой стратегии Иордана в применении особых средств организации текста. Подчеркивается, что доминирующая тема сочинения сопровождалась тенденциозностью, композиционными приемами авторских умолчаний и исключений. Главное внимание в статье обращено на лакуны и громкие умолчания «Getica». Высказано предположение, что Иордан осуществлял их умышленно и достаточно грамотно. Ставится вопрос о необходимости актуализировать внимание к исследованию лакун и умолчаний письменного источника во избежание его двусмысленной интерпретации и фальсификации истории.

Ключевые слова: Иордан, «Getica», умолчание, молчание письменного источника, готы, остроготы, Римская империя, Византия, Амалы, Барбарикум, готский миф.

В мировой исторической науке «Getica» Иордана явно повезло: она занимает особое место, определяемое как степень ее информативности, так и объемом, и масштабом связанных с ней дискуссий. Поочередно меняется взгляд на Иордана – от самого низкопробного компилятора, в спешке составившего эскиз сочинения Кассиодора, добросовестно изложив его вымыслы и фальсификации, до «иконы» истории Великого переселения народов, создателя мифологизированного образа величия и славы отдельных варварских племен и их предводителей. Многолетний опыт исследования истории германского варварского мира рубежа Античности и Средневековья уже давно убедил историков, археологов и филологов в бесценной уникальности свидетельств Иордана¹. Начиная с XVIII в. в «Getica» пристально глядявались не одно поколение изучающих миграции, расселение, военные походы, отношения с Римской империей и племенами Барбарикума, материальную и духовную культуру готов, историю их яркого взлета, непредсказуемую (по меркам древнего мира) одиссею и неспешный, в отличие от других германских племен, трагический уход в небытие. Историография парадоксов и противоречий «Getica» весьма богата, но заниматься ею мы здесь не будем.

Вопрос достоверности и ценности информации «Getica» сегодня ставится по-другому: уже достаточно подробно изучено то, что сказал Иордан, теперь предстоит изучить то, о чем он умолчал, что спрятал или исключил из своих воспоминаний. Молчание письменного источника, как особое средство организации текста, становится важным объектом изучения скрытой «присутствием отсутствия» (термин М. Хайдеггера) истории варваров. При этом доминирующим аспектом исследования

¹ Скржинская 1997; Wagner 1967; Вольфрам 2003; Скардилды 2012; Teillet 2011. P. 305-334.

«Getica» становится изучение текста, как «хранилища» информации по умолчанию и молчанию истории варваров. Молчание авторского текста – это уникальное, неповторимое явление, зачастую личное убежище и защитный механизм его автора. Безмолвие письменного источника, в данном случае «Getica», обладает самой высокой энергией сопротивления нежелательным фактам и событиям, которые автор табуирует.

Когда в середине VI в. благочестивый Иордан, находясь в Равенне, уединившись в монастыре, ловил «мелкую рыбёшку в стоячих водах предков»² и в спешке писал «Getica», его соплеменники готы, пребывая в страхе и унынии, покидали город, опасаясь преследований со стороны властей византийского императора Юстиниана. К этому времени, пройдя через многочисленные войны, торговые и миссионерские контакты, римляне уже давно жили вместе с готами и многое знали о них. Свои версии об этих племенах Барбарикума уже поведали Тацит, Дион Кассий, Дексипп, Аммиан Марцеллин, Зосим, Орозий и другие представители античной и раннесредневековой письменной традиции. И само название «готы» к середине VI в. уже превратилось в собирательную, общую дефиницию для конгломерата восточногерманских племен, пришедших в Империю из-за Днестра и заселивших ее ближнюю и дальнюю периферию. Письменная традиция сохранила представление этого времени о «ситуативной готскости». Имя «готы» притягивало своими победами, готский этноцентризм сплачивал племена в самых напряженных ситуациях, а в пору расселения в Империи их объединял опыт статуса федератов. И чем дольше готские племена находились в этом статусе, тем меньше у них было шансов остаться готами, создать и сохранить собственную государственность³.

Добротные результаты историко-филологического анализа биографии и наследия Иордана показывают, что для историков Иордан уникальный автор, но как писатель не очень интересный и не очень талантливый⁴. Острогот по происхождению, из знатного, но не правящего рода, детство и юность провел в гото-аланской среде Нижнего Дуная. Считается, что его родным языком была придунайская латынь, но Иордан знал и греческий, разговоры на котором слышал, проживая в Нижней Мёзии и Фракии. И хотя регулярного школьного образования не получил, не изучал «тривия» (грамматика, риторика, логика), но был достаточно грамотен, обучен письму и составлению по определенным правилам грамот. Значительным запасом широких познаний Иордан овладел, занимаясь самостоятельно, читая труды античных историков, географов и хронистов. Находясь на византийской службе, состоял нотарием у крупного военачальника Гунтигиса Базы. За короткий период

² Iord. Get. 1.

³ Буданова 2013. С. 25-34.

⁴ См., например.: Schmidt 1934–1938; Wagner 1967; Svennung 1969. S.71–80; 1972; Hachmann 1970; Lenski 1995. P. 51–87; Вольфрам 2003; Christinsen 2002; Teillet 2011; Coumert 2007; 2016. P. 816–817.

службы у Гунтигиса, который принадлежал к знатному готскому роду Амалов, обрел связи в Италии и столице Остготского королевства Равенне. Еще в Мёзии, находясь среди «малых гот», Иордан принял христианство в арианском толковании, но после переезда в Италию, (вероятно, после 538 г.) стал приверженцем христианства ортодоксального толка. В Равенне входил в группу лиц, называемых *religiosi*, которые, соблюдая некоторые правила монашеской жизни, оставались мирянами.

Удалившись от государственных дел, этот достаточно скромный, на первый взгляд без особых амбиций человек, как было принято в его время, предался литературным занятиям. В 550/551 гг., находясь в Равенне, он, по настоянию своего друга, крупного должностного лица Вигилия, начал писать труд «О сумме времен, или о происхождении и деяниях римского народа» («*De summa temporum uel origine actibusque gentis Romanorum*») (сокр. «*Romana*»). Но по просьбе Касталия, также одного из своих друзей, внезапно прервал работу и принялся за спешное написание/составление другого сочинения – «О происхождении и деяниях гетов» («*De origine actibusque Getarum*») («*Getica*»).

В исследовательском дискурсе «*Getica*» занимает особое место благодаря объёму и разнообразию содержания, ценности информации, спорности связанной с ней проблематики, а также по особой популярности у историков, этнологов, филологов и археологов. По замыслу она должна была представлять собой краткое изложение 12-томной (утраченной впоследствии) «Истории гот» Кассиодора с привлечением сочинений греческих и римских историков. «История гот» тайно хранилась в одном экземпляре в Равенне, где чаще всего жил Кассиодор, находясь в ведении его диспенсатора (управляющего). От него Иордан, выполняя заказ Касталия, получил это сочинение, чтобы осветить в памяти историю гот и передать ее «своими словами»⁵.

В условиях общей смуты, ненависти, страха, лжи, предательства и лицемерия Иордан, не обладая особым талантом и, скорее всего, не испытывая особой заинтересованности спасать предававшую интересы гот остготскую знать и лавирующих или эмигрировавших в Константинополь римских аристократов (сенаторы Кассиодор, Либерий и Цетег), спешил составить историю о происхождении и деяниях гот. За три дня он перечитал 12 книг Кассиодора, а затем в короткий срок сделал эксцерпт этого сочинения. Следует обратить внимание на то, что «История гот» Кассиодора имела целью показать римским подданным Теодериха, что у остроготов не менее древняя и славная история, чем у римлян. Этим утверждалось право гот на полную независимость Остготского королевства. Сочинение Кассиодора позиционировало противопоставление Остготского королевства Византийской империи и отход от нее Италии. Важно также иметь в виду, что, восстанавливая древнюю историю гот и окружая ореолом величия королев-

⁵ Iord. Get. 1.

ский дом Амалов, Кассиодор не останавливался ни перед какими вымышленными комбинациями. Он приписывал готам историю гетов, скифов, фракийцев, сознательно совершил ряд фантастических реконструкций и анахронистических построений. Нельзя не заметить и то, что с сочинением Кассиодора Иордан имел возможность ознакомиться ещё до изменения политической ситуации в королевстве остготовов. Когда войска императора Юстиниана завершали завоевание остготской Италии, было необходимо, с точки зрения римской и части остготской знати, преклониться перед византийским императором и отмежеваться от тех гетов, которые ещё боролись против него.

При этом, окружая ореолом величия остготский королевский дом Амалов, ему, подданному Восточной Римской империи, было необходимо преклониться перед ее высокомерием и надменностью, от которой после завоевания остготской Италии зависела судьба его соплеменников гетов. На глазах Иордана рушился и нес потери привычный не только для римлян, но и для гетов мир, выживали только сильнейшие. Он был свидетелем того, как многие германцы стали лидерами не только среди «своих», но и среди «чужих». Именно благодаря этим уже консимилированным германцам, в их числе готам, даже в середине VI в. Западная Римская империя, разрушенная и униженная, отказываясь быть Римской империей, не исчезала окончательно⁶.

Пребывание гетов на римской земле порождало двойственное, ложное ощущение общности с римским миром. Право быть самим собой, следовать своим правилам жизни, обычаям и традициям, или подчиниться и принять чужое, было мучительной проблемой выбора для многих германских племен на всех этапах их истории⁷.

Неизвестно, насколько сильно переживал романизированный гот Иордан свою родовую принадлежность к готской общности. Но при написании «Getica» из прошлых деяний гетов его цепкая память сохраняла то, что ему, вероятно, представлялось в середине VI века актуальным, необходимым и жизнеутверждающим – «достойную восхищения древность»⁸. Вольно или невольно в «Getica» отразились три стратегии поведения готских племен: стремление отделиться и жить независимо, стремление действовать против Империи наступательно и агрессивно и проявление заинтересованности в доброжелательных и взаимовыгодных контактах.

Текст «Getica» говорит также о том, что его автор одним из первых в раннем Средневековье прошел искушение «идолом истоков». Иордан поведал в «Getica» о поразительном масштабе готской одиссеи, о том, каким образом племена далекой Скандзы оказались в Италии. Так, первое поколение (готы Филимера), начавшее свое движение к границам Римской империи, считало, что путь в «крайнюю часть Ски-

⁶ Шкаренков 2008. С. 233-239; Уколова 2014; Никишин 2016. С. 99-129.

⁷ Вольфрам 2003.

⁸ Iord. Get. 43.

фии» и поиски Ойум – это их выбор, их решение (*consilio sedit*)⁹. Но уже представители следующих поколений готских мигрантов (готы Остроготы, Книвы, Ариариха, Аориха), вторгаясь в римские пределы, ссылались на то, что так делали их предки¹⁰. Для поколения готов, которые уже обустроились на территории Римской империи (готы Алариха, Атаульфа, Теодорида I, Торисмуда, Евриха), считалось нормой, что так и должно быть¹¹. Сам же Иордан принадлежал к тому поколению, которое верило, что пребывание готов в Италии в центре римской цивилизации – это нормально и естественно, ибо так существует мир¹².

Представитель знатного остготского рода из Нижнего Подунавья, потомственный нотариий, византийский чиновник в отставке Иордан, составляя «Getica», допускал вымышленные комбинации, фантастические реконструкции и анахронистические построения, на что исследователи уже неоднократно обращали внимание¹³. Однако сумбурное изложение событий, путаница, лакуны и умолчания свидетельствуют не только о спешке или политической, византийско-верноподданнической тенденциозности автора. Композиционные приемы сокрытий, умолчаний и исключений Иордан осуществлял достаточно грамотно. Путаница в «Getica» отчасти умышленная. Так, например, контаминация «готы-геты» имеет большее значение, чем старание отождествить эти племена, что уже отразилось в самом названии сочинения – «О происхождении и деяниях гетов» («*De origine actibusque Getarum*»).

Нельзя не видеть и того, что текст «Getica» рассказывает свою собственную историю, совершенно отличную от той, которую сочинил ее создатель Иордан. И что же нам говорит этот текст? Прежде всего, это «картина мира», определяющая мировосприятие и миропереживание самого Иордана. «Getica» – это уникальный источник раннего европейского Средневековья, своего рода исторического транзита «зловещего распутия варваров»¹⁴, насыщенного противоречиями и загадками. У Иордана все предельно однозначно: он не пишет о том, чего нет, что даже не намечается в действиях готов. Конкретный набор фактов готской истории достаточно ограничен. Лакуны «Getica» неоднозначны и читаются как послания. Умолчания в тексте отражают свою логику недоговоренности, недосказанности как намеренного сокрытия, подобие *prima fraus*. Понимание догадкой и высказывание намеком создают ореол загадочности текста «Getica». Складывается впечатление, будто сам Иордан подчас томится тайной своего спешно составленного сочинения. Он постоянно нарушает логику повествования, словно опасаясь разоблачения. Может быть, его умолчания обусловлены травматиче-

⁹ Idem. Get. 26.

¹⁰ Idem. Get. 100, 101-103, 112.

¹¹ Idem. Get. 137-138, 147.

¹² Idem. Get. 289-314.

¹³ См., например: Goffart 1988; Coumert. 2016. P. 814-817.

¹⁴ Gild. Sap. 10.

ским опытом прошлого или страхом возможных преследований, опасением нежелательного переселения из Италии в Восточную Римскую империю? Иордана, находившегося между Константинополем, остготской знатью, и высшей римской аристократией, вероятно, не привлекала перспектива оказаться в круговороте тайных заговоров и дворцовых интриг, которые сопровождались и странным предательским поведением франков, и равнодушием лангобардов. Воистину, *tempora fuero barbarica*¹⁵. К тому же у него, вероятнее всего, не было возможности отказаться от составления «*Getica*». В политическом и социокультурном контексте середины VI в. композиционные изъяны и стилистика «*Getica*» прячут в себе то, что «сказалось» независимо и помимо Иордана. И это уже не свидетельствует о неудачном сочетании автором выдумки (*inventio*), подражания (*imitatio*) или умолчания (*silentio*). Вероятнее всего, мы видим сдержанную позицию выживания и сохранения личной безопасности человека варварского происхождения в условиях общей смуты, страха, лжи, предательства и лицемерия в Италии середины VI в.¹⁶ Составляя по просьбе своего друга Касталия сокращенный вариант сочинения Кассиодора, Иордан не противопоставляет готов римлянам как врагов, а только сопоставляет их как соперников. Иордан пишет свой труд, находясь в Равенне, бывшей столице Остготского королевства, в гото-римской среде, пишет о готах и, вероятно, прежде всего, для готов, но с оглядкой на политические игры византийского двора. Воспитанный гото-римской системой ценностей, романизированный гот Иордан вольно или невольно фактически оформил в «*Getica*» основные положения «готского мифа»: высшей ценностью и ориентиром является племя (*gens*), которому предназначено быть *primas mundi gentes*, господствовать над другими народами и находиться в вечном странствии в поисках земли Ойум. Проходя через тяжелые испытания и потери, народ (*populus*) готов приобретает человечность и просвещенность (*humaniores et prudentiores*). Предводители и вожди готов отмечены доблестью и благородством происхождения (*virtutis et generis nobilitate*), во имя готского величия им предназначено преумножать славу предков.

Но существенно и то, что общая логика изложенного и скрытого «варваром в римских одеждах» Иорданом выстраивалась в «*Getica*» все же в римской системе ценностей. Так, война, как почетное дело, представлялась основным средством решения всех проблем. Вся жизнь племенного мира подчинялась военным задачам. Рассказывая о тех или иных событиях, Иордан постоянно меняет противников, показывает разные масштабы военных действий, различные способы ведения войн, отмечает их цели и результаты, но война остается самым почетным, достойным занятием и «престижной» работой: можно прославиться, сделать карьеру и обогатиться. Известно, что римляне определяли по-

¹⁵ Paul. Diac. VI, 35.

¹⁶ Удальцова 1959.

ложение человека, исходя из его вклада в «общее дело». Иерархия народов и значение личности выстраивались в «Getica» по тому, что сделано предками и самим человеком, родом или племенем. При этом подчеркивались достоинства, которые способствовали победам или процветанию племени. Римская ментальность рассматривала «общую пользу» как пользу каждого. В изложении Иордана чем могущественнее становились готы, тем больше они возвышались над другими народами. И это позволяло утверждать, что римляне и готы *primas mundi gentes*¹⁷. Иордан различал тех, кто живут в соответствии с природой, и тех, кто отважились подчиниться римским законам¹⁸. Вставшие на этот путь, уже не *advene et peregrini*, но *cives et domini*. Конунги «варварских королевств» оценивались по тому, действовали ли они во имя общего блага или ради своих капризов. Они выступают знаком высшей «харизматической» справедливости, и потому справедливы, что почитаемы. Для готских предводителей характерны ум (*ingenium*), доблесть (*virtus*), благоразумие (*consilium*) и благородство происхождения (*virtutis et generis nobilitate*)¹⁹, благодаря чему они могли с мужеством стоически принимать неизбежное. Так, «доблестью и благородством» (*virtutis et nobilitatis*) отличался Геберих, «умом и доблестью» (*prudencia et virtute*) Эрманарих, Валия был «строгим и благоразумным» (*destrictus et prudens*)²⁰. В «Getica» обращено внимание и на то, что готы были самыми образованными (*sapientiores*), «человечными и цивилизованными» (*humaniores et prudentiores*), стремились к римской культуре и наукам²¹. В пределах Империи для готской общности основной социальной нишей был статус «федератов», благодаря чему они как «народ-войско», став *milites regni*²², могли заниматься управлением государством и создавать свои «королевства».

В византийско-верноподданническом духе Иордан настойчиво проводил в «Getica» мысль о том, что готы смогут обеспечить свое благоденствие только путем мирного включения в Римскую империю. Даже когда подчеркивались заслуги и доблести готов, он не забывал снимать напряжение римско-готских противоречий, показывая давность союзных отношений между готами и римлянами. Когда остроту отношений скрыть не удавалось, Иордан прибегал к довольно распространенным приемам – отсылкам к устным источникам информации, ссылкой на устную традицию и умолчание, причем их использование – не только дань литературному приему европейского раннесредневекового историописания. Острогот Иордан, присутствуя на погребении своего королевства, вынужден петь дифирамбы его погубителю Византии.

¹⁷ Iord. Get. 182.

¹⁸ Idem. Get. 23, 69, 116, 131.

¹⁹ Idem. Get. 139, 143, 174.

²⁰ Idem. Get. 112, 120, 164.

²¹ Idem. Get. 40, 42, 69-72.

²² Idem. Get. 89, 112, 132, 141, 145, 165.

В «Гетике», по мнению исследователей, сохранились следы поспешности, композиционной путаницы и алогичности. В качестве сокращенной «Истории готов» Кассиодора, дополненной Иорданом материалами греческих и римских авторов, «Getica», безусловно, является компилятивным сочинением²³. Исследователи обращали внимание и на значительные следы в сочинении Иордана племенных преданий²⁴. Традиция племенных преданий сохранялась в памяти готов вплоть до VI в. Возможно в реликтовом виде она была востребована либо Аблабием, либо Кассиодором и впоследствии актуализирована Иорданом. Племенные предания оказались настолько жизнеспособны, что в зависимости от конкретных исторических условий наполнялись различным содержанием. Готские *memoriae*, в которых сохранялся весь жизненный опыт племени, выполняли в «Getica» особую миссию. Они передавались из поколения в поколение, воспроизводились в поведении, определяли устойчивость и жизнеспособность готов²⁵. Эти «коллективные представления» (термин Л. Леви-Брюля) приносили оптимистическое начало в атмосферу тяжелых для готов испытаний середины VI в., убежденность в их причастности к удаче эпических предков.

В «Getica» собрано не только то, что пишут, но и рассказывают. Разговорам, слухам, молве отводится значительное место, причем ссылки на молву и слухи вводятся клишированными оборотами «как говорит кто-то» (*ut quidam ait*), «молва доносит» (*fama refert*). Не стоит забывать, что в устной традиции слово по силе воздействия приравнялось к природной стихии. Изредка Иордан определяет информантов устных рассказов как *quidam*, *nonnulli*, *maiores*, *seniors*. Устные свидетельства «привязаны» к описанию Пиренейского полуострова²⁶, Британии²⁷, рассказу о Готискандзе²⁸, характеристике Ойум²⁹, повествованию о переправе готов Филимера и обрушении моста³⁰. Используя молву и слухи, Иордан рассказывает о трёх местах расселения готов³¹, сообщает о войне египетского царя Весозиса со скифами³², о помощнике Бурвисты Дикинее³³, описывает вторжения и разорения Анхиала³⁴. Он явно не пренебрегает молвой и о Каталаунском сражении³⁵, о подчинении остроготов власти Аттилы³⁶, принимает во внимание и разговоры среди народа

²³ *Idem. Get. 4, 121 ... ut refert Orosius; 58 ... Orosio Paulo dicente; 10 ... ut refert Libanius; . 12 ... refert Strabo; 117, 254 ... ut Priscus refert.*

²⁴ Wagner 1967; Svennung 1972. S. 20-56; Goffart 1988; Christinsen 2002.

²⁵ Скардильи 2012. С. 198-200.

²⁶ *Iord. Get. 7.*

²⁷ *Idem. Get. 10.*

²⁸ *Idem. Get. 26.*

²⁹ *Idem. Get. 27-28.*

³⁰ *Idem. Get. 27.*

³¹ *Idem. Get. 38.*

³² *Idem. Get. 44.*

³³ *Idem. Get. 72.*

³⁴ *Idem. Get. 109.*

³⁵ *Idem. Get. 213, 217.*

³⁶ *Idem. Get. 253.*

готов о деятельности Ульфилы³⁷. Готские переселенческие традиции, их общее настроение и эмоции, возможно, отчасти приглушали трагический для готов факт гибели Остготского королевства и последовавшую затем активизацию врагов остготов в середине VI в. Ссылки на рассказы предков заполняли в «Getica» лакуны древнейшего периода готской истории, соединяя эпическое и реальное пространство.

Прибегая к племенным преданиям, Иордан искал опору для византийской ориентации в самой действительности, при этом с достаточной определенностью отражая эпические и реалистические элементы. Но, учитывая его – как это не покажется парадоксальным – тщательно скрываемые антиготские настроения, значение реалистических элементов в описании доадрианопольского периода готской истории не следует преувеличивать. Зачастую рассказ о реальных фактах и событиях готской истории уступал примату умолчания. В поисках ответа на вопрос, какие «загадки» скрывают умолчания «Getica», нельзя не заметить странную выборочность внимания Иордана к «цветам обширнейших лугов», которые он *не собрал*. Он сам подводит стороннего наблюдателя к ускользающим умолчаниям, утверждая, что изложил (*completus sum*), *не охватив всего*, «во славу того, кто победил»³⁸. Так, описывая военные столкновения готов с Римской империей в III в., Иордан останавливается лишь на нескольких походах. Не всегда можно сказать, почему в качестве сюжета он выбирает то или иное событие (248, 251 гг.). Обходя молчанием морские походы 255/256, 257 гг., комбинированный поход коалиции племен 258 г., вторжение варваров в дунайские провинции 262 г., Иордан дает ценные сведения о боях 263 г., но далее допускает большой перерыв и обходит молчанием поход в Каппадокию (264 г.), «греческую» экспедицию 267–268 гг., нападение на Империю в 269 г. различных скифских народов и в 275 г. «многих варваров с Меотиды». Закономерен вопрос, почему походы, которые могли прославить готов, умалчиваются? Вряд ли из желания не задеть самолюбие ромеев.

Тактично обойдя молчанием войну между Константином и Лицинием в начале IV в., Иордан сообщает, что римляне «приглашали» (*invitabantur*) готов и с их помощью разбили Лициния во Фракии³⁹. Возможно, эта версия была предпочтительнее, нежели информация о предводителе готов Алике, который привел Лицинию *auxiliantes*, оказавших ему помощь в 324 г. Иордан обратил внимание, что важно для международного контекста VI в., на Среднедунайскую низменность как зону особого напряжения, где от сарматского коварства погиб предводитель готов Видигой⁴⁰. Но примечательно умалчал о напряженной обстановке в низовьях Дуная, левый берег которого получил название *grā Gothicus*, где спешно строились лагеря, мосты, укрепления, сдерживающие натиск

³⁷ Idem. Get. 267.

³⁸ Idem. Get. 316.

³⁹ Idem. Get. 111.

⁴⁰ Idem. Get. 48, 178.

шедших вплотную к Дунаю готов. Иордан скрыл, или сделал вид, что не заметил два этнонима готов («трейтуинги» и «тервинги»), с которыми эти племена появились «в крайней части Скифии», и которые были более популярны в письменной традиции III–IV вв., чем «везеготы» и «остроготы». А как быть с наличием в забучих песках готской истории вопиющих провалов с какой-либо информацией о той части готов, к которой принадлежал сам Иордан? Прежде всего, это касается остроготов. О них Иордан, описав организованное королем Остроготой вторжение 248 г. в Мёзию и Фракию, почти на сто лет вовсе «забывает». Следующее появление остроготов в «Getica» связано с Эрманарихом и гуннами Баламбера⁴¹. Иордан обходит молчанием участие готов в выступлении Прокопия (366 г.) и серии, последовавших за этим, карательных экспедиций императора Валента. В «Getica» подробно рассказывается о переселении готов в римские пределы, об их бедственном положении в местах, выделенных для поселения, о начале восстания, но мельком говорится о битве при Адрианополе 378 г., где погиб император Валент⁴². Напоминание о смерти арианина Валента вряд ли вызывало в VI в. скорбь ромеев.

Поскольку степень информированности Иордана и его подготовленность к написанию «Getica» у исследователей не вызывает сомнения, можно предположить, что вряд ли умолчание было только литературным приемом авторского исключения. Думаю, причина кроется в социокультурном контексте времени написания сочинения. Возможно, имела место рефлексия писателя «варварского королевства», находящегося перед катастрофой, в обстоятельствах завоевания Остготского королевства. Умолчания, исключения и недоговоренности – это субъективное убежище Иордана, консимилированного варвара, окончательно потерявшего связь с соплеменниками и своим Барбарикумом. Не стоит также забывать, что Иордан писал не столько историю готов (*Getarum origo*), сколько создавал для благородных Амалов (*Amalorum nobilitas*) готский вариант всемирной истории, посвященный *virogum fortium facta*.

Сейчас важно работать не только над тем, что сказал Иордан в своем тексте, а наоборот, над тем, что он спрятал, выгеснил, или о чем умолчал и сделал вид, что не заметил. Лакуны и умолчания в опытных руках историографа всегда были одним из инструментов вольной или невольной фальсификации истории, о чем предупреждал в IV в. Аммиан Марцеллин: «Историк, сознательно умалчивающий о событиях, совершает, очевидно, не меньший обман, чем тот, кто сочиняет никогда не случившееся»⁴³. Предстоит кропотливая работа с лакунами безмолвия и недосказанности «Getica», которая даст возможность обозначить и раскрыть многочисленные умолчания и «спящие смыслы» этого уникального источника, а также подтвердить креативную привлекательность «варвара в римских одеждах» Иордана.

⁴¹ Idem. Get. 129.

⁴² Ibidem. Get. 134, 138.

⁴³ Amm. Marcell. XXIX. 1, 15.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ammiani Marcellini* *Rerum gestarum libri qui supersunt* / W. Seyfarth (ed.). Leipzig, 1978. 1–2.
Gildas Sapiens. Liber querulouus de calamitate, excidio et conquestu Britanniae / H. Petrie (ed.) // *Monumenta historica Britannica*. London, 1848, pp. 1–46.
- Iordanes*. *Getica* (De origine actibusque Getarum) // *Monumenta Germaniae historica*. Auctores Antiquissimi. Berlin, 1882. Vol. V. Ps. 1.
- Paulus Diaconus*. *Historia gentis Langobardorum* / L. Beithmann et G. Waitz (ed.) // *Monumenta Germaniae historica*. Scriptores. Berlin, 1878.
- Буданова В.П. Парадоксы варварства в историческом контексте // Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.). М.: ИВИ РАН, 2013. Вып. 2. 12–41. [Budanova V.P. Paradoksy varvarstva v istoricheskom kontekste // Tsivilizatsiya i varvarstvo: paradoksy pobedy tsivilizatsii nad varvarstvom / V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (red.). М.: IVI RAN, 2013. Vyp. 2. 12–41.]
- Вольфрам Х. Готы / Пер. с нем. Б.П. Миловидов, М.Ю. Некрасов / М.Б. Шукин, Н.А. Бондарко и П.В. Шувалов (ред.). СПб.: Ювента, 2003. [Vol'fram Kh. Goty / Per. s nem. B.P. Milovidov, M.YU. Nekrasov / M.B. Shchukin, N.A. Bondarko i P.V. Shuvalov (red.). SPb.: Yuventa, 2003.]
- Левы-Брюль Л. Первобытное мышление: коллективные представления в сознании первобытных людей и их мистический характер / В.К. Никольский, А.В. Киссин (ред.). М.: КРАСАНД, 2-е изд. 2012. [Levi-Bryul' L. Pervobytnoe myshlenie: kollektivnyye predstavleniya v soznanii pervobytnykh lyudei i ikh misticheskii kharakter / V.K. Nikol'skii, A.V. Kissin (red.). М.: KRASAND, 2-e izd. 2012.]
- Никишин В.О. Падение Западной Римской империи: внутренняя трансформация и внешний коллапс // Цивилизация и варварство: вызовы деструкции в лабиринте миграции варварства / Отв. ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева. М.: Аквилон, 2016. Вып. 5. С. 99–129. [Nikishin V.O. Padenie Zapadnoi Rimskoi imperii: vnutrennyaya transformatsiya i vneshnii kollaps // Tsivilizatsiya i varvarstvo: vyzovy destruktсии v labirinte migratsii varvarstva / Otv. red. V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva. М.: Akvilon, 2016. Vyp. 5. S. 99–129.]
- Скардильи П. Готы: язык и культура / Пер. с нем. А.Д. Сыщикова; науч. ред. перев. Г.А. Баева, П.В. Шувалов. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ; Нестор-История, 2012. [Skardil'i P. Goty: yazyk i kul'tura / Per. s nem. A.D. Syshchikova; nauch. red. perev. G.A. Baeva, P.V. Shuvalov. SPb.: Filol. f-t SPBGU; Nestor-Istoriya, 2012.]
- Скржинская Е.Ч. Иордан и его «Getica» // Иордан. О происхождении и деяниях готы (Getica) / Вступ. ст., пер. и комм. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 1997, С. 9–58. [Skrzhinskaya E.CH. Iordan i ego «Getica» // Iordan. O proiskhozhdenii i deyaniyakh gotov (Getica) / Vstup. st., per. i komm. E. CH. Skrzhinskoi. SPb.: Aleteiya, 1997, S. 9–58.]
- Удальцова З.В. Италия и Византия в VI веке. – М., 1959. [Udal'tsova Z.V. Italiya i Vizantiya v VI veke. М., 1959.]
- Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего средневековья. Конец V - середина VII века). М.: ЛКИ, 2014. [Ukolova. V. I. Antichnoe nasledie i kul'tura rannego srednevekov'ya. Konets V - sredina VII veka). Moskva: LKI, 2014.]
- Шкаренков П.П. Падение Римской империи: стереотипы историографии и новое прочтение источников // Новый исторический вестник. – М., 2008. 1. С 233–239. [Shkarenkov P.P. Padenie Rimskoi imperii: stereotipy istoriografii i novoe prochtenie istochnikov // Novyy istoricheskii vestnik. М., 2008. 1. S 233–239.]
- Christinsen A. S.* *Cassiodorus, Jordanes and the History of the Goths: Studies in a Migration Myth*. Copenhagen, 2002.
- Coumert M.* *Origines des peuples. Les récits du Haut Moyen Âge occidental*. Paris, 2007.
- Coumert M.* *Jordanès // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.)*. Paris, 2016, P. 816–817.
- Goffart W.* *The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800)*. Jordanes, Gregory of Tours, Bede and Paul the Deacon. Princeton, 1988.
- Hachmann R.* *Die Goten und Skandinavien*. B., 1970.
- Lenski N.* *The Gothic civil war and the date of the Gothic conversion* // GRBS. 1995. 36.1. 51–87.
- Schmidt L.* *Geschichte der deutsche Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung*. München, 1934–1938. 1–2.
- Svennung J.* *Zu Cassiodor und Jordanes* // *Eranos*. 1969. T. 67. 71–80.
- Svennung J.* *Jordanes und die gotische Stammsage* // *Studia Gotica*. Stockholm, 1972. S. 20–56.

Teillet S. Des Goths à la Nation gothique. Les origines de l'idée de nation en Occident du Ve au VIIe siècle. Paris, 2011.

Wagner N. Getica: Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte der Goten. Berlin, 1967.

Буданова Вера Павловна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Отдел историко-теоретических исследований, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства; *vpbudanova@yandex.ru*

What Was Said and What Jordan's «Getica» Kept Silent About

Based on a systematic analysis of the worldview of a person and a writer of the VI century . The article attempts to comprehend the chaotic presentation of events, compositional techniques of confusion, author's concealments and exceptions in the text of «Getica». The analysis of Jordan's creative strategy in the application of special means of text organization is proposed. It is emphasized that the dominant theme of the composition was accompanied by tendentiousness, compositional techniques of author's omissions and exceptions. The main attention in the article is paid to the lacunae and loud omissions of «Getica». It is suggested that Jordan carried them out intentionally and quite competently. The question is raised about the need to update attention to the study of lacunae and omissions of a written source in order to avoid its ambiguous interpretation and falsification of history.

Keywords: *historiography, Muscovy, Assembly of the Land, estate, regionalism, Time of Troubles, Osteuropastudien.*

Vera P. Budanova, Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Department of Historical and Theoretical Research, Head of the Laboratory of Research of Civilization and Barbarity, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; *vpbudanova@yandex.ru*

**ВЫСОКАЯ КОМИССИЯ, ПРИСЯГА EX OFFICIO И ПРАВО
НЕ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ ПРОТИВ СЕБЯ
В АНГЛИЙСКИХ ДИСКУССИЯХ НА РУБЕЖЕ XVI–XVII ВВ.¹**

Статья повествует о политической дискуссии о полномочиях Суда Высокой комиссии, используемых ею инквизиционных процедурах, присяге *ex officio* между юристом общего права Джеймсом Морисом и юристом гражданского права Ричардом Косином в Англии в начале 1590-х гг., в ходе которых затрагивались сферы общего и гражданского права, пределы королевской прерогативы, Великая хартия вольностей, права подданных, включая право не обвинять самого себя.

Ключевые слова: *Высокая комиссия, ex officio, law, право не обвинять себя, инквизиция, королевская прерогатива, Джеймс Морис, Ричард Косин.*

**Высокая комиссия, присяга *ex officio*,
право не обвинять себя (предыстория)**

Церковный порядок, установленный в Англии Реформацией Генриха VIII и возобновленный Елизаветой Тюдор, требовал постоянного внимания и укрепления. Католики, как известно, были недовольны верховенством короны над церковью, а радикальные протестанты (пуритане) – внешними остатками католицизма (церковная иерархия, епископат, обрядность) и подчиненностью церкви светской власти². Каноническое право и присущие ему инструменты регулирования, как римское наследие, были отвергнуты. Но вскоре обнаружилось, что новая церковная дисциплина нуждается в институциональной поддержке. Попытки создания новых канонов будут предприниматься при Генрихе VIII, Эдуарде VI, Елизавете I, но разрешатся они только в 1604 г., в начале правления Якова I, инкорпорировав в себя большое количество подвергнутых в начале Реформации анафеме и неприемлемых для пуритан норм³. Впрочем, унаследовавший незадолго до этого английскую корону монарх не решился предлагать их парламенту. Яков I утвердил каноны, ограничившись одобрением Кентерберийской и Йоркской конвокаций, что в дальнейшем дало повод усомниться в том, насколько под их действие подпадают миряне⁴. Акт о Супрематии (1536, 1559) предоставлял короне право своими патентами, скрепленными большой королевской печатью, создавать комиссии для ревизии церковных порядков, борьбы с ересью и укрепления церковной дисциплины⁵. Практика создания по мере надобности экстраординарных комиссий не была новой⁶.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта № 23-28-00818 «Инквизиционные процедуры Высокой комиссии и право не свидетельствовать против себя в публичных дебатах в Англии конца XVI – начала XVII вв.»

² Ерохин 2009.

³ Bray 2017: 175–184; Helmholtz 1990: 28–54; Kirby 2006: 349–370.

⁴ Bray 2017: 174.

⁵ Tudor constitutional documents 1940: 132–133.

⁶ Usher 1913: 14. В 1382 г. парламент впервые принял статут по борьбе с ересью и предписал создавать для этого комиссии. См.: Cavill 2014: 275.

Елизавета Тюдор, заняв престол, сразу же учредила первые комиссии, которые должны были очистить церковь от сохранивших верность Риму епископов и высшего клира⁷. Но затем Высокая (ВК), как ее стали именовать, комиссия довольно быстро превращалась из экстраординарного органа в ординарный суд, о чем впервые объявила в 1586 г. и что в 1592 г. признали судьи общего права⁸. В 1560–1570-х гг. деятельность комиссии был направлена против непримиримых католиков (рекузантов)⁹. В 1576 г. судьи общего права признали за Высокой комиссией право накладывать штрафы на католиков¹⁰. И тем не менее, расширяющиеся полномочия и деятельность ВК нередко становились объектами разбирательств, критики и отдельных решений. Акт о Супрематии был лишен должной определенности. Каждая комиссия учреждалась королевским патентом, который провозглашал ее цели и определял ее полномочия. Иначе говоря, широкие полномочия ВК опирались на королевскую прерогативу, главный и теоретически безграничный источник полномочий. Патент 1589 г. предоставлял членам ВК «власть... расследовать, дознавать и вызывать к себе всех и каждого», кто станет «утверждать <...> противное» любой из установленных «статей религии», лишать их «всех церковных должностей» (all promotions ecclesiasticall), «определять и наказывать» за различные супружеские, сексуальные и «другие тяжкие преступления» (all incestes, adulteryes, fornications, outragious misbehaviours, and disorders in mariages, and all other grevous and greate crymes and offences), давать поручения должностным лицам доставлять уклоняющихся людей в ВК и арестовывать их. Патент «повелевал» должностным лицам (all and singular justices of peace, maiors, sheriffes, bayliffes, and constables and other our officers, mynisters) и поданным повсюду оказывать комиссарам всяческую помощь¹¹.

В 1580-х гг. главными объектами преследования комиссии становятся пуритане. Джон Уитгифт, получивший в 1583 г. сан архиепископа Кентерберийского, начал активно бороться за церковную дисциплину и единообразие¹². ВК при нем действует во всех диоцезах, преследует уже не только духовных лиц, но и светских, штрафуя и заключая в тюрьму¹³.

⁷ Baker 2017: 133. 1-я ВК была учреждена Елизаветой I в 1559 г. (насчитывала в Кентерберийской епархии 19 членов) 2-я – в 1562 г. (27 чл.), 3-я – в 1572 г. (71 чл.), 4-я – в 1576 г. (73 чл.), 5-я – 1584 г. (44 чл.), 6-я – в 1601 г. (55 чл.). Половина членов комиссии были духовными лицами, вторая половина светскими, среди которых преобладали юристы гражданского права (около 20%), члены Тайного Совета (около 10%) и юристы общего права (около 10%) См.: Usher 1913: 90; Carlson 1982: 295–297. Примерно аналогичным соотношения духовных и светских лиц было в Йоркской епархии. См. подробнее: Tyler P. 40.

⁸ Usher 1913: 72; Clegg 2005: 60.

⁹ Baker 2017: 133.

¹⁰ Smith 2014: 188.

¹¹ Carlson 1982: 302–307.

¹² Guy 1995: 126–132.

¹³ Helmholz 1990: 46–47. Это была новая практика, поскольку церковные суды правом наложения штрафов, арестов и заключения в тюрьму даже после отлучения обвиняемого от церкви не обладали, такие решения на основе приговора церковного института передавались в светские суды, и уже там на обвиняемого накладывали наказание.

При этом комиссия широко прибегает к старому каноническому инструменту борьбы с ересями – присяге *ex officio*¹⁴, принося которую подозреваемый отвечал на большой (*general*) список, «неопределенных» вопросов, а его ответы использовали затем для предъявления обвинения. Полученные данные касались не столько деяний, сколько помыслов, и, отвечая на вопросы, подозреваемый свидетельствовал против самого себя или даже обвинял себя.

Заметим, что средневековые европейские юристы в XIII в. сумели сформулировать и инкорпорировать в каноническое право глоссу «никто не обязан обвинять себя» (*Nemo tenetur prodere seipsum, nemo tenetur seipsum accusare*), которая стала составной частью изданного в XVI в. свода (*Syntagma communium opinionum, Lib. VII, tit. 19, no. 21*) и широко применялась континентальными юристами в гражданских и уголовных процессах¹⁵. Вероятно, еще в предреформационное время в Англии эту максиму пытались использовать обвиняемые в ереси. Благодаря «Книге мучеников» Джона Фокса¹⁶ широко известен казус епископа Хью Латимера (1532), который отказался приносить клятву и отвечать на вопросы, слегка переформулировав каноническую максиму. Он, по Фоксу,

¹⁴ *Ex officio* (лат.) – по долгу, по обязанности. Присяга *ex officio* была учреждена в 1215 г. и зафиксирована в каноне “*De haereticis*” IV Латеранского собора, излагающим процедуру по борьбе и выявлению ересей. Присяга существовала в двух видах – *ex officio meo* и *ex officio proptere*: первую применяли, когда процесс против подозреваемого, инициировал суд, вторую, когда истец вчинял обвиняемому иск. Английские дискуссии велись в основном исключительно вокруг присяги *ex officio meo*. В отличие от обычного суда, где обвинение и суд разделены, в инквизиционном процессе судья выступал и в несвойственной арбитра судьи роли обвинителя. Уже по Иннокентию III, в основании процесса должно лежать молва, общественное мнение (*publica fama, clamosa insinuat*). Исходя из дурной репутации подозреваемого, судья должен был предъявить обвинение в совершении определенного преступления, которое еще надлежало установить прежде, чем перейти к самому обвинению. Обвинение устанавливалось посредством приведения подозреваемого к присяге *ex officio*, где он клятвенно обещал ответить на любые заданные ему судьей вопросы, и на ответах затем строилось обвинение. См.: Кгас 2020. 145–146; Kelly 1989: 446; Helmholtz 1990: 104–120. В Англию этот инструмент был занесен в 1236 г., но его использование неоднократно ограничивалось королевской властью, запрещалось парламентом и королевскими судами. С конца XIV в. правительство Генриха IV широко применяло присягу *ex officio* для борьбы с лоллардами, а в 1410 г. парламент узаконил ее. Когда с континента на британские острова пришло лютеранство, присягу, борясь с ересью, применял канцлер Томас Мор, которую затем использовали и против него. См. подробнее: Levy 1969: 67–74, 76, 80–91, 95–100; Rex 2011: 93–115; Cummings 1997: 197–215. В 1534 г. Акт об ереси (*Heresy Act*) запретил церковным судьям прибегать к присяге *ex officio*, и она исчезла из оборота на два десятилетия, чтобы вернуться при Марии Тюдор. См.: Gray 2013: 194–200. Надо сказать, что присягу *ex officio* использовали некоторые светские суды, в частности, Звездная палата, Палата Прошений, Советы Севера и Уэльса, но в них функции публичного обвинения и судейства были разделены, а в Высокой комиссии судья одновременно являлся обвинителем. В 1581 г. группа католиков-рекузантов отказалась приносить присягу *ex officio* в Звездной палате. См.: Gray 2014: 496.

¹⁵ Helmholtz 1991: 967.

¹⁶ Джон Фоксе (*John Fox*) (1516–1587) – английский протестант, сторонник Реформации. Автор знаменитого обширного повествования «Акты и памятные события христианской церкви» (англ. *Acts and Monuments*) (1550 г. - латинская версия, 1563 г. - английская), известного в более краткой, популярной редакции, как «Книга мучеников» (англ. *Book of Martyrs*), где воспроизвел историю гонений на христиан.

сказал: «Никто не обязан предавать себя» (No one is obliged to betray himself), «да, не будет никто наказан за свои мысли» (Cogitationis poenam nemo patitur, Let no one suffer punishment for his thoughts)¹⁷.

Конец 1580-х гг. был отмечен попыткой создать структуры параллельной церковной организации пресвитерианского толка («классное движение»). Его инициаторы и идеологи, самым известным из которых был Томас Картрайт, были арестованы (1590) за отказ от присяги *ex officio* и дачи показаний¹⁸. Картрайт, по свидетельству современника, ссылался на то, что присяга *ex officio* «тираническая», «инквизиционная» и «противоречащая праву нашей страны» (such an oath was contrary to the laws of the land and an inquisition tyrannical). А одним из адвокатов обвиняемых оказался Джеймс Морис¹⁹, атторней Суда опеки и мировой судья в графстве Эссекс, близкий лорду-казначею Уильяму Берли, которому адресовал полное «инсинуаций» относительно *ex officio* «рассуждение» (discourse), затем превращенное в трактат. В ответ доктор гражданского права и советник Уитгифта Ричард Косин²⁰ написал текст, который отправил и архиепископу, и лорду-казначею. Позднее автор его расширил и издал «обширную апологию» (1593) в защиту присяги *ex officio*²¹.

В хронике Уильяма Кэмпдена, английского историка времен правления Елизаветы Тюдор и Якова I, за 1591 г. в двух пространных абзацах описана дискуссия между юристами общего и гражданского права, которая была частью более широкой реформационной компании пуритан и противодействующих им церковных властей. На стороне первых – прямо или косвенно – выступали авторитетные королевские администраторы, члены Тайного совета. Хронист информирует о некоей «партии», выступающей против существующего устройства церкви, осуждающей епископов и «поносящей прелатов», и «неких» юристов общего права (упоминается только Джеймс Морис), «направивших свои языки и перья» против установленной королевой церковной «юрисдикции и власти», которые в «опубликованных книгах» заявляют, что «идя против права нашей страны», церковные суды «злобно притесняют» людей, что нет закона, по которому королева может наделять их такими полномочиями (Queen could not by Law grant any such Authority), что церковные суды не могут принуждать обвиняемого приносить присягу *ex officio*, поскольку никто не обязан обвинять самого себя (no man is bound to accuse himself), а следствием вынужденного ее принесения становится «позор», «бесчестие», «умышленное лжесвидетельство», «разрушение душ». Кроме того, церковные суды не должны разбирать никаких дел за исключением брачных и завещательных.

¹⁷ Kelly 2008: 870.

¹⁸ Collinson 1967: 409–431.

¹⁹ О Джеймсе Морисе см.: Дмитриева 2021: 476.

²⁰ Ричард Косин (1548–1597) – юрист гражданского права. Обучался в Кембридже, где его главным тьютором был будущий архиепископ Уитгифт. С 1583 г. возглавлял Суд Арки и был генеральным викарием Кентерберийской епархии.

²¹ Stupe 1822: 28–29.

На сторону королевы, продолжает хронист, встали «профессора церковного права» (упоминается только Ричард Косин), обвинившие оппонентов в «оскорблении» королевы и «попращии ее священной прерогативы». Они утверждали, что старинные законы, в частности «Статьи духовенства» (*Articles of Clergy*) Эдуарда I (1316), дали церковным судам право, вести и «другие дела», кроме брачных и завещательных, – закладные дела, дела о долгах и обязательствах. Употребление присяги *ex officio*, когда дело касается симонии, адюльтера и особенно «подозрительных», и отмеченных молвой (*Infinuatio fuerit clamosa*) «темных дел» в церковных и других судах уходит в глубину веков. И хотя никто не обязан обвинять и предавать себя, тот, о ком идет дурная слава, должен показать себя способным защитить свою невиновность и покаяется, а наложенное покаяние не есть наказание, а лекарство по исцелению преступников и мера по удержанию других от греха и дурной молвы. В этом споре заканчивает Кэмпден, королева поддержала епископов²².

Аргументы Джеймса Мориса

В начале 1590-х за границей анонимно был издан текст с витиеватым, как тогда было принято, названием «Краткий трактат о присягах, истребуемых церковными судьями, дабы заполучить ответы на все статьи или вопросы, которые им заблагорассудиться задать. И о навязываемых ими и принудительных присягах *ex officio*, с доказательствами, что они незаконны»²³. Впервые о существовании рукописи трактата и его авторстве 14 марта 1591 г. сообщал секретарь Уильяма Берли Винсент Скиннер, докладывая своему патрону, что атторней Суда опеки минувшим летом «накарябал на бумаге» трактат «относительно процедуры *ex officio* и расследования на основе этой присяги, когда дело начинается судом, не имеющим ни обвинения, ни свидетеля. Копии текста он пошлет архиепископу Уитгифту и самому лорду-казначею²⁴.

Трактат Мориса содержал несколько наборов аргументов. Начинает он с христианской религии, многократно воспроизводит библейские примеры и цитаты, определяя присягу, как клятву, принося которую человек клянется именем Господа, беря, таким образом, Бога в свидетели. Под присягой надлежит говорить правду, ибо Господь – творец правды, а дьявол – отец фальши. Приносящий присягу должен понимать суть дела. А судья не должен побуждать человека ко для него неприемлемому и невозможному, ибо невозможное не может быть обя-

²² Camden 1688: 454–455. В 1591 г. судьи Френсис Виндэм (Суд общих тяжб) и Френсис Годи (*Gawdy*) (Королевская скамья) предупредили судей церковных судов, что они не должны вызывать людей и заставлять их держать ответ под присягой *ex officio*. Епископы в ответ заявили, что якобы со времен нормандского завоевания они не пользовались никакой другой формой дознания, а архиепископ Уитгифт стал искать защиты в Тайном Совете и у королевы. Разгневанная Елизавета повелела вызвать судей и передать им, чтобы впредь они не принимали победных решений. См.: Smith 2014: 189.

²³ Трактат был издан без указания места и года. В литературе обычно указывают 1590, 1591, 1592 гг. А место издание – голландский Мидделбург. См. Например Кр. Брукса, который указывает в разных местах эти даты: Brooks 2008: 105; Brooks 2019: 338.

²⁴ Calendar 1867: 18–19.

зательным (*impossibilium nulla est obligatio*). Опрометчиво принесенные присяги приводят к тяжкому греху и преступлению – лжесвидетельству, которое есть следствие побуждения отвечать под присягой на неопределенный перечень неизвестных (*general*) вопросов. Аргумент, что такая присяга и неопределенные вопросы призваны помочь установить истину там, где есть подозрения, но нет достаточных доказательств, и раскрыть помыслы и замысла, Морисом отвергается, ибо, провозглашает он, «следовать подобной логике», значит, насаждать «инквизиционный суд хуже испанского», побуждать людей обвинять самих себя (*enforcing them either to accuse them selues*) и позорить себя, а если они постараются уклониться, то толкнуть их, опять-таки, на лжесвидетельство и клятвopеступление. Принуждение и согласие отвечать под присягой не вопросы, не зная их содержания, подчеркивает Морис, – само большое преступление, ибо подозреваемый вынужден либо преступать клятву, либо доносить на своих близких, либо поступать, как царь Ирод, пообещавшей по неведению «пляшущей шлюхе» (Саломеи – С.К.) голову Иоанна Крестителя. Разбирая библейские примеры требований и принесения присяг, Морис не находит там клятв с обязательствами отвечать на неопределенные (*general*) вопросы²⁵.

Морис берется доказать, что присяга *ex officio* «не только противна Богу и христианской религии, но и канонам католической церкви»²⁶. Он неоднократно подчеркивает, что разбирательство *ex officio* возбуждается от дурной молвы, скандальных слухов и скверной репутации подозреваемого. При этом судьи, допрашивая его, превращаются в следователей, а допросив и получив данные, в обвинителей. По Морису, эти три функции судопроизводства должны существовать раздельно и в разных руках. Судья не должен быть еще и следователем, и прокурором. Расследование, подчеркивает Морис, ссылаясь на неких «канонистов», означает сбор информации об обвиняемом и получение информации от свидетелей, но не принуждение подозреваемого под присягой «становиться самому себе обвинителем» (*So that to proceede by inquisition, is not to make the partie by oath or examination to bee his owne accusor, but to accept and receyue information and witnesses against him*). Молва и доносы относительно подозрений в совершенных «гнусностях» должны требовать, по Морису, подтверждения «многочисленными» свидетельскими показаниями²⁷. «Если бы присяга *ex officio* была правильной, доброй или максимой права, то она бы не отрицала сама себя формулой, что никто не обязан обвинять себя (*Nemo tenetur seipsum prodere*)»²⁸.

Более половины текста трактата составляют аргументы от общего права, знатоком которого был Морис, где он доказывает, что «общее право <...> и само королевство (*common wealth*) всегда отвергали и

²⁵ A briefe treatise: A2, 1–15.

²⁶ Ibid: 18.

²⁷ Ibid: 19.

²⁸ Idem: 22.

отталкивали такой способ приведения к присяге, как незаконный и неправовой». Морис признает, что общее право использует присяги, как при разбирательстве имущественных тяжб, так и уголовных дел. Но при всей их многочисленности, в общем праве «никогда» не было присяги с «неопределенными» (general) обязательствами или «такой как присяга *ex officio*. При отсутствии свидетелей, приносимая ответчиком присяга по имущественным тяжбам, служит ему оправданием по финансовым, торговым и имущественным обязательствам. При наличии свидетелей ответчик не приводится к присяге. В случае плохой репутации ответчика ему надлежит выставлять 11 «серьезных», авторитетных «свидетелей, чтобы они подтвердили, что он правдив в своей присяге». По наследственным и земельным делам суды могут требовать присягу от ответчика или его свидетелей. По уголовным делам, «по итогам, которых человек утрачивает жизнь, свободу, часть своего тела или доброе имя (дороже и ценнее которых в мире нет ничего), в общем праве «полностью отсутствуют (из-за почтения к справедливости) требования или навязывания какой бы то ни было присяги обвиняемому». Но к присяге приводят присяжных, чтобы они не лжесвидетельствовали. Есть присяги, установленные актами парламента и налагаемые на духовных и светских должностных лиц, предназначенные для укрепления государства²⁹. Таким образом, главное отличие известных Морису английских присяг от присяги *ex officio* – определенность самого дела (причины) и определённость самой присяги. Стороны/сторона понимают суть происходящего. Деятельность церковных судей и членов ВК, по его мнению, скорее соответствуют глаголу “*ab officio*” – сторонится долга, чем “*ex officio*” – соответствовать долгу (*proceeding rather ab officio the verbe, then ex officio the nowne*)³⁰.

Обращаясь к инквизиционному разбирательству и присяге *ex officio*, Морис указывает, что выносить приговоры по делам о ереси в Англии могут только светские суды (статут 1401 г. *De heretico comburendo* 2 Henry IV с. 15), а ВК является церковным судом. Несмотря на то, что этот репрессальный статут разрешал хватать подозреваемых и держать их до суда в заключении, в нем ничего не говорится о присягах. И пусть церковные суды затем использовали присягу *ex officio*, парламент в 1534 г. отменил ее, отметил, что ни статут 1401 г., ни само каноническое право четкое «не называют и не определяют, какие деяния являются еретическими (not declaring or defining any certain cases of heresie, that those wordes (canonicall sanctions or decrees) were so generall), и предписал не проводить судебных разбирательств без предъявления обвинения, подтвержденное по меньшей мере двумя свидетелями³¹. Репрессивный «Шестистатейный акт» (1539) дал не только комиссиям право жестко насаждать церковное единообразие, но и понимание, что судебные пре-

²⁹ Ibid: 27–32.

³⁰ Ibid: 32.

³¹ Ibid: 34–35.

следования, вызванные молвой, слухами и доносами часто оказываются облыжными обвинениями и злонамеренными сговорами. Поэтому, по парламентскому акту, принятому спустя 4 года (35 Henry 8. с. 5), запрещалось привлекать к суду за преступления против веры, если информацию о таких преступлениях не подтвердят под присягой 12 или более человек³². Следовательно, подводит промежуточный итог Морис: присяге этой нет достаточного и законного оправдания, ибо <...> такие допросы и дознания под присягой наносят вред как государю, так и народу нашего королевства, ставят под сомнения наше правление и способ судопроизводства»³³. И более того, Морис настойчиво и неоднократно утверждает, ссылаясь на авторитетных юристов – Генри Брактон (XIII в.) и Джона Фортеस्कью (XV в.), – а также на судебные прецеденты, что король не может, своими комиссиями или поручениями выходить за пределы своей власти и прерогативы, ограниченной общим правом (например: *Neither the King by his graunt, nor the Pope by his Bulles (for all his triple Crowne) can change or alter the lawes of the lande, whervnto concurre diuers other bookes of the report of the lawe. 11 Henry IV*)³⁴.

Ссылки оппонентов на то, что под присягой проводится допрос обвиняемых в Звездной палате, Морис считает необоснованными, поскольку в этом суде ответчик знает содержание обвинения, или иска, о чем судья задает вопросы, а в ВК изначально отсутствует обвинение, и сами полученные в ходе допроса ответы, которыми подозреваемый обвиняет себя, превращаются в обвинение и преступление, Звездная палата разбирает факты, а ВК принуждает повествовать о словах, записях и помыслах, которые сами по себе преступлениями не являются (*Vpon the one the deponent aunswereth to the accusation of his aduersarie, by the other hee is compelled oftentimes to bee his owne accuser and condemner: the one enquireth an aunswere to matter in fact, done eyther to the injurie of some priuate person, or hurte of the publike state, the other constreyneth the reuealing of wordes, deedes, and thoughtes, though neuer offensive to any*)³⁵.

По мнению Мориса, подкрепленное словами Энтони Фитцхерберта³⁶, любая повестка в суд без точного указания причины («ради спасения души») противоправна. Она также противоречит Великой хартии вольностей и статуту Эдуарда III 1371 г. (43 Edward III, с. 9), который гласит, что никто не должен держать ответ иначе, как перед судьей, когда ведется протокол, есть первоначальное постановление суда и процесс исполняется надлежащим образом³⁷. Морис, далее, многократно

³² Ibid: 35–36.

³³ Ibid: 36–37, 45.

³⁴ Ibid: 37.

³⁵ Ibid: 38–39.

³⁶ Энтони Фитцхерберта (Fitzherbert) (1470–1538) – английский юрист, автор нескольких юридических трактатов. Морис ссылается на его книгу «Природа судебных постановлений» (*La Nouvelle Natura Brevium*, 1534).

³⁷ *A briefe treatise*: 47. Речь идет о знаменитой 29 статье Великой хартии вольностей в редакции 1225 г.

заявляет, что присяга *ex officio*, «неопределенные вопросы», «самообвинения», «лживые приговоры», заключения в тюрьмы и конфискации имущества, практикуемые ВК и церковными судами, противоречат древним законам королевства, Великой хартии вольностей, подрывают королевскую прерогативу и вольности подданных. Для доказательства, что использование присяги *ex officio* и деятельность ВК идут вразрез с прерогативами короны, на патенты которой опирается юрисдикция ВК, Морис обращается к английской истории, в которой папистский Рим все время навязывал острову свое политическое верховенство, а корона, как могла, боролась с римским папой и его епископами. Он апеллирует к статутам *Provisors* и *Preamunire* (1393)³⁸, которые запрещали английским подданным короны обращаться в суды римского папы. Он пишет, что с того времени королевские суды стали держаться этого закона, по которому (со ссылками на уже упомянутого Фитцхерберта и ряд судебных решений), «если какой-то подданный короля подаст иск или обвинит другого в церковном суде нашего королевства, а дело его или вопрос будет относиться к компетенции судов общего права, или любой церковный судья станет претендовать на то, чтобы разбирать такую тяжбу, или рассматривать какое-либо дела, не относящиеся к его юрисдикции, то они будут считаться опасными и наказываться, как *premunire*». Морис вдет к тому, что использовать инструменты канонического права в Англии, как присяга *ex officio*, значит, прибегать к иностранной юрисдикции. И с «уверенностью» заключает: «в наши дни епископы и церковные судьи, прикрываясь антихристианскими декретами и руководствуясь папистскими канонами, выступают главой этого адского римского цербера <...> и жилами его (Рима – С.К.) тиранической власти, узурпируют власть и юрисдикцию прежним образом и в прежней манере (хотя можно найти различия в частности), идут против королевского Величества и устройства нашего королевства, а именно: незаконно принуждая народ нашей страны приносить эти незаконные присяги и допрашивая его в формах, о которых мы ранее упоминали (причиняя там самым ущерб государыни в отпращивании ее власти и ее народу в пользовании его законной свободой, которые они получили в наследство...»³⁹.

Аргументы Ричарда Косина

Трактат Косина «Апология некоторых процедур церковной юрисдикции, которые в последнее время поставлены под сомнение и различным образом оспариваются» в десять раз превышал по объему произведение Мориса. В 1591 г. тиражом 40 экземпляров из печати вышло первое издание трактата⁴⁰, состоящее из двух частей и предназначенное, видимо, для архиепископа Уитгифта, должностных лиц короны и

³⁸ Первые статуты *Provisors* и *Preamunire* были приняты английским парламентом в 1351 и 1353 гг. соответственно. Морис обращается к так называемому Большому статуту *Preamunire*, принятому при Ричарде II.

³⁹ *A briefe treatise*: 47–48, 52.

⁴⁰ Lake 1979: 19.

членов ВК. В издание 1593 г. была добавлена третья часть, равная по объему первым двум, где Косин ведет полемику с оппонентами, в том числе с Морисом, специально подчеркивая, что отвечает здесь на трактат, опечатанный «то ли в Шотландии, то ли Мидделбурге»⁴¹.

Первая часть трактата Косина, посвящена юрисдикции церковных судов, где он настаивает на том, она не ограничена только разбором супружеских и наследственных дел. Более того, они, по его мнению, располагают уголовной юрисдикцией и могут, используя присягу *ex officio*, штрафовать и заключать в тюрьмы⁴².

Во второй части Косин останавливается на уголовном судопроизводстве, которая осуществляется в двух формах: через формальное предъявление обвинения обвинителем (*accuser*)⁴³, как в судах общего права, где процесс состязателен и есть присяжные, и посредством процедуры *ex officio*, как в ВК, где процесс обусловлен молвой, плохой репутацией обвиняемого, доносом и где информатор часто неизвестен. По мнению Косина, неформальное, устное, обвинение (*ore tenus*), которое используют и светские суды (Звездная палата) или смешанное является более современным, чем «обвинительное», ибо частные обвинения нередко оказываются облыжными и корыстными, тогда как процедура *ex officio* менее подвержена коррупции⁴⁴.

Третья часть, подчеркивает Косин, написана, как доказательство законности использования присяги *ex officio* и ответ «сомневающимся»⁴⁵. Адресуясь последним, он иронично замечает, что ВК, используя присягу *ex officio*, действует на основе Акта о Супрематии с начала правления Елизаветы I, и пока деятельность ВК была направлена «против папистов» никто не «разевал рот», не называл ее более жестокой, чем испанская инквизиция, и не сомневался в «правомочности и необходимости присяги». Все изменилось, намекает он, видимо на Картрайта и его последователей, когда к ответу под присягой призвали «несколько тщеславных и раскольных реформаторов»⁴⁶. Он не считает, что принесенную присягу надо или возможно всегда соблюдать, приводя среди прочего, как и Морис, пример с головой Иоанна Крестителя⁴⁷. И власть вправе освободить человека от ответственности за подобные клятвы. Такие присяги он именуется «обещательными» (*promissorie*) и подлежащими в отдельных случаях приостановлению или освобождению от ответственности. Но есть присяги «обязательные» (*assertorie*), подлежащие неукоснительному исполнению, к которым относится *ex officio*⁴⁸. Косина, в отличие от Мориса, не смущало здесь то, что обвиняемый, боя-

⁴¹ Cosin 1593. Part III. An Aduertisement vnto the Reader.

⁴² Ibid. Part I: 49–60.

⁴³ Accusation – частным лицом, presentment – должностным лицом, атторнеем.

⁴⁴ Cosin 1593. Part II: 22–23, 38–39, 58–59, 112.

⁴⁵ Ibid. Part. III: 1, 8.

⁴⁶ Ibid: 106–107.

⁴⁷ Ibid: 14–15.

⁴⁸ Ibid: 16, 25.

щийся потерять жизнь или свободу, начнет под присягой не «предавать себя», а лжесвидетельствовать и впадет в грех клятвопреступления. По Косину, отказ принуждать обвиняемого к присяге, равносильно заключению, что обвиняемый в преступлении, не должен в нем признаваться⁴⁹.

По утверждению Косина, до Реформации Генриха VIII церковная и светская юрисдикции в Англии были независимы. Великая хартия вольностей не только определяет полномочия властей и права и вольности подданных, но и в статье 1 провозглашает «неприкосновенные» права и вольности церкви⁵⁰. Следовательно, церковное право в королевстве столь же древнее и такое же английское, как и общее право; и общее право и статуты регулируют только светскую сферу, поэтому все те акты, что были приняты до Реформации, включая Великую хартию и статуты *Preaunige*, не распространяются на церковную юрисдикцию. И только корона вправе своей прерогативой – по Акту о Супрематии и по своей «абсолютной власти» – вносить в церковную юрисдикцию любые изменения и устанавливать любовые наказания⁵¹.

Что касается права не обвинять себя, то Косин старается опровергнуть аргументы юристов общего права. Он совершенно справедливо пишет, что максима «*neto tenetur seipsum prodere*» не из общего, а цивильного и канонического права, и что оппоненту нужно сильно попыраться в книгах общего права, чтобы превратить ее в общепринятое английское правило (*I think he would haue much a doe to finde it (by any booke of the common lawe) to be the common custome of England*)⁵². Если у судей есть «достаточные основания», то человек подвергается особому допросу (*speciall enquirie*) и «раскрытие» им себя или кого-то еще «ни по божьему, ни по человеческому закону не является противоестественным обвинением, но обнаружением истины, которой прославляется Господь, карается грех и умножается общее благо»⁵³. «Хотя человек не обязан обвинять себя», но, если его «обвиняет молва», он обязан оправдать себя и ответить под присягой⁵⁴.

Заключение

Дискуссии начала 1590-х гг. о полномочиях ВК комиссии были мотивированны политическими и идейными обстоятельствами, когда ВК направила свою деятельность на борьбу с выступающими за продолжение Реформации пресвитерианами. Основными объектами критики со стороны юриста общего права Джеймса Мориса стали полномочия ВК, которые ВК, по его мнению, превышала, посягая на общее право, королевскую прерогативу и права подданных, и присяга *ex officio*, являющаяся папистским инквизиционным наследием. При этом сам Морис подкреплял свои аргументы максимой «никто не обязан

⁴⁹ Ibid: 48–49.

⁵⁰ Ibid: 70. Великая хартия вольностей (1215): 97–98.

⁵¹ Ibid. Pt. I: 103–129. Pt. III: 71 – 89.

⁵² Ibid: 81.

⁵³ Ibid: 48.

⁵⁴ Ibid: 130, 195, 232.

обвинять самого себя», извлеченной из канонического права, которая благодаря его обращениям к лоллардистским казусам и казусам начала Реформации выглядела у него вполне, как максима общего права. Критика Мориса обращена также на королевскую прерогативу. Он полагал, что, наделяя ВК властными полномочиями, корона выходит за границы, отведенные ее власти общим правом.

Оппонент Мориса, юрист гражданского права Ричард Косин утверждал, что общее право не покрывает все стороны жизни королевства. Существует отдельная от общего права сфера, которая находится под церковным правом, долгое время подчиненная римскому папе, а после Реформации – английской короне, которая обладает абсолютной властью ее регулирования, в том числе правом создавать церковные комиссии и наделять их полномочиями. Присягу *ex officio* цивилист считает законной и применяемой в Англии с древности. Максима «никто не обязан обвинять самого себя» происходит из канонического права и имеет в Англии ограниченное применение.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Великая хартия вольностей (1215) // Петрушевский Д. М. Памятники истории Англии XI—XIII вв. Москва: Государственное социально-экономическое изд-во, 1936. С. 96–117 [Velikaya hartiya vol'nostej (1215) // Petrushevskij D. M. Pamyatniki istorii Anglii XI—XIII vv. Moskva: Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izd-stvo, 1936. S. 96–117].
- Дмитриева О.В. Парламент и политическая культура Англии второй половины XVI – начала XVII в. Москва: Квадрига, 2021 [Dmitrieva O.V. Parlament i politicheskaya kul'tura Anglii vtoroj poloviny XVI – nachala XVII v. Moskva: Kvadriga, 2021].
- Ерохин В.Н. Становление англиканской церкви в XVI — первые десятилетия XVII вв. в освещении современной британской историографии. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009 [Erohin V.N. Stanovlenie anglikanskogo cerkvi v XVI — pervye desyatiletiya XVII vv. v osvshchenii sovremennoj britanskoy istoriografii. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. гуманит. un-ta, 2009].
- A briefe treatise of oathes exacted by ordinaries and ecclesiasticall judges, to answer generallie to all such articles or interrogatories, as pleaseth them to propound. And of their forced and constrained oathes ex officio, wherein is proued that the same are vnlawfull. c. 1590.
- Baker J. Reinvention of Magna Carta 1216–1616. Cambridge: C.U.P., 2017.
- Bray G. Canon Law and the Church of England // Oxford History of Anglicanism, Vol. I. Reformation and Identity, c.1520–1662 / Ed. by Antony Milton. Oxford: O.U.P., 2017. P. 168–185.
- Brooks Ch. Law, Politics and Society in Early Modern England. Cambridge: C.U.P., 2008.
- Brooks Ch. Religion and Law in Early Modern England // Law, Lawyers and Litigants in Early Modern England / Ed. by: J. Begiato. Cambridge: C.U.P., 2019. P. 327–365.
- Calendar of State Paper, Domestic Series, of Reign of Elizabeth, 1591–1594 / Ed. by M.A.E. Green. London: Longman, 1867.
- Camden W. History of most renowned and victorious Princess Elizabeth, late Queen of England containing all the most important and remarkable passages of state, both at home and abroad. London, 1688.
- Carlson L.H. Court of High Commission: A Newly Discovered Elizabethan Letters Patent, 20 June 1589 // Huntington Library Quarterly. 1982. Vol. 45, No. 4. P. 295–315.
- Cavill P.R. Heresy, Law and the State: Forfeiture in Late Medieval and Early Modern England // English Historical Review. 2014. Vol. 129, No. 537. P. 270–295.
- Clegg C.S. Censorship and the Courts of Star Chamber and High Commission in England to 1640 // Journal of Modern European History. 2005. Vol. 3, No. 1. P. 50–80.
- Collinson P. Elizabethan Puritan Movement. London: CAPE, 1967.
- Cosin R. An apologie for sundrie proceedings by iurisdiction ecclesiasticall, of late times by some challenged, and also diuersly by them impugned By which apologie (in their seuerall due places) all the reasons and allegations set downe as well in a treatise, as in certaine

- notes (that goe from hand to hand) both against proceeding ex officio, and against oaths ministred to parties in causes criminall; are also examined and answered. London: Deputies of Christopher Barker, Printer to Queenes most excellent Maiestie, 1593.
- Cummings B. Swearing in Public: More and Shakespeare // *English Literary Renaissance*. 1997. Vol. 27, No. 2. P. 197–232.
- Gray C.M. Writ of Prohibition: Jurisdiction in Early Modern English Law. New York: Oceana Publications, 1994. Vol. IV.
- Gray J.M. Oaths and English Reformation. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Gray J.M. Conscience and the Word of God: Religious Arguments against Ex Officio Oath // *Journal of Ecclesiastical History*. 2014. Vol. 64, No. 3. P. 494–512.
- Guy J. Elizabethan establishment and ecclesiastical polity // *Reign of Elizabeth I: Court and Culture in the Last Decade* / Ed. By J. Guy. Cambridge: C.U.P., 1995. P. 126–149.
- Helmholz R.H. Roman Canon law in Reformation England. Cambridge: C.U.P., 1990.
- Helmholz R.H. Origins of the Privilege Against Self-Incrimination. *Law Review*. 1991. No. 65. P. 962–990.
- Kelly H.A. Inquisition and the Prosecution of Heresy: Misconceptions and Abuses // *Church History*. 1989. Vol. 58, No. 4. P. 439–451.
- Kelly H.A. Thomas More on Inquisitorial Due Process // *English Historical Review*. 2008. Vol. 123, No. 503. P. 847–894.
- Kirby T. Lay Supremacy: Reform of Canon law of England from Henry VIII to Elizabeth I (1529-1571) // *Reformation and Renaissance Review*. 2006. Vol. 8. Iss. 3. P. 349–370.
- Levy L. Origins of Fifth Amendment: The Right Against Self-Incrimination. Oxford: O.U.P., 1969.
- Kras P. System of Inquisition in Medieval Europe. Berlin: Peter Lang, 2020.
- Lake D.E. Books and Readers 1591. A Survey and Analysis of all Books Printed in England or in English Abroad during the year 1591. Lakehead University, 1979.
- Rex R. Thomas More and the heretics: statesman or fanatic? // *Cambridge Companion to Thomas More* / Ed. by G. M. Logan. Cambridge: C.U.P., 2011. P. 93–115.
- Smith D.C. Sir Edward Coke and the Reformation of the Laws: Religion, Politics and Jurisprudence, 1578–1616. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Strype J. Life and Acts of John Whitgift, D.D., The Third and Last Lord Archbishop of Canterbury in the Reign of Queen Elizabeth. Oxford: Clarendon Press, 1822. Vol. II.
- Tudor constitutional documents, A.D. 1485-1603 with an historical commentary / Ed. by J.R. Tanner. Cambridge: C.U.P., 1940.
- Tyler P. Significance of the Ecclesiastical Commission at York // *Northern History*. 1967. Vol. 2, Iss. P. 27–44.
- Usher R. Rise and Fall of the High Commission. Oxford: Clarendon Press, 1913.

Кондратьев Сергей Витальевич, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории, Тюменский государственный университет; s.v.kondratiev@utmn.ru

Court of High Commission, Oath Ex Officio and the Privilege Against Self-Incrimination in English Debates at the Turn of the XVI – XVII Centuries

The article describes a political debate between common lawyer James Morice and civil Lawyer Richard Cosin on the powers of the Court of High Commission, its inquisitorial procedures, and the oath ex officio in England in the early 1590s, during which the areas of common and civil law, the limits of the royal prerogative, the Magna Carta, the liberties of subjects, including the privilege against self-incrimination were touched upon.

Keywords: High Commission, ex officio, law, privilege against self-incrimination, inquisition, royal prerogative, James Morice, Richard Cosin

Sergey Kondratiev, Dr. Sc. (History), Professor at Department of Modern History and World Policy, Tyumen State University; skondratiev@utmn.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ ТЕМПОРАЛЬНОГО РЕЖИМА МОДЕРНА
НА ПРИМЕРЕ БРИТАНСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
НАСТОЛЬНЫХ ИГР XVII–XVIII вв.**

На протяжении раннего Нового времени в Англии изменяются темпоральные характеристики реальности. Представление об увядании мира и грядущем конце света заменяется доминированием идеи постепенного прогресса и движения к благоденствию и будущему процветанию. Концепция влияния планет и чисел на здоровье и жизнь людей также отходит на второй план. Традицию описаний, нацеленных на прогресс и приобретение новых знаний о мире, можно выявить в разных типах текстов – историях графств, утопических повествованиях и пр. В статье рассмотрены образовательные настольные игры, расцвет которых приходится в Англии на конец XVIII – первую половину XIX в. Символические числовые значения и восприятие движения по полю игры как духовного восхождения сменяется идеей соревнования, обучения и личностного прогресса. Географические образовательные игры знакомят с особенностями топографического устройства Британии и мира, вкладывая в его описание идеологические подтексты. Подобное мы можем увидеть как в исторических играх, так и в играх «в человеческую жизнь». На примере образовательных игр конца XVIII века показаны темпоральные характеристики, усваиваемые детьми и молодежью за счет иммерсивности игрового процесса, когда практически каждое явление, представленное в игре, требует от игрока определенного действия.

Ключевые слова: *темпоральный режим модерна, символика чисел, игра в человеческую жизнь, образовательные настольные игры, исторические игры, эпоха Георгов.*

Образовательные настольные игры только недавно стали объектом изучения историков. На русском языке научные статьи, касающиеся данной проблематики, возникают только в последние годы, и пока их число единично¹. Количество англоязычных публикаций тоже невелико, и игры только изредка рассматриваются в них как инструмент идеологического конструирования². При этом образовательные настольные игры, содержащие географические, исторические, естественнонаучные, морально-нравственные и пр. сведения, могут являться значимым историческим источником. Одна из причин неосвоенности данного типа текстов заключается в сложности работы с ними. Образовательные настольные игры, хранящиеся в музеях, могут быть отнесены к разряду детских игр, спортивных развлечений, графических работ и пр. Помимо прочего, цифровые копии игр совсем недавно стали доступны широкой публике. Так, например, в 2012 г. коллекционеры и исследователи Луиджи Чомпи и Андреа Севилья запустили веб-сайт «giochidelloca», который предлагает доступ более чем к двум с половиной тысячам изображений настольных игр.

Большинство игр, рассмотренных в статье, являются переработанными версиями «Игры в гуся». Это название игра получила в Италии в конце XV в., откуда и распространилась по всей Европе. Возможно, игра названа так по созвучию итальянских слов игра (*gioco*) и гусь (*oca*),

¹ См. Шпак 2022; Демичева 2023.

² См. Shefrin 1999; Goodfellow 1998; Seville 2019.

а также потому что игроки передвигаются по полю «гуськом», хотя исследователи пытаются выявить и иные значения, например, соотнося гуся с пеликаном – символом Христа. В монографии Андреа Севилья «Культурное наследие королевской Игры в гуся» отмечается одно из самых ранних упоминаний этого развлечения. В одной из проповедей доминиканца Габриэлле да Барлетта (ок. 1480) сказано: «Если кто-нибудь придет ко мне домой в этом сезоне, я подготовил несколько игр. Если он хочет поиграть в таро, в доме есть карты таро; если в нарды, то у меня несколько досок; для гуся у меня есть большие и маленькие кубики»³.

Постепенно игра в гуся перестала быть исключительно способом праздного времяпрепровождения и игрой на деньги. Сицилийский священник и теоретик шахмат Пьетро Каррера в 1617 г. приводит краткие сведения об игре, принесенной в дар Филиппу II: «Ясно, что разумные люди после первого открытия чего-либо, добавляя или изменяя основную идею, будут делать новые изобретения. Мы знаем, что это произошло с Игрой в гуся во времена наших отцов. Эта игра была придумана во Флоренции, и, поскольку она была высоко оценена, Франческо де Медичи, великий герцог Тосканы, решил отправить ее Его Величеству Филиппу II. Когда она была опубликована, это дало повод некоторым разумным умам изобрести другие игры, немного отличающиеся от оригинала, среди которых была игра, известная под названием “Придворная философия” (*Filosofia cortesana*), изобретенная Алонсо де Барросом из Испании»⁴. Игра Алонсо де Барроса представляла путь, по которому следовал придворный, продвигаясь по карьерной лестнице⁵. Выдержки из брошюры, прилагаемой к игре, показывают значимость ее содержания: «Здесь представлен рассказ о честолюбивых людях, наиболее распространенными приемами которых являются щедрость, лесть, усердие, труд [...] их преследует риск забвения и кривотолков, ложной дружбы, смены министров, смерти помощника, злоупотребления состоянием и бедности»⁶. В конце концов, пройдя все ловушки, игрок добивается до «пальмы своих желаний». Подобная структура настольной игры давала возможность представить гонку между игроками как стремление к определенной цели, будь то карьерный или амурный успех. Однако символика числа могла принимать в играх и менее очевидное значение. В классической версии Игры в гуся игрокам, перемещающим свои фигуры по полю, необходимо было первыми пройти шестьдесят три клетки. Гуманисты, ссылаясь на описанное еще в античности влияние на человека планет, выделяли климактерические годы, то есть периоды в семь и девять лет, на которые делилась человеческая жизнь. Финишная клетка, число шестьдесят три, являлась наиболее опасной и грозившей смертью, а сам путь представлял своеобразным восхождением души.

³ Seville 2019: 23.

⁴ Ibid.: 27.

⁵ De Barros 1588.

⁶ Seville 2019: 34.

Настольная игра, отправленная Филиппу II, явно предназначалась не только для развлечения, а несла важные нумерологические смыслы. Неоплатоник Марсилио Фичино (1433–1499), служивший при дворе Франческо де Медичи, предлагал рассмотреть, как связаны годы жизни человека с влиянием планет. Он утверждал, что в первый год от рождения жизнью младенца управляет Луна, во второй – Меркурий, в третий – Венера, в четвертый – Солнце, в пятый – Марс, в шестой – Юпитер. Наиболее опасное для человека время наступает каждый седьмой год, когда жизнью человека управляет «высшая из планет» – Сатурн. Чтобы избежать негативных последствий его влияния Фичино советовал обращаться к астрологам: «Узнай с какой стороны грозит кризис и тогда либо обратись к врачу, либо к благоразумию и воздержанию»⁷. Подобные климактерические концепции были распространены и в Англии. Например, Уильям Шекспир в пьесе «Как вам это понравится» перечисляет семь возрастов человека от младенчества до старости.

Английский медик, мистик и последователь Ф. Бэкона Томас Браун в своем трактате «Ошибки и заблуждения» (*Pseudodoxia Epidemica*, 1646) подробно рассматривает расхожие теории своего времени, отводя 12-ю главу 4-й книги исследованию климактерического года («Of the great Climactericall yeare, that is sixty three»). Т. Браун пишет, что «числа семь и девять, умноженные друг на друга, дают число шестьдесят три, обычно почитаемое великим кульминационным моментом жизни. Ибо дни человека обычно состоят из семеричных периодов, и считается, что каждый седьмой год несет с собой какие-либо изменения – либо в состоянии тела, либо в уме, либо и в том, и в другом. Среди всех наиболее замечательны три – семь помноженное на семь, то есть сорок девять; девять помноженное на девять, то есть восемьдесят один; и семь помноженное на девять, то есть шестьдесят три, которое, как считается, наиболее фатально. Оно состоит из обоих других чисел, и воспринимается как заключающее в себе их силу, поэтому ожидается и принимается со страхом и считается милостью судьбы преодолеть его. Несмотря на то, что многие подозревают, что это не что иное как панический ужас, люди продолжают бояться сами не зная чего. Со своей стороны, говоря непредвзято, я не нахожу ни удовлетворения, ни достаточных аргументов для обоснованного страха»⁸. Браун критически отзываясь о наличии у чисел скрытых значений, сообщая о роли древних авторов и неоплатоников в распространении подобных заблуждений. Помимо семи и девяти иные числа также часто наделялись скрытыми смыслами, числа один и три могли знаменовать единство Бога и таинство троицы; число четыре относили как к четырем элементам, так и к четырем буквам имени Бога; число шесть равнялось числу дней творения и состояло из суммы первых трех чисел. Таким образом, «каждый превозносит число в соответствии со своим предметом и так, чтобы это приносило пользу его рассуждениям».

⁷ Ficino 1989: 231.

⁸ Brawne 1646: 208–209.

Продолжая критиковать скрытые значения чисел семь и девять, Браун заявляет, что «они основаны не только на мнимых началах природы, но и на искусственных, случайных или баснословных основаниях, ведь некоторые старались восхищаться девятью музами, семью чудесами света, семью вратами Фив, тем, что семь городов боролись за Гомера, что Малая медведица состоит из семи звезд...»⁹. Он оспаривает необходимость связывать годы жизни человека с числами, утверждая, что зрелость у мужчин и женщин зависит не от чисел, а от климата и нрава, т.е. в некотором смысле он освобождает человека от влияния рока и судьбы, которые будут в дальнейшем связываться с характером и фортуной. Более того, он заявляет о свободе человека от влияния времени и пересматривает само значение времени для человеческой жизни:

«Действительно, наши дни, действия и движения, измеряемые временем, которое есть не что иное, как измерение движения, подпадают под счет некоторого числа, которое тем не менее не может быть названо причиной этих событий. Поэтому мы несправедливо приписываем силу действия даже самому времени. И неправы те, кто говорит, что время поглощает все вещи, ибо время не действует, и тела разрушаются не им, а действием и свойствами их элементов, счет которым время только дает и, измеряя их движение, сообщает нам в периодах и сроках их продолжительность, но не действует или физически производит эти действия»¹⁰.

Фактически Браун постулирует иррегулярность времени, отвергая необходимость выискивать в событиях прошлого определенную периодичность и закономерность. Схожее отношение можно увидеть и в творчестве других английских философов этого времени. Так Маргарет Кавендиш в своей утопии «Пылающий мир» (1666 г.) заявляет об ошибочности наделения чисел скрытыми значениями. В ответ на вопрос «нет ли тайны в числах?», героиня слышит, что «нет никакой иной тайны, кроме расчета или счисления, ведь числа – это всего лишь знаки для памяти». На вопрос о значении числа четыре и десять ей отвечают, что «нет в числах никакого секрета, кроме того, что творит человеческая фантазия»¹¹.

Изменения в восприятии чисел и времени отразились и на структуре настольных игр. И хотя первое упоминание об «Игре в гуся» в Англии относится к 1597 г., самая ранняя сохранившаяся печатная игра датирована 1690 г. Своей иконографией и структурой она восходит к итальянским образцам. Путь игрока состоит из 63-х клеток, а 58-я обозначает возможную смерть, попав на нее игрок должен «заплатить и начать сначала»¹². За проход через мост следовало внести плату; клетка с таверной предвещала пропуск хода. В колодце игрок пропускал два хода или ждал пока другой игрок займет его место; в тюрьме нужно было оплатить ставку и дожидаться, пока кто-нибудь придет освободить его¹³.

⁹ Ibid.: 209.

¹⁰ Ibid.: 214.

¹¹ Cavendish 1668: 74.

¹² Overton 1690.

¹³ Игра велась на деньги и не предназначалась для детей. Однако по оттиску на ранней версии игры «Изобретена на консистории в Риме и отпечатана Джоном Овертоном в церкви

Настольные игры подобной конфигурации будут встречаться и век спустя. Джозеф Стратт в подробной панораме развлечений англичан «Спортивные и иные развлечения жителей Англии» (1801) пишет: «В дополнение к играм, упомянутым на предыдущих страницах, я приведу еще пару-тройку игр, не требующих мастерства в игре, но полностью зависящих от случая для определения победителя». Пересказав правила, он замечает: «У нас есть также Игра змеи, более современная Игра в супружество (*Game of Matrimony*) и т.п., которые образованы по тому же плану, что и Игра в гуся, но гораздо менее разнообразны»¹⁴. То есть к концу XVIII в. в Англии было распространено три вида «ночных» игр.

Развитие печатного дела в конце XVIII в. сопровождалось трансформацией досуговых практик. Постепенно настольные игры становились достойным способом времяпрепровождения. Ассоциируемые с игрой на деньги кости были заменены специальным волчком, а сами деньги – на фишки. Концепция игровой формы воспитания была изложена Дж. Локком в 1693 г. в трактате «Мысли о воспитании» (“*Some Thoughts concerning Education*”). Этот труд лег в основу английской теории образования XVIII в. Локк писал, что игры могут стать отличным инструментом обучения, поскольку дети «любят разнообразие и свободу, и именно это делает для них игры привлекательными»¹⁵. Согласно Локку, любой образовательный процесс может быть представлен в виде игры, если представлять его как соревнование, но избегать пресыщения игрой: «Чтобы поддержать в ребенке рвение к этой игре, внушите ему мысль, что она составляет привилегию взрослых»¹⁶.

Первые образовательные игры в Англии составлялись географами, бравшими за основу географические карты. Эти игры составлялись по аналогии с «Игрой в гуся», где игроки вращали волчок и перемещали свои фигуры по полю. Примером игры, в которой была изменена традиционная разбивка на 63 клетки, ассоциируемые с жизнью, является «Новая игра в человеческую жизнь» (1790 г., типографами указаны Элизабет Ньюбери и Джон Уоллис). Фактически это переработанная игра «*Le Nouveau Jeu de La Vie Humaine*», опубликованная во Франции в 1770-х. Игра состояла из 84-х клеток, каждая из них обозначала определенный год жизни и сопровождалась изображением соответствующего персонажа. Кр. Роуи, некоторые из них идентифицирует: под номером 40 (Поэт) изображен Александр Поуп, под номером 55 (Патриот) – Уильям Питт, а на последней ячейке 84 (Бессмертный человек) – Исаак Ньютон¹⁷.

Жизнь человека уже не зависит от расположения планет или сочетания чисел, а напрямую связана с личными качествами и достижениями. Игра знакомила с морально-нравственными категориями, объясняя их

Св. Гроба Господня в Лондоне» она могла иметь и другое значение. См.: Seville 2019: 143.

¹⁴ Strutt 1845: 336-337.

¹⁵ Локк 1988: 527.

¹⁶ Там же: 549.

¹⁷ Rovee 2015.

преимущества и недостатки. Время жизни человека становится продолжительнее и делится на семь периодов: «Бессмертный Человек, прожив восемьдесят четыре года, достоин своими талантами и заслугами стать эталоном для окончания жизни, которая может завершиться только Вечностью. Когда мы доберемся до No. 84, мы получим от этой игры все возможное, но, если мы превысим это число, мы должны будем вернуться на столько пунктов назад, на сколько мы прошли дальше. Жизнь человека делится на семь периодов по двенадцать лет, а именно: от младенчества к юности, зрелости, расцвету лет (*Prime of Life*), безмятежному среднему возрасту (*Sedate Middle Age*), старости, дряхлости (*Decrepitude*) и крайней дряхлости (*Dotage*). В жизни человек сталкивается с различными состояниями, которые располагаются в том порядке, в котором они обычно сменяют друг друга». Каждая из характеристик требовала от игрока определенного действия, что способствовало дополнительной включенности в игровой процесс. Успех зависел от нравственных категорий, приобретающих особую иммерсивность. Правила гласят: «Прилежный Мальчик в семь лет получает ставку (*Stake*) и переходит на сорок два (место Оратора). Небрежный мальчик в одиннадцать лет должен оплатить ставку и пропустить два хода. Усердный юноша в пятнадцать лет получает две ставки и переходит на пятьдесят пять, где встречает Патриота. Непримечательный юноша в девятнадцать лет должен заплатить одну ставку и перейти к Певцу на тридцать восемь. Дуэлянт в двадцать два года должен заплатить две ставки и вернуться на место мальчика под номером три. Покладистый мужчина в возрасте двадцать шести лет останется на своем месте пока его не займет другой игрок, и тогда он сможет вернуться на место своего освободителя. Блудный сын под номером тридцать должен заплатить четыре ставки и вернуться к Беспечному мальчику под номером шесть. Женатый мужчина в тридцать четыре года получит две ставки в качестве доли своей жены и станет Хорошим отцом в пятьдесят шесть лет. Писатель романов в сорок лет должен заплатить две ставки и вернуться к Озорному мальчику пяти лет...»¹⁸.

Элементы интерактивного включения прослеживаются и в исторических играх, где успех игрока зависит не только от случайности или фортуны, но и от его знания ключевых исторических событий, изложенных составителями игр. Первые исторические образовательные игры, как и игры в человеческую жизнь, берут свое начало во Франции. К самым ранним образовательным историческим играм можно отнести французскую «Хронологическую игру» (*Jeu Chronologique*) (ок. 1645). Игра начинается с клетки, отмечающей Сотворение мира. Каждая последующая клетка обозначает отдельный век. Каждый век сопровождается описанием события и действия для игрока. Например, на клетке с Вавилонской башней сказано: «Чтобы избежать путаницы с Вавилоном, господством Нимрода и его ассирийских наемников, правивших тринадцать веков, вернитесь на

¹⁸ Wallis, Newbery 1790.

столько же веков назад»¹⁹. История человечества делится в игре на три периода – от сотворения Адама до рождения Авраама; от Авраама до Иисуса Христа; от Христа до XVII в.

В первой половине XVIII в. во Франции появляются исторические игры, уходящие от библейских сюжетов, делая акцент на развитии государства. В «Игре в римских императоров», опубликованной в первой четверти XVIII в., игрок проходит путь от Ромула до Карла VI²⁰; в «Большой игре в римских императоров» (1717) игрок знакомится с правителями Римской империи от Ромула и Рема до Октавиана Августа²¹; а «Новая историко-хронологическая игра королей Франции» (1745) посвящена французским правителям от Фарамонда I до Людовика XV²².

Одной из задач изучения истории было формирование определенных поведенческих стандартов. Ф.С. Честерфилд в письме 1739 г. к семилетнему сыну отмечает эту особенность: «Польза истории заключается главным образом в примерах добродетели и порока людей, которые жили до нас; что касается них, нам надлежит сделать собственные выводы. История пробуждает в нас любовь к добру и подвигает на благие дела». Образовательные исторические игры не только знакомили с датами и событиями, но и придавали им определенную эмоциональную окраску, формируя представление о нравственности и добродетелях. Исторические игры вовлекали игрока за счет элементов интерактивности – указаний на определенные действия, соответствующие историческим событиям, чтение дополнительных материалов из прилагаемых буклетов и пр.

Первая историческая образовательная игра в Англии «Знакомство с королевской генеалогией. Правители Англии от саксонской гептархии до правления Его Величества Георга Третьего» была опубликована в 1791 г. Э. Ньюбери и Дж. Уоллисом. Все подробности об игре размещены на игровом поле. О ее назначении сказано: «Так как это научная игра (*scientific game*), в которой в равной степени сочетаются развлекательная и образовательная стороны, мы надеемся, юный игрок не будет слишком утруждать свою память для приобретения безупречных знаний. Большинство игр рассчитаны лишь на то, чтобы способствовать развитию мастерства и хитрости, но эта, несомненно, не просто развлечет, но способствует знакомству игроков с генеалогией своих королей». Поле игры представлено в виде 52-х щитов с именами королей и годами их правления. Первая часть – правители от Эгберта до Гарольда II; вторая – от Вильгельма Завоевателя до Георга III. По бокам от поля размещены пояснения о каждом правителе. Об Эгберте сказано, что он «является прямым потомком первых саксонских королей Уэссекса» и «завоевателем шести остальных королевств, объединившим их в одно», а о Георге III, что он «сменил на троне своего деда и наградит игрока, первым оказавшегося в его компании».

¹⁹ Peyrounin 1643.

²⁰ Roussel ca. 1700.

²¹ Крепу 1717.

²² Крепу 1745.

Игроки перемещали по полю специальные фигуры – пирамидки, следуя требованиям, указанным в описании, но их личное знание истории могло способствовать успеху в игре: «В качестве поощрения за интерес к полезной науке генеалогии игрок получит право переместиться на одно число вперед, если сможет не заглядывая в описание сказать, какой король предшествовал, а какой следовал тому числу, на котором по воле случая оказалась его пирамидка; и если он может сказать дату, когда родился этот король, когда началось его правление и как долго он правил, ему будет позволено продвинуться еще на одно число вперед»²³.

Исторические настольные игры формировали устойчивые стереотипы о монархах и их моральных качествах. Например, Генрих II описан как щедрый благодетель ученых, и игрок, оказавшийся на его клетке, получает возможность передвинуть свою фигуру на два деления вперед, тот же, кто оказывался на шите с Генрихом VIII, должен был вернуться в начало игры, поскольку таким несправедливым было его обращение с супругами. То, как игровая механика формировала представление об исторических событиях, можно увидеть из таблицы, где сопоставляются описания правителей в игре 1791 г. «Знакомство с королевской генеалогией. Правители Англии от саксонской гептархии до правления Его Величества Георга Третьего» и в буклете к игре 1803 г. «Историческое времяпрепровождение или Новая игра по истории Англии от Вильгельма Завоевателя до Восшествия на престол Георга Третьего»²⁴. Описания не всегда сопровождаются конкретным действием, но в игре 1803 г. игрок должен в зависимости от ситуации платить и забирать штрафы, ходить в обратном направлении, пропускать ход или возвращаться в начало игры.

**Характеристика правителей 1485–1685 гг.
в исторических образовательных играх 1791 и 1803 гг.**

Знакомство с королевской генеалогией. Правители Англии от саксонской гептархии до правления Его Величества Георга III. 1791 ²⁵ .		Историческое времяпрепровождение или Новая игра по истории Англии от Вильгельма Завоевателя до Восшествия на престол Георга III. 1803 ²⁶ .
Генрих VII	Внук Оуна Тюдора и Екатерины Французской, вдовы Генриха V. Род. в 1456 г. и был женат на Елизавете, дочери Эдуарда IV. Его детьми были Артур, Генрих, Эдмунд, Маргарита, Мария и две дочери, которые умерли в младенчестве. Этот король скончался в 1509 г.	По своей матери Маргарите являлся потомком одного из сыновей Джона Гонта, герцога Ланкастера и Екатерины Суинфорд и был женат на принцессе Елизавете, дочери Эдуарда Четвертого. Этим браком были объединены дома Йорков и Ланкастеров. Герцогиня Бургундская, сестра Эдуарда, разгневанная принижением ее рода, решила, по крайней мере, причинить беспокойство правительству, которое она не могла свергнуть. Поэтому она распространила слух, что ее племянник, герцог Йоркский, сбегал из Тауэра и все еще скрывался, а затем, встретившись с молодым человеком по имени Перкин Уорбек, очень

²³ Wallis, Newbery 1791.

²⁴ Wallis, Harris 1803 a.

²⁵ Wallis, Newbery 1791.

²⁶ Wallis, Harris 1803 b: 32–40.

		<p>похожим на этого принца, она уговорила короля Франции пригласить Перкина к своему двору. Юноша, никоим образом не ослепленный своим возвышением, вел себя соответственно своему положению и выступил с эффектным обращением. Более ста джентльменов отправились в Париж, чтобы воздать ему должное и предложить свои услуги; и многие из первых дворян Англии поверили его заявлениям. После многих безуспешных попыток поднять восстание в Англии он был схвачен и казнен в Тайберне. Принц Артур, старший сын короля, скончался вскоре после заключения брачного контракта с Екатериной Арагонской. (Генрих VII – возьми штрафы; Перкин Уорбек – заплати королю; смерть короля Артура).</p>
<p>Генрих VIII</p>	<p>Сменил на престоле своего отца. Он родился в 1456 г. У него было несколько жен. С Екатериной Арагонской он развелся; Анна Болейн была им обезглавлена; Джейн Сеймур умерла на родильном ложе; с Анной Клевской он развелся; Екатерина Ховард была обезглавлена и Екатерина Парр, которая пережила его. Его детьми были Мария, Елизавета и Эдуард. Он умер в 1547 г., и потому что его обращение с королевами было неоправданным, игрок должен вернуться в начало игры.</p>	<p>Сын Генриха Седьмого, женился на Екатерине Арагонской, связанной брачным контрактом с его братом Артуром. Кардинал Уолси, человек низкого происхождения, в начале его правления приобрел богатство и высокое положение. Король, пораженный красотой и великолепием фрейлины королевы Анны Болейн, заявил о сомнении в законности брака с женой родного брата; и, прожив с Екатериной более двадцати лет, без каких-либо угрызений совести развелся с ней и женился на Анне Болейн, которую спустя некоторое время приказал обезглавить, хотя история винит ее лишь в том, что она пережила привязанность короля. На следующий день после казни Анны он женился на Джейн Сеймур. Генрих отрицал верховенство Папы, начал Реформацию и упразднил шестьсот сорок пять монастырей. Из них двадцать восемь имели аббатов с местом в парламенте. Но из всех древних культовых объектов ни одно не было уничтожено с таким рвением, как гробница Томаса Бекета. Король приказал стереть имя этого святого из календаря и осудил его как предателя. Людовик Седьмой Французский совершил паломничество к этой чудесной могиле и подарил святыне драгоценность, считавшуюся самой ценной в христианском мире, которую Генрих впоследствии носил в кольце. Радость, которую Генрих испытал в это время по поводу рождения сына, была омрачена потерей королевы Джейн Сеймур, умершей через два дня после родов. Впоследствии Генрих женился на Анне Клевской, но она настолько ему опротивела, что он развелся, назначив ей пенсию в три тысячи фунтов в год. Затем он женился на Екатерине Говард; но королю были представлены настолько убедительные доказательства ее невоздержания, что на следующий день ее обезглавили. Его последней женой была Екатерина Парр, вдова лорда Латимера, которой посчастливилось пережить его. В его царствование Библия была издана</p>

		<p>на английском языке. (Генрих VIII – разграбьте гробницу Бекета и возьмите штрафы; Екатерина Арагонская – перейдите к королеве Марии; Кардинал Уолси – сделайте еще одно вращение; Анна Болейн – перейдите к королеве Елизавете; Реформация – перейдите к Библии; Джейн Сеймур – перейдите к Эдуарду Шестому; Разрушенный монастырь – заплатите три королю; Анна Клевская – каждый игрок платит вам три, и вы возвращаетесь в начало игры; Мушкетеры, используемые на войне; Екатерина Говард – заплатите два королю; Библия – перейдите к Молитвеннику; Екатерина Парр).</p>
<p>Эдуард VI</p>	<p>Сменил своего отца на троне. Родился в 1537 г. Умер неженатым в 1553 г. Так как он был хорошим королем, игрок может переместиться на два числа вперед.</p>	<p>Был сыном Генриха Восьмого и Джейн Сеймур. На момент смерти отца ему шел десятый год. Протектором при нем был избран граф Хартфорд, впоследствии герцог Сомерсет. Однако граф Нортумберленд, завидуя могуществу Сомерсета, обвинил его в измене и уголовном преступлении, за что тот и был обезглавлен. Реформация продолжалась под покровительством Эдуарда, по указу которого была составлена Книга общих молитв, частично сохранившая свой вид до наших дней. Он умер на шестнадцатом году жизни, оставив корону своей двоюродной сестре, леди Джейн Грей. Если бы отношения леди Джейн были такими же добродетельными, как она сама, ей, возможно, удалось бы воспользоваться положением, завещанным Эдуардом, но, к сожалению, гордость и честолюбие ее тестя, герцога Нортумберленда вместе с наглостью Дадли сделали их ненавидимыми для народа, и Мария, дочь Генриха Восьмого и Екатерины Арагонской, была почти единогласно провозглашена королевой. Леди Джейн Грей впоследствии была казнена вместе со своим мужем лордом Гилфордом Дадли по подзрению в участии в подготовке восстания. Во время правления Марии, которая была фанатичной католичкой, многие были сожжены за приверженность протестантской вере. Среди них был Кранмер, примас (предстоятель), человек, чья умеренность, честность и добродетель вызывали симпатию даже у большей части католической партии. Преступлением, за которое пострадало большинство протестантов, был их отказ признать доктрину пресуществления. Епископ Гардинер, понимая, что приведенные им примеры не смогли вселить в реформаторов тот ужас, которого он ожидал, передал оскорбительную задачу преследования Боннеру, человеку, чей жестокий характер полностью соответствовал дикому нраву королевы. Ближе к концу ее правления Кале был взят французами. До этого он двести десять лет находился во владении англичан, которые теперь были лишены последней пяди земли в</p>

		<p>королевстве, где прежде их владения были обширны. (Эдуард Шестой – возьмите штрафы; Сомерсет обезглавлен – заплатите два королю и сделайте ход назад; Джейн Грей обезглавлена – сделайте ход назад; Боннер – перейди в его тюрьму на номер 114; Сожжен Кранмер – вернись к Реформации; Кале пало – возьмите один из казны).</p>
Мария	<p>Дочь Екатерины Арагонской и Генриха VIII. Унаследовала престол от своего брата по воле отца. Она родилась в 1516 г., а умерла в 1558 г. Поскольку это была жестокая и деспотичная королева, игрок должен не только положить две фишки, но и пройти на два числа назад.</p>	
Елизавета	<p>Дочь Анны Болейн и Генриха VIII. Унаследовала престол после смерти своей сестры Марии. Родилась в 1533 г. и умерла незамужней в 1603 г., назначив своим преемником короля Шотландии. Поскольку это была хорошая королева, игрок может перейти на два числа вперед.</p>	<p>Дочь Генриха Восьмого и Анны Болейн. Взошла на престол после смерти Марии. Она была протестанткой и поддерживала реформаторов, но, далекая от принятия тех насильственных мер, которые применяла ее сестра для утверждения исповедуемой веры, всего лишь заключила в тюрьму Боннера, который был главным орудием жестокости Марии. В 1568 г. расстроенное состояние Шотландии и восстание ее подданных побудили Марию, королеву Шотландии, искать защиты во владениях Елизаветы, сочувствовавшей ей в связи с ее несчастным положением в услужливых и вежливых письмах и давшей ей уверения в благосклонности и защите. Однако красота и достижения Марии сделали ее объектом крайней ревности Елизаветы, которая, продержав ее в плену восемнадцать лет, приказала обезглавить по подозрению в причастности к заговору против государства. Филипп, король Испании, под благовидным предлогом наказания убийц принцессы, которая была его другом и союзником, приготовился к нападению на Англию и, снарядив огромный флот, дал ему самонадеянное название «Непобедимая армада». Но эти суда, большинство из которых были громоздкими и плохо управляемыми, вскоре были приведены в замешательство превосходящим мастерством англичан и полностью разбиты малыми силами под командованием адмирала Эффингема и сэра Фрэнсиса Дрейка. Во время ее правления творил знаменитый Уильям</p>

		Шекспир. Елизавета оставила корону своему родственнику королю Шотландии Якову Шестому. (Королева Елизавета – возьмите штрафы; Боннер в тюрьме – пропустите следующий ход; Появление табака; Мария, королева Шотландии, обезглавлена – сделайте ход назад; Шекспир – повторите две строки этого автора или заплатите два в казну; Испанская армада – заплатите два королеве; Основана Ост-Индская компания – заплатите два в казну).
Яков I	<p>Был правнуком короля Шотландии Якова IV и Маргариты, дочери Генриха VII. Родился в 1620 г. и был женат на Анне Датской, от которой у него родились Генрих, умерший раньше него, Карл, ставший его преемником, и Елизавета, вышедшая замуж за Фридриха, курфюрста Палатина. Он умер в 1625 г. Игрок должен оставить две фишки.</p>	<p>Был сыном Марии, королевы Шотландии, и Генриха лорда Дадли. В начале его правления паписты организовали заговор, стремясь уничтожить короля и парламент с помощью пороха, который, к счастью, был обнаружен, а заговорщики казнены. В 1615 г. сэр Уолтер Рэли, совершивший ранее путешествие в Южную Америку, предложил проект, сулящий вернуть его разбитое состояние и льстивший алчности короля. Он обозначил места в Гвиане, в которых, по его мнению, были золотые рудники. Яков, заинтересованный перспективой приобретения огромных богатств, снабдил его четырнадцатью кораблями, но в то же время заверил испанского посла, что Рэли, связанный поручением, не станет вести военных действий против испанцев. Однако, когда экспедиция была составлена, у нее не было таких ограничений. Рэли отплыл и, испытав большие страдания от штормов, болезней и нехватки воды, высадился на острове Сент-Томас, где на него напали испанцы, которым он дал отпор и уничтожил гарнизон. Вскоре после этого Рэли вернулся, так и не достигнув цели своей миссии. Тогда Яков, чтобы умилистить испанцев, приказал обезглавить его. Король особенно беспокоился о свадьбе своего сына принца Чарльза и инфанты Испании. Переодетый принц вместе с герцогом Бекингом отправился в Мадрид, где были приняты с величайшим почтением и дружбой испанским королем, но самоуверенность и наглость Бекинга вскоре заставили принца вернуться без невесты. (Яков Первый; Пороховой заговор – вернитесь к Боннеру; Рэли обезглавлен – сделайте ход назад; Карл и Бекингем).</p>
Карл I	<p>Сменивший на троне своего отца, родился в 1600 г. Был женат на Генриетте, сестре короля Франции Людовика XIII, от которой у него был сын Карл, ставший его преемником; Яков, ставший</p>	<p>Сын Якова Первого. Женился на принцессе Генриетте Французской, которую очень любил и повиновался себе слишком сильно поддаваться влиянию ее советов. Парламент нашел его самодуром и деспотом и отказался выполнять его требования. В результате его тиранических действий многие члены английского парламента вступили в переписку с оппозиционными шотландцами. Карл приехал лично и объявил импичмент нескольким</p>

	<p>впоследствии королем; Генрих, герцог Глостер; Мария, вышедшая замуж за принца Оранского; Елизавета, умершая вскоре после отца; и Генриетта, бывшая замужем за герцогом Орлеанским. Карл обезглавлен в 1649 г.</p>	<p>членам палаты общин, что возмутило парламент, который собрав армию, поставил во главе ее Кромвеля. Король отступил со своими войсками в Йоркшир, где потерпел полное поражение в решающей битве при Нейсби. Несчастливого Карла впоследствии судили как предателя и непримиримого врага государства. Его приговорили к обезглавливанию и казни. (Карл Первый; Импимент – заплатите два Оливеру Кромвелю; Битва при Нейсби – перейдите к Кромвелю; Карл обезглавлен – сделайте ход назад).</p>
Кромвель	–	<p>В 1648 г. стал лордом-лейтенантом Ирландии. Упразднив эту должность, он с триумфом вернулся в Англию, где, распустив Длинный парламент, был назначен лордом-протектором Соединенных королевств Англии, Ирландии и Шотландии. На смертном одре он согласился на назначение своего сына Ричарда протектором, но Ричард охотно отказался от прелестей королевской власти ради более спокойного наслаждения семейным счастьем. (Оливер Кромвель – возьмите штрафы; Ричард Кромвель; Ричард уходит в отставку – начните игру заново).</p>
Карл II	<p>Род. в 1630 г., взошел на трон в 1660 г. Был женат на Екатерине Португальской и умер в 1685 г., не имея законных детей. Родными его детьми были герцог Монмут от Люси Уолтерс; Шарлотта Фицрой от миссис Киллгрит; Чарльз Фицрой, граф Плимут, от миссис Пегге; герцог Кливлендский, герцог Графтонский, Джордж Фицрой, герцог Нортумберлендский, Энн Фицрой, Шарлотта Фицрой, Барбара Фицрой от миссис Вильерс; герцог Сент-Олбанс от миссис Гвин; герцог Ричмонд от Луизы де Керуаль; и Мария Тюдор от миссис Дэвис. Поскольку Карл – плохой принц, игрок должен оставить две фишки.</p>	<p>Сын Карла Первого. После коронации в Сконе, предпринял безуспешную попытку вернуть себе трон своих предков во время правления Кромвеля, но потерпел поражение в битве при Вустере и был вынужден одно время прятаться в Королевском дубе в Боскобеле. После отставки Ричарда Кромвеля Карл главным образом при содействии генерала Монка был восстановлен на английском престоле. (Карл Второй – перейдите на дуб; Карл коронован в Сконе; Карл прячется в дубе; Карл восстановлен).</p>

В 1802 г. издательское дело Элизабет Ньюбери было продано ее менеджеру Джону Харрису, который совместно с Джоном Уоллисом опубликовал игру «Историческое времяпрепровождение или Новая игра по истории Англии от Вильгельма Завоевателя до Восшествия на престол Георга Третьего». Эта и последующие издаваемые ими исторические игры имеют больше внешних сходств с Игрой в гуся. Игрок перемещал свою фигуру по спиральной дорожке, выполняя в зависимости от своего положения определенные действия. В буклете, прилагающемся к игре 1803 г., сказано: «Полезьа и направленность этой игры должны быть очевидны с первого взгляда, поскольку, несомненно, не может быть более приятного занятия, чем изучение истории, и нет более полезного для молодежи, чем то, которое в приятной и исчерпывающей форме сообщает им о событиях, произошедших в их собственной стране. Сто пятьдесят восемь изображений представляют собой либо портреты выдающихся личностей, королей, государственных и церковных деятелей, генералов, поэтов и т. д., либо примечательные события из истории нашей страны, что, естественно, зародит любопытство в юном уме, которое может быть удовлетворено кратким описанием каждого царствования»²⁷.

Дж. Уоллисом будет опубликовано более десятка исторических игр, в основном повторяющих сведения из игры 1803 г., включая дополнения о новых правителях. Помимо игр, касающихся истории Англии, в 1814 г. им будет издана игра по Всеобщей истории, где игроку нужно пройти путь в сто тридцать восемь клеток от Сотворения мира до принца-регента Георга²⁸. Однако эта и ряд игр других издателей XIX в. выходят за хронологические рамки данной статьи.

Рассмотренные игры конца XVIII в. ясно показывают, насколько существенные изменения произошли в символике числа, восприятии идеи прогресса и развитии образовательного потенциала настольных игр. Игры используются как мощный идеологический и воспитательный инструмент, рассказывающий об основных этапах человеческой жизни («Новая игра в человеческую жизнь»), формируя связь между возрастом и желательными достижениями или же компетенциями и генерируя представление о прошлом государства и мира, соотнося характеристики правителей с требуемыми действиями, достигая уровня иммерсивности, который в XVII в. мог осуществляться только за счет крупных ставок.

Победа в образовательных играх обусловлена не только удачей, мастерством и хитростью, но и знанием. Знание становится главным атрибутом и продуктом игр, темы которых будут предельно разнообразны – от морали и знания христианской истории до естественных законов и умения вести арифметические расчеты.

²⁷ Wallis, Harris 1803 a: A2.

²⁸ Wallis 1814.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Демичева Т.М. Французские игры «в гуся» середины XVIII в. как источники по изучению антропологии власти нового времени (по материалам из собрания государственного Эрмитажа) // *Метаморфозы истории*, № 27, 2023. [Demicheva T.M. Francuzskie igry «v gusja» sere diny XVIII v. kak istochniki po izucheniju antropologii vlasti novogo vremeni (po materialam iz sobranija gosudarstvennogo Ermitaza) // *Metamorfozy istorii*, № 27, 2023] URL: <https://history-metamorph.ru/s230861810023856-1-1/>
- Локк Дж. Сочинения: В 3 т. / Пер. с англ. и лат. Т. 3 / Ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. М.: Мысль, 1988 [Lokk Dz. Socinenija: V 3 t. / Per. s angl. i lat. T. 3 / Red. i sost., avt. primеч. A. L. Subbotin. M.: Mysl, 1988].
- Шпак Г.В. Настольные игры в Англии эпохи Георгов как инструмент воспитания, обучения и распространения научных знаний // *Преподаватель XXI век*, № 3–2, 2022, С. 337–352. [Shpak G.V. Nastolnye igry v Anglii epohi Georgov kak instrument vospitanija, obuchenija i rasprostraneni ja nauchnyh znanij // *Prepodavatel XXI vek*, № 3-2, 2022, S. 337–352].
- Browne T. Pseudodoxia epidemica, or, Enquiries into very many received tenets and commonly presumed truths. London: printed by T.H. for E. Dod, 1646. 386 p.
- Cavendish M. The Description of a New World, Called the Blazing-World. Written By the Thrice Noble, Illustrious, and Excellent Princesse, the Duchess of Newcastle. London: Printed by A. Maxwell, 1668.
- Срепу Ж. Grand Jeu de l'Histoire de Rome depuis sa Fondation jusqu'à César Auguste 2e Empereur. Paris, 1717. URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=2667>
- Срепу Л. La Récréation Française ou Nouveau Jeu Historique et Cronologique des Rois de France. Paris, 1745. URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=222> (accessed: 14.08.2023).
- De Barros A. Filosofia cortesana. Napoli: Marius Cartarius inc. 1588. URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=1103>
- Ficino Marsilio. Three Books on Life. A critical edition and translation with introduction and notes by Carol V. Kaske and John R. Clark. Binghamton, NY: Medieval & Renaissance Texts & Studies in conjunction with the Renaissance Society of America, 1989.
- Goodfellow C.G. The Development of the English Board Game, 1770-1850 // *Board Games Studies*. International Journal for the Study of Board Games, Leiden, 1998. Vol. 1. P. 70–80.
- Overton J. The Royall and Most Pleasant Game of y Goose: London, Printed and sould by John Overton. 1690. URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=1441>
- Peyrounin A. Jeu Chronologique. Paris: A Paris chez Pierre Mariette rue St Jacques à l'Esperance, 1643. URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=2439> (accessed: 09.08.2023).
- Roussel. Jeu de l'Histoire Romaine. Empereurs d'Orient. Empereurs d'Occident. Paris, ca. 1700. URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=2628>
- Rovee Ch. The New Game of Human Life, 1790. // *BRANCH: Britain, Representation and Nineteenth-Century History*. 2015. URL: https://branchcollective.org/?ps_articles=christopher-rovee-the-new-game-of-human-life-1790
- Seville A. The Cultural Legacy of the Royal Game of the Goose: 400 years of Printed Board Games, Amsterdam University Press, 2019.
- Sheffrin J. «Make it a Pleasure and Not a Task»: Educational Games for Children in Georgian England // *The Princeton University Library Chronicle*. – Princeton University Library Vol. 60, No. 2. 1999, P. 251–275
- Strutt J. The Sports and Pastimes of the People of England: Including the Rural and Domestic Recreations, May Games, Mummeries, Shows, Processions, Pageants, & Pompous Spectacles from the Earliest Period to the Present Time. London: Printed for Thomas Tegg, 1845.
- Wallis J. Wallis's New Game of Universal History and Chronology. London, 1814. URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=854>
- Wallis J., Harris J. Historical Pastime or a New Game of the History of England from the Conquest to the Accession of George the Third. London, 1803 a. URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=542> (accessed: 05.08.2023).
- Wallis J., Harris J. Rules and Directions for Playing the Historical Pastime or New Game of the History of England with a Short Account of the Principal Events which Have Occurred from William the Conqueror to the Accession of George the Third. London, 1803 b.
- Wallis J., Newbery E. The New Game of Human Life. London: Published by John Wallis and E. Newbery, 1790. URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=144>

Wallis J., Newbery E. The Royal Genealogical Pastime of the Sovereigns of England from the Dissolution of the Saxon Heptarchy to the Reign of His Present Majesty George the Third. L.: Published by E. Newbery, 1791. URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=980>

Шпак Георгий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ИВИ РАН; преподаватель, РГГУ, Москва; geo.shpak@gmail.com

Formation of the Temporal Regime of the Modern Era on the Example of the British Educational Board Games of the XVII-XVIII Centuries

During the early modern period in England, the temporal characteristics of reality are being corrected. The idea of the gradual decline of the world and the coming end of the world is replaced by the dominance of the idea of gradual progress and movement towards future prosperity. The concept of the influence of planets and numbers on human health and life also faded into the background. The tradition of descriptions aimed at progress and the acquisition of new knowledge about the world can be identified in various types of sources - county histories, utopian narratives, etc. This article discusses a lesser-known type, which is educational board games, which flourished in England at the end of the 18th - first half of the 19th centuries. Symbolic numerical values and the perception of movement across the playing field as a spiritual ascent were replaced by the idea of competition, learning and personal progress. Geographic educational games introduced the features of the topographic structure of Britain and the world, putting ideological overtones into its description. We can see this both in historical games and in games "in human life". Using the example of educational games of the late 18th century, the article shows the temporal characteristics acquired by children and youth due to the immersive nature of the game process, when almost every phenomenon presented in the game requires a certain action from the player.

Keywords: *temporal mode of the modern era, symbolism of numbers, game of human life, educational board games, historical games, the era of Georges.*

Georgiy Shpak, PhD (History), Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Lecturer, Russian State University for the Humanities, Moscow; geo.shpak@gmail.com

ЭПИДЕМИИ КАК ПОВОД К ИЗУЧЕНИЮ РЕГИОНА ЭКСПЕДИЦИЯ В.И. ИСАЕВА 1901 Г. В АСТРАХАНСКУЮ ГУБЕРНИЮ

В статье рассматриваются организация и содержание масштабной экспедиции 1901 года под руководством В.И. Исаева в Букеевскую орду Астраханской губернии. Результатом подробного обследования степи, вызванного необходимостью объяснить появление чумных вспышек, стало не только изменение представлений об эпидемиологии чумы в европейской России, но и создание целого корпуса нового знания о географии и этнографии степи.

Ключевые слова: история медицины, история Российской империи, эпидемии чумы, В.И. Исаев, Букеевская орда, медицинское знание.

Историкам хорошо известна роль эпидемий в обострении социальных конфликтов, мобилизации коллективных страхов и трансформации административных систем. Эпидемии изучаются в качестве значимого фактора глобальной экономической истории, а предпринимаемые государствами санитарные меры служат индикатором характера политических режимов¹. Однако эпидемия – это не только масштабная социальная катастрофа. Необходимость объяснения природы инфекционных заболеваний приводила на места эпидемических вспышек исследователей. Учёные выявляли климатические и геологические особенности местности, пути движения торговли, описывали физические характеристики, образ жизни и обычаи местного населения. Эти наблюдения ложились в основу медико-биологических теорий инфекционных болезней и задавали направления противоэпидемических стратегий властей. Эпидемии, таким образом, становились поводом к изучению региона.

Существует значительный корпус работ, касающихся истории обследования территорий, затронутых эпидемиями. Как правило, это труды, посвящённые развитию медицинской картографии, статистики и санитарного движения и выполненные на материале эпидемий на Западе и в европейских колониальных владениях². История медико-географического изучения городов и центральных областей Российской империи в связи с эпидемическими вспышками всё в большей мере привлекает внимание учёных.³ Однако сюжеты об исследовании врачами имперских окраин России до сих пор сравнительно редки в историографии.⁴ В настоящей статье речь пойдёт об экспедиции В.И. Исаева в Букеевскую орду Астраханской губернии в 1901 г., результатом которой стало не только изменение научных представлений о природе чумы на территории Российской империи, но и появление целого массива данных о регионе, до тех пор почти не изученном.

¹ Harrison 2013; Baldwin 1999; Ranger and Slack 1992.

² См., напр.: Echenberg 2010; Koch 2017; Henderson 2019.

³ Пироговская 2018; История медицины и медицинской географии 2021: 190–203.

⁴ Lynteris 2016; История медицины и медицинской географии 2021.

Чума и появление российской бактериологии (1878–1900 гг.)

Поводом к организации экспедиции послужила серия чумных вспышек на территории Букеевской орды: в конце XIX – начале XX века этот регион, входивший в состав Астраханской губернии, стал эпицентром III пандемии чумы (1894–1959) в Российской империи. Только в период с 1899 по 1905 гг. здесь было зафиксировано 19 вспышек с общим числом жертв, превышающим тысячу человек⁵. Размах эпидемии и шокирующе высокая смертность – до наступления эпохи антибиотиков от чумы, в зависимости от её формы, умирали от 60 до 100% заболевших⁶ – обусловили превращение чумы в одну из острейших проблем, стоявших на повестке дня.

За 20 лет до этого Астраханская губерния уже становилась причиной беспокойства врачей и чиновников: в конце 1878 – начале 1879 года внезапная вспышка неизвестной болезни в казачьей станице Ветлянка унесла жизни пятой части её населения. Врачи не сразу распознали в заболевании чуму, а власти скрывали масштаб происшедшего⁷. Просочившись в прессу, новости об эпидемии вызвали панику в ближайших губерниях и обеих столицах:⁸ в России чума не появлялась уже несколько десятилетий. К 1870-м гг. чума прочно ассоциировалась со странами Востока – Индией, Персией, Османской империей, где она, как считалось, была эндемичной, т.е. существовала постоянно в силу природных условий. Россия, как и Европа, старалась оградить себя от заноса чумы с этих территорий, отслеживая эпидемиологическую ситуацию на Востоке через дипломатические службы⁹. Для исследования причин внезапной вспышки в Астраханскую губернию прибыла международная медицинская инспекция. Изучив на месте все свидетельства, врачи пришли к традиционному выводу о заносе чумы извне – из Персии или Турции¹⁰.

Опыт Ветлянской чумы стал серьёзным стимулом бурного развития в России новой науки – бактериологии. В 1880-е годы бактериология в России переживает бурный подъём: открываются пастеровские станции, лаборатории и исследовательские институты, где работали российские специалисты с мировым именем¹¹. Важнейшую роль в развитии бактериологии в России сыграл Институт экспериментальной медицины (ИЭМ), основанный по инициативе принца Ольденбургского в 1890 г. Главная миссия Института состояла в исследовании инфекционных болезней и выработке способов борьбы с ними. В 1899 г. на одном из островов в Кронштадте была открыта бактериологическая лаборатория Института, получившая название «Чумного форта»¹². С началом Третьей

⁵ РГИА. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 2137. Л.5 - 5об.

⁶ Twigg 2013: 18 – 19.

⁷ Страхович 1907: 12–17; Минх 1898: 28–36.

⁸ Пироговская 2018: 193–199.

⁹ Архангельский 1879: 157.

¹⁰ Минх 1898: 268–269.

¹¹ Хектэн 2001: 39; Виноградский 2013.

¹² Первый в России исследовательский центр в области биологии и медицины 1990: 7–43.

пандемии чумы российское правительство учредило «Особую комиссию для предупреждения занесения чумной заразы и борьбы с нею в случае её появления в России» (1897), опорной базой которой стал ИЭМ. Комиссия, возглавляемая принцем Ольденбургским, получила беспрецедентные полномочия и значительные финансовые средства. Ею был организован целый ряд экспедиций российских микробиологов в ведущие бактериологические лаборатории мира, от Индии до США, где учёные работали вместе с зарубежными коллегами¹³. Российская бактериология, таким образом, была полностью включена в мировой контекст; обмен идеями и опытом борьбы с чумой был постоянным и интенсивным.

Однако вскоре внимание учёных и чиновников оказалось приковано к эпидемиям внутри российских границ. В 1899 году, спустя 20 лет после ветлянской вспышки, чума вновь обнаружилась на территории Астраханской губернии, где стала появляться по несколько раз в год. Традиционные версии о заносе чумы через торговые или паломнические пути не могли объяснить новые вспышки, которые нередко возникали в местах, удалённых от оживлённых сухопутных дорог и речных путей. Очередная эпидемия чумы в конце 1900 – начале 1901 г., жертвами которой стали 80% населения казахского урочища Текебай-Тубек, вновь поставила врачей в тупик: самые тщательные исследования не позволяли обнаружить пути заноса инфекции в степь¹⁴.

В январе 1901 года принц Ольденбургский, выезжавший на эпидемии в астраханские степи, принял решение об организации масштабной исследовательской экспедиции для изучения вопроса об источниках чумы. В центре внимания врачей и администрации находилась территория Букеевской, или Внутренней, орды – обширной области в составе Астраханской губернии, населённой казахами. Именно в этом регионе и на его границах возникали очаги эпидемий. Между тем, сведения о нём были довольно скудными: хотя Букеевская орда как административная единица появилась ещё в 1801 г., столетие спустя в распоряжении местных властей не было даже сколько-нибудь подробных карт¹⁵.

Организация экспедиции

План экспедиционной кампании был разработан А.П. Ольденбургским и ведущими медицинскими экспертами из Петербурга, командированными в степь. Основным содержанием этого амбициозного мероприятия должен был стать поголовный осмотр населения всей Букеевской орды и прилегающих районов для выявления скрытых очагов чумы. Вторая важнейшая задача состояла в изучении контактов жителей Орды с азиатскими областями, где чума считалась эндемичной, чтобы обнаружить возможные пути заноса инфекции¹⁶. Руководителем кампании был назначен известный бактериолог В.И. Исаев, главный врач Кронштадт-

¹³ Там же: 25.

¹⁴ Страхович 1907. Ч. I: 92.

¹⁵ Там же. Ч. II: 4, 7; РГИА. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 2137. Л. 214.

¹⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 569. Л. 13–13об.

ского морского госпиталя. В 1892 г. он работал в Пастеровском институте в Париже под началом И.И. Мечникова и П.-П.-Э. Ру, а затем в Институте Коха в Берлине, где совместно с коллегами сделал ряд открытий об иммунитете против холеры, получивших мировую известность¹⁷. Вернувшись в Россию, Исаев продолжил лабораторные исследования, и возглавив Кронштадтский морской госпиталь, подготовил в нём целое новое поколение морских врачей-бактериологов. Именно кронштадтские врачи И.В. Страхович и А.Л. Поленов, отобранные Исаевым по просьбе А.П. Ольденбургского для командировки в астраханские степи¹⁸, сыграли основную роль в проведении экспедиции и описании её результатов.

На пять месяцев кампании вся медицинская часть Букеевской орды и граничащих с ней местностей была передана в ведение В.И. Исаева, находившегося в Ханской ставке, административном центре Орды. Отсюда с помощью телеграфа и конных вестовых главный врач направлял и контролировал работу 140 врачей, фельдшеров и сестёр милосердия, которые должны были объезжать степь по тщательно продуманной схеме. Кампания проходила в три этапа. На первом из них подлежащая обследованию территория была разделена на 8 округов, включавших 32 участка. Изучение каждого участка поручалось отдельному медицинскому отряду, состоявшему из участкового врача и фельдшерицы или женщины-врача и фельдшера: предполагалось, что такая конфигурация позволит включить в поголовный осмотр и женское население степи. В разных точках маршрута врачей встречали подготовленные администрацией проводники, помогавшие сориентироваться на местности (скорее всего, именно они отвечали и за коммуникацию с населением). Отряды были обязаны осматривать каждое домохозяйство, отмечать состояние здоровья всех жителей в специальных ведомостях, безвозмездно оказывать медицинскую помощь и делать прививки против чумы и оспы всем желающим. Кроме того, отряды должны были вести учёт смертности и рождаемости населения, обращать внимание на заболевания животных (прежде всего, грызунов) и составлять кроки – сделанные от руки наброски, где фиксировались топографические особенности осматриваемой местности¹⁹. В распоряжении организаторов кампании имелись лишь очень приблизительные карты Орды, поэтому планируя экспедицию, они опирались на сведения казахских информантов. Доставленные ими данные были точны в части направлений и времени пути между населёнными пунктами, однако их требовалось перевести на язык современной картографии. Эта задача была возложена на врачей, хорошо знакомых если не с картографией, то с традицией подобных поручений, восходившей к XVIII веку.

Работу отрядов в каждом из 8 округов координировали окружные врачи. Они объезжали вверенную им территорию, оперативно решая

¹⁷ РГАВМФ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 316. Л. 25–26 об., 85, 113.

¹⁸ РГАВМФ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 890. Л. 14–22.

¹⁹ Страхович 1907. Ч. I: 154–155, Ч. II: 4–8.

возникавшие проблемы, и передавали собранные отрядами сведения главному врачу. Расчёт времени, отводимого отрядам для исследования, базировался на соотношении длины пути и средней скорости казахской лошади. Каждый отряд должен был проезжать около 30–40 км в день и осматривать порядка 200–250 человек²⁰. Чтобы сделать осмотры более эффективными, фельдшерии отправляли вперёд в сопровождении аульного старшины: к приезду врача они успевали переписать землянки и опросить женщин, после чего, оставляя врача для работы с мужским населением, двигались дальше.

Качество осмотров, по-видимому, варьировалось и зависело от добросовестности врачей и временных ограничений. Как правило, подробным телесным обследованиям подвергались лишь действительно больные и те, кто просил медицинской помощи²¹. Отрядам удалось осмотреть только часть казахских женщин, поскольку женщин-врачей было мало, а фельдшерии могли лишь регистрировать жалобы²². Вместе с тем, отдельные врачи описывали проявления заболеваний, обнаружить которые можно было только в результате полного осмотра: так, доктор Лучинский выявил 123 рубца в паховой, бедренной и подмышечной зонах осмотренных им казахов. В рубцах он заподозрил самостоятельно разрешившиеся бубоны, которые могли свидетельствовать о скрыто протекшей в селении чуме²³. В целом врачи отмечали, что не встречали сопротивления казахов осмотрам за исключением единичных случаев, когда кочевники старались скрыться, принимая перепись за подготовку к введению военной повинности. Другие, напротив, пропустили визит отряда из-за более ранней перекочёвки, сами приезжали к врачам с просьбой об осмотре и выдаче лекарств²⁴.

Полнота медицинского учёта проверялась на втором этапе кампании. Все медицинские отряды были разделены на 4 группы и перемещены к границам Орды. В назначенную дату отряды начали одновременное движение: северные двигались на юг, южные – на север, западные – на восток и восточные – на запад. Отряды проходили близко друг от друга, но не встречаясь, прорезая степь «сетью параллельных курсов»²⁵ для проверки и дополнения полученных на предыдущем этапе данных. В районы, ускользнувшие от внимания врачей, направлялись отдельные отряды. Чтобы полностью исключить возможные пропуски, окружные врачи разъезжали по своей территории, опрашивая жителей и администрацию²⁶. На втором этапе на всей территории Орды были учреждены врачебно-наблюдательные пункты в местах скопления населения - вблизи ярмарок и на пересечении торговых путей. Такое расположение пунк-

²⁰ Страхович 1907. Ч. I: 155–158, Ч. II: 8, 64.

²¹ Там же. Ч. I: 157–158.

²² Там же. Ч. II: 37.

²³ Там же. Ч. I: 157.

²⁴ Там же. Ч. II: 110, 126.

²⁵ Там же. Ч. II: 4.

²⁶ Там же. Ч. II: 127.

тов позволяло персоналу, оказывая медицинскую помощь, собирать сведения не только о местных жителях, но и о людях, следовавших транзитом, – караванщиках, гуртовщиках, сезонных рабочих.

Третий, финальный, этап кампании был сосредоточен на подведении итогов пяти месяцев работы и обсуждении накопленной информации. Помимо планомерного исследования Орды с помощью медицинских отрядов, в рамках кампании было организовано несколько отдельных экспедиций врачей для дополнительного сбора сведений. Большую поездку, охватившую всю территорию Орды и целый ряд смежных регионов, от Самарской губернии до Закаспийской области, совершил сам В.И. Исаев. В поездке передвигаться в которой приходилось на лошадях, верблюдах и пароходах, Исаева сопровождал И.В. Страхович, зять и единомышленник Исаева, исполнявший обязанности старшего делопроизводителя. Значительную часть пути, пролежавшего по Орде, медики полагались на помощь султана Саматова, «интеллигентного киргиза с университетским образованием»²⁷, хорошо знакомого с местными условиями, а на одном из отрезков пути к ним присоединился работавший в регионе врач Шмидт — всё это должно было помочь столичным врачам плотно погрузиться в локальный контекст.

Другая экспедиция Исаева и Страховича была предпринята в места прошедших чумных вспышек: врачей интересовали детали течения эпидемий и все сопутствующие факторы, которые могли бы пролить свет на природу появления чумы в Астраханской губернии. Наконец, отдельную поездку за пределы Орды, в Закаспийскую область, совершил доктор Тулатов для сбора сведений о возможных путях заноса инфекции через караванные дороги²⁸.

«Чума Астраханского края»: результаты экспедиции

Обработка материалов, собранных во время кампании, продолжалась несколько лет. Объёмный труд в трёх частях «Чума Астраханского края» под редакцией Исаева увидел свет лишь в 1907 г. В первой части работы, написанной И.В. Страховичем, исследовалась история и эпидемиология чумы в Астраханской губернии начиная с XIV в. Её главная задача состояла в объяснении участвовавших чумных вспышек в регионе в XIX - начале XX вв. В поисках ответа на этот вопрос Страхович изучил все доступные ему источники: официальные отчёты врачей, работавших на эпидемиях, их менее формальные выступления на собраниях врачебных обществ, телеграммы в Противочумную комиссию с оценкой ситуации и просьбами о помощи, а также служебные документы местной администрации. Выезжая на места прошедших чумных вспышек, Страхович лично опрашивал их свидетелей – медиков, представителей властей и жителей степи, сопоставляя их рассказы с опубликованными и официальными данными.

²⁷ Страхович 1907. Ч. I: 149.

²⁸ Там же. Ч. I: 150.

Расспросы свидетелей оставались важнейшим методом сбора информации об эпидемиологии чумы в начале XX в. Успехи бактериологии привели к изменению процедур идентификации болезней – теперь болезнь признавалась чумой лишь при обнаружении бактерии лабораторными методами. Однако микроскопические исследования патогенов не были ни единственным, ни главным способом изучения чумы в этот период. Работы последних лет опровергают тезис Б. Латюра об эпистемологическом сдвиге в медицине конца XIX в., утвердившем, благодаря развитию бактериологии, новый – лабораторный – способ видения чумы²⁹. Диагноз продолжали ставить на основании клинических признаков, а в объяснении чумных вспышек по-прежнему использовались методы изучения чумы, унаследованные из добактериологической эпохи, – климатологические, картографические, этнографические. В Букеевской орде основным препятствием для перемены взгляда было слабое развитие медицинской службы. Единственная бактериологическая лаборатория начала свою работу в Астрахани лишь в 1901 г. и не могла оперативно обслуживать Букеевскую орду, площадь которой составляла порядка 90000 кв. км. Врачи Орды, распределённые по участкам (а к 1901 г. из пяти штатных позиций были заняты всего две), не обладали специальной подготовкой и необходимым оборудованием. Поэтому при появлении сведений об очередной чумной вспышке местной администрации приходилось ожидать прибытия бактериологов из ближайших городов или Санкт-Петербурга, тем временем принимая меры по изоляции эпидемии. Сообщение между разными частями степи затруднялось отсутствием дорожной сети, и нередко врачи, с трудом преодолев распутицу, снежные бураны или зыбучие пески, приезжали на место вспышки уже к концу эпидемии. В таких случаях диагноз ставился на основании расспросов уцелевших жителей и представителей администрации, а также мнений местных врачей, наблюдавших клинические признаки чумы³⁰. Таким образом, многие эпидемии частично или полностью оказывались за пределами эпистемологических возможностей бактериологии, которая была вынуждена обращаться к более традиционным методам этнографии и клинической медицины.

Используя все доступные способы сбора данных, Страхович создал наиболее полную картину чумных вспышек 1899–1901 гг. в Астраханской губернии. Ему удалось детально описать ход каждой из них, сравнить их особенности, условия возникновения и прекращения. Вместе с Исаевым он выявил случаи скрыто протекших эпидемий чумы, не вызвавших значительной смертности и потому оставшихся вне поля зрения местных властей. Чтобы обнаружить возможные пути заноса инфекции в степь, Страхович изучил маршруты сезонного движения казахов на места кочёвок, сеть торговых контактов жителей губернии (казахов, русских, калмыков) с Хивой, Бухарой и Персией, а также об-

²⁹ Lynteris 2016: 6–17.

³⁰ Берестнёв 1906: 789; Арустамов 1900: 457–460.

стоятельства паломничества местных мусульман и буддистов. Весь исследованный им материал однозначно поддерживал мысль, высказанную Исаевым ещё в 1901 г. об эндемичности чумы в регионе. По мнению Страховича, чума могла быть занесена из Персии в 1870-е гг., после чего долгое время находилась в степи в скрытом состоянии и постепенно приняла эндемический характер. Это революционное для эпидемиологии чумы заключение смещало фокус внимания врачей и администрации от охраны границ империи от заноса чумы извне к исследованиям чумных очагов внутри государства.

Вторая часть работы, «Поголовный осмотр населения Внутренней Букеевской орды и пограничных с нею местностей», стала результатом труда сразу нескольких врачей, работавших в разных частях Орды. Эта часть, созданная А.Л. Поленовым, Л.В. Рыбальченко, А.В. Кружилиным и И.В. Страховичем на основе собственных исследований и отчётов участковых врачей, состоит из очерков разных областей региона. По своей структуре они близки традиционным медико-топографическим описаниям, которые составлялись в России с XVIII века: каждый раздел включает указания на особенности местного рельефа, климата, флоры и фауны. Заболеваемость жителей степи также рассматривается в тесной связи со спецификой природных сред, что показывает сохраняющуюся актуальность медико-географических представлений и в начале XX века. Однако в значительной большей степени врачей экспедиции интересовали этнографические данные: медики подробно описывали условия и образ жизни населения степи, его религиозные воззрения, семейные отношения и способы ведения хозяйства. Такие сведения были необходимы, с одной стороны, для изучения рисков распространения чумы в степи – оценивались санитарные стандарты жилищ, бытовая гигиена, плотность контактов. С другой стороны, они позволяли объяснить общий уровень физического здоровья населения, зависевшего не только от особенностей окружающей среды, но и от образа жизни, состояния быта и культурно обусловленных привычек.

Опираясь на продолжительные наблюдения, врачи вступали в ряд актуальных в то время дискуссий, в частности, о степени религиозности казахов и их «вырождении». Они отмечали, что приверженность казахов исламу часто отличалась от более «классической» версии, свойственной, например, их соседям-татарам: в степи было намного меньше мулл и мечетей, казахи соблюдали далеко не все мусульманские обряды и были в целом равнодушны к вопросам исламской догматики. В то же время в жизни букеевских казахов мусульманские ритуалы и прочие атрибуты религиозности занимали существенное место. В казахской повседневности присутствовали намазы, омовения перед молитвой и принятием пищи (пусть и достаточно формальные), посты, паломничества к святым местам; казахи ориентировались на предписания ислама относительно внешнего вида, сексуального поведения и пищевых запретов. Как отмечал окружной врач Второго Приморского округа Кру-

жилин, «киргиз безусловно религиозен... мечети посещаются слабо, но дома они молятся охотно и меня часто будило на заре монотонное пение хозяина, совершавшего утренний намаз». Приверженность букеевских казахов исламу Кружилин считал пунктом, «об который, нужно думать, разобьются все миссионерские попытки православия»³¹. Такое мнение, которое составитель второй части работы А.Л. Поленов счёл нужным продублировать во вводном разделе, шло вразрез с суждениями большинства российских авторов того периода.

Ещё более уверенно врачи включились в обсуждение вопроса о «вырождении» букеевских казахов. Массив собранных в ходе кампании демографических данных и сведений об уровне заболеваемости в степи позволял им утверждать, что физически казахи «сильны и крепки»³². Медики признавали, что в их распоряжении нет надёжных долговременных сведений о рождаемости, смертности и заболеваемости казахов, которые бы позволяли делать точные выводы – статистический учёт в степи оставлял желать лучшего³³. Однако их собственные подсчёты, сделанные в период осмотра, показывали, что соотношение всего учтённого казахского населения с количеством детей до 15 лет было примерно таким же, как и в «остальной России». Кроме того, высокий процент стариков среди осмотренных казахов свидетельствовал о том, что значительную часть казахов благополучно доживает до преклонных лет³⁴.

Полемизуя с известным исследователем Букеевской орды А.Н. Харузиным³⁵, врачи опровергали его пессимистические выводы о физическом состоянии казахов региона. Дело было не только в том, что сам Харузин не был врачом – свои суждения он черпал, в том числе, из мнений современных ему медиков. Однако и эти мнения (например, о частотности туберкулёза среди казахов) не соответствовали стандартам постановки диагноза начала XX века и отвергались врачами как умозрительные³⁶. Их собственные наблюдения свидетельствовали о сравнительно низком уровне заболеваемости населения в степи, несмотря на плохие гигиенические условия (осмотр проводился в зимний период, когда казахское население жило в землянках) и почти полное отсутствие медицинской помощи. Случаев чумы за все пять месяцев наблюдений в степи зарегистрировано не было³⁷.

В третьей части окружной врач А.Л. Поленов рассмотрел все пути сообщения Букеевской орды со Средней Азией – Закаспийской областью, Хивой, Бухарой, изучив морские, железнодорожные и караванные маршруты движения людей и товаров, включая тайные контрабандные дороги. Далее он исследовал торговые пути в пограничных с Ордой

³¹ Страхович 1907. Ч. II: 134.

³² Там же. Ч. II: 144.

³³ Там же. Ч. II: 135.

³⁴ Там же. Ч. II: 144.

³⁵ Харузин 1889.

³⁶ Страхович 1907. Ч. II: 35.

³⁷ Там же. Ч. I: 157.

местностях и в самой Орде, описав санитарное состояние узловых точек и занятия их обитателей. Поленов обнаружил, что все товары из Азии попадают в Орду из узловых торговых пунктов вне её – Астрахани, Уральска, Оренбурга. Соответственно, при полном эпидемическом благополучии этих пунктов объяснить вспышки в Орде заносом инфекции с товарами из Азии было невозможно.³⁸ Этот вывод снова возвращал учёных к версии об эндемичности чумы в астраханских степях.

Противочумная кампания 1901 г. под руководством В.И. Исаева была беспрецедентным по масштабу и уровню организации предприятием. Её научные результаты имели фундаментальное значение для понимания природы чумных эпидемий в европейской России. Полученные сведения позволили врачам показать несостоятельность версий о заносе инфекции через торговые или паломнические пути: эпидемии чумы в степи возникали без какой-либо связи с ними. Из этого следовало, что чума в степи была эндемичной. Это революционное для эпидемиологии утверждение предстояло доказать эмпирически, выявив непосредственные источники инфекции в степи. Связь чумы с грызунами уже была известна, однако найти чумную палочку у степных грызунов несколько лет не удавалось. Поэтому в каждой последующей чумной вспышке традиционно подозревали занос, продолжая при этом исследовать местных мышей и сусликов. Только в 1912 г. И.А. Деминский сумел получить культуру чумной бактерии из суслика; тем самым эндемичность чумы в Астраханской губернии была доказана.³⁹

Идея В.И. Исаева об эндемичности чумы, высказанная им ещё в 1901 г. и обоснованная методом «от противного», задавала поискам учёных нужное направление. Выводы Исаева стали известны врачам задолго до публикации итогового труда экспедиции и обсуждались уже с 1902 года⁴⁰. Не все медики полностью принимали его версию, с которой конкурировала теория влиятельного бактериолога Д.К. Заболотного о заносе, но с открытием Деминского в этой полемике была поставлена точка.

Гораздо быстрее мнение Исаева нашло поддержку среди высших чинов медицинской администрации. Уже в 1905 г. главный врачебный инспектор В.К. фон Анреп писал о наличии в Букеевской орде собственных очагов инфекции как об известном факте, ссылаясь на выводы исследовавших Орду врачей.⁴¹ Известно, что в это же время Исаев состоял с ним в переписке, касавшейся итогов экспедиции 1901 г. В дальнейшем положение об эндемичности чумы неоднократно появлялось в официальных документах и стало основанием для реорганизации медицинской части в Орде.⁴² Признанием заслуг Исаева стало его произ-

³⁸ Там же. Ч. III: 72.

³⁹ Клодницкая 1956: 75.

⁴⁰ См.: Констансов 1902: 1610.

⁴¹ РГИА. Ф. 1298. Оп.1. Д. 2137. Л. 5 об.

⁴² РГИА. Ф. 1276. Оп. 3 (1907). Д. 923. Л. 2 и далее; Оп. 8 (1912). Д. 569. Л. 13–14.

водство императором в почётные лейб-медики⁴³; Страхович за «полезные труды» во время командировки был награждён орденом Святой Анны III степени⁴⁴.

Поскольку цели экспедиции 1901 г. не могли быть достигнуты без понимания особенностей природных условий степи и жизни её обитателей, её значимым результатом стал массив собранных сведений о географии и этнографии региона. Русское Географическое Общество оценило работу «Чума Астраханского края» как представляющую «исключительный географический интерес»⁴⁵ и присудило Исаеву, Поленову и Страховичу серебряную медаль им. П.П. Семёнова за составленную медиками карту Букеевской орды⁴⁶. Подробные карты Орды, созданные в ходе экспедиции, не раз запрашивались астраханской администрацией в периоды «чумных тревог» последующих лет⁴⁷. Работая в отрядах, врачи проводили метеорологические исследования и собирали коллекции местной фауны, составляли детальные этнографические описания и делали прогнозы о способности населения Орды к интеграции в имперские структуры. Полученные данные позволили не только изменить взгляды на эпидемиологию чумы в Астраханской губернии. Исследования врачей создали корпус нового знания о географии и этнографии степи, который лёг в основу научных представлений о регионе и обусловил дальнейшие стратегии действий имперской администрации.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники / Sources

- РГАВМФ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 316. Д. 890. [RGAVMF. F. 408. Op. 1. D. 316. D. 890].
 РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 12. Д. 784. [RGAVMF. F. 406. Op. 12. D. 784].
 РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 13. Д. С-26. [RGAVMF. F. 406. Op. 13. D. S-26].
 РГИА. Ф. 1276. Оп. 3 (1907). Д. 923. [RGIA. F. 1276. Op. 3 (1907). D. 923].
 РГИА. Ф. 1276. Оп. 8 (1912). Д. 569. [RGIA. F. 1276. Op. 8 (1912). D. 569].
 РГИА. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 2137. [RGIA. F. 1298. Op. 1. D. 2137].
 Арустамов М.И. Эпидемия чумы в Киргизской степи Астраханской губернии // Врач. 1900. №15. С. 457–462. [Arustamov M.I. Epidemija chumy v Kirgizskoj stepi Astrahanskoj gubernii. //Vrach. 1900. №15. S. 457–462].
 Архангельский Г.Ф. Амбулантная форма чумы (Pestis ambulans) и ее значение в эпидемиологии // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии... и медицинской статистике. 1879. Т. 1. С. 132–193. [Arhangel'skij G.F. Ambulantnaya forma chumy (Pestis ambulans) i ee zhanenie v epidemiologii. //Sbornik sochinenij po sudebnoj medicine, sudebnoj psichiatrii... i medicinskoj statistike. 1879. T. 1. S. 132–193].
 Берестнёв Н.М. Чумная эпидемия в Киргизской степи в 1905–1906 гг. // Русский врач. 1906. №26. С. 789–792. [Berestnyov N.M. Chumnaya epidemija v Kirgizskoj stepi v 1905–1906 gg. // Russkij vrach. 1906. №26. S. 789–792].
 Виноградский С.Н. Летопись нашей жизни. М., 2013 [Vinogradskij S.N. Letopis' nashej zhizni. М., 2013].
 Минх Г. Чума в России (Ветлянская эпидемия 1878–1879 гг.). Ч. 1. Киев, 1898. [Minkh G. Chuma v Rossii (Vetlyanskaya epidemija 1878–1879 gg.). Ch. 1. Kiev, 1898].
 Констансов С.В. Чумная эпидемия в киргизских степях Астраханской губернии в декабре 1900 и январе 1901 г. //Вестник общественной гигиены, судебной и практической

⁴³ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 12. Д. 784. Л. 20 об.

⁴⁴ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 13. Д. С-26. Л. 6об.

⁴⁵ Отчет Императорского Русского географического общества 1908. Приложения: 16.

⁴⁶ Там же: 169.

⁴⁷ РГИА. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 2137. Л. 214.

- медицины. 1902. №11. С. 1595–1625. [Konstansov S.V. Chumnaya epidemija v kirgizskih stepyah Astrahanskoj gubernii v dekabre 1900 i yanvare 1901 g. //Vestnik obshchestvennoj zigienv, sudebnoj i prakticheskoj mediciny. 1902. №11. S. 1595–1625].
- Отчёт Императорского Русского географического общества за 1907 год. СПб., 1908. [Otchuyot Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva za 1907 god. SPb., 1908].
- Страхович И.В. Чума Астраханского края, ее эпидемиология и обзор правительственных мероприятий: В 3 ч. (Разд. пагин.). Санкт-Петербург, 1907. [Strahovich I.V. Chuma Astrahanskogo krava, ee epidemiologiya i obzor pravitel'stvennyh meropriyatij: V 3 ch. (Razd. pagin.). Sankt-Peterburg, 1907].
- Харузин А.Н. Киргизы Букеевской орды. (Антрополого-этнологический очерк) // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1889. Т. 63. (Т. X). Вып. 1. [Kharuzin A.N. Kirgizy Bukeevskoj ordy. (Antropologo-etnologicheskij ocherk). //Izvestiya Imperatorskogo obshchestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii. M., 1889. T. 63. (T. X). Vyp. 1].

Литература/Literature

- История медицины и медицинской географии в Российской империи / Под ред. Е.А. Вишленковой и А. Реннера. М., 2021. [Istoriya meditsiny i meditsinskoj geografii v Rossijskoj imperii. /Pod red. E.A. Vishlenkovoy i A. Rennera. M., 2021].
- Клодницкая С.Н. Н.Н. Клодницкий (1868–1939). М., 1956 [Klodnickaya S.N. N.N. Klodnickij (1868–1939). M., 1956].
- Первый в России исследовательский центр в области биологии и медицины: к 100-летию Института экспериментальной медицины 1890–1990. Ленинград, 1990. [Pervyj v Rossii issledovatel'skij centr v oblasti biologii i mediciny: k 100-letiju Instituta eksperimental'noj mediciny 1890–1990. Leningrad, 1990].
- Пироговская М. Миазмы, симптомы, улики: запахи между медициной и моралью в русской культуре второй половины XIX века. СПб., 2018. [Pirogovskaya M. Miazmy, simptomy, uliki: zapahi mezhdru medicinoj i moral'yu v russkoj kulture vtoroj poloviny XIX veka. SPb., 2018].
- Хектен Э. Наука в местном контексте: интересы, идентичности и знание в построении российской бактериологии. //Вопросы истории естествознания и техники. 2001. №3. С. 36–62. [Hekten E. Nauka v mestnom kontekste: interesy, identichnosti i znanie v postroenii rossijskoj bakteriiologii. //Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 2001. №3. S. 36–62].
- Baldwin P. Contagion and the State in Europe, 1830-1930. Cambridge, 1999.
- Echenberg M.J. Plague Ports: The Global Urban Impact of Bubonic Plague, 1894–1901. N.Y., 2010.
- Harrison M. Contagion: How Commerce Has Spread Disease. New Haven, 2013.
- Henderson J. Florence under Siege: Surviving Plague in an Early Modern City. Yale, 2019.
- Koch T. Cartographies of Disease: Maps Mapping and Medicine. Redlands, 2017.
- Lynteris C. Ethnographic Plague: Configuring Disease on the Chinese-Russian Frontier. London: Palgrave Macmillan; 2016.
- Ranger T. and P. Slack. Epidemics and Ideas: Essays on the Historical Perception of Pestilence. Cambridge, 1992.
- Twigg G. Bubonic Plague: A Much Misunderstood Disease. Ascot, 2013.

Афанасьева Анна Эдгардовна, кандидат исторических наук, доцент, Школа философии и культурологии, НИУ ВШЭ (Москва); старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; aafanasieva@hse.ru

Epidemics as a Reason for Studying the Region V.I. Isaev's 1901 Expedition to Astrakhan Province

The article looks at the organisation and materials of a large-scale expedition of 1901 led by V.I. Isaev to the Bukееvskaya Horde of Astrakhan province. The detailed survey of the steppe, inspired by the need to explain plague outbreaks, resulted not only in the change of ideas about the epidemiology of plague in European Russia, but also in the production of a whole body of new knowledge about the geography and ethnography of the steppe.

Key words: *history of medicine, history of the Russian Empire, plague epidemics, V.I. Isaev, Bukey Horde, medical knowledge.*

Anna Afanasyeva, PhD, Associate Professor, HSE University, Moscow; Senior Research Fellow, Institute of World History, RAS. E-mail: aafanasieva@hse.ru

ТРАПЕЗУНДСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ Ф.И. УСПЕНСКОГО: КРАТКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Статья представляет собой краткий обзор исследований Траpezундских экспедиций Ф.И. Успенского 1916 и 1917 гг. с результатами описания рукописей и проведения археологических раскопок. Характеризуются особенности и трудности работы, а также организации экспедиции в прифронтовой полосе периода Первой мировой войны. В статье рассказано об основных задачах, которые ставили перед собой русские учёные, и результатах. Показывается роль экспедиций Ф.И. Успенского в исследовании Траpezунда и перечисляется потерянный экспедицией материал.

Ключевые слова: экспедиция Ф.И. Успенского, Первая мировая война, византинистика, Траpezунд, памятники, акрополь, средневековые церкви, мечети.

Изучение культурного наследия и памятников Траpezундской империи началось в XIX в. Сначала Траpezунд посещали путешественники, оставлявшие краткие заметки о городе. Одним из первых византинистов, предпринявших путешествие в Траpezунд, был Я.-Ф. Фальмерайер, посетивший город в 1840 г. и через три года опубликовавший результаты своих исследований². В 1850 г. Траpezунд посетил Дж. Финлей и оставил небольшое описание-дневник своей поездки³. Но серьёзных исследований в городе они не проводили.

Первыми изучать траpezундские памятники с искусствоведческой точки зрения начали французы. В одной из самых ранних книг на эту тему – книге «Византийская архитектура» французских исследователей Ш. Тексье и Р. Пуллана⁴ описывались Траpezундские памятники, в т.ч. Св. София. Интерес Шарля Тексье к Траpezунду находился в русле изучения малоазийского искусства: он выпустил хорошо иллюстрированную книгу о Малой Азии⁵. Изучением капителей Св. Софии в 1890-е гг. занимался также Йозеф Стржиговский, польский и австрийский искусствовед⁶. В начале XX в. до экспедиции русского византиниста Ф.И. Успенского описанием понтийских памятников немного занимался греческий исследователь К.Н. Папамихалопулос, он издал книгу «Путешествие на Понт»⁷. Небольшое описание города и его окрестностей оставил Ф. Кюмон⁸, но планомерное изучение начинается только в конце XIX в. В 1893 г. город посетил учёный-византинист Габриэль Милле на деньги гранта Французской археологической школы. Сравнив описание города

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00167.

² Fallmerayer 1843; 1844. В 1839 г. Траpezунд посетил Тексье, в 1840 г. – Фальмерайер, в 1893 г. – Милле и Стржиговский, в 1893 и 1898 гг. – Линч [Басаргина 1991: 296].

³ The journals and letters of George Finlay 1995.

⁴ Texier et Pullan 1864.

⁵ Texier 1882.

⁶ Strzygowski 1895: 517-522.

⁷ Παπαμιχαλόπουλος 1903.

⁸ Cumont, Cumont 1906.

средневековыми хронистами с тем, что ему удалось увидеть вживую, он опубликовал статью, в которой представил анализ некоторых надписей на ряде трапезундских памятников, которые французскому византинисту удалось скопировать и прочесть в Трапезунде, и архитектурный анализ планов главных храмов города. Однако планомерного изучения средневекового города проведено не было, фрески в Трапезундских храмах в 1895 г. он не зачищал. Хотя статья называлась «церкви и монастыри», об акрополе Трапезунда практически ничего сказано не было. Для русских учёных возможность исследовать Трапезунд появилась только тогда, когда 5 апреля 1916 г. в ходе Сарыкамьшской операции Первой мировой войны Трапезунд был занят русскими войсками и туда на миноносце была послана русская научная экспедиция.

В планы русского византиниста Ф.И. Успенского, знакомого с трудами французского учёного Г. Милле, который впервые стал планомерно и научно изучать город Трапезунд, входило найти упомянутые средневековыми хронистами памятники, и по возможности проверить, насколько трапезундские надписи были правильно скопированы, осмотреть церкви-мечети и начать исследования Трапезундского акрополя. Такие возможности научного изучения и первой фотографической съёмки объектов появились, когда Трапезунд был занят русской армией 5 апреля 1916 г. в ходе Первой мировой войны. В целом город был ещё практически не изучен. Заметки путешественников, перечисленные выше, особой информации, пригодной для научного исследования, не имели, а научные исследования носили отрывочный характер.

В начале XX в. ещё никто не знал, что экспедиция 1916–1917 гг. надолго определит собой направление исследований по Трапезунду и предоставит идеи для работы следующим нескольким экспедициям, как русским (Алпатова-Брунова) в 1925 г., так и иностранным в 1930-е, 1960-е гг. и далее (Талбота Райса, Брайера-Винфилда). Хотя самое масштабное исследование материальной культуры относится ко второй половине XX в., когда по памятникам Понта была издана двухтомная коллективная монография⁹, многих средневековых памятников Трапезунда к тому моменту уже не будет существовать, и некоторые материалы русской экспедиции приобретут значение первоисточника. На протяжении XX века Трапезунд переживал землетрясения и механические разрушения археологических памятников (местные жители использовали камень трапезундского акрополя для постройки собственных жилищ). Таким образом обращение к материалам экспедиций прошлого стало важным способом восстановления утраченного облика средневекового города.

Обстановка в городе на момент приезда экспедиции

В апреле 1916 г. в журнале «Нива» № 17 был опубликован «Дневник военных действий» военного журналиста К. Шумского¹⁰. Он начи-

⁹ Bryer, Winfield 1985.

¹⁰ Шумский Константин Маркович (1876–1938) – писатель, военный журналист, печатался под псевдонимом «К. Шумский». Автор «Этюдov из обороны Порт-Артура: гибель

нался так: «Одним из крупнейших событий... явилось... взятие важнейшего турецкого порта и крупного стратегического и политического центра – Трапезунда»¹¹. Дорога снабжения из Константинополя к Эрзеруму только через Трапезунд, поэтому взятие города в военном отношении было важным военным событием и результатом Сарыкамышской операции. В военном отношении, по словам генерала Шварца, руководителя военной администрации города, «Трапезунд сделался тыловой базой правого фланга фронта»¹². По своей древней планировке город не был удачным для жизни в XX в. и имел значительные проблемы – «издавна славился своим плохим санитарным состоянием, чему способствовали скученность домов на небольшой сравнительно площадке между морем и горой Бос-Тепе, примитивное устройство домов, отсутствие канализации, узкие кривые улицы, водопровод из глиняных труб и два больших старых кладбища в самом центре города»¹³.

По мере наступления русских войск, на занятых территориях создавались подчинённые командованию военно-административные округа. Трапезунд с окрестностями входил в т.н. временное генерал-губернаторство Турецкой Армении, и эта территория подчинялась главному командованию Кавказской армии, при которой был создан Археологический отдел, отвечавший за исторические исследования в этом районе¹⁴. Ещё до занятия Трапезунда 17 марта 1916 г. в приказе главнокомандующего Кавказским фронтом «все без исключения памятники старины» были объявлены «состоящими под защитой государства»¹⁵. Самой важной и насущной задачей экспедиции Ф.И. Успенского стало сохранение культурного наследия, спасение памятников культуры от разрушения, разграбления и небрежного отношения. Указ об охране памятников на местах был издан князем Николаем Николаевичем.

Русская научная экспедиция была отправлена в город на миноносце. С моря открывался изумительный вид, но внутри участников ожидал вид ужасной разрухи. На момент приезда экспедиции, как писал Успенский, «все части города, населенные армянами и турками, оказались запустелыми... в чужих домах стали хозяйничать греки, а потом и русские солдаты, преимущественно матросы»¹⁶. В мае 1916 г. С.Р. Минцлов, чиновник особых поручений при генерале А.В. Шварце, профессиональный талантливый литератор, но при этом археолог по образованию, был очевидцем царившего в центре города беспорядка: «Окна и двери домишек были выбиты и распахнуты: дворы были завалены битой посудой, ломаной мебелью и, кое-где, грудями рваных книг и руко-

«Страшного» и «Петропавловска», 1913. С 1914 г. – постоянный обозреватель «Биржевых ведомостей», «Нивы», «Утра России».

¹¹ Нива № 17. С. 342.

¹² Цыпкина 2021: 72; ГАРФ. Ф. Р-10027. Оп. 1. Д. 11. Л. 88.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-10027. Оп. 1. Д. 11. Л. 19–20.

¹⁴ Цыпкина, Селиванова 2014: 114.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

¹⁶ Успенский 1916: 1490.

писей. Немало дней я посвятил на обход дворов и рытьё в кучах хлама, в результате чего оказалась находка нескольких десятков весьма любопытных древних рукописей, писанных на пергамене и украшенных орнаментами в красках»¹⁷. «Не менее безотрадное впечатление производит вид Св. Софии, – писал Успенский. – Двери ее также раскрыты, стекла выбиты <...> Здесь оказались разбросаны по полу обрывки бумаги и рукописей, целого архива книг и разных духовных записей»¹⁸.

Во время своего пребывания в городе много сделала для Трапезунда русская администрация, начиная с обустройства порта и постройки более удобных дорог, но разрушения тоже были: древний водопровод, который казаки разбивали каблуками сапог, чтобы напоить коней. Кроме того, летнее время само по себе было неудачным, потому что бушевали жара и малярия – в таких условиях придется работать экспедиции.

Организация первой экспедиции 1916 г.

Первую экспедицию организовало Русское археологическое общество вместе с Академией наук и Русским археологическим институтом в Константинополе. Во главе экспедиции встал директор Русского археологического института в Константинополе (РАИК) Успенский, занимавший свой пост в течение 20 лет до начала Первой мировой войны, когда произошло закрытие турками этот института. Директор покинул Стамбул с маленьким чемоданом, а библиотека, рукописи и другие предметы, накопленные за годы работы института и приобретённые на деньги института, остались в Стамбуле. Годы спустя рукописи, собранные учёными в Трапезунде летом 1916 и 1917 гг., буду обменены на часть имущества института. Успенский воспринимал экспедицию как продолжение деятельности его Института, на возрождение которого он надеялся до самого конца.

Как и большинство таких экспедиций во время войны, изучение материальной культуры происходило под эгидой охраны памятников. Была создана постоянно действующая комиссия по охране памятников, которая занималась сбором и переписью ценных предметов и их охраной. Успенский уже организовывал во время своего директорства ряд экспедиций и ознакомительных поездок от Русского археологического института в Константинополе: в Болгарию – 1896 г., в Иерусалим – 1897 г., в 1900 г. – в Пальмиру и др. Изначально археологических раскопок не планировалось (на них Успенского впоследствии уговорил Минцлов), целью первой экспедиции, как её видел Успенский, было дать предварительное описание памятников и наметить будущий план.

В число участников первой экспедиции входили бессменный художник РАИК Н.К. Клуге, искусствовед Ф.И. Шмит, тоже одно время бывший сотрудником Успенского в Константинополе. Шмит изучал роспись в Св. Софии, но одного художника на выполнение всех работ и копий было мало. Планы экспедиции на 1916 г. составлял Успенский,

¹⁷ Минцлов 1925: 29.

¹⁸ СПбФ АРАН.Ф. 116. Оп. 1. Д. 310. Л. 1–2.

но сотрудников он с ними незнакомил. Шмит намеревался заняться изучением Св. Софии, тогда как этот храм Успенский хотел оставить за собой. На этой почве возник конфликт, в результате чего исследование Св. Софии не было проведено. В архивах осталось несколько акварелей Клуге, но исследовательской статьи о Св. Софии написано не было.

Основные находки экспедиции 1916 г.

Об исследованиях кратко писал в своих отчётах Ф.И. Успенский и другие участники (они были опубликованы в Известиях АН в 1916, 1917 и 1918 гг.), дополнительное исследование было необходимо провести, чтобы доделать то, что не вошло в отчёты, собрать по возможности все материалы экспедиции и представить её историю целиком.

Направлений исследований по итогам оказалось несколько: раскопки, изучение фресковой живописи, церквей в планах, акрополя и исследование рукописей.

Акрополь. Акрополь Трапезунда являлся одним из самых важных памятников, однако в первую очередь внимание участников экспедиции было поглощено сбором рукописей и тремя главными храмами Трапезунда. Лишь в августе 1916 г., когда экспедиция формально закончилась, они добрались до одной из самых высоких башен акрополя – Дворцовой башни, где располагалась Дворцовая церковь, домовая церковь Великих Комнинов, находившаяся рядом с их дворцом.

Дворцовая церковь стала одной из самых интересных находок, так как никто не идентифицировал прежде все постройки во дворце с описанием средневековых источников, хотя она находилась в одной из самых крупных башен акрополя. Изначально участники не заметили церковь в Дворцовой башне, потому что практически не работали в акрополе, потом Ф.И. Успенский не сразу её нашёл, когда начал ходить в крепость из-за конфликта с местным населением, которого было больше рядом с церквями-мечетями в силу их расположения в центре города. При исследовании материала иностранные ученые стали помещать её в другое место (в южную башню), так как Успенский неверно указал её расположение в своём последнем отчёте¹⁹. Ещё одной досадной оплошностью стало то, что цветные акварели, выполненные Н.Е. Макаренко, были, скорее всего, потеряны. Проблему с материалами по Дворцовой церкви также осложнило то, что Н.Б. Бакланов не сразу доделал чертежи Дворцовой церкви, если вообще сделал их²⁰. Об исследованиях Дворцовой церкви сам Балканов писал следующее: здание было «обследовано настолько, насколько можно было сделать это, не прибегая к раскопкам и постановке лесов. Обмерены планы верхнего и нижнего ярусов, высоты для разреза здания и ряд деталей внутри и снаружи здания, позволяющих, до некоторой степени, восстановить его

¹⁹ Успенский 1918: 236–238.

²⁰ Вопрос об оплате работы Бакланова не был ещё и в апреле 1918 г. См. СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1914. Д. 58. Л. 281.

древний вид, чрезвычайно редкий для крепостных сооружений»²¹.

В дневниках Успенского только 27 июля появляется первая запись, свидетельствующая, что он целенаправленно начинает искать Дворцовую церковь Комнинов. 28 июля он отмечает, что «новая попытка найти старую церковь с росписью, безрезультатна»²². И только 2 августа ему удалось обнаружить «остатки фрески», которые находились «у стены цитадели. Добраться до росписи мне, однако, не удалось, нужно иметь лестницы и помощь со стороны посторонних, по крайней мере, двух людей, пришлось отложить до другого раза всю операцию»²³. Через 2 недели «операция» была проведена, и 14 августа в дневниках эта церковь с фресками появляется как «церковь пале» (от фр. слова «дворец»). Там, пишет Ф.И. Успенский, «сохранился второй этаж с карнизом и куполом свобода, который упал и обнажил стенную роспись, которая сохранилась в несколько ярусов»²⁴.

Часть надписей во фресковой живописи Дворцовой церкви удалось прочесть только с помощью увеличения в графических редакторах изображений отсканированных негативов 1917 г. Как свидетельствуют записи дневников Ф.И. Успенского, он пытался прочесть записи²⁵, но не расшифровал их до конца и, видимо, поэтому воздержался от их публикации. Большую роль в прочтении надписей на стенах Дворцовой церкви сыграли негативы чёрно-белых фотографий фресок в несколько ярусов. Часть цветных зарисовок кисти Н.Б. Бакланова, которые считались утерянными, теперь хранятся в архивах Эрмитажа²⁶, поскольку часть личного архива Н.Б. Бакланова была передана туда на хранение несколько лет назад.

Археологические раскопки

Изначально археологические раскопки экспедицией не планировались, потому что Ф.И. Успенский археологом не был и боялся возможных конфликтов с местным населением, а раскопки нужно было проводить в самом центре города и в бывших церквях-мечетях.

Одним из участников-волонтеров и вдохновителем раскопок экспедиции был уже упомянутый С.Р. Минцлов.

В 1916 г. были проведены раскопки в храме Св. Евгения и раскопки могилы императора Алексея IV. Вот как пишет об этом Минцлов:

15 июня. Работаю в бывшей церкви св. Евгения. <...>. На колоннах под слоем штукатурки я нашел фрески, но их открывать мы не станем. Раскопки в церкви Св. Евгения не дают ничего; никаких следов погребений ни у южной, ни у северной стены не отыскивается. В алтаре, у левой стороны бывшего когда-то там престола, я наткнулся на маленькую могилу в аршин

²¹ Отчёт Н.Б. Бакланова 1918: 217.

²² Цыпкина 2017: 137.

²³ Цыпкина 2017: 137.

²⁴ Цыпкина 2017:138.

²⁵ Цыпкина 2017: 140.

²⁶ Изданы Ю.А. Пятницким: см. Пятницкий 2022: 188-189.

длиной и пол аршина в глубину и ширину. В ней были сложены кости двух скелетов: из двух черепов, лежавших рядом, лицом на восток, один рассыпался на куски, другой – крайне любопытный, длинноголовый, удалось достать целым... Достоверно только одно, что найденные кости – останки каких-то святых, быть может, Евгения, спрятанные перед нашествием турок²⁷.

На данный момент не до конца ясно, где находятся мощи Св. Евгения Трапезундского и были ли именно они найдены в результате раскопок. Есть несколько версий. 1) Трапезундские кости, которые идентифицировали как мощи Св. Евгения, не были мощами Св. Евгения; 2) это были мощи, но их закопали обратно; 3) это были мощи Св. Евгения, и Минцлов унес с собой 4) Успенский сдал их в митрополию. У нас есть всего два источника по проблеме: это Минцлов и Успенский. Про мощи Св. Евгения Минцлов писал, что унес их с собой. Успенский говорил, что отдал митрополиту. Есть запись в дневнике Успенского: «15 августа утром в Св. Евгении заделывали окна, зарывали кости, делали двери и замки»²⁸, но непонятно, о каких именно костях идёт речь. Минцлов оставил и описание процесса раскопок могилы Алексея IV²⁹:

«Могилу вскрыли; она оказалась выложенной плитами белого мрамора, сверху лежал костяк турецкого погребения, под ним, на большой глубине оказался скелет более древний; кости последнего находились в беспорядке, свидетельствовавшем, что эту могилу обшаривали чьи-то руки. Череп верхнего погребения был поразителен: от брови к темени шел шов, все строение головы свидетельствовало, что она принадлежала какому-то несомненному юродивому. Нижний череп – длинный – родны тому, что я нашел в церкви Св. Евгения. Последний Успенский собирался похоронить и потому я унес его к себе для своей коллекции. Каково же было мое удивление, когда Успенский, показывая мне как новинку ящик, с уложенными в нем давно известными мне черепами, ткнул пальцем в лоб идиота и безапелляционным тоном произнес – это Св. Евгений! <...> Я не стал возражать: старец все путает и забывает!»³⁰.

Впоследствии эти останки были переданы греческому митрополиту Хрисанфу (Филиппидису): «В октябре 1917 г., перед моим отбытием из Трапезунта, были переданы имеющим доверие от митрополита лицам, под их расписку, найденные в мраморном саркофаге кости Алексея IV, вместе с другими костями из церкви св. Евгения»³¹.

Открытие фресок в бывших церквях, превращённых в мечети после турецкого завоевания, было связано с рядом трудностей: они были забелены штукатуркой, требовался специалист по очистке фресок. Участникам экспедиции также было важно, чтобы местное население не воспринимало исследователей как осквернителей святынь. Только в 1930-е гг. осуществилось издание, посвящённое фрескам Трапезунда, но подготовлено оно было в итоге сначала Г. Милле, а потом – Тальботом Райсом (полное издание фресок Св. Софии). В книге встречаются фотографии экспедиции Успенского, однако без упоминания того, что

²⁷ Минцлов 1925: 47.

²⁸ Цыпкина 2017: 138.

²⁹ Успенский 1917–1922: 1–14.

³⁰ Цитата приведена с сокращениями. Минцлов 1925: 129–130.

³¹ Успенский 1917–1922: 14.

автор этих фотографий был Морозов, как удалось выяснить в ходе поиска материала³². Фотографии экспедиции присутствовали и в издании Брайера-Винфилда³³, но к нашему великому сожалению, ни с одним из авторов по этому поводу нам поговорить не удалось, чтобы выяснить, каким образом к ним попал в руки русский материал начала XX в.

Палеография была отдельным направлением. А.Е. Крымский в своём отчёте писал, что документов-бумаг было собрано Ф.И. Успенским в мечети Орта-Хисар «свыше 200 пудов» и «не менее 1000 пудов веса должно быть и в деловых книгах. В научно-археологическом отношении весь этот колоссальный материал не имеет абсолютно никакого значения, но он чрезвычайно важен для восстановления картины всех юридических отношений г. Трапезунта до завоевания его русскими»³⁴. Поскольку в первый приезд в русской экспедиции не было специалиста по восточным языкам, который мог бы сделать описание собранного архива, это дело было отложено на вторую экспедицию. Летом 1917 года А.Е. Крымский составил описание этого архива³⁵.

Доклады Ф.И. Успенского после и в течение экспедиции

Во время экспедиции Ф.И. Успенский проводил осмотры и составлял списки памятников, подлежащих охране, выступал с докладами перед Штабом корпуса и офицерами, популяризируя историю Византии. Одной из важных задач экспедиции академик считал задачу просветительскую: для сохранения наследия были очень важно довести до руководящего состава армии, в каких уникальных местах они находятся и какую культурную ценность представляют памятники города.

Значительная часть времени экспедиции отдалась охране памятников. Запирались мечети и храмы от оквернителей и воров, составлялся список рукописей, сохранившихся ковров и подсвечников. Помимо этого, Успенским был составлен список мечетей города (30 с названиями, 5 без них) на 1916–1917 гг.³⁶

Планы новой экспедиции были сформулированы Ф.И. Успенским на заседании МАО 29 января 1917 г.:

«Нужно прежде всего привести в порядок и описать акты, счётные книги и разные бумаги на турецком языке, которыми набита сотня ящиков и мешков и которые частью разбросаны на хорах в мечети Орта Хиссар, прежней церкви Богородицы Златоглавой; затем желательно произвести исследования и, в случае нужды раскопок на месте бывшей римской крепости на устье р. Чороха; далее весьма желательно исследование местности на горе, господствующей над Трапезунтом, где были святилище и культ Минервы. Независимо от сего предстоит продолжить изучение христианских памятников. Для исполнения этих задач необходим целый ряд специалистов, как-то: турковеды, археологи, архитекторы, художники, фотографы»³⁷.

³² Захарова, Цыпкина 2017: 191; Millet, Talbot Rice 1936: Pl. XV. 3.

³³ Bryer, Winfield 1985.

³⁴ Отчёт Крымского 1918: 214.

³⁵ Цыпкина 2019: 208–219.

³⁶ СПбФ АРАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

³⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 669. Л. 223–228.

В ходе обсуждений была заключена договорённость, что МАО имеет право на копии фотографий и другие материалы экспедиции. Однако после проведения экспедиции графиня П.С. Уварова в частной переписке признала, что исследование Трапезунда Московскому археологическому обществу не удержать, так как тема требует более специализированного подхода, чем Московское археологическое общество могло предоставить, так как представляло собой объединение разнородных специалистов – и египтологов, и историков нового времени, и специалистов по русской археологии.

Что происходило с памятниками между двумя экспедиций

Во время отсутствия экспедиции в Трапезунде, в перерыве между двумя сезонами работы, на мечетях и бывших храмах устанавливались запоры, которые, однако, недолго успевали продержаться. На время отъезда участников экспедиции из Трапезунда заботу об исторических памятниках взял на себя волонтер экспедиции, сотрудник Серафимовского лазарета Ф.М. Морозов. Когда храм Богородицы Златоглавой, пригодный, по словам академика А.Е. Крымского³⁸, под лучший учёный кабинет, был превращён в тифозный лазарет, а потом в казарму, Морозов пытался регулярно общаться с солдатами и просил их «относиться к памятникам старины с благоговением, не разрушать ничего и не выносить из галерей бумаг – рукописей, быть может, ценных для науки»³⁹.

После таких превращений работать в храме Богородицы Златоглавой в 1917 г. стало тяжело, несмотря на то что к приезду Успенского лазарета там уже не было. Зато остались мириады блох, сильно осложнявших работу, на которых жаловался востоковед Крымский в своих письмах к сестре⁴⁰. Кроме того, примерно в середине экспедиции, 10 июля исследователи «обнаружили пропажу нескольких сот книг и рукописей, отсутствие нескольких мешков с документами»⁴¹. В этой краже, скорее всего, было виновато местное население, которое искало векселя и другие деловые документы, а часть рукописей они забрали либо по ошибке, либо для отвода глаз. 07 июня 1917 г. Успенский сообщал из Трапезунта в Комиссию по охране памятников: «Среди местного греческого населения ведётся упорная тайная работа, чтобы подорвать авторитет экспедиции, причем местная пресса приписывает мне секретные намерения и действия, клонящиеся к нанесению вреда местным памятникам»⁴².

Результат осмотра других мечетей в 1917 г. тоже был неблагоприятным. Например, в церкви Св. Евгения⁴³: всё показывало, «что в мечети свободно распоряжались охотники до дарового топлива и любители древняго искусства. Вход в минарет, который был заперт, оказался открытым и дверь унесена». О состоянии мечетей, которые были заперты

³⁸ Отчёт Крымского 1918: 215.

³⁹ ОР НА ИИМК РАН. Ф. 18. Оп. 1. Д. 351. Л. 8 об. Цитата приведена с сокращениями.

⁴⁰ Цыпкина 2019: 213.

⁴¹ Отчёт Крымского 1918: 216.

⁴² СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1914. Д. 58. Л. 251.

⁴³ РГИА. Ф. 757. Оп. 1. Д. 53. Л. 57–58.

Ф.И. Успенским (ключи он передал С.Р. Минцлову), Н.Д. Протасов и А.Е. Крымский написали в отчете 1917 г. следующее:

«По возвращении в Трапезунт... я нашёл раскрытыми и доступными для всякого прохожего пять мечей-церквей, и из них две обращёнными в отхожие места и только 2 сохранившие запоры. Ни одного ключа не передано мне от управления начальника района, так как все находилось у частных лиц и только один – у комиссара полиции... По поручению Кавказского наместника я передал ключи генерал-майору Шварцу, но это нисколько не обеспечило ни сохранности запоров... ни целости содержимого в архивах»⁴⁴.

Отдельная проблема была с действующими церквями, куда было попасть сложнее, чем в мечети, из-за неоднозначных отношений с греческим митрополитом Хрисанфом.

Вторая экспедиция

Во вторую экспедицию лета 1917 года входило уже 7 человек: Ф.И. Успенский, художники Г.К. Мейер и Н.К. Клуге, профессор Лазаревского института восточных языков А.Е. Крымский с помощником П.Н. Лозеевым, профессор Московской духовной академии Н.Д. Протасов, архитектор Н.Б. Бакланов. 17 мая 1917 года Ф.И. Успенский получает открытый лист на проведение раскопок в Батуми и его окрестностях (там находилась крепость Гония), и эту дату условно можно считать датой начала второго этапа исследований. В этой экспедиции был описан собранный Ф.И. Успенским и другими энтузиастами архив в Богородице Златоглавой; более подробно изучены постройки в акрополе и Дворцовая церковь; были сделаны планы церквей.

По итогам работы академик Успенский докладывал в Комиссию по охране памятников о сделанном: «Выяснено научное и политическое значение громадного рукописного материала <...>; исследованы церкви-мечети с точки зрения архитектуры и живописи, проведены измерения и приготовлены планы четырех больших памятников»; «много внимания было уделено акрополю или трапезунтскому кремлю»⁴⁵. «Собранные материалы дают основание поставить вопрос о большом научном предприятии по изучению истории Трапезунтской империи»⁴⁶.

Что было потеряно из архивов экспедиции

В процессе работы над материалами экспедиции была проведена реконструкция фонда материалов экспедиции, в ходе которой было выяснено, что не все материалы экспедиции сохранились в архивах. Самой обидной потерей для науки стали бы цветные акварели Н.Б. Бакланова с росписью Дворцовой церкви Великих Комнинов, однако в 2017 г. они поступили на хранение в Эрмитаж из частных рук. Из того, что упоминается в описях (при условии, что описи составлены корректно и в них нет ошибок), отсутствуют: фотография остатков фресковой росписи «Рождество Христово» якобы из Дворцовой церкви (если речь о Д.20, л.14, то фреска на самом деле из башни близ Св. Софии).

⁴⁴ Краткий отчет Н.Д. Протасова 1918: 229.

⁴⁵ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1914. Д. 58. Л. 257. Приведено с сокращениями.

⁴⁶ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1914. Д. 58. Л. 257.

Успенским также упоминаются материалы предположительно из церкви Св. Евгения («западный и северный портал», «фреска в алтаре», «фреска в северном алтаре», «евхаристия» - ф. 169. Оп. 1. Д. 3. Л. 4), а также упоминаются акварели Н.К. Клуге, которых в фонде 169 нет: «Kosmos. Фигура в царском облачении, с развёрнутым полотнищем, на котором 11 (+1) кукол (символических предметов). 1917 г.», «голова Богоматери» (может быть, сохранилась, но там не только голова), «две фигуры – ведут беседу, одна держит в руках предмет вроде куклы и передаёт её другой. 1917 г.». Также в этом списке упоминаются «изображение апостола» (сохранилось в фонде), «фреска на арке над дверью в северной стене внутри северного корабля» в церкви Св. Евгения (трудно идентифицировать). На каком этапе были утеряны эти материалы и передавались ли они в архив вообще или эта опись являлась внутренней для участников экспедиции – сложно сказать. Больше всего потерь оказалось по материалам Дворцовой церкви. Пропали обмеры и акварели Н.К. Клуге и Н.Е. Макаренко. Однако в последние несколько лет были обнаружены акварели из личного фонда Н.Б. Бакланова. Чертежи Дворцовой церкви, выполненные Баклановым, либо не сохранились, либо не были доделаны, потому что не хватило денег на их оплату⁴⁷.

Часть имущества экспедиции 1917 года была утеряна. 30 августа 1917 года было решено архив из Богородицы Златоглавой эвакуировать⁴⁸. Два сундука с книгами отвёз в Батуми П.А. Лозеев, но, вернувшись в Трапезунд, застал А.Е. Крымского больным малярией, и забрать ящики из Батумской гимназии при выезде в Москву не удалось⁴⁹. Ящики не вынесли перевозки из Трапезунда и еле держались, поэтому их нужно было где-то оставить. «Сундуки оставили в сарае-птичнике»⁵⁰, а сверток Лозеев отдал «старичку среднего роста», чью фамилию потом подзабыл, но «человек тот служил в гимназии много лет»⁵¹. Более через полгода Ф.И. Успенский получит письмо Павла Лозеева от мая 1918 г. с подробным описанием, как и почему ящики пришлось оставить.

Кроме того, в конце февраля 1918 г. Ф.И. Успенским была получена от Ф.М. Морозова телеграмма, в которой тот сообщал, что «в Трапезунтском храме Богородицы помещены солдаты. От неосторожного обращения солдат с огнем сгорела часть архива. Солдаты выбрасывают документы архива из ящиков, употребляя ящики на топливо. Город эвакуируется, под чью охрану документы, охраняемые памятники». На эту телеграмму получили ответ от Академии о желании передать ключи Комиссии в составе митрополита, муфтия и членов городской управы⁵², который и был выслан Ф.И. Успенским в Трапезунт.

⁴⁷ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1914. Д. 58. Л. 281.

⁴⁸ РГИА. Ф. 757. Оп. 1. Д. 53. Л. 137.

⁴⁹ Там же. Л. 158 об.

⁵⁰ Там же. Л. 157.

⁵¹ Там же. Л. 158.

⁵² СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1914. Д. 58. Л. 276.

В 1930-е гг. Г. Милле напишет вместе со своим учеником, английским археологом Талботом Райсом книгу о памятниках Трапезунда⁵³, в которой использует также фотографии экспедиции Ф.И. Успенского, правда, неверно атрибутированные (например, они неверно атрибутируют фреску из апсиды храма Св. Анны, ошибочно отнеся её к фрескам «в цитадели» города)⁵⁴. Впоследствии архив Т. Райса попадёт к Энтони Брайеру, который тоже поместит часть русских фотографий в свою книгу. Интересно, что в книге Брайера-Винфилда в 2000-х гг. были опубликованы фотографии, отмеченные как фотографии экспедиции Успенского, однако, ни негативов, ни дубликатов в фонде 169 («Трапезундская экспедиция Ф.И. Успенского») не содержится, как и в личных фондах участников. Каким образом они попали в руки Брайеру – были ли переданы художником Н.К. Клуге или кем-то другим, выяснить уже не представляется возможным. Брайер скончался немногим раньше, чем автору этой статьи пришлось в голову с ним поговорить.

Что не успели изучить

Изучение фресок в бывших церквях, превращённых в мечети, вызывало особенные трудности. Экспедиции также не удалось как следует изучить фресковую живопись храма Св. Анны, потому что он на тот момент был действующим и потому что от него оказалось невозможно получить ключи в митрополии. Лишь Ф.М. Морозов, авторству которого принадлежит большая часть фотографий экспедиции, сможет зайти в эту церковь несколько раз и сделать фотографии интерьера.

Экспедиция также не довела до конца исследования по церкви Св. Софии из-за конфликта между Успенским и Шмитом; не доделали чертежи Дворцовой церкви; не было сделано комплексного издания по памятникам Трапезунда; не проанализирована программа росписей на основе всех сохранившихся фотографий. Работа Б.К. Ордина, которому Ф.И. Успенский поручил написать труд по истории экспедиции, была утеряна, не было даже создано одно место хранения для этих материалов при жизни участников экспедиции. Русским учёным не удалось провести раскопки в акрополе. Как писал в своём отчёте Н.Б. Бакланов, более подробное обследование акрополя и обмеры «совершенно невозможны без геодезических инструментов, без предварительных, рационально поставленных раскопок, вообще требуют специально предназначенной для сего группы техников и рабочих сил»⁵⁵.

Участники экспедиций Ф.И. Успенского были рады продолжить изучение памятников города, но третьей экспедиции не сложилось. Трапезунд и его искусство было в фокусе внимания многих учёных в XX в. Задачи, поставленные экспедицией Успенского, актуальны и по сей день: не проведены раскопки в трапезундском акрополе, не освобождены от слоя штукатурки фрески в храме Св. Евгения и церкви Св. Анны.

⁵³ Millet, Talbot-Rice 1936.

⁵⁴ Захарова, Цыпкина 2017: 178–196.

⁵⁵ Отчет Н.Б. Бакланова 1918: 217.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Басаргина Е.Ю. Траpezундская экспедиция 1916 г. // ВИД. 1991. Т. 23. С. 295–306. [Basargina E.YU. Trapezundskaya ekspediciya 1916 g. // VID. 1991. T. 23. S. 295–306].
- Захарова А.В., Цыпкина А.Г. Малоизвестные росписи траpezундских храмов по материалам экспедиции Ф. И. Успенского 1916–1917 гг. // ВВ. 2017. Т. 100. С. 178–196. [Zaharova A.V., Tsyapkina A.G. Maloizvestnye rospisi trapezundskih hramov po materialam ekspedicii F. I. Uspenskogo 1916–1917 gg. // VV. 2017. T. 100. S. 178–196].
- Крачковский И.Ю. Описание собрания коранов, вывезенных из Траpezунда академиком Ф.И. Успенским // Известия Академии наук. Сер. VI. 1917. Т. 9. С. 346–349. [Krachkovskij I.YU. Opisaniye sobraniya koranov, vyvezennyh iz Trapezunda akademikom F.I. Uspenskim // Izvestiya Akademii nauk. Ser. VI, 1917, T. 9, S. 346–349].
- Минцлов С.Р. Траpezондская эпопея. Берлин, Сибирское книгоиздательство. 1925 [Minclov S.R. Trapezondskaya epopeya. Berlin, Sibirskoe knigoizdatel'stvo. 1925].
- Минцлов С.Р. Сборник статей, напечатанных в газете «Траpezондский военный листок». Траpezонд, типография штаба Траpezондского укрепленного района, 1917 [Minclov S.R. Sbornik statej, napechatannyh v gazete «Trapezondskij voennyj listok». Trapezond, tipografiya shtaba Trapezondskogo ukreplennogo rajona, 1917].
- Минцлов С.Р. О бывшем храме Св. Евгения // Траpezондский военный листок. 1916. № 18, 20 ноября 1916 г. (перепечатано: Сборник статей, напечатанных в газете Траpezондский военный листок за 1916–1917 гг. Траpezонд, 1917. С. 61). [Minclov S.R. O byvshem hrame Sv. Evgeniya // Trapezondskij voennyj listok. 1916. № 18, 20 noyabrya 1916 g. (perepechatano: Sbornik statej, napechatannyh v gazete Trapezondskij voennyj listok za 1916–1917 gg. Trapezond, 1917. S. 61)].
- Пяницкий Ю.А. Траpezундские рисунки Н.Б. Бакланова в собрании отдела Востока Эрмитажа // Труды Государственного Эрмитажа. CXII. Царьградский сборник. 2022. С. 160–207. [Pyatnickij YU.A. Trapezundskie risunki N.B. Baklanova v sobranii otdela Vostoka Ermitazha // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. CXII. Car'gradskij sbornik. 2022. S. 160–207].
- Успенский Ф.И. Сообщение и отчет о командировке в Траpezунт. 21 сентября 1916 г. // Известия Императорской Академии наук. Сер. VI. Т. 11. № 16. 1916. С. 1464–1480. [Uspenskij F.I. Soobshchenie i otchet o komandirovke v Trapezunt. 21 sentyabrya 1916 g. // Izvestiya Imperatorskoj Akademii nauk. Ser. VI. T. 11. № 16. 1916. S. 1464–1480].
- Успенский Ф.И. Второй отчет о занятиях в Траpezунте и окрестностях 26 октября 1916 г. // Известия Императорской Академии наук. Сер. VI. 1916. Т. 11. № 16. С. 1657–1663. [Uspenskij F. I.] Vtoroj otchet o zanyatiyah v Trapezunte i okrestnostyakh 26 oktyabrya 1916 g. // Izvestiya Imperatorskoj Akademii nauk. Ser. VI. 1916. T. 11. № 16. S. 1657–1663].
- Успенский Ф.И. Отчет о занятиях в Траpezунте летом 1917 г. Доклад 17 января 1918 г. // Известия Академии наук. Сер. VI. № 5. 1918. С. 207–238. [Uspenskij F. I.] Otchet o zanyatiyah v Trapezunte letom 1917 g. Doklad 17 yanvarya 1918 g. // Izvestiya Akademii nauk. Ser. VI. № 5. 1918. S. 207–238].
- Успенский Ф.И. Сообщение об условиях хранения собранных и оставленных в Траpezунте восточных рукописей. 12 октября 1916 г. // Известия Императорской Академии наук. Сер. VI. Т. 11. № 16. 1916. С. 1490–1492. [Uspenskij F. I.] Soobshchenie ob usloviyah hraneniya sobrannyh i ostavlennyh v Trapezunte vostochnyh rukopisej. 12 oktyabrya 1916 g. // Izvestiya Imperatorskoj Akademii nauk. Ser. VI. T. 11. № 16. 1916. S. 1490–1492].
- Успенский Ф.И. Отчет о занятиях в Траpezунте летом 1917 г. Доклад 17 января 1918 г. // Известия Академии наук. Сер. VI. № 5. 1918. С. 207–238. (К отчету самого Ф.И. Успенского (С. 207–212) были приложены отчеты следующих лиц: А.Е. Крымского (С. 212–216, Н. Б. Бакланова (С. 217–218), Н.А. Макаренко (С. 219–220), Н. Д. Протасова (С. 220–238)). [Uspenskij F. I.] Otchet o zanyatiyah v Trapezunte letom 1917 g. Doklad 17 yanvarya 1918 g. // Izvestiya Akademii nauk. Ser. VI. № 5. 1918. S. 207–238].
- Успенский Ф.И. Усыпальница траpezундского императора Алексея IV Комнина // ВВ. 1917–1922. Т. XXIII. С. 1–14. [Uspenskij F.I. Uspal'nica trapezundskogo imperatora Alekseya IV Komnina // VV. 1917–1922. T. XXIII. S. 1–14].
- Цыпкина А.Г. Описание рукописей Траpezундской экспедицией летом 1917 г. // Восток (Oriens). 2019. № 4. С. 208–219 [Tsyapkina A.G. Opisaniye rukopisej Trapezundskoj ekspedicii letom 1917 g. // Vostok (Oriens). 2019. № 4. S. 208–219].
- Цыпкина А.Г. Траpezундская научная экспедиция 1916–17 гг. Новые архивные материалы // Причерноморье в Средние века. Вып. 9. Спб.: Алетейя, 2015. С. 212–237. [Tsyapkina A.G. Trapezundskaya nauchnaya ekspediciya 1916–17 gg. Novyye arkhivnyye materialy // Prichernomor'ye v Srednie veka. Вып. 9. Спб.: Алетейя, 2015. С. 212–237.]

- kina A.G. Trapezundskaya nauchnaya ekspediciya 1916-17 gg. Novye arhivnye materialy // Prichernomor'e v Srednie veka. Вып. 9. Spb.: Aleteya, 2015. S. 212-237.].
- Цыпкина А.Г. Прибыл в Трапезунт на миноносце..." Записная книжка академика Ф.И. Успенского. 1916 г. // Исторический архив. 2017. № 3. С. 158–181. [Tsyapkina A.G. Pribyl v Trapezunt na minonosce..." Zapisnaya knizhka akademika F.I. Uspenskogo. 1916 g. // Istoricheskij arhiv. 2017. № 3. S. 158–181].
- Цыпкина А.Г. "Прибыл в Трапезунт на миноносце..." Записная книжка академика Ф.И. Успенского (продолжение). 1916 г. // Исторический архив. 2017. № 4. С. 123–159. [Tsyapkina A.G. "Pribyl v Trapezunt na minonosce..." Zapisnaya knizhka akademika F.I. Uspenskogo (prodolzhenie). 1916 g // Istoricheskij arhiv. 2017. № 4. S. 123–159.].
- Цыпкина А.Г., Селиванова О.В. "Трапезундский фронт 1916 г. глазами ученого-византиста Ф.И. Успенского" // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 2 (20). С. 113–128 [Tsyapkina A.G., Selivanova O.V. "Trapezundskij front 1916 g. glazami uchenogo-vizantinista F.I. Uspenskogo" // Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2014 g. № 2 (20). S. 113-128].
- Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Vol. I-II. Washington, 1985.
- Bryer A., Winfield D. Appendix 1 «Nineteenth-century Monuments in the City and Vilayet of Trebizond: Architectural and Historical notes» // АП. XXXII. 1974. P. 269-287.
- Bryer A., Winfield D., Ballance S., Isaac J. The Post-Byzantine Monuments of the Pontos. A sourcebook. Aldershot: Ashgate/Variorum, 2002.
- Cumont F., Cumont E. Voyage d'exploration archéologique dans le Pont et la Petite Arménie. Bruxelles, 1906.
- Fallmerayer J. Ph. Original Fragmente, Chroniken, Inschriften und anderes Materiale zur Geschichte des Kaiserthums Trapezunt. // Abhandlungen der Historischen Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1843; 1844, Bd.3, dritte Abhandlung; Bd. 4, erste Abhandlung.
- Παπαμιχαλόπουλος, Κωνσταντίνος Ν., Περιήγησις εἰς τὸν Πόντον /ὐπὸ Κωνσταντίνου Ν. Παπαμιχαλοπούλου. Αθήνησιν :Ἐκ τῶν Τυπογραφείων τοῦ "Κράτους", 1903 [Электронный ресурс] URL: <http://anemi.lib.uoc.gr/metadata/9/a/1/metadata-462-0000036.tkl>
- Rice D.T. Trebizond, a Mediaeval Citadel and Palace // The Journal of Hellenic Studies. 1932. № 52. P. 47–54.
- Strzygowski J. Les chapiteaux de Sainte Sophie à Trébizonde // BCH. 1895. № 19. P. 517-522.
- The journals and letters of George Finlay. Edited by J.M. Hussey. Vol. I. P. 287-312. 1995.
- Texier Charles et R.P. Pullan, L'architecture byzantine. Londres. 1864.
- Texier Ch., Pullan Richard P. Byzantine architecture illustrated by examples of edifices erected in the East during the earliest ages of Christianity. London, 1864.
- Texier Ch., Asie Mineure. Paris, 1882.

Цыпкина Анна Георгиевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; anna021090@yandex.ru

Trebizond Expeditions of F.I. Uspensky: a Brief Overview of Research

The article represents a brief overview of the Trebizond expeditions research carried out by the lead of Russian historian and byzantinist F.I. Uspensky in 1916 and 1917. The results of descriptions of manuscripts and archaeological excavations are listed. The difficulties of the work, as well as the organization of the expedition in the front line during the First World War, are characterized. The article describes the main tasks that Russian scholars set for themselves, their falls and success. The role of F.I. Uspensky's expeditions in the context of Trebizond research is shown. The lists of the material lost by the expedition is presented.

Key words. Expedition of F.I. Uspensky, World War I, Byzantine studies, Trebizond, monuments, acropolis, medieval churches, mosques.

Anna G. Tsyapkina, PhD, senior researcher, Institute of World History, RAS, Lomonosov's Moscow State University; anna021090@yandex.ru

Ю.С. ШИПИЦЫНА

«НАУКА БЫЛА ЕГО СТРАСТЬЮ» ЭМОТИВНЫЙ КОД ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АНГЛИЙСКОМ БОТАНИКЕ ДЖОЗЕФЕ БЭНКСЕ¹

Английский ботаник Джозеф Бэнкс (1743–1820), по воспоминаниям современников и потомков, выделялся своим темпераментом на фоне других ученых. Оригинальные паттерны поведения позволили добиться признания и достичь вершины академической карьеры в Британии – занять пост президента Лондонского королевского общества. Статья представляет результаты исследования комплекса некрологов и воспоминаний, опубликованных в столетнюю годовщину смерти Бэнкса. Анализ текстов на предмет эмотивных категорий, описывающих характер Бэнкса, показывает, что особое внимание авторы обращают на энтузиазм ученого. Страстная увлеченность, душевный подъем, азарт, любовь и другие субъективные переживания, свойственные Бэнксу, встречают одобрение, а сам он становится примером для подражания. Случай Бэнкса показывает, что подобные проявления субъективности, порицаемые еще в XVII – начале XVIII века, в более позднее время становятся важнейшей составляющей образа ученого. Неординарная личность Бэнкса оказала влияние на формирование образа ученого в английской науке XIX века.

Ключевые слова: история науки, история эмоций, эпистемические добродетели, энтузиазм, Джозеф Бэнкс.

Происходящее в последние десятилетия переосмысление важнейших для истории науки понятий «научная революция» и «объективность» по-новому ставит вопрос о том, что такое наука и кто такой человек науки. Именно для человека приоткрывается все больше пространства внутри дисциплины, рожденной в середине XX века и традиционно сконцентрированной на институтах, идеях, практиках². В истории науки все чаще появляются исследования, сфокусированные на том, что в самом общем смысле можно назвать ментальностью – некоторой совокупности идейных и духовных установок ученых³. Такой интерес к субъективности постепенно меняет саму методологию истории науки, которая все чаще заимствует подходы не только интеллектуальной истории, но также истории эмоций.

Исследователи, работающие в русле истории эмоций, при анализе источников опираются на различные маркеры эмоциональных переживаний и чувств. Значение имеют как пространственные описания поведения и речи, так и конкретные эмотивные⁴ категории – языковые средства, ха-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Уральского гуманитарного института УрФУ (программа "Мой первый грант").

² Дастан 2020.

³ Shapin 2008; Boddicce 2017; 2022; Barclay 2018; Paul 2017.

⁴ Понятие «эмотивность» в лингвистике используется для различения эмоций и самих слов, с помощью которых переданы эти эмоции в тексте, эмотивов. Под эмотивностью понимается само свойство языка выражать эмоциональные состояния и переживания человека.

рактизирующие эмоциональное состояние человека, а также выявление изменений семантического наполнения отдельных понятий, внимание к собственным эмоциональным откликам при работе с источниками.

Эмоции универсальны и первичны по отношению к идеям. Идеи – лингвистически оформленный конструкт, который используется для рационализации и управления эмоциями. Способы выражения эмоций, отношение к проявлению тех или иных эмоций в разных культурах в разное время закрепляются разные, соответственно и содержание как эмотивных категорий, так и идей, оперирующих этими категориями, отличаются вариативностью. Эмоции являются одновременно «формой оценивания среды обитания» и частью этой среды обитания, «обобщены видовым национальным опытом данного народа», – как отмечает специалист в области лингвистики эмоций В.И. Шаховский⁵.

Таким образом, историческая эмоциональность неразрывно связана с морально-этическими нормами, комплексом аксиологических представлений, регулирующих поведение человека. Когда эмоциональность исследуется в контексте научного этоса – поведения субъекта познания, полезным инструментом становится понятие эпистемических добродетелей. Под эпистемическими добродетелями понимаются ценностные интуиции, направляющие познающего субъекта: его когнитивные способности, морально-этические ценности, черты характера и др. При этом «...в эпистемологии добродетелей нет единства по вопросу о том, что представляют собой добродетели такого рода, каковы их сфера и границы, какого рода методы следует использовать для их анализа»⁶. Тем не менее эпистемология добродетелей предоставляет саму возможность для обсуждения данной проблемы. Во многом благодаря этой теоретической рамке на стыке истории науки и истории эмоций появилось множество убедительных работ, посвященных любопытству и сопереживанию⁷, авторитету и снобизму⁸, различным оттенкам объективности⁹ и субъективному энтузиазму¹⁰.

В истории науки рассуждение о субъективности связано отнюдь не только с поиском способов устранения «искажений» субъективного восприятия. Проблемы поиска истины и высказывания истины с давних пор сопряжены с вопрошанием субъекта познания о том «что я должен сделать с собой, чтобы обрести способность и право прикоснуться к истине?»¹¹. Вопрос аскезы, стремления к нравственной чистоте того или иного рода, для субъекта познания сопряжен и с вопросом достоверности его знания, и с вопросом его личной безопасности¹².

⁵ Шаховский 2008: 8.

⁶ Касавин 2019: 9–10

⁷ Boddice 2022

⁸ Kidd 2017

⁹ Дастон, Галисон 2018

¹⁰ Heyd 1995

¹¹ Фуко 2008: 157

¹² Фуко 2014: 34–35

В процессе работы над реконструкцией интеллектуальной биографии Джозефа Бэнкса (1743–1820), английского ботаника, путешественника и президента Лондонского королевского общества (1778–1820), одной из сложнейших задач стало воссоздание эмоционального портрета ученого. Этой части исследования посвящена данная статья, представляющая результаты анализа небольшого комплекса мемориальных текстов: некрологов и воспоминаний, опубликованных в столетнюю годовщину смерти Дж. Бэнкса.

В Англии публичное объявление о смерти становится «поводом поговорить о жизни», как писала Мэрилин Джонсон¹³. Некролог как попытка определить ценность угасшей жизни и соизмерить с ней жизни еще живых наполнен наблюдениями о покойном и в то же время насыщен средой, в которой эти наблюдения производятся. Некролог говорит не только об умершем, но и о том, как воспринимали его современники – какой гражданской, профессиональной и общечеловеческой меркой меряли наследие умершего, его труды и деяния. Иными словами, некрологи в значительной степени повествуют об идеальном представлении, разделяемом обществом. С точки зрения эмоциональности текстов и используемых в них эмотивных категорий, некрологи представляют собой любопытный источник, так как транслируют интонационное напряжение между необходимостью говорить о смерти и утрате (эмоции горя, страха) и одновременно о жизни и достоинствах человека (эмоции радости, торжества).

Ученый энтузиаст

19 июня 1820 г. в возрасте семидесяти семи лет ушел из жизни сэр Джозеф Бэнкс, ботаник и широко известный в свое время ученый. Бэнкс возглавлял Лондонское королевское общество на протяжении четырех десятилетий и принимал деятельное участие в судьбе еще свыше десятка обществ, ассоциаций и ученых собраний. Решительность и пылкая самоотверженность, с какими Бэнкс погружался в чаяния и заботы тех или иных институций, были свойственны ему и в общении с людьми. Его покровительства, внимания, заступничества, одобрения, помощи и дружбы искали множество ученых как в Британской империи, так и за ее пределами. Бэнкс был заметной и влиятельной фигурой в академической среде, но также – неординарной личностью. Его путь в профессии, стиль поведения и логика принятия решений выделялись на фоне остальных – и это в эпоху, когда наука еще не имела строго формализованных структур и характеризовалась живым разнообразием стратегий и тактик завоевания авторитета в ученом сообществе.

После смерти Бэнкса его образ остался в памяти многих коллег и учеников. Кроме текстов, коллекций и реализованных инициатив важнейшей частью наследия Бэнкса, по нашему мнению, стал образ личности ученого, сложившийся из представлений о ценностях, качествах и

¹³ Johnson 2007: 220.

навыках Бэнкса, а также его траектории профессионального становления. Реконструкция этого образа, разумеется, во многом зависит от реконструкции биографии Бэнкса. Однако не меньший интерес представляют попытки его современников зафиксировать отношение к Бэнксу. Каким предстает в этих текстах Бэнкс? На какие черты его личности обращают внимание авторы? Какие эпизоды из его биографии считают значимыми и почему?

Сперва, в качестве исключения, обратимся к биографической заметке, опубликованной еще при жизни Бэнкса, на заре его профессиональной карьеры. В 1772 г. журнал *The London Magazine* в самом конце июльского, сорок первого выпуска на двух страницах поместил «Некоторое сообщение о докторе Соландере и мистере Бэнксе. С гравированным изображением профиля последнего»¹⁴.

Сразу обращает на себя внимание упоминание Дэниела Соландера (1733–1782), шведского натуралиста, прибывшего в 1763 г. в Лондон и занявшегося структурированием каталогов Британского музея. «Деятельность этих двух мужчин столь тесно связана, что их личности нелегко описать по отдельности друг от друга», – считает автор заметки. В 1772 г. Соландер гораздо более известен и уважаем, чем «мистер Бэнкс», «молодой землевладелец из Линкольшира с обширным поместьем»¹⁵. Соландер был учеником Карла Линнея и уже защитил диссертацию на степень доктора. Бэнкса автор характеризует как «крайне усердного в изучении ботаники» и рассказывает о том, как в возрасте 27 лет он отправился к побережью Лабрадора, чтобы исследовать флору Северной Америки, а затем принял участие в Первой кругосветной экспедиции Дж. Кука (1768–1771). «Из этих разнообразных источников знаний он почерпнул для себя более чем с избытком приобретений», – этой фразой автор словно вносит равновесие в описание бэкграунда Соландера и Бэнкса. Экспедиционный опыт компенсирует, если не превосходит университетское образование в том, что касается знания естественной истории: автор подчеркивает его ценность, упоминая признание со стороны президента Лондонского королевского общества Джона Прингла (1707–1782) и благодарность короля Георга III, а также перечисляя редкие артефакты, привезенные Соландером и Бэнксом¹⁶.

В целом, складывается впечатление, что биографическая заметка 1772 г. призвана подчеркнуть две вещи: во-первых, продуктивность исследовательского тандема Соландера и Бэнкса, во-вторых, неординарность их профессионального пути. На второй момент указывает пассаж о типичном представлении, бытующем в обществе об ученых и явном несоответствии ему биографий Бэнкса и Соландера: «Жизни ученых людей редко отличаются новизной или динамизмом, и нечасто могут предложить обилие историй для написания их биографий. Отде-

¹⁴ Some Account of Dr. Solander and Mr. Banks 1772: 341

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibidem.

ленные от остального человечества, скованные семейными узами, они обычно известны миру лишь своими открытиями и теориями»¹⁷.

Автор заметки, оставшийся для публики неизвестным, оказался удивительно прозорливым. Событийная насыщенность будет выделять Бэнкса на фоне остальных ученых до конца его дней. И несмотря на то, что после Первого кругосветного путешествия Бэнкс покинет Британские острова всего дважды – в 1766 г., снарядив короткую экспедицию к берегам Исландии, а затем в рамках короткой поездки в 1773 г. в Роттердам, – количество и интенсивность контактов с людьми по всему миру обеспечит ему как обилие новаторских проектов, так и массу возможностей для их воплощения. В случае Бэнкса экспедиционный опыт действительно оказывается идеальной ступенью в карьерной перспективе, ведь его уникальные полевые исследования проходят в сопровождении Соландера, владеющего теорией в степени, близкой к совершенству. Соландер становится соратником Бэнкса, готовым поддерживать его дерзкие инициативы и поделиться всем, что известно ему самому. Особое доверие и понимание, царившие между учеными подчеркивает и сам Бэнкс в 1785 г., в некрологе своему другу:

«...доктор Соландер... встретил эти новости¹⁸ с огромным энтузиазмом¹⁹ и без промедления заверил, что научит меня всему, что касается естественной истории, и с чем придется столкнуться в ходе столь длительного и непредсказуемого путешествия. А еще несколько дней спустя, когда мы обедали за столом леди Монсон²⁰ и говорили о том, какую я получил великолепную возможность обогатить науку и стать знаменитым, Соландер поднялся со своего стула и в волнении спросил, глядя мне прямо в глаза: «Хотел бы ты взять с собой товарища по путешествию?». Я ответил: «Компания вроде твоей доставила бы мне несказанное удовольствие и стала подарком». «Если так, то я отправлюсь с тобой!», – воскликнул Соландер и с того момента все было решено»²¹.

Некрологом называют опубликованное в периодическом издании объявление о смерти, включающее краткую биографию умершего. Выделяют некрологи информативные и описательные (описательные, повествовательные), но чаще всего некролог сочетает в себе оба эти свойства²². Будучи индивидуализированным, посвященным конкретной персоне,

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ О предстоящем участии в Первой кругосветной экспедиции вместе с Бэнксом.

¹⁹ Исползованное Бэнксом при описании реакции Соландера слово «энтузиазм» (англ. enthusiasm) крайне важно. Вплоть до 1716 г., когда английские словари впервые фиксируют нейтральное значение этого слова, энтузиазм воспринимался однозначно – как порок. В английском дискурсивном пространстве Нового времени «печать» энтузиазма несет на себе любая новация или эксцентричное поведение, причем вплоть до начала XVIII в. с исключительно негативным значением. Проявления энтузиазма порицаются и стигматизируются, а первой попыткой оправдания и призыва к терпимости к энтузиастам считается «Письмо об энтузиазме» Энтони Эшли Купера, третьего графа Шефтсбери, опубликованное сначала в 1708, а затем в 1713 г. См. Шипицына 2023: 112.

²⁰ Леди Энн Монсон (1727–1776) – английский ботаник, состояла в переписке с Д. Соландером и К. Линнеем, участвовала в подготовке перевода на английский язык «Введения в ботанику», осуществленную Дж. Э. Смитом.

²¹ Banks 1785: 244–245

²² Fernandez 2006: 104.

некролог в то же время вписан в достаточно строгие рамки культурной традиции, и в этих рамках – унифицирован. Как пишет С. Еремеева, «некролог другому есть в определенном смысле автонекролог»²³.

В строгом смысле «объявлением о смерти» Бэнкса можно считать лишь один текст, опубликованный на страницах *The Gentleman's Magazine* в 1820 г. Автор этого некролога, оставшийся неизвестным, считает особенно важным отсутствие тщеславия у человека, занимающего столь высокий пост в научном сообществе. Он подчеркивает, что интерес к естественной истории проявился у Бэнкса еще в юном возрасте – во время учебы в Оксфорде, и с тех пор цели совершенствования этой науки он «посвятил все свои способности ума и таланта»²⁴. Любопытно, что кроме ума и таланта автор с одобрением описывает иррациональные начала личности Бэнкса. Он говорит о «страсти» (англ. *passion, ardour*) и «любви» (англ. *love*) к науке²⁵. Таким образом, отличие жизненного пути Бэнкса заключается не только в «новизне и динамизме».

«Кресло, в котором сидел Ньютон, он [Бэнкс] занял, обладая качествами, свидетельствующими лишь о безграничной любви к науке, уникальным навыком коллекционирования ее артефактов, духом покровительства, свободного и присущего джентльмену, могущественным влиянием, направляемым ради выдающихся достижений и в интересах Общества, а также репутацией, которая могла послужить еще одним украшением ко всем перечисленным достоинствам – вот почему мы думаем, что решение [об избрании Бэнкса на пост президента] было исключительно мудрым.

С характером и способностями, обещающими сохранение славы и чести Общества, гений его был не столь себялюбив, чтобы искушать его взысканием личных почестей... дополнительных наград... и оставался удовлетворенным теми достижениями, в коих преуспевал Институт, который он возглавлял. И состояние Общества, в котором оно сейчас пребывает – лучшее тому доказательство»²⁶.

В следующем году в пятом томе ежегодника *The Annual Biography and Obituary* на 23-х страницах был опубликован развернутый некролог о Бэнксе. Автор неоднократно упоминает Ньютона – его вклад в развитие математики, и Линнея, благодаря которому «естественную историю стали изучать с равным старанием и успехом», подспудно сравнивая с ними Бэнкса и заявляя: «без всяких сомнений, страсть (*ardour*) к естественной истории не угаснет, и ботаника по-прежнему занимает важное место в ряду наших национальных задач»²⁷. Интерес Бэнкса к ботанике автор обнаруживает в раннем детстве, отмечая, что и любопытство, и другие черты характера были сформированы под влиянием его добродетельной матери, отличающейся широкими и свободными взглядами. «Естественная история захватила все его внимание. В самом деле, именно ей он посвятил всего себя в ранние годы, с такой страстью (*ar-*

²³ Еремеева 2019: 142.

²⁴ Sir Joseph Banks 1820: 86.

²⁵ Sir Joseph Banks 1820 87-88.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Sir Joseph Banks 1821: 97, 100.

dour), что трудно вообразить. Он был полон амбиций пойти по стопам великого шведа и на пути к этой цели удачным образом объединил все свои качества, и все свои способности, и устремления, которые в сочетании способствовали преумножению науки»²⁸.

Автор текста приводит любопытный случай из юности Бэнкса, когда он был схвачен констеблями и помещен в тюрьму. Обнаруженного «во рву, среди зарослей крапивы, вереска и боярышника, его можно было принять не иначе как за грабителя», а после всех выяснений его личности и содержимого карманов, которые были набиты «не часами или монетами, но различными образцами растений и диких цветов»²⁹, Бэнкса с извинениями отпустили. Этот отрывок, в котором страсть к исследованию сравнивается со страстью к стяжательству – неконтролируемой, порочной, опасной – не оставляет сомнений в значении, которое использует автор, указывая на страсть Бэнкса к познанию. Исследовательский энтузиазм Бэнкса – столь же сильное и неподвластное человеку влечение, как и страсть, толкающая к тем или иным порокам и способная повлечь за собой неприятные последствия. Однако исследовательская страсть, мобилизующая ресурсы личности на благо национальной науки, заслуживает восхваления и признания. Важным представляется и замечание о том, что ученики и соратники Бэнкса, благодаря ему побывали в самых отдаленных уголках Земли в поисках новых открытий и знаний о естественной истории. Таким образом, автор некролога вписывает личность Бэнкса в традицию, указывая как на авторитетных предшественников Бэнкса – Ньютона (в замещении поста президента Лондонского королевского общества) и Линнея (в развитии ботаники), так и на младшее поколение ученых, продолживших его дело³⁰.

В 1920 г. в столетнюю годовщину смерти Дж. Бэнкса в Линнеевском обществе были зачитаны доклады трех ведущих английских ботаников того времени: Бенджамина Дейдена Джексона (1846–1927), Альфреда Бартона Рендла (1865–1938) и Джеймса Бриттена (1846–1924). Тексты докладов затем были опубликованы в качестве приложения к «Изысканиям Линнеевского общества». Разумеется, Дейден Джексон, Рендл и Бриттен не могли знать Бэнкса лично, но в своих докладах каждый из них подчеркивает роль, какую сыграл Бэнкс в его профессиональной жизни. Так, Дейден Джексон признается, что рассказы об участии Бэнкса в первом кругосветном путешествии Кука полностью захватили его детское внимание и оказали влияние на выбор профессиональной карьеры. Рендл по поручению хранителя отдела ботаники в Британском музее мистера У. Каррутерса работал с копиями путевого дневника Бэнкса, писал биографическую статью о Бэнксе для «Словаря национальной биографии» Лесли Стивенса, консультировал Дж.Д. Гукера при издании путевого дневника Бэнкса в 1896 г., о чем речь пойдет далее, а

²⁸ Sir Joseph Banks 1821: 98

²⁹ Ibidem.

³⁰ Sir Joseph Banks 1821: 100.

также Э. Смита при подготовке его «Жизни Джозефа Бэнкса», которая выйдет в 1911 г. «Так с детства и до сегодняшнего дня я не перестаю вдохновляться личностью сэра Джозефа Бэнкса и счастлив принять участие в данном чествовании этого выдающегося человека»³¹.

Рендл и Бриттен подчеркивают вклад Бэнкса в развитие коммуникации между учеными и собственно английской ботаники, без чего не была бы возможна их собственная карьера. Рендл пишет «в течение сорока двух лет Бэнкс был президентом Королевского общества, следует сказать – он сам и был Королевское общество»³². За этой фразой стоит не только описание авторитарного и самостоятельного «правления» Бэнкса, но и освещение его подхода к распространению знаний, лишённого всякого снобизма и соответствовавшего идее «общего блага», сформулированной еще Фрэнсисом Бэконом в качестве одного из принципов развития английской науки. Это был принцип его жизни: по принципу общего блага функционировало не только возглавляемое им Общество, но и его собственная библиотека в особняке на площади Сохо.

Бриттен, с 1869 г. работавший в Королевских ботанических садах Кью, а с 1871 г. – на кафедре ботаники в Британском музее, подчеркивает, что «Бэнксианским» неофициально назывался целый отдел хранилища Британского музея – по тому объему коллекций и бумаг, что были сюда переданы ботаником. Бриттен обращает внимание на неизданные, менее, чем путевой дневник, известные заметки Бэнкса (они не опубликованы по сей день): дневниковые записи о его путешествии к проливу Ньюфаундленд в 1766 г., каталог растений, собранных во время этого путешествия, описанных и классифицированных в соответствие с системой Линнея. Бриттен подчеркивает: «Я хотел обратить внимание именно на эти Ньюфаундленские архивы, поскольку они дают более детальное представление о ботанических познаниях и навыках Бэнкса, чем любые из последующих его коллекций, над которыми он работал уже вместе с Соландером, чья профессиональная слава затмевала его собственные достижения»³³. Бриттен пишет и о других значимых для Бэнкса научных контактах с Джоном Ли, Сидни Паркинсоном и др., подробно останавливается на описании гербарной коллекции с иллюстрациями, которая лишь в XXI в. будет опубликована как *Florilegium*. Этот тщательно подготовленный гербарий с полным таксономическим описанием и превосходными иллюстрациями, для изготовления которых Бэнкс нанимал не одного иллюстратора, по мнению Бриттена, лучше всего показывает Бэнкса не просто как коллекционера, а как подлинного ботаника, как того, кто понимает научную ценность каждого образца, интересуется практическим применением знаний о растениях и с готовностью делится этими знаниями с другими³⁴.

³¹ Daydon Jackson 1920: 3-4.

³² Rendle 1920: 10.

³³ Britten 1920: 17.

³⁴ Britten 1920: 19.

В 1896 г. Джозеф Далтон Гукер³⁵ впервые опубликовал «Путевой дневник Джозефа Бэнкса, составленный в ходе первой кругосветной экспедиции Дж. Кука в 1768–1771 гг.». К этому времени с момента появления рукописи прошло более ста лет. Сложное отношение Бэнкса к собственным публикациям хорошо известно историкам: охотно делясь своими рукописями и содержанием коллекций, он тем самым способствовал выходу множества замечательных работ, обогативших не только британскую – мировую естественную историю. При этом публикационные проекты, которые гарантированно прославили бы его имя и упрочили авторитет в научном сообществе, остались нереализованными. По подсчетам Нила Чамберса, за сорокалетний период с 1780 по 1820 г., количество журнальных статей и сообщений, автором которых выступил Бэнкс, в сравнении с количеством статей и сообщений, в которых Бэнкс упомянут в качестве лица, предоставившего необходимые сведения или оказавшего помощь автору, также показательно: лишь 51 публикация Бэнкса к 338 публикациям других ученых³⁶. К рубежу XIX–XX вв. незаурядность личности Бэнкса в контексте столь скромного авторского наследия бросалась в глаза. Гукер во введении к тексту дневника Бэнкса называет три причины, побудившие его взяться за эту работу. Во-первых, стремление восстановить историческую справедливость и авторское право Дж. Бэнкса. Во-вторых, отсутствие на тот момент качественно подготовленных биографий Бэнкса и, в связи с этим, желание Гукера отдать должное его исследовательскому гению и мастерству. Наконец, в-третьих, надежда показать созданный Бэнксом «реалистичный портрет труда натуралиста, каким он был около 130-ти лет назад»³⁷.

Действительно, обращение к тексту путевого дневника Бэнкса позволяет реконструировать его поведенческие паттерны и источники мотивации к исследовательской работе, из подражания которым сложился индивидуальный стиль работы Бэнкса, который впоследствии так трудно охарактеризовать ввиду того, что и усилия Бэнкса, и добытые им знания оказались растворены в огромном множестве публикаций других ученых. С большой долей уверенности можно сказать, что публикация дневника возродила интерес к наследию Бэнкса и стала стартовой площадкой «бэнксианской» историографии. Подходы к изучению и трактовки деятельности Бэнкса с тех пор множились и ветвились. Этому способствовала и сама многогранность личности ученого, его интерес к разнообразным занятиям и проектам. К сегодняшнему дню, однако, историкам науки становится все яснее, что портрет ученого не ограничивается его профессиональными навыками и теоретическими взглядами, но обусловлен также кругом общения, степенью политического влияния и социальным происхождением.

³⁵ Джозеф Далтон Гукер (1817–1911) – английский натуралист, ботаник, директор Королевских ботанических садов Кью в 1865–1885 гг.

³⁶ Carter 1988: 571.

³⁷ Journal of Sir Joseph Banks 1896: 9.

Тогда, в 1896 г. для Дж.Д. Гукера субъективность ученого была важна в не меньшей степени, чем его способность строить свои исследования на принципе объективности. Гукер известен своей концепцией профессионального призвания, в соответствии с которой в «джентльменский набор» английского ученого кроме высокой позиции в интеллектуальной иерархии входят преданность идее общего блага и высокий морально-нравственный авторитет³⁸. Сам себя он называл «натуралист по стечению обстоятельств» (naturalist with a fortune). В письмах отцу, У.Дж. Гукуеру, признавался «как вам известно, я не могу назвать себя независимым, и здесь гордиться нечем; но не стань я натуралистом по стечению обстоятельств, я не был бы и столь самоуверен в отношении получения достойной компенсации за мои усилия»³⁹.

В соответствии с предложенной еще в 1980-х гг. Дэвидом Эллистоном Алленом, социальным историком науки, классификацией профессиональных ученых натуралистов, Гукер-младший, как и его отец, относятся к категории «профессионалов-беглецов», нашедших в науке более стабильный доход, чем в иной доступной для них сфере (разорившаяся пивоварня больше не могла прокормить семью)⁴⁰. Две другие категории – это ученые, «мигрировавшие» в ботанику из смежных дисциплин (зачастую, из медицины), и богачи-любители, чьи познания позволяли им заниматься наукой, но они вынуждены были ограничить свои занятия из страха утратить высокое социальное положение. Джозеф Бэнкс на фоне этих типажей выглядит ярким исключением. В стремлении к преумножению английской науки его не останавливал ни статус «богача любителя», ни общественное порицание его поведения, когда он отправился в первое кругосветное путешествие с Куком. Влияние и известность Бэнкса завораживали юного Дж.Д. Гукера, который также достиг высоких академических позиций, сначала «унаследовав» пост директора Королевских ботанических садов Кью после смерти своего отца, а затем, будучи избран на пост президента Лондонского королевского общества в 1873–1877 гг. Гукер много учился и усердно работал, участвовал в экспедициях, в отдельные десятилетия признавался душой академического натуралистического сообщества Англии⁴¹. На протяжении всей своей жизни он отстаивал идею науки как призвания, достойного вознаграждения, а в сообществе ученых видел уникальную общность людей, работающих на общее благо, в соответствии с представлениями о долге и добродетели, профессиональной иерархии и системе патронажа, непрерывных контактах и взаимной полезности. Его убежденность в том, что моральные качества и этические ценности определяют ученого в не меньшей степени, чем объем его специальных знаний и компетенций, сегодня выглядит необычной, но тогда, в конце XIX в.,

³⁸ Bellon 2001: 59.

³⁹ Huxley 1918: 166.

⁴⁰ Allen 2001

⁴¹ Bellon 2001: 58.

она казалась еще очень естественной⁴². То, что в личности Бэнкса Гукер видел «реалистичный портрет» и в то же время образец для подражания, говорит о том, что в конце XIX – начале XX в. авторитет Бэнкса в академической среде оставался по-прежнему очень высоким – и, ввиду всего вышесказанного о специфике интеллектуального наследия Бэнкса и его незаурядном характере, – это был во многом моральный авторитет.

Для автора данной статьи отправной точкой в изучении субъективных черт личности Бэнкса послужило ощущение недоумения, появлявшееся каждый раз при «наложении» историографического «трафарета» на источники, прежде всего – научную корреспонденцию Бэнкса. Фактологическое изложение и описание исторического контекста профессиональной деятельности ботаника за два столетия существования «бэнксианской» историографии стали близки к совершенству, однако варианты интерпретации мотивации ученого на сегодняшний день можно охарактеризовать как определенно недостаточные для объяснения масштаба и характера его работы.

Неординарность его научной карьеры: отсутствие своего рода интеллектуального манифеста (громкой публикации, теории, изобретения) на фоне невероятной известности и влияния в определенный момент сделали его «невидимым» для истории науки «научным администратором»⁴³. Долгое время преобладали описания Бэнкса как деспотичного и авторитарного властителя британских ученых. Богатство его интересов и увлечение утилитарными возможностями научных открытий привело к существованию в историографии сразу нескольких сущностей Бэнкса: ботаника, путешественника, имперского агента и политического игрока на фоне военных и дипломатических конфликтов эпохи. А высокий социальный статус ввиду обширных земельных владений, рано унаследованных от отца, а затем – должности президента Лондонского королевского общества, стали объяснением его экспрессивности и пренебрежения общественным нормам.

В разное время та или иная особенность биографии Бэнкса выходила на первый план. Это было связано не только со сменой методологических тенденций, но прежде всего, с публикацией источников и систематизацией архивов, растянувшейся на два с лишним столетия. Так, опубликованный Гукером путевой дневник Бэнкса, давал представление о молодых годах Бэнкса, начале его натуралистической карьеры, степени вовлеченности в общий ход экспедиции, о присущем дилетантам азарте и свойственным профессионалам собранности и методичности в работе. Тем не менее, то, что Гукер использовал копии дневниковых записей, а оригинал к тому моменту уже несколько десятилетий находился на территории Австралии, в глазах некоторых ученых снижал цен-

⁴² Ibid.: 58–59.

⁴³ Mayden 1909

ность этой публикации. Ранние биографии Бэнкса – труды Э. Смита⁴⁴ и Дж. Г. Майдена – опираются на публикацию дневника и разрозненные архивы писем и предметов коллекционирования: цитируют и описывают их фрагментарно. Между тем, именно письма в ситуации отсутствия других личных материалов, могли дать представление о личности Бэнкса. Б. Дейдон Джексон, обращавшийся еще в 1870-е гг. к копиям дневника, хранившимся в архиве Британского музея, отмечал, что «постепенно свежесть и живая энергия дневника уступили место сухой деловой фиксации» и «живой человек исчез, остался чиновный секретарь»⁴⁵.

Протяженная во времени публикация архивных материалов Бэнкса⁴⁶, приоткрывала все новые грани личности ученого, побуждая историков к переосмыслению его наследия: в первую очередь, признанию его глубоких познаний и выдающегося мастерства в области ботаники, что закрепило за Бэнксом статус профессионального натуралиста; а затем, вниманию к неординарности его профессионального пути – оригинальных поведенческих паттернов и риторических стратегий.

В данной статье мы обратились к свидетельствам о Бэнксе его младших современников и поколения натуралистов второй половины XIX в. То есть к рассказам, воспоминаниям и некрологам, созданным по большей части до знакомства общественности с архивами Бэнкса. Результаты изучения этих свидетельств, на наш взгляд, маркируют очередной этап углубления представления о роли личности ученого – понимание того, что высокий авторитет Бэнкса обусловлен его положением в академической иерархии далеко не в первую очередь – гораздо важнее для современников был его подход к реализации своего иссле-

⁴⁴ Smith 1911

⁴⁵ Daydon Jackson 1920: 3.

⁴⁶ Несмотря на методичное архивирование всех бумаг Бэнкса при его жизни библиотекарями и членами семьи, после смерти ученого сохранить целостность его архивов оказалось трудно. До момента ухода из жизни вдовы Бэнкса леди Доротеи в 1828 г. соратники Бэнкса, такие как Роберт Браун и Доусон Тернер продолжали работу по приведению в порядок его архивов. Согласно воле Бэнкса часть коллекций и документов перешла в ведение Британского музея и стала национальным достоянием Англии. Тем не менее, после смерти леди Доротеи Бэнкс, в распоряжение наследием Бэнкса вступил ее племянник Эдвард Нетчбулл-Тернер, который начал по частям распродавать архивы Бэнкса на торгах. Собственно, так оригинальная рукопись путевого дневника Бэнкса и оказалась в Австралии. Таким образом, разрозненность архивных материалов, их большой массив и отсутствие в течение длительного времени «навигационных» указаний по этим материалам серьезно затрудняли историко-научные и биографические исследования биографии Бэнкса. Важнейшим событием стала публикация так называемого «календаря» корреспонденции Бэнкса, подготовленного Доусеном Тернером и его помощником в 1958 г. Календарь 1958 г. представлял собой датированную роспись писем Бэнкса по адресатам с приведением необходимых биографических сведений и краткого содержания каждого письма, с указанием архива, в котором хранится оригинал и копии, если он имеются. См. Публикация непосредственно текстов писем заняла не одно десятилетие и продолжается до сих пор. Еще одно направление работы по описанию и публикации источников Бэнкса связано с его натуралистическими коллекциями. В 1960–1970-е гг. в качестве приложения к Бюллетеню Британского музея выходят обзорные статьи, посвященные содержанию коллекций Бэнкса. См. А в 1990-е гг. начинается работа по оцифровке и детальному анализу ботанических иллюстраций из неопубликованного Бэнксом труда *Florilegium*.

довательского интереса и стиль коммуникации, в котором важнейшую роль играл личный энтузиазм.

Итак, опыт Дж. Бэнкса оказывается не просто одним из множества вариантов реализации исследовательского интереса в эпоху Просвещения. В силу феноменальной роли его личности в создании самобытной социальной сети натуралистов, его жизненный путь становится определяющим для многих и многих натуралистов и естествоиспытателей – современников Бэнкса, и особенно тех, кому он оказывал покровительство. На примере Бэнкса мы видим, что энтузиазм и свойственные ему проявления азарта и страсти для натуралистов XIX в. становятся значимыми качествами, определяющими профессиональный успех. Некрологи и воспоминания о Дж. Бэнксе фиксируют ярко выраженную позитивную коннотацию понятия «энтузиазм». Субъективные переживания ученого по отношению к предмету своего изучения определенно имеют большое значение при оценке его наследия. Для авторов воспоминаний о Бэнксе свидетельства присущего исследователю азарта, любви и страсти не менее важны, чем отстраненная объективность и холодный рассудок. Джозеф Бэнкс – пример ученого-энтузиаста, не вписывающийся в типологии, основанные на принципе объективности или «любителей и профессионалов». Энтузиазм являлся источником внутренней мотивации для самого Бэнкса, это было качество, которое он более всего ценил в своих протезе, и которое ценили в нем младшие современники и следующие поколения ботаников.

Лингвист Густав Гийом определял научную деятельность как «колебание от наблюдения к пониманию, превосходящему наблюдение, и от этого понимания – к наблюдению на новом уровне»⁴⁷. Представленные наблюдения за рецепцией такой эпистемической добродетели как энтузиазм в научной культуре Британии XVIII–XIX столетий на примере знаковой для этой культуры личности Дж. Бэнкса, способны продвинуть нас в изучении феномена любителей (*amateurs*) в истории науки, возможно, пересмотреть, критерии и границы в типологиях любителей и профессионалов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: Новое лит. обозрение, 2018. 584 с. [Daston L., Galison P. *Ob"ektivnost'*. M.: Novoe lit. obozrenie, 2018. 584 s.]
- Дастон Л. История науки и история знания / пер. с англ. А. Писарева // *Логос*. 2020. Т. 30. № 1. С.63–90. [Daston L. *Istoriya nauki i istoriya znaniya* / per. s angl. A. Pisareva // *Logos*. 2020. T. 30. № 1. S.63–90].
- Еремеева С. А. “Окно в культуру” и “зеркало социума”: подходы к изучению некрологических текстов // *Диалог со временем*. 2019. Вып. 67. С. 129–145. [Eremeeva S. A. “Okno v kul'turu” i “zerkalo sociuma”: podhody k izucheniyu nekrologicheskikh tekstov // *Dialog so vremenem*. 2019. Vyp. 67. S. 129–145].
- Касавин И. Т. Эпистемология добродетелей: к сорокалетию поворота в аналитической философии // *Эпистемология и философия науки*. 2019. Т. 56, № 3. С. 6–19. [Kasavin I. T. *Epistemologiya dobrodetelej: k sorokaletiyu povorota v analiticheskoy filosofii* // *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2019. T. 56, № 3. S. 6–19].

⁴⁷ Гийом, 1992. Цит. по Шаховский, 2008: 8.

- Космарский А. Всемирная история как приближение к любви и отказ от нее // Логос. 2022. Т. 32. № 5. С. 1–36. [Kosmarskiy A. Vsemirnaya istoriya kak priblizhenie k lyubvi i otkaz ot nee // Logos. 2022. T. 32. № 5. S. 1–36].
- Фуко М. О генеалогии этики: обзор текущей работы // Логос. 2008. Т. 65. № 2. С. 135–158. [Fuko M. O genealogii etiki: obzor tekushchej raboty // Logos. 2008. T. 65. № 2. S. 135–158].
- Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1983 – 1984 учебном году. СПб.: Наука, 2014. 358 с. [Fuko M. Muzhestvo istiny. Upravlenie soboj i drugimi II. Kurs lekcij, pročitannyj v Kollezh de Frans v 1983 – 1984 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2014. 358 s.]
- Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с. [SHahovskij V.I. Lingvisticheskaya teoriya emocij. M.: Gnozis, 2008. 416 s.]
- Шпицына Ю.С. Энтузиазм как эпистемическая добродетель в британской научной культуре второй половины XVIII — первой четверти XIX века (на примере натуралиста Дж. Бэнкса) // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2023. № 2 (79). С. 69–80. [SHipicyna YU.S. Entuziazm kak epistemicheskaya dobrodetel' v britanskoj nauchnoj kul'ture vtoroj poloviny XVIII — pervoj chetverti XIX veka (na primere naturalista Dzh. Benksa) // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina. 2023. № 2 (79). S. 69–80].
- Шпицына Ю.С. Из порока в добродетели: натурализация как стратегия этического оправдания в "Письме об энтузиазме" (1708) Э.Э. Купера, третьего графа Шефтсбери // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки. Материалы XVIII Всероссийской научной конференции. Астрахань, 2023. С. 112–114. [SHipicyna YU.S. Iz poroka v dobrodeteli: naturalizaciya kak strategiya eticheskogo opravdaniya v "Pis'me ob entuziazme" (1708) E.E. Kupera, tret'ego grafa Sheftsberi // Perekrystki istorii. Aktual'nye problemy istoricheskoy nauki. Materialy XVIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Otv. red. i sost. E.G. Timofeeva, A.O. Tyurin, R.T. Aliev. Astrahan', 2023. S. 112–114].
- Allen D. E. *Naturalists and Society: The Culture of Natural History in Britain, 1700–1900*. London: Ashgate published, 2001. 508 p.
- Banks J. "Ueber Solander" // *Berlinische Monatsschrift*. 1785. 6. No. 9. P. 244–245.
- Barclay K. Falling in love with the dead // *Rethinking History. The Journal of Theory and Practice* 2018. Vol. 22. Iss. 4. P.459–473.
- Bellon R. Joseph Dalton Hooker's Ideals for a Professional Man of Science // *Journal of the History of Biology*. 2001. Vol. 34. P. 51–82.
- Boddice R. Introduction // *Scientific and Medical Knowledge Production, 1796–1918: Experiment, Expertise, Experience* / ed. by R. Boddice. London: Routledge, 2022. Vol. 1. 306 p.
- Boddice R. The History of Emotions: Past, Present, Future // *Revista de Estudios Sociales*. 2017. Vol. 62. P. 10–15.
- Cameron H. C. Sir Joseph Banks K. B., P. R. S.: the autocrat of philosophers. Sidney: Batchworth Press, 1952. 341 p.
- Carter H. B. Sir Joseph Banks. London: British Museum (Natural history), printed by Henry Ling, Dorchester, 1988. xi, 671 p.
- Daydon Jackson B. Banks, Joseph / *Dictionary of National Biography*. Vol. 3. 1885–1900. P. 129–133.
- Fernández E.C. The Language of Death: Euphemism and Conceptual Metaphorization in Victorian Obituaries // *SKY Journal of Linguistics*. 2006. №19. P. 101–130.
- Heyd M. *Be Sober and Reasonable. The Critic of Enthusiasm in the Seventieth and Early Eighteenth Centuries*. Leiden; New York ; Köln, 1995. 312 p.
- Huxley L. Life and Letters of Joseph Dalton Hooker. London, 1918. In 2 vol. Vol. I. P. 166.
- Epistemic Virtues in the Sciences and the Humanities / ed. by J. van Dorgem, H. Paul. Boston: Springer Charm, 2017. Vi, 198 p.
- Kidd I. J. Confidence, Humility, and Hubris in Victorian Scientific Naturalism // *Epistemic Virtues in the Sciences and Humanities* / ed. by Jeroen van Dongen, Hernan Paul. Boston: Springer, 2017. Pp. 11–25.
- Maiden J.H. Sir Joseph Banks: the "Father of Australia". Sydney: William Applegate Gullick, Government Printer, London: Kegan Paul, Trench, Tributer and Co, 1909. 244 p.
- Daydon Jackson B. Sir Joseph Banks as a traveler // *Papers, read at the Banks celebration on Thursday, 17th of June, 1920*. London: Printed for the Linnean Society, Burlington House, Piccadilly, W.1. 1920. P. 3–8.

- Rendle A.B. Banks as a patron of science // Papers, read at the Banks celebration on Thursday, 17th of June, 1920. London: Printed for the Linnean Society, Burlington House, Piccadilly, W.1. 1920. P. 9–15.
- Britten J. Banks as botanist // Papers, read at the Banks celebration on Thursday, 17th of June, 1920. L.: Printed for the Linnean Society, Burlington House, Piccadilly, W.1. 1920. P.9–15.
- Paul H. Virtue Language in Nineteenth-Century Orientalism: A Case Study in Historical Epistemology // *Modern Intellectual History*. 2017. № 14. P. 689–715.
- Shapin S. The scientific life: a moral history of a late modern vocation. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2008. 468 p.
- Sir Joseph Banks // *The Annual Biography and Obituary for the Year*. 1821. Vol. 5. P. 97–120.
- Sir Joseph Banks, G.C.B. // *The Gentleman Magazine*. 1820. Vol. 90. № 128. P. 86–88.
- Smith E. The Life of Sir Joseph Banks, President of the Royal Society, with some notices of his friends and contemporaries. London: John Lane, the Bodley Head, New York: John Lane Company, 1911. 395 p.
- Some Account of Dr. Solander and Mr. Banks. With engraved head of the latter // *The London Magazine*, 1772. Vol. 41. July. P. 341–342.
- The Endeavour journal of Joseph Banks, 1761-71 / ed. by Joseph Dalton Hooker. London: Macmillan and Co, 1896. xiii, 466 p.

Шипицына Юлия Сергеевна, ассистент, кафедра зарубежного регионоведения, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург; *shipitsyna.phd@gmail.com*

“Science was his passion”: emotive code of memories about English botanist Joseph Banks (1743–1820)⁴⁸

English botanist Joseph Banks, according to contemporaries' and successions' memoirs, had been distinguished by his temperament among other scientists. Original patterns led him gain recognition and pinnacle of academic career in Britain – the position of president of the Royal Society of London. The article submits the results of research of obituaries and memories, published in the 100-years death anniversary of J. Banks. The analysis of texts' emotive categories, describing Banks's character, shows that the special attention was paid to enthusiasm of scientist. Passion, inspiration, ardor, love and other subjective feelings, typical for Banks, met with approval and Banks became a role model in the end of 18th – beginning of 20th c. The case of Banks suggests such manifestation of subjectivity, blamed in the 17th -18th cc., in more late time emerge as one of the most important part of scientist' image. Outstanding personality of Banks, as the author's opinion, influenced on making an image of scientist in the English science.

Key words: history of science, history of emotions, epistemic virtues, enthusiasm, Joseph Banks.

Yulia S. Shipitsyna, assistant, Department for Foreign Regions Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; *shipitsyna.phd@gmail.com*

⁴⁸ The research funding from the Ural Institute of Humanities UrFU ("My first grant" Program) is gratefully acknowledged.

М.М. КЕРИМОВА, О.Б. НАУМОВА

РАССЕКРЕЧЕННЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О СЕМЬЕ ХАРУЗИНЫХ

Харузины – три брата (Михаил, Николай, Алексей) и сестра Вера Николаевна – известные ученые-этнографы, стоявшие у истоков становления и развития этнографической науки в России. Их жизнь и научная деятельность подробно изучена одним из авторов статьи. Однако перипетии послереволюционной жизни семьи крупного политического и научного деятеля Алексея Николаевича Харузина (1864–1932) до сих пор были известны лишь в самых общих чертах. На основе данных Центрального архива ФСБ РФ, а также воспоминаний невестки А.Н. Харузина И.Е. Огневой, авторы восстанавливают самый трагический период жизни А.Н. Харузина, его жены Н.В. Харузиной, их сына Всеволода (конец 1920-х – 1930-е гг.).

Ключевые слова: Харузины, советская Россия, «бывшие люди», репрессии.

Послереволюционное советское общество представляло собой сложную и противоречивую социальную структуру. Одна из групп, его составляющих, – представители бывших имущих и привилегированных слоев, не покинувшие Россию и объединенные новой властью в категорию «бывшие», – лишь недавно стала предметом исследования историков¹, особенно молодое поколение «бывших» – те, кто вырос в период становления советского строя, но по рождению принадлежал и социально был связан с группами «враждебных классов», а потому был «чуждым элементом», «тех, кто родился и начал формироваться как личность в условиях дореволюционной России, а, следовательно, вместе со взрослыми членами семьи пережил процесс кардинальной ломки привычного жизненного уклада и смены социального статуса»².

Представленные в статье материалы дополняют источниковую базу для освоения темы «бывших». Изучение судеб семьи Харузиных в советское время позволит конкретизировать вопросы об отношении «бывших» к новой действительности, отношении к ним советских властей, понять мировоззрение, психологию, паттерны поведения «бывших», которым не удалось приспособиться к новым реалиям.

В основе статьи – материалы, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ РФ (ЦАФСБ) – дела арестованных А.Н. Харузина (Р-14960 и Р-35611), его сына В.А. Харузина (Р-35612 и Р-40238) и дело о высылке Н.В. Харузиной (Р-31163). Дела арестованных содержат материалы обысков, протоколы допросов обвиняемых, обвинительные заключения, меморандумы, документы на высылку, медицинские заключения и проч. Все они помогают восстановить фактологию последних лет жизни Харузиных. Протоколы допросов арестованных и протокол последней речи В.А. Харузина на суде дают материал для понимания их отношения к советской власти, самоидентификации в новых реалиях и внутреннего

¹ Смирнова 2003; 2010; Баринаева 2016: 52; см. библиографию: Баранова 2014.

² Смирнова 2010: 18, 44.

мироощущения. Понятно, что при анализе документов архива надо учитывать, в каких условиях давались показания, имеет значение и образование секретаря, ведшего запись, и давление следователя, настаивавшего на тех или иных формулировках. По анкетам, предваряющим протоколы допросов, можно уточнить места службы А.Н. и В.А. Харузиных как предшествовавшие арестам, так и более ранние, что помогает понять их стратегии интеграции в советское общество, прояснить ранее неизвестные факты в биографиях героев этой статьи.

Другим важным источником послужили материалы из личного архива Елены Петровны Крюковой, племянницы Инны Евграфовны Огневой (в первом браке Харузиной), жены Олега Харузина, среднего сына А.Н. и Н.В. Харузиных. И.Е. Огнева оставила воспоминания о членах семьи Харузиных, сохранила материалы, относящиеся к периоду губернаторства А.Н. Харузина, ходатайства, заявления и письма Н.В. Харузиной с просьбами о помиловании сына Всеволода, прошения об отмене ее собственной высылки из Москвы, а также личные документы Харузиных. В целом официальные материалы и документы личного характера в сопоставлении и взаимодополнении позволяют восстановить картину последнего периода жизни семьи Харузиных.

Плодотворная и многогранная научная деятельность А.Н. Харузина³ была прервана смертью в Бутырской тюрьме в 1932 г. Кратко остановимся на основных событиях его биографии. В 1889 г. А.Н. Харузин окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, в 1892 г. получил степень кандидата зоологии Дерптского университета. Широко образованный естествоиспытатель, антрополог, этнограф, статистик, Харузин исследовал разные регионы страны и осуществил несколько заграничных поездок, изучая фауну Босфора, Мраморного и Эгейского морей, этнографию казахов, Балканских народов и т.п. Его труды получили премии и удостоены Золотой медали Императорской Академии наук, ИОЛЕАЭ, ИРГО. Собранные им коллекции до сих пор хранятся в Музее антропологии МГУ и Политехническом музее. В последние 12 лет жизни А.Н. Харузин сочетал научную, организаторскую и редакторскую деятельность в области прикладной ботаники, опубликовав около 20 трудов по огородному и цветочному семеноводству, удобрениям для растений и цветоводству.

Параллельно с научной активно развивалась и его государственная деятельность. В 1891 г. А.Н. Харузин поступает на службу чиновником особых поручений при Эстляндском губернаторе (Ревель). Сменив множество важных должностей в Эстляндской и Виленской губерниях, он был переведен (1894) в Санкт-Петербург, в Государственную канцелярию. Дальнейшее восхождение по служебной лестнице было стремительным. В 1900 г. – старший делопроизводитель в канцелярии Государственного совета, в 1902 г. – вице-директор Переселенческого управле-

³ Подробнее жизни и научной деятельности братьев и сестры Харузиных см. Керимова 2011; об А.Н. Харузине – Керимова, Наумова 2002.

ния, а затем управляющий канцелярией Виленского генерал-губернатора⁴, 1906 г. – губернатор Бессарабии, где он строжайшими мерами не допустил еврейского погрома, о чем существует множество документов, которые были представлены женой Харузина, Натальей Васильевной в ОГПУ и прокуратуру Г.М. Леплевскому⁵. Алексея Николаевича, которому был всегда присущ широкий дух терпимости в вопросах национальностей и вероисповеданий, настойчиво пытались втянуть в религиозные распри⁶. Черносотенцы обвиняли Харузина «в покровительстве инородцам и подрыве основ православной веры»⁷, а от начальника главного управления г. Бендеры ему была объявлена благодарность за умиротворение национальной вражды среди разноплеменного местного населения, обеспечение семейств нижних чинов и предотвращение аграрных движений (ноябрь 1908 г.)⁸ Депутация кишиневцев на прощании с Харузиным в 1908 г., когда он покидал пост губернатора, от имени всего еврейского населения губернии выразила признательность за «благожелательное, корректное и справедливое отношение», проявленное губернатором во время его короткого пребывания в этой должности⁹.

С 1908 г. по 1910 г. Харузин служил управляющим Департаментом духовных дел иностранных исповеданий, в 1911–1913 гг., исполняя должность товарища министра внутренних дел А.А. Макарова, получил придворное звание гофмейстера. В 1913–1914 гг. – сенатор. Ввиду несогласия с царской политикой того времени, и, в частности, с министром А.А. Макаровым, Харузин подал в отставку и покинул государственную службу. Во время Первой мировой войны вместе с сыном Мстиславом он ушел в армию (в составе отряда Красного Креста). После неудачных боев под Варшавой (1914) и сдачи города Харузин был отозван с фронта.

Как свидетельствуют материалы архива ФСБ, перед февральской революцией 1917 года Харузин окончательно оставил государственную деятельность, переехал в Новгородскую губ., где арендовал участок земли и занимался опытами по огородным растениям¹⁰. В 1919–1924 гг. он заведовал огородным отделом на Шатиловской областной сельскохозяйственной станции. Осенью 1924 г. из-за болезни жены ему пришлось вернуться в Москву, где он занялся садово-огородным научным делом, жил на средства от издания книг и журнальных статей¹¹, а также состоял членом Комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ) по 3-й категории¹². В 1925 г. вышли его труды по агрономии: «Руководство по огородничеству», «Земля и вода в огородничестве»; всего в издательстве «Сельхозгиз» было опубликовано около 20 работ. Наркомзем рекомендовал

⁴ ЦАФСБ. Р-14960. Л. 8.

⁵ Личный архив Е.П. Крюковой.

⁶ ОПИ ГИМ. Фонд (Ф.) 81. Дело (Д) 70. Лист (Л.) 84об.

⁷ РГИА. Ф. 821. Опись (Оп.) 12. Д. 558. Л. 62.

⁸ Там же. Л. 30, 62.

⁹ Бессарабская жизнь.

¹⁰ ЦАФСБ. Р-14960. Л. 8.

¹¹ Личный архив Е.П. Крюковой.

¹² ЦАФСБ. Р-14960. Л.8.

труды ученого как пособия по организации «огородно-садовых коллективных хозяйств»¹³. В 1929 г. Харузин преподавал на садово-огородном отделении при Сельскохозяйственном политехникуме. Казалось бы, он занял достойное место в новой послереволюционной действительности.

Первый раз А.Н. Харузин был арестован в июне 1927 г., когда по всей Москве в одну ночь арестовали всех «бывших», в прошлом связанных с царской администрацией, бывших крупных купцов, офицеров царской армии, фабрикантов, а из интеллигенции – известных еще в прошлом адвокатов, врачей, инженеров. Был пущен слух, что открыт крупный контрреволюционный заговор и, якобы, готовились бросить бомбы в ОГПУ¹⁴. 11 июня 1927 года Алексея Николаевича (ему на тот момент было 63 года) доставили в Бутырскую тюрьму¹⁵. На основании того, что он при царском строе занимал ряд ответственных постов, начиная от Бессарабского губернатора до сенатора, было вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого по ст. 58/11 УК и избрании меры пресечения в виде содержания под стражей¹⁶. В показаниях от 30 июня 1927 г. Харузин говорит: «к советской власти отношусь абсолютно лояльно и даже более того – благожелательно, так как вижу в ней олицетворение твердой власти, существующей уже 10 лет, и политики проводимых ею идей на благо населения. Мечтания эмиграции о реставрации считаю утопией»¹⁷. Согласно постановлению ОГПУ от 10.VII.27 Харузина освободили, не предъявив обвинения. Следствию не удалось «установить активной борьбы обвиняемого с революционным движением, проявленной при царском строе и антисоветской деятельности в данное время»¹⁸. Детали первого ареста приводит в записках И.Е. Огнева. «Потом Алексей Николаевич рассказывал, что с ним в камере сидел и он подружился с неким Катцем¹⁹ – старым московским адвокатом. Позже, уже сейчас не помню по какому делу, я искала хорошего адвоката и пришла к этому Катцу, и мне уже он рассказывал про Алексея Николаевича, как его выбрали старостой в камере, а на следующую ночь камеру набили так, что поворачивались ночью по команде. С ними были и уголовники. Но уголовники относились к политическим очень почтительно (другие уголовники-то были другого толка!)»²⁰.

Второй раз А.Н. Харузина арестовали 5 марта 1932 года по обвинению в совершении преступных действий, предусмотренных ст. 58/10 УК, поскольку «имеющиеся в деле материалы в том его изобличают»²¹. По его делу были допрошены три свидетеля, которые утверждали, что

¹³ Личный архив Е.П. Крюковой.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ЦАФСБ. Р-14960. Л. 2

¹⁶ Там же. Л. 5–6.

¹⁷ Там же. Л. 10.

¹⁸ Там же. Л. 10.

¹⁹ Катц Леонид Захарович (1887–1977 гг.) – адвокат-криминалист. С 1946 пред. секции уголовного права и процесса при Президиуме Московской гор. коллегии адвокатов.

²⁰ Личный архив Е.П. Крюковой.

²¹ Там же. Л. 5.

«по своей психологии Харузин остался тем, кем и был при царизме, т.е. убежденным монархистом». Один из них Ю.П. Шидловский²², уже подвергавшийся в 1921 г. аресту и, вероятно, напуганный повторением этой ситуации, пытался очернить А.Н. Харузина (он также дал показания против В.А. Харузина). Он писал: «их дом посещают исключительно бывшие люди с такими же монархическими убеждениями. Собираясь довольно часто, беседуют, критикуя соввласть. И говорят о скорой кончине “проклятых большевиков”. Харузин на таких вечерах всегда вспоминает свою прошлую жизнь, приемы, балы и доклады его у Николая II. Он очень религиозен и не может простить большевикам, как он говорит, гонение на религию. Возмущен, что “сволочи” коммунисты разрушили храм Христа Спасителя. <...> Были разговоры о предстоящей войне, где высказывались явные надежды на войну как на средство изменения строя. У Харузина замечается явный подъем и большая активность к борьбе за падение соввласти»²³. Два других свидетеля М.М. Глухов и В.И. Цветнов-Лужаев, служившие с Харузиным в Сельхозгизе, в показаниях отмечали, что последний «в области агротехники по огородничеству не отвечал требованиям по социалистическому переустройству с/х, <...> не связывал свою работу с поставленными задачами партии и сов. власти в области реконструкции с/х, чем можно определить его антисоветское лицо человека, идущего в разрез политики сов. власти. Харузин нами, “Сельколхозгизом”, поставлен в разрез нежелательных авторов <...>; в своих работах он совершенно не посвящает внимание вопросам организации труда, организации социалистического производства. Все его произведения слишком консервативны и исключительно направлены на развитие деревни по капиталистическому пути»²⁴. В ответ на обвинения Харузин утверждал, что считает себя человеком совершенно аполитичным, и все, что делается в Советском Союзе ему совершенно безразлично. «В работе стараюсь проводить все указания, которые мне дают, точно и ясно линию партии я себе не представляю. Знакомых у меня не бывает, а если бывают, то разговоры только на научные темы»²⁵. В Заключении по следственному делу А.Н. Харузина говорится, что «в 1927 г. он был завербован в целях освещения круга бывш. людей, разрабатывавшихся в СПО ОГПУ, но несмотря на наличие в этой среде огромных связей и возможностей, от работы уклонялся»²⁶. В Меморандуме по следственному делу отмечено, что «от использования его как с/с следует отказаться. В особых ограничениях и проработке необходимости нет»²⁷. По результатам следствия А.Н. Харузин был приговорен к высылке в Западную Сибирь сроком на 3 года²⁸.

²² Род. в 1890/1891 г., в годы I мировой войны офицер российской армии, после революции служил в Наркомате иностранных дел. Арестован 24 марта 1921 г. (Шидловский б.г.).

²³ ЦАФСБ. Р-35611. Л. 6.

²⁴ Там же. Л. 10–11.

²⁵ Там же. Л. 13.

²⁶ Там же. Л. 17.

²⁷ ЦАФСБ. Р-35611. Л. 19.

²⁸ Там же. Л. 17, 18

В архиве хранится несколько прошений от Н.В. Харузиной о медицинском освидетельствовании Алексея Николаевича в связи с недавно перенесенным воспалением легких, атеросклерозом и перерождением сердечной мышцы, о чем имеется заключение его лечащего врача²⁹; а также ее просьба о пересмотре дела и отмене его высылки в Западную Сибирь, в связи с чем она предлагает обратиться к архитектору А.В. Щусеву, «который может поручиться в лояльном отношении моего мужа к Советской власти». К этому письму приложена Curriculum vitae Алексея Николаевича³⁰. «Достаточно развернуть страницу 91, 73 тома словаря Брокгауза и Ефрона и под фамилией А.Н. Харузин найти сведения о его научных трудах», – писала Наталья Васильевна о заслугах мужа в Заявлении Председателю Спецколлегии Верховного суда СССР³¹.

23 апреля 1932 г., видимо из-за непрерывных ходатайств Н.В. Харузиной, последовала телефонограмма, обращенная к Заместителю председателя ОГПУ тов. Г.Г. Ягоде за подписью Прокурора при ОГПУ Катаняна³² с просьбой о приостановке высылки А.Н. Харузина до пересмотра его дела. По воспоминаниям И.Е. Огневой, на приостановку высылки повлиял зам. прокурора Леплевский³³, к которому она обратилась через посредников. К несчастью, это распоряжение опоздало: 9 мая 1932 года Алексей Николаевич скончался. В служебной записке говорится: «умершего Харузина А.Н. нужно хоронить обычным порядком. После произведенных похорон сообщить жене его по адресу (Борисоглебский пер. д. 3 кв. 1) о том, что он скончался и похоронен»³⁴. Уведомление о смерти мужа Н.В. Харузина получила спустя два (!) месяца³⁵. На просьбу Харузиной дать более подробные сведения, ей были посланы заключение врача и акт вскрытия, где сообщалось, что заключенный умер 8 мая 1932 г. в 19 час. 45 мин. в палате 82/18 в больнице Бутырского изолятора от миокардита, выпотного плеврита и цинги при явлениях нарастающей сердечной недостаточности³⁶. Из краткого Акта вскрытия, подписанного начальником санчасти Бутырского изолятора ОГПУ Храновским³⁷ и врачом-прозектором Владимирским, следует, что у Харузина было перерождение мышцы сердца, атеросклероз аорты, старый туберкулез легких, двустороннее катаральное воспаление легких, гнойное воспаление

²⁹ Там же. Л. 15.

³⁰ Там же. Л. 21.

³¹ Личный архив Е.П. Крюковой.

³² ЦАФСБ. Р-35611. Л.46. Рубен Павлович Катанян (1880–1966 гг.) – советский государственный деятель, профессор МГУ. С 1923 г. – помощник прокурора РСФСР, затем старший помощник прокурора Верховного Суда СССР, государственный обвинитель на политических процессах. В 1938 г. репрессирован.

³³ Леплевский Григорий Моисеевич (1889–1938 гг.) – заместитель прокурора СССР, член коллегии НКВД.

³⁴ ЦАФСБ. Р-35611. Л. 23.

³⁵ Из записок И.Е. Огневой мы узнаем, что 2 июля 1932 г. на Лубянке, причем только устно, ей сообщили о смерти мужа, а официальную справку выдали лишь 13 июля 1933 г. Личный архив Е.П. Крюковой.

³⁶ ЦАФСБ. Р-35611. Там же. Л. 39.

³⁷ Храновский-Гринберг Григорий Моисеевич (1883–1839 гг.) – начальник санчасти Бутырской тюрьмы НКВД.

мягких тканей грудной клетки (абсцесс), а также признаки цинги. В заключении сказано, что от означенных изменений и последовала смерть. Но из более развернутого текста Акта вскрытия следует, что Харузин подвергался побоям: «на коже ног рассеяны довольно крупные кровоизлияния (экхимозы). На груди справа в области мягкой ткани нижних ребер на протяжении 6 см поперечная рана с пропитанными гноем краями <...> В мышцах грудной клетки заметны единичные кровоизлияния»³⁸. Если верить этому акту, то Алексей Николаевич умер от болезни разной этиологии, осложненной нахождением в тюрьме, а также от нанесения побоев, что опровергает предположение Натальи Васильевны о его расстреле³⁹. Реабилитация А.Н. Харузина состоялась в 1989 г.⁴⁰

Сын А.Н. Харузина Всеволод интересен не только как член семьи, но и как самостоятельная неординарная личность, в которой отразились настроения, образ мыслей и судьбы определенного круга людей, не разделявших идеологические ценности тогдашнего советского общества. Он родился в Прибалтике 14 февраля 1907 г., но в паспорте значился 1909 г.⁴¹ И.Е. Огнева вспоминала, что у Всеволода были «прекрасные способности и великолепная память». В школе он не учился, родители опасались советского влияния – «пионерии, комсомола и антирелигиозного давления». Мать занималась с ним русским и иностранными языками, отец историей, физикой и математикой. В I МГУ он был зачислен сразу на второй курс отделения изобразительных искусств этнологического факультета, предварительно отлично сдав экзамены по предметам первого курса⁴². В 1929 г. закончил обучение в университете и Литературные курсы⁴³. Преподаватели считали его высокообразованным, хорошо эрудированным, и «даже талантливым»⁴⁴. Возможно, это не преувеличение – так, в доносе на арестованного в 1936 г. поэта Даниила Жуковского, сына известного издателя и переводчика Дмитрия Жуковского и поэтессы Аделаиды Герцык, приводятся слова Даниила о Всеволоде: «он был опасен для Соввласти своей гениальностью, и его контрреволюционность есть не что иное, как подлинная культура»⁴⁵. К 1932 г., времени первого ареста, он работал экскурсоводом Московского отделения народного образования и при Музее изящных искусств⁴⁶. И.Е. Огнева вспоминала: «В<се-волод>, чтобы не быть связанным ежедневной постоянной службой где-либо в советском учреждении, и чтобы располагать собой и своим временем, стал экскурсоводом в музеях и специалистом

³⁸ ЦАФСБ. Р-35611. Там же. Л. 48.

³⁹ Там же. Л. 51.

⁴⁰ Там же. Л. 52.

⁴¹ По сведениям И.Е. Огневой, родители Всеволода, переехав в 1924 г. в Москву, не стали исправлять эту ошибку паспортистики, чтобы Всеволода не записали «лишенцем», как их самих. Личный архив Е.П. Крюковой.

⁴² Личный архив Е.П. Крюковой.

⁴³ ЦАФСБ. Д. Р-40238. Л. 5, 9 об.

⁴⁴ Личный архив Е.П. Крюковой.

⁴⁵ Шенталинский 1998: С. 178.

⁴⁶ ЦАФСБ. Д. Р35612. Л. 3, 7.

по организации художественных выставок»⁴⁷. Такая мотивация указывает на стратегию интеграции в советское общество, избранную Всеволодом: быть при советском культурно-образовательном учреждении, но не быть связанным с ним слишком тесно.

Всеволод был личностью сложной. Дисгармония между культивируемыми в семье ценностями и реалиями советской жизни провоцировала мировоззренческие поиски, заставляла искать объяснения идеологических противоречий. По воспоминаниям Огневой, «В<севолод> был человек не без странностей. Во времена студенчества он, вдруг, всерьез занялся разными философскими учениями, спиритизмом, астрологией и, даже, хиромантией. Доставал книги, много читал, изучал. Потом вдруг бросил всё это и занялся только литературной работой, в дальнейшем непременно желая стать писателем»⁴⁸. О попытках оправдать советскую действительность (не ясно, насколько искренних) свидетельствуют материалы его первого допроса: «Сознательная жизнь у меня началась с 19 лет. До 19 лет я получил воспитание, которое меня естественно настраивало против соввласти. Был я воспитан в строго монархическом национальном духе. Начиная с 19 лет я очень много думал над всем тем, что творится кругом меня. Сохраняя религиозные убеждения, я все же нахожу, что соввласть дает людям чрезвычайно много в смысле поднятия культ. роста, в этом я убедился при экскурсиях. Считаю себя в настоящий момент, исключая религии, советским человеком»⁴⁹. Как и многие люди круга Харузиных, Всеволод еще не утратил внутренней свободы, не ощущал необходимости самоцензуры. И.Е. Огнева с горечью говорила в своих поздних воспоминаниях: «если бы Всеволод не устраивал эти свои дурацкие чтения, то как-нибудь они, глядишь, и прожили бы. Занимался бы своим искусством, и все, так нет! Хотя, конечно, они были очень неосторожны! Не могли они проскочить это сито...»⁵⁰. Всеволод был молод, ему не чужды были обычные развлечения. «Иногда бываю на вечера<x> молодежи, где танцуют фокстроты, – говорил он на допросе, – сам я любитель танцевать. И еще занимаюсь много чтением»⁵¹.

Всеволод Харузин был арестован 21 февраля 1932 г. на основании показаний бывавшего в доме А.Н. Харузина Ю.П. Шидловского⁵², который, давая показания, говорил о В.А. Харузине как о монархисте с анти-советскими и религиозными взглядами: «Харузина Всеволода Алексеевича знаю как убежденного монархиста. <...> Несмотря на свой молодой возраст Харузин очень религиозен, часто посещает церковь и глубоко убежден, что коммунизм есть хула на духа, т.е. тяжчайший грех и что

⁴⁷ Личный архив Е.П. Крюковой.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ЦАФСБ. Д. Р-35612. Л. 8.

⁵⁰ Огнева б.г. (а). Л. 8.

⁵¹ ЦАФСБ. Д. Р-35612. Л. 8.

⁵² По материалам сайта «Офицеры РИА», он был арестован в марте 1921 г., а затем, как полагают авторы сайта, был отправлен в концлагерь не ясно, на какой срок. Шидловский б.г. По материалам следствия видно, что на момент ареста Харузина Шидловский был жив и какое-то время находился на свободе. ЦАФСБ. Д. Р35612. Л. 9 об.

христианин не может и не должен сочувствовать советскому строю. <...> На одном из сборищ Всеволод Харузин мне рассказывал о том, что ведя экскурсии по антирелигиозным музеям, использует свой ораторский талант, чтобы аудитория шла от противного, прикрываясь лозунгами антирелигиозной пропаганды, ставя своей основной задачей заставить своих слушателей признать необходимость существования всего духовного мистического. За последнее время Харузин особенно активно себя проявляет, возлагая большие надежды на войну и на скорый конец соввласти»⁵³. На основании этих показаний и двух допросов, на которых Харузин отрицал наличие антисоветских настроений, ему меньше, чем через месяц, 10 марта 1932 г., было вынесено обвинительное заключение (ст. 58-10), почти дословно повторявшее показания Шидловского⁵⁴. 3 апреля Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило В.А. Харузину к заключению в концлагерь сроком на три года. В сопроводительном меморандуме указывалось, что в концлагере за ним «необходимо установить наблюдение и по возможности его проработывать»⁵⁵. Начальнику Бутырского изолятора было предписано «ХАРУЗИНА Всеволода Алексеевича – отправить с первым отходящим этапом в г. Красновишерск, для заключения в ВИШЛАГ ОГПУ»⁵⁶.

В.А. Харузин попал в Вишлаг⁵⁷, когда последний был уже накануне закрытия. После постройки силами заключенных Красновишерского целлюлозно-бумажного комбината необходимость в большом количестве рабочей силы отпала. Оставшихся заключенных отправляли в другие исправительно-трудовые лагеря⁵⁸. В.А. Харузин был перенаправлен в Белбалтлаг, где с 5 мая 1932 г. работал в учетно-распределительном отделе лагеря, о чем рассказал на допросе во время второго ареста⁵⁹. Из Белбалтлага он за ударный труд был освобожден досрочно в порядке частной амнистии в апреле 1933 г.⁶⁰ На воле Всеволод поделился с Огневой обстоятельствами «досрочного освобождения»: «Он рассказывал, что к ним приехал Берман, о котором и Шаламов поминает⁶¹, и Орлов (тот, что бежал за границу⁶²), и Всеволод, смеясь, говорил, “как все же заразительны стадные чувства! Приехал Берман и объявил, что за ударную работу, если мы поднажмем и раньше кончим, то будем освобождены. И полетели шапки кверху, и даже я кричал...” Я сказала, как же

⁵³ ЦАФСБ. Д. Р-35612. Л. 5об. – 6

⁵⁴ Там же. Л. 11.

⁵⁵ Там же. Л. 12, 13.

⁵⁶ Там же. Л. 17. Красновишерск – в 1932 г. город на севере Пермского края, где находилось Управление Вишерских лагерей (1925–1934). – История Вишерлага. б.г.

⁵⁷ В Вишерлаге с 1929 по 1931 г. отбывал наказание В.Т. Шаламов, описавший свое пребывание в лагере в романе «Вишера. Антироман» (Шаламов 2021).

⁵⁸ История Вишерлага, б.г.

⁵⁹ ЦАФСБ. Д. Р-40238. Л. 49–50.

⁶⁰ ЦАФСБ. Д. Р-35612. Л. 14–16.

⁶¹ Берман Матвей Давыдович (1898–1939 гг.) – в 1932–1937 гг. начальник ГУЛАГа. Его не раз упоминает В.Т. Шаламов в «Вишере» (Шаламов 2021).

⁶² Вероятно, речь об Александре Михайловиче Орлове (1895–1973 гг.) – советском разведчике, майоре Г.Б. С 1938 г. – невозвращенец, жил в США, преподавал в университетах.

ты-то мог кричать какому-то Берману и шапку бросать? А он и говорит: “Вот тут-то я и увидел, что такое стадное чувство, ощущение толпы. Ты себе не представляешь, что было, просто какое-то половодье радости, безумие какое-то...” После этого они еще немного поработали...»⁶³. По этому делу В.А. Харузин был реабилитирован в 1989 г.⁶⁴

Вернувшись из лагеря, В.А. Харузин работал в московской редакции французской газеты «Le Journal de Moscou», в журнале «За коммунистическое просвещение» и научным сотрудником выставочного отдела «Всекохудожник»⁶⁵ (Всероссийский кооперативный союз работников изобразительных искусств) – как и прежде в советских учреждениях, но там, где можно было не погружаться в жизнь рабочих коллективов и располагать своим временем. Кроме того, он стал писать рассказы и небольшие повести и «даже большой многоплановый роман из современной жизни и лагерного быта» – в лагере Всеволод изучал и записывал блатной язык «для своих будущих описаний лагерной жизни»⁶⁶. Во время обыска было изъято «разных рукописей, принадлежащих Харузину Всеволоду – 9 канцетрадей»⁶⁷.

Больше всего нам известно о его лагерном романе, который он характеризовал на допросе от 22 сентября 1935 г.: «Я хотел написать и переправить за границу книгу о Беломорстрое. Книга эта должна была быть направлена против Соввласти вообще, в частности против Наркомвнудела. В 1932–1933 г. я отбывал наказание в Вишерском и Белбалт. лагерях. Работая в УРО Белбалтлага, я знал цифровые данные о количестве заключенных в лагерях, о смертности, о социальном составе, о характере преступлений заключенных, и лично наблюдал лагерную жизнь. Используя все эти данные, я намеревался в своей книге опровергнуть официальную советскую версию о перековке людей в лагерях и доказать, что советские концлагеря есть восстановление рабовладельческой системы»⁶⁸. Этот роман, в котором он отразил эпоху и собственные настроения, как говорил Всеволод на суде, он переделывал 10 раз. По его словам, он собирался послать его Бухарину и «мечтал, что этот роман может быть напечатан здесь», в противном случае – «пытался бы выехать за границу для напечатания этого романа»⁶⁹. На суде он упомянул еще о двух написанных им романах: «Новые язычники» и «Торжество социализма», последний назван им «фантастической вещью»⁷⁰.

Второй раз В.А. Харузина арестовали 2 июля 1935 г. Как и первый раз, он содержался в Бутырском изоляторе. Следственное дело на этот раз было более масштабным: 7 протоколов допросов самого Харузина и несколько – других лиц. Два раза следствие просило о продлении срока

⁶³ Личный архив Е.П. Крюковой.

⁶⁴ ЦАФСБ. Д. Р-35612. Л. 19–20.

⁶⁵ ЦАФСБ. Д. Р-40238. Л. 105.

⁶⁶ Личный архив Е.П. Крюковой. «Заметка о блатном языке лагеря и о Карелии».

⁶⁷ ЦАФСБ. Д. Р-40238. Л. 4.

⁶⁸ Там же. Л. 49–50.

⁶⁹ Там же. Л. 108–108 об.

⁷⁰ Там же. Л. 109 об.

задержания подследственного. 3 декабря дело было направлено в суд, т.е. следствие длилось 5 месяцев. Еще через месяц состоялся суд.

В деле отсутствуют сведения о чьих-либо показаниях, на основе которых Харузина арестовали. И.Е. Огнева вспоминала, что, вернувшись из лагеря, Всеволод устраивал читки своих произведений среди «сочувствовавших» знакомых; его поддерживала мать: Наталья Васильевна «в материнском ослеплении и гордости за сына (ей очень нравилось все, что он писал) тоже забыла всякую осторожность. Она наивно считала, что “слушают ведь только свои”, хорошо знакомые и порядочные люди»⁷¹. «Порядочными», однако, были не все; кто-то из слушателей донес на Всеволода. Очень вероятно, что это был В.В. Белюстин⁷², известный московский мистик и в то же время секретный сотрудник ОГПУ-НКВД⁷³. С ним В.А. Харузин познакомился в доме искусствоведа и специалиста по истории книги А.А. Сидорова в 1934 г.⁷⁴, которому читал свой лагерный роман. На суде Харузин сказал, что на первых допросах узнал в словах следователя дословно сказанное им Белюстину; после этого он довольно откровенно рассказывал о своих разговорах с Белюстиным, понимая, что у следователей уже есть эти сведения. Видимо, ему предъявили обвинения Белюстина, так как на суде он заявил «Взорвать Кремль бочкой динамита я не пытался, но такие показания Белюстина я ничем объяснить не могу»⁷⁵. Следствие поначалу предъявляло Харузину обвинения в контрреволюционных разговорах и террористических намерениях, пропаганде фашизма, желании нелегально бежать за границу. Для подтверждения этих обвинений на допрос был вызван Н.В. Стефанович⁷⁶, который рассказал, что Харузин приобщал его к «мистически-окультурным наукам» и «высказывал свое восхищение фашизмом и Гитлером».

По-видимому, следователи, которые вели это дело, стремились сделать его более масштабным, связать с разоблачением некоей антисоветской террористической организации. Получив донос на Г.И. Шашкова, работавшего, как и В.А. Харузин, во «Всекохудожнике», они поняли, что можно объединить их дела. Так в деле Харузина появились новые фигуранты: Г.И. Шашков и П.Н. Крохин – технические рабочие «Всекохудожника». Всеволод знал их только по работе и даже неправильно назвал имя Шашкова. Сами Шашков и Крохин на допросах также говорили, что очень редко общались с Харузиным. В дальнейшем следствие стало разрабатывать две линии: создание Харузиным нелегальной тер-

⁷¹ Личный архив Е.П. Крюковой.

⁷² Эзотерическое масонство 2005: 302. Белюстин В.В. (1899–1943?) – глава розенкрейцеров-орионийцев, секретный сотрудник ГБ при наркоммах Ягоде и Еришове. Арестован в 1940 г. Сумел развалить сфабрикованное против него агентурное дело «Мракобесы» (подробнее см. Эзотерическое масонство 2005: 292–297).

⁷³ Там же: 295.

⁷⁴ Там же: 302.

⁷⁵ ЦАФСБ. Д. Р-40238. Л. 108 об.

⁷⁶ Там же. Л. 25–26 об. Стефанович Николай Владимирович (1911–1979 гг.) – советский поэт, поэт-переводчик; в 1930-е гг. работал в театре им. Вахтангова. На основании его доноса 1936 г. начался процесс над поэтами Натальей Ануфриевой и Даниилом Жуковским (Шенталинский 1998: 175 и далее; подробнее о Стефановиче см. Лосев 2003: 8–13).

рористической организации и его связи с границей. На допросе 22 сентября 1935 г. Харузин сам прямо признавался в одном из этих обвинений («я намеревался создать тесно-спаянную нелегальную организацию, способную устранить сов. правительство» и т.п.⁷⁷), явно под психологическим и физическим давлением и под диктовку следователя – стилистически это высказывание сильно отличается от обычных слов Харузина на допросах. Назвать имена кандидатур в свою организацию, кроме Белоюстина, он отказался. По всей вероятности, Харузин действительно хотел найти единомышленников, но не для террористической деятельности, а для изучения мистических учений, о чем подробно рассказал на суде. Видимо, упоминание Харузиным двух неназванных кандидатур и послужило причиной дальнейшей разработки Шашкова и Крохина.

Линия связей Харузина с границей также имела под собой реальную основу, но интерпретировалась в интересах следствия. Семья Харузиных не имела никаких сведений о старшем брате – Мстиславе, белом офицере, оказавшемся после революции в эмиграции. Следы его терялись после того, как он в 1920 г. в Константинополе убил генерала И.П. Романовского, главнокомандующего вооруженными силами Юга России, бывшего начальника штаба А.И. Деникина. С 1918 г. поручик Мстислав Харузин служил в Константинопольском отделении контрразведки («Осваг») и состоял в монархической организации. После убийства Мстислав скрылся, но в течение месяца находился в Константинополе, где у него на квартире позднее была найдена признательная записка об убийстве генерала. Русское Консульство помогло Харузину получить «командировку» к Кемаль-паше в Анкару для установления связи с начинающимся кемалистским движением (Мстислав закончил Лазаревский институт восточных языков, прекрасно владел турецким). После этого следы М. Харузина теряются, считалось, что он пропал без вести. «В какой степени командировка Харузина в Анкару была попыткой спрятать концы в воду? Действительно ли Харузин погиб осенью 1920 г. и не была ли его смерть мистификацией? Возможно, этим вопросам суждено навеки остаться без ответов. А возможно, историки Белого движения и Российского зарубежья доведут “следствие” до конца»⁷⁸, – так пишут авторы статьи⁷⁹, касающейся убийства Романовского. Материалы архива ФСБ дают толчок новым поискам в этом направлении. На допросе В.А. Харузин рассказал, что в 1929 или 1930 г. семья получила анонимное письмо с информацией о Мстиславе, который якобы проживал в Берлине под девичьей фамилией матери (фон дер Ховен), преподавал в Берлинском университете. В 1934 г., уже после смерти А.Н. Харузина, Всеволод с матерью пытались переслать письмо в Берлин через жену итальянского посла⁸⁰. Кроме того, следственные органы заинтересовались связями В.А. Харузина с военным атташе германского посоль-

⁷⁷ ЦАФСБ. Д. Р-40238. Л. 40.

⁷⁸ Карпенко, Робкова 2000.

⁷⁹ Подробнее о Мстиславе Харузине см.: Гуль 1984; Лехович 2000.

⁸⁰ ЦАФСБ. Д. Р-40238. Л. 41–47.

ства Гартманом, через которого первый хотел передать за границу свои литературные труды и «найти в нем опору для нелегальной организационной деятельности»⁸¹. В Заключительном обвинении эти две линии были обозначены лишь как нереализованные намерения. В.А. Харузин обвинялся в том, что «систематически вел контрреволюционную работу, пропагандировал необходимость борьбы с советской властью, хотел создать подпольную фашистскую организацию для совершения террористических актов над руководителями партии и правительства. Кроме того, в контрреволюционных целях пытался установить нелегальную связь с иностранными дипломатическими миссиями в Москве, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 58-10-11 УК»⁸².

2–3 января 1936 г. состоялось судебное заседание спецколлегии Мосгорсуда, на котором слушалось дело В.А. Харузина, Г.И. Шашкова и П.Н. Крохина. Все обвиняемые свою вину отрицали и говорили, что дали показания под давлением. Речь Всеволода на суде была продолжительной, главная мысль заключалась в том, что он занимался не контрреволюционной деятельностью, а мистическими исканиями и литературным трудом⁸³. По утверждению И.Е. Огневой, она вместе с матерью Всеволода Натальей Васильевной присутствовала на суде, хотя заседание было закрытым и никакой публики больше не было. (Сама Н.В. Харузина писала в ходатайстве, поданном в ВЦИК, что присутствовала только на оглашении приговора). По воспоминаниям Огневой, Всеволоду вменялись в вину и деяния его отца до революции – «палача, казнившего революционеров» и т.п., на что Всеволод «гневно, решительно и очень резко» встал на защиту отца. В протоколе заседания подобных речей В.А. Харузина не зафиксировано, как и его объяснений по поводу ложного доноса на него декоратора о том, что якобы Харузин уговорил его повесить занавес рядом с портретом Сталина так, чтобы была видимость «повешенного Сталина», о чем также упоминает И.Е. Огнева⁸⁴. Таким образом, протокол отражает речь Харузина далеко не полностью. Суд не принял во внимание его заключительное слово. Специальной коллегией Московского горсуда В.А. Харузин был приговорен к высшей мере наказания. Начались хлопоты о помиловании. Письмо Н.В. Харузиной помог составить юрист П.П. Лидов, знакомый отца И.Е. Огневой. Оно было передано М.И. Калинину, с бывшим секретарем которого Огневой удалось познакомиться. В архиве Е.П. Крюковой помимо черновика письма Калинину хранится и черновик письма к Сталину. Н.В. Харузина подала также ходатайство в Отдел частной амнистии ВЦИК, к которому был приложен отзыв академика А.В. Щусева, который «характеризует сына “как человека безупречной честности и очень талантливого специалиста”»⁸⁵ (самого отзыва в архиве Е.П. Крюковой нет).

⁸¹ Там же. Л. 45.

⁸² Там же: Л. 100.

⁸³ Там же: Л. 105–105 об.

⁸⁴ Личный архив Е.П. Крюковой.

⁸⁵ ЦАФСБ. Д. Р-40238. Л. 120.

Усилия родных принесли плоды. 11 апреля 1936 г. ВЦИК постановил: «ХАРУЗИНУ Всеволоду Алексеевичу расстрел заменить ДЕСЯТЬЮ годами лишения свободы со строгой изоляцией». 24 мая он был направлен в г. Кемь в распоряжение начальника Кемского отдела Бел-балтлага, которому сообщалось: «Направляется в ваше распоряжение особым конвоем особо-опасный преступник, осужденный <...> для отбывания срока наказания на островах изолированно от других осужденных»⁸⁶. Подробностей о пребывании В.А. Харузина на островах в течение года и семи месяцев – где содержался, какие работы выполнял, какие взыскания имел – в архивном деле нет. Завершилась его жизнь в лагере приговором Тройки от 14 октября 1937 года: «ХАРУЗИНА Всеволода Алексеевича РАССТРЕЛЯТЬ»⁸⁷. Очевидно, В.А. Харузин как «особо опасный преступник», содержался в Соловецкой тюрьме особого назначения (СТОН), обитатели которой в первую очередь попали под «чистку», организованную НКВД осенью 1937 г. В телеграмме Н.И. Ежова, разосланной по тюрьмам ГУЛАГа, это называлось «операцией по репрессированию наиболее активных контрреволюционных элементов из числа содержащихся в тюрьмах ГУГБ». Первая «разрядка» на Соловецкую тюрьму включала 1116 заключенных (реально на первом этапе было расстреляно 1111 чел.). Ужасающие подробности этих соловецких расстрелов известны. Расстрел первого этапа был осуществлен с 27 октября по 4 ноября. В его составе был расстрелян и Всеволод Харузин – 1 ноября 1937 г. на расстрельном полигоне Белбалтлага, расположенном в Карельском урочище Сандармох в 16 км от Медвежьей Горы⁸⁸.

Документы архивных дел В. Харузина позволяют понять его отношение к новой власти, стратегии интеграции в советское общество – через получение высшего образования, работы в советских учреждениях. Кроме того, протоколы допросов и запись его речи на суде, несмотря на неполноту и, порой, безграмотность, дают возможность реконструировать его социально-политические взгляды, некоторые аспекты мировоззрения. По политическим убеждениям Всеволод был монархистом, о чем доносил Шидловский в 1932 г.⁸⁹, о том же говорил сам В. Харузин на допросе во время первого ареста. Как «ярый монархист» он и был тогда осужден⁹⁰. Показательно, что отец Всеволода А.Н. Харузин, занимавший в императорской России высокие государственные посты и изнутри наблюдавший политику последнего российского монарха, не был, по наблюдениям И.Е. Огневой, монархистом, во всяком случае «ярим», «он более трезво смотрел на вещи». А вот его младшие сыновья Олег и Всеволод, видимо, потрясенные трагической гибелью царя и идеализировавшие старую Россию, стали убежденными монархистами; в сочине-

⁸⁶ ЦАФСБ. Д. Р-40238. Л. 136, 137, 149, 151.

⁸⁷ Там же. Л. 164.

⁸⁸ Пропавший этап б.г.

⁸⁹ ЦАФСБ. Р-35612. Л. 5 об.

⁹⁰ Там же. Л. 8, 11.

ниях Всеволода того периода его монархические взгляды прослеживались явственно⁹¹. Характерно, что со временем монархические воззрения отходили на второй план: во время второго ареста Всеволода о монархизме арестованного речи не было совсем. Для следственных органов акцент переместился на контрреволюционную деятельность, а для самого Всеволода – на масонский мистицизм.

Эзотерическое масонство в Советском Союзе 1920–1930-х гг. было, скорее, по словам А.Л. Никитина, «школами тайноведения», парамасонством. «Эти самодеятельные школы (группы, кружки, общества, ордена, братства) строились на изучении печатной литературы, широко циркулирующей в обществе, и на циклах лекций, которые читал тот или иной наставник, открывший очередное “общество” или “ложу”»⁹². В 1934 г. в доме А.А. Сидорова Всеволод познакомился с одним из таких наставников, Всеволодом Вячеславовичем Белостинным. Вот как сам Харузин рассказывал об этом на суде: «В путях моих мистических исканий я встретился с знатоком Билюстиным, просил его быть моим руководителем в мистической работе, на что он согласился. По плану мы должны были изучать мистическую литературу. Я говорил, что надо найти несколько человек для мистических церемоний и говорил, что этих людей можно найти среди наших знакомых. <...> В своей мистической деятельности я стремился к масонству. Мне в них нравилась сила воли, у них была ритуальная мистическая тактика. Масоны террористами не были»⁹³. Собранная Всеволодом группа, по его планам, должна была изучать оккультную философию для «практической работы в области оперативной магии». Причем он наивно полагал, что советская власть «примет идеалистические формы», что «марксистская философия перерождается в идеалистическую философию», и, следовательно такая «организация мистиков» могла бы быть полезной⁹⁴.

Неоднозначным представляется вопрос о фашистских взглядах В. Харузина. Некоторые его заявления для современного человека могут показаться шокирующими: «я действительно враг советской власти... по убеждениям идеалист и фашист»⁹⁵; Н.В. Стефанович на допросе показал, что Харузин «высказывал свое восхищение фашизмом и Гитлером»⁹⁶. Однако надо учитывать, что в 1930-х гг. знания о фашизме были ограничены, а его радикальная расистская и антигуманная сущность еще не были так откровенно явлены, как во время Второй мировой войны. Тогда многие консервативно мыслящие люди одобряли идеологию и политику фашизма, видя в нем лишь рациональный национализм и укрепление государственных начал. Так, М.М. Пришвин в дневниках 1940 года писал, что в спорах с современниками «как

⁹¹ Личный архив Е.П. Кроковой. Был монархистом и старший сын Харузину Мстислав.

⁹² Никитин 2005: 4.

⁹³ ЦАФСБ. Д. Р-40238. Л. 107 об. –108, 113.

⁹⁴ Там же. Л. Л. 105 об. –106; 116 об.

⁹⁵ Там же. Л. 12, также лл. 11, 12 об., 16.

⁹⁶ Там же. Л. 26.

взвезданный стоял за Германию», считая, что «кто за Германию, тот (...) и за отечество». Для него фашизм означал «изживание идеи революции и восстановление идеи государственности»⁹⁷.

Со схожих позиций смотрел на фашизм и Всеволод. Для него понятия фашизм – идеализм – патриотизм/национализм находились в тесной связке: «идеологический момент – я идеалист, а Сов. власть руководствуется враждебным мне материалистическим учением; национальный момент – я считал, что при Соввласти нет России для русских; я фашист и для России считал наиболее приемлемой только фашистскую систему»⁹⁸. Именно приверженностью национальным идеям он аргументировал свою профашистскую позицию: «Я считаю, что вопреки воли сов. правительства в стране сейчас рождается база для фашизма. Исхожу я при этом утверждении из следующего. Сов. правительство сейчас балансирует между двумя взаимно исключенными силами: между тенденциями двадцатых годов, когда оно неукоснительно стремилось к чисто идеологическим ценностям – к коммунистическому равенству, к мировой революции и т.д., и между начавшейся с тридцатых годов эпохой “зажиточной жизни”, когда больше думают о своей стране, чем о человечестве и мировой революции... Я считаю, что эпоха “зажиточной жизни” ведет к тому, что в яркой форме составляет сущность фашизма, т.е. к патриотизму именно данного народа, а не всего человечества»⁹⁹.

Забегая вперед, надо сказать, что мать Всеволода Н.В. Харузина, в отличие от своего сына, узнала, что такое фашизм реальный, а не умозрительный. В Малоярославце Московской области, куда была сослана, она пережила войну и оккупацию. По словам И.Е. Огневой, немцы предлагали ей работу переводчика в мэрии, «но она наотрез отказалась, сославшись на старость, чтобы их не раздражать, а для себя считая это предательством и позором, предпочла трудную и голодную жизнь»¹⁰⁰.

Жена А.Н. Харузина и мать В.А. Харузина – Наталья Васильевна Харузина (1871–1943), дочь российского контр-адмирала барона Василия Егоровича Ховена (1824–1889) из лифляндского дворянского рода, урожденная баронесса фон дер Ховен. После последнего ареста сына Всеволода 65-летняя женщина осталась на попечении Инны Евграфовны Огневой (вдовы ее сына Олега) и ее второго мужа – Сергея Ивановича Огнева, профессора-биолога Московского университета. Здоровье ее было подорвано, она страдала стенокардией и атеросклерозом, не действовала правая рука (туберкулез).

Репрессии против Н.В. Харузиной И.Е. Огнева связывает с ее активными хлопотами о свидании с Всеволодом весной 1937 года. Уже 25 января 1936 г. зам. начальника Особого отдела ГУГБ НКВД Горб докладывал о нежелательности пребывания Н.В. Харузиной в Москве и

⁹⁷ Варламов 2021: 432–433.

⁹⁸ ЦАФСБ. Д. Р-40238. Л. 39.

⁹⁹ Там же. Л. 39–40.

¹⁰⁰ Личный архив Е.П. Крюковой.

просил о лишении ее паспорта¹⁰¹. Аргументацией служили сведения, полученные в ходе допроса Всеволода: она устанавливала «связи с различными дипломатическими миссиями в Москве и при их содействии имела намерение выехать из СССР», а также через жену итальянского посла отправила письмо старшему сыну Мстиславу в Берлин¹⁰².

В конце марта 1936 г. на имя Н.В. Харузиной было выписано извещение, в котором ей предлагалось покинуть Москву и выехать за 100 км от города. Наталья Васильевна стала писать в разные инстанции с просьбой отменить высылку. И.Е. Огнева обратилась по этому поводу к зам. прокурора СССР Г.М. Леплевскому, к которому через других лиц уже обращалась в связи с приговором А.Н. Харузину. После его телефонограммы (9 мая 1936 года) высылку удалось приостановить. Осенью 1936 года Н.В. Харузина все еще находилась в Москве, но через год, летом 1937 г. решение о высылке было принято окончательно, так как зам. прокурора Леплевский свое предложение о задержании высылки снял¹⁰³. Был определен и пункт высылки – Малый Ярославец Московской области (с 1944 г. – Калужской области). Перестав получать письма от сына, Н.В. Харузина вплоть до 1939 г. из Малоярославца писала в Прокуратуру, ОГПУ, начальнику 8-го отделения Белбалтлагала в надежде узнать о его судьбе. Через какое-то время ей ответили: «Выслан в дальние лагеря без права переписки». О смерти Всеволода она так и не узнала. Умерла Наталья Васильевна Харузина в Малоярославце 25 февраля 1943 года от крупозного воспаления легких¹⁰⁴.

Итак, документы архива ФСБ помогли внести ясность в вопрос о дате смерти А.Н. Харузина – во всех справочных изданиях дата его смерти или вообще не указана, или ошибочно приводится 1931 г.¹⁰⁵ – а также уточнить некоторые факты его биографии, детали научной и государственной деятельности, судьбы сыновей и жены.

Исследователи истории «бывших» отмечают, что многим из них, особенно их детям удалось успешно приспособиться к советской действительности «в том числе используя стратегию смены социального статуса, свои связи и культурно-образовательные преимущества перед рабоче-крестьянскими “низами”, а также острую потребность режима в квалифицированных специалистах»¹⁰⁶. К сожалению, это не был случай Харузиных. Как было показано выше, и сам Алексей Харузин и его сын работали в советских учреждениях, пытались служить России, пусть и новой, однако не смогли принять идеологию новой власти и не умели скрывать свои убеждения. Для Всеволода, как и для некоторой части «бывшей» дворянской молодежи, была характерна «своеобразная жиз-

¹⁰¹ Там же. Л. 15.

¹⁰² ЦАФСБ. Д. Р-31163. Л. 1.

¹⁰³ Там же. Л. 20.

¹⁰⁴ Личный архив Е.П. Крюковой.

¹⁰⁵ См., например: Славяноведение... 1979: 352–353; Токарев 1966: 424.

¹⁰⁶ Смирнова 2010: 48.

ненная наивность»¹⁰⁷, игнорирование опасности общения с разными людьми, отсутствие чувства самосохранения.

Ужесточение внутренней политики в середине 1930-х гг., развертывание «социалистического наступления» не способствовало встраиванию «бывших» в социальную структуру советского государства. Усилившиеся в 1930-е гг. репрессии были направлены против разных слоев населения – и против «своих», и против «чужих». Аресты и расстрелы «бывших» должны были ликвидировать «потенциальную оппозицию путем уничтожения возможности передачи культурных стереотипов от “дореволюционных” поколений к поколению детей и молодежи»¹⁰⁸.

В это время и закончил свое существование род Харузиных.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Отдел письменных источников Государственного исторического музей (ОПИ ГИМ). [Otdel pis'mennyh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzej (OPI GIM).].
 Российский государственный исторический архив (РГИА). [Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA).].
 Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (ЦАФСБ). [Central'nyj arhiv Federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossijskoj federacii (CAFSB).].
 Баранова Е.С. Социальная категория «бывшие люди»: изучение понятия в современной науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (44): в 2-х ч. Ч. 2. С. 27–29. [Baranova E.S. Social'naya kategoriya «byvshie lyudi»: izuchenie ponjatiya v sovremennoj nauke // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2014. № 6 (44): v 2-h ch. CH. 2. S.27–29.].
 Баранова Е.С. Советская Россия 1920-х годов на страницах дворянских воспоминаний // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. Т. 22. С. 49–55 [Baranova E.P. Sovetskaya Rossiya 1920-h godov na stranicah dvoryanskikh vospomnaniy // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. 2016. T. 22. № 2. S. 49–55].
 Бессарабская жизнь. 13.X.1908. [Bessarabskaya zhizn'. 13.X.1908.].
 Варламов А.Н. Охотник за счастьем. М.: Молодая гвардия, 2021 [Varlamov A.N. Ohotnik za schast'em. M.: Molodaya gvardiya, 2021].
 Гуль Р.Б. Я унес Россию. Апология русской эмиграции. Т. 2. Ч. 6. Нью-Йорк, 1984. [Gul' R.B. YA unes Rossiyu. Apologiya russkoj emigracii. T. 2. CH. 6. N'yu-Jork, 1984.].
 История Вишерлага // Пермский государственный архив социально-политической истории. URL: <https://www.permgaspri.ru/deyatelnost/vystavki/istoriya-visherlaga.html>. [Istoriya Visherlaga // Permiskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii. URL: <https://www.permgaspri.ru/deyatelnost/vystavki/istoriya-visherlaga.html>.]
 Карпенко С.В., Робкова Е.Б. Диверсанты и террористы // Русские без Отечества. Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов / Отв. ред. С.В. Карпенко. М: РГГУ, 2000. С. 432–487. [Karpenko S.V., Robkova E.B. Diversanty i terroristy // Russkie bez Otechestva. Oчерki antibol'shevistskoj emigracii 20–40-h godov / Otv. red. S.V. Karpenko. M: RGGU, 2000. S. 432–487.].
 Керимова М.М. Жизнь, отданная науке: семья этнографов Харузиных. М.: Вост. лит., 2011. С. 316–379. [Kerimova M.M. Zhizn', otdannaya nauke: sem'ya etnografov Haruzinyh. M.: Vost. lit., 2011. S. 316–379.].
 Керимова М.М., Наумова О.Б. Алексей Николаевич Харузин – этнограф и антрополог // Репрессированные этнографы / Составитель и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. Вып. 2. М.: Вост. лит. 2002. С.164–198. [Kerimova M.M., Naumova O.B. Aleksej Nikolaevich Haruzin – etnograf i antropo-log // Reprressirovannye etnografy / Sostavitel' i otv. red. D.D. Tumarkin. Vyp. 2. M.: Vost. lit. 2002. S.164–198.].

¹⁰⁷ Баранова 2016: 53.

¹⁰⁸ Баранова 2016: 54; Смирнова 2010: 40, 43.

- Лехович Д.В. Белые против красных. Генерал Деникин. Нью-Йорк, 2000. [Lekhovich D.V. Belye protiv krasnyh. General Denikin. N'yu-York, 2000].
- Лосев Н.С. Литературное наследие Николая Владимировича Стефановича (Текстология. Поэтика. Интертекст). Дисс. ...к. филол. н. СПб., 2003. 377 с. [Losev N.S. Literaturnoe nasledie Nikolaya Vladimirovicha Stefanovicha (Tekstologiya. Poetika. Intertekst). Dissertatsiya ...k. filol. n. SPb., 2003. 377 s.].
- Никитин А.Л. Предисловие // Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923–1941 гг. М.: Минувшее, 2005. С. 3–6. [Nikitin A.L. Predislovie // Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoj Rossii. Dokumenty 1923–1941 gg. M.: Minuvshee, 2005. S. 3–6.].
- Пропавший этап. История Соловецкого этапа // Сандормох. Мемориальное кладбище. [Propavshij etap. Istoriya Soloveckogo etapa // Sandormoh. Memorial'noe kladbishche. URL: <https://sand.mapofmemory.org/long/>].
- Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь / Отв. ред. В.А. Дьяков. М.: Наука, 1979. 429 с. [Slavyanovedenie v dorevolucionnoj Rossii. Biobibliograficheskij slovar' / Otv. red. V.A. D'yakov. M.: Nauka, 1979. 429 s.].
- Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М.: Мир истории, 2003 [Smirnova T.M. «Byvshie lyudi» Sovetskoj Rossii. Strategii vyzhivaniya i puti integracii. 1917–1936 gody. M.: Mir istorii, 2003].
- Смирнова Т.М. «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества (1917–1936 гг.). Автореферат... д.и.н. М.: ИРИ РАН, 2010. 53 с. [Smirnova T.M. «Byvshie lyudi» v social'noj strukture i povsednevnoj zhizni so-vetskogo obshchestva (1917–1936 gg.). Avtoreferat... d.i.n. M.: IRI RAN, 2010. 53 s.].
- Токарев С.А. История русской этнографии (Доктябрьский период). М.: Наука, 1966. [Tokarev S.A. Istoriya russkoj etnografii (Dooktyabr'skij period). M.: Nauka, 1966].
- Шаламов В.Т. Вишера: рассказы, очерки, стихи. Пермь: ИП Худяков С.А., 2021 [Shalamin V.T. Vishera: rasskazy, ocherki, stihy. Perm': IP Hudyakov S.A., 2021].
- Шенталинский В. Осколки серебряного века // Новый мир. 1998. № 6. С. 168–189. [SHentalinskij V. Oskolki serebryanogo veka // Novyj mir. 1998. № 6. S. 168–189.].
- Шидловский Юрий Петрович // Офицеры РИА. [SHidlovskij YUrij Petrovich // Oficery RIA. URL: http://ria1914.info/index.php/SHidlovskij_YUrij_Petrovich].
- Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923–1941 гг. / Публ., вступ. статьи, коммент., указатель А.Л. Никитина. М.: Минувшее, 2005. (Мистические общества и ордена в советской России. Вып. 3-й.). [Ezotericheskoe masonstvo v sovetskoj Rossii. Dokumenty 1923–1941 gg. / Publ., vstup. stat'i, comment., ukazatel' A.L.Nikitina. M.: Minuvshee, 2005. (Misticheskie obshchestva i ordena v sovetskoj Rossii. Vyp. 3-j-j)].

Керимова Мариям Мустафаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН; mkerimova@yandex.ru
Наумова Ольга Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН; olganaumova@mail.ru

Declassified Archival Documents about the Kharuzins Family

The Kharuzins – three brothers (Mikhail, Nikolai, Alexei) and sister Vera Nikolaevna – are famous ethnographers who stood at the origins of the formation and development of ethnographic science in Russia at the end of the 19th – the first third of the 20th c. Their lives and scientific activities have been studied in detail by one of the authors of the article. However, the circumstances of the post-revolutionary life of the family of Aleksey Nikolaevich Kharuzin (1864–1932), the only brother who survived the revolution, currently are known only in the most general terms. Based on the data of the Central Archive of the FSB of the Russian Federation and the personal archive of E.P. Kryukova, containing the memoirs of the A.N. Kharuzin's daughter-in-law I.E. Ogneva and some documents of his family members, the authors restore the most tragic period of A.N. Kharuzin's life, as well as the lives of his wife N.V. Kharuzina and their son Vsevolod (i.e. the end of the 1920s–1930s).

Keywords: Kharuzins, Soviet Russia, late 1920s–1930s, "former people", repressions

Kerimova Mariam Mustafaevna, Dr. Sc. (History), Leading Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; mkerimova@yandex.ru
Naumova Olga Borisovna, PhD, Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; olganaumova@mail.ru

Д.Д. ПОДЛЕДНОВ, Е.Д. КАЗАНЦЕВА

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК МЕТОД ПРОЖИВАНИЯ ТРАВМИРУЮЩИХ СОБЫТИЙ

Статья посвящена взаимосвязи биографии и творчества Евфросинии Керсновской – писательницы, художницы–аутсайдера, заключенной ГУЛАГа. Согласно концепции постпамяти (М. Хирш), Е. Керсновская принадлежит к числу «первого» поколения – тех лиц, при жизни которых происходили травмирующие события истории: в данном случае, кардинальное ужесточение политического фона, а также создание системы ГУЛАГа. После освобождения Керсновская написала мемуары, сопроводив их визуальным нарративным рядом. Авторы статьи с помощью формально–стилистического и семиотических методов предприняли попытку проанализировать визуальный язык художницы и выявить особенности сюжетной линии мемуаров, раскрывающие специфику культуры ГУЛАГа. Хронологически выстроенный рассказ и авторское деление мемуаров на тетради и главы позволяет последующим поколениям («второе» и «третье» поколение после очевидцев) «пройти» путь Евфросинии Керсновской – от помещицы до заключенной ГУЛАГа. В случае Керсновской и некоторых других художников–заключенных, художественное творчество и создание мемуаров оказывало терапевтический эффект и способствовало безопасному «повторению», проживанию и преодолению индивидуальной психотравмирующей ситуации.

Ключевые слова: визуальная культура, ГУЛАГ, мемуары, Евфросиния Керсновская, постпамять, история СССР, искусство репрессированных, стресс, травма.

История XX века наполнена травмирующими событиями: две мировые войны, революции, кризисы, террористические акты, Холокост и другие акты геноцидов, в связи с чем исследователи применяют к этому веку предикат «посттравматический» – наравне с такими терминами, как постмодернистский, постгуманистический, постколониальный. При исследовании травмирующих нарративов и их осмысления участниками событий и потомками, Е. Керсновскую можно отнести к «первому» поколению – поколению участников и свидетелей травмирующих событий истории. Согласно концепции *постпамяти* Марианны Хирш, посредством художественных произведений, литературы и устных рассказов, первое поколение передает последующим (*постпоколениям*) свое понимание и восприятие пережитой травмы. Для постпамяти важен гендерный аспект: история чаще всего рассказывается со слов мужчин и адресуется следующим поколениям мужчин; женщины остаются безмолвными, их задача – оплакивать умерших, а представители постпоколений не знают их прошлого и не видят будущего¹. История Керсновской рассказана женщиной и адресована всем, независимо от пола и гендера.

Графические романы могут репрезентировать и осмысливать разнообразными нарративы: от искусственно созданных мифологических вселенных до реальных событий истории, от будничной жизни до трагических событий XX в. Одно из ярких произведений визуальной культуры, отсылающее к постмемориальной эстетике, графический роман

¹ Hirsch 1997.

А. Шпигельмана «Маус: Рассказ выжившего». Произведение повествует о судьбе отца автора романа – польского еврея, пережившего Холокост². Этот графический роман довольно хорошо изучен через призму исследований Холокоста, политики памяти и гендерных исследований³.

Мемуары Е.А. Керсновской можно отнести к жанру графического романа, так как они обладают следующими признаками: во-первых, хронологически последовательное повествование; во-вторых, преобладающее значение имеет иллюстративная, а не текстовая составляющая произведения; в-третьих, социально-политическая тематика⁴. Как для любого графического романа в произведении Е.А. Керсновской иллюстративная часть «работает» только в тесной связи с вербальной: без сопроводительного текста зритель не сможет до конца понять сюжет и контекст изображения, не прочувствует его драматического накала.

Мемуарам Е.А. Керсновской посвящено немало филологических, исторических и культурологических исследований, которые раскрывают смысловое наполнение произведения и особенности биографии автора⁵. Отдельно стоит остановиться на работе Г.А. Лочехиной, которая в отличие от других исследователей ставит акцент на анализе изобразительного материала, сопровождающего текст, сопоставляет визуальный ряд мемуаров Е. Керсновской и работы израильской художницы польского происхождения Н. Юдковски, обращая внимание на гендерный аспект и визуализацию мужчины-охранника и женщины-заключенной⁶.

В рамках данной статьи предпринята попытка проанализировать часть мемуаров Е. Керсновской, которая посвящена сюжетам, происходящим с героиней в ГУЛАГе. Несмотря на то, что история страны неотделима от темы репрессий, на современном этапе тема осмысления трагического прошлого остается травматичной, сложной для вербализации как на индивидуальном уровне (для потомков пострадавших), так и в общественном дискурсе, а зачастую по сей день тема остается табуированной. На данный момент в России действует Ассоциация музеев памяти, включающая 45 музеев (из 25 регионов страны), однако репрезентация в музейном пространстве темы репрессий до сих пор вызывает бурные дискуссии. Вместе с тем, в России существуют специализированные музеи, изучающие историю политических репрессий: Музей истории ГУЛАГа (Москва), Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36» (Пермский край, д. Кучино), Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД» (Томск).

Авторы статьи видят возможность для анализа не только текста мемуаров как исторического источника, но и рисунков Е. Керсновской как визуального свидетельства, обладающего узнаваемым художест-

² Spiegelman 1986

³ Хириш 2021: 59–62

⁴ Мельничук 2012: 1035–1036

⁵ Бойко 2015; Веселова 2015

⁶ Лочехина 2021

венным стилем, а также творчества как метода самостоятельного преодоления стрессовой ситуации. Для преодоления травматического опыта человеческой психике нужно произвести т.н. «работу горя»: признать утрату, смириться с потерей, а значит необходимо осознанное «повторение» травмирующего события в безопасных условиях, а также разделение этих чувств с другими. Психолог и историк А. Эткинд называет это явление «миметическим горем», подразумевая «повторяющуюся реакцию на потерю, которая символически воспроизводит саму потерю»⁷. Обязательным условием для репрезентации травмы в творчестве является то, что субъекты (индивид или сообщество) действуют в состоянии осознанности, проживая свои личные потери и разделяя этот опыт с другими пострадавшими и сочувствующими (в отличие от бессознательного стремления «повторить» травмирующее событие при синдроме навязчивых состояний по З. Фрейду).

Авторы статьи опираются на визуальные материалы выпуска №4 журнала «Огонек»⁸ (1990), впоследствии вошедшие в мемуары «Сколько стоит человек». Часть мемуаров, изданная в журнале «Огонек», стала первой массовой и официальной публикацией воспоминаний Е.А. Керсновской, так как ранее они распространялись нелегально в «самиздате». Также именно в журнале «Огонек» была предпринята первая попытка описать визуальный язык Е. Керсновской как художника. С помощью формально-стилистического и семиотического методов будут выделены основные маркеры визуального языка художницы, обозначены сюжетные нарративы, к которым она обращается.

После освобождения мало кто из заключенных ГУЛАГа был готов подробно рассказать о пережитом. Например, если обратиться к категории репрессированной творческой интеллигенции, не все из них рефлексировали в своих трудах о времени, проведенном в ГУЛАГе: «Покидая лагерь, репрессированный навсегда уносил его в себе. Освободиться из лагеря оказывалось проще, чем освободиться от лагеря»⁹. Например, советский художник-карикатурист К.П. Ротов, который был осужден по ст. 58 УК РСФСР, отбывая наказание в исправительно-трудовом лагере, работал на производстве детских игрушек и имел доступ к художественным материалам (бумаге, акварельным краскам). В заключении он рисовал карикатуры на лагерную жизнь, солагерников и охранников, но после освобождения вернулся к традиционным сюжетам, которые прослеживались в его творчестве в «долагерный» период, и никогда больше не затрагивал эту тему в своих работах¹⁰.

Жизнь человека, столкнувшегося с репрессивной политикой, навсегда делилась на «до» и «после». Многие заключенные обращались к творчеству (литературному или изобразительному), находясь в лаге-

⁷ Эткинд 2016: 10

⁸ Журнал «Огонек» №4 1990: 17–24. Далее ссылки даются в основном тексте в скобках.

⁹ Адлер 2005: 145

¹⁰ Подледнов 2020: 56–58

ре, и оно становилось своеобразной формой эскапизма, способом совладать со стрессом и преодолеть тревогу. Другие обращались к творческой репрезентации травматического опыта лишь после возвращения из лагеря: символичность и образность визуальных видов искусства позволяет преодолеть психологическую сложность вербализации. Это подтверждается утверждением Ю. Кристевой в работе «Силы ужаса: эссе об отвращении»: что любое отвратительное – ужас, смерть, бойня, бессмыслица и т.д., является развитием страха – первичного аффекта. По мнению Кристевой, для человека отвратительно все, что нарушает идентичность, порядок и систему, а структура становления эстетического такова: отвращение приводит к творческому экстазу через переживание катарсиса; так, например, литературные произведения создаются с помощью механизма языковой символизации. Стоит отметить, что всё отвратительное/грязное/мерзкое/греховное Ю. Кристева заменяет одним словом – «неназываемое», и как раз страх неназываемого и подталкивает человека к художественному творчеству¹¹.

Е.А. Керсновская начала писать мемуары о заключении в ГУЛАГе лишь по возвращении – для своей мамы, чтобы восполнить недостаток общения за 15-летний период разлуки. Однако фактически при помощи этого личного рассказа, адресованного по задумке лишь матери, она сумела передать последующим поколениям фактические сведения об условиях жизни в ГУЛАГе, ознакомить с социокультурным контекстом эпохи: от кризиса идентичности во время депортации и пребывания в исправительно-трудовом лагере, преодоления ежедневного тяжелого лагерного труда, до вопросов психологической и юридической реабилитации после освобождения из лагеря.

Концепция постпамяти не противоречит теории культурной и коммуникативной памяти Я. Ассмана и отчасти базируется на ней. В понимании Ассмана: «Коммуникативная память охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым. Это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками. Типичный случай – память поколения. Ее группа приобретает исторически. Эта память возникает во времени и проходит вместе с ним, точнее, со своими носителями. Когда носители, воплощавшие ее, умирают, она уступает место новой памяти»¹². Иллюстрированные мемуары Керсновской, предназначенные для ее матери, таким образом являются воплощением коммуникативной памяти, разделенной с современниками, и «превращаются» в образец культурной памяти после смерти адресата (матери Евфросинии Керсновской) и автора, а также после публикации мемуаров и их выхода в общественное и культурное пространство.

В двух номерах журнала «Огонек» в 1990 году были напечатаны страницы с мемуарами Е. Керсновской. В третьем номере журнала была опубликована вступительная статья В.Н. Вигилянского «Житие Евфро-

¹¹ Кристева 2003

¹² Ассман 2004

синии Керсновской», а также интервью с ней. Интересным представляется то, как В.Н. Вигилянский характеризует творчество Е.А. Керсновской: «в “картинках”, на мой взгляд, вся соль. Ну где, скажите, в какой стране вы найдете такого скрупулезного художника, который в школьных тетрадках ведет свою «гулаговскую» изолютопись, не заботясь ни о качестве бумаги, ни о сохранности рисунков. <...> По манере это типичная альбомная живопись, весьма распространенная в дворянской культуре XIX века. Только вместо пейзажей, раскрашенных цветочков, фигурок животных и сказочных персонажей здесь запечатлен весь мрак и быт сталинской эпохи в ее жестокой и зловещей обнаженности» [№ 3: 14]. Более 12-ти лет Е. Керсновская провела в лагерях и ссылках, трудясь на разных работах: от «легкой» по меркам лагерей работы в прачечной, до изнуряющих и опасных работ на лесоповале и в шахте. Она не была профессиональным художником, ее творчество можно отнести к аутсайдерскому искусству, а саму Керсновскую к художникам-аутсайдерам, которые по тем или иным причинам были далеки от художественных институций и актуальных тенденций. В № 4 журнала было опубликовано несколько рисунков, иллюстрирующих периоды жизни автора, их расположение соответствует хронологическому порядку жизни заключенных: этапирование, лагерь, больница (Керсновская попала туда как пациент, но позднее стала медсестрой) и морг [17-24].

Первый смысловой блок посвящен лагерю. Повествование начинается с изображения архитектурных строений и внутренней системы лагпункта «Нагорный»: деревянных зданий, системы ограждения и вышек. Художница с мельчайшей детализацией изображает бревенчатые срубы, колючую проволоку, кирпичную кладку, лагерные смотровые вышки, электрические столбы и т.д. Этот прием является узнаваемой особенностью ее визуального языка: при довольно схематичном изображении людей, отсылающем к примитивизму или детскому творчеству, Керсновская детально прорисовывает животных, архитектуру и природные пейзажи. Рисунки лагерных барачков демонстрируют также умелое использование художницей воздушной перспективы – уходящие вдаль заборы из проволоки, отдаленная и приподнятая линия горизонта [№ 4: 17].

Одна из отличительных черт творчества Е. Керсновской – отсутствие избегания «неудобных» тем: так, например, на одном из рисунков изображена женская уборная, называемая в авторской подписи «случный пункт». Художница безоценочно изображает закутанных во множественные платки женщин, конвоира с винтовкой, обнимающуюся пару на переднем плане, и сопровождает рисунок надписью печатными буквами «и такое бывает...» [№ 4: 19]. Придерживаясь собственного, словно «детского» стиля, она совершенно не обращается к вопросам телесности даже в довольно откровенном по содержанию сюжете. Следующий рисунок посвящен крещению младенца в лагерьном свинарнике, этот обряд проводила сама Евфросиния Антоновна: на ее руках очень худой младенец в пеленке, на переднем плане силуэт склоненного на

колених человека в черных одеждах. Сакральность момента подчеркнута горящей свечой и «тарелочкой с водой» – чашей для окропления младенца. Спокойная и величавая поза главной героини и рассеянный теплый свет отсылает к христианскому искусству и религиозному мировоззрению, которое было свойственно Керсновской [№ 4: 19]. Художница знакомит читателя и со специфическими элементами лагерной культуры: изображает крупным планом самодельную лагерную обувь – «четезухи» (в других воспоминаниях также встречаются под названиями «чуни» или «пайпаки»)¹³. На одной из работ мы видим Керсновскую со спины (для зрителя это уже узнаваемый образ рассказчицы), которая внезапно увидела знакомое лицо: «Это была Вера Леонидовна! Но до чего же она не была похожа на ту стройную, еще моложавую и миловидную женщину, какой я ее помнила! Лицо все в коричневых пятнах, землистого цвета. Худые, узловатые конечности и резко выпирающий живот, туго обтянутый майкой и трусами...» [№ 4: 18]. С первого взгляда может показаться, что за колючей проволокой предстает высокий мужчина, но вышеприведенная фраза Керсновской возвращает зрителя в суровую реальность – это беременная женщина, которая находится в общем бараке, где живут заключенные обоих полов.

Такие сюжеты лишний раз напоминают о том, как сильно внешне и внутренне человек меняется в условиях лагеря, что, несомненно, является стрессовым фактором и влияет на самосознание человека. На многих рисунках Е. Керсновская изображает обезличенных истощенных «доходяг», доживающих последние дни. Один из таких довольно откровенных сюжетов демонстрирует заключенных больных пеллагрой. Они изображены в неестественных из-за боли позах, почти смертельно истощены: Керсновская прорисовывает торчащие ребра и позвонки, лысые головы. Художница поясняет: «В “жилой зоне” был склон, обращенный к югу. Вот на этот пустырек и выползали умирающие пеллагрики погреться на солнышке. Они сбрасывали рубахи, а иногда и штаны – и тогда они являли собой особенно жуткую картину: их тела были почему-то не бледные, а, напротив, цвета “мореного дуба”. Страшно было наблюдать, во что тюрьма превращала людей!». Рядом с группой больных изображена столь же исхудавшая лошадь, художница подписывает этот сюжет почти на изображении: «Пеллагрик оспаривает у клячи право на тощие, чудом уцелевшие, травинки» [№ 4: 18].

В норильском исправительно-трудовом лагере Е. Керсновская попадает на работу на стройку, на одном из рисунков художница оставляет саркастическую подпись и сравнивает эту работу с возведением египетских пирамид: «При строительстве пирамид, должно быть применялось больше техники... Но зачем механизмы, когда есть тысячи, десятки тысяч рабов?» [№ 4: 17]. В данном блоке рисунков представлены два сюжета: развод на работу и работа на стройке. С упрекающей подпи-

¹³ Четезухи изготавливались из автомобильных покрышек и получили свое название от аббревиатуры ЧТЗ – Челябинский Тракторный Завод.

сюю Керсновская изображает сцену, где солдаты, вооруженные винтовками, выводят на работу изможденных женщин-заключенных. Сюжет на стройке иллюстрирует тяжелый и опасный лагерный труд: вверх по шатким строительным лесам заключенные толкают груженные тачки. Как и на предыдущем рисунке все человеческие фигуры изображены со спины, уходящими вдаль, что привносит иллюстрациям динамики. Нереалистичные нормы выработки, несоблюдение правил техники безопасности и тяжелые физические работы безусловно приводили к травмам и болезням: Керсновская не была исключением – получила травму бедра на стройке, она оказалась в больнице, и свой опыт, как пациента, так и медицинского работника (и даже «медицинского художника»), воплотила в рисунках.

Медицина в ГУЛАГе – одна из самых частых тем в воспоминаниях свидетелей, и, наверное, самая шокирующая для читателя-неспециалиста. Для многих заключенных врач был единственной надеждой на спасение: именно врач мог «активировать» – подписать акт об освобождении заключенного от непосильной работы (например, труда на лесоповале). Попав в лагерную больницу, многие люди вновь после долгого времени испытывали к себе более человеческое отношение, также авторы мемуаров отмечают, что в больнице они впервые в стенах лагеря оказывались в относительно чистом пространстве и не испытывали голода.

В больнице Е.А. Керсновская встречает заключенных, которые находятся на границе между жизнью и смертью: «Девочка, едва вышедшая из детского возраста, лежала на клеенке, по которой почти непрерывно скатывались на пол капли крови...»¹⁴. На одном из изображений мы видим разговор между двумя пациентами лагерной больницы. Художница акцентирует внимание на их внешнем виде: фиолетово-синяя кожа под глазами, а также на руках и ребрах; «хроническое» истощение. Дальний план рисунка изображает множество больничных коек с такими же «доходягами» – доживающими свои дни заключенными.

Керсновскую оставили работать в больнице. Свои обязанности она излагает в мемуарах: «Работы и днем, и ночью – уйма! Каждый делает все, что может, не шадя своих сил и не считаясь со временем... Сгребая больного в охапку, несущую в ванну, мою. Из ванной ташу в перевязочную, на стол. Отношу следующего больного в ванну и бегу в перевязочную – помочь врачу». Обозначенный сюжет подтверждается визуально: на рисунке мы видим, как Керсновская, будучи медсестрой, несет на руках истощенного больного. При помощи поз героев художница подчеркивает тяжесть этого труда: мышцы ног женщины напряжены, колени согнуты от груза; больной выглядит очень истощенным и больше напоминает труп, чем живого человека: худоба, красно-синие пятна на коже, облысение, пустой несфокусированный взгляд, очевидна неспособность двигаться самостоятельно. Противопоставляется динамичность движения медсестры (приподнятая пятка, напряженные мышцы, поворот кор-

¹⁴ Журнал «Огонек» №4 1990: 20

пуса) и статичное положение пациента, его обездвиженность, лишь левой рукой он крепко ухватился за ее больничный халат, как за последнюю надежду на спасение. При анализе больничных сцен становится ясно, что заключенных, которые находились в больнице, поддерживала вера в светлое будущее, стремление не упасть духом: «Трудно описать, на что был похож этот юноша-каторжанин. У него отказали обе почки: моча не выделялась, он распухал и весь наливался жидкостью. <...> Но самое удивительное было то, что он никогда, ни разу не пал духом! Это его и спасло от неминуемой смерти». Юноша лежит на больничной койке, рядом с ним – медсестра и врач, замерший в раздумьях. Данный рисунок стилистически напоминает карикатуру, к чему отсылает, например, типичный образ врача: маленькие круглые очки, короткая борода, очень высокий рост, торчащий из кармана больничного халата стетоскоп. Изображение пациента тоже карикатурное: почти сферическое, белое бесполое обнаженное тело, схематичное лицо, однако, содержание и подпись к рисунку строго противопоставлены юмористическому характеру карикатуры как жанра. Другой случай, описанный Керсновской, связан с заключенным, который был знаменитым японским борцом, занявшим первое место на Берлинской олимпиаде в 1936 г.: «Я не думала, что, когда-нибудь эта “труда” костей вновь превратится в человека! По выздоровлении его оставили истопником при больнице». На картинке изображен склоненный над пациентом врач: пациент, исхудавший до состояния «доходяги» лежит на деревянном настиле. Художница вновь подробно изображает детали, не боясь шокировать зрителя: торчащие ребра, увеличенные коленные и плечевые суставы [№ 4: 21].

Четыре изображения представлены в следующем разделе – «работа в морге». Как описывает Керсновская: «Морг – самое “гостеприимное” учреждение лагеря. Двери здесь для всех и всегда открыты. Днем и ночью, летом и зимой. Когда меня перевели сюда работать, мне часто приходилось одной таскать трупы. “Жмурики” были до того истощенные, что делать это было совсем не трудно». На одном из рисунков изображается, как девушка (в ее образе зритель уже явно узнает саму художницу) несет в обеих руках двух умерших лагерных доходяг, настолько исхудавших, что на окоченевших телах можно рассмотреть каждый позвонок и распухшие ноги. Авторская надпись на самом рисунке характеризуется черным юмором: «Вот это – добро пожаловать». Все остальные изображения данного блока также затрагивают тему смерти. Керсновская визуально рассказывает о том, что зимой умерших не закапывали в землю, а просто заваливали снегом и хоронили по весне. Зачастую умерших было слишком много: «Мне предстояло закопать могилу, в которой помещалось 250 трупов. – Простите меня, братья мои! Это чистая случайность, что я еще не с вами» [№ 4: 22].

Изображения, связанные с больницей и моргом, отсылают к эстетическому понятию безобразного в визуальном искусстве, в т.ч. к безобразному физическому или телесному. Смерть в рисунках Керсновской

предстает не абстрактным явлением, в ней нет таинственности или величественности: смерть, в понимании художницы, нечто будничное, не требующее никаких аллегорий, и не отсылающее к вечной жизни души. Смерти предшествуют болезни, уродующие тело до неузнаваемости, и художница изображает ее в суровой и реалистичной (насколько это определение применимо для ее индивидуального стиля) манере. Интересным представляется изображение Керсновской сцены ее собственного побега и встречи со «своей» смертью: здесь художница напротив обращается к визуальной метафоре и принятому в западноевропейском искусстве нарративу – представление смерти как скелета в саване с косой¹⁵.

Завершающим разделом лагерных рисунков Керсновской в журнале «Огонек» является «этап». Первое изображение иллюстрирует сам процесс этапа – заключенных под охраной конвоиров с винтовками перевозят в вагонетках. На дальнем плане изображена пустошь, за которой ничего нет – только заход солнца, как предвестие чего-то неизведанного. На следующем рисунке – обнаженные женщины, напротив них, сидящий на стуле, конвоир: «Стоим мы – одиннадцать голых, мокрых женщин – босые, на каменных плитах, в нетопленном помещении. С нами конвоир. По всему видно: даже ему холодно» [№4: 23]. Е. Керсновская противопоставляет героев не только при помощи надписи, но и колористически: обнаженные женщины, прикрывающие и пытающиеся согреть себя и друг друга, буквально «сливаются» с холодной мертвенно-белой каменной стеной. Вооруженный конвоир изображен отдельно, в меховом тулупе с воротником и шапке-ушанке, стены и пол в той части, где он находится, окрашены в теплые желтовато-коричневые оттенки, что подчеркивает его превосходство, демонстрируя иерархическую систему в стенах лагеря. Отдельно стоит отметить автопортреты художницы, представленные в мемуарах, Керсновская видит и рисует себя коротко стриженной, в брюках и рубашке, напоминающей военную форму, с тугим поясом, зачастую с закатанными рукавами. Этот образ соответствует не только суровой атмосфере ГУЛАГа, но и боевому, невероятно сильному характеру героини графического романа. В ее образе нет элементов женственности, феминности, она предстает перед зрителем в андрогинном образе, напоминая мальчика-подростка, что подтверждается и ее поступками – не раз она даже сама затевает драки.

Образ Е.А. Керсновской как рассказчицы встраивается в классическую систему героического мифа: героем является некий «избранный», человек исключительной силы и доблести, преодолевающий на своем пути множество испытаний, помогающий слабым. Мифологический герой (от античных героев мифов и до современных героев, представленных в массовой культуре) должен пройти через своеобразный обряд инициации – обязательный уход или изгнание из привычного ему мира. Странствуя в неизведанных мирах, герой мифа приобретает помощников и противников, несколько раз оказывается на пороге смерти. Обяза-

¹⁵ Керсновская. Сквозь большую гарь...

тельной особенностью мифологического героя при наличии у него сверхчеловеческой силы, также является его смертность: ведь если бы герой был бессмертен, он был бы равен богу, а читатель уже не мог бы ассоциировать себя с ним¹⁶. Таким образом, главная действующая героиня в мемуарах Е.А. Керсновской полностью вписывается в структуру героического мифа: она прошла инициацию, будучи изгнанной со своей родины по воле высшей силы – власти, попав в лагерь она преодолевает множество препятствий, «встречается» с собственной смертью и вновь демонстрирует сверхчеловеческие силы, как физические, так и моральные, она переходит на все более сложные уровни испытаний (в буквальном смысле опускаясь все ниже и ниже под землю) – от стройки к больнице, от морга к шахте. На этом пути она помогает и пытается спасти других заключенных, рассуждая о случайности того факта, что она до сих пор жива. Изучая графический роман Е.А. Керсновской «Сколько стоит человек» в перспективе гендерных исследований, можно прийти к выводу, что она повествует от первого лица (являясь представителем «первого» поколения) и ее рассказ обращен к разным поколениям: например, к ее матери (которая настояла на создании рисунков), и, конечно же, к широкой публике (от «второго» поколения и далее).

Житие Евфросинии Керсновской // *Огонек*. 1990. 13–20 янв. (№3); 20–27 янв. (№4). [Zhitiie Evfrosinii Kersnovskoj // *Ogonek*. 1990. 13–20 yanv. (№3); 20–27 yanv. (№4)].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Адлер Н. Трудное возвращение: судьбы советских политзаключенных в 1950–1990-е годы, пер. с англ. С.Я. Крушельницкая. М.: Звенья, 2005. 318 с. [Adler, N. *Trudnoe vozvrashchenie. Sud'by sovetских politzaklyuchennykh v 1950–1990-e gody*, transl. from English S.Ya. Krushelnickaja. Moscow: Zven'ja Publ., 2005].
- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности, пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004 [Assman, YA. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turah drevnosti*, transl. from German M. M. Sokol'skoj. Moscow: YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004.]
- Бойко С.С. «Лагерная проза» как этап формирования литературы нового типа // *Новый филологический вестник*. 2015. №3 (34). С. 65–81. [Boyko S.S. «Lagernaja proza» kak etap formirovaniya literatury novogo tipa. *Novyj filologicheskij vestnik*. 2015. N 3. P. 65–81].
- Веселова А.А. Сиблаг в годы войны глазами женщины: памяти Е.А. Керсновской // *Вестник Кузбасского института*. 2015. № 2/23. С. 39–46. [Veselova A.P. *Siblag v gody vojny glazami zhenshhiny: pamjati E.A. Kersnovskoj*. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 2015. N 2. P. 39–46].
- Керсновская Е.А. Сквозь большую гарь. Альбом 4. Рисунок 5 // *Евфросиния Керсновская. Сколько стоит человек*. URL: <https://www.gulag.su/album/index.php?eng=&page=4&list=1&foto=5> [Kersnovskaja E.A. *Skvoz' bol'shuju gar'*. Al'bom 4. Risunok 5. *How Much Does Life Cost*. URL: <https://www.gulag.su/album/index.php?eng=&page=4&list=1&foto=5>
- Керсновская Е.А. Сколько стоит человек. М.: КоЛибри, 2019 [Kersnovskaja E.A. *Skol'ko stoit chelovek*. Moscow: KoLibri Publ., 2019].
- Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. СПб: Алетейя. 2003 [Kristeva J. *Sily uzhasa: jesse ob otrvashhenii*. Saint Petersburg: Aletheia, 2003]
- Лочехина Г.А. Изображение сексуализированного насилия в женских графических романах: Наоми Юдковски и Евфросиния Керсновская // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 4. С. 151–158. [Lochekhina G.A. *Izobrazhenie seksualizirovannogo nasillija v zhenskikh graficheskikh romanah: Naomi Judkovski i Evfrosinija Kersnovskaja*. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2021. N 4. P. 151–158].

¹⁶ Эко 2005: 177–206.

Мельничук Т.А. Реализация текстовых стратегий в графическом романе (на примере графического романа А. Шпигельмана «Maus: a Survivor's Tale») // Политематический сетевой электронный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. №78. С. 1034–1089. [Melnichuk T.A. Realizacija tekstovyh strategij v graficheskom romane (na primere grafического романа А. Shpigel'mana «Maus: a Survivor's Tale»). Politematicheskij setevoy jelektronnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2012. N 78. P. 1034–1089).

Подледнов Д.Д., Казанцева Е.Д. Узник Усольяга: художественный язык К.П. Ротова // Творческая интеллигенция в Прикамье в 1920–1950 гг. Личность и власть. / отв. ред. Ю.З. Кантор. Пермь: Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 2020. С. 44–58. [Podlednov, D.D., Kazanceva, E.D. Uznik Usol'jaga: hudozhestvennyj jazyk K.P. Rotova. Materialy IV Vserossijskogo nauchno-prakticheskoy konferencii «Tvorcheskaja intelligencija v Prikam'e v 1920–1950 gg. Lichnost' i vlast'». Perm: Perm National Research Polytechnic University Publ., P. 44–58].

Хирш М. Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста / пер. с англ. Н. Эппле. М.: Новое издательство. 2021 [Hirsch M. Pokolenie postpamjati: Pis'mo i vizual'naja kul'tura posle Holokosta, transl. from English N. Eppl. Moscow: New Publishing House Publ., 2021].

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. С. Серебрянский // У. Эко. СПб.: Симпозиум, 2005 [Eco U. Rol' chitatelja. Issledovanija po semiotike teksta, transl. from English S. Serebryansky. Saint Petersburg: Symposium, 2005].

Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных // А. Эткинд. М.: НЛО, 2016 [Etkind A. Krivoje gore: Pamjat' o nepogrebennyh. Moscow: NLO, 2016].

Spiegelman A. Maus: A Survivor's Tale New York: Pantheon Books, 1986.

Hirsch M. Family Frames: Photography, Narrative, and Postmemory. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997.

Подледнов Денис Дмитриевич, преподаватель, Департамент медиа, Национальный исследовательский университет «ВШЭ», denis.podliodnov@gmail.com

Казанцева Елена Дмитриевна, заведующий, экспозиционно-выставочный отдел, ГБУК Пермского края «Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36», helenakazantseva@mail.ru

«Freed from the Camp Did Not Mean Liberated from the Camp» Artistic Creativity as a Method of Living Through Traumatic Events

The article is devoted to the relationship between the biography and work of Euphrosyne Kersnovskaya who was a writer, an outsider artist, and a prisoner of the Gulag. In accordance with the concept of post-memory proposed by Marianne Hirsch, the figure of Kersnovskaya belongs to the "first" generation – the individuals and traumatic events of history and social catastrophes took place during the lifetime (a radical tightening of the political background in the USSR, as well as the creation and development of the Gulag system). After her release Kersnovskaya wrote her memoirs, accompanied by a visual narrative series. The authors, using formal-stylistic and semiotic methods, attempted to analyze the visual language of the artist, as well as to identify the key features of the storyline of the memoirs, which reveal the specifics of the GULAG culture. The chronologically structured story and the author's division of memoirs into notebooks and chapters allows subsequent generations (the "second" and "third" generation after eyewitnesses) to "pass" the path of Kersnovskaya – from a landowner to a prisoner of the Gulag. According to the case of Euphrosyne Kersnovskaya, as well as some other imprisoned artists, it can be argued that artistic creation and the creation of memoirs had a therapeutic effect and contributed to the safe "repetition", living, and overcoming an individual psychotraumatic situation.

Key words: Visual Culture, Gulag, Memoirs, Euphrosyne Kersnovskaya, Post-memory, History of the USSR, Culture of the GULAG, Stress, Trauma.

Denis D. Podlednov, Lecturer at the Department of Media Studies, HSE University, denis.podliodnov@gmail.com

Elena D. Kazantseva, Head of The Exhibition Department, State Budgetary Institution of Culture of Perm Krai "The Memorial Reserve Museum of the History of Political Repression Perm-36", helenakazantseva@mail.ru

И.В. НАРСКИЙ

ИСТОРИК, ОЩУЩАВШИЙ СВОЮ ВОВЛЕЧЕННОСТЬ В ИСТОРИЮ ПАМЯТИ ДИТРИХА ГАЙЕРА (1928–2023)

Статья посвящена известному немецкому историку Дитриху Гайеру. В ней он представлен как ученый с оригинальными идеями и изысканным стилем письма, неутомимый организатор науки и контактов между учеными разных стран, щедрый наставник молодых ученых, ответственный и сопереживающий человек. В качестве источников в данном тексте используются труды Дитриха Гайера, а также воспоминания автора статьи о встречах с ним и завязавшаяся в связи с этим знакомством переписка. Помимо вопроса о месте и роли Гайера в организации и развитии международного изучения российской истории в последней трети XX в., этот кейс затрагивает проблему исследовательских, институциональных, логистических горизонтов, которые открывались для бывших советских историков на рубеже XX–XXI вв.

Ключевые слова: *Дитрих Гайер, восточно-европейская история, «общество как государственное мероприятие», организация науки.*

Тюбинген, 28.03.1990.

Глубокоуважаемый господин Нарский,
[...] Недавно в Федеративной Республике на средства Фонда концерна «Фольксваген» создана стипендиальная программа, которая призвана предоставить молодым советским историкам-исследователям возможность некоторое время поработать у нас. Условия для получения такой стипендии Вы узнаете из приложенной памятки. Я предлагаю Вам принять участие в конкурсе в рамках этой программы... Ваша тема представляется мне интересной, и мне думается, что Вы найдете у нас важные материалы.

Тюбинген, 15.06.2018

Дорогой господин Нарский,
сердечно благодарю за присланную Вами конгениальную рецензию... Автор будет рад столь глубокой оценке его труда. При чтении я многое узнал и о Вашем стиле работы и сожалею, что слишком мало и поверхностно познакомился с Вашими собственными исследованиями. Для начала я распечатал обширную библиографию, которую Вы оставили в архиве Исторической коллегии и надеюсь, что я прочту хотя бы Вашу фото-биографию. [...]
С добрыми пожеланиями относительно Вашего преподавания в Мюнхене и самым теплым приветом, к которому присоединяется моя жена,
Ваш Дитрих Гайер
P.S. Будучи футбольными болельщиками, мы вчера порадовались победе российской команды.

Приведенные цитаты из двух писем известного (западно)германского историка автору этой статьи вчерне маркируют границы, содержание и траекторию взаимоотношений, длившихся треть века. Первое из них адресовано начинающему историку, недавно защитившему кандидатскую диссертацию в Институте истории СССР АН СССР. Второе – бывшему стипендиату престижной Исторической коллегии (Мюнхен) и исполняющему обязанности профессора на кафедре восточно-европейской истории Мюнхенского университета. Тон первого письма доб-

рожелательный, но строго официальный. Второе письмо дышит теплотой, заинтересованностью, дружеским участием и содержит приватные подробности, уместные при многолетнем знакомстве.

Поводом для написания этого текста стало печальное событие. 19 октября 2023 года Дитрих Гайер скончался, немного не дожив до 95-летия. Эта смерть, несмотря на преклонный возраст и многолетнее нездоровье покойного, стала потрясением для его близких, коллег, друзей и учеников. В том числе для меня. Решившись написать о Дитрихе Гайере, я за письменным столом проделываю работу траура. Свою задачу я вижу в том, чтобы еще раз задаться вопросом о месте и роли этого историка в организации и развитии международного изучения российской истории в последней трети XX века и, в рамках этого кейса, коснуться проблемы горизонтов, которые открывались для бывших советских историков на рубеже XX–XXI вв.

Последующее изложение будет построено следующим образом. Прежде всего, нужно познакомить читателя с Дитрихом Гайером как организатором науки, упомянув основные вехи его профессионального становления и особенности организации международного сотрудничества в руководимом им Институте восточноевропейской истории и страноведения Тюбингенского университета. В этом контексте уместно пунктирно осветить обстоятельства моего знакомства с ученым и на собственном примере осветить его роль в развитии персональных траекторий многих историков из бывшего СССР. Далее речь пойдет о научном багаже Дитриха Гайера, масштабы которого, на мой взгляд, недооценены (или забыты) за пределами немецкоязычного пространства Центральной Европы (в России особенно). Затем стоит несколькими штрихами рассказать о человеческих качествах тюбингенского историка. Текстов на эту тему почти нет, главным образом по причине скромности Дитриха Гайера, который при жизни чувствовал себя неуютно от чрезмерного, по его мнению, внимания к его персоне. В контексте сюжета о человеческом измерении его фигуры уместно вернуться к историку Гайеру, который ощущал вовлеченность самого себя (и всех нас) в исследуемое прошлое. Его эмпатия к ближним и дальним воплотилась в его действиях, к которым относятся и созданные им тексты.

«Любопытство к “Востоку” вместо обороны»

Так озаглавлен некролог, опубликованный в тюбингенской газете в память о Дитрихе Гайере его преемниками на посту директора университетского института (его учеником) Дитрихом Байрау и Клаусом Гествой¹. Эта формулировка как нельзя лучше отражает ориентацию Дитриха Гайера на международное сотрудничество с историками из «социалистического лагеря» задолго до окончания холодной войны.

Но начнем с основных вех его биографии. Однажды после изысканной трапезы по случаю дня рождения Дитриха Гайера, 67-летний

¹ Beyrau / Gestwa 2023.

виновник торжества доверительно признался, что до сих пор во время подачи блюд не может избавиться от ощущения, что ему не хватает еды. Гайер принадлежал к поколению «помощников ПВО», к возрастной когорте, «слишком юной, чтобы персонально провиниться при нацистском режиме, но слишком взрослой, чтобы быть избавленной от службы на гитлеровской войне»². Он родился в 1928 г. в Тюрингии в семье учителя, в 1935–1944 гг. учился в Грайце и Наумбурге. Затем, в возрасте 15–16 лет, он служил помощником в зенитной батарее в Штеттине (ныне польский Щецин), затем в трудовой армии в Восточной Пруссии, а последние месяцы войны – в вермахте (в фольксштурме).

В 1947 г. Гайер окончил школу в Грайце, а затем изучал славистику и историю в восточногерманском Ростоке и – с 1949 г. – западногерманском Гёттингене. В 1952 г. состоялась защита его диссертации о русском изобразительном искусстве в пору становления реализма, которую сам диссертант характеризовал как «скорее скудную, чем блестящую»³. В 1952–1954 гг. Гайер работал в редакции «Справочника по Восточной Европе», основанного по инициативе Вернера Маркерта (1905–1965), который вскоре стал первым директором Института восточноевропейской истории и страноведения в Тюбингене. В 1954–1960 гг. Гайер работал ассистентом Маркерта в Тюбингене, где была подготовлена и защищена в 1960 г. вторая диссертация (хабилитация) о роли Ленина в российской социал-демократии. После короткого пребывания на посту руководителя пресс-службы Тюбингенского университета Гайер в 1962 г. получил профессуру по восточноевропейской истории в университете Франкфурта-на-Майне. В 1965 г. он сменил Франкфурт на Тюбинген, где до выхода на пенсию в 1994 г. возглавлял Институт восточноевропейской истории и страноведения.

В отличие от своего предшественника, который в целом разделял настроения холодной войны, хотя и не был слепым пленником пропагандистских клише, Дитрих Гайер ориентировался на партнерские отношения не только с западными историками. Как сам он рассказывал, особенностью его позиции было соблюдение равновесия в международном сотрудничестве с историками с Запада и Востока. Первым, по словам Гайера, историком – гостем Института восточноевропейской истории и страноведения стал А.М. Некрич, автор опальных исследований о начале Великой Отечественной войны и о сталинских этнических депортациях. Гайер активно предоставлял возможности руководимого им института для стипендиатов немецких программ из (бывшего) СССР и других социалистических стран, в том числе стипендиатов Фонда Александра фон Гумбольдта, которым в 1995 г. при его деятельном участии стал и я. Одновременно со мной гумбольдианцем – гостем Института была автор замечательных книг о культе Ленина в СССР Ольга Великанова. Наше годовое пребывание в Тюбингене сменил другой гумбольд-

² Geyer 1999: 144.

³ Geyer 1999: 118.

дианец, Б.Н. Миронов, работавший в то время над беспрецедентным по фундаментальности двухтомником «Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.)».

Самое время обратиться к обстоятельствам нашего знакомства. Оно оказалось результатом счастливой случайности. В конце 1987 г. я оказался в ФРГ переводчиком группы советских учителей. У меня был хороший немецкий благодаря тщательной подготовке к двум неудачным попыткам поступить в МГУ. По распределению из Челябинского государственного университета я отработал в 1983–1986 гг. секретарем школьного комитета ВЛКСМ, поэтому имел связи в турбюро «Спутник», и обо мне вспомнили, когда неожиданно заболел штатный переводчик. В ФРГ я познакомился с немцем с русскими корнями, сыном беглецов из революционной России. Между мной и Паулем, который был на поколение старше меня, завязалась переписка, из которой летом 1988 г. я узнал, что Пауль недавно преподавал в «Тюбинге» древнегрузинский и армянский языки. Вот тогда-то я и решил попытаться счастья в установлении научных контактов с немецкими историками.

Вскоре я получил от своего научного руководителя, В.В. Шелохаева, информационно очень насыщенную и идеологически непредвзятую книгу о западных школах и центрах изучения истории РСДРП. Очень обстоятельный очерк в ней о западногерманских коллегах написала его сотрудница Н.И. Канищева⁴. Институту восточноевропейской истории и страноведения Тюбингенского университета и его директору было посвящено, если мне не изменяет память, несколько страниц.

Весной 1989 года Пауль привез в СССР для путешествия по святым местам группу швейцарских энтузиастов, которым до этого преподавал русский язык и православную культуру. Во время нашей встречи в Москве я передал Паулю автореферат готовой к защите кандидатской диссертации. На вопрос, кому передать брошюрку, у меня был заготовлен твердый ответ. В июне 1989 г. Пауль передал автореферат Дитриху Гайеру, который предложил, чтобы я напрямую написал ему, сообщив о текущем и будущем проектах, приложив CV и выяснив, каковы возможности советских институций направить молодого ученого в зарубежную командировку. Незнакомые слова «фонд», «исследовательский проект», «грант», «заявка на получение стипендии», *curriculum vitae* повергли меня в панический ужас. Не помню, что я написал в Тюбинген, но весной 1990 г. я получил письмо от Гайера, процитированное в начале этой статьи. Гайер объяснил задержку с ответом отсутствием реальных возможностей для моего приезда в ФРГ, которые теперь резко возрастают благодаря фонду «Фольксвагена». Летом мы с коллегой написали совместную заявку – довольно беспомощную во всех смыслах, как я теперь понимаю, и поздней осенью 1990 года получили отказ. Из двухсот заявок советских историков была удовлетворена примерно каждая седьмая.

⁴ Агафонов, Канищева, Морозов 1989.

Минул год. На основе диссертации из печати вышла моя первая монография. Пауль в январе 1992 г. передал ее Гайеру. К тому времени с их первой встречи прошло полтора года, и занятой директор не хотел даже останавливаться с неузнанным посетителем. Однако потом вспомнил его и пригласил в свой кабинет. Мне вновь было предложено прислать ему пакет документов на краткосрочный грант. На этот раз я написал заявку на исследование российского либерализма, и осенью 1992 г. узнал, что выиграл стипендию на два месяца.

Наша первая встреча с Дитрихом Гайером состоялась в понедельник, 11 января 1993 г. На десяти- и двадцатилетие этого события я с благодарственным словом звонил Гайеру как одному из главных виновников моих успехов после защиты кандидатской (и докторской) диссертаций. А тот каждый раз просил не переоценивать его роль в моей судьбе. Как видим, цепь случайных совпадений, противоречивых событий, череды успехов и неудач в конце концов, через пять лет после начала этого пути, привела к нашему очному знакомству. К этой встрече и тому, что последовало за ней, нам еще предстоит вернуться после того как будет пунктирно очерчен круг идей Дитриха Гайера – исследователя.

«Общество как государственное мероприятие»

Эту знаменитую фразу Дитриха Гайера Йорг Баберовский выбрал в качестве заглавия для послесловия к книге, созданной на основе записей лекций Гайера 1992–1994 гг.⁵ Так же он озаглавил некролог на смерть Гайера в электронной версии «Frankfurter Allgemeine Zeitung»⁶. И попал в точку. Я рискую быть заподозренным в отсутствии исследовательской фантазии, несамостоятельности мысли и даже в плагиате, но не могу устоять от искушения озаглавить размышления о научном наследии Дитриха Гайера этой же формулой. Потому что она точно отражает ядро концепции Дитриха Гайера о специфике российской истории.

Гайер сформулировал тезис об «обществе как государственном мероприятии» в статье о специфике российского бюрократического государства XVIII века, опубликованной в 1966 г. Слово «общество» появилось в русском канцелярском языке применительно к сословным дворянским организациям, создававшимся в правление Екатерины II. Однако формула Гайера имеет более широкий контекст, подразумевая специфику российской и советской государственности, природу и своеобразие российского и советского общества, характерные черты взаимоотношений государства и населения, начиная с эпохи Ивана Грозного и до краха СССР, как явствует из курса лекций Гайера⁷.

В основе подхода Дитриха Гайера к исследованию и интерпретации истории России и СССР лежала оптика молодой социальной истории, которая в 1960–1970-е гг. институционализировалась и задавала тон в ФРГ. При анализе исторических процессов Нового времени фокус

⁵ Baberowski 2020: 447.

⁶ Baberowski 2023.

⁷ Geyer 2020.

сместился в ту пору с анализа политических событий и деятелей на социально-экономическое развитие и социальные группы, в теоретической оснастке теории тоталитаризма были потеснены (европоцентричными) концептами модернизации, большие надежды возлагались не на наблюдательность и исследовательское воображение историка, а на математические методы анализа и инструментарий (количественной) социологии.

Дитрих Гайер с блеском применял достижения социальной истории, помещая в своих исследованиях политические феномены и исторических деятелей – будь то русская революция⁸, российский империализм⁹ или В.И. Ленин¹⁰ – в тщательно проработанный исторический контекст и хитросплетения социальных процессов большой длительности. Лидер большевиков под пером Гайера превращается в заложника российской отсталости, обреченного во имя создания нового общества в условиях дефицита политических, социально-экономических и культурных предпосылок на возрождение практик по конструированию общества сверху, государственной милостью, открывая путь все более радикальным решениям вплоть до Большого террора. Революция в России благодаря виртуозной социальной контекстуализации из трех ступеней – буржуазной (1905), демократической (февраль 1917) и социалистической революции (октябрь 1917) превращалась в единый длительный процесс, в котором царские министры и сталинские комиссары между 1890 и 1930 гг. пытались решить проблему индустриализации и модернизации отсталой крестьянской страны в сжатые сроки. Российский империализм оборачивался не «высшей стадией капитализма» в ленинской интерпретации, а сложно затянутым узлом из проблем полиэтнической империи, претензий на место в концерте европейских великих держав, комплексом опаздывающего развития и конфликтов, рожденных попытками ускоренного насаждения промышленности.

Дитрих Гайер использовал инструментарий социальной истории, с благодарностью ссылаясь на влияние, которое на него оказали представители этого направления. С одним из отцов-основателей социальной истории в Западной Германии Гансом-Улдрихом Велером его связывали дружеские отношения¹¹. Вместе с тем, Гайер избежал тех крайностей, которые отличали классическую социальную историю 1960–1970-х гг. Он никогда не попадал под обаяние количественных методов и «птичьего» языка, непонятного за пределами узкого учебного сообщества. Ни одна из его книг эпохи триумфа социальной истории не перегружена пухлыми приложениями с таблицами, диаграммами и схемами. Его работы написаны с блеском. Уже достаточно хорошо владеет немецким языком, я каждый раз изумлялся новым словам и ярким фразам, впервые вычитанным или услышанным у тюбингенского интеллектуала.

⁸ Geyer 1968.

⁹ Geyer 1977.

¹⁰ Geyer 1962.

¹¹ Geyer 1977: 9.

Впрочем, Гайера не соблазняли и многочисленные культуралистские повороты 1970–2000-х гг., в которых он хорошо ориентировался, но сохранял в отношении их использования суверенную позицию. Он отказывается от «постмодерных аттитюдов» в своей книге «Умопомрачение и бешенство: Начало психиатрии в Германии», где имя Мишеля Фуко на 350 страницах встречается всего один раз¹². А в автобиографической книге о детстве и юности в нацистской, Восточной и Западной Германии он отвергает психоаналитическую интерпретацию в качестве травмы той идеологической обработки и муштры в школе для будущей нацистской элиты, через которую он прошел¹³.

Тексты Дитриха Гайера отличают неординарная широта эрудиции, глубина анализа, смелые идеи, точные формулировки, запоминающиеся образы. Доклад Гайера «Восточноевропейская история и конец коммунистического времени»¹⁴, с которым он выступил 28 октября 1995 г. на заседании Гейдельбергской академии наук, ярко и убедительно описывает попытки гуманитариев определить конец эпохи (и истории) и контуры будущего, анализирует состояние изучения российской и восточноевропейской истории по обе стороны рухнувшего «железного занавеса», лаконично, но убедительно рисует перспективы исследования Восточной Европы, задачи историков и славистов в деле включения в новую Европу ее восточной оконечности. Признаюсь, этот доклад позволил мне с минимальными затратами времени и энергии наверстать многочисленные пробелы в своем образовании и разобраться в том, что происходило в последние годы в международном историческом цехе.

К сожалению, труды Дитриха Гайера в России недостаточно известны и явно недооценены. Им не повезло с переводами. А жаль. Иначе на уровне последнего слова исторической науки русскоязычная публика, возможно, узнала бы о «вотчинном укладе» Российского государства и проблемах полиэтнической империи не из книг Р. Пайпса и А. Каппелера, а из изящных и убедительных текстов, написанных значительно раньше Д. Гайером. Представленный советским историкам в критических обзорах 1960–1970-х гг. как «буржуазный фальсификатор», реабилитированный в 1980–1990-е, Дитрих Гайер в последние годы оказался фигурой, несправедливо забытой в российской историографии¹⁵.

«Охотно помогу Вам»

Вернемся к первой встрече с Дитрихом Гайером. 11 января 1993 года в заранее назначенный час я пришел в Hengelbau, здание имени Гегеля, в котором с 1970-х гг. значительную часть первого этажа (с огромной библиотекой под ним) занимает возглавляемый Гайером в те годы Институт. Из большого зала для семинаров, в котором мне через десять лет выпадет честь читать лекции и вести практические занятия, вышел раз-

¹² Geyer 2014: 313.

¹³ Geyer 1999: 144.

¹⁴ Geyer 1996.

¹⁵ Лукьянчикова 2010.

горячанный успешной дискуссией мужчина с седеющей шевелюрой и бородой, в белоснежной рубашке и элегантном костюме. Отпирая дверь своего кабинета, профессор широко улыбнулся мне и пригласил войти. Мы сидели за его столом, беседовали и беспрестанно курили около часа. Мой визави расспрашивал меня о жизни, семье, профессиональных планах. Говорил не спеша, тщательно подбирая и обдумывая слова. Его устная речь была столь же блистательной, как и его тексты.

Господин Гайер считал, что два месяца в Германии я должен посвятить подготовке более основательной заявки на исследовательский проект, над которым я смог бы целый год работать в Германии. Мне был вручен пакет с материалами о Фонде Александра фон Гумбольдта, об условиях подачи в него исследовательской заявки и перечень обязательных для конкурса сопроводительных бумаг. Затем в течение двух месяцев в Германии и почти одного года в России я изучал состояние международной историографии, разбирался с необходимым источниковым комплексом, писал текст заявки, многократно обсуждая ее в переписке с Гайером, который помогал ценными советами и подбадривающими оценками. В январе 1994 г. Дитрих Гайер получил мой текст нового исследовательского проекта о перспективах компаративного исследования российского либерализма в европейском контексте и направил в Фонд Александра фон Гумбольдта письмо о готовности поддержать меня в исследовательской работе и принять в стенах Тюбингенского университета. В июле 1994 года я получил из Фонда сообщение о том, что выиграл конкурс и могу на год приехать в Германию. Отложив поездку еще на год ради защиты докторской диссертации, в сентябре 1995 г. я приступил к реализации проекта в Институте восточноевропейской истории и страноведения Тюбингенского университета.

В этой связи считаю необходимым назвать некоторые особенности нашей коммуникации в последующую четверть века, которые проливают свет на человеческие кондиции Дитриха Гайера. Прежде всего, он ни разу не отказал мне в поддержке, хотя неоднократно внешние обстоятельства этому способствовали. Он мог отойти в сторону в 1992 г., после моей первой, неудачной заявки в Фонд «Фольксвагена». В 1993 г., когда я получил двухмесячную стипендию этого фонда. Или в 1994 г., когда я выиграл годовой грант, а он вышел на пенсию. Или позже, когда стало подводить здоровье. Дитрих Гайер был очень ответственным человеком. Приняв на себя заботу, он не отказывался от нее.

Думаю, очень много о благотворном влиянии, профессиональной поддержке, дружеском участии Дитриха Гайера могли бы рассказать его многочисленные успешные ученики и коллеги – те, кто учился у него, защищал диссертации, работал с ним бок о бок, а со временем стал маститым ученым и возглавил центры по преподаванию и исследованию восточноевропейской истории: Вольфганг Айхведе (Бременский университет, 1974–2008), Бернд Бонвеч (Рурский университет, 1980–2003,

Германский исторический институт в Москве, 2003–2009), Манфред Хильдермайер (Гёттингенский университет, 1985–2015), Рудольф Яворски (Кильский университет, 1987–2009), Дитрих Байрау (университеты Франкфурта-на-Майне, 1988–1994 и Тюбингена, 1994–2007), Бианка Пиетров-Эннкер, (университет Констанца, 1995–2017) и др.

Ограничусь своим, несравненно более скромным опытом общения с этим замечательным человеком. Поддержка со стороны Дитриха Гайера всегда была деятельной. Она выдавала в нем большого педагога и щедрого наставника. Во время переписки по поводу заявки в Фонд Гумбольдта он не только давал советы, но и подробно объяснял, как их можно реализовать: как показать, что имеется хороший задел в работе; как корректно сформулировать постановку вопросов; как обосновать необходимость работы над российской проблематикой за пределами страны. Когда я на год приехал в Тюбинген после успешной защиты докторской диссертации, Гайер помог мне с организацией серии докладов о завершённом исследовании и инициировал рецензию на уже вышедшие книги. Он присутствовал на всех моих докладах в Тюбингене между 1996 и 2015 гг. и принимал живое участие в дискуссиях.

В сентябре 2000 года познакомившись с моей рукописью будущей книги о повседневной жизни населения Урала во время гражданской войны 1917–1922 гг., большую часть которой я написал в Тюбингене, Дитрих Гайер запиской предложил мне созвониться и срочно встретиться. На встрече он в первую очередь спросил, что может сделать для публикации книги и ее продвижения в Германии. При этом он попросил меня во введении к книге не включать его в благодарственный список. Это был единственный случай, когда я воспротивился его совету. Потому что он был первым, кто предложил мне заняться историей повседневности России. Без общения с ним и другими тюбингенскими коллегами на рубеже веков мой путь в науке, содержание и стилистика всех моих будущих книг наверняка были бы другими.

Эпизод с благодарственным списком высвечивает еще одну важную черту Дитриха Гайера. Его отличала удивительная скромность, контрастировавшая с масштабом личности. Он сокрушался, что говорит по-русски как дитя, что не мешало ему на встречах с советскими и российскими коллегами вести дискуссию по самым сложным проблемам. В своих поражающих эрудицией текстах он подчеркивал, что избранный им предмет исследования ограничен рамками его компетенции. Он никогда не похвалялся своими ресурсами, знакомствами и возможностями. Он делился исследовательскими планами на будущее, но предпочитал не обсуждать уже написанные им тексты. Гайер не рассказывал мне о статье об «обществе как государственном мероприятии», но хвалил свою студентку, которая по его предложению написала блестящую работу о российском «обществе» в стиле только-только рождавшейся истории понятий. За редчайшими исключениями, мы никогда не обсуж-

дали ни его, ни мои книги. Мне было неловко хвалить его изумительные тексты: это казалось мне неуместным в силу того, что как исследователи мы принадлежали к разным весовым категориям. Гайер в последнем письме, процитированном в начале статьи, со свойственной ему скромностью сетует, что недостаточно знает мое творчество. Но в 1990–2000-е, пока его не подводило здоровье, а мои публикации регулярно поступали в его распоряжение, он внимательно следил за моими шагами в науке. Он никогда не характеризовал меня в глаза, не желая вогнать в краску. Но в письменных рекомендациях хвалил меня в соответствии с этим жанром. О его лестных характеристиках в мой адрес я узнавал от коллег. Однажды это создало несколько комичную и неловкую ситуацию, когда при большом стечении публики перед моим выступлением на конференции модератор объявил, что Дитрих Гайер назвал меня уральским Людтке. Причем это произошло в присутствии самого основателя истории повседневности в Германии Альфа Людтке и Дитриха Гайера, который из первого ряда большого зала с сияющей улыбкой махал мне рукой, пытаясь унять мое смущение. Гайер мог и в моем присутствии сказать что-то лестное обо мне, но делал он это, обращаясь к третьему лицу. Часто этим лицом была его супруга Зигрид Гайер (урожденная фон дер Хайде), маленькая стройная блондинка без возраста с хореографической выправкой, всегда в безупречном льняном костюме в тон ее гладко забранным назад золотистым волосам. Благодаря ее гостеприимству, вкусу, кулинарному мастерству, умению вести беседу и не обделить вниманием никого из гостей визит к Гайерам каждый раз превращался в настоящий праздник, который запоминался надолго.

Наверное, на этом можно было поставить точку, погоревав о том, что все описанное здесь осталось в прошлом. Но нет, это не так.

«Последний долг семидесятилетних»

Дитрих Гайер всегда чувствовал свою причастность к истории, которую он изучает. В книге о русской революции, увидевшей свет в разгар студенческого бунтарства 1968 года, когда в Тюбингене над зданием ректората развивался водруженный студентами красный флаг, Гайер пишет: «Хотя споры о 1917 годе уже имеют собственную историю, хотя памятников ей больше, чем здравствующих свидетелей, несмотря на безвремение, не пропадает впечатление, что русская революция маркирует поворот, в который втянут наш век, втянуты мы сами»¹⁶.

Доклад Гайера 1995 г. о восточноевропейской истории по завершении коммунистической эпохи завершается программным заявлением:

«Можем ли мы, размышляя о будущем Европы, освободить себя от ответственности за то, что происходит с наследием советской империи? Есть только один ответ: нет! Середина Европы, немецкая и славянская середина, не могут стать самими собой, если Россия окажется вне Европы, если возникнет новый санитарный кордон, который превратит демократические национальные государства между Балтикой и Балканами в бастион против

¹⁶ Geayer 1968: 9.

«дикого Востока». Предотвращение этого должно стать одной из великих задач ближайшего будущего, и к профессиональному долгу специалистов по восточно-европейской истории (и литературе) принадлежит задача своими средствами заострить понимание того, что новая Европа не имеет права потерять славянский Восток»¹⁷.

Дитрих Гайер превращал свой опыт в инструмент научного исследования. Это происходило по-разному. Его богатые познания ученого позволяли ему прогнозировать задачи на будущее во имя предотвращения человеческих несчастий. Но и его собственный опыт страданий мог стать мощным исследовательским импульсом, как, например, в случае его обращения к истории дофрейдовской психиатрии¹⁸ или собственному детству в антураже национал-социализма¹⁹. Подводя итоги своим автобиографическим воспоминаниям, Дитрих Гайер констатирует:

«Пока нельзя сказать, удадутся ли вообще и куда приведут нас попытки преодолеть границы, объединить опыт страданий разных наций и создать такие формы поминовения, которые могли бы не разъединять, а объединять народы. Пусть содействие этим усилиям будет особой задачей тех, кому сегодня семьдесят – последней задачей в их жизни. Своим рассказом я хотел бы внести в это дело свой вклад, каким бы скромным он ни оказался»²⁰.

Принято поправлять студентов младших курсов, которые в своих первых текстах излагают прошедшее в настоящем времени, следуя примеру не самой взыскательной публицистики. Я же на последней странице своего рассказа сознательно перевожу бывшие действия моего персонажа в текущие: Дитрих Гайер пишет, заявляет, констатирует. Это не погрешность стиля. Для меня, как и для многих его коллег, Дитрих Гайер остается очень важным референтным лицом. Он будет сопровождать (не только меня) по жизни. Вопрос о том, что в этой ситуации он бы сказал или сделал, не будет праздным. Своими текстами, которые не утрачивают удивительную свежесть, он будет заявлять и констатировать, побуждать думать и помогать ориентироваться в науке и жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Агафонов О.В., Канищева Н.И., Морозов Е.Г. Западная немарксистская историография РСДРП: основные направления, исследовательские центры, архивы. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1989. 108 с. [Agafonov O.V., Kanischeva N.I., Morozov E.G. Zapadnaya nemarksistskaya istoriografiya RSDRP: osnovnyye napravleniya, issledovatel'skiye centry, arkhivy. M.: In-t marksizma-leninbzbzma pri CK KPSS, 1989. 108 s.]
- Агафонов О.В., Канищева Н.И., Морозов Е.Г. Western non-Marxist historiography of the RSDLP: main directions, research centres, archives. Moscow: Institute of Marxism-Leninism under the CPSU Central Committee, 1989. 108 p.
- Лукияничкова М.В. Научная школа проф. Д. Гайера в советской исторической критике // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2010. Вып. 3. С. 115–120. [Luk'yanchikova M.V. Nauchnaya shkola prof. D. Gajyera v sovetskoj istoricheskoy kritike // Vestnik SPbGU. Ser. 2. 2010. Vyp. 3. S. 115 – 120. Luk'yanchikova M.V. Scientific school of Prof. D. Geier in the Soviet historical criticism // Vestnik of SPbSU. Ser. 2. 2010. № 3. P. 115–120.]

¹⁷ Geyer 1996: 62.

¹⁸ Geyer 2014.

¹⁹ Geyer 1999.

²⁰ Geyer 1999: 146 – 147.

- Baberowski J. Nachwort: Gesellschaft als staatliche Veranstaltung. Dietrich Geyer schreibt Geschichte // Geyer D. Das russische Imperium. Von den Romanows bis zum Ende der Sowjetunion. Berlin: De Gruyter, 2020. 447–452.
- Baberowski J. Gesellschaft als staatliche Veranstaltung, FAZ, 29.20.2023 // <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/begruender-der-osteuropa-forschung-dietrich-geyer-gestorben-19276365.html>
- Beyrau D., Gestwa K. Statt Abwehr eher Neugier auf «den Osten» // Schwäbisches Tagblatt. 26.10.2023, <https://www.tagblatt.de/Nachrichten/Statt-Abwehr-eher-Neugier-auf-den-Osten-607521.html>
- Geyer D. Lenin in der russischen Sozialdemokratie. Die Arbeiterbewegung im Zarenreich als Organisationsproblem der revolutionären Intelligenz, 1890–1903. Köln u. a.: Böhlau Verlag, 1962. XXVI + 447 S.
- Geyer D. «Gesellschaft» als staatliche Veranstaltung. Sozialgeschichtliche Aspekte des russischen Behördenstaats im 18. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 14, 1966, S. 21–50.
- Geyer D. Die russische Revolution. Historische Probleme und Perspektiven. (1968). 4. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1985. 170 S.
- Geyer D. Der russische Imperialismus. Studien über den Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik 1860–1914. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. 344 S.
- Geyer D. Osteuropäische Geschichte und das Ende der kommunistischen Zeit: vorgetragen am 28. Oktober 1995. Heidelberg: Winter, 1996. 62 S.
- Geyer D. Reußenkrone, Hakenkreuz und Roter Stern. Ein autobiographischer Bericht. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. 152 S.
- Geyer D. Trübsinn und Raserei. Die Anfänge der Psychiatrie in Deutschland. München: Beck, 2014. 352 S.
- Geyer D. Das russische Imperium. Von den Romanows bis zum Ende der Sowjetunion. Berlin: De Gruyter, 2020. S. 465.

Нарский Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор, кафедра междисциплинарных исторических исследований, Пермский государственный национальный исследовательский университет; научный консультант, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, inarsky@mail.ru

A historian who felt connected to history In memory of Dietrich Geyer (1928–2023)

The article is dedicated to the famous German historian Dietrich Geyer (1928–2023). It presents him as a scientist with original ideas, as a brilliant writer, as a tireless organizer of science and contacts between scientists from different countries, as a generous mentor of young scientists, as a responsible and sensitive person. The sources on which this text is based are Dietrich Geyer's writings as well as the author's memories of meetings with him and the resulting correspondence. In addition to the question of Geyer's place and role in the organization and development of the international study of Russian history in the last third of the twentieth century, this case study also addresses the problem of the scholarly, institutional and logistical horizons that opened up for former Soviet historians at the turn of the twentieth and twenty-first centuries.

Key words: Dietrich Geyer, Eastern European history, «society as a state event», organization of science

Igor Vladimirovich Narskii, Dr. Sc., Professor, Department of Interdisciplinary Historical Studies, Perm State National Research University, Scientific consultant, State Humanitarian-Pedagogical University of the Southern Urals; inarsky@mail.ru

Л.В. КОРОБИЦЫНА, О.В. КРУЖКОВА

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ВАНДАЛИЗМ КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ¹

Опираясь на статистические данные по совершенным в России за последние три года преступлениям в отношении мест памяти защитников Отечества, а также анализируя кейсы нападений вандалов на Вечный огонь, авторы обращаются к комплексному рассмотрению проблемы историко-культурного вандализма как «изнанки» коллективной памяти общества. Девальвируя и снижая культурную и материальную ценность объектов исторического наследия, вандальный акт свидетельствует о снижении обществом понимания значения ритуальных практик увековечивания памяти героев. Вместе с тем преступники не всегда являются осознанными инициаторами трансформации исторической памяти, зачастую вандализация происходит по причине низкого уровня личностной значимости объекта памяти, пробелов в воспитании, а также внешнего влияния.

Ключевые слова: *вандализм, историческая память, мемориалы, коммеморативные практики, обесценивание, городская среда.*

Формирование ценностного отношения к историческому наследию в настоящее время приобретает особое звучание в связи с разворотом государственной политики в сторону регламентации преподавания российской истории. Все большую актуальность приобретают исследования, посвященные проблеме сохранения исторической памяти, разработке и внедрению практик передачи духовно-нравственного опыта². Вместе с тем, в стороне нередко остаются деструктивные феномены, отражающие так называемую «изнанку» коллективной памяти о прошлом – например, историко-культурный вандализм.

Вандализм как одна из форм проявления девиантного поведения выступает предметом изучения широкого круга научных знаний: психологии, юриспруденции, искусствоведения, филологии и даже истории. При этом с исторических позиций, в тот момент, когда деструктивный акт направлен на культурный и исторически значимый объект, – например, тушение вечного огня или нанесение надписей на мемориалы, – мы сталкиваемся не только с социально-психологическим явлением и формой выражения коллективной памяти, но и с борьбой с прошлым посредством разрушения и уничтожения символов, связанных с ним.

Изучение столь многоликого явления невозможно в пределах теоретико-методологического и понятийного аппарата отдельно взятой науки, оно связано с выходом в поле междисциплинарности и тесного переплетения инструментария различных областей знания. Использование статистических данных по зафиксированным правонарушениям,

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 23-28-01487 / The study was supported by the Russian Science Foundation grant 23-28-01487, <https://rscf.ru/project/23-28-01487>.

² Ассман 2022; Прошлое для настоящего 2020; Политика памяти в России 2023; Коробицына 2022; 2023; Леонтьева, Репина 2019; Рязанова, Митрофанова 2022.

а также анализ культурного и социально-психологического аспекта совершения вандального акта в отношении памятников культуры позволяют осмыслить актуальные тенденции в развитии данного явления и выявить взаимосвязь с трансформацией исторической памяти.

Целью исследования является рассмотрение механизма трансформации исторической памяти инструментами вандального преобразования памятников культуры на основе кейсов вандализма в отношении мемориалов «Вечный огонь». Анализ проводился с использованием статистических данных, предоставленных Главным информационно-аналитическим центром Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – ГИАЦ МВД России)³, а также на основе анализа всех публикаций с упоминанием «Вечного огня», размещенных на новостном портале Lenta.ru за весь период с 1999 года по настоящее время (260 публикации, из них описание 94 фактов вандальных действий в отношении «Вечного огня», из которых в данной статье приведено 46 кейсов).

В настоящее время Уголовным кодексом Российской Федерации предусмотрено несколько статей, устанавливающих ответственность за совершение вандального акта. К ним относятся статья 214 УК РФ⁴, согласно которой вандализм понимается как осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах, в том числе совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. В статье 243 УК РФ⁵ отводится отдельное внимание уничтожению или повреждению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей. При этом статьей 243.4 УК РФ⁶ отдельно указаны повреждение и уничтожения воинских захоронений, памятников, стел, обелисков и иных мемориальных сооружений, увековечивающих память героев и погибших при защите Отечества. Вынесение деструктивных актов, направленных на памятники культуры и исторические ценности, в отдельные статьи, подчеркивает различия в смысловой и идеологической наполненности между вандализмом и историко-культурным вандализмом.

Согласно данным, предоставленным ГИАЦ МВД России, в 2020 г. сотрудниками МВД России было выявлено 2810 актов вандализма классифицированных по статье 214 УК РФ, 125 актов – по статье 243 УК РФ и 3 акта – по статье 243.4 УК РФ. Данные показатели являются относи-

³ Данные получены из ГИАЦ МВД России по официальному запросу в МВД РФ.

⁴ Консультант. Статья 214.

⁵ Консультант. Статья 243.

⁶ Консультант. Статья 243.4.

тельно релевантными в силу того, что статья 243.4 УК РФ была внесена в Уголовный кодекс Российской Федерации только в апреле 2020 года⁷, что обусловило более короткий промежуток времени и отсутствие необходимой практики, в т.ч. судебной, для классификации преступлений по новой статье. В 2021 г. наблюдалось незначительное повышение числа вандальных актов: статья 214 УК РФ – 2917 преступлений, статья 243 УК РФ – 130 преступлений, и статья 243.4 УК РФ – 22 преступления.

Однако наибольший интерес представляют данные за 2022 год. Согласно информации, представленной ГИАЦ МВД России число преступлений по статье 214 УК РФ снизилось до 2395, по статье 243 УК РФ снизилось до 113, в то время как преступления по статье 243.4 УК РФ, достигли 129, что свидетельствует о росте вандальных актов в отношении объектов, увековечивающих память о погибших при защите Отечества, более чем на 400% в сравнении с предыдущим годом. Столь значительный рост историко-культурного вандализма на фоне снижения так называемых обычных вандальных актов не может быть связан исключительно с увеличением практики классификации правонарушений по статье, введенной в 2020 г., скорее данные цифры отражают тенденции, характеризующие попытки трансформации исторической памяти в сторону уничтожения и обесценивания определенных символов прошлого.

Следует отметить, что специфика историко-культурного вандализма последних лет выражается не только в количественных показателях, но и в качественных изменениях, которые особенно ярко проявляются в ходе историко-динамического анализа публикационной активности СМИ о данном явлении. На протяжении первого десятилетия XXI в. нападения на Вечный огонь зачастую были связаны с новостями из-за рубежа: «канцлер ФРГ случайно потушил пламя»⁸, «шутник посидел на Вечном огне под Триумфальной аркой в Париже»⁹, «в Минске трое молодых людей в состоянии алкогольного опьянения потушили вечный огонь на площади Победы»¹⁰, в Полтавской области Украины совершили кражу газовой горелки с мемориального комплекса¹¹. При этом в России с 2000 по 2010 год было совершено только два целенаправленных нападения на Вечный огонь: в Кольчугино подростки, распивающие алкоголь, бросили человека в Вечный огонь¹², а в Нальчике был осуществлен подрыв мемориала самодельным взрывным устройством¹³.

Открытые акции обесценивания мемориалов как символов героизма советских солдат были освещены в СМИ впервые в 2010 г., когда украинские активистки объединения «Братство святого Луки» Анна Донец и Анна Синькова, а вслед за ними в 2011 г. активисты национали-

⁷ Консультант. Федеральный закон от 07.04.2020 № 112-ФЗ...

⁸ Lenta.ru. Шредер по ошибке потушил вечный огонь.

⁹ Lenta.ru. Шутник посидел на Вечном огне.

¹⁰ Lenta.ru. В Минске пьяницы потушили Вечный огонь.

¹¹ Lenta.ru. В Полтавской области воры отключили вечный огонь.

¹² Lenta.ru. Бросившим человека на Вечный огонь подросткам вынесен приговор.

¹³ Lenta.ru. В Нальчике взорвали Вечный огонь.

стического объединения «Свобода» и организации «Черный комитет», пожарили яичницу на Вечном огне в знак протеста против нерационального расходования газа¹⁴.

Акты историко-культурного вандализма в России продолжали оставаться формой бессистемного деструктивного поведения подростков и молодежи, в основе которых лежали любопытствующий или стяжательный мотивы вандализма, однако наблюдалось нарастание частотности происшествий: в 2011 г. студенты в развлекательных целях затушили пивом Вечный огонь в Петрозаводске¹⁵, в 2013 г. школьницы закидали Вечный огонь снежками в Приморском крае¹⁶, в Астрахани двое молодых людей потушили огонь уронив туда монетку¹⁷, в Кировской области молодой человек приняв муляж денег за настоящие, оторвал крепление звезды Вечного огня, чтобы достать банкноту¹⁸. В том же 2013 г. в Ржеве подростки осквернили памятник павшим воинам, прыгали по плитам, позировали на фоне мемориала частично обнаженными, все происходящее снимали на видео и затем выложили в социальную сеть¹⁹.

После всплеска вандальной активности подростков в 2013 г. последовал короткий период затишья – в 2014 г. в СМИ было зафиксировано только одно нападение – житель Череповца собирал монеты, оставленные на мемориальном комплексе, для покупки алкоголя, но случайно задел огонь рукавом куртки и погасил его²⁰.

В 2015–2017 гг. осквернение мест памяти в России приобрело, с одной стороны, целенаправленный характер – проведение полубнаженных фотосессий на фоне мемориалов²¹, поджигание венков²², раскуривание кальяна²³ и закидывание снежками пламени²⁴, а с другой стороны, гастрономический – были зафиксированы первые случаи жарки и варки картофеля²⁵ и приготовления шашлыка²⁶ и сосисок²⁷ на Вечном огне. Параллельно с этим в 2017 г. в Киеве акты вандализма становятся все более символичными – преступники залили Вечный огонь цементом и оставили возле него еще 8 ведер, а затем повторно залили мемориал цементом и в центре разместили крест²⁸.

¹⁴ Lenta.ru. Пожарившую яичницу на Вечном огне девушку выпустили на свободу; Lenta.ru. Украинцы получили условные сроки.

¹⁵ Lenta.ru. Жители Петрозаводска "по приколу" затушили Вечный огонь пивом.

¹⁶ Lenta.ru. Школьницы в Приморском крае.

¹⁷ Lenta.ru. Потушивших Вечный огонь приговорили к 13 суткам ареста.

¹⁸ Lenta.ru. Молодежь повредила Вечный огонь.

¹⁹ Lenta.ru. В Ржеве осудили осквернивших памятник павшим воинам.

²⁰ Lenta.ru. Житель Череповца осужден.

²¹ Lenta.ru. Полубнаженные сноубордистки.

²² Lenta.ru. В Улан-Удэ задержан поджигатель мемориала Победы.

²³ Lenta.ru. Раскуривший кальян от Вечного огня кубанец предстанет перед судом.

²⁴ Lenta.ru. Дети на Ямале из любопытства забросали Вечный огонь снегом.

²⁵ Lenta.ru. Тульские школьники пожарили картошку на Вечном огне; Lenta.ru. Варившее картошку на Вечном огне брянчанина задержали.

²⁶ Lenta.ru. На Вечном огне в Петербурге пожарили шашлык.

²⁷ Lenta.ru. У Вечного огня в Ульяновске пожарили сосиски.

²⁸ Lenta.ru. Вечный огонь в Киеве залили цементом; Lenta.ru. В Киеве снова залили Вечный огонь цементом.

С 2018 года Вечный огонь становится историческим символом наиболее часто подвергаемым нападениям: засыпание и закидывание различными предметами (солью, снегом, мусором)²⁹, справление нужды³⁰, приготовление еды (жарка мяса, шашлыков)³¹, прикуривание сигарет и сбрасывание пепла³². Зачастую данные акты сопровождались фиксацией на камеру телефона с целью создания видеоконтента для социальных сетей, часть преступников признавали, что записывали ролики, чтобы повторить действия прежде увиденные, например, в «ТикТоке»³³.

В 2021 г. вандальные акты в отношении Вечного огня переживают новый виток трансформации, связанный с политизацией как со стороны преступников, так и со стороны государственного аппарата. В Белграде были задержаны двое молодых людей, заливших мемориал освободителям Белграда цементом и разместившим на нем мусорное ведро с надписью «Освободители? Нет, никогда»³⁴. В Астрахани подростки сфотографировались на фоне мемориала «Вечный огонь славы», отдавая нацистское приветствие³⁵. Еще более частотными стали дела о реабилитации нацизма в 2022 г.: в Краснодаре россиянин нарисовал свастику на баннере с буквой Z, установленном на территории мемориального комплекса «Вечный огонь»³⁶, оперативниками были пойманы подростки, состоящие в запрещенной в России организации «Национал-социализм» и совершившие нападение на Вечный огонь в городе Шахты по указанию кураторов из украинских пабликов³⁷. Некоторые акты бессистемного вандализма, лишённые явной идеологической подоплеки, начинают восприниматься как политическое заявление – бездомный, посушивший носки на Вечном огне в Миассе (Челябинская область), был обвинен в реабилитации нацизма³⁸. Аналогичное обвинение получил 16-летний россиянин, сфотографировавшийся и разместивший фото в социальных сетях с оголенными гениталиями на фоне мемориала «Воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны» в поселке Зубова Поляна³⁹.

В 2023 г. происходит обратный процесс: частота актов вандализма снижается, наблюдается отход от политических заявлений и возврат к стихийным нападениям на мемориалы, в частности, совершенные под действием алкогольного опьянения⁴⁰.

²⁹ Регнум. В Екатеринбурге девушка и юноша закидали снегом Вечный огонь; РЕН.ТВ. Вандалы осквернили Вечный огонь в Тольятти.

³⁰ Известия. Суд в Ставрополе арестовал осквернившего Вечный огонь вандала.

³¹ Lenta.ru. Неизвестные вандалы пожарили курицу на Вечном огне.

³² Коммерсантъ. В Бурятии следствие проверяет информацию об осквернении Вечного огня.

³³ Вконтакте. В Бурятии девушка прикуривает от Вечного огня на камеру телефона; Saratov24. В Саратове две пьяные девушки осквернили Вечный огонь; E1.RU. «Готовим шашлык на памятнике».

³⁴ Lenta.ru. Выливших цемент на Вечный огонь в Белграде вандалов задержали.

³⁵ Lenta.ru. Российские школьники отдали нацистское приветствие у Вечного огня.

³⁶ Lenta.ru. Россиянина арестовали за нарисованную на плакате с буквой Z свастику.

³⁷ Lenta.ru. Банду несовершеннолетних неонацистов задержали за осквернение Вечного огня.

³⁸ Lenta.ru. Бездомного обвинили в реабилитации нацизма за сушку носков на Вечном огне.

³⁹ Lenta.ru. На 16-летнего россиянина завели дело за непристойное фото у Вечного огня.

⁴⁰ Lenta.ru. Россиянина осудили за осквернение мемориала воинской славы в Феодосии; Lenta.ru. Школьник подорвал Вечный огонь в Подмосковье и попал на видео; Lenta.ru.

Стоит отметить, что значительная часть вандальных актов совершается именно подростками, которые, с одной стороны, находят в этом деструктивный способ самоутверждения и проявления пренебрежительного отношения к объектам исторической памяти, а с другой – выражают непонимание значимости Вечного огня и мемориалов. Вместе с тем вандальные акты не являются прерогативой исключительно молодых людей и осуществляются, в том числе, людьми среднего возраста⁴¹, пенсионерами⁴², а в ряде случаев являются политическим заявлением.

Традиционно считается, что в основе вандального акта лежит агрессия⁴³, протест⁴⁴, оспаривание права на пространство⁴⁵, высказанная претензия на власть при отсутствии должных социальных ресурсов для ее легитимной реализации⁴⁶. Эти моменты раскрывают противоречия, возникающие между субъектом вандализма с одной стороны и обществом или его управляющими структурами – с другой. Однако, если рассматривать не личностные (групповые) причины, побуждающие субъекта к вандальному поведению, а механизм функционирования вандализма как социально-культурного и политического явления, то в его основе можно выделить иную ключевую составляющую – обесценивание.

Задачей вандализма в отношении памятников культуры является снижение их материальной ценности, но важнее – девальвация их культурной, социальной, исторической значимости в глазах других людей, обывателей. «Памятник маркирует некий локус публичного пространства, выключает его из обыденности, придает ему особенную прагматику. Теперь здесь выделенное пространство ритуала»⁴⁷. Памятники культуры важны для общества не только как некие артефакты, они являются опорой, материальным воплощением исторической памяти. Вандальная трансформация памятников культуры смещает доминанту их восприятия на проведенные несанкционированные изменения, повреждает не столько материальную оболочку, сколько смысловую наполненность, связи между сегодняшним днем и историческими вехами, память о которых является одной из основ личной и групповой идентичности⁴⁸.

Потеря памятником культуры своей однозначной смысловой интерпретации является для наблюдателя маркером отсутствия идеологического единства в обществе, признаком возможности множественного понимания и трактовки самого памятника и тех событий, коммеморационным отражением которых он является. Без четких ориентиров ситуа-

Россиянка плюнула в Вечный огонь и попала под следствие; Lenta.ru. Россиянина задержали за повреждение памятных объектов в Бийске; Lenta.ru. В Волгограде женщина сожгла свои вещи в Вечном огне.

⁴¹ Lenta.ru. Россиянина арестовали за осквернение Вечного огня.

⁴² Lenta.ru. Пенсионер сжег мемориал погибшим в Великой Отечественной войне.

⁴³ Moser 1992: 20-33.

⁴⁴ Ватова 2009: 25-26.

⁴⁵ Блинова 2022: 88-99.

⁴⁶ Культурный код вандализма 2021.

⁴⁷ Утехин 2022.

⁴⁸ Ковтун 2008: 129-132.

ция становится неоднозначной, и ритуалы, привязанные к культурному пространству памятника, нарушаются, происходит размытие поведенческих паттернов места и установленной смысловой связи времен. Здесь проявляется специфическая функция вандализма – подготовки к социальным изменениям⁴⁹. Вандализм выступает инструментом частичной трансформации или полного разрушения прежних форм работы с прошлым, выдвигая иные, альтернативные его интерпретации, создает основу для формирования новых социальных установок, даже если они противоречат уже устоявшимся общественным отношениям⁵⁰. «Вандализм (особенно направленный против идеологических символов прошлого, ценностно значимых объектов старших поколений или неких аутгрупп) выступает в этом случае антикоммеморационным инструментом, модифицирующим объект в общественном пространстве и приписывающим ему новые значения для последующей его замены новым символом»⁵¹.

В терминах управления изменениями вандализм преобразование памятника культуры можно отнести к этапу «разморозки», т.е. созданию условий для снижения психологического сопротивления и упрощенному переходу к новому⁵². При этом содержательное предложение «нового» не является целевой задачей вандализма – важнее обесценить «старое», показать его в смешном, нелепом свете, «изобличить» в несостоятельности и неактуальности. Здесь вандализм выступает только первым этапом изменений, испытанием исторической памяти на устойчивость и силу, оценкой общей готовности общества к изменениям смыслового пространства памятника. И при положительном отклике логика развития событий за вандальной модификацией памятника и приписыванием ему новых значений в процессе антикоммеморации будет предполагать «одомашнивание» культурного объекта, его физическое разрушение и замену памятника новым символом⁵³.

Сам субъект вандализма не всегда является осознанным проводником антикоммеморационных изменений памятника культуры. Индивидуальной основой вандальных действий в большинстве случаев выступает отсутствие понимания культурной ценности и личностной значимости памятника для самого субъекта вандализма как следствие воспитательных и образовательных пробелов. Объясняя свои деяния, субъекты вандализма представляют их как игру, самоутверждение, возможность «прославиться» и получить популярность через трансляцию действий в сети⁵⁴, возможность отреагировать свою обиду или обратить внимание окружающих на переживаемые ими проблемы. Таким образом, субъект вандализма – лишь инструмент антикоммеморации, сформировавшийся в условиях и вследствие диффузии исторической памяти.

⁴⁹ Функции вандализма в молодежном поведении 2018: 95-120.

⁵⁰ Радченко 2016: 435-461.

⁵¹ Функции вандализма в молодежном поведении 2018: 104.

⁵² The design, art and methods of modern change management 2022: 126.

⁵³ Радченко 2016: 435-461.

⁵⁴ Григорян, Ищенко, Ищенко 2022: 139-143.

Тенденция к регламентации и четкому урегулированию вопросов сохранения исторической памяти в российском обществе занимают особое место в текущей государственной политике. Введение в 2020 г. отдельной статьи в УК РФ, определяющей особый статус ответственности за вандальное нападение и проявление неуважения в отношении мемориалов героям и защитникам Отечества, – одно из проявлений данной тенденции. При этом согласно официальной статистике за 2020, 2021 и 2022 гг. рост числа преступлений, квалифицированных по статье 243.4 УК РФ, более чем существен. Анализируя акты вандализма, отраженные в средствах массовой информации в отношении мемориалов «Вечный огонь», следует признать, что значительная часть преступлений совершались подростками и молодыми людьми в состоянии алкогольного опьянения, по причине непонимания значимости памятного объекта. Вместе с тем, тенденция нарастания пренебрежительного отношения молодежи к Вечному огню и нападения на мемориалы в виде политических акций говорит о мощных трансформационных процессах, происходящих в российском обществе, которые особенно ярко прослеживаются при анализе актов вандализма в динамике. Механизм обесценивания, лежащий в основе вандальных преобразований памятников культуры (в т.ч. Вечного огня), обеспечивает смещение смысловых акцентов и обслуживает антикоммеморационные эффекты. Нарушение связи между исторической памятью и ее выражением в памятниках культуры создает условия для внедрения новых смыслов в понимание прошлого и формирует основу для социальных изменений, в которых субъект вандализма – не инициатор, а только инструмент, отражающий и распространяющий внесенные извне искажения исторической памяти общества.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ассман А. Европейская мечта. Переизобретение нации / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 512 с. [Assman A. *Evropejskaya mechta. Pereizobretenie natsii* / per. s nem. B. Hlebnikova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. 512 s.]
- Блинова О.А. Визуальный вандализм: маргинальная коммуникация в мегаполисе // Технологос. 2022. № 4. С. 88-99. [Blinova O.A. *Vizual'nyj vandalizm: marginal'naya kommunikaciya v megaropolise* // Tekhnologos. 2022. № 4. S. 88-99].
- Ватова Л.С. Социально-психологический феномен молодежного вандализма // Среднее профессиональное образование. 2009. № 7. С. 25-26. [Vatova, L. S. *Social'no-psihologicheskij fenomen molodezhnogo vandalizma* // Srednee professional'noe obrazovanie. 2009. № 7. S. 25-26].
- Вконтакте. В Бурятии девушка прикуривает от Вечного огня на камеру телефона. [Vkontakte. URL: https://vk.com/video-112765234_456239123 (дата обращения: 03.05.2023)].
- Григорян Д. К., Ищенко Д. П., Ищенко Г. К. К вопросу надругательства над телами умерших и местами захоронения // Философия права. 2022. №1 (100). С. 139-143. [Grigoryan D. K., Ishchenko D. P., Ishchenko G. K. *K voprosu nadrugatel'stva nad telami umer-shih i mestami zahoroneniya* // Filosofiya prava. 2022. №1 (100). S. 139-143].
- Е1.ру. «Готовим шашлык на памятнике». Появились видео, как уральские подростки жарили еду на Вечном огне. URL: <https://www.e1.ru/text/incidents/2022/09/14/71653601/>
- Известия. Суд в Ставрополе арестовал осквернившего Вечный огонь вандала. URL: <https://iz.ru/1311451/2022-03-28/oskvernivshie-vechnyi-ogon-na-stavropole-vandaly-izviniilis>
- Ковтун О.А. Вещь как мера личной идентичности // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2008. №21 (121). С. 129-132. [Kovtun O.A. *Veshch' kak mera lich-*

- noj identichnosti // Vestnik YUUrGU. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki. 2008. №21 (121). S. 129-132].
- Коммерсантъ. В Бурятии следствие проверяет информацию об осквернении Вечного огня. [Kommersant". V Buryatii sledstvie proveryaet informaciyu ob oskvernenii Vechnogo ognya.] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5281463> (дата обращения: 03.05.2023).
- Консультант. Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 214. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/16c58fcfeaddf59b31e94654ddfca3bdcdf26657/ (дата обращения: 03.05.2023).
- Консультант. Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 243. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/1fb96b14cf73fbc0d19e9674dd18a7dafd6867f2/ (дата обращения: 03.05.2023).
- Консультант. Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 243.4. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ce7af482a33b637b65c85f433ea3f82d916cb418/ (дата обращения: 03.05.2023).
- Консультант. Федеральный закон от 07.04.2020 № 112-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349573/
- Коробицына Л.В. Память о Великой Отечественной войне в интернет-пространстве российских социальных сетей // История: факты и символы. 2022. № 2 (31). С. 108–114. [Korobitsyna L.V. Pamyat' o Velikoj Otechestvennoj vojne v internet-prostranstve rossijskih social'nyh setej // Istoriya: fakty i simvoly. 2022. № 2 (31). S. 108–114].
- Коробицына Л.В. Сохранение исторической памяти в современном российском обществе: к вопросу об актуальном законодательстве // История: факты и символы. 2023. № 1 (34). С. 32–38. [Korobitsyna L.V. Sohranenie istoricheskoy pamyati v sovremennom rossijskom obshchestve: k voprosu ob aktual'nom zakonodatel'stve // Istoriya: fakty i simvoly. 2023. № 1 (34). S. 32–38].
- Культурный код вандализма: опыт кросс-культурного исследования / М.Р. Бабикина, О.А. Блинова, И.В. Воробьева [и др.]. Екатеринбург: УрГПУ, 2021. 303 с. [Kul'turnyj kod vandalizma: opyt kross-kul'turnogo issledovaniya / M.R. Babikova, O.A. Blinova, I.V. Vorob'eva; i dr. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2021. 303 s.]
- Леонтьева О.Б., Репина Л.П. «Мемориальный поворот» и «история памяти» в России // Историки в поисках новых перспектив / под ред. З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. С. 274-317. [Leont'eva O.B., Repina L.P. «Memorial'nyj povorot» i «istoriya pamyati» v Rossii // Istoriки в поисках новых перспектив. Pod red. Z.A. Chekancevoj. M.: Akvilon, 2019. S. 274-317].
- Политика памяти в России – региональное измерение / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. Москва: ИНИОН РАН, 2023. 471 с. [Politika pamyati v Rossii – regional'noe izmerenie. Pod red. A.I. Millera, O.YU. Malinovoj, D.V. Efremenko. Moskva: INION RAN, 2023. 471 s.]
- Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности / под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с. [Proshloe dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyati' i narrativy nacional'noj identichnosti. Pod red. L.P. Repinoj. M.: Akvilon, 2020. 464 s.]
- Радченко Д.А. «На человека стал похожим»: советские памятники Украины и России в конфликтном контексте (2013–2015) // Genius Loci: Сб. ст. в честь 75-летия С.Ю. Неклюдова / сост. М.В. Ахметова, Н.В. Петров, О.Б. Христофорова (отв. ред.). М.: Форум, 2016. С. 435–461. [Radchenko D.A. «Na cheloveka stal pohozhim»: sovetskie pamyatniki Ukrainy i Rossii v konfliktnom kontekste (2013–2015) // Genius Loci: Sbornik statej v chest' 75-letiya S. YU. Neklyudova / sost. M.V. Ahmetova, N.V. Petrov, O.B. Hristoforova (otv. red.). M.: Forum, 2016. S. 435–461].
- Рамблер. Происшествия. В Волгограде женщина сожгла свои вещи в Вечном огне. URL: <https://news.rambler.ru/incidents/50743769-v-volgograde-zhenschina-sozhgla-svoi-veschi-v-vechnom-ogne/> (дата обращения: 16.05.2023).
- Регнум. Новости. В Екатеринбурге девушка и юноша закидали снегом Вечный огонь. URL: <https://regnum.ru/news/accidents/3550063.html> (дата обращения: 03.05.2023).
- РЕН.ТВ. Вандалы осквернили Вечный огонь в Тольятти, посыпав его солью. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1079646-vandal-y-oskvernili-vechniy-ogon-v-toliatti-posypav-ego-soliu> (дата обращения: 03.05.2023).
- Рязанова С.В., Митрофанова А.В. Палитра мест памяти о политических репрессиях: монументы и контрмонументы // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3 (58). С. 152–162. [Ryazanova S.V., Mitrofanova A.V. Palitra mest pamyati o politicheskikh repress-

- ssiyah: monumenty i kontrmonumenty // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. 2022. № 3 (58). S. 152–162l.
- Утехин И. Место действия. Публичность и ритуал в пространстве постсоветского города. Litres, 2022. [Utekhin I. Mesto dejstviya. Publichnost' i ritual v prostranstve postsovetского goroda. Litres, 2022]. URL: <https://www.universalinternetlibrary.ru/book/12949/ogl.shtml>.
- Функции вандализма в молодежном поведении: от личности к обществу / О.В. Кружкова, И.В. Воробьева, Р.Ю. Порозов, Б. Зарбова // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 10. С. 95–120. [Funkcii vandalizma v molodezhnom povedenii: ot lichnosti k obshchestvu / O.V. Kruzhkova, I.V. Vorob'eva, R.YU. Porozov, B. Zarbova // Obrazovanie i nauka. 2018. T. 20, № 10. S. 95–120].
- Lenta.ru. Банду несовершеннолетних неонацистов задержали за осквернение Вечного огня. URL: <https://lenta.ru/news/2022/05/05/neonacism/> (дата обращения: 16.05.2023).
- Lenta.ru. Бездомного обвинили в реабилитации нацизма за сушку носков на Вечном огне. URL: https://lenta.ru/news/2021/10/04/bezdomny_noski/ (дата обращения: 16.05.2023).
- Lenta.ru. Бросившим человека на Вечный огонь подросткам вынесен приговор. URL: <https://lenta.ru/news/2008/06/23/kolchugino/> (дата обращения: 15.05.2023).
- Lenta.ru. В Киеве снова залили Вечный огонь цементом. URL: https://lenta.ru/news/2017/11/20/ve4niy_ogon/ (дата обращения: 15.05.2023).
- Lenta.ru. В Минске пьяницы потушили Вечный огонь. URL: <https://lenta.ru/news/2007/08/10/eternal/> (дата обращения: 15.05.2023).
- Lenta.ru. В Нальчике взорвали Вечный огонь. URL: <https://lenta.ru/news/2010/09/17/vechnyj/>
- Lenta.ru. В Полтавской области воры отключили вечный огонь. URL: <https://lenta.ru/news/2008/01/16/eternal/> (дата обращения: 15.05.2023).
- Lenta.ru. В Ржеве осушили осквернивших памятник павшим воинам. URL: <https://lenta.ru/news/2013/08/16/tver/> (дата обращения: 15.05.2023).
- Saratov24. В Саратове две пьяные девушки осквернили Вечный огонь, сняли видео и выложили его в соцсеть. URL: <https://saratov24.tv/news/v-saratove-devushki-zaplevali-vechnyy-ogon-na-teatralnoy-ploshchadi/> (дата обращения: 03.05.2023).
- Lenta.ru. В Улан-Удэ задержан поджигатель мемориала Победы. URL: <https://lenta.ru/news/2015/05/21/fire/> (дата обращения: 15.05.2023).
- Lenta.ru. Варившего картошку на Вечном огне брянчанина задержали по подозрению в краже. URL: <https://lenta.ru/news/2016/10/05/bryanski/> (дата обращения: 15.05.2023).
- Lenta.ru. Вечный огонь в Киеве залили цементом. URL: https://lenta.ru/news/2017/11/07/ve4niy_ogon/ (дата обращения: 15.05.2023).
- Lenta.ru. Выливших цемент на Вечный огонь в Белграде вандалов задержали. URL: https://lenta.ru/news/2021/01/04/gori_dalshe/ (дата обращения: 16.05.2023).
- Lenta.ru. Дети на Ямале из любопытства забросали Вечный огонь снегом. URL: <https://lenta.ru/news/2017/02/21/ogon/> (дата обращения: 15.05.2023).
- Lenta.ru. Жители Петрозаводска "по приколу" потушили Вечный огонь пивом. URL: <https://lenta.ru/news/2011/08/03/morons/> (дата обращения: 15.05.2023).
- Lenta.ru. Житель Череповца осужден за осквернение Вечного огня. URL: <https://lenta.ru/news/2014/12/26/cherepovets/> (дата обращения: 15.05.2023).
- Lenta.ru. Молодежь повредила Вечный огонь в Кировской области. URL: <https://lenta.ru/news/2013/07/03/fire/> (дата обращения: 15.05.2023).
- Lenta.ru. На 16-летнего россиянина завели дело за непристойное фото у Вечного огня. URL: <https://lenta.ru/news/2022/08/10/deloss/> (дата обращения: 16.05.2023).
- Lenta.ru. На Вечном огне в Петербурге пожарили шашлык. URL: <https://lenta.ru/news/2016/07/15/shashlik/> (дата обращения: 15.05.2023).
- Lenta.ru. Неизвестные вандалы пожарили курицу на Вечном огне в Калининграде. URL: <https://lenta.ru/news/2022/06/16/ogon/> (дата обращения: 03.05.2023).
- Lenta.ru. Пенсионер сжег мемориал погибшим в Великой Отечественной войне. URL: <https://lenta.ru/news/2018/09/27/memorial/> (дата обращения: 12.05.2023).
- Lenta.ru. Пожарившую яичницу на Вечном огне девушку выпустили на свободу. URL: <https://lenta.ru/news/2011/06/30/eggs/> (дата обращения: 12.05.2023)
- Lenta.ru. Полуобнаженные сноубордистки снялись на фоне Вечного огня в Кемерово. URL: <https://lenta.ru/news/2015/05/16/keмеровo/> (дата обращения: 15.05.2023).
- Lenta.ru. Потушивших Вечный огонь приговорили к 13 суткам ареста. URL: <https://lenta.ru/news/2013/02/25/astrahan/> (дата обращения: 15.05.2023).
- Lenta.ru. Раскуривший кальян от Вечного огня кубанец предстанет перед судом. URL: <https://lenta.ru/news/2016/03/09/armavir/> (дата обращения: 15.05.2023).

- Lenta.ru. Российские школьники отдали нацистское приветствие у Вечного огня. URL: <https://lenta.ru/news/2021/12/10/astrakhan/> (дата обращения: 16.05.2023).
- Lenta.ru. Россиянина арестовали за нарисованную на плакате с буквой Z свастику. [URL: <https://lenta.ru/news/2022/03/16/krasnod/> (дата обращения: 16.05.2023).
- Lenta.ru. Россиянина арестовали за осквернение Вечного огня. URL: <https://lenta.ru/news/2022/05/29/fire/> (дата обращения: 03.05.2023).
- Lenta.ru. Россиянина задержали за повреждение памятных объектов в Бийске. URL: <https://lenta.ru/news/2023/03/30/altay/> (дата обращения: 16.05.2023).
- Lenta.ru. Россиянина осудили за осквернение мемориала воинской славы в Феодосии. URL: <https://lenta.ru/news/2023/02/10/oskvernam/> (дата обращения: 16.05.2023).
- Lenta.ru. Россиянка плюнула в Вечный огонь и попала под следствие. URL: <https://lenta.ru/news/2023/03/24/vechniy/> (дата обращения: 16.05.2023).
- Lenta.ru. Тульские школьники пожарили картошку на Вечном огне и сожгли венки. URL: <https://lenta.ru/news/2015/05/20/ogon/> (дата обращения: 15.05.2023).
- Lenta.ru. У Вечного огня в Ульяновске пожарили сосиски. URL: <https://lenta.ru/news/2017/09/11/ulyanovsk/> (дата обращения: 15.05.2023).
- Lenta.ru. Украинцы получили условные сроки за яичницу на Вечном огне. URL: <https://lenta.ru/news/2012/01/06/eggs/> (дата обращения: 12.05.2023).
- Lenta.ru. Школьник подорвал Вечный огонь в Подмоскowie и попал на видео. URL: <https://lenta.ru/news/2023/03/18/vechniyaogon/> (дата обращения: 16.05.2023).
- Lenta.ru. Школьницы в Приморском крае погасили Вечный огонь снежками. URL: <https://lenta.ru/news/2013/01/15/snowball/> (дата обращения: 15.05.2023).
- Lenta.ru. Шредер по ошибке потушил вечный огонь в память жертв Холокоста. URL: <https://lenta.ru/news/2000/11/01/flame/> (дата обращения: 15.05.2023).
- Lenta.ru. Шутник посидел на Вечном огне под Триумфальной аркой в Париже. URL: <https://lenta.ru/news/2001/05/29/flame/> (дата обращения: 15.05.2023).
- Moser G. What is vandalism? Towards a psychosocial definition and its implications // *Vandalism: Research, prevention, and social policy*. 1992. С. 20–33. URL: https://www.fs.usda.gov/pnw/pubs/pnw_gtr293.pdf (дата обращения: 15.05.2023).
- The design, art and methods of modern change management / V.V. Velikorossov, M.I. Maksimov, E.V. Genkin [et al.]. М.: ООО "Русайнс", 2022. 126 p.

Луиза Владимировна Коробицына, кандидат исторических наук, исследователь, Уральский государственный педагогический университет, luizakorobitsyna@mail.ru
Ольга Владимировна Кружкова, кандидат психологических наук, доцент, заведующий, Лаборатория перспективных социосредовых исследований, Уральский государственный педагогический университет, galiat1@yandex.ru

Historical and Cultural Vandalism as a Mechanism of Historical Memory Transformation

Based on statistical data on the crimes committed in Russia over the past three years against places of memory of the defenders of the Fatherland, as well as analyzing the cases of vandal attacks on the Eternal Flame, the authors turn to a comprehensive consideration of the problem of historical and cultural vandalism as the "wrong side" of the collective memory of society. Devaluing and reducing the cultural and material value of historical heritage sites, the vandal act indicates a decrease in society's understanding of the significance of ritual practices to perpetuate the memory of heroes. At the same time, criminals are not always conscious initiators of the transformation of historical memory; vandalization often occurs due to the low level of personal significance of the memory object, gaps in education, and external influence.

Key words: *vandalism, historical memory, memorials, commemorative practices, devaluation, urban environment.*

Luiza Vladimirovna Korobitsyna, PhD in History, Researcher, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia), luizakorobitsyna@mail.ru

Olga Vladimirovna Kruzhkova, PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Laboratory for Advanced Socio-Environmental Research, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia), galiat1@yandex.ru

М.М. ГОРЕЛОВ

СИНОД В УИТБИ (664 Г.): ПЕРЕОСМЫСЛЯЯ СОБЫТИЕ

В статье обсуждается один из поворотных моментов становления христианства в англосаксонской Британии через призму его отражения в основных источниках и историографической традиции прошлого и настоящего. Показано, что значимость исторического события подвергается значительной переоценке с течением времени, отражая рефлексии авторов в рамках исторической памяти.

Ключевые слова: *христианство, Британия, Уитби, Уилфред, Колман, Нортумбрия, Пасха.*

Проблема чтения, понимания и интерпретации источника занимает особое место в развитии научного знания. В настоящее время наиболее востребованным и продуктивным подходом к его изучению становится и пересмотр (ревизия) содержащихся в нем исторических свидетельств, и переосмысление прежних знаний об описанных в нем явлениях, и переоценка ключевых событий, отражающих те факты (и предложенные на их основе концепции), которые ранее не только считались непререкаемыми, но и входили в число национальных мифов. Такой подход, с одной стороны, позволяет по-новому взглянуть на отраженные в источниках события далекого прошлого; с другой, способствует их различным интерпретациям в более позднее время в соответствии с целью, определявшей состояние соответствующего общественного дискурса. Наша задача – проиллюстрировать такую тенденцию и показать, как, в какой степени и каким образом пересматривались исторические свидетельства, относящиеся к одному из поворотных событий становления христианства в англосаксонской Британии – синоду в Уитби (664 г.).

Экскурс в историю: об особенностях распространения христианства на Британских островах

Прежде, чем обсуждать связанные с синодом в Уитби факты и события, и их отражение, пересмотр и репрезентацию в историографии, напомним, что распространение христианства на Британских островах стало, как и в других регионах Европы, одним из следствий Великого переселения народов, в ходе которого возникающие молодые государства варваров перенимали наследие античной цивилизации. Здесь, как и в других регионах, этот процесс имел ряд местных особенностей, обусловленных прежде всего политической историей. В частности, в период римского владычества христианство успешно проникало в среду романизирующихся бриттов как официальная религия империи, а затем, после ухода римлян в V в., стало распространяться и далее, на нероманизированные окраины Британских островов, населённые скоттами и пиктами. В пост-римское время этот процесс там шёл в основном усилиями местных подвижников, таких как св. Патрик.

Глубокие различия в социально-экономическом укладе определяли разную форму бытования новой религии в кельтских социумах региона. В романизированной зоне, несмотря на некоторую архаизацию и аграризацию уклада жизни после ухода римлян, население всё-таки оставалось относительно привычным к городской культуре и соответствующей организации церковных институтов на римский имперский манер. На территориях же, не охваченных в своё время романизацией, продолжал господствовать племенной уклад жизни с примитивными началами протогосударственности и родовой организацией общества. Наконец, когда в Британию пришли англосаксы, постепенно завоевавшие её большую часть и основавшие к концу VI в. несколько своих государств, это ещё больше усложнило картину; новые пришельцы исповедовали языческую веру общегерманского типа, и, таким образом, им ещё только предстоял долгий путь христианизации.

Вместе с тем схожесть социально-экономических и культурных основ исторического бытия англосаксов с кельтами предопределила некоторую лёгкость восприятия новых реалий; англосаксы, как и кельты, представляли собой преимущественно сельское, общинное общество с родоплеменными устоями на стадии перехода к ранней государственности и несложной социальной иерархией. Эти факторы привели к тому, что христианство начало проникать в англосаксонские государства двумя путями: с одной стороны – от кельтских соседей, скоттов, населявших Ирландию и часть будущей Шотландии, а с другой – от официальной римской Церкви. Первые несколько опережали вторых; это были кельто-ирландские миссионеры, оплотом которых были островные монастыри Айона, основанный св. Колумбой в 563 году, и Линдисфарн, учрежденный св. Айданом в 635 году. Эти важнейшие центры христианской учёности распространяли своё культурное влияние во все стороны во многом благодаря культу странствующего миссионерства, присущего кельтской церкви. Что касается вторых, то римская миссия по крещению англосаксов началась в 597 году и связана с деятельностью папского посланца Августина. Направленная папой Григорием Великим, она основала в Кенте, одном из королевств англосаксов, центр будущей английской церкви в Кентерберии. Оба направления христианизации постепенно продвигались навстречу друг другу и рано или поздно должны были как-то урегулировать противоречия в обрядовой и религиозной практике, которые накапливались между ними.

Эти противоречия, с виду носившие ритуальный характер (различия в способе вычисления Пасхи, форма тонзуры и др.), на деле были обусловлены глубокими культурными различиями между двумя социумами, породившими две разных Церкви. Римское христианство было порождением античного урбанизованного мира. К концу античной эпохи Церковь уже была органичным элементом общеимперского управления, прочно интегрированным в государственную машину. Когда Западная империя пала под ударами варваров, Церковь сумела сохранить

свою устойчивость в качестве этого элемента и вписаться в государственность новую, основанную завоевателями. Она, как и в римское время, владела земельной собственностью и материальными богатствами, представляя из себя, по сути, хорошо организованную, централизованную имперскую корпорацию. Что же касается кельто-ирландской церкви, то она соответствовала совсем иным реалиям – она возникла в бедном ресурсами аграрном обществе без городов, с родоплеменным укладом, очень слабыми начатками государственности и примитивной экономикой, в которой подчас огромную роль играло даже не земледелие, а скотоводство и пиратство. Монастыри в Ирландии во многом заменяли города и служили центрами хозяйственной жизни, к которым тяготело сельское население. Они же фактически были и центрами церковной организации, в отличие от римской системы епархий. Крайняя бедность и архаичность этого социума предопределила такие характерные черты кельтской церкви, как суровый аскетизм, культ роли странствующего проповедника-миссионера, относительное отсутствие централизма по сравнению с жёстко структурированной римской церковью¹.

Местом столкновения двух тенденций христианизации стало самое северное из англосаксонских государств – Нортумбрия, граничившая с землями скоттов и естественным образом испытывавшая заметное влияние северного, кельтского христианства. Следует отметить, что упрочение новой религии в англосаксонских королевствах в VII в. было процессом весьма далёким от завершения и сопровождавшимся порой кровавыми эксцессами². По этой причине немаловажным представлялось единство христианской церкви перед лицом вызовов со стороны уходящего языческого мира, а разногласия между римской и кельто-ирландской ветвями христианства мешали этому единству.

Синод в Уитби: источники, основной вопрос, участники и инициаторы

В связи с этим, во время правления короля Освиу (655–670) и состоялось событие, известное как синод (или собор) в Уитби в 664 г., ставший площадкой для дискуссии между представителями двух течений и увенчавшийся определённым консенсусом.

Немногие источники о синоде в Уитби относительно богаты сведениями. Это, прежде всего, «Житие св. Уилфреда», написанное монахом Эддием Стефаном из Рипона около 710 г.³ и «Церковная история англов» Беда Достопочтенного (731)⁴, в полной мере использовавшего

¹ См., напр.: Мортон 1950: 44–45.

² Так, например, только в 655 г. в битве с нортумбрийцами потерпел поражение и был убит король соседнего государства, Мерсии, Пенда, до последнего придерживавшийся язычества и пытавшийся поддерживать его вооружённым путём.

³ Stephanus Ripponensis. Vita Wilfridi I episcopi Eboracensis / Ed. Wilhelm Levison // Monumenta Germaniae Historica, Scriptores rerum Merovingicarum. T. VI. Hannoverae et Lipsiae, 1913. P. 163–263.

⁴ Разумеется, исторические нарративы о прошлом в том или ином виде существовали на Британских островах ещё до прихода англосаксов, однако именно Беда заложил дальней-

труд Эддия, а также добавившего сведения, полученные от других информаторов, в том числе знакомых с участниками синода в Уитби. Соответственно, вариант Беды следует признать наиболее полным.

Основным вопросом на синоде стал способ исчисления Пасхи. Обусловленные разными исторически сложившимися традициями различия в праздновании Пасхи со временем привели к значительным и даже курьёзным разночтениям. Так, разница в дате Пасхи между кельтской и римской традициями составляла порой целый месяц. Более того, поскольку двух разных обычаев придерживались король и его супруга, то получалось, что Освиу, следовавший первому из них, с приближёнными уже праздновал Пасху, а королева Энфлед, согласно второму, всё ещё соблюдала пост⁵. Становилось очевидным, что возникающие из-за этого идеологический дискомфорт и брожение в умах верующих нужно рано или поздно преодолеть путём приведения к единому образцу, дабы исключить потенциальную угрозу раскола в церкви. На значимость таких расхождений одним из первых начал указывать клирик Ронан, получивший образование, по сведениям Беды, в Галлии и Италии; Ронан акцентировал внимание на необходимости принять римскую традицию исчисления Пасхи. Основным его оппонентом был глава местной церкви епископ Финан из Линдисфарна, отстаивавший кельтский обычай:

«Самым горячим защитником истинной Пасхи был Ронан, который, хоть и был скоттом, научился верным церковным правилам в Галлии или Италии. В споре с Финаном он убедил многих или по меньшей мере побудил их внимательнее изучить вопрос; но самого Финана он никак не мог убедить... Королева Энфледа и ее люди также соблюдали ее так, как это делалось в Кенте... Поэтому говорят, что в те времена Пасха порой праздновалась по два раза в год, поскольку, когда король заканчивал пост и отмечал пасхальное воскресенье, королева и ее люди еще постились во время Дня пальм»⁶.

Целью церковного собора в Уитби было не только выявление аргументов обеих сторон, но и устранение разногласия. Беда не указывает прямо на *инициаторов этого мероприятия*, но из его слов нетрудно заключить, что ими были возглавлявший нортумбрийскую церковь линдисфарнский епископ Колман (661–664), выходец из Ирландии, воспитанный в традициях Айоны⁷, преемник умершего Финана, и, по видимому, сам король Освиу, занимавший двойственную позицию: с одной стороны, он был воспитан в традициях кельтской церкви местными клириками, но с другой, имел при себе в качестве наставника Уилфреда (634–709), яркого представителя римской традиции и одного из главных фигурантов будущего синода в Уитби⁸. В составе участников синода

шую непрерывную традицию англосаксонского историописания, развивавшуюся от локальных и региональных хроник к общенациональным памятникам.

⁵ Беда Достопочтенный 2001: XXV, 109, 2.

⁶ Здесь и ниже цитируется перевод В.В. Эрлихмана. – Там же.

⁷ URL: <https://www.mayo-ireland.ie/en/towns-villages/mayo-abbey/mayo-abbey-history.html>

⁸ Уилфред прожил долгую и богатую на события жизнь: выходец из семьи нортумбрийского королевского дружинника, он ещё подростком ушёл в монастырь в Линдисфарне, затем долгие годы учился в Кентербери, Риме и Галлии (653–658). По возвращении на

был и франк *Агильберт*, коллега Уилфреда, прибывший с ним вместе в Нортумбрию⁹. По-видимому, не случайно местом для дискуссии был выбран монастырь в Уитби¹⁰. Расположенный на берегу Северного моря, в то время он носил другое, староанглийское название «Стренесхалк», которое Беда передает как «Бухта маяка»¹¹. Топоним «Уитби» появился намного позже, в поздний англосаксонский период, после разрушения монастыря во времена набегов викингов¹².

Ученый диспут в Уитби

Описание самого учёного диспута, состоявшегося в стенах монастыря, у Беды немногословно и не оставляет большого простора для вариаций и догадок на тему происходившего. Обе стороны активно апеллировали к наследию церковных авторитетов. Так, епископ Колман давал отсылки непосредственно к апостолам, на что Агильберт и Уилфред аргументированно возражали, что апостолы (в частности, Иоанн) отмечали Пасху ещё по иудейским обычаям, так как жили в такой культурной среде и были укоренены в местных традициях. С выходом христианства на международную арену эти традиции уступали место вселенским, закреплённым, в частности, Никейским собором в 325 г.:

«Сперва король Освиу объявил, что служащие одному Богу должны жить по одним правилам и не различаться в соблюдении небесных таинств; поэтому они должны установить, какая традиция правильнее, и впредь все вместе следовать ей. Затем он велел епископу Колману первым рассказать, каким обычаям он следует и откуда они произошли. Колман сказал: “Способ исчисления Пасхи, которому я следую, я узнал от своих наставников, пославших меня сюда епископом; его придерживались все наши отцы, воз-

родину он стал настоятелем монастыря в Рипоне. Благодаря образованию и богатому опыту, Уилфред стал ярким интеллектуалом и талантливым ритором. Особенно способствовало его карьере покровительство сына короля Освиу Элфрита, который был одним из инициаторов синода в Уитби. См.: Беда Достопочтенный 2001: XXV 110, 1; URL: https://www.heiligenlexikon.de/BiographienW/Wilfrid_Wilfrith_von_York.html; <https://www.britannica.com/biography/Saint-Wilfrid>; Mayr-Harting 1972: 107.

⁹ Агильберт происходил из знатной семьи, имевшей связи с королевской династией Кента, и внёс значительный вклад в христианизацию Уэссекса и Мерсии, заняв в итоге пост епископа в Дорчестере. Однако, Агильберт не владел английским языком, поэтому при формальном авторитете Агильберта фактически от его лица выступал именно Уилфред (см. Kirby 1991: 48–49). Важность фигуры Агильберта объясняется, по-видимому, ещё и тем, что в то время Британия по традиции рассматривалась как окраина галльского диоцеза. Поэтому клирики с континента могли восприниматься как посланцы из духовного центра в глухую провинцию, лишь не так давно начавшую обращаться в христианство.

¹⁰ Монастырь был основан в 657 г. св. Хильдой (ок. 614–680), известной не только своей подвижнической деятельностью на церковном поприще, но и знатым происхождением – её отец приходился племянником королю Эдвину, объединившему две части Нортумбрии в единое государство. Таким образом, Хильда была лицом, близким к правящей династии и имевшим влияние при дворе. Она придерживалась кельтских религиозных обычаев, в частности, сам монастырь был организован в их духе: он был двойным (женско-мужским), монахи жили в небольших строениях по 2–3 человека. См.: Беда Достопочтенный 2001: XXIV, 108, 1. URL: <http://justus.anglican.org/resources/bio/285.html>

¹¹ См.: Беда Достопочтенный 2001: XXV, 110, 2. У современных исследователей есть сомнения в правильности такого перевода названия монастыря.

¹² Ряд исследователей полагает, что мероприятие состоялось в другом месте со схожим названием – «Стренселле», неподалёку от Йорка. См.: Barnwell, Butler, Dunn 2003.

любленные Богом. В этом способе нет ничего сомнительного и предосудительного, поскольку еще блаженный евангелист Иоанн, возлюбленный ученик Господа, соблюдал его вместе со всеми управляемыми им церквами". Когда он сказал все это и другое подобного же рода, король велел Агильберту изложить свой обычай, его происхождение и то, на чем авторитете он основан. Агильберт сказал: "Я прошу, чтобы мой ученик, священник Вилфрид, говорил вместо меня, потому что мы оба согласны с прочими находящимися здесь приверженцами нашей церковной традиции, а он может изложить наши взгляды на языке англов куда лучше и яснее, чем я через переводчика". Вилфрид, получив от короля позволение говорить, начал: "Пасха, которой мы придерживаемся – та же самая, которую празднуют в Риме, где жили, учили, пострадали и погребены блаженные апостолы Петр и Павел. Ее празднуют повсюду в Италии и Галлии, что мы обнаружили, проезжая через эти страны ради учения и молитвы. Мы знаем, что ее празднуют в одно и то же время в Африке, Азии, Египте, Греции и во всем мире, куда распространилась Церковь Христова, среди всех народов и языков. Единственное исключение – эти люди и их сообщники в заблуждении, то есть пикты и бритты, которые здесь, на двух отдаленнейших островах Океана, в своей глупости воюют с целым миром"¹³.

Так, когда же Колман обратился к авторитету Колумбы (особо почитаемого кельтской церковью как одного из её основоположников), Уилфред противопоставил ему авторитет св. Петра, символизирующего папский престол и римскую церковь. Хитрость Уилфреда заключалась в том, что в этом случае он фактически подменил тему о способах вычисления Пасхи темой вселенского авторитета римской церкви как наследницы св. Петра вообще, таким образом высказав идею, что ее авторитет не должен подвергаться сомнениям со стороны локальных общин (в данном случае кельтских):

«Но, если, услышав мнение апостольского престола или, скорее, Вселенской Церкви, ты не последуешь ему, как самому Святому Писанию, ты совершаешь грех. Пусть твои отцы и святые, но неужели ты думаешь, что горсточка людей на краю отдаленнейшего из островов более права, чем Вселенская Церковь Христова, которая простерлась по всему миру? И пусть твой Колумба – впрочем, и наш, раз он Христов, – святой и добродетельный муж, но разве можно поставить его выше блаженнейшего предводителя апостолов, о котором Господь сказал: "Ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного"¹⁴.

Именно этот тезис окончательно убедил короля Освиу в правоте римской партии и, наконец, привёл к его вмешательству в диспут. Король выступил с краткой речью, подытожившей встречу:

«Когда Вилфрид закончил, король сказал: "Правда ли, Колман, что Господь сказал такие слова Петру?" "Это правда, король", – ответил Колман. Тогда король продолжал: "Можешь ли ты доказать, что такая же честь воздавалась твоему Колумбе?" "Не могу", – ответил Колман. Тогда король сказал: "Значит, вы оба согласны, что эти слова обращены только к Петру и что Господь вручил ему ключи от Царства Небесного?" "Да", – ответили они". И король заключил: "Тогда я скажу вам, что раз он так велик, я не могу противоречить ему, но намереваюсь подчиниться его велениям во всем; ведь

¹³ Беда Достопочтенный 2001: XXV, 110, 3: 111, 1.

¹⁴ Беда Достопочтенный 2001: XXV, 112, 2.

иначе, когда я подойду к вратам рая, некому будет отпереть их, поскольку тот, кто, по вашим словам, владеет ключами, отвернется от меня”. Когда король закончил, все сидевшие и стоявшие там, знатные и простые, выразили свое одобрение, отрунули несовершенные установления и приняли вместо них те, которые признали лучшими»¹⁵.

Позиция короля, изложенная в этой канонической версии, создаёт впечатление у читателя, что для Освиу главенствующим мотивом были отнюдь не тонкости исчисления Пасхи, а фактическое главенство упоминавшихся в дискуссии лиц в христианской иерархии. Как мы видим, согласно этой логике, позиция св. Петра весомее потому, что он более почитаем, уважаем и заслужен с точки зрения церкви, чем более локальный св. Колумба. По-видимому, такой взгляд на вещи вполне отвечает как нормам традиционного общества (подчёркнуто иерархичного по своей сути), так и непосредственно мировоззрению раннесредневекового правителя, вряд ли сильно искущённого в богословских вопросах и больше озабоченного поддержанием своего авторитета среди подданных и соседей¹⁶. Единство церкви и её традиций были необходимы королевской власти в целях укрепления последней, и результаты синода в Уитби демонстрируют как раз движение в этом направлении.

Принятие римской Пасхи устранило прежний дуализм двух ветвей церкви в Нортумбрии, в перспективе способный повлечь за собой ослабление государственности, так как подчинение части паствы центрам кельтского христианства было вряд ли выгодно англосаксонским монархам, учитывая многовековую враждебность в отношениях между кельтами и англосаксами, порождённую ещё пришествием последних на Британские острова в V в. За римской же ветвью стоял массив из всех остальных англосаксонских королевств, которые она сближала в культурно-идеологическом смысле, несмотря на периодические конфликты между ними. Поддержка королём Освиу римской ветви отвечала интересам укрепления государственной власти, которая, видимо, мыслилась как гармоничное сотрудничество монархии и церкви, для успешной реализации которого нужна была соответствующая кадровая политика.

Так и произошло: после синода проигравший диспут Колман со своими сторонниками удалился на о. Айону, а епископом Нортумбрии стал победитель Уилфред, сделавший, таким образом, блестящую карьеру и, между прочим, наживший к концу жизни немалые материальные богатства. Епископская резиденция была перенесена с о. Линдисфарн в Йорк, ближе к светской власти, а в нортумбрийской церкви взамен ушедших приверженцев Колмана были назначены на места новые кадры, лояльные королю. Вместе с римским способом исчисления Пасхи Уилфред принёс с собой с континента и принятую там форму тонзуры, отличавшуюся от той, что бытовала в кельтской церкви.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В пользу этого в т.ч. говорит тот факт, что Уилфред использовал не римскую традицию исчисления Пасхи как таковую, а alexandрийскую, выдавая её за римскую, но такие тонкости почему-то никого не смущали (см.: Stevens 2014: 160–161).

Синод Уитби в историографии прошлого и настоящего

На протяжении столетий синод в Уитби и его последствия интерпретировались в историографии порой в довольно преувеличенном масштабе¹⁷. Фактически, сугубо местное мероприятие, проведённое в целях оптимизации церковного устройства конкретно в Нортумбрии, впоследствии становилось предметом спекуляций, как и противоречия между римской и кельтской церквями вообще. Эти спекуляции в разное время были окрашены религиозно-националистическими мотивами, идеологически и ментально присущими уже Новому времени, а никак не раннему Средневековью. Как отмечал П. Уормальд, в эпоху Реформации и становления протестантизма в Англии и Шотландии некоторые мыслители (например, шотландский интеллектуал XVI века Дж. Бьюкенен) были склонны видеть в кельтском христианстве некую действенную «островную» альтернативу римскому католицизму, погрязшему, по их мнению, в мирских грехах и вызывавшему у протестантов понятную неприязнь. Аскетизм и простота кельтской церкви как бы являли собой антитезу Риму. С другой стороны, подъём национализма в XIX в. и далее, вплоть до его локальных этнокультурных всплесков в наши дни, предсказуемо создавал почву для соблазна использовать те же образцы в формировании узконационалистического дискурса среди антианглийски настроенных шотландцев и ирландцев¹⁸.

Однако все эти обыгрывания старых событий в новых исторических контекстах выглядят бесконечно далёкими от реалий VII века, когда национализма в современном понимании ещё не существовало, а правителям молодых варварских государств, возникавших на просторах пост-римской Европы, приходилось любыми доступными способами удерживать власть над своими разноплеменными подданными, исповедуя максимально прагматичные, а не романтически окрашенные подходы к этому нелёгкому делу¹⁹.

Так, по мнению современного британского историка Г. Мэйр-Хартинга, вся инициатива с созывом синода в Уитби была лишь плодом интриг Элфрита, сына короля Освиу, который управлял Дейрой (одним из двух исторических регионов Нортумбрии) и желал устранить неудобного ему епископа Колмана, заменив лояльным протеже Уилфредом, что в итоге и удалось. Собственно, на место ушедших с Колманом клириков и были назначены в основном ирландцы, следующие римской традиции и хорошо известные в Нортумбрии²⁰.

В современной историографии синод в Уитби уже не рассматривается как масштабное и поворотное событие эпохи. Если в середине

¹⁷ См., напр.: Мортон 1950: 44–45.

¹⁸ Wormald 2006: 207. Подробнее см.: Bradley 1999.

¹⁹ Отметим, что этнические различия не были решающими в этом вопросе. Так, например, уже ко времени синода в Уитби среди самих кельтских народов были широко распространены римские церковные обычаи, в том числе и исчисление Пасхи, особенно в Ирландии. См.: Brown 2003: 361.

²⁰ Mayr-Harting 1991: 108.

XX века оно ещё позиционировалось таковым²¹, то впоследствии акценты в его рассмотрении явно сместились в сторону описанных выше позиций. Таким образом, историческая ревизия данного факта успешно состоялась. Вместе с тем она отнюдь не означала утерю этим событием своей исторической значимости, так как переориентировала фокус внимания исследователей на проблематику становления королевской власти в раннесредневековых государствах и роль церкви в этом процессе, на влияние христианизации со всеми её нюансами на постепенное складывание общего культурного пространства западноевропейского мира и его социальную эволюцию.

Таким образом, с большой долей вероятности можно утверждать, что *в свое время* синод в Уитби решал в основном локальные внутриполитические задачи в королевстве Нортумбрия, а не являлся событием крупного, регионального масштаба; латинизация церковных традиций на Британских островах, вероятно, продолжалась бы без него, поскольку вполне успешно шла и ранее²². Причину этого, в свою очередь, следует видеть в том, что с римскими церковными обычаями распространялась более развитая в социальном и культурном смысле модель общественного устройства, объективно шедшая на смену примитивным варварским обществам эпохи Великого переселения народов, в которых аскетизм бытия определял и аскетизм сознания. Как только на смену бурным временам Переселения пришли времена более спокойные и стабильные, общество, по логике развития, должно было неизбежно прийти к более богатым и изысканным образцам духовной жизни, которые и предоставляла римская церковь.

Очевидно и то, что карьера клирика-интеллектуала в раннесредневековых государствах зависела, как и в более поздние времена, не только от учёности и навыков красноречия, но и от умения гибко ориентироваться в конъюнктурных изменениях в среде местной элиты, находить нужных покровителей, заводить выгодные связи, привлекать на свою сторону авторитетных людей. Это было оптимальной и нормативной стратегией в обществе, где сама государственность была ещё неотделима от личных связей, где правящая элита рассматривала и государство, и церковь как свои личные вотчины, руководствуясь в управлении семейными по сути принципами. Вся эта конъюнктура могла изменяться довольно динамично, поднимая и опуская людей по социальной лестнице порой с головокружительным эффектом²³.

²¹ Мортон 1950: 44–45.

²² Примером этому, в частности, служит упоминавшийся выше Ронан – клирик ирландского происхождения, однако, поборник римских обычаев.

²³ Примером может служить карьера самого Уилфреда, который, довольно стремительно вознёсся к её высотам, однако впоследствии неоднократно испытывал замысловатые повороты судьбы. Так, вскоре после синода в Уитби он подался в Галлию в поисках подходящих коллег для посвящения его в епископы; тем временем изменилась обстановка у него на родине, и он потерял своё место в Нортумбрии; а его покровитель Элфрит канул в

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. В.В. Эрлихмана. СПб., 2001. [Beda Dostopochtennyj. Cerkovnaya istoriya naroda anglov. SPb., 2001].
- Мортон А.Л. История Англии / Пер. с англ. Н. Чернявской / Ред. и вступит. статья А. Самойло. М., 1950. [Morton A.L. Istoriya Anglii. M., 1950].
- Barnwell P.S., Butler L.A.S., Dunn C.J. The Confusion of Conversion: Streaenæshalch, Strensall and Whitby and the Northumbrian Church. // Carver M. (ed.) The Cross Goes North. York Medieval Press, 2003.
- Blair P.H. The World of Bede (Reprint of 1970 ed.). Cambridge, 1990.
- Bradley I. Celtic Christianity: Making Myths and Chasing Dreams. Edinburgh, 1999.
- Brown P. Rise of Western Christendom. Oxford, 2003.
- Campbell J. Bede I. // Essays in Anglo-Saxon History. pp. 1–28. L., 1986.
- Kirby D.P. The Earliest English Kings. L., 1991.
- Mayr-Harting H. The Coming of Christianity to Anglo-Saxon England. L., 1991.
- Stevens, W.M. Easter Controversy // The Wiley Blackwell Encyclopedia of Anglo-Saxon England. Chichester, 2014.
- Stephanus Ripponensis. Vita Wilfridi I episcopi Eboracensis / Ed. Wilhelm Levison // Monumenta Germaniae Historica, Scriptores rerum Merovingicarum. T. VI. Hannoverae et Lipsiae 1913. P. 163–263.
- Wormald P. Bede and the Church of the English. // The Times of Bede. Oxford, 2006.
- Горелов Максим Михайлович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; heldenhammer@yandex.ru

Synod of Whitby (664): Rethinking the Event

The article examines one of the turning points of the formation of Christianity in Anglo-Saxon Britain through the prism of its reflection in the historiographical tradition of the past and present. As a result, it becomes obvious that the significance of a historical event is overestimated over time, demonstrating the reflection of the authors within the framework of historical memory.

Keywords: Christianity, Britain, Whitby, Wilfred, Colman, Northumbria, Easter.

Maxim Gorelov, PhD in History, senior researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; heldenhammer@yandex.ru

небытие в ходе неудачного заговора против своего отца Освиу (Беда Достопочтенный 2001: 115. Kirby 1991: 88-89). В 668 г. Уилфред вернулся в Британию и был восстановлен в должности, но в результате неприязненных отношений с новым королём Нортумбрии Эгфритом был подвергнут изгнанию, искал правосудия у Папы с целью уберечь от попыток конфискации свои владения в Нортумбрии, подвергался заключению и снова изгнанию, скитался по разным регионам Британии, занимаясь обращением язычников и фактически крестив Сассекс, первым начал распространять в стране бенедиктинский устав. Столь бурная биография, несомненно, свидетельствует о кипучем и авантюрном характере Уилфреда, равно как и о том, что жизнь интеллектуала в варварских королевствах раннего Средневековья отнюдь не всегда проходила в тишине и созерцательности монастырской кельи, но порой напоминала приключенческий роман. Как отмечают британские историки, Уилфред органично сочетал качества церковного интеллектуала, пламенного миссионера, аскета и вполне светского вельможи, готового вести яростную борьбу за свои владения, вызывавшие зависть конкурентов (Campbell 1986: 16. Blair 1990: 152).

А.С. МИНАКОВ

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ РОССИИ ПЕРВЫЙ ОПЫТ МУЗЕЙНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

В статье рецензируется первая в отечественной практике энциклопедия, посвященная литературным музеям. Проанализированы структура словника, методологические подходы и специфика изложения материала по ключевым проблемам музеефикации памятников литературного наследия. В книге гармонично соотнесен материал о монографических и комплексных музеях, раскрыты основные музееведческие понятия и определения, используемые в повседневной профессиональной практике, значительное внимание уделено региональному компоненту темы, география и структура литературных музеев представлены в общероссийском культурно-историческом контексте. Отмечается внимание составителей издания к созданию портретной панорамы персоналий музейного дела. В энциклопедию включены статьи как об известных подвижниках сохранения литературного наследия, так и о тех, чьи имена были открыты в процессе подготовки издания. Междисциплинарный характер книги представляется новым взглядом на важную область культурного пространства. В статьях синтезирован комплексный арсенал музеологии, культурологии, искусствоведения, литературоведения, истории, культурологии и других областей общегуманитарного научного знания. Все это делает рассмотренное издание актуальным и востребованным в деле подготовки специалистов для музейных учреждений и проведении научных исследований в области литературоведения, культурологии и музеологии.

Ключевые слова: музеи, литература, культура, энциклопедия, музейное дело.

Выхода энциклопедии «Литературные музеи России» с нетерпением ждали не только музейное сообщество, но и вся интеллектуальная Россия. Известный литературовед, директор Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля (Гослитмузея) и руководитель проекта нового издания Д.П. Бак в одной из своих работ замечательно подметил, что «русская культура – литературоцентрична, литература – наиболее адекватный способ проникнуть в русский культурный космос»¹. Действительно, миссия литературных музеев в русской культуре всегда была выше, чем сбережение писательских и книжных артефактов. Литературные музеи, синтезирующие глобальную ретроспективу колоссальных культурно-исторических процессов в государстве и обществе, остаются важнейшим институтом национальной памяти. Вместе с тем, выход столь масштабного по сюжетному охвату, географии и хронологии труда представляется не только ярким событием культурной жизни, но и смелым решением, так как переживаемая сегодня эпоха цифровизации и информатизации создает известные риски для подобных изданий, подготовленных в традиционном исполнении.

Базовой площадкой подготовки энциклопедии выступил Гослитмузей, который на всех ее этапах встречал заинтересованную поддержку и участие Министерства культуры Российской Федерации и Ассоциа-

¹ Бак 2015 (1): 492.

ции литературных музеев Союза музеев России. Символично, что активное обсуждение проекта началось в 2015 г., объявленном Годом литературы в России, что постепенно формировало внушительный теоретический и практический багаж будущего издания. Так, кропотливые изыскания редколлегии и авторов гармонично продолжили глубокое осмысление институционального и социокультурного феномена литературных музеев, которое началось в рамках концептуального дискурса «Российской музейной энциклопедии», а также отразилось в масштабном проекте «Музеи-архивы-библиотеки в информационном обеспечении исторической науки»². Реализация последнего шла при поддержке Гослитмузея, а идея принадлежала заведующей его сектора издательских проектов, кандидату исторических наук Е.А. Воронцовой. В связи с этим отметим роль Е.А. Воронцовой в организационно-методологической подготовке и настоящей энциклопедии. В частности, при ее непосредственном участии был сформирован квалифицированный авторский коллектив из крупных специалистов в области теории и практики музейного дела страны, музейщики и музеологи, историки, искусствоведы и культурологи из разных регионов страны: Е.А. Богатырев, Н.И. Михайлова, Н.М. Некрасов, Е.Н. Мастеница, О.С. Сапанжа, А.Н. Балаш, Л.С. Именова, А.А. Сундиева, И.В. Андреева, А.В. Лушникова и др. Многие из них вошли в солидный редакционный совет издания, где наряду с авторитетными учеными из вузов и академических центров представлены опытные руководители ведущих федеральных и региональных музеев.

Составители энциклопедии делились своими идеями и мыслями с будущими читателями на разных этапах ее создания³. Это был открытый и интересный разговор. И уже на стадии подготовки стало понятно, что будущая книга избежит шаблонных подходов к определению многих, казалось бы, устоявшихся категорий. Повышенного внимания требовала атрибуция ключевой из них – «литературные музеи». Если ранее ее определение давалось как «профильная группа музеев, документирующих историю литературы и с этой целью осуществляющих собирание, изучение и экспонирование литературных памятников»⁴, то теперь оно сформулировано с учетом междисциплинарной многомерности. Статья Д.П. Бака, Е.А. Воронцовой, Е.Н. Мастеницы в новом издании раскрывает разнообразие объектов документирования и репрезентации литературных музеев. Среди них – в целом литературное творчество (в его российском и мировом измерении) как часть глобального культурно-исторического процесса в привязке к культурным гнездам; научное знание по истории литературы; жизнь и творчество писателей и поэтов, критиков и других исследователей литературы; памятники и объекты культурного наследия, связанные с литературной проблематикой и др.⁵

² Воронцова 2017.

³ Бак 2015 (2); Воронцова 2015.

⁴ Виноградова, Михайлова 2001.

⁵ Литературные музеи: 596.

Стилистика и характер статей обусловили преобладание в них проблемного анализа на принципах трансграничности. Авторы успешно синтезировали методический аппарат музеологии, культурологии, искусствоведения, литературоведения, истории, культурологии и других областей научного знания. Чувствуется, что составители гармонично сочетали институциональный, сравнительно-исторический, системный и информационный подходы, раскрывая сущностную составляющую любого музейного института или дефиниции. Такой прием позволил раскрыть музеи как сложно организованную систему, создающую ценный информационный ресурс для гуманитарного знания в целом.

Читателя энциклопедии ожидает много нового. Здесь впервые выявлены и систематизированы музейные объекты, которые осуществляют собирание, хранение и экспонирование предметов литературного наследия во всем разнообразии его форм. В частности, энциклопедия зафиксировала не только музеи, посвященные писателям, литературным произведениям и литературным героям; музеи-заповедники и музеи-усадьбы, но и другие разновидности комплексных литературных музеев.

Придерживаясь классической стилистики справочной литературы, каждая статья по конкретному музейному учреждению сообщает его основные характеристики: время и историю создания, состав экспозиции и фондов, научно-общественную и выставочную деятельность. География энциклопедии охватывает территорию Российской Федерации, но обзорно дается характеристика музейной сети и в отдельных районах постсоветского пространства. Стоит отметить, что данное издание впервые позволило узнать о существовавших ранее, но закрывшихся музеях.

Пристальное внимание уделено региональным музеям, представляющим персоналии локального масштаба и раскрывающим историю отдельной литературной локации. Многие из них сегодня стали местными культурно-просветительскими центрами, которые нуждаются в информационной поддержке. Они презентуют литературный мир своего края в контексте литературной России в целом. Приведены сведения и о расположенных на территории России музеях, посвященных зарубежным писателям. В их числе – музеи К. Донелайтиса, М. Богдановича и Я. Купалы, Э. Кестнера и др. Кроме того, в обобщающей статье «Литературные музеи» дан краткий обзор литературных музеев в мире.

Как уже отмечалось, глобальные информационные процессы, экспансия Интернет-пространства, цифровизация творчества резко сократили традиционные (бумажные) носители информации – ключевые предметы собирания и экспонирования литературных музеев. В этой ситуации музейная энциклопедия формирует огромное проблемное поле для размышления над данной проблемой современности. По сути, она уже стала площадкой обмена экспертными мнениями заинтересованных и компетентных специалистов, приглашая к дискуссии по самым актуальным проблемам. Как дальше музеефицировать современные литературные процессы? Как формировать критерии музейной ценности? Эти

и другие вопросы неизбежно требуют ответов (особенно в условиях постоянно растущего литературного материала).

Энциклопедия впервые в музейной историографии дает статьи о группах монографических музеев, посвященных конкретным писателям (например, «Булгакова М.А. музеи», «Гайдара А.П. музеи», «Достоевского Ф.М. музеи» и др.). Теперь в распоряжении специалистов имеется обильная пища для размышления о географии, инфраструктуре и характере презентации одних персоналий литераторов и вынужденных (или невынужденных) лакунах в отношении других персон. Авторы таких материалов проанализировали два основных фактора локализации литературных деятелей. Их музеи возникали в «памятных местах» или «местах памяти». Данный угол рассмотрения проблемы открывает перспективы дополнительного изучения путей развития таких точек соединения меморизации и познания. Заметим, что авторы проекта изначально понимали широкие перспективы данного подхода – «почему так представительны группы музеев, посвященных одним популярным писателям, и отсутствуют или немногочисленны музеи, посвященные другим, не менее популярным писателям; почему в некоторых случаях мы имеем только музеи, созданные почитателями, а мемориальные объекты не музеефицированы»⁶. Такие вопросы провоцируют в будущем профессиональное сообщество к интересным поискам и дискуссиям.

Музейное строительство, спасение уникальных писательских реликвий, популяризация литературного мира невозможны без личного подвижнического вклада многих музейных специалистов, краеведов, коллекционеров, дарителей. Энциклопедия содержит замечательную панораму персоналий как известных ревнителей литературного наследия (И.Л. Андроников, Н.П. Анциферов, В.К. Арсеньев, С.С. Гейченко, А.М. Гордин, А.З. Крейн, Д.С. Лихачев и др.), так и организаторов музейного дела, чей значимый вклад выяснился в процессе подготовки энциклопедии. Заслуга авторов – возвращение многих имен ярких подвижников музейного дела, которые незаслуженно оставались в тени или вовсе из-за каких-то субъективных обстоятельств были преданы забвению.

Социокультурный контекст энциклопедии наполняют статьи о научных и просветительских общественных организациях, внесших значимый вклад в музейное строительство, а также литературных музейных праздниках, ставших неотъемлемой частью культурного ландшафта России. Многие из них превратились в визитные карточки, презентующие нашу страну как хранительницу литературного наследия на международной арене.

Композицию издания органично дополняют статьи общепознавательного и теоретико-прикладного характера («Европейский музейный форум», «Краеведческое движение», «Культурный туризм» и др.). Помимо уточнения общепринятых в музееведении норм, они насыщают

⁶ Воронцова 2022. С. 713–721.

конкретикой разноплановую деятельность литературных музеев. До выхода энциклопедии многие из них являлись предметом изучения специальной литературы и были известны узкому кругу специалистов. Самостоятельная группа статей также посвящена концептуальным музееведческим понятиям и терминам («Государственный музейный фонд», «достопримечательные места», «комплектование музейных фондов» и др.). В целом, авторы постарались преподнести устоявшиеся трактовки последних, опираясь на актуальные результаты науки. Однако при наличии дискуссионных подходов отмечались различные точки зрения.

При несомненной фундаментальности рецензируемое издание совсем не выглядит узкоспециальным справочником. Скорее это увлекательная книга для чтения, которая приглашает читателя к интересному путешествию в мир красивых образов русской литературы, писательских судеб, их родных мест, где встречаешься с давно знакомыми героями и персонажами. И, тем не менее, пристальное знакомство с книгой вынуждает обратить внимание на некоторые ее особенности, которые кажутся отчасти спорными. Например, богатый по сюжетному разнообразию иллюстративный ряд энциклопедии смотрится иногда не вполне удачно. Так, статья «вещественные источники» иллюстрирована шестью фотографиями, четыре из которых взяты из музеев И.А. Бунина⁷. В статьях-очерках по субъектам Российской Федерации явно напрашиваются карты-схемы с расположением конкретных литературных музеев в регионе. Такой подход в свое время с успехом был реализован на страницах «Российской музейной энциклопедии».

В статьях, посвященных разным музеям одного писателя, встречаются разнообразные его определения. Например, применительно к В.В. Вересаеву в статье о его доме-музее в Туле он определен как «писатель, пушкинист, переводчик и литературовед», в статье о мемориальном доме на Николиной горе – как «писатель, переводчик, литературовед», а в статье «Вересаева В.В. музеи» только как «писатель»⁸. Схожая ситуация наблюдается со статьями про музеи М.А. Волошина. В статье о его доме-музее в Коктебеле он указан как «поэт и художник», а в статье «Волошина М.А. музеи» как «поэт, переводчик, художник, критик»⁹. Составителям издания стоило внимательнее отнестись к соблюдению единообразия в оформлении материалов. Не всегда указаны дата и автор съемки фотоматериалов. Ссылки на Интернет-ресурсы в тексте идут без указания даты обращения.

В статьях по многим музеям, особенно региональным, кажется избыточной информация о выставках, конференциях и других мероприятиях. Видимо, авторы старались перечислить наиболее значимые события, которые музей сам инициировал или имел активную причастность. Действительно, анализ данной деятельности музеев изучена крайне ма-

⁷ Литературные музеи: 188–189.

⁸ Литературные музеи: 185–187.

⁹ Литературные музеи: 202–203.

ло. Но, все-таки, было бы уместно указывать лишь те из них, которые приобрели периодический характер либо масштабный (например, общештатский) охват.

Тем не менее, сделанные ремарки совсем не умаляют высказанных ранее оценок содержательных достоинств книги. Энциклопедия с новаторских позиций раскрывает все многообразие литературного мира российских музеев как уникальное явление мирового культурного масштаба. Рецензируемое издание формирует хорошую платформу для коммуникации литературных музеев, а также ученых и специалистов-практиков в разработке теоретических и прикладных проблем сохранения и популяризации литературного наследия. Такой подход давно был необходим и востребован. Остается надеяться, что следующий том энциклопедии органично дополнит летопись литературной сокровищницы России не менее яркими и оригинальными страницами.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бак Д.П. История литературы и литературный музей: закономерности и взаимодействия // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородин, А.Д. Яновский. М.: Этерна, 2015. С. 487–492. [Bak D.P. Istorija literatury i literaturnyj muzej: zakonovernosti i vzaimodejstviya // Rol' muzeev v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki: sbornik statej / Avt.-sost. E.A. Vorontsova; отв. red. L.I. Borodkin, A.D. Janovskij. M.: Eterna, 2015. S. 487–492].
- Bak D.P. History of Literature and Literary Museum: Patterns of Interaction // Role of Museums in Information Support of Historical Science: a collection of articles / Author-compiler E.A. Vorontsova; eds L.I. Borodkin, A.D. Janovskiy. Moscow: Eterna, 2015. P. 487–492.
- Бак Д.П. Проект издания энциклопедии «Литературные музеи России» и новые алгоритмы работы сети российских литературных музеев // Диалог со временем. 2015. Вып. 52. С. 223–226. [Bak D.P. Proekt izdaniya enciklopedii «Literaturnye muzei Rossii» i novee algoritmy raboty seti rossijskih literaturnyh muzeev // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 52. S. 223–226.]
- Bak D.P. The project of the publication of the Encyclopedia «Literary Museums of Russia» and new algorithms in the work of the network of Russian literary museums // Dialog with Time. 2015. Issue 52. P. 223–226.
- Виноградова Н.А., Михайлова Е.Д. Литературные музеи // Российская музейная энциклопедия. Т. 1. А–М. М.: Прогресс: Рипол классик, 2001. С. 334. [Vinogradova N.A., Mihajlova E.D. Literaturnye muzei // Rossijskaya muzejnaya enciklopediya. T. 1. A–M. M.: Progress: Ripol klassik, 2001. S. 334].
- Vinogradova N.A., Mihajlova E.D. Literary Museums // Russian Museum Encyclopedia. Vol. 1. A–M. M.: Progress: Ripol classic, 2001. p. 334.
- Воронцова Е.А. Мир литературных музеев в зеркале энциклопедии «Литературные музеи России»: концептуальные основания проекта // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 2. С. 228–235. [Vorontsova E.A. Mir literaturnyh muzeev v zerkale enciklopedii «Literaturnye muzei Rossii»: konceptual'nye osnovaniya proekta // Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2015. № 2. S. 228–235].
- Vorontsova E.A. The world of literary museums in the mirror of the encyclopedia "Literary Museums of Russia": conceptual foundations of the project // Historical Journal: scientific research. 2015. No. 2. P. 228–235.
- Воронцова Е.А. Проект «Роль музеев-библиотек-архивов в информационном обеспечении исторической науки: итоги и перспективы» // Трансформация музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе. Сборник статей по материалам научно-практического семинара. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 265–275. [Vorontsova E.A. Proekt «Rol' muzeev-bibliotek-arhivov v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki: itogi i perspektivy» // Transformacija muzeev-bibliotek-arhivov i informacionnoe obespechenie istoricheskoj nauki v informacionnom obschestve. Sbornik statej po materialam nauchno-prakticheskogo seminar. M.: INION RAN, 2017. S. 265–275.]
- Vorontsova E.A. Project «The role of museums-libraries-archives in the information support of historical science»: results and perspectives

// Transformation of museums-libraries-archives and information support of historical science in the information society. Collection of articles based on the materials of the scientific and practical seminar. Moscow: INION RAS, 2017. P. 265–275.

Воронцова Е.А. Отечественная литература – литературные музеи – энциклопедия «Литературные музеи в России»: предварительный анализ потенциала сформированного информационного ресурса // «Учителя, ученики, коллеги...»: сборник статей к 60-летию Дмитрия Петровича Бака. М.: РГГУ, 2022. С. 713–721 [Vorontsova E.A. Otechestvennaya literatura – literaturnye muzei – enciklopediya «Literaturnye muzei v Rossii»: predvaritel'nyj analiz potentsiala sformirovannogo informacionnogo resursa // «Uchitelya, ucheniki, kollegi...»: sbornik statej k 60-letiyu Dmitriya Petrovicha Baka. M.: RGGU, 2022. S. 713–721]. Vorontsova E.A. Domestic literature – literary museums – encyclopedia «Literary museums in Russia»: preliminary analysis of the potential of the formed information resource // «Teachers, students, colleagues ...»: collection of articles for the 60th anniversary of Dmitry Petrovich Bak. M.: RSUH, 2022. P. 713–721.

Литературные музеи России: энциклопедия. Т. 1. А–Л. М.: ГМИРЛИ имени В.И. Даля, 2022. 638 с. [Literaturnye muzei Rossii: enciklopediya. T. 1. A–L. M.: GMIRLI imeni V.I. Dalya, 2022. 638 s.]. Literary Museums of Russia: encyclopedia. Vol. 1. A–L. M.: GMIRLI named after V.I. Dahl, 2022. 638 p.

Минаков Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, директор Дирекции изучения истории МПГУ, профессор кафедры истории России МПГУ; ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН; minakovas@bk.ru

New perspectives of literary Russia the first experience of the museum encyclopedia

The article reviews the first encyclopedia in Russian practice dedicated to literary museums. The structure of the dictionary, methodological approaches, as well as the specifics of the presentation of the material on the key problems of museification of literary heritage monuments are analyzed. The breadth of the problems of the new book is shown. It harmoniously correlates the material about monographic and complex museums, as well as reveals the main museum concepts and definitions used in everyday professional practice. Considerable attention is paid to the regional component of the topic. The geography and structure of literary museums are presented in the all-Russian cultural and historical context. The significant attention of the compilers of the publication to the reconstruction of the portrait panorama of museum business personalities is noted. At the same time, the encyclopedia includes articles about both famous devotees of the preservation of literary heritage, and those whose names were discovered during the preparation of the publication. The essential interdisciplinary nature of this book is revealed, which seems to be a new look at an important area of cultural space. The articles synthesize a comprehensive arsenal of museology, cultural studies, art history, literary studies, history, cultural studies and other areas of general humanitarian scientific knowledge. These factors make the considered publication relevant and in demand for the development of domestic museum business, training of specialists for museum institutions, as well as for conducting scientific research in the field of literary studies, cultural studies and museology.

Keywords: museums, literature, culture, encyclopedia, museum business.

Andrey S. Minakov, Dr. Sc. (History), Head of the Directorate for the Study of History of MPSU, Professor of the Department of Russian History (Moscow Pedagogical State University); Leading Research Fellow, Institute of Russian History (RAS), minakovas@bk.ru

Л.А. СЫЧЕНКОВА

НА ФОНЕ МРАМОРНОГО ДВОРЦА: ПОРТРЕТЫ ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ КУЛЬТУРЫ

В рецензии анализируется коллективная монография «Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку» (Науч. ред.-сост. В.А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН. 2022. 872 с.). Собранные в одной книге творческие портреты 48 советских историков культуры, археологов, искусствоведов, музееологов позволяют преодолеть, закрепившиеся за десятилетия в историографии наслоения легенд, вымыслов, необоснованных обвинений и преувеличенной канонизации, по-новому оценить уникальный опыт институционального центра гуманитарного знания в контексте сложного социокультурного пространства 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: история культуры, история археологии, материальная культура, РАИМК, биографии ученых, историография, институциональный центр.

Посвящается памяти А.С. Шофмана (1913–1993)

Тяжеленный фолиант любовно изданной книги нестандартного формата, прекрасно иллюстрированной, с удобными для чтения страничными сносками, располагает к подробному академическому разговору. Слова Н.Я. Марра из эпитафии на постаменте его надгробного обелиска – «Коллектив живой воскресаает мертвых»¹, могли бы стать эфиграфом к этой книге. Миссия авторов – сохранить достойную память об ученых, внесших значительный вклад в изучение истории культуры. В наши дни нравственно-этическое значение книги приобрело не меньшее значение, чем эвристическое. Сложность осмысления содержания книги, связана не столько с объемом и числом биографий – 48 (!) персоналий представлено в книге, – но, прежде всего, с тем, что мир каждого из героев – целая планета. «Деятельность ученого настолько колоссальна и всеобща, что мы не знаем, как подступиться...», – признается один из авторов². Еще больший трепет испытываешь, приступая к осмыслению результата колоссального труда историков науки, представивших интерпретацию биографий классиков отечественного гуманитарного знания в пространстве уникального академического центра – Российской академии истории материальной культуры (РАИМК).

В последние десятилетия появилось несколько изданий, посвященных российским центрам гуманитарного знания, возникшим в конце XIX – первой четверти XX в. – таким, как Русский археологический институт в Константинополе (РАИК)³, Российский институт истории искусств (РИИИ / ГИИИ в Петрограде)⁴. Особое внимание уделяется экспериментальным институциям 1920–1930-х гг. – таким, как Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных

¹ Платонова 2022: 98.

² Медведьева 2022.

³ Басаргина 1999.

⁴ Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинград... 2014.

наук (РАНИОН) и Государственная академия художественных наук (ГАХН) в Москве⁵. И вот, наконец, в этом ряду появилось собрание биографий ученых РАИМК. Собранные вместе портреты ученых РАИМК позволяют избавиться существующие представления от многолетних наслоений легенд, вымыслов и преувеличенной канонизации.

Личное отношение к РАИМК и его истории складывалось у автора статьи с конца 1970-х. Фамилии И.И. Толстого, С.А. Жебелёва, Б.В. Фармаковского, Б.А. Тураева упоминались в историографических обзорах лекций от профессора Казанского университета, антиковеда А.С. Шофмана⁶. Это были его учителя. А.С. Шофман в 1933–1938 гг. учился на классическом отделении филологического факультета ЛГУ. Остался в памяти его рассказ о том, как они – студенты 1930-х гг. слушали лекции Н.Я. Марра, который излагал им свою концепцию развития языков с присущим ему темпераментом, увлекаясь, утирая вспотевший лоб тряпкой, которой только что мыл доску. Содержание лекций студенты не понимали, потом приходил доцент – ученик Марра, который разъяснял им услышанное более популярно, а потом приходил аспирант и разжевывал им суть совсем просто. А.С. Шофман рассказывал и о том, как стоял в почетном карауле у гроба Марра. Воспоминания А.С. Шофмана об учителях были опубликованы в 2009 году⁷.

Название академии возникло не случайно, оно опиралось на марксистскую концепцию культуры, согласно которой содержание понятия «культура» было разделено на «материальную» и «духовную». С подачи ЮНЕСКО с конца 1990-х гг. в западном гуманитарном знании – истории, «культуральной истории», понятие «духовная культура» заменяют понятием «нематериальное культурное наследие». В современной западной историографии к гегелевскому понятию «духовная культура», равно как и понятию «материальная культура», воспринятому К. Марксом и Ф. Энгельсом, сложилось категорическое неприятие.

Концепция издания. К написанию портретов 48 ученых РАИМК в рамках гранта РФФИ (проект 18-09-40116) был привлечен солидный коллектив – 15 авторов. Среди них шесть докторов наук – цвет сегодняшней исторической элиты Санкт-Петербурга: Ю.А. Виноградов, В.А. Горончаровский, Н.И. Платонова, И.Л. Тихонов, И.В. Тункина, И.Ю. Шабуб. Красивое название книги не совсем точно отражает ее содержание, поскольку не всех героев очерков можно назвать «отцами-основателями». Биографии некоторых героев книги только по касательной соприкасались с работой академии (И.Э. Грабарь, М.А. Эфрос, Н.А. Энман и др.). Биографии ученых даны на фоне Академии как на фотографии с обложки книги, комментарии к которой стали темой вступительной статьи редактора В.А. Горончаровского. Книга состоит из четырех глав

⁵ Кузьминых, Белозёрова 2018: 321–341.

⁶ Шофман Аркадий Семёнович (1913–1993), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Казанского университета.

⁷ Шофман 2009:370-417.

и приложения. Авторы сборника расположили биографии по времени вступления ученых в РАИМК. Хронологический подход позволил авторам всех «уровнять». Хотя был возможен иерархический принцип расположения персоналий, но ранжирование ученых предполагает выработку точного критерия их различения по степени большей или меньшей значимости. Это задача трудноосуществимая. Не все очерки обладают новизной. О многих героях очерков уже написаны монографии. Таково фундаментальное исследование Б.С. Кагановича о С.Ф. Ольденбурге⁸, Р.И. Кызласовой о Н.П. Сычеве⁹, С.И. Марахоновой о С.Г. Елисееве¹⁰, К.Н. Юзбашян об И.А. Орбели¹¹, М.В. Алпатов о Н. Я. Марре¹². Статьи в книге написаны на основе существующей историографии по выбранным персоналиям, а также большом массиве архивных источников, частично впервые вводимых в научный оборот. Особую ценность представляют те публикации, в которых архивные документы дополнены устными воспоминаниями. Так, И.Л. Тихонов удачно вкрапляет в очерк об А.А. Спицыне воспоминания личного общения с дочерью ученого¹³. Фотографии не только украшают книгу, но и делают ее эстетически привлекательной и визуально информативной.

Биографии ученых интересно читать, поскольку они изложены без заданной схемы. Во всех очерках нет категоричных оценок поступков и осуждений героев. Отдаленность во времени от событий тех лет позволяет авторам применить возможности ретроспективного подхода к биографиям героев: «когда очистились перспективы, выравнились шероховатости, а дни стали временем и обобщение могло родиться само собой механическое и бесстрастное»¹⁴.

Немного грустно от того, что некоторые биографические очерки заканчиваются моментом ухода из жизни. Так М.В. Поникаровская завершает очерк о И.Э. Грабаре словами: «16 мая 1960 г. в возрасте 89 лет он скончался в Москве...»¹⁵. Мне кажется, что пафос некрологов здесь не совсем уместен. Понятно, что все герои очерков ушли в мир иной, и по-разному, кто-то в почете, кто-то от голода и болезней, кто-то трагически. Более значим для научной биографии вклад ученого в науку: оригинальная методология, новое направление, открытия, и даже заблуждения и ошибки, созданная научная традиция, преемственность, реализованная в учениках и последователях. Примеры такого завершения статей предлагают «продлить жизнь ученых в науке» – изданием рукописных материалов ученых. Заслуживает всяческой поддержки предложение И.В. Тункиной о скорейшем вводе в научный оборот¹⁶

⁸ Каганович 2006.

⁹ Кызласова 2006.

¹⁰ Марахонова 2016.

¹¹ Юзбашян 1964.

¹² Алпатов 1993.

¹³ Тихонов 2022: 189–216.

¹⁴ Веселовский 1939: 433.

¹⁵ Поникаровская 2022: 339.

¹⁶ Тункина 2022b: 57.

неизданных трудов истинного «титана отечественной науки» В.В. Латышева. Во многих статьях намечены перспективы исследования архивных фондов для последующих исследователей¹⁷. Красиво и оптимистично звучит завершение очерка о Б.В. Фармаковском, словами: «Все мы вышли из его Ольвийской экспедиции!»¹⁸. Заслуга многих ученых не только в их научных открытиях, а еще и в том, что они способствовали созданию научной базы. Так, А.А. Спицин «создал необходимый фонд для будущих исследователей»¹⁹. В 1925 г. на основе личной коллекции монет, письменных источников и документов Н.П. Лихачева был создан Палеографический музей.

Очень сложный материал о Н.Я. Марре достался Н.И. Платоновой. Фигура Марра – центральная в истории РАИМК, он – подлинный ее «отец-основатель», но личность неоднозначная, память о нем овеяна мифами и легендами. Переосмысление его личности и вклада в науку до сих пор не завершено. Автору очерка удалось буквально «пройти по лезвию бритвы» и создать цельный образ, избегая апологетики и чрезмерной критики. Для реконструкции биографии такого одиозного ученого надо обладать и известной долей деликатности и уважения, чтобы объективно определить его место и роль в истории российской науки.

Главное в Академии – люди, и образ РАИМК складывался из судеб людей. Авторы сборника не стремились представить Академию чем-то вроде башни из слоновой кости, островом спасения, огражденным от потрясений и репрессий. Академия пережила несколько кризисов внутреннего управления, связанного с назначением коммунистов на руководящие должности. РАИМК была все-таки советским научным учреждением, корпоративную этику которой формировали правила времени.

Н.Я. Марр – лидер и вдохновитель научного сообщества РАИМК, зачастую игравший роль буфера между властью и институтом. Он спасал оставшуюся часть российских гуманитариев в условиях голода и политического террора. Может быть, сохранение научного генофонда гуманитариев было главной человеческой миссией РАИМК. Н.Я. Марр, действительно, многих спасал от неминуемой гибели, писал письма для их освобождения. Дорого стоит признание Ф.И. Шмита: «Все-таки пока Марр есть, еще можно как-то тянуться к жизни»²⁰.

Под «одной крышей», будучи изгнанными из других учебных учреждений и научных центров, в РАИМК собрались археологи, византилисты, антиковеды, искусствоведы. У всех ученых были за плечами разная научная подготовка, собственный опыт, методологические пристрастия, амбиции и устремления.

Ученые оказались в экстремальной ситуации исторического перелома перед личным выбором: оставаться или уехать, сотрудничать с

¹⁷ Медведева 2022: 188.

¹⁸ Виноградов 2022: 271.

¹⁹ Тихонов 2022: 216.

²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Ед.хр. 1079. Л. 10.

новой властью, продолжая свои исследования, не обращая внимания на политические изменения. Многие из оставшихся советской России ученых лишились академического комфорта, испытали голод, материальную нужду, притеснения жилищных условий, потерю социального статуса, но продолжали работать. Невольно возникают сравнения судеб тех, кто остался, с судьбами тех, кто покинул Россию. Эмиграция ученых – грустная тема в истории отечественной науки. Жизнь их на Западе сложилась по-разному. Но вот, казалось бы, поучительный пример востоковеда А.А. Васильева: умер в «полном одиночестве», в США, в доме престарелых²¹. Могут возникнуть мысли о его горькой судьбе. Но А.А. Васильев ушел из жизни в 82 года (!) на другой день после приезда «с IX Международного Византийского конгресса в Фессалониках (апрель 1953)», а значит – до последних дней жил полной жизнью. Авторы книги выбрали этически правильную интонацию в отношении своих героев. У каждого из них была «своя правда», и «правд» бывает несколько. Цель таких изданий не в коллекционировании биографий, а в определении значимости научных концепций ученых.

Главное, книга заставляет размышлять о судьбах советских ученых в непростых обстоятельствах, о коллизиях, достижениях и упущенных возможностях отечественного гуманитарного знания. Практически все представленные в книге персоналии – многогранные личности, с разносторонними интересами, оставившие глубокий след в разных направлениях гуманитарного знания и истории культуры.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

Шмит Ф.И. – Н.Я. Марру, от 21. 10. 1924 г. // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН), Ф. 800. Оп. 3. Ед. хр. 1079. 10 л. [SHmit F.I. – N.YA. Marru, ot 21. 10. 1924 g. // Sankt-Peterburgskij filial Arhiva RAN (SPbF AРАН), F. 800. Op. 3. Ed. hr. 1079. 10 l.].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991 [Alpatov V.M. Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm. M.: Nauka, 1991].
- Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999 [Basargina E.YU. Russkij arheologicheskij institut v Konstantinopole. Oчерki istorii. Spb.: Dmitrij Bulanin, 1999].
- Вахтина М.Ю., Горончаровский В.А. Сергей Сергеевич Лукьянов (1889-1938) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 58-67 [Vahtina M.YU., Goroncharovskij V.A. Sergej Sergeevich Luk'yanov (1889-1938) // Otcy-osnovateli RAIMK: ih zhiznennyj put' i vklad v nauku. Spb.: IIMK RAN, 2022. S. 58-67].
- Веселовский А.Н. Рабле и его роман. Опыт генетического объяснения // Веселовский А.Н. Избранные статьи. Л.: ГИХЛ, 1939. С. 398-463. 433. [Veselovskij A.N. Rable i ego roman. Opyt geneticheskogo ob'yasneniya // Veselovskij A.N. Izbrannye stat'i. L.: GIHL, 1939. S. 398-463].
- Виноградов Ю.А. Борис Владимирович Фармаковский (1870-1928) // СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 254-271. [Vinogradov YU.A. Boris Vladimirovich Farmakovskij (1870-1928) // Spb.: IIMK RAN, 2022. S. 254-271.].
- Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург: опыт биографии. Рос. акад. наук, С.-Петербург. ин-т истории. Санкт-Петербург: Феникс, 2006 [Kaganovich B.S. Sergej Fedorovich Ol'denburg: opyt biografii. Ros. akad. nauk, S.-Peterb. in-t istorii. Sankt-Peterburg: Feniks, 2006].

²¹ Тункина 2022а: 32.

- Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде: по архивным материалам: [сборник статей] / Российская акад. наук, Ин-т русской лит. (Пушкинский Дом); [сост. М. Э. Маликова]. М.: Новое литературное обозрение, 2014 [Konec institucij kul'tury dvadcatykh godov v Leningrade: po arhivnym materialam: [sbornik statej] / Rossijskaya akad. nauk, In-t russkoj lit. (Pushkinskij Dom); [sost. M. E. Malikova]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014].
- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. Институт археологии и искусствоведения РАИОН в судьбах отечественной археологии // Поволжская археология, 2018, № 1(23). С. 321–341. [Kuz'minyh S.V., Belozyorova I.V. Institut arheologii i iskusstvovedeniya RANION v sud'bah otechestvennoj arheologii // Povolzhskaya arheologiya, 2018, № 1(23). S. 321–341].
- Кызласова И.Л. Николай Петрович Сычев (1883-1964). М.: Изд-во Сканрус, 2006 [Kyzlasova I.L. Nikolaj Petrovich Sychev (1883-1964). M.: Izd-vo SkanruS, 2006].
- Медведева М.И. П.П. Покрышкин // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 189-216. [Medvedeva M.I. P.P. Pokryshkin // Otcy-osnovateli RAIMK: ih zhiznennyj put' i vklad v nauku. SPb.: IIMK RAN, 2022. S. 189-216].
- Поникаровская М.В. Николай Петрович Лихачев (1862-1936) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 579-593. [Ponikarovskaya M.V. Nikolaj Petrovich Lihachev (1862-1936) // Otcy-osnovateli RAIMK: ih zhiznennyj put' i vklad v nauku. SPb.: IIMK RAN, 2022. S. 579-593].
- Тихонов И.Л. Александр Андреевич Спицын (1858-1931) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 189-216. [Tihonov I.L. Aleksandr Andreevich Spicyn (1858-1931) // Otcy-osnovateli RAIMK: ih zhiznennyj put' i vklad v nauku. SPb.: IIMK RAN, 2022. S. 189-216].
- Тункина И.В. Александр Александрович Васильев (18567-1953) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 32. [Tunkina I.V. Aleksandr Aleksandrovich Vasil'ev (18567-1953) // Otcy-osnovateli RAIMK: ih zhiznennyj put' i vklad v nauku. SPb.: IIMK RAN, 2022. S. 16–32].
- Тункина И.В. Вавилий Васильевич Латышев // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 33–57. [Tunkina I.V. Vavilij Vasil'evich Latyshev // Otcy-osnovateli RAIMK: ih zhiznennyj put' i vklad v nauku. SPb.: IIMK RAN, 2022. S. 33–57].
- Шофман А.С. Не угаснет огонь Прометея // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 5. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 370-417. [Shofman A.S. Ne ugasnet ogon' Prometeja // Mir istorika: istoriograficheskij sbornik / pod red. V.P. Korzun, A.V. Yakuba. Вып. 5. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 370-417].
- Юзбашян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. [1887-1961] / Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. М.: Наука, 1964 [Yuzbashyan K.N. Akademik Iosif Abgarovich Orbeli. [1887-1961] / Akad. nauk SSSR. In-t narodov Azii. M.: Nauka, 1964].

Сыченкова Лидия Алексеевна, д. и. н., доцент, ведущий научный сотрудник, научно-исследовательская лаборатория «Клио+», Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, l.sichenkova@yandex.ru

On the Background of the Marble Palace Portraits of the First Soviet Cultural Historians

The review analyses the collective monograph "The Founding Fathers of the RAIMK: Their Life and Contribution to Science" (*Editor-in-Chief. V.A. Goroncharovskiy. SPb: IIMC RAS. 2022. 872 p.*). The creative portraits of 48 brilliant Soviet cultural historians, archaeologists, art historians and museologists collected in one book allow us to overcome the legends, fabrications, unfounded accusations, and exaggerated canonisation which became entrenched in historiography over decades, to evaluate anew the unique experience of institutional centre of humanitarian knowledge in the context of complex socio-cultural space of 1920–1930s.

Key words: *history of culture, history of archeology, material culture, RAIMK, biographies of scientists, scientific heritage, historiography, institutional centre.*

Lidiya Sychenkova, Dr.Sc. (History), Docent, Leading Researcher, Research Laboratory «Clio+», Kazan Federal University, l.sichenkova@yandex.ru

М.А. ВЕДЕШКИН

АПОЛОГИЯ ЗАБЫТОМУ ИМПЕРАТОРУ

В статье представлена рецензия на монографию Я.В. Драйверса *The Forgotten Reign of the Emperor Jovian (363–364): History and Fiction*. Отмечается методологическая новизна подхода автора и противоречивость некоторых суждений и выводов.

Ключевые слова: *поздняя античность, поздняя Римская империя, ранняя Византия, император Иовиан, «Сирийский роман о Юлиане».*

Императора Иовиана сложно назвать избалованным вниманием исследователей. Как правило сам он воспринимается совершенно проходной фигурой, а его без малого восьмимесячное (27 июня 363–17 февраля 364 гг.) царствование малоинтересным интермеццо, между бурными событиями правления Юлиана Отступника и восшествием на престол братьев-императоров Валентиниана и Валента. Немногочисленные работы об Иовиане, обычно, ограничивались освещением условий заключенного им Нисибисского мира и религиозной политикой августа. Тем примечательнее появление монографии Я.В. Драйверса. Автор заявляет о желании доказать, что правление Иовиана имело большее значение, чем традиционно считалось, а сам август был незаурядным политиком, сумевшим в кратчайшие сроки восстановить Римскую империю после потрясений царствования Юлиана (10–11). Рассмотрим, насколько исследователю удалось справиться с поставленной задачей.

Монографию открывает краткое вступление (1–12), в котором описываются цели и задачи труда, а также приводится краткий (даже слишком краткий) обзор основных источников и литературы, посвященной Иовиану. Представленный анализ исследовательской литературы оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, стремление Драйверса рассмотреть научную традицию о Иовиане начиная с составленного в первой половине XIV века сочинения Джованни Мансионарио, достойно всяческой похвалы. Однако из исследований последнего столетия внимания автора удостоились лишь три труда.

Основной текст работы разделен на две части. В первой, озаглавленной «История» анализируется приход Иовиана к власти и его царствование. В главе I обсуждаются обстоятельства восшествия Иовиана на престол после скоростижной кончины императора Юлиана в ночь с 26 на 27 июня 363 г. (25–32). Анализируя данные источников, прежде всего труд Аммиана Марцеллина, Драйверс приходит к заключению, что избрание Иовиана имело гораздо больше сторонников, чем традиционно считалось, а сам новый император был компромиссной фигурой, приемлемой, как для «галлов», так и для восточных армий. Автор кратко рассматривает встречающийся во многих церковных историях рассказ о том, что Иовиан согласился взойти на престол лишь при условии, что войско отринет язычество и примет христианство (24–25), и справедли-

во именует эти рассказы продуктом позднейшего мифотворчества. Впрочем, исследователь не подкрепляет свои рассуждения ссылками на конкретные источники, в частности на рассказ Аммиана, отмечавшего, что сразу после интронизации Иовиана в римском лагере были официально принесены жертвы за нового августа и проведены гадания, результаты которых император воспринял как руководство к действию (Амм. XXV.6.1). Думается, что подобное поведение едва ли пристало «христианнейшему» императору Иовиану.

Далее автор анализирует информацию о семье и карьере Иовиана (26–30). Драйвер справедливо отмечает, что своему восшествию на престол он был обязан авторитетом родни: его отца Варрониана – трибуна иовиев и геркулиев (Амм. XXV.5.8), а затем комита domestikов Констанция II (Амм. XXV.5.4; Zos. III.30)¹, и тестя – Луциллиана – магистра конницы того же императора (Амм. XXI.9.5–10)]. При этом обходится стороной вопрос о причинах, казалось бы, парадоксального карьерного роста Иовиана. При Констанции II он был рядовым domestikом-протектором, а в при Юлиане дорос до примикерия domestikов. Отец Иовиана возглавлял личную охрану ненавистного Юлиану Констанция и получил отставку вскоре после восшествия Отступника на престол². Тесть Иовиана Луциллиан был причастен к интриге, приведшей к бессудной казни брата Отступника – цезаря Галла в 354 г. (Амм. XIV.11.14). В 361 г. Луциллиан возглавил армию, которой было поручено сдерживать наступление войск Юлиана на Иллирик. В ходе военных действий он был пленен (Амм. XXI.9.5–10) и сослан (XXV.8.9). Итак, Иовиан был связан с двумя полководцами Констанция II, в верности которых новый август имел все основания сомневаться. Эти сведения, казалось бы, должны поставить перед исследователем ряд вопросов: отчего император Юлиан повысил Иовиана до примикерия domestikов, а не отправил в отставку вслед за его отцом и тестем? По какой причине август доверил свою личную охрану воину-христианину, который имел все основания осуждать религиозную политику августа и имел связи с потенциально нелояльными элементами в армии? К сожалению, автор не только не дает ответы на эти вопросы, но даже и не поднимает их.

Далее, автор ошибочно, заявляет, что от брака с Харито у Иовиана было двое детей (29). В том, что у четы был сын Варрониан-Младший, консул 364 г. источники единодушны³. Но единственным свидетельством о том, что у Иовиана был второй сын, является сохранившаяся в выписках Фотия ремарка Филосторгия, рассказывавшего, что Иовиан «одного из своих сыновей, еще ребенка, нарек знаменитейшим, что на языке римлян звучит как *nobilissimus*» (Philost. VIII.8)⁴. В начале 364 г.

¹ См. Jones, Martindale, Morris 1971 (далее PLRE I): 946 (Varronianus 1). О занятии им поста *comes domesticorum*, см. Boeft, Drijvers, Hengst, Teitler 2005: 86-87.

² При Юлиане комитом domestikов был Дагалайф. См. PLRE I: 239 (Dagalaius).

³ См. PLRE I: 946 (Varronianus 2).

⁴ ἑἄτερον τῶν ἑαυτοῦ παίδων Οὐαρωνιανὸν κομιδῇ νέον ὄντα ἐπιφανέστατον (ὁ παρὰ Ῥωμαίοις τὸν νοβελίσσιμον δύνатаи).

Варрониан был младенцем (Amm. XXV.10.11⁵). Следовательно, он родился в 362 или даже в 363 г. Если бы у Варрониана был старший брат, то Иовиан назначил бы консулом именно его. Таким образом, «второй сын», на которого косвенно указывал Филосторгий мог быть только младшим ребенком Иовиана и Харито. Однако Харито не сопровождала мужа в Персидском походе 363 г. и, возможно, даже не успела встретиться с ним после его вступления на престол (Zon. XIII.14; Cedr. pp. 540.21–22)⁶. Таким образом, у супругов едва ли была возможность зачать второго ребенка. Следовательно, гипотетический второй сын Иовиана либо был прижит им от конкубины⁷, либо никогда не существовал. Более того, рассуждая о родне Иовиана автор упускает из виду епископов-аномеев Кандида и Арриана, о которых сообщал Филосторгий (VIII.6)⁸. Думается, что осознание связи августа с аномеями, позволило бы автору более комплексно оценить его церковную политику.

Во II главе речь идет о положении римского корпуса на момент восшествия Иовиана на престол, о попытках нового императора вывести войско из Персии, а также о Нисибисском мире, окончившем длившуюся почти тридцать лет войну с Ираном (33–63). Обсуждая отступление римлян и мирный договор, исследователь приходит к парадоксальному выводу. С одной стороны, он возлагает вину на провал кампании на Юлиана, а с другой цитирует Либания заявлявшего, что в день смерти Отступника персы готовили очередное посольство к императору с предложением заключить мир на римских условиях (37–38). Из этого Драйверс делает вывод, что шахиншах Шапур II был чрезвычайно заинтересован в прекращении конфликта. Следовательно, на момент гибели Отступника римляне все еще находились в выигрышной позиции. При этом именно Юлиана автор винит во всех бедствиях, обрушившихся на армию в первые недели царствования Иовиана. Описывая мирные переговоры с персами в начале июля Драйверс, заключает, что совершенно утратившие боеспособность римляне спаслись лишь благодаря тому, что новый август пошел на подписание договора. Одновременно автор утверждает, что условия мира не были продиктованы Иовиану персами и по сути являлось разумным компромиссом. Думается, что одно заявление автора противоречит другому. Если римляне находились в безвыходной ситуации, как считает Драйверс, то персы едва бы пошли на компромисс. С другой стороны, если положение войска было не безнадежно, то уступки сделанные Иовианом, прежде всего сдача Нисибиса, выглядят чрезмерными. В целом, представляется, что исследователю так и не удалось убедительно опровергнуть устоявшуюся еще со времен

⁵ Ср. Them. V.71b, где Варрониан назван грудным младенцем.

⁶ Впрочем, см. John. Ant. Fr. Mü181/Ma206 (нумерация фрагментов труда Иоанна Антиохийского приводится по изд. Мюллера [Mü] и Мариева [Ma]) = Eunap. Fr. B29.1 (нумерация фрагментов Евпаниа приводится по изд. Блокли [B]), где упоминается о том, что Харито вместе с Иовианом была в Антиохии осенью 363 г.

⁷ См. John. Ant. Fr. Mü181/Ma206 = Eunap. Fr. B29.1.

⁸ См. Pietri, Destephen (eds.) 1999: 171–172 (Arrianos); 570–571 (Kandidos).

Гиббона концепцию, согласно которой на момент смерти Юлиана римская армия находилась в трудном, но далеко не катастрофическом положении, а следовательно, истинным виновником провала Персидской кампании был не Отступник, а новый император Иовиан, чьи непродуманные действия поставили его войско в невыносимые условия и фактически стоили империи господства над Северной Месопотамией.

В III главе речь идет о внутренней политике Иовиана (64–89). В первом и втором параграфах исследователь анализирует данные нумизматики, эпиграфики и памятников права, освещающих его царствование. В третьем – исследуется кадровая политика августа. Полемизируя с позднейшими христианскими авторами Драйверс, справедливо отмечает, что новый император совершил очень мало кадровых перестановок и продолжал опираться на ставленников Юлиана (81–85). Несмотря на то, что в целом этот вывод верен, представляется, что исследователь несколько преуменьшил масштабы учиненной Иовианом «чистки штатов»⁹. В частности, автор умалчивает о том, что некоторые сподвижники Отступника потеряли свои должности и даже подверглись репрессиям. Среди них были консуляр Сирии Александр (Lib. Ep. F1256¹⁰; F1294; F1456), комит Селевки (ibid. F1473/N140; F1508/N142)¹¹, верховный жрец Лемматий (ibid. F1458/B159; F1526) и, возможно, «солдат-историк» Аммиан Марцеллин¹². Завершает главу очерк об утверждении власти Иовиана над западными провинциями (86–89).

IV глава посвящена религиозной политике августа (90–108). Рассуждая о положении язычества, исследователь справедливо отмечает, что несмотря на то, что древние культы были лишены привилегированного статуса, которым они пользовались при Юлиане, никаких организованных репрессий против идолопоклонства при Иовиане не проводилось. Сообщения о разрушении языческих храмов в 363–364 гг. Драйверс отмечает, как недостоверные. Если в случае с храмом на Корфу, его выводы выглядят убедительно, то опровержение достоверности свидетельства Иоанна Антиохийского о сожжении святилища Траяна в Антиохии (62–63), требует дополнительного комментария. Драйверс считает, что сообщение недостоверно. Он полагает, что подобное деяние никак не соотносится с общей веротерпимой политикой императора и к тому же противоречит данным позднейших византийских хронистов (36; cf. Zon. XIII.14; Cedr. pp. 540.21–22). При этом автор упускает из виду, что

⁹ Автор ограничивается лишь обмолвкой об отставке *comes rei privatae* Гельпидия (83). Он, впрочем, забыл упомянуть, о том, что сразу после того Гельпидий получил очень почетную должность проконсула Азии. См. PLRE I: 415 (Helpidius 6). Таким образом, отставку Гельпидия едва ли можно считать опалой «соратника Юлиана». Более того, на посту *comes rei privatae* его сменил друг Юлиана и ученик Либания – Цезарий (PLRE I: 169). Таким образом, эта кадровая перестановка едва ли может свидетельствовать об ослаблении позиций ставленников Отступника.

¹⁰ Нумерация писем Либания приводится по изд. Ферстера (F), Нормана (N) и Брэдбери (B).
¹¹ См. подробнее Vedeshkin 2022: 409.

¹² Аргументы в пользу того, что в царствование Иовиана Аммиан пополнил карьерой за активное участие в мероприятиях Юлиана, см. в Woods 2000: 704–705.

Иоанн опирался на аутентичные источники IV–V вв., в т. ч. на труд хорошо осведомленного современника событий Евнапия Сардского¹³, и мог быть более информирован, чем писавшие столетия спустя авторы.

В следующем разделе автор оценивает церковную политику Иовиана, справедливо отмечая, что последующие попытки представителей различных церковно-политических партий задним числом представить императора своим сторонником затрудняют оценку истинных воззрений августа. Драйверс убедительно показывает, что Иовиан старался проводить нейтральную линию, отказывался от активного участия в конфликтах богословов и в целом был равноудален от противоборствующих участников тринитарного спора (93–102). Глава завершается разбором V речи Фемистия, в которой содержится намек на то, что Иовиан издал указ о веротерпимости. Исследователь проводит обзор основных точек зрения на это известие (говорил ли Фемистий об уже опубликованном эдикте, или же оратор лишь пытался убедить августа издать указ?) и в итоге заявляет о том, что по этому вопросу он остается агностиком.

В следующей главе (109–111), рассказывается о смерти Иовиана и приводится общая характеристика его личности. Драйверс аккуратно собрал все известные свидетельства о скоропостижной кончине императора и, по-видимому, склоняется к версии об непредумышленном отравлении угарным газом. Оценивая характер своего героя, исследователь кратко упоминает о христианском благочестии Иовиана, его обходительности, неумеренности в вине и женолюбии (111)¹⁴. За исключением краткой отсылки к, по-видимому, относящейся к Харито и Варрониану-мл. ремарке Иоанна Златоуста, согласно которому они были живы еще и в 380 г. (John. Chris. Ad Vid. Iun. 4), автор ничего не говорит о судьбе семьи Иовиана. В вышедшем из-под пера грузинского автора XI в. Джуаншера Джуаншериани «*Жизни Вахтанга Горгасали*» есть упоминание о том, что Иовиан был предком Марии – супруги царя Иберии Арчила¹⁵. Учитывая распространенность в IV–VI вв. практики «покупки» лояльности варварских вождей и царьков посредством организации их браков с римскими аристократками, это сообщение может являться чем-то большим, чем попыткой средневекового историка возвысить род своего героя. При этом, несмотря на то что Драйверсу очевидно знаком с источником¹⁶, исследователь об этом не упоминает.

Вторая часть монография озаглавлена «Легенда». В ней речь идет об образе Иовиана в т.н. «*Сирийском романе о Юлиане*» – чрезвычайно

¹³ См. напр. Blockley 1983: I, 99; Mariev 2008: 38.

¹⁴ Автор опирается на двусмысленную и допускающую разные толкования фразу Аммиана: «Venerique indulgens, quae vitia imperiali verecundia forsitan cortexisset» (Amm. XXV. 10.15). Эти данные подтверждаются сообщением о том, что у Иовиана было несколько конкубин (John. Ant. Fr. Mü181/Ma206 = Eunap. Fr. B29.1). Впрочем, упоминание Феодором Студитом, о том, что Иовиан был «мужеложцем» (Ep. F443/M II.218, PG 99, col. 1660 – нумерация писем приводится по изданиям Фатуроса [F] и Миня [M]), позволяет предположить, что Аммиан намекал на иной, еще менее пристойный, с его точки зрения, порок.

¹⁵ Абушвили (ред.) 2008: 75; 89.

¹⁶ См. Drijvers 2022: 140.

сложном по своей композиции агноэпическом произведении раннесирийской литературы. В VI главе автор в общих чертах описывает структуру текста, выделяет его основные части и далее по сути приводит его пересказ (115–129), что представляется совершенно излишним – любой интересующийся этим произведением имеет возможность самостоятельно ознакомиться с ним, благо в наличие есть как минимум два перевода на новоевропейские языки. Следующая глава посвящена историографии о «*Романе*» (130–141). В ней Драйверс перечисляет анализирует основные работы о «*Романе*», созданные за более чем сто пятидесятилетнюю историю изучения этого сочинения, обрисовывает основные проблемы, которые на данный момент стоят перед исследователями, в частности вопросы об авторстве, времени составления, источниках и влиянии этого текста на последующую восточную (прежде всего сирийскую, арабскую и грузинскую) традицию. В VIII главе автор непосредственно приступает к оценке образа Иовиана в «*Романе*» (142–181). Исследователь справедливо говорит о том, что III часть повествования, по сути, представляет собой отдельный текст, фактически являющийся панегириком Иовиану. Анализируя выстроенный в «*Романе*» образ августа, исследователь приходит к выводу, что в тексте Иовиану отводится роль антипода язычника и гонителя Юлиана – он преподносится как идеальный воин и мудрый дипломат, благочестивый христианин и «святой» государь – ненавистник идолопоклонства и иудаизма. В заключительной IX главе Драйверс подводит итоги своей работы над текстом «*Романа*» (183–188). Он приходит к выводу, что рассказ о Иовиане имел эсхатологический аспект и был призван подпитать надежды христиан Северной Месопотамии на приход «праведного государя», установление религиозного мира в раздираемой христологическими спорами Церкви, а также подчеркнуть статус Эдессы как важнейшего центра новой веры и укрепить связь этого отдаленного региона с империей.

В заключении Драйверс подводит итоги своего исследования. Он заявляет, что сложившийся за столетия образ Иовиана требует кардинальной переоценки. С точки зрения автора невыгодный для империи Нисибисский мир по сути являлся дипломатическим триумфом императора (что едва ли можно считать доказанным). Нельзя согласиться и с утверждением исследователя, что именно религиозная политика Иовиана легла в основу курса, взятого на вооружение его непосредственными преемниками Валентинианом и Валентом (191). Это справедливо лишь в отношении известного своей веротерпимостью Валентиниана I, но никак не его брата и соправителя. Как известно Валент весьма активно вмешивался во внутрицерковные споры и всеми силами пытался навязать своим христианским подданным омиийское исповедание веры¹⁷.

Исследование завершается пятью приложениями. В первом представлен итинерарий отступления римской армии из Персии (193–199).

¹⁷ См.: Brennecke 1988: 181–242; Hanson 1988: 791–793; Lenski 2002: 242–262.

Второе посвящено обсуждению вопроса о численности воинства, выведенного Иовианом из Персии, которую автор совершенно бездоказательно оценивает в 50 тыс. человек (201–202). В третьем приводится пересказ II части «Романа», посвященной истории конфронтации Юлиана и папы Евсевия (203–204). Учитывая, что в ней вовсе не упоминается о Иовиане ценность этого приложения для исследования сомнительна. В четвертом автор перечисляет упомянутые в «Романе» даты и заявляет, что они на удивление достоверны (205), что весьма сомнительно – из семи, приведенных в тексте дат, пять противоречат свидетельствам более прочих источников. Наконец, в пятом приложении приводится просопография заключительной части «Романа» (207–209). Предпринятую автором попытка описать действующих в этом произведении персонажей едва ли можно признать удачной: некоторые герои повествования в нем даже не упоминаются¹⁸ и отсутствует какой-либо анализ.

Давая общую оценку монографии, приходится признать, что автор не достиг поставленной во вступлении цели реабилитировать Иовиана. Сложно предположить, что, ознакомившись с нею, профессионально занимающийся позднеантичными сюжетами читатель кардинально изменит свое мнение об исторической роли этого августа. Серьезным недостатком работы является, по сути, совершенно самостоятельное существование первой и второй части. Несмотря на то, что автор признает, что в основе «Романа» скорее всего лежало некое утраченное описание царствования Юлиана и Иовиана (184), исследователь не предпринимает никаких попыток обнаружить его следы в сохранившемся тексте, а тем более использовать сведения «Романа» для реконструирования образа исторического Иовиана. В результате книга воспринимается не как единое, композиционно целостное произведение, но как два несвязанных между собой и механически соединенных очерка. Кроме того, занимающие более двух десятков страниц пересказы источников не сопровождаемые попытками их анализа (115–129; 203–204), подробное обсуждение вопросов, которые лишь самым косвенным образом относятся к царствованию Иовиана¹⁹ порой создает у читателя впечатление, что автор пытался искусственно увеличить объем своей книги.

Тем не менее, автор монографии выдвинул ряд интересных гипотез и предложил ряд смелых интерпретаций различных аспектов царствования Иовиана, которые, несомненно, обогатят науку о поздней античности и сделают книгу обязательной к ознакомлению для исследователей, занимающихся серединой IV века.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- [Абуашвили Л.] Картлис Цховреба: История Картли. Тбилиси: АР-ТАНУДЖИ, 2008. [(Abuashvili L.) Kartlis Chovreba: Istorija Kartli / Tbilisi: AR-TANUDZhi, 2008].
Blockley R.C. The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Trowbridge: Francis Cairns, 1981.

¹⁸ Напр. Амбрасис, Вргус/Пагидий, Евгений, Памфилий и др.

¹⁹ Напр., анализ ряда эдиктов, которые не были изданы Иовианом (75–80).

- Boeft J. den, Drijvers J.W., Hengst D. den, Teitler H. *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXV*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2005.
- Brennecke H.C. *Studien zur Geschichte der Homöer: der Osten bis zum Ende der homöischen Reichskirche. Beiträge zur historischen Theologie*, 73. Tübingen: Mohr (Paul Siebeck), 1988.
- Drijvers J.W. *The Forgotten Reign of the Emperor Jovian (363–364): History and Fiction*. New York: Oxford University Press, 2022.
- Hanson R.P.C. *The Search for the Christian Doctrine of God: The Arian controversy 318–381*. London; New York: Continuum International Publishing Group, 1988.
- Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. *The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume I. A.D. 260–395*. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
- Lenski N. *Failure of Empire: Valens and the Roman State in the Fourth Century A.D.* Berkeley: University of California Press, 2002.
- Mariev S. *Ioannis Antiocheni fragmenta quae supersunt omnia*. Berlin: Walter de Gruyter, 2008.
- Pietri Ch., Destephen S. (eds.). *Prosopographie chrétienne du Bas-Empire. Vol. III. Prosopographie du diocèse d'Asie (325–641)*. Rome: Ecole française de Rome, 1999.
- Vedeshkin M.A. *The Pagan Father for Olympias the Deaconess // Scrinium*. 18.1. 2022. 407–419.
- Woods D. *Ammianus Marcellinus and the «Rex Alamannorum» Vadomarius // Mnemosyne*. 53. 2000. P. 690–710.

Ведешкин Михаил Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; Balatar@mail.ru

The Apology for the Forgotten Emperor

This article presents a review of *The Forgotten Reign of the Emperor Jovian (363–364): History and Fiction* by J.W. Drijvers. It emphasizes both the methodological novelty of his approaches and the controversial nature of some of his judgments and conclusions.

Keywords: *Late Antiquity, late Roman Empire, early Byzantium, Emperor Jovian, the " Syriac Julian Romance"*.

Mikhail Vedeshkin, Ph.D. in History, senior research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Balatar@mail.ru

ЧЕЛОВЕК И ЖИВОТНЫЕ В КУЛЬТУРЕ ВЫСОКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ¹

Рецензия посвящена монографии Н. Харриса, который предложил концепцию «анималистического поворота» XIII в., выразившегося в изменении взглядов на животный мир, практик изучения и взаимодействия с животными. На основе широкого круга разножанровых источников Харрис исследовал влияние трудов Аристотеля на последующую энциклопедическую традицию, роль образов животных для конструирования аристократической идентичности и подвижность границы между животным и человеком в представлениях разных групп средневекового общества.

Ключевые слова: Н. Харрис, «анималистический поворот», средневековый энциклопедизм, восприятие животного мира, средневековые романы, животные.

Исследования восприятия животного мира (англ. *animal studies*) – сравнительно молодая междисциплинарная область, отчетливо обозначившаяся в академическом пространстве с 1990-х гг. Одним из факторов, сформировавших новое исследовательское поле, можно считать комплекс экологических и зоозащитных практик, которые набирали популярность на протяжении всей последней трети XX². В методологическом плане важную роль сыграли разные версии постструктурализма, акцентировавшие высокую изменчивость культурных практик и институтов на этапе перехода к обществу модерна, а также подвижность некогда «принципиальных» границ между культурой и природой³. С последним обстоятельством связана активная критика тех «антропоцентрических» позиций, с которых тема восприятия природы и, в частности, отношение человека к животным⁴, разрабатывались ранее⁵. Эта тенденция нашла отражение в ряде трудов, основанных на средневековом материале⁶. В числе новейших работ и рецензируемая книга⁷.

Найджел Харрис – профессор германистики в Университете Бирмингема. Сфера его научных интересов поначалу включала в себя историю Реформации и позднесредневековую дидактическую литературу⁸. Хорошее знание нравоучительных сочинений реформаторов, изобилующих всевозможными «зоологическими» примерами, привело автора к более сложной теме восприятия животных и использования их образов

¹ Работа выполнена в рамках НИР Н-490-99_2021-2023 «Образы будущего и креативные практики: антропологический анализ социального проектирования и научного творчества в условиях неопределенности» на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

² Никитина 2019: 1–30.

³ См. например: Деррида 2019; Naraway 2008; Borgards 2015.

⁴ Для Animal Studies принципиально важно рассматривать человека частью животного мира. В этой связи, для лаконичности повествования термин «животные» используется для обозначения только нечеловеческих животных.

⁵ Особенную роль в этом сыграло исследование Э. Кона «Как мыслят леса», критикующее антропоцентрический подход культурной антропологии. См.: Кон 2022.

⁶ Steel 2011; Crane 2012; Walker-Meikle 2012; Oelze 2018; Bartosiewicz, Choyke 2021; Clay 2020.

⁷ Harris 2020.

⁸ Н. Харрис подготовил издания ряда текстов XIV–XVI вв. См.: Harris 1994; 2013; 2013.

в литературной традиции средневековья⁹. В этой связи, книга «The Thirteenth-century Animal Turn» выглядит логичным продолжением изысканий автора. Взаимопроникновение интеллектуальных практик и культурных тенденций, маркирующих изменение восприятия животного мира и выраженных в концепции анималистического поворота, позволяет Харрису предположить, что нечто подобное можно наблюдать и в средневековой культуре XIII в.¹⁰ В качестве исследовательской гипотезы автор выдвигает три характеристики средневекового поворота: повывившийся (примерно с 1220 г.) интерес к животным среди интеллектуалов, изменение взглядов и практик по отношению к животным среди светской аристократии, проработка нового подхода к изучению животного мира с опорой на эмпирическое наблюдение и аристотелевскую логику. Вопрос о том, насколько корректно проецировать метаморфозы эпистемологического характера в современном знании на интеллектуальные традиции Средневековья, заслуживает отдельного внимания.

В главе «Aristotle and Thirteenth-Century Animal Studies» Харрис отмечает, что перевод зоологических работ Аристотеля познакомил западных интеллектуалов с ранее неизвестными существами и новым методом изучения животного мира с опорой на опытное знание и логику, а не только на авторитетные тексты прошлого¹¹. Он обращается преимущественно к двум примерам рецепции аристотелевского наследия: «De animalibus» Альберта Великого и «De arte venandi cum avibus» Фридриха II.

Харрис обращает внимание на то, что попытки духовенства предоставить мирянам основы богословского образования и нравственного поведения вдохнули «новую жизнь» в традицию аллегорического толкования животного мира, идущую от «Физиолога»¹². Он связывает формирование этих тенденций с инициативой Иннокентия III и созванным в 1215 г. IV Латеранским Собором. Стремление защитить Церковь от катарской ереси, выраженное в расширении полномочий инквизиторов, ужесточении наказаний для еретиков сопровождалось поощрением пастырской роли духовенства, что привело к расширению проповеднической деятельности. Последнее Харрис связывает с изданием Иннокентием III буллы, утверждающей устав Ордена Проповедников в 1216 г.¹³

Обращаясь к деятельности доминиканского ордена, автор подчеркивает роль анималистических сюжетов в проповедях для решения ди-

⁹ Harris 2007: 53-65; Harris 2002: 211-229.

¹⁰ Harris 2020: 3. Следуя за Карлом Шлёгелем и Доррис Бахманн-Медик, Харрис понимает «поворот» не как смену парадигм, а как изменение «установок восприятия». Ibid: 2. Автор ссылается на мысль К. Шлёгеля в работе: Бахманн-Медик 2017: 27–28.

¹¹ Harris 2020: 28.

¹² «Физиолог», анонимный текст, написанный в Александрии в III в. н.э., является композицией описаний реальных и мифологических зверей, птиц, рептилий и магических камней, сопровождаемых правоучительными объяснениями характеров животных в духе христианской доктрины. В IV–V вв. «Физиолог» был переведен на латынь и к IX–X вв. распространился по Западной Европе, оказав заметное влияние на дидактическую традицию и восприятие природы среди интеллектуалов.

¹³ Ibid: 38-39. Отметим здесь неточность, допущенную автором. Булла «Religiosam vitam», утверждающая устав Ордена, была издана преемником Иннокентия III – Гонорием III.

дактических задач. Заложённая ещё «Физиологом» традиция толкования позволяла на примере животных объяснять сложные богословские концепции и иллюстрировать нормы христианской нравственности. Новые «аристотелевские» взгляды на животный мир не вытеснили, а дополнили или в ряде случаев обновили¹⁴ предшествующую традицию. Харрис приводит в пример энциклопедию Фомы Кантемпрейского, где информация о новых для средневекового читателя существах, заимствованная из Аристотеля, сопровождается аллегорической интерпретацией в духе «Физиолога». Аргументом в пользу своей точки зрения автор считает и создание коллекций природных *exempla*, предназначенных специально для проповедников. На примере дидактических трудов Мартина Опавского, Пьера Берсюира, Марка из Орвьето и Иоанна из Сан-Джиминьяно автор подчеркивает распространение и активное использование нравоучительных сюжетов с животными в проповедях¹⁵.

В главе «Animals and Thirteenth-Century Chivalric Identity» изучены попытки светской аристократии выстроить или поменять свою идентичность, задействуя определенную образность. Харрис обращается к вопросам содержания экзотических животных, подчеркивавших статус и богатство владельца, а также образам животных в геральдике. На примере рыцарских романов «*Wolfdietrich*», «*Münchener Oswald*», «*Gauriel von Muntabel*», «*Diu Crône*» исследуются воображаемые отношения рыцарей с животными-спутниками. Харрис приходит к мысли о взаимосвязи в образе рыцаря человеческой и животной идентичности¹⁶. Он отмечает роль животных-спутников (например, льва Ивейна), но подлинную связь человека и животного Харрис видит в отношениях рыцаря и его коня. Данная мысль развивается автором в рассуждении о популярности в куртуазной традиции фигуры кентавра как метафоры слияния двух начал: человеческого и животного.

В последней главе книги «Violence, Affection and Thirteenth-Century Animals» Харрис обращается к противопоставлению двух процессов, наблюдаемых в XIII в., – насилия по отношению к животным и привязанности к ним. Автор рассматривает Франциска Ассизского (более известного своей заботой о животных, чем неоднократной жестокостью по отношению к ним¹⁷) как олицетворение этого противостояния, а также анализирует эпизоды жестокого обращения с журавлями в «*De arte venandi cum avibus*» Фридриха II, сцены охоты в «Песне о Нибелунгах» и «Тристане», случаи судебного преследования животных, практики обращения с животными-спутниками в среде аристократии. Автор при-

¹⁴ Автор указывает на изменения в толковании существ в связи с появлением новой информации о них (в переводах зоологических трудов Аристотеля) или непосредственным взаимодействием с животными (например, в ходе крестовых походов).

¹⁵ *Ibid.*: 43-44.

¹⁶ *Ibid.*: 106.

¹⁷ *Ibid.*: 90. Харрис приводит в подтверждение этого два эпизода. Первый – проклятие Франциском свиньи, которая затем скоростижно умирает, после чего её тело сбрасывается в монастырский ров. Второй – одобрение поступка брата Джунипера, отрубившего ногу у пасущейся свиньи, чтобы приготовить еду для заболевшего монаха по его просьбе.

ходит к выводу, что насилие и привязанность отражают характерный для XIII в. «порыв» проблематизации границ между человеком и животным¹⁸. Примечательно, что в постскриптуме к главе автор отмечает роль распространения бумаги и постепенного вытеснения пергамента как значимый шаг в снижении уровня насилия в отношении животных¹⁹.

В заключении Харрис выделяет пять основных проявлений «анималистического поворота» XIII в.: 1) перевод аристотелевских трудов о животных и их рецепция (сочинения Аристотеля придали импульс написанию трудов о животных, включая знаменитые энциклопедии Альберта Великого, Фомы Кантемпрейского, трактата Фридриха II о соколиной охоте); 2) расширение практики толкования образов животных в нравоучительных и богословских целях; 3) использования образов животных для конструирования аристократической (как индивидуальной, так и родовой) идентичности; 4) акцент на прозрачности границ между человеком и животным, выраженный в «симбиотичных» отношениях рыцарей и их животных-спутников в рыцарских романах, увлечении фигурой кентавра, судах над животными; 5) фиксируемое в источниках чувство привязанности человека к животным-компаньонам при сохранении высокого уровня насилия к животному миру.

Исследование Харриса обращается к сложным культурным процессам XIII в. Автор связывает разрозненные, на первый взгляд, тенденции и предлагает рассматривать их как единый культурный феномен. Особое внимание он уделяет изменениям в аллегорической интерпретации ряда животных (верблюда, павлина и др.), прослеживая причины и контекст этих изменений в распространении новой информации или непосредственном столкновении с этими животными (в рамках паломничеств или крестовых походов на Восток). Весьма интересны и справедливы наблюдения автора о роли перевода аристотелевских трудов.

Вместе с тем книга Н. Харриса вызывает вопросы конкретно-исторического и концептуального характера, которые не позволяют согласиться с концепцией «анималистического поворота». Так, перевод зоологических работ Аристотеля в 1220-х гг. подается автором как стартовая точка «анималистического поворота» в ученой среде. Между тем, рост внимания интеллектуалов к животным отмечался и ранее. С конца XII в. наблюдается увеличение числа латинских bestiaries²⁰, создававшихся параллельно с версиями латинского «Физиолога». В «Топографии Ирландии» Гиральда Камбрийского значительное внимание уделено описанию зверей и птиц острова. Не стоит забывать и о более ранних, но активно цитируемых в XII–XIII вв. текстах: «Этимологиях» Исидора Севильского, «О природе вещей» Рабана Мавра. В этой связи перевод зоологического наследия Аристотеля представляется не столько началом, сколько логичным развитием интереса к животному миру среди

¹⁸ Ibid: 99.

¹⁹ Ibid: 107-108.

²⁰ Baxter 1998: 167; Dines 2012: 42.

образованной публики. Этот интерес, искусственно обособленный Харрисом, правильнее рассматривать в контексте всестороннего внимания к природе. Ещё до XIII в. под влиянием неоплатонизма были созданы многие тексты о природе²¹. Позднее пассажи о животных становятся неотъемлемой частью энциклопедий и компендиумов, посвященных природе в целом²². Морализации могли строиться как на образах животных, так и на основе описаний растений, минералов, небесных тел²³. Поэтому изменения отношений между человеком и животными лучше рассматривать в контексте переосмысления природы и места человека в ней. Животные, в таком случае, представляются лишь частью масштабного и более значимого процесса, который позднее приведет к формированию научного мировосприятия Нового времени.

В книге Харриса есть ещё одна недостаточно раскрытая тема – суды над животными. Автор позиционирует эти суды как «инстинктивное допущение», что физические и нравственные качества животных едва ли отличимы от людских²⁴. Между тем, такое допущение было предметом полемики теологов в XIII–XIV вв.²⁵, а судебные преследования животных выглядели сложнее в плане структуры и содержания²⁶. Таким образом, мысль Харриса о том, что суды над животными демонстрируют подвижность границы между животным и людьми требует дальнейшей проработки с учетом «компенсаторной» функции таких судов²⁷.

Несмотря на указанные просчеты, книга Харриса заслуживает внимания читателей. При небольшом объеме (131 страница) она насыщена яркими и нестандартными примерами. Автор обобщает широкий круг разножанровых источников (от энциклопедий до рыцарских романов) и предлагает концептуальную основу для дальнейших исследований средневековой культуры на стыке нескольких дисциплин.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: НЛО, 2017 [Bachmann-Medick D. Cultural Turns. New Orientations in the Humanities and Social Sciences. M.: NLO, 2017].
- Деррида Ж. Животное, которым я следовательно являюсь // Социология власти. 2019. № 3. С. 220-275. [Derrida J. The Animal That Therefore I Am // Sociology of Power. 2019. № 3: P. 220-275].
- Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека / пер. А. Боровикова. М.: Ад Маргинем Пресс. 2022. [Kohn Ed. How Forests Think: Toward an Anthropology Beyond the Human. M.: Ad Marginem Press, 2022].

²¹ Отдельную традицию составляют труды Шартрской школы. См.: Воскобойников 2019.

²² Энциклопедические труды, на которые опирается автор – «De proprietatibus rerum» Бартоломея Английского, «Liber de natura rerum» Фомы Кантемпрейского – не были посвящены всецело животным, рассказывая и о других частях природы. Произведения же Альберта Великого стоит рассматривать в совокупности с другими его работами, испытавшими влияние Аристотеля – «De vegetatibus» и «De mineralibus».

²³ К примеру, в малоизвестной энциклопедии Псевдо-Джона Фольшема XIII в. в нравоучительном ключе истолковываются планеты, некоторые камни, растения. Abramov 2003.

²⁴ Harris 2020: 111.

²⁵ Oelze 2018.

²⁶ См.: Тогоева 2022: 237–240.

²⁷ Harris 2020: 99.; Dinzelbacher 2002: 406.

- Никитина Е. Б. Исследования животных: непослушные заметки по краям // Социология власти. 2019. № 3. С. 1-30. [Nikitina E. B. Issledovaniya zhivotnyh: neposlushnye zametki po krajam // Sociology of Power. 2019. № 3. P. 1-30.].
- Тогоева О.И. Истинная правда: Языки средневекового правосудия. М.: АСТ, 2022. С. 237-240. [Togoeva O.I. Istinnaja pravda: Jazyki srednevekovogo pravosudija. M.: AST, 2022. S. 237-240].
- Шартрская школа / подготов. О. С. Воскобойников. М.: Наука, 2019. [Shartrskaja shkola / ed. by O. S. Voskobojnikov. Moskva : Nauka, 2019].
- Abramov D. 'Liber de naturis rerum' von Pseudo-John Folsham - eine moralisierende lateinische Enzyklopädie aus dem 13. Jahrhundert: PhD diss. Universität Hamburg, 2003.
- Baxter R. Bestiaries and their Users in the Middle Ages. L.: Courtauld Institute, 1998.
- Beasts, Humans, and Transhumans in the Middle Ages and the Renaissance / ed. by Eugene Clay. Turnhout: Brepols, 2020.
- Crane S. Animal Encounters: Contacts and Concepts in Medieval Britain. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012.
- Dines I. The problem of the Transitional Family // Reinardus. Vol. 24, 2012. P. 29-52.
- Dinzelbacher P. Animal Trials: A Multidisciplinary Approach // Journal of Interdisciplinary History. № 32, 2002. P. 405-421.
- Haraway D. J. When Species Meet, Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008.
- Borgards R. Introduction: Cultural and Literary Animal Studies // Journal of Literary Theory. 2015. №9. P. 155-160.
- Harris N., Love J. Dialogue and Disputation in the Zurich Reformation: Utz Eckstein's "Concilium" and "Rychsztat". Oxford: Peter Lang, 2013a.
- Harris N. Animal, Vegetable, Mineral. Some Observations on the Presentation and Function of Natural Phenomena in Wolfram's "Willehalm" and in the Old French "Aliscans" // Wolfram's "Willehalm": Fifteen Essays. Columbia, SC: Camden House, 2002. P. 211-229.
- Harris N. The Latin and German "Etmachia": Textual History, Edition, Study. Tübingen: Niemeyer, 1994.
- Harris N. The Shorter Works of Ulrich Putsch: "Diarium", "Oraciones super missam" and "Manuale simplicium sacerdotum" Bern: Peter Lang, 2013b.
- Harris, N. The Thirteenth-Century Animal Turn. Medieval and Twenty-First-Century Perspectives. L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2020.
- Medieval Animals on the Move / ed. by Bartosiewicz L., Choyke A.M. L.; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2021.
- Oelze A. Animal Rationality: Later Medieval Theories 1250-1350. Leiden, Boston: Brill, 2018.
- Steel K. How to Make a Human: Animals and Violence in the Middle Ages. Columbus: The Ohio State University Press, 2011.
- Walker-Meikle K. Medieval Pets. Woodbridge: The Boydell Press, 2012.

Грозов Степан Сергеевич, аспирант, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, младший научный сотрудник, Научно-исследовательская лаборатория социальной антропологии ИМОИ ННГУ, grozovstepan@oultook.com

Human and Animals in the High Middle Ages Culture: about "The Animal Turn of the Thirteenth Century..." by N. Harris

This review discusses N. Harris's monograph, exploring the concept of the "animal turn" in the 13th c., expressed in the changing views of the animal world, practices of studying and interacting with animals. Based on a wide range of sources, the author examines the influence of Aristotle's works on subsequent encyclopaedic traditions, the role of animal imagery in constructing aristocratic identity, and the fluidity of the boundary between animal and human in the perceptions of different groups in medieval society. The critical analysis of Harris' work involves an examination of the main propositions of the monograph by chapter, a demonstration of the strengths and fragilities of the author's concept.

Keywords: N. Harris, "animal turn", medieval literature, medieval encyclopedism, perception of the animal world, medieval novels, animals.

Stepan S. Grozov, PhD student, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Junior researcher, Social anthropology laboratory, grozovstepan@oultook.com

П.А. АКОПЯН, О.П.КАШИНА

ВОСЕМЬ ВЕКОВ НИЖЕГОРОДСКОЙ ИСТОРИИ ЗА ДВА ТОМА¹

Рецензия посвящена изданию наиболее полной версии нижегородской истории за более чем восемь веков. Несмотря на юбилейный характер издания, в нем представлены результаты последних исследований Нижнего Новгорода и Нижегородского региона. Составление большого нарратива базируется на новых принципах локального историописания, которые позволяют отказать от региоцентризма в контексте большой России и прописать нижегородскую историю как неотъемлемую и взаимозависимую часть истории страны.

Ключевые слова: Нижний Новгород, регион, локальная история, юбилей, 800 лет.

В 2021 г. отмечался 800-летний юбилей Нижнего Новгорода. Тогда же впервые была представлена «большая» академическая история Нижнего Новгорода и Нижегородского края. Эта оценка определена содержанием двухтомного компендиума и предварительными замечаниями, прописанными в Предисловии руководителями проекта Е.Д. Гординой и П.В. Чеченковым. Из них следует, что предвзвешенные издания по нижегородской истории отличались либо наукообразностью частных сюжетов, либо непрофессионализмом популярных опусов (Т. I, с. 10). Преодоление этих огрехов нижегородского историописания и стало одной из задач, решавшихся при создании отвечающего современному научному уровню популярного мега-текста о нижегородском прошлом. На базе Нижегородского государственного технического университета был собран авторский коллектив историков нижегородских государственного технического, государственного, государственного педагогического университетов, государственного архитектурно-строительного университета, филиала РАНХиГС, архивных и музейных учреждений, поскольку, по мнению организаторов проекта, научная история большого региона не может быть написана одним учёным. Авторы разделов являются признанными в научном мире исследователями конкретных периодов истории Нижнего Новгорода и округа. Такой подход был предложен корреспондентом АН СССР С.И. Архангельским (1882–1958), в 1946 г. разработавшим план нижегородской истории². Согласно С.И. Архангельскому же, изучение истории одного локуса должно сопрягаться с результатами исследования других регионов, что приводит к обогащению истории страны³. Всё это предопределило в издании смену традиционного ракурса видения нижегородского прошлого: не самодостаточное по отношению к России, но неотъемле-

¹ Рец. на книгу: Восемь столетий нижегородской истории: 1221–2021. В 2 т. / рук. проекта: Е.Д. Гордина. Н. Новгород: Науч.–изд. центр НГТУ, 2021. 608 с.; 584 с.

² [Архангельский] 2005: 191–194.

³ Архангельский 2011: 434, 436–437, 445, 446.

мая часть истории Российской: Нижний Новгород и регион переживают те же процессы и события, что и другие её регионы; наравне с другими территориями определяют ход истории. Особенностью книги является упор на событийно-биографической истории.

I-й том рецензируемого издания охватывает период с XII по XIX в. Три параграфа I-ой главы «Среднее Поволжье в XII–первой трети XIV в.», посвящённые политической и событийной истории, написаны А.А. Кузнецовым, параграф 4 (социально-экономическое и культурное развитие) – П.В. Чеченковым. А.А. Кузнецову принадлежат исследования по истории Владимирского княжества домонгольского времени и биографии основателя Нижнего Новгорода – владимирского князя Юрия (Георгия) Всеволодовича (1188–1238). Их результаты нашли своё место в «Восьми столетиях...»: основание Нижнего Новгорода в 1221 г. стало итогом процесса, начавшегося с укрепления восточных границ Залесской земли в 1108 г. Владимиром Мономахом и продолженного Андреем Боголюбским основанием Гороховца при впадении Клязьмы в Оку и Городца в 80 км от устья Оки вверх по Волге в 1160-х гг.; два военно-политических вектора, нацеленных на продвижение Владимирского княжества на восток, требовали своего замыкания на устье Оки (с. 13–22), и осуществленного Юрием Всеволодовичем. Основание Нижнего Новгорода, имевшее значение для выживания Русских земель под властью Орды и для формирования Российского централизованного государства (с. 51), вписано в общерусские результаты деятельности Юрия Всеволодовича (борьба с европейской экспансией на северо-западных рубежах Руси, сохранение выхода в Балтийское море, крещение Карелии и пр.). Сопряжение оснований и ранней истории Городца и Нижнего Новгорода с деятельностью владимирских князей Андрея Боголюбского и Юрия Всеволодовича выявляет приоритет субъективного фактора в истории региона, и показывает на локальном материале, что расширение Владимирского княжества на Восток в Поволжье обуславливалось политической (А.Е. Пресняков), но не народно-крестьянской колонизацией (М.К. Любавский)⁴. В главе 1 обозначена почти имманентная связь Нижегородско-Городецкого региона с главным политическим центром (Владимиром, Москвой или Тверью). Она обусловила «соединение» в одном регионе Городца и Нижнего Новгорода в первой трети XIV в. Боясь усиления Москвы, в районе устья Оки Орда создала независимое княжество, включавшее территории Суздаля, Нижнего Новгорода и Городца, во главе с суздальской династией (с. 42–43, 51).

Главы 2 и 3, посвящённые истории середины XIV–XVI в., написаны крупным специалистом по «тёмным временам» нижегородской истории П.В. Чеченковым (автором историко-географического исследования Нижегородского края⁵). Он показал, что политика Орды по превращению Нижегородского княжества в противовес Москвы не достигла

⁴ Кузнецов 2006: 397–410.

⁵ Чеченков 2004.

цели. «Собранный» регион, в 1340–1360-е гг. соперничавший с Москвой, именно своим существованием поставил вопрос о притяжении его к будущей столице. Этому способствовала и «Великая Замятня» в Орде (с. 62–63). Используя её, московские князья добились от нижегородских князей признания своего главенства и неравноправного союза, а в 1392 г. присоединили нижегородские земли (с. 59–96). Этот процесс подан через судьбы, упущенные возможности, через культурные события, подобные созданию в Нижнем Новгороде Лаврентьевской летописи (Т. I, с. 143–145). Чеченков через события рассмотрел историю безуспешной борьбы за независимость наследников нижегородских князей в конце XIV — первой половине XV в. (Т. I, с. 97–125). Историк ставит читателя перед проблемой цены личных трагедий за прогрессивное образование Российского государства (Т. I, с. 107, 117, 123 и др.). «Драматургия» и моральный фактор, включенные в изложение – удача автора.

Глава 4 (А.А. Кузнецов, А.В. Морохиным) посвящена знаковой для нижегородской истории эпохе Смутного времени. Авторы ушли от репрезентации периода под именем Кузьмы Минина. Они, суммируя результаты последних исследований, показали формирование особой политической субъектности (термин предложен для изучения Смутного времени А.А. Селиным⁶) Нижнего Новгорода в условиях ослабления центральной власти. Нижегородский вариант политической субъектности («кто на Москве царь, тот и нам государь») подразумевал борьбу с не признававшими власть Москвы. В войне вокруг Нижнего Новгорода в Среднем и Нижнем Поволжье (астраханский поход войска Ф.И. Шереметева в 1606–1610 гг.) с болотниковцами, тушинцами, этническим сепаратизмом нижегородцы сформировали курс на восстановление государственности. Этим объясняется феномен Минина, составление научной биографии которого, можно поставить в заслугу авторам.

Автор глав 5 и 6 – нижегородская история XVII и XVIII вв. соответственно – А.В. Морохин. Известный исследователь истории церковного раскола связал эти проблемы с нижегородским прошлым, показал значимую роль региона в духовной истории России. Украсили главу 6 рассказы о визитах императоров в Нижний Новгород в XVIII в. Интересно «макроисторическое наблюдение»: если в XVII в. Нижний Новгород и округа развивались и даже где-то задавали темп развития, то в XVIII в. «на фоне ускоренного развития страны течение жизни здесь замедлилось... Прежде шумный и многолюдный центр ремесла и торговли превратился в заурадный провинциальный город» (с. 309).

4 раздела главы 7 «XIX век. Нижний Новгород и Нижегородская губерния до и после великих реформ» написаны 6 разными авторами. Это не сказалось на стройности изложения. Новизна фактического материала отличает разделы, посвящённые «военно-политическим событиям» в губернии XIX в. и культуре (с. 409–429; с. 474–571), написан-

⁶ См., например: Селин 2017: 17–18.

ные Ф.Б. Дроздовым⁷ и Н.А. Уткиной⁸ соответственно. В главе показано, как модернизационные процессы преобразовывали регион, создавая разрыв между традиционными устоями и капитализирующимися производством, городом как социокультурным феноменом и пр., что является заслугой ответственного за этот раздел А.А. Халина.

Том 2 (отв. ред. А.А. Гордин и Е.Д. Гордина) – это нижегородская история XX – начала XXI в., когда Нижний Новгород/Горький сложился как многоотраслевой экономический центр (промышленность, транспортная инфраструктура, специализация сельского хозяйства), крупный культурно-образовательный и научный центр. Много дало привлечение к написанию экономического, общественно-политического разделов по истории начала XX в. и разделов о Первой мировой войне, 1917 г. и Гражданской войне безвременно ушедшего В.П. Сапона⁹ (с. 8–17, 18–28, 45–60. 61–78, 79–107). Ему удалось подать историю не в упрощённых советско-идеологизированной или умилительно-разоблачительной постсоветской традиции. В главах 1 и 2 Н.А. Уткиной показано революционно бурное развитие культуры в нижегородских пределах в 1900–1930-х гг. Иначе, но не менее плотно М.В. Новиковой написаны разделы по культуре в главах 3–6. В главах 2–7 выделяются разделы по социально-экономическому развитию, истории промышленности и урбанистического ландшафта, написанные специалистом по экономической и социокультурной истории А.А. Гординым¹⁰. Аграрная история региона, аспекты территориально-административных реформ в главах 1–6 освещены Н.Н. Толстовой. Вопросы политической истории региона в 1920–1930-е гг., мобилизации области и её экономики в начале Великой Отечественной войны были раскрыты Л.П. Гордеевой. Е.Д. Гординой принадлежат тексты по общественно-политической жизни в 1946–1964 гг. (вместе с Л.П. Гордеевой), и глав 6 и 7 (в соавторстве).

Основные задачи и цели, заявленные в Предисловии, были достигнуты. Изложение конкретно: много статистической информации, визуальных материалов, опубликованы выдержки ряда архивных документов XVI–XX вв. Развенчаны популярные мифы нижегородской истории (предлагаются экскурсии на полях). Труд состоялся. Его новаторский характер предопределил и наличие проблемных мест.

Обойденным оказался дискутируемый с XIX в. вопрос, что первично в регионообразовании – объективные или субъективные факторы. Из материала главы 1 тома 1 напрашивается (но не прописан) вывод, что основным фактором формирования Нижегородского края был естественный, связанный с Волгой и Окой с притоками. Это было показано в работе одного из авторов¹¹, но не вошло в 2-хтомник. Действительно, в

⁷ См., например: Дроздов 2013.

⁸ Уткина 2017.

⁹ Суслов 2021.

¹⁰ Гордин 2012.

¹¹ Кузнецов 2014.

ХII — начале ХIV в. с устройением Городца и Нижнего Новгорода сложилась своеобразная ось будущего региона по Волге и прилегающему участку Оки. Нижегородская губерния образована 26.12.1714 по тому же «контур»». Эта территориальная «единица» пережила опыты Советской власти по районированию в 1920–1930-е гг. (Т. II, с. 109–112.), чтобы остаться Горьковской/Нижегородской областью в сложившихся за восемь столетий границах. Расписывание истории как процесса привело к упущению рассказа о возобновлении и закрытии Нижегородской ярмарки в 1922–1929 г., что было ярко показано одним из авторов издания в монографии, вышедшей через год после рецензируемого издания¹². Почти не освещён визит Н.С. Хрущева в Горький и Горьковскую область в 1957 г., по итогам которого в СССР были заморожены выплаты по облигациям внутреннего займа, а Арзамасская область (существовала в 1954–1957 гг.) была включена обратно в Горьковскую область. В разделе о Смуте (А.А. Кузнецов и А.В. Морохин) указано, что место захоронения умершего в 1616 г. Кузьмы Минина неизвестно. Но в главе о ХVIII в. А.В. Морохин дал две взаимоисключающие версии: «...как явствует из источников, никаких прямых указаний на посещение Петром I захоронения Кузьмы Минина нет. В то же время... неоднократные посещения царем Спасо-Преображенского собора не исключают возможности того, что Петр I мог видеть захоронение...» (Т. I, с. 325).

Указанные недочёты не снижают значимости важного и новаторского труда и являясь пожеланием развития этого опыта. Предложенный читателю труд должен быть задействован в преподавании истории в школе и вузе. В связи с этим нужно продумать вопрос методической адаптации данной книги к учебному процессу. Уверены, что он будет решаться одновременно с совершенствованием, уточнением, дополнением содержания и продолжением интересного и нужного издания.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Архангельский С.И. Локальный метод в исторической науке // Cogito. Альманах истории идей. Вып. 5: Foundation. Ростов-н/Д., 2011. С. 432–447. [Arkhangelsky S.I. Lokal'nyi metod v istoricheskoi nauke // Cogito. Al'manakh istorii idei. Vyp. 5: Foundation. Rostov-n/D., 2011. S. 432–447].
- [Архангельский С.И.] Планы сборника «Нижний Новгород в XVII в.» и издания «Нижний Новгород–Горький в документах и материалах» // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сб. науч. и методич. статей. Вып. 9. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет. 2005. С. 191–194 [Arkhangelsky S.I. Plany sbornika «Nizhnii Novgorod v XVII v.» i izdaniya «Nizhnii Novgorod–Gor'kii v dokumentakh i materialakh» // Nizhegorodskie issledovaniya po kraevedeniyu i arkheologii: Sb. nauchnykh i metodicheskikh statei. Vyp. 9. Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii gosuniversitet. 2005. S. 191–194].
- Архангельский С.И. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII–XIX вв. Горький: Горьковское областное государственное издательство, 1950. 320 с. [Arkhangelsky S.I. Ocherki po istorii promyshlennogo proletariata Nizhnego Novgoroda i Nizhegorodskoi oblasti XVII–XIX vv. Gor'kii: Gor'kovskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1950. 320 s].
- Гордин А.А. Горьковский автомобильный завод. История и современность. 1932–2012. Н. Новгород: Кварц, 2012. 320 с. [Gordin A.A. Gor'kovskii avtomobil'nyi zavod. Istoriya i sovremennost'. 1932–2012. N. Novgorod: Kvarts, 2012. 320 s].

¹² Толстова 1922.

- Дроздов Ф.Б. Нижегородское ополчение в Заграничном походе 1813–1814 гг. // Э.Г. Эрстрём. 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2013. 293 с. [Drozdov F.B. Nizhegorodskoe opolchenie v Zagranichnom pokhode 1813–1814 gg. // E.H.G. Ehrstrom. 1812 god. Puteshestvie iz Moskvy v Nizhnii Novgorod. Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii gosuniversitet im. N.I. Lobachevskogo, 2013.293 s].
- Кузнецов А.А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Особенности преломления источников в историографии. Нижний Новгород: ННГУ, 2006. 540 с. [Kuznetsov A.A. Vladimirskaia knyaz' Georgii Vsevolodovich v istorii Rusi pervoi treti XIII v. Osobennosti prelomleniia istochnikov v istoriografii. Nizhnii Novgorod: NNGU, 2006. 540 s].
- Кузнецов Андрей. Границы Нижегородской губернии // Родина. 2014. № 2. С. 8–9. [Kuznetsov Andrei. Granitsy Nizhegorodskoi gubernii // Rodina. 2014. № 2. S. 8–9].
- Селин А.А. Столбовский мир 1617 года. СПб.: «Русско-Балтийский информационный центр «Блиц»», 2017. 384 с. [Selin A.A. Stolbovskii mir 1617 goda. SPb.: «Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr «Blits»», 2017. 384 s.].
- Суслов А.Ю. Память Владимира Петровича Сапона (1969–2020) // Диалог со временем. 2021. № 76. С. 127–131. [Suslov A.Yu. Pamyati Vladimira Petrovicha Sapona (1969–2020) // Dialog so vremenem. 2021. № 76. S. 127–131].
- Толстова Н.Н. Нижегородская ярмарка 1922–1929. М.: Квадрига, 1922. 112 с. [Tolstova N.N. Nizhegorodskaya yarmarka 1922–1929. M.: Kvadriga, 1922. 112 s].
- Уткина Н.А. Нижегородский музейон: основание. История возникновения и деятельности музеев г. Нижнего Новгорода в 1860-х–1917 гг. Нижний Новгород: ННГУ, 2017. 404 с. [Utkina N.A. Nizhegorodskii museion: osnovanie. Istoriya vzniknoveniya i deyatelnosti muzeev g. Nizhnego Novgoroda v 1860–1917 gg. Nizhnii Novgorod: NNGU, 2017. 404 s].
- Чеченков П.В. Нижегородский край в конце XIV–третьей четверти XVI: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород: Комитет по дела архивов Нижегородской области, 2004. 140 с. [Chechenkov P.V. Nizhegorodskii kraj v kontse XIV–tre'tei chetverti XVI: vnutrennee ustroistvo i sistema upravleniya. Nizhnii Novgorod: Komitet po delam arkhivov Nizhegorodskoi oblasti, 2004. 140 s].

Акопян Павел Арменович, учитель истории высшей категории (школа №49, Нижний Новгород), кандидат исторических наук, доцент, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина; pavel-aa@mail.ru

Кашина Ольга Павловна, кандидат философских наук, доцент, Институт экономики и предпринимательства, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия), olgaurtaeva2009@yandex.ru

Eight Centuries of Nizhny Novgorod History in Two Volumes

The article is devoted to the publication of the most complete version of Nizhny Novgorod history for more than eight centuries. It is presented in 2 volumes. Despite the anniversary nature of the publication, it is written with the presentation of the results of the latest research of Nizhny Novgorod and the Nizhny Novgorod region. The compilation of a large narrative is based on a few new principles of local historiography. These principles make it possible to abandon regionocentrism in the context of greater Russia and to register Nizhny Novgorod history as an integral and interdependent part of the country's history.

Keywords: Nizhny Novgorod, region, local history, anniversary, 800 years.

Pavel Akopian, History Teacher (School 49), PhD, Associate Professor of the Department of General History and Classical Disciplines and Law, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Nizhny Novgorod, Russia), pavel-aa@mail.ru

Olga P. Kashina, PhD, Associate Professor, Institute of Economics and Entrepreneurship, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University (Russia), olgaurtaeva2009@yandex.ru

К.В. ИГАЕВА

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ НАРРАТИВОВ В «СТАРЫХ» И «НОВЫХ» МЕДИА¹

Статья представляет собой рецензию на книгу «Исследование памяти и идентичность в России и Восточной Европе», вышедшую под редакцией Д. МакГлинн и Т. Джонс. В центре внимания находятся страны, в которых прошлое сильно политизировано, – Сербию, Украину, Польшу, Россию и страны Балтии. Распространяемые (прежде всего через медиа) в этих странах исторические нарративы предполагают ревизию представлений не только о прошлом, но и о будущем. Авторы предлагают рассматривать память как диалог с прошлым и с различными социальными группами, чьи версии исторической политики широко тиражируются современными медиа.

Ключевые слова: исследования памяти, нарративы, политика памяти в Восточной Европе, социальная идентичность, медиа.

Сегодня вопросы политики памяти, ее репрезентации в медиа и отношения с исторической наукой широко обсуждаются как в России, так и во всем мире². Книга «Исследуя память и идентичность в России и Восточной Европе» под редакцией Д. МакГлинн и Т. Джонс представляет собой сборник тематических статей, которые отражают текущее состояние memory studies на постсоветском пространстве. В ее центре находится проблема секьюритизации национальных и групповых идентичностей, которая стала неотъемлемой частью конфликта между Россией и Украиной, подпитываемого интенсивной озабоченностью прошлым и антагонистической политикой памяти. Хотя большая часть глав книги были написаны до острой фазы современного конфликта, они дают представление о динамичном политическом использовании истории, которое началось уже после падения Берлинской стены в 1989 г. и распада СССР в 1991 г., когда многим странам Центральной и Восточной Европы необходимо было создать новое (национальное) прошлое³. Историческая память стала в этом контексте важным источником легитимности, но провоцировала конфликты с соседями и создавала напряженность в международных отношениях. Эти противоречия связаны с «мультимодальной» (по выражению М. Ротберга) трагической памятью о Холокосте, II мировой войне, нацистской оккупации, преступлениях сталинизма и насильем местных коммунистических режимов. В 1990-е гг. возобладал трагический нарратив, стремление к проработке совместного трудного прошлого и поиску диалога между разными стратегиями его репрезентации. Но события последнего десятилетия положили конец этому диалогу и вернули «войны памяти» к максимально антагонистическим формам.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22–18–00311.

² Буллер, Линченко 2021; Политика памяти в современной России 2020; Репина 2021.

³ Researching Memory and Identity, 2022: 5.

Возможно, это возвращение во многом связано с ностальгией не столько по позднесоветской культуре и социальным отношениям⁴, но и по жестко централизованному нарративу, позволяющему разделять в политическом поле «своих» и «чужих». В свое время марксизм сформировал телеологический взгляд на историю как на процесс, линейно направленный от «из глубины веков» к победе единственно верного социального порядка. А позиции несогласных с этой философией истории рассматривались как идеологическая борьба и «вражеская пропаганда». Такой образ мышления неизбежно оказал влияние на постсоветские общества Восточной Европы и их представления о коллективных идентичностях. Ссылаясь на недавние исследования М. Суботича, авторы книги связывают озабоченность связью истории в этих странах с чувством «онтологической незащищенности» – стремления вернуться от современной неопределенности к образу более простого и понятного (пусть и во многом мифологизированного) мира⁵. С этой точки зрения, в отличие от сложной работы с источниками в рамках исторической науки, память предлагает максимально непротиворечивый и централизованный нарратив о коллективном прошлом. При этом многие государства занимаются «секьюритизацией памяти» или, словами Л. Малксу, «защищают память», т.е. отдают предпочтение одним воспоминаниям перед другими, намеренно криминализируют альтернативные нарративы, что обостряет культурные и политические конфликты⁶. Подобная политика памяти последовательно реализуется в «старых» медиа (прежде всего, на телевидении), заинтересованном в поддержке государственных институтов и стремящихся к трансляции «простых» нарративов, вызывающих эмоциональный отклик публики.

В рецензируемой книге определен ряд ключевых подходов к изучению политики памяти в Центральной и Восточной Европе, которые в последнее время доминируют в академических исследованиях. К ним относятся акцент на политической трансформации и демократизации; нарративы «европеизации»; тематические исследования военной памяти; и упор на теорию. При этом многие исследователи отмечают, что ответственность перед прошлым нельзя однозначно связывать с демократизацией. Например, А. Ассман и Л. Шорт утверждают, что политические трансформации вызывают к жизни новые воспоминания и конфликты, связанные с борьбой за репрезентацию прошлого⁷. И наоборот. С другой стороны, проблемы памяти связаны с процессом легитимации новых политических порядков, поэтому в некоторых случаях память может стать скорее препятствием для продуктивных политических изменений. В ряде балканских стран, в Израиле и Палестине мифология коллективной памяти периодически приводила к усилению этнических и политических

⁴ Николаи 2021.

⁵ Researching Memory and Identity, 2022: 6.

⁶ Mälksoo M. 2015.

⁷ Assmann, Shortt 2012.

разногласий, становились катализатором конфликта. В этом контексте Д. МакГлинн, Т. Джонс и их коллеги анализируют практики коммеморации в Сербии, России, странах Балтии, Польше и Украине, где память оказывается крайне политизирована и ориентирована на государственные институты, а не на локальные сообщества и семейный уровень.

Книга состоит из четырех разделов. Первый – посвящен субъективности исследователя и этическим проблемам, к которым может приводить публикация источников, освещающих трудное прошлое. Глава Ю. Фюрст посвящена вопросу двойной предвзятости в устной истории: субъективности историка и интервьюера. Работая с воспоминаниями советских хиппи, автор рассматривает интервью не как односторонний источник, а как двустороннюю беседу. Во второй главе этого раздела А. Яшина-Шефер размышляет об этнографическом исследовании русскоязычных граждан в постсоветской Эстонии (прежде всего в Нарве) и Казахстане, пространственной составляющей их памяти. М. Комер в своей главе рассматривает методы анализа культурного наследия и коммеморации пространств советских репрессий в Москве и Екатеринбурге.

Во втором разделе рассматриваются пространственные и структурные характеристики мест памяти. Например, на материалах шести музеев в Германии, Польше и России Т. Войтич исследует роль онлайн-выставок и их влияние на музейное дело. Р. Сендыка исследует «незабытые» места памяти о геноцидах в Центральной и Восточной Европе (и прежде всего в Польше), а также и переосмысление в проектах современных художников и историков-профессионалов.

Третий раздел посвящен репрезентации культурной памяти и переплетению нарративов в разных медиа. Д. Маттингли исследует проблемы переплетения фактов и вымыслов в исследованиях голода 1932–1933 гг. в советской Украине. К. Тайдигсманн предлагает модель «перекрестного описания», сформировавшегося в (детском) литературоведении для обозначения текстов, выходящих за возрастные границы. Анализируя детскую книгу «Человек-ворон» Яцека Дукая, автор выделяет три уровня коммуникации, на которых пересекающиеся тексты могут взаимодействовать с их читателем и создавать смысл: выражение, рефлексия и ассоциация. При этом Тайдигсманн также подчеркивает важность понимания культурной памяти как текучего процесса, зависящего от процессов рецепции, создания смысла и построения идентичности. Д. МакГлинн исследует использование прошлого в российских СМИ и политическом дискурсе 2013–2018 гг., делая акцент на метод «исторического фреймирования» разных форм политики легитимации.

Четвертый и наиболее интересный раздел книги посвящен репрезентации политики памяти в разных медиа. Т.С. Фредерик и А. Коуман в главе «Восприятие нарративов о Великой Отечественной войне: психологические исследования коллективной памяти в России» доказывают, что воспоминания россиян о Второй мировой войне гораздо более однородны, чем в других странах. 7 из 10 событий совпадают в ответах

респондентов разных социологических опросов: битва под Москвой (79,3%), Сталинградская битва (72,6%), Курская дуга (75,9%), блокада Ленинграда (66,9%); после 2013 г. часто упоминается битва за Севастополь (57,9%); нападение Германии на СССР и Победу над Германией также называют более 50% респондентов⁸. Причин такой однородности несколько: для 90% процентов россиян Великая Отечественная война напрямую связана с историей их семьи; военное кино пользуется широкой популярностью и систематически воспроизводит сложившийся нарратив гордости за Победу; официальная политика памяти активно поддерживает ритуалы, апеллирующие к эмоциям и аффектам (Бессмертный полк); огромную роль играют и СМИ, в т.ч. тиражируя исторические высказывания известных российских политиков. Однако проведенное Т.С. Фредериком и А. Коуманом исследование показало, что устойчивость этих воспоминаний и связанных с ними эмоций может быстро меняться со временем. Уже через полгода после первого замера фактическая сторона воспоминаний существенно нарушается, в отличие от эмоциональной. Более того, высокая оценка собственных знаний о прошлом оказывается обратно пропорциональна фактическим знаниям при независимой проверке социологов.

В итоге авторы делают вывод о необходимости постоянной идеологической и эмоциональной обработки населения через СМИ, к которой вынуждены прибегать сторонники националистической мобилизации: без такого регулярного воздействия господствующий нарратив распадается на конкурирующие и нестыкующиеся между собой фрагменты, активно использующие разные медиа (литературу, кино, интернет, компьютерные игры и т.д.). В этом же разделе Е. Журейнович анализирует изменения памяти о Второй мировой войне и ее последствиях в Сербии после ухода Милошевича. В последней главе книги Г. Амос исследует вопрос о судьбе военнопленных 1941–1945 гг. и трансформацию памяти о них в российской исторической публицистике, художественных фильмах и официальном политическом дискурсе 2000–2019 гг.

Что объединяет все эти сюжеты? Прежде всего, – трактовка памяти как диалога с прошлым и с различными социальными группами. Его цель – сделать сложившиеся нарративы менее антагонистическими, более рефлексивными и корректно использующими медиа, не сбиваясь на пропаганду и прямую легитимацию власти. Второй вывод касается различий при трансляции исторических нарративов в «старых» и «новых» медиа: телевидение и кинематограф оказываются не только более политизированы, но и более склонны к упрощению сложности исторических процессов, выстраиванию линейной преемственности между прошлым и настоящим, апеллируют к эмоциям зрителя, чаще делают ставку на противопоставление «своих» и «чужих». В «новых» медиа эти тренды также присутствуют, но здесь единство нарратива оказывается априори

⁸ Frederick, Coman 2022: 174.

недостижимо, что провоцирует необходимость логически (а не эмоционально) соотносить разные (в том числе противоречащие друг другу) факты и их интерпретации. Такая активность представляется более продуктивной в силу своей рефлексивности и нацеленности на диалог, а не просто трансляцию сложившихся в политике памяти нарративов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Буллер А., Линченко А.А. Медиа и история: дискурс исторической ответственности в меняющемся мире // Диалог со временем. 2021. № 77. С. 61–77. [Buller A., Linchenko A. Media and History: Discourse of Historical Responsibility in a Changing World // Dialog so vremenem. 2021. No. 77. P. 61–77].
- Николай Ф.В. «Эпидемия ностальгии», популярная культура и публичные интеллектуалы в поисках альтернативного будущего // Новое литературное обозрение. 2021. № 6. С. 317–321. [Nikolai F. "The Nostalgia Epidemic," Popular Culture, and Public Intellectuals in Search of an Alternative Future // Novoe literaturnoe obozrenie. 2021. No. 6. P. 317–321].
- Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. [The Politics of Memory in Contemporary Russia and in Countries of Eastern Europe / Ed. by A. Miller, D. Efremenko. European University at St. Petersburg, 2020].
- Репина Л.П. Память и наследие в «крестовом походе» против истории, или рождение «мемориальной парадигмы» // Уральский исторический вестник. 2021. № 2. С. 6–16. [Repina L. Memory and Heritage in a Crusade against History, or the Birth of a "Memorial Paradigm" // Ural Historical Journal. 2021. No. 2. P. 6–16].
- Assmann A., Shortt L. Memory and Political Change. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012.
- Frederick T.C., Coman A. Reception of Great Patriotic War Narratives: A Psychological Approach to Studying Collective Memory in Russia // Researching Memory and Identity in Russia and Eastern Europe / Ed. by J. McGlynn, O.T. Jones. Monterey: Palgrave Macmillan, 2022. P. 163–182.
- Mäiksoo M. Memory must be Defended: Beyond the Politics of Mnemonical Security // Security Dialogue. 2015. Vol. 46. № 3. P. 221–237.
- Researching Memory and Identity in Russia and Eastern Europe / Ed. by J. McGlynn, O.T. Jones. Monterey: Palgrave Macmillan, 2022.

Игаева Ксения Владимировна, м. н. с., Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; преподаватель, НГПУ им. К. Минина; igaeva.ksenia@yandex.ru

Politics of Memory in Eastern Europe the Transformation of Narratives in "Old" and "New" Media

The article is a review of the book "Memory Research and Identity in Russia and Eastern Europe", edited by D. McGlynn and T. Jones. Its focus is on countries where the past is highly politicized, including historical narratives in Serbia, Ukraine, Poland, Russia, and the Baltic States, which involve a revision of ideas not only about the past, but also about the future in this region and beyond. The authors propose to consider memory as a dialogue with the past and with various social groups, whose versions of historical politics are widely replicated by contemporary media.

Key words: *memory studies, narratives, memory politics in Eastern Europe, social identity, media.*

Igaeva Ksenia, lecturer, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; igaeva.ksenia@yandex.ru

А.В. АНТОЩЕНКО

СПОРЫ ОБ ИНТЕРКОММУНИОНЕ В СОДРУЖЕСТВЕ СВВ. АЛБАНИЯ И СЕРГИЯ

Публикуется протокол обсуждения предложения о. Сергия Булгакова о совместном причащении членов Содружества св. Албания и преп. Сергия Радонежского, состоявшегося в Париже 2 февраля 1934 г. В предисловии публикатор определяет место документа среди других материалов Содружества, связанных с дискуссиями по поводу этого предложения. Текст документа приведен в соответствие с современными нормами орфографии и сопровождается необходимыми комментариями.

Ключевые слова: *Русская православная церковь, Англиканская церковь, Содружество свв. Албания и Сергия, интеркоммунион, сакраментальное благословение.*

В почти уже вековой истории Содружества святого Албания и преподобного Сергия Радонежского предложение о. Сергия Булгакова о совместном общении в таинстве причащения англикан и православных является наиболее значительным, и в то же время спорным событием. В нынешнем веке оно вновь вызвало интерес к себе в англоязычной историографии¹, а затем и у отечественных исследователей².

Если иностранные историки могут работать с архивными материалами Содружества и с коллекциями многих его участников как из Великобритании, так и тех пореволюционных эмигрантов из советской России, чьи бумаги отложились в зарубежных архивах и библиотеках, то возможности отечественных исследователей ограничены прежде всего опубликованными документами в Интернете³. Данная публикация позволяет отчасти расширить эти возможности.

Содружество возникло в январе 1927 г., когда в Сент-Олбанс прошла его первая конференция. На второй конференции, проходившей с 27 декабря 1927 года по 2 января 1928 года, было решено основать Содружество, названное в честь святого Албания и преподобного Сергия Радонежского, целью которого было бы сближение англиканской и православной церквей. Его сопредседателями стали англиканский епископ У. Фрир и митрополит Евлогий (Георгиевский), возглавлявший русские православные приходы в Западной Европе. Вице-председателем Содружества стал о. Сергей Булгаков.

Помимо ежегодных конференций, на которых завязывались личные связи, нередко продолжавшиеся в виде переписки и обмена мнениями, важной площадкой для сближения позиций являлся журнал Со-

¹ Gallaher 2002; Gallaher 2013; Geffert 2004; Nikolaev S. 2005; Scott 2014.

² Дорошко Д. С. 2017; Федотов С. П. 2018; Алексей (Очканов) 2022.

³ The Fellowship's response to Fr. Sergius Bulgakov's proposal for limited intercommunion. URL: <https://fsass.org/shop/archives/the-fellowships-response-to-fr-sergius-bulgakovs-proposal-for-limited-intercommunion/> (дата обращения: 12.10.2022)

дружества⁴, получивший название «Соборность» (1935). Накопленный за шесть лет существования Содружества опыт взаимообщения его членов, включая совместные молитвы во время конференций, позволил о. Сергию Булгакову выступить в июне 1933 года на очередной конференции с предложением частичного интеркоммуниона, т. е. причащения членов Содружества, принадлежавших к разным христианским конфессиям. Богословское обоснование своего предложения он представил в статье «У кладезя Иаковля», опубликованной в том же 1933 г. в экуменическом сборнике «Христианское воссоединение»⁵.

Участник конференции и сторонник идеи интеркоммуниона Г.П. Федотов писал своей жене из Лондона 28.06.1933 г.: «Конференция была трудная, вторая часть – Fellowship'a – даже мучительная. Столкновение взглядов об Intercommunion было резкое. Флоровского⁶ поддерживал о. Бэр и английские консерваторы. В сущности, вышло даже так, что все официальные английские ораторы были против о. Сергия (его адепты не приехали). У нас сначала было очень тяжелое впечатление. Но большинство молодых было за нас. Еп. Трусский призывал к медленности и осторожности, – в сущности, был тоже против (по-моему), но не решительно. В группе настроение определилось явно в нашу сторону, а резолюция была принята с приглашением разрабатывать практические пути, в том числе и план о. Сергия»⁷.

Именно в целях разработки «практических путей» были предприняты меры по выяснению позиций вступивших в спор сторон. Поскольку тексты ряда документов имеются в свободном доступе в Интернете и уже неоднократно анализировались исследователями, ограничусь здесь лишь самой общей их характеристикой, которая позволит понять место публикуемого протокола среди них.

Недатированным является объяснение сути предложения, сделанного о. С. Булгаковым и суммированное в 10 пунктах на английском языке Н.М. Зерновым. Оно, судя по всему, и должно было открывать собрание документов, размещенных в Интернете, так как дополняет опубликованный в журнале Содружества отчет о конференции и предложении о. Сергия Булгакова⁸. Следующей по порядку идет записка, составленная на основе личных бесед с православными членами Содружества, которые провел с 1 по 8.10.1933 г. хорошо знавший русский язык и участвовавший в его деятельности с самого начала А.Ф. Добби-

⁴ Антипина 2022.

⁵ Булгаков 1933.

⁶ О.Г. Флоровский выступил главным оппонентом о. С. Булгакова в дискуссии об интеркоммунионе.

⁷ Копия письма любезно предоставлена мне В.В. Янценом, у которого она хранится в его частном архивном собрании в коллекции З.О. Миколовской. Приношу ему сердечную благодарность за предоставление копий писем Г.П. Федотова к его жене, Е.Н. Федотовой, за период с 1927 по 1938 гг.

⁸ General report of the Fellowship conference, June 1933 // Journal of the Fellowship of St. Alban & St. Segius. 1933. No. 20: 11–16.

Бейтман. Официально она была представлена в исполнительный комитет Содружества 21 октября и давала представление о тех положениях, которые являлись неясными или спорными. К ней прилагались сделанные им переводы уточнений позиций преподавателей Свято-Сергиевского богословского института, деканом которого являлся о. Сергей Булгаков. 15 октября датировано письмо А.В. Карташева, поддерживавшего идею интеркоммуниона⁹, 16 октября – заметки критически относившегося к возможности ее реализации о. Георгия Флоровского, а 19 октября – краткая записка самого о. С. Булгакова, который ссылался на полное изложение идеи А.В. Карташевым и выражал надежду на скорую возможность представить свои взгляды устно.

Для обсуждения разногласий 27 октября 1933 года было проведено заседание группы членов Содружества в Париже, в котором участвовало «большинство русских богословов, живущих в Западной Европе»: митр. Евлогий, о. Иаков Смирнов, о. Сергей Булгаков, о. Георгий Флоровский, профессора А.В. Карташев, Г.П. Федотов, Н.Н. Афанасьев, Б.И. Сове и др., включая Н.М. Зернова. Краткое резюме мнений было представлено последним в конфиденциальном письме членам ИК Содружества 3 ноября 1933 г. 17 ноября один из членов исполнительного комитета Содружества, Э. Фенн, обратился с письмом к о. Сергию Булгакову, в котором изложил результаты заседания комитета 9 ноября и те вопросы, которые требовали объяснения.

Декадой позже, после встреч с епископом Трусским, обобщение взглядов ведущих фигур в дискуссии вокруг интеркоммуниона сделал А.Ф. Добби-Бейтман. Предполагалось, что наиболее эффективным является личное обсуждение спорных вопросов, что и было зафиксировано в письме Э. Фенна от 15 декабря 1933 года к Н.М. Зернову. В нем поднимался вопрос о возможности визита в Англию о. Сергия Булгакова в феврале следующего года. В преддверии этого события и было проведено собрание 2 февраля 1934 года, на котором были вновь обсуждены наиболее сложные проблемы, возникшие в результате предложения частичного интеркоммуниона.

Неавторизованная машинописная копия документа хранится в коллекции бумаг Г. В. Флоровского в библиотеке Принстонского университета¹⁰. Текст, напечатанный по правилам дореформенной орфографии, приведен в соответствие с современными нормами правописания и пунктуации и дополнен комментариями.

⁹ См. подробнее: Антощенко 2022: 34–35.

¹⁰ Manuscripts and Correspondence: Georges Florovsky Papers, C0586, Manuscripts Division, Department of Special Collections, Princeton University Library, Firestone Library (mss): Box 62, Folder 4.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ АНГЛО-РУССКОГО СОДРУЖЕСТВА В ПАРИЖЕ

2 февраля 1934 [г].

Собрание было открыто кратким вступительным словом председателя Богословской комиссии, о[тцом] прот[оиереем] С. Булгаковым¹¹, который указал, что целью данного собрания является осведомление членов Содружества о работе Богословской комиссии и заслушивание их мнения по вопросу об общении в таинствах с членами Англиканской церкви.

Краткая сводка мнений членов Богословской комиссии была сделана ее секретарем Н. М. Зерновым¹², который указал, что Богословская комиссия в своей работе руководствовалась следующим вопросником, составленным о[тцом] С. Булгаковым:

1). Каково догматическое и каноническое значение уже установившегося и имеющего религиозную самоубедительность молитвенного общения между нами и англиканами в пределах англо-русских конференций и, в особенности, Fellowship of St. A.[lbany] and St. S.[ergius]. В частности, каково есть и может быть наше участие в англиканской мессе, при которой мы молитвенно присутствовали, и есть ли разница в этом отношении для нас и англикан? Не понуждает ли нас этот уже существующий предварительный молитвенно-евхаристический интеркоммунион к постановке вопроса об его действительной природе и о возможности или невозможности, нужности или ненужности, своевременности или несвоевременности перехода к подлинному евхаристическому общению?

В случае положительного ответа на первый вопрос естественно возникает ряд дальнейших: а) не нарушается ли этим вступлением в интеркоммунион части Англиканской и Православной церквей, именно членов Fellowship'a, чувствующих к тому потребность, соборное единство церкви, не есть ли оно грех против соборности или, по крайней мере, неверность ей? б) следует ли понимать соборное единство церкви только лишь как организационное, или как всеобщеплебесцитарное сознание и действие, или же соборность не только не исключает, но включает, хотя и внешне, частичные, но внутренне определенные церковные самоопределения? в) так как подобное частичное взаимообщение в таинствах уже существует во взаимных отношениях англиканства и православия и определяется началом икономии в подлинном, а не мнимом смысле, то может ли оно быть осуществлено здесь, и каковы те условия, при которых этот частичный интеркоммунион может быть действием церковно-легальным или каноническим, а не своевольным и революционным? Достаточно ли для этого согласия одного лишь епархиального епископа или же необходимо волеизъявление главы поместной церкви, или, наконец, органа всеправославного управления, пресбиодна или собора?

3). Каково при данном, уже начавшемся, молитвенном интеркоммунион[е] наше подлинное отношение к англиканской иерархии, выраженное со всей искренностью и ответственностью, помимо дипломатических вежливостей или

¹¹ Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) – протоиерей в юрисдикции митрополита Евлогия (Георгиевского), профессор и декан Свято-Сергиевского православного богословского института, религиозный философ, богослов, экономист.

¹² Зернов Николай Михайлович (1898–1980) – один из инициаторов создания и секретарь Содружества свв. Албания и Сергия Радонежского, исследователь русской духовной культуры.

reservation mentalis¹³? И каковы вообще условия жизненного, а не отвлеченного только ее признания со стороны православия?

4). При наличии такого признания интеркоммунион должен ли совершаться без всякого особого чина или тайнодействия, которое предварительно обозначается как sacramental blessing¹⁴ или же оно во всяком случае необходимо? Может ли оно быть взаимным?

5). При положительном разрешении предыдущего вопроса возникает ряд дальнейших, еще более общих вопросов экклезиологии: а) как следует относиться к факту, что в составе англиканской церкви имеются такие части (евангелики), с которыми communion in sacris¹⁵ для нас остается невозможно, а в то же время для общающихся с нами англикан их единство с евангеликами является, как и доселе, само собою разумеющимся? б) допускает ли наша концепция церкви частичное общение в таком смысле? в) не подвергается ли через это опасности умаления сама полнота таинств и иерархичность даров Церкви? г) или же, наоборот, эта опасность есть призрачная?

На эти вопросы были даны членами комиссии следующие ответы:

о. С. Булгаков считает, что то взаимное присутствие на евхаристии, которое является духовной базой работы Содружества, есть уже нарушение границ, установленных канонами Православной церкви. Вместе с тем духовная значительность этого предварительного евхаристического интеркоммунион[а] такова, что она обязывает членов Содружества поставить во всей глубине вопрос о подлинном евхаристическом общении. Его постановка не является нарушением соборности Церкви, т. к. последняя предполагает внутренне оправданные церковные самоопределения. Задача Содружества – найти церковно легальные формы для осуществления интеркоммунион[а]. Таковым условием в данном случае было бы благословение митрополита Евлогия¹⁶, нашего епархиального архиерея. Митрополит может дать это разрешение, т. к. формально ординации¹⁷ англикан признаны его каноническим главой – патриархом Константинопольским. Однако, чтобы сделать интеркоммунион актом общецерковного значения, шагом вперед по пути соединения Англиканской церкви с Православной он должен быть предварен sacramental blessing и догматическим согласием обеих сторон. Наличие разнородных течений внутри англиканства не должно смущать нас, ибо церковная жизнь всегда и всюду сопряжена с общением в таинствах с лицами, отступающими и нарушающими правовере.

Проф. А. В. Карташев¹⁸ считает, что Православная церковь имеет миссию по отношению к Англиканской церкви. Вопрос о единстве Церкви труден и ответственен. Вся древняя церковь была сосредоточена вокруг Средиземного моря и жила в пределах одного государства, одной культуры, но даже и она с трудом сохраняла свое единство. Теперь же церковь разбросана по всему миру. Соединение никогда не будет достигнуто путем переговоров между синодами или епископами, – это было бы благополучно, это – благочестивая утопия. Если

¹³ Духовное ограничение, исключение (англ.).

¹⁴ Сакраментальное благословение (англ.).

¹⁵ Общение в таинстве причастия (англ.).

¹⁶ Евлогий (Георгиевский Василий Семенович, 1868–1946) – епископ РПЦ, митрополит (1922). 17.02.1931 г. перешел под омофор Вселенского патриарха.

¹⁷ Рукоположение в священники.

¹⁸ Карташев Антон Владимирович (1875–1960) – историк, богослов, политический и государственный деятель, один из основателей ССПБИ, преподавал в нем историю Русской православной церкви, Ветхий Завет, древнееврейский язык.

и придет единство, то снизу, от тех христиан, которые на личном опыте пережили свое единство с другими христианами. Поэтому план, намеченный о[тца] С. Булгаковым, приемлем. Отказ от него – отказ от ответственности, перекладывание ее на плечи будущих поколений. Но для его осуществления нужно участие епископа. Если он благословит, то можно пускаться в путь и не бояться осуждения другими епископами. Общению в таинстве должен предшествовать обряд исповедания англиканами православной веры. Значение вопроса о действительности англиканских ординаций не нужно преувеличивать. Вся иерархия попорчена, если есть желание единства, то им покрывается многое. Таков был взгляд всей древней церкви. Главное же есть духовное ощущение возможности общения в таинстве с англиканами, тогда как с другими, даже с теми же униатами оно невозможно. Вот почему следует принять предложение о[тца] Сергия и пытаться его осуществить при участии нашей иерархии.

О[тец] Г. Флоровский¹⁹ не может принять предложение о[тца] С. Булгакова. Он может молиться с англиканами – это его личная ответственность, но он не может входить в общение в таинствах, т. к. таким образом он бы вовлек и других членов Церкви в общение с ними. Таинство Евхаристии есть общение со всеми теми, кто приступает к той же чаше. О[тец] Г. Флоровский не знает, что за Евхаристия у англикан. Поэтому, если митр[ополицит] Евлогий или даже Константинопольский патриарх благословят общение с англиканами, он прервет с этими епископами общение, т. к. его догматическое и каноническое сознание расходится с ними. Митрополит Евлогий вообще не имеет права дать такое разрешение. Что касается англиканской иерархии, то, несмотря на весь его молитвенный опыт общения с нею, он не знает, имеет ли она апостольское преемство. Если она его имеет, то единство их с нами придет само собой, Бог пошлет Ангела, который перенесет нас через пропасть. Если англиканская Евхаристия действительна, то мы уже находимся в общении в таинствах, видимое же интеркоммунион придет по достижении догматического согласия. Пока же ни Православная, ни Англиканская церкви не созрели для общения в таинствах. Нужно медленно залечивать раны взаимным изучением друг друга. Но и когда придет время общения, это не будет делом отдельных епархий. В настоящее время епархия не имеет права действовать отдельно. Пусть так было в древней церкви, – теперь пытаться воскресить такое положение было бы заниматься археологией. Необходимо согласие всей Церкви.

Н. Н. Афанасьев²⁰ указывает, что епархия есть основная церковная единица, и она может действовать от лица всей Церкви, если она осознает ответственность своего решения. Что касается общения в таинствах, то все зависит от подлинности англиканской Евхаристии. Если она подлинна, то она является актом, совершаемым от лица всей Церкви и отдельная православная епархия или даже отдельный член Правосл[авной] церкви может приступить к общению в таинстве с англиканами. В этом случае перед ними будет лишь вопрос церковной дисциплины и целесообразности. В таком случае никакого специального обряда или sacramental blessing не нужно. Если же англиканская Евхаристия поврежде-

¹⁹ Флоровский Георгий Васильевич (1893–1979) – протоиерей, богослов, философ и историк, деятель экуменического движения и один из основателей Всемирного совета Церквей. С 1926 г. преподавал патрологию в ССПБИ.

²⁰ Афанасьев Николай Николаевич (1893–1966) – протопресвитер в юрисдикции митрополита Евлогия, богослов-экклесиолог. Преподавал в ССПБИ с 1932 г. каноническое право и греческий язык.

на, то общение невозможно и не поможет приблизить к нам англикан.

Г. П. Федотов²¹ указал, что его личный опыт дает ему бесспорный положительный ответ на вопросы о действительности англиканской Евхаристии и иерархии. Он чувствует себя на англиканской Евхаристии как на православной литургии, чего он не мог бы сказать про римско-католическую мессу. Поэтому он не чувствует никаких преград для общения с англиканами, кроме чисто дисциплинарно канонических. Мы в Содружестве дошли до точки, когда мы должны сделать следующий шаг, если его не сделаем, мы исчезнем. Частичное общение в таинстве есть единственный путь, который может преодолеть преграду разделения. Если мы получим благословение митрополита Евлогия, мы должны решиться на общение в таинствах, даже если мы соблазним некоторых наших собратьев. Sacramental blessing полезен, но если только можно найти удачную его форму, иначе можно обойтись и без него.

А. Ф. Карпов²² считает, что молитвенное общение членов Англ[о]-Русск[ого] Содружества и достигнутое единомыслие в основах вероучения должно быть признано как явление подлинной церковности, явление, естественно предполагающее постановку вопроса о евхаристическом общении, которое завершает единство верующих во Христа в единстве Его Тела. Единство в Духе, явленное в А[нгло]-Р[усском] Содружестве, есть стяжание духовного опыта отдельных людей – и православных, и англикан, которое выражает момент дерзновенного сознания (Церкви единой), и оно не противоречит соборному духу Церкви. Чтобы это духовное единство верующих вошло в единство Церкви, как тела Христова, оно должно осуществиться в таинстве Евхаристии; а для того, чтобы евхаристическое общение между православными и англиканами было возможно и не явилось бы, кроме того, соблазном для других, необходимо: а) испытать подлинность достигнутого единогласия, т. е. испытать согласие в вопросе вероучения – что и выразить в исповедании, доступном для всех членов Церкви; б) включить тех членов англиканства, которые приемлют единое исповедание веры в благодатную организацию Православной церкви, для чего необходимым представляется sacramental blessing, как благословение Православной церковью англиканского священства на совершение таинств.

Н. М. Зернов указал, что нахождение удовлетворительной формы sacram[ental] blessing – критерий церковной оправданности предложения о[тца] Сергия. На долю Содружества выпала большая церковная ответственность, и успешно справиться с ней возможно лишь сохраняя дух миролюбия и соборования внутри Содружества. Лично он считает предложение о[тца] Сергия вытекающим из всего литургического характера работы, а епархию – церковной единицей, правомочной для вступления в общение с Англиканской церковью, т. к. их рукоположения признаны теперь отдельными автокефальными церквями.

Прения были открыты В. В. Зеньковским²³, который указал, что проблема,

²¹ Федотов Георгий Петрович (1886–1951) – историк, публицист, религиозный мыслитель, преподавал в ССПБИ с 1926 по 1940 г. историю Западной Церкви, агиологию, латинский язык.

²² Карпов Андрей Федорович (1902–1937) – философ, богослов, библиофил. Выпускник философского отделения Сорбонны, участник РСХД и Содружества св. Албания и преп. Сергия, выступал с докладами на семинаре Н. А. Бердяева по истории русской религиозной и философской мысли, публиковался в журнале Содружества.

²³ Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962) – протопресвитер, богослов, философ. Профессор по кафедре философии, истории русской философии, психологии и апологетики (1927–1962) и декан (1944–1948 и 1949–1962) ССПБИ, с 1923 г. председатель РСХД.

поднятая о[тцом] Сергием, назрела для своего разрешения, но она трагична, ибо она неразрешима. В Церкви есть свобода, но лишь в пределах богословской мысли, а не церковной жизни и практики. Частичное общение в таинствах невозможно, а потому нам не дано будет увидеть единства Церкви. Опасность экуменической работы в ее релятивистическом отношении к Церкви.

Л. А. Зандер²⁴, возражая В. В. Зеньковскому, указал, что Русское Христианское Студенческое Движение, начатое вопреки церковному мнению, было нарушением принципа, защищаемого В. В. Зеньковским. Однако последний возглавил это новое церковное дело. Отказ от возможности интеркоммунион[а] вводит нас в дурную бесконечность. Мы не разрываем соборности, вступая на путь интеркоммунион[а], т. к. наше Содружество есть уже соборное тело. Основная задача – найти правильное выражение для единства веры и установить правильную форму sacramental blessing.

Ф. Г. Спасский²⁵ сказал, что вопрос о соединении с англиканами, когда бы он ни был поднят, вызовет борьбу и разногласия внутри православия. Важно знать, насколько сами англикане кровно заинтересованы в нем и желают ли они интеркоммунион[а].

И. Верник²⁶ согласен с В. В. Зеньковским: интеркоммунион – нарушение соборности. Нельзя под влиянием эмоционального опыта нарушать догматические границы.

К. И. Флоровская²⁷ считает, что нельзя быть членом двух разных тел церковных. Кто попытается это осуществить, выпадет из обоих и останется в пустоте.

Г. В. Шестаков²⁸ высказывается против интеркоммунион[а].

М. В. Зернова²⁹ считает, что вопрос может быть решен положительно в дерзновении соборного действия.

А. В. Карташев указывает, что В. В. Зеньковский не прав: церковная история знает ряд рецепций церковного действия, вначале не санкционированных общим голосом Церкви.

О[тец] Г. Флоровский считает, что те, кто считают, что вся Церковь никогда не сможет прийти к решению, не верят в Церковь. Вступая в интеркоммунион, мы разрушаем и Православную и Англиканскую церковь. Санкции епископа недостаточно, не епископ, а народ составляет тело Церкви.

О[тец] С. Булгаков в заключительном слове указал, что количественный критерий никогда не считался достаточным Церковью, а возражающие против интеркоммунион[а] все строят именно на нем. Вопрос требует еще большой работы и ей будут посвящены дальнейшие собрания Содружества.

²⁴ Зандер Лев Александрович (1893–1964) – богослов, религиозный деятель. Профессор логики и педагогики, финансовый секретарь ССПБИ. Активный деятель и генеральный секретарь РСХД (1936–1952).

²⁵ Спасский Феодосий Георгиевич (1897–1979) – выпускник ССПБИ, его преподаватель, библиотекарь (1929–1943) и секретарь (1944–1969).

²⁶ Верник Игорь Иванович (1911–1994) – выпускник ССПБИ, участник РСХД и Содружества св. Албания и преп. Сергия.

²⁷ Флоровская (урожд. Симонова) Ксения Ивановна (1893–1977) – переводчица, жена Г. В. Флоровского.

²⁸ Найти данные не удалось.

²⁹ Зернова (урожд. Лаврова) Милица Владимировна (1899–1994) – доктор медицины, религиозный деятель, иконописец, жена Н. М. Зернова.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алексий (Очканов), иеродиакон. Роль русской православной диаспоры в Великобритании в укреплении англикано-православного взаимодействия в 1920–1940-е годы // Богословский вестник. 2022. № 2 (45). С. 107–121. [Aleksii (Ochkanov), ierodeakon. Rol' russkoi pravoslavnoi diaspory v ukreplenii anglikano-pravoslavnogo vzaimodeistviia v 1920–1040-e gody // Bogoslovskii vestnik. 2022. No. 2 (45). P. 107–121].
- Антипина Ю.Н. Журнал Содружества Св. Албания и Св. Сергия как площадка для экклезиологического диалога (1928–1934 гг.) // Актуальные вопросы церковной науки. 2022. № 1. С. 13–26 [Antipina I.U.N. Zhurnal Sodruzhestva Sv. Albaniia b Sv. Sergiia kak ploshchadka dlia ekkleziologicheskogo dialoga (1928–1934 gg. // Aktual'nye voprosy tserkovnoi nauki. 2022. No. 1. P. 13–26].
- Антощенко А.В. А.В. Карташев: через межхристианский диалог к воссоединению церквей // Феномен диалога: философские и исторические аспекты. Череповец, 2020. С. 30–37 [Antoshchenko A.V. A.V.Kartashev: cherez mezhkhristianskii dialog k vossoedineniiu tserkvei // Fenomen dialoga: filosofskie i istoricheskie aspekty. Cherepovets, 2020. P. 30–37].
- Булгаков С., протоиерей. У кладезя Иаковля (Ин 4:23). О реальном единстве разделенной церкви в вере, молитве и таинствах // Христианское воссоединение. Париж: YMCA-Press, 1933. С. 9–32 [Bulgakov S., protoierei. U kladezia Iakovleva (in 4:23). O real'nom edinstve razdelennoi tserkvi v vere, molitve i tainstvalh // Khristianskoe vossoedinenie. Paris: YMCA-Press, 1933. P. 9–32].
- Дорошко Д.С. Интеркоммунион как попытка преодоления разделения церквей // Миссия конфессий. 2017. № 23. С. 28–35 [Doroshko D.S. Intercommunion as purtyka preodoleniia razdeleniia tserlvei // Missiia kofessii. 2017. No. 23. P. 28–35].
- Федотов С.П. История первого периода деятельности Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия // История: факты и символы. 2018. № 2 (15). С. 97–104 [Fedotov S.P. Istoriia pervogo perioda deiatel'nosti Sodruzhestva Sviatogo Albaniia i Prepodobnogo Sergiia // Istoriia: fakty i simvoly. 2018. No. 2 (15). P. 97–104].
- Gallaher A.B. Bulgakov and Intercommunion // Sobomost. Vol. 24. No. 2. 2002. P. 9–28.
- Gallaher A.B. 'Great and Full of Grace': Partial Intercommunion and Sophiology in Sergii Bulgakov // Church and World: Essays in Honor of Michael Plekon / Ed. by W. C. Mills. Rollinsford: Orthodox Research Institute, 2013. P. 69–121.
- Geffert B. Sergii Bulgakov, «The Fellowship of St. Alban and St. Sergius, Intercommunion and Sofiology» // Revolutionary Russia. Vol. 17. No. 1. 2004. P. 105–141.
- Nikolaev S. Spiritual Unity: The Role of Religious Authority in the Disputes between Sergii Bulgakov and Georges Florovsky Concerning Intercommunion // St. Vladimir's Theological Quarterly. Vol. 49. Nos. 1–2. 2005. P. 101–123.
- Scott A. S. The Hour is Coming and is Now Come: Sergei Bulgakov and the Search for the Ecumenical Future. University of St. Michael's College, 2014. 265 p.
- Александр Васильевич Антощенко, доктор исторических наук, профессор, Институт истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет, antoshchenko@yandex.ru*

Controversy on Intercommunion in the Fellowship of Saints Alban and Sergius

The protocol of the debate on the proposal of Fr. Sergius Bulgakov on partial intercommunion of the members of the Fellowship of St. Albania and St. Sergius of Radonezh, held in Paris on February 2, 1934, is published. In the preface, the publisher identifies the document's place among other Fellowship's material related to discussions about this proposal. The text of the document has been brought into line with modern spelling standards and is accompanied by the necessary comments.

Keywords: Russian Orthodox Church, Anglican Church, Fellowship of Saints Alban and Sergius, intercommunion

Aleksandr V. Antoshchenko, Doctor in history, Professor, Institute of history, political and social sciences, Petrozavodsk State University, antoshchenko@yandex.ru

**«ПОРА ЖИТЬ СПОКОЙНЕЕ, СОСРЕДОТОЧЕННЕЕ И ТИШЕ...»
СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА НИКОЛАЯ ГУДЗИЯ. ФЕВРАЛЬ–МАРТ 1924 ГОДА**

Публикация вводит в научный оборот страницы дневника литературоведа Н.К. Гудзия, относящиеся к февралю – марту 1924 г. Их историко-литературное значение обусловлено рядом причин: во-первых, отсутствием в довоенной части наследия ученого столь же подробных записей за другие годы, во-вторых, тем, что они документируют очень важный период научной активности Гудзия – его работу во II МГУ, Государственной Академии Художественных Наук и Обществе любителей российской словесности. Наконец, в-третьих – публикуемые записи фиксируют участие Гудзия в литературной жизни Москвы, его впечатления от встреч (полно обрисовывающая ближайший круг его общения) и некоторые обстоятельства судьбы его трудов.

Ключевые слова: Гудзий, Государственная академия художественных наук, Общество любителей российской словесности, Гершензон, Розанов, Брюсов.

Литературовед, текстолог, педагог Николай Калининвич Гудзий (1887–1965) не оставил подробных дневниковых записей. Он вел их от случая к случаю, по необходимости научного и личного свойства. Наиболее содержательны публикуемые записи за февраль – март 1924 г. Записная книжка за 1927 г. содержит предельно краткие, лаконичные записи, подобные тем, что мы находим, например, в «Камер-фурьерском журнале» В.Ф. Ходасевича – нередко в два-три слова. Поэтому они могут служить лишь для восстановления контекста при изучении того или иного периода жизни Гудзия. Остается сожалеть, что лишь месяц из довоенной жизни ученого оказался документированным подробно. Сохранился большой по объему корпус записей, сделанных во время поездки Гудзия в Англию и Шотландию в ноябре – декабре 1956 г.¹

Публикуемые страницы дневника относятся к важному периоду в судьбе ученого. В это время он – профессор II МГУ, действительный член и активный участник работы Государственной Академии Художественных Наук (ГАХН) и Общества любителей российской словесности (ОЛРС). Деятельность этих организаций является тематическим центром, содержательным ядром публикуемых записей. Дневник фиксирует участие Гудзия в литературной жизни Москвы, его впечатления от встреч с людьми (полно обрисовывая читателю и будущему биографу ученого ближайший круг его общения), а также некоторые обстоятельства печатной судьбы его научных трудов этого периода. Единичны и встречаются именно в этом дневнике, а потому обращают на себя внимание упоминания об Андрее Белом, М.О. Гершензоне, М.А. Волошине, С.Я. Парнок и С.П. Клычкове, о собраниях литературно-художественного кружка-салона «Никитинские субботники». Только в этих дневниковых записях нашла отражение работа руководимого Гудziem семинария по изучению истории русского символизма, участниками которого

¹ НИОР РГБ. Ф. 731. Р. I. К. 1. Д. 2.

были его воспитанники, студенты литературно-лингвистического отделения педагогического факультета II МГУ – А.И. Ревякин, А.Н. Боговяленский, В.В. Зубков, Н.В. Колли, П.Д. Криворотенков, В.С. Плужникова, а также упомянутые в дневнике О.Л. Иоффе и О.И. Шувалова.

Темами докладов семинаристов стало, помимо общих вопросов истории и теории русского символизма, творчество таких его представителей, как А.А. Блок, В.Я. Брюсов, В.И. Иванов, Андрей Белый, К.Д. Бальмонт, М.А. Кузмин, Федор Сологуб. Работу свою семинарий начал со вступительной беседы руководителя с будущими семинаристами, состоявшейся 25 сентября 1923 года, а закончился докладом еще одной его участницы, Е.И. Нат под названием «Бальмонт и Фет», прозвучавшим на заседании 19 июня 1924 года². Именно в организации этого семинария следует искать истоки интереса Гудзия к истории русского символизма, а также – наряду с работой ученого в ГАХН – первый этап его многолетней деятельности по ее изучению.

Комментируя записи ученого, мы стремились восстановить историко-литературный фон описываемых событий, рассказать о тех людях, встречи с которыми зафиксированы в дневнике, одним словом – вписать этот скромный по объему и лаконичный по форме выражения источник в контекст научной биографии Гудзия. Включенный в общий контекст истории отечественного литературоведения XX века, он – мы надеемся – послужит читателям и коллегам в прояснении отдельных ее сюжетов. При комментировании записей нами были привлечены как печатные, так и архивные материалы – дневниковые записи и воспоминания друзей Гудзия (как И.Н. Розанов) или его младших современников (как Н.А. Трифонов). По этическим соображениям нами опущены при публикации некоторые записи исключительно интимного свойства, не представляющие историко-литературного интереса.

Страницы дневника Гудзия печатаются по автографу, сохранившемуся в личном архиве ученого.

1924.

Февраль.

18. С утра пение, шум. Нервы взвинчены. Работа опять не идет. Гнетущее настроение. В 2½ пошел бродить. Зашел в редакцию «Рампы» и «Худ<ожественного> труда» с предложением сотрудничества: очень нужны деньги. Неопределенно, но довольно приветливо. Затем побывал в 3-й раз в ред<акции> «Нар<одного> учителя» за справкой о судьбе статьи о Гончарове. Опять «не успели прочитать»³. Вечером – засед<ание> в литературной секции Ак<адемии> Худ<ожественных> Наук. Позорный доклад Гливенка о пустой книге Когана «Литература этих лет». Оба вульгарны и плоски. Выступил с категорическими возражени-

² См. протоколы заседаний семинария и список участников: НИОР РГБ. Ф. 731. Р. I. К. 10. Д. 5.

³ Ни в одном из упомянутых изданий статьи или рецензии Гудзия не публиковались. В опубликованной части его научного наследия отсутствует статья, посвященная И.А. Гончарову. Содержание статьи «Новое о Гончарове» (ср. запись от 22 февраля), которую Гудзий предлагал редакции журнала «Народный учитель», соотносилось с докладом Гудзия «Гончаров и Тургенев» в ОЛРС.

ями. Гершензон⁴ сказал, что это мое выступление – одно из талантливейших и наиболее ярких. Сам Гершензон возбужденно говорил против формального метода и приветствовал здоровую «революционность» метода Когана (sic!). Гроссман весь на моей стороне. Говорит, что я в своей позиции гораздо революционнее Когана⁵. <...> Вчера читал доклад «Гончаров и Тургенев» (О«бщест»во люб«ители» рос«ийской» слов«есности»). Доклад немудреный, прошел живо и с юмором⁶. Вечером собрались Четвериковы, Бороздины, Розанов, Левенталь, Ярхо⁷.

⁴ Гершензон Михаил Осипович (1869–1925) – писатель, критик, историк культуры, переводчик, с 1921 г. заведовал литературной секцией ГАХН, в 1924–1925 гг. – Подсекцией критики и литературоведения. Гудзий посвятил ему свое выступление ««М.О. Гершензон – историк русской духовной культуры» на заседании Пленума ЛС, посвященном его памяти. Содокладчиками были Н.К. Пиксанов и М.А. Цявловский, см.: Фролов 2023. № 3: 45–48.

⁵ Доклад литературоведа, переводчика, профессора МГУ Ивана Ивановича Гливенко (1868–1931) на заседании Пленума Литературной секции ГАХН был посвящен критическому разбору книги историка, критика, профессора МГУ и президента ГАХН Петра Семеновича Когана (1872–1932) «Литература этих лет (1917–1923)» (Государственная академия художественных наук. 1926: 25, 112). Ср. в выступлении Гершензона: «Старая историко-литературная традиция сталкивается <...> с новым революционным подходом. П.С. не дает новых форм, но он разрушает старые формы и это необходимо приветствовать. Формальный метод, не открывающий никаких путей, есть самодавяющее творчество дурного тона» (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 4. Л. 74). См. содержательные возражения Гудзия: «...книга П.С. Когана, будучи талантливой и интересной, не является историей литературы. Это произведение литературной критики <...> Некоторые публицистические явления могут быть чрезвычайно талантливы, но это не открывает им входа в литературу. При всей талантливости разработки книга П.С. перегружена моралистическими и публицистическими моментами и не отмечает органического процесса развития “литературы этих лет”» (Там же. Л. 73 об.).

⁶ Гудзий стал действительным членом Общества любителей российской словесности 15 января 1922 г. (Клеймёнова 2002: 587). Упомянутый доклад опубликован не был и текст его неизвестен. Но в архиве ученого сохранился автограф статьи, озаглавленной «Гончаров – враг Тургенева». Нам представляется, что она имеет прямое отношение как к работе Гудзия над докладом для ОРЛС, так и к работе над статьей «Новое о Гончарове» для журнала «Народный учитель». На первой странице автографа присутствует помета «III экз.». Первый экземпляр был предложен в редакцию «Народного учителя», второй предназначался для ОРЛС, а третий, авторский, сохранился в архиве: «Едва ли большинство читателей Гончарова приходят в голову мысль о том, что сдержанно-спокойные, эпические и такие как будто объективные произведения уравновешеннейшего писателя вышли из под пера человека, душевно очень неуравновешенного, болезненно подозрительного, до крайности нервного и впечатлительного <...> Все эти болезненные стороны психики Гончарова наиболее явственно обнаружилась в его отношении к Тургеневу, которого Гончаров чисто физически ненавидел, считая его плагиатором, похитителем его литературной собственности, узурпатором его творческих замыслов <...> Мы и раньше знали о вражде Гончарова и Тургенева, вызванной тем, что Гончаров подозревал своего знаменитого современника в обкрадывании “Обрыва”, но то, что вскрывает в этом отношении только что опубликованная большая рукопись Гончарова* <И.А. Гончаров “Необыкновенная история (Истинные события)”>. Сборник Российской Публичной Библиотеки, т. II, Петроград, изд. Брокгауз-Ефрон, 1924 г., стр. 7–189. – прим. Н.К. Гудзия», поражает неожиданностью и порой чудовищностью тех фантастических домыслов и обвинений, на которые отваживается автор “Обломова”, чтобы в глазах потомства очертить своего противника» (ОР РГБ. Ф. 731. Р. I. К. 2. Д. 22. Л. 1).

⁷ Упомянуты: писатель Борис Дмитриевич Четвериков (1896–1981) и его супруга Александра Александровна (урожд. Алатырцева); историк, востоковед, этнограф Илья Николаевич Бороздин (1883–1959) и его сестра Тамара Николаевна (в браке Козмина; 1886–1959); Иван Никанорович Розанов (1874–1959) – историк литературы, литературный критик, книговед, библиофил, поэт, друг Гудзия – их знакомство состоялось в ноябре 1921 г.; Усова Алиса Гуговна (урожд. Левенталь; 1894–1951) – супруга поэта и переводчика, филолога-германиста, ученого секретаря Литературной секции ГАХН Д.С. Усова, сотрудница Академии; Ярхо Борис Исаакович (1889–1942) – фольклорист, теоретик литературы, переводчик, специалист по западноевропейской литературе и культуре Средних веков и Нового времени, заведующий Комиссией по художественному переводу ГАХН в 1922–1930 гг.

В нашей науке, как, вероятно, и во всякой науке, много хлама оттого, что работали, не задаваясь общими соображениями, без перспектив, без мысли о том, зачем это нужно, какое место частность занимает в целом. Судьба шатающейся Европы напоминает судьбу науки. Тоже что-то делали, куда-то шли, не ставя общих целей и об общем не думая. Вообще, всякая жизнь без перспектив, без конечных перспектив – несчастная и ненужная жизнь. Так изломал свою жизнь и я. Нужно быть менее экспансивным и открытым для людей, чем я был до сих пор. Много чести. Себя теряешь. Больше холодка и сдержанности.

19. <...> Вчера заходил Н.Н. Гусев⁸, секретарь Л. Толстого для переговоров относительно издания в Германии толстовского сборника⁹. Говорил, что Толстой мог бы примириться (и к тому шел) с православием и даже обрядностью, но не с церковью (иерархией) и догматикой¹⁰. Сам Г<усев>, видимо, не фанатик. Очень любит музыку. Вечером обычная лекция в университете и семинарий. Тема – «Философские основы “Стихов о Прекрасной Даме”». Доклад Иоффе¹¹. Очень хороший и глубокий. После семинария был у С.З. Федорченко. Читала свои сказки и стихи¹². Хорошо, но трогает мало. У нее же слушал <...> стихи С. Парнок¹³. Прекрасно читала былины и историч<еские> песни Е.Н. Виноградская¹⁴. <...>

⁸ Николай Николаевич Гусев (1882–1967), литератор, в 1907–1909 гг. – личный секретарь Л.Н. Толстого, 1925–1931 гг. – директор Музея Толстого в Москве, член редакции Юбилейного издания; автор четырех томов труда «Л.Н. Толстой: Материалы к биографии», охватывающих 1828–1885 гг., двух томов «Летописи жизни и творчества Л.Н. Толстого» и основанной на собственных дневниковых записях книги – «Два года с Л.Н. Толстым» (1928).

⁹ В 1924 г. под редакцией Н.Н. Гусева вышел первый выпуск серийного издания, подготовленного сотрудниками Музея Л.Н. Толстого – «Толстой и о Толстом: Новые материалы». Вероятно, первоначально его выход намечался в Германии, но возможно, что Гудзий упомянул и совсем другое издание. См. ниже, запись от 2 марта и прим. 48.

¹⁰ Ср. в «Ответе на определение Синода от 20–22 февраля и полученные мною по этому случаю письма» (1901): «Прежде чем отречься от церкви и единения с народом, которое мне было невыразимо дорого, я, по некоторым признакам усумнившись в правоте церкви, посвятил несколько лет на то, чтобы исследовать теоретически и практически учение церкви: теоретически – я перечитал всё, что мог, об учении церкви, изучил и критически разобрал догматическое богословие; практически же – строго следовал, в продолжение более года, всем предписаниям церкви, соблюдая все посты и посещая все церковные службы» (Толстой 1952: 247). В печатных работах Гусева эта мысль развита не была, за исключением описания эпизода предсмертной болезни писателя.

¹¹ Речь идет о докладе «Философские корни “Стихов о Прекрасной Даме” Блока» Ольги Лазаревны Иоффе (в браке Черновой; 1896–?), ученицы Гудзия по 2-му МГУ, участницы и члена секретариата семинария (19 и 26 февраля 1924 г.): «“Стихи о Прекрасной Даме” <...> являются не только стихами, но также философской мыслью людей, мистически воспринявших Зарю нового века <...> Романтическая поэтизация природы, мистическая любовь к женщине находят в философии Соловьева свое обоснование и служат живым родником для истоков блоковской поэзии. Желая проследить духовную эволюцию поэта за 1900–1904 гг., докладчица берет стихи сборника в последовательном порядке, как наиболее показательном для развития философской мысли. Философская концепция мира, выраженная в первом сборнике стихов, не остается чуждой Блоку творцу “12-ти” и “Скифов” и особенно ярко выявляется в стихах цикла “Родина”» (НИОР РГБ. Ф. 731. Р. I. К. 10. Д. 5. Л. 20).

¹² Федорченко Софья Захаровна (1880–1959) – писательница, автор исторических романов, произведений для детей, книги «Народ на войне». Гудзий упомянул ее сказки в прозе и стихах – некоторые из них собраны в книге «Присказки» (1924).

¹³ Парнок София Яковлевна (1885–1933) – поэт, переводчица; друг Федорченко (см. письма Парнок к ней 1925–1928 гг.: РГАЛИ. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 95).

¹⁴ Екатерина Николаевна Виноградская (1905–1973) – писательница, сценаристка, автор литературных пересказов и обработок произведений Д. Фурманова, Г. Бичер-Стоу и др. авторов для рабоче-крестьянской аудитории.

20. Днем занес в «Худ<ожественный> труд» статью о Воспоминаниях Теляковского¹⁵. Вечером все время дома. <...> Читал Тагора «Крушение»¹⁶. Начал письмо к Е.М. Семигравовой. О ней думаю мечтательно и нежно, так хотелось бы увидеться с ней. Зову ее в Москву¹⁷. Была Оля Ляпунова. Пришла просить научить ее, как жить. Мечется и страдает. Сказала, что каждый раз звонит ко мне с холодным отчаянием, волнуясь. Все, и английский яз<ык>, забросила для литературы русской. Что влечет ее ко мне, кроме желания получить руководство? Я так мало могу ей помочь. А с ней нужно быть очень бережным¹⁸.

21. <...> Вечером заседание комиссии Достоевского. Читал Гроссман о стиле исповеди Ставрогина¹⁹. <...> Вернувшись домой, застал рукопись романа Е.М. Семигравовой. Мечтал о ней, рукопись лишь проглядел. В ней вся ее душа и девичья любовь, м<ожет> б<ыть> надуманная и мечтательная²⁰.

22. Утром лекция, затем долгое стояние за жалавоньем. Получил 3 червонца. По телефону Яковлев²¹ сообщил, что статья «Новое о Гончарове» для их журнала не подходит: слишком интеллигентно. Вечером в Ак<адемии> Худ<ожественных> Н<аук> на докладе Грифцова – о природе романа. Поверхностно, но изящно и умно²². Оттуда к Вал<ентине> Ал<ександровне> Маркус. Она вся от Моск-

¹⁵ Речь идет о неопубликованной рецензии Гудзия на книгу: Теляковский 1924. Теляковский Владимир Аркадьевич (1860–1924) – театральным деятелем.

¹⁶ Назван роман «Крушение» (1902) индийского писателя, поэта Рабиндраната Тагора (1861–1941). Вероятнее всего, Гудзий познакомился с ним по изданию: Тагор 1923.

¹⁷ Семигравова Елизавета Михайловна (1902 [по др. данным: 1905] – после 1985) – литератор, редактор, издательский работник. Гудзий познакомился с Семигравовой в 1920 г. в Ялте. Судя по тому, что с 1925 г. Семигравова проживала в Москве, она воспользовалась приглашением Гудзия. См.: Матлина 2009: 28–33.

¹⁸ Предположительно, Ольга Сергеевна Ляпунова (1907–1956) – дочь композитора, пианиста, преподавателя Московской консерватории С.М. Ляпунова.

¹⁹ То есть заседание Комиссии по изучению творчества Ф.М. Достоевского Литературной секции ГАХН, состоявшееся 21 февраля 1924 г. На заседании были заслушаны доклады литературоведа, текстолога Веры Степановны Нечаевой (1895–1979) «Неизданные письма Достоевского» (прений по ее докладу не было) и историка литературы, писателя, критика Леонида Петровича Гроссмана (1888–1965) «Стиль исповеди Ставрогина», что зафиксировано в официальной печатной хронике деятельности Академии (Государственная академия художественных наук 1926: 26). См. тезисы доклада Гроссмана, протокол заседания и краткое выступление Гудзия в прениях, в котором он обратил особое внимание на отмеченную докладчиком параллель между «Исповедью» Ж.-Ж. Руссо и «Исповедью» Ставрогина и призвал к дальнейшему выяснению органической связи исповеди Достоевского с западноевропейскими образцами (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Д. 7. Л. 15–15об., 18–19).

²⁰ Упомянут роман «Бумажная бабочка», в записи от 10 марта 1924 г. он фигурирует, как только что прочитанный ученым. Гудзий и позднее старался следить за литературным творчеством своей знакомой. Ср. фразу из письма Семигравовой к Гудзию от 23 января 1945 г.: «Относительно того, что мне спохватиться в отношении моих литературных дел, я скажу Вам, что только Вас я послушаю, приму это по-военному, как приказание командира. Эти Ваши слова страшно меня тронули, прошу Вас только, дорогой Николенка, не оставляйте Вашего намерения за мною наблюдать в отношении моей писанины» (Матлина 2009: 31).

²¹ Среди членов редакции журнала «Народный учитель» сотрудника с такой фамилией не было. Но в числе постоянных авторов издания были государственный и политический деятель Я.А. Яковлев, а также некто А. Яковлев, много писавший о проблемах педагогики.

²² Доклад литературоведа, искусствоведа, переводчика Бориса Александровича Грифцова (1885–1950) «О природе романа» был заслушан 22 февраля 1924 г. на заседании подсекции теоретической поэтики Литературной секции ГАХН (Государственная академия художественных наук 1926: 26). Выступление ученого излагало основные идеи монографии, над которой в то время работал – «Теория романа» (1927), по оценке современного публикатора этой работы – «фундаментального исследования по теории и истории жанра, одного из первых в отечественной науке о литературе» (Грифцов 2012: 6).

вы, от женских курсов с любимым профессором Ал<ексеем> Н<иколаевичем> Веселовским. В ней много пленительного; она мечтательна и жизнью своей, вероятно, удовлетворена мало. Читала свой рассказ. По-женски мило, но слабо²³. <...>

23. Утром возбужденно-больное настроение. Не работалось и не сиделось. Вечером на именинах у Вал<ентины> Ал<ександровны> у Соколовых²⁴. Было очень весело и шумно. Ив<ан> Никан<орович> прочел свой необычайно остроумный пасквиль-эпиграмму²⁵. <...>

24. Утром у Пиксановых²⁶. <...> Спор с Н<иколаем> К<ирьяковичем> о том, как кооптировать в Ак<адемии> Худ<ожественных> Наук членов²⁷. <...> Вечером в засед<ании> О<бществ>а люб<ителей> рос<сийской> слов<есности>. Доклад Ю.М. Соколова о современном состоянии народной поэзии. Живо и интересно. Читала и Никитина о Неверове – тоже недурно²⁸. <...>

²³ Валентина Александровна Любимова (в браке Маркус; 1895–1968) – драматург, детская писательница, педагог. В 1912–1917 гг. училась на историко-филологическом отделе Высших женских курсов, посещала лекции и семинары Алексея Николаевича Веселовского (1843–1918), литературоведа, специалиста по западноевропейской литературе, педагога, переводчика, профессора Московского университета. Дневник И.Н. Розанова 1924 г. (запись за февраль), позволяет прокомментировать запись Гудзия целиком: «22 Пятн<ица> Вечером был на заседании (доклад Грифцова “О природе романа”) в А.Х.Н. В конце написал экспромт-эпиграмму: «Блистательный обман // Доклад сей про роман: // Увы, его «природа» // Вне Роде и «вне рода». <...> я с Гудз<ием> к В.А. Маркусу. Гудзий в 1-й раз. В.А. читала свой рассказ “По разным дорогам”» (НИОР РГБ. Ф. 653. К. 4. Д. 6. Л. 81об.). Ср. с комментарием Т.В. Соколовой к эпиграмме Розанова: «Вслед за немецким исследователем Эрвином Роде Б.А. Грифцов усматривает корни романа в античных риторических упражнениях» (Грифцов 2012: 7).

²⁴ То есть на именинах В.А. Маркуса, отмечавшихся в семейном кругу ее ближайших друзей – фольклориста Юрия Матвеевича Соколова (1889–1941) и его жены Валентины Александровны Дынник-Соколовой (1898–1979), литературоведа и переводчицы. Гудзия связывала с этой семьей не только дружба, но и совместная работа в ГАХН и ОЛРС.

²⁵ То есть И.Н. Розанов, который знал В.А. Любимову-Маркусу много лет: с 1916 г. она принимала участие в организованном им литературном кружке «Девичье поле», на одном из собраний которого 22 марта 1916 г. выступала с докладом о М.И. Цветаевой (см.: Богомолов 2016: 184–185; Богомолов 2019: 109–139). Упомянутая Гудзием «пасквиль-эпиграмма» – текст неизвестный, но из традиционных, сочинявшихся Розановым в день именин В.А. Маркуса и В.А. Дынник-Соколовой (см., в частности образцы, датированные 23 февраля 1934, 1940, 1950 и 1952 гг. и опубликованные А.Л. Соболевым и Н.А. Богомоловым в 2012 и 2019 гг.: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/170737.html>; Богомолов 2019: 114–115). Менее вероятно, что на именинах Любимовой-Маркуса Розанов мог прочитать приведенную выше эпиграмму, вызванную посещением доклада Грифцова в ГАХН. В дневниковой записи Розанова 23 февраля упоминается еще одно сочинение Розанова «на случай», возможно, Гудзий упоминает именно его: «23 Суб<бота>. Сочинил сказку “Юмасов гарем” «первое слово – шифр имени главного героя сказки: Юрий Матвеевич Соколов – М.Ф.». Вечер у Валент<ины> Алекс<андровны> Соколовой (Дынник) на именинах. Были, кроме Сок<олова> и его гарема, Бориса с женой и сыном, супруги Бугославские, Маркусы, Ржиги, Гудзий с сестрой и одни Вас<илий> Матв<еевич> Соколов (брат), Ненарокомов, Мих<аил> Ал<ександрович> Петровский и я. Именинице я подарил своею “Некрасова”» (НИОР РГБ. Ф. 653. К. 4. Д. 6. Л. 81об.).

²⁶ То есть у Николая Кирьяковича Пиксанова (1878–1969) – историка литературы, специалиста по творчеству А.С. Грибоедова и М. Горького, педагога, библиографа, текстолога, профессора МГУ (1921–1925), П МГУ (1925–1929), вице-президента ГАХН и председателя Пушкинской комиссии ОЛРС, заседания которой возобновились в апреле 1922 г. (см.: Пиксанов 1924: 3) и его супруги Марии Ивановны Пиксановой (урожд. Колесниковой).

²⁷ Спор был связан с прошедшим в начале декабря 1923 г. реформированием Литературной секции ГАХН, образованием новых подсекций и введением новых правил кооптирования членов (см.: Государственная академия художественных наук 1926: 23).

²⁸ В монографии, посвященной ОЛРС, зафиксировано сообщение Ю.М. Соколова «Из наблюдений над жизнью современного фольклора» без точной даты, но относящееся к

25. <...> Вечером – Акад<емия> худ<ожественных> наук. Доклад Шор – о формальном методе на Западе. Интересные и живые прения²⁹. <...>

26. <...> Весь день, и на лекции и в семинарии – настроение убийственное. После у<ниверсите>та зашел к Левенталь <...>

27. <...> Отправил длинное письмо Е.М. Семигравовой с отзывом о ее романе. <...>

28. <...> Днем лекции о Тютчеве и немного о Лермонтове³⁰. Удачно и душевно. <...> Вечером заседание Пушкинской комиссии. Доклад Брюсова – о рифме у Пушкина. Александризм и схоластика. Неубедительно и неглубоко. Воз-ражал ему. Пиксанов на записочке написал: «Вы очень хорошо говорили»³¹. <...>

1924 г., а другой приведенный автором документ – наиболее верный комментарий к записке Гудзия: «Е.Ф. Никитина в 1924 г. прослеживала творческий путь А.С. Неверова. В архиве П.Н. Сакулина сохранилась запись карандашом: 24 февраля 1924 г. 1) Творческий путь А.С. Неверова (без указания докладчика); 2) Ю.М. Соколов “Поэты современной деревни”» (Клеймёнова 2002: 508, 541). Никитина Евдоксия Федоровна (1895–1973), литературный критик, издательница, основательница литературно-художественного объединения «Никитинские субботники» и одноименного издательства (1922–1931), ученый секретарь Комиссии современной литературы ОЛРС (Клеймёнова 2002: 447).

²⁹ Шор Розалия Осиповна (1894–1939) – лингвист, историк литературы, ученый секретарь Фольклорной подкомиссии Литературной секции ГАХН, научный сотрудник Института языка и литературы РАНИОН и Института народов Востока. Тезисы доклада Шор «Формальный метод на Западе» и протокол заседания Литературной секции ГАХН 25 февраля 1924 г., зафиксировавший оживленную и содержательную дискуссию, в которой приняли участие С.В. Шувалов, Б.И. Ярхо, Б.М. Соколов, А.Г. Цейтлин, Б.В. Горнунг и др., см.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Д. 4. Л. 80–85об. Гудзий в прениях по докладу не выступал.

³⁰ Речь идет о лекциях в II МГУ. Гудзий в это время много занимался поэтикой Лермонтова. Тематика лекций была связана с его исследовательской работой. Что касается Тютчевской темы, то нет возможности выяснить, какой именно теме они были посвящены.

³¹ Упомянут доклад В.Я. Брюсова на заседании Пушкинской комиссии ОЛРС. Ср. воспоминания Н.А. Трифонова: «Будучи студентом 2-го Московского государственного университета, я посещал разные литературно-научные заседания, в частности Общества любителей российской словесности. Преподававший у нас профессор Н.Н. Фатов устраивал у себя дома собрания литературного кружка с участием некоторых литературоведов и писателей. В 1924 году я присутствовал там на заседании Пушкинской комиссии упомянутого общества с докладом Валерия Брюсова. Много занимавшийся изучением Пушкина, он в этот раз выступал на тему “левизна Пушкина в рифмах” <...> Брюсов, который был одним из выдающихся знатоков и мастеров поэтической формы, в названном докладе показал, что Пушкин в своих стихах обращал большое внимание и на так называемые “опорные” звуки, находящиеся слева от ударения в рифмуемых словах, и тем самым явился в известной мере как бы предшественником поэтов XX столетия» (Трифонов 2001: 350). Ср. в воспоминаниях И.Н. Розанова: «Полгода тому назад Брюсов делал доклад о “левизне рифм у Пушкина” в Пушкинской комиссии, последний его доклад, который я слышал. Кто-то из оппонентов пренебрежительно отозвался о Хераскове. “Вы ошибаетесь, – отвечал Валерий Яковлевич, – как раз у Хераскова-то рифмы обычно бывают звучные: он обращал внимание и на предшествующие согласные”». В комментарии публикатора: «Доклад Брюсова был прочитан 28 февраля 1924 г. на заседании Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности, состоявшемся на квартире у Н.Н. Фатова <...> Доклад читался Брюсовым и в кабинете поэтики Литературно-художественного института» (Розанов 1976: 763, 770). Доклад был положен в основу одноименной статьи (Брюсов 1924: 81–92). Поскольку архив Общества сохранился лишь до 1920 г., восстановить ход заседания и обсуждения и хотя бы в общих чертах – выступление Гудзия – не представляется возможным. Ср. дневниковую запись Розанова, которую мы процитируем здесь полностью: «28 четв<ерг>. Вечером в Пушк<инской> Ком<иссии> у Фатова. В. Брюсов читал доклад “О рифмах у Пушкина”. Возражали Сакулин, Гудзий, Шувалов, Гроссман, Гливенко, я, Бор<ис> Матв<еевич>. Я заметил 1) что рифмы у П<ушкина> надо брать в связи с другими поэтами. 2) что П<ушкин> все же ближе к своим эпиграмам, чем к Пастернаку» (НИОР РГБ. Ф. 653. К. 4. Д. 6. Л. 82).

29. Вечером доклад мой в Академии художественных наук – «Тютчев и немецкий романтизм». Сам я докладом не очень доволен. Все же он довольно поверхностен. Настроение мое было неважное³². <...>

Март

1. Днем обедал у меня Б.М. Соколов. Вечером на Никитинском субботнике. Виноградская читала «Слово о полку Игореве», утрируя его фонетику³³. <...>

2. <...> Живешь изо дня в день, все больше теряя себя и растрачивая невозвратно. Через год, м^{ожет} б^{ыть}, нечем будет жить. Страшно заглядывать в себя и страшно подводить итоги: они убийственны. Да, жизнь идет к пику, лучшее позади и впереди – ничего. Вечером у Бор^{иса} Соколова на именинах сына³⁴. Мило и гостеприимно. <...>

3. День в беготне. Вечером заходила Ю.С. Семенович-Усова³⁵. Расспрашивала о Семиградской. Она четыре года живет с <И.А.> Новиковым, его жена. Сходилась и с другим ненадолго. Эротична, нервна, религиозна, красива. <...> Вечером в Союзе писателей. <...> Из Союза (забыл сказать, читал Шкловский о литературе и кинематографе³⁶. Ждал большего) зашел к Благим³⁷. Мило и душевно поболтали. Женщины в любви умнее нас гораздо. Буду бродяжить, пока не найду настоящего и не полюблю как следует, потеряв голову. Иначе не стоит. Сегодня днем думал о мещанском спокойствии и успокоенности и о буржуазном укладе. Стало противно и захотелосьдохнуть свободным, неспертым воздухом.

4. С утра – письмо от Семиградской, такое изумительно-прекрасное и благодарное. Этот человек влечет меня все больше и больше. В ней столько прелести и глубины, что не думать о ней напряженно нельзя. <...> Вечером лекция, затем на полчаска – к Апостоловым³⁸, остаток вечера у Четвериковых.

5. Весь день, до обеда, писал ответ Семиградской. Сказал много, так много, что открыл всего себя. Буду ждать нетерпеливо ответа на это письмо. Что-то скажет, моя милая и дорогая! Вечер – в Доме ученых. Слушал цыганские романсы. <...>

7. День как день. Утром лекция, вечером заседание в Акад^{емии} художественных наук. Доклад М.М. Покровского «Вергилий и Римская рево-

³² В настоящее время протокол заседания, на котором прозвучал доклад Гудзия, опубликован (Фролов 2023. № 2: 43–48). На том же заседании выступил Г.И. Чулков с докладом «Тютчев и Аксаков», посвященным найденным в Мурановском архиве тридцати четырем письмам Ф.И. Тютчева к И.С. Аксакову.

³³ То есть на заседании литературно-художественного объединения «Никитинские субботники» (Газетный переулук, д. 3). Ср. дневниковую запись Розанова от 1 марта об этом же вечере: «<...> Вечером на Никит^{инском} суб^{ботнике}», опоздал на заседание. Рассказ Савича, стихи Звягинцевой <...> После перерыва песни Яркова и “Сл^{ово}» о пол^{ку} Иг^{ореве}» Виноградской» (НИОР РГБ. Ф. 653. К. 4. Д. 6. Л. 82об.).

³⁴ Соколов Борис Матвеевич (1889–1930) – фольклорист, этнограф. Его сыну, Льву Борисовичу Соколову (1915–1973), впоследствии хореографу, было в описываемое время 9 лет.

³⁵ Неустановленное лицо.

³⁶ В 1923–1924 гг., после того как из печати вышла одноименная книга писателя, литературоведа, мемуариста Виктора Борисовича Шкловского (1893–1984) «Литература и кинематограф» (Берлин, 1923), он неоднократно выступал в различных аудиториях Берлина, а по возвращению в СССР – Москвы и Петрограда, с докладами на эту тему. Кроме того, в 1924 г. началась работа Шкловского на Третьей фабрике Госкино.

³⁷ То есть к литературоведу, пушкинисту Дмитрию Дмитриевичу Благому (1893–1984) и его супруге, врачу Софье Рафаиловне Вилляк (1893–1965).

³⁸ Апостолов Николай Николаевич (1890–1974; в 1934 г. официально поменял фамилию на Арденс), историк литературы, специалист по творчеству Л.Н. Толстого, в 1922–1924 гг. – сотрудник Рукописного отдела Государственного музей Л.Н. Толстого; его жена – Т.Л. Арденс (урожд. Ланская).

люция»³⁹. В «Печать и революцию» приглашают усиленно работать⁴⁰. <...>

8. Вечером на Никит-инском субботнике. Моск<овские> акменсты читали <...> стихи. Федоров, как всегда, рад упростиь пойти с ним пить пиво⁴¹. <...>

9. <...> Вечером писал статью о любви Чернышевского⁴², затем пошел к Бороздиным⁴³.

10. С утра работал. Потом пришел Голосовкер⁴⁴. <...> Вечером в Союз писателей. Читал Андрей Белый воспоминания о Скорпионе и Весах⁴⁵. Хорошо читал. <...> Прочитал «Бумажную бабочку» Семиградской⁴⁶. Это подлинное искусство, хотя и бредовое. Сон наяву. Она незаурядна здесь.

11. На душе серьезно, не суетно и спокойно. Пора жить спокойнее, сосредоточеннее и тише, меньше резвости и суетности. О если бы это скорее пришло! Вечером лекции и семинарий. Хороший доклад Шуваловой о Блоке как литературном критике⁴⁷. <...>

³⁹ Доклад лингвиста, литературоведа Михаила Михайловича Покровского (1869–1942) «Энеида Вергилия и Римская революция» прозвучал на заседании Подсекции истории литературы Литературной секции. Ср. в протоколе заседания: «Цель доклада – раскрыть реальную историческую обстановку, которая нашла себе выражение в “Энеиде”. Необыкновенная популярность “Энеиды” объясняется тем, что поэт умел с воодушевлением воплотить в живых образах романтические надежды современников на возрождение римского общества путем переселения его в духе старинных героических традиций этических, политических и религиозных» (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Д. 6. Л. 50).

⁴⁰ Впоследствии Гудзий опубликовал на страницах журнала «Печать и революция» рецензию и статью (Гудзий 1927: 187–189; Гудзий 1928: 123–130).

⁴¹ Василий Павлович Федоров (1883–1942) – поэт, переводчик, член Президиума Всероссийского Союза Поэтов и член Правления Общества «Литературный особняк» с 1920 г.

⁴² В 1924 г. были напечатаны две рецензии Гудзия на книгу Н.А. Пыпиной «Любовь в жизни Чернышевского» (Пг., 1923) – в первом номере журнала «Русский современник» и в мартовской книжке журнала «Каторга и ссылка».

⁴³ См. прим. 7.

⁴⁴ Голосовкер Яков Эммануилович (1890–1967), философ, историк философии, писатель, преподавал во II МГУ и Высшем литературно-художественном институте в 20-е гг.

⁴⁵ В «Ракурсе к дневнику» Андрей Белый 10 марта 1924 г. сделал следующую запись: ««Декаденты и символ-исты»». Воспоминания. Дом Герцена», а в хронике «Себе на память» запись такого содержания: «Март 10. “Декаденты и Символисты”. Доклад в “Доме Герцена”. Москва» (Литературное наследство 2016: 483, 738). Андрей Белый читал главу из книги своих воспоминаний «Начало века» – «Символисты и декаденты», исключенной из окончательной редакции текста (Начало века 1990: 535–540).

⁴⁶ Речь идет о романе Семиградской. См. прим. 17 и 20.

⁴⁷ Доклад Ольги Ивановны Шуваловой «Блок как художественный критик» прозвучал и обсуждение его состоялось 11 и 18 марта 1924 г., в рамках того семинария под руководством Гудзия по русскому символизму, что и доклад О.Л. Иоффе (см. прим. 11): «1) Критические работы Блока не есть критика, а субъективное приятие или неприятие – «лирическое по поводу»; 2) мерило для приятия и неприятия – художественная мера, стиль и исповедничество, или сгорание догла художника <...> сущность драмы с внутренней стороны разрешение противоречия, а с внешней сильная техника; 3) наличие путей определяет внутренний такт писателя, его «ритм»; 4) ритмический фонд художника должен быть положен в основу всякого критического исследования». Из выступления Гудзия: «...два имени стоят в центре современного внимания – Пушкин и Блок <...> Оба были поэты органические, что бывает нечасто в столетии. И Блок оправдал право на звание <...> одного из замечательнейших русских поэтов, для которого жить, мыслить, творить и разрешать вопросы бытия – всегда одно и тоже. Словом, это было именно то сочетание духовных сил с человеческой личностью, которое всегда дает нечто новое для движения культуры. И, конечно, Блок – поэт, литератор, критик, были едины, особенно ясно убедился в этом, слушая доклад. Блока нельзя подвести под схему, это был мыслитель в стиле Уайльда или Шестова. Он размышлял по поводу литературных произведений, но не критиковал их. Блок никогда не пытался стать на точку зрения историка литературы <...> Некоторыми сторона-

12. Вечером на концерте в Д<оме> У<ченых> <...> После концерта спешно заканчивал статью о Толстом и Лескове для заграницы⁴⁸.

13. Утром отнес статью в Толстовский музей. Дорогой – туда и обратно – думал все о старом, и было тяжело. Затем, готовясь к лекции, стал читать Фета, и так легко и ясно стало от него на душе. <...> Вечером в Художественном на «Лисистрате»⁴⁹. Конечно, пустячок, но весело и красиво.

14. Днем лекции; читал живо и содержательно. С 5-ти часов заседание Президиума Литерат<урной> секции, с 7-ми засед<ание> Теоретич<еской> подсекции в Академии. Доклад Зунделовича о композиции повестей Гоголя⁵⁰.

15. Суббота. Вечером в Акад<емии> худож<ественных> наук ужин и танцы до 5 ч. ночи. Было много выпито, но для меня все прошло серо и скучно <...>

16. воскрес<ение>. С утра головная боль до обеда. Обедал у Бугославских⁵¹, потом спал. Вечером у Бороздина, где застал Ольденбурга и Марра⁵². Утром получил письмо от Семигравовой в ответ на свою рецензию о романе, также в ответ на последнее свое письмо – горячее. Ответ сдержаннее, чем я ждал. Вчера же послал ей свое письмо с рецензией на Бум<ажную> бабочку⁵³.

17. Понед<ельник>. С утра читал дневник Н.И. Тургенева. Как сильно скучал этот человек и как любил Россию и русское! Заинтересовало и то, что Н.И. Тургенев очень любил Кавелина⁵⁴. <...>

18. вторник <...> Сегодня весь день и весь вечер тоска. Встал поздно, работа не клеилась. Дочитал дневник Тургенева. Получил письмо от Неймана и Белецкого. Белецкий прислал также свою книгу о старинном театре в России⁵⁵. <...>

ми критико-литературной деятельности он задевает свое творчество, поэзию, в статьях отражается его стихотворная стихия» (НИОР РГБ. Ф. 731. П. I. К. 10. Д. 5. Л. 21, 21об.–22об.).

⁴⁸ Зарубежная публикация не состоялась, но 18 ноября 1927 г. Гудзий выступил на заседании Подсекции истории русской литературы Литературной секции ГАХН с докладом «Толстой и Лесков» (см. тезисы доклада и протокол заседания: Фролов 2023. № 3: 58–62), статья под тем же названием была опубликована в печатном органе ГАХН, журнале «Искусство» в 1928 г. См. выше, дневниковую запись Гудзия от 19 февраля 1924 г. и прим. 9.

⁴⁹ Постановку комедии Аристофана (в переводе Д. Смолина) осуществила Музыкальная студия МХАТ. Реж. В.И. Немирович-Данченко; композитор Р.М. Глиэр, худ. И.М. Рабинович. Премьера состоялась 16 июня 1923 г.

⁵⁰ Доклад литературоведа, переводчика, поэта Якова Осиповича Зунделовича (1893–1965) под названием «Характер композиции четырех повестей Гоголя: “Сорочинская ярмарка”, “Ночь перед Рождеством”, “Страшная месть”, “Иван Ф. Шпонька и его тетушка”» прозвучал на заседании Подсекции теоретической поэтики Литературной секции ГАХН.

⁵¹ Бугославский Сергей Алексеевич (1888–1946) – специалист по древнерусской литературе, музыковед, композитор; преподавал в Высшем литературно-художественном институте им. В.Я. Брюсова и в Коммунистическом университете трудящихся Востока; многолетний ближайший друг Гудзия, см.: Гудзий 1948: 410–413. Его жена – Александра Михайловна Бугославская (1899–?), театральная актриса, до переезда с мужем в Москву в 1922 г. служила в Крымском государственном драматическом театре (см. дневник Розанова за 1923 г.: НИОР РГБ. Ф. 653. К. 4. Д. 6. Л. 63).

⁵² Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) – востоковед, академик и непреходящий секретарь РАН и АН СССР; Марр Николай Яковлевич (1865–1934) – востоковед, этнограф, археолог, основатель Яфетического Института – Института языка и мышления.

⁵³ См. выше, прим. 17 и 20.

⁵⁴ Гудзий имеет в виду один из пяти выпусков академического издания «Архива братьев Тургеневых», вышедших в 1911–1921 гг. Первый и третий выпуск серии (1911, 1913 гг.) содержали публикации дневниковых записей Н.И. Тургенева за 1806–1816 гг. Тургенева с К.Д. Кавелиным связывало сходство общественно-политических взглядов.

⁵⁵ Упомянуты многолетние друзья и корреспонденты Гудзия, литературоведы Борис Владимирович Нейман (1888–1969) и Александр Иванович Белецкий (1884–1961), от которого Гудзий получил в подарок книгу «Старинный театр в России» (М., 1923).

19. среда. <...> Вечером у С.З. Федорченко. Встретился с Дерманами⁵⁶.

20. <...> Днем лекции. Вечером в Доме ученых на выступлении А. Белого. Сегодня познакомился с ним ближе⁵⁷.

21. Утром лекция очень удачная. Затем заседание в <университе>те, где я единогласно вновь избран штатным профессором. Хороший отзыв Пиксанова и Сакулина и сочувствие студентов разных позиций. Вечером большое заседание в историко-литературном отделе Академии Художественных Наук. Читал Гершензон доклад на тему «Сны Пушкина». Масса народу. И.Н. Розанов похвалил мое выступление⁵⁸. <...>

22. С утра в Румянцевском музее, затем в Академии Художественных Наук. <...> Вечером у Никитиной. Посредственные стихи Клычкова и прекрасные Волошина⁵⁹. <...>

23. воскресение <...> С 4-х часов в заседании Общества Л. Р. С. Доклад Петровского «Выражение и изображение»⁶⁰.

⁵⁶ С писателем, критиком, историком литературы, переводчиком, библиографом Абрамом Борисовичем Дерманом (1880–1952) и его супругой Надеждой Федоровной Петрушевской.

⁵⁷ Ср. мартовскую запись в «Ракурсе к дневнику» Андрея Белого: «...20-го 3) Чтение о Египте (мое). В помещении Це-Ку-Бу...». В этот день Андрей Белый выступил в Доме ученых, находившемся недалеко от ГАХН, с лекцией о Египте; на эту тему известны его более ранние выступления – например, 5 ноября 1911 г. в Историческом музее (Литературное наследство 2016: 483, 576, 622).

⁵⁸ Гершензон в докладе «Сны у Пушкина» отмечал: «5 сновидений, изображенных Пушкиным, оказываются как бы вариациями одной и той же темы – до такой степени они совпадают в своих главных чертах. Здесь приоткрывается общее представление Пушкина о строе и движениях человеческого духа. Человек воспринимает несравненно больше того, что доходит до его сознания <...> Но эти бессознательные знания души не мертвы»; ср. замечания Гудзия: «Проникновения докладчика основываются на собственном психологическом опыте и на внимательном изучении Пушкина. Но в докладе хотелось бы видеть больше позитивных оснований <...> Материал можно было рассматривать в двух плоскостях: 1) в плоскости психологической, 2) в плоскости историко-литературной. Поэтика сна есть нечто устоявшееся, где Пушкину приходилось следовать за известными выработавшимися канонами. В каких же случаях изображения сна Пушкин был отпадчиком, а в каких – писателем? <...> Позитивные основы, направленные в ту или иную сторону, очень подкрепили бы ценные соображения М.О. Гершензона» (РГА-ЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Д. 6. Л. 59, 60 об.).

⁵⁹ Ср. с дневниковой записью Розанова от 22 марта: «Вечером на Никитинском Субботнике». Стихи С. Клычкова. Появление Макса Волошина. Его стихи «Пути Каина» ... Сильное впечатление от места, где про теорию Эйнштейна, что я и высказал, не согласившись с С.В. Шуваловым <...> Выступление В.В. Федорова. Выходка Анны Барковой» (НИОР РГБ. Ф. 653. К. 4. Д. 6. Л. 85). О знакомстве Гудзия с поэтом и прозаиком Сергеем Антоновичем Клычковым (1889–1937, расстрелян) не сохранилось документальных свидетельств. Но в январе 1957 г., когда была создана комиссия по его литературному наследию, Гудзий вошел в ее состав (см.: НИОР РГБ. Ф. 731. Р. 1. К. 11. Д. 6). С поэтом, переводчиком, литературным и художественным критиком Максимилианом Александровичем Волошиным (1873–1932) Гудзий был лично знаком. Сохранились два письма Волошина Гудзию от 6/19 сентября 1918 г. и 23 мая/5 июня 1919 г. и два письма Гудзия Волошину – 10 сентября 1918 г. и 25 октября/7 ноября 1918 г. Они связаны с выяснением печатной судьбы поэмы Волошина «Протопоп Аввакум» в киевском журнале «Родная земля» и возможности прочитать курс лекций по современной русской поэзии в одном из университетов Крыма. Записка Волошина 1919 г. сопровождала знакомство Гудзия с палеографом и фольклористом Н.А. Марком (Волошин 2013: 174–175, 214). В письме к М.С. Волошиной 16 июня 1962 г. Гудзий вспоминал, что познакомился с Волошиным «в 1917 году, в свой единственный приезд в Коктебель», «позднее встречался в Симферополе и в Москве» (Дом-музей М.А. Волошина ГАУК Республики Крым «Историко-культурный, мемориальный музей-заповедник «Киммерия М.А. Волошина»). ДМВ КП 18303; инвентарный номер: А-1067).

⁶⁰ Ранее доклад М.А. Петровского «Выражение и изображение» был зачитан на заседании Философского отделения ГАХН 30 октября 1923 г. (См. также: Государственная академия художественных наук 1926: 20, 104).

НИОР РГБ. Ф. 731. Р. II. К. 1. Д. 2. Л. 1–10. Подлинник. Автограф.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андрей Белый. Начало века / Подгот. текста и комм. А.В. Лаврова. М., 1990 [Andrej Belyj. Nachalo veka / Podgot. teksta i komm. A.V. Lavrova. M., 1990].
- Богомолов Н.А. Разговор с Мариной Цветаевой: Из дневника И.Н. Розанова // Новый мир. 2016. № 4. С. 181–192 [Bogomolov N.A. Razgovor s Marinoj Czvetaevoj: Iz dnevnika I.N. Rozanova // Novyj mir. 2016. № 4. S. 181–192].
- Богомолов Н.А. «Девичье поле» // Звезда. 2019. № 6. С. 109–139 [Bogomolov N.A. «Devich'e pole» // Zvezda. 2019. № 6. S. 109–139].
- Брюсов В. Левизна Пушкина в рифмах // Печать и революция. 1924. Кн. 2. Март–апрель. С. 81–92 [Bryusov V. Levizna Pushkina v rifmax // Pechat' i revolyuciya. 1924. Kn. 2. Mart–aprel'. S. 81–92].
- Волошин М. Собрание сочинений. Т. 12: Письма 1918–1924 / Сост. А.В. Лаврова; подгот. текста Н.В. Котрелева, А.В. Лаврова, Г.В. Петровой, Р.П. Хрулевой; комм. А.В. Лаврова, Г.В. Петровой. М., 2013 [Voloshin M. Sobranie sochinenij. T. 12: Pis'ma 1918–1924 / Sost. A.V. Lavrova; podgot. teksta N.V. Kotreleva, A.V. Lavrova, G.V. Petrovoj, R.P. Xrulevoj; komm. A.V. Lavrova, G.V. Petrovoj. M., 2013].
- Государственная академия художественных наук. Отчет: 1921–1925. М., 1926 [Gosudarstvennaja akademiya xudozhestvennyx nauk. Otchet: 1921–1925. M., 1926].
- Грифцов Б.А. Теория романа / Вступ. и комм. Т.В. Соколовой. М., 2012 [Grifczov B.A. Teoriya romana / Vstup. i komm. T.V. Sokolovoj. M., 2012].
- Гудзий Н. <Рец. на кн.: Творческая история. Исследования по русской литературе / Ред. Н.К. Пиксанов. М., 1927> // Печать и революция. 1927. Кн. 2. С. 187–189 [Gudzij N. <Recz. na kn.: Tvorčeskaja istorija. Issledovaniya po russkoj literature / Red. N.K. Piksjanov. M., 1927> // Pechat' i revolyuciya. 1927. Kn. 2. S. 187–189].
- Гудзий Н. Пушкиноведение в 1926–1927 гг. (Обзор) // Печать и революция. 1928. Кн. 1. С. 123–130 [Gudzij N. Pushkinovedenie v 1926–1927 gg. (Obzor) // Pechat' i revolyuciya. 1928. Kn. 1. S. 123–130].
- Гудзий Н.К. С.А. Бугославский // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 410–413 [Gudzij N.K. S.A. Bugoslavskij // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. M.; L., 1948. T. 6. S. 410–413].
- Клеймёнова Р.Н. Общество любителей российской словесности (1811–1930). М., 2002 [Klejmyonova R.N. Obshhestvo lyubitelej rossijskoj slovesnosti (1811–1930). M., 2002].
- Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Отв. ред. А.Ю. Галушкин, О.А. Коростелев; науч. ред. М.Л. Спивак; сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад. М., 2016 [Literaturnoe nasledstvo. T. 105: Andrej Belyj. Avtobiograficheskie svody. Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registracionnye zapisi. Dnevniki 1930-x godov / Otв. red. A.Yu. Galushkin, O.A. Korostelev; nauch. red. M.L. Spivak; sost. A.V. Lavrov, Dzh. Malmstad. M., 2016.]
- Матлина С.Е. «...Мой дорогой, дорогой друг!»: Фронтовые письма Елизаветы Михайловны Семиградской Николаю Калининичу Гудзю (1944–1945) // Вопросы культурологии. 2009. № 9. С. 28–33 [Matlina S.E. «...Moj dorogoj, dorogoj drug!»: Frontovye pis'ma Elizavety Mixajlovny Semigradovoj Nikolaju Kallinikovichu Gudziyu (1944–1945) // Voprosy kul'turologii. 2009. № 9. S. 28–33].
- Пиксанов Н.К. Пушкин и Общество любителей российской словесности // Пушкин / Под ред. Н.К. Пиксанова. Сб. 1. М., 1924. С. 1–30 [Piksjanov N.K. Pushkin i Obshhestvo lyubitelej rossijskoj slovesnosti // Pushkin / Pod red. N.K. Piksjanova. Sb. 1. M., 1924. S. 1–30].
- Розанов И.Н. <Встречи с Брюсовым> / Предисл. и публ. Е.А. Кречетовой // Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. М., 1976. С. 759–772 [Rozanov I.N. <Vstrechi s Bryusovym> / Predisl. i publ. E.A. Krechetovoj // Literaturnoe nasledstvo. T. 85: Valerij Bryusov. M., 1976. S. 759–772].
- Тагор Р. Крушение: Роман / Пер. с англ. С.А. Адрианова. М.; Пг., 1923 [Tagor R. Krushenie: Roman / Per. s angl. S.A. Adrianova. M.; Pg., 1923].
- Теляковский В.А. Воспоминания (1898–1917). Пг., 1924 [Telyakovskij V.A. Vospominaniya (1898–1917). Pg., 1924].
- Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 34. М., 1952 [Tolstoj L.N. Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t. T. 34. M., 1952].

Трифонов Н.А. Из воспоминаний старого брусоведа // Брюсовские чтения – 1996. Ереван, 2001 [Trifonov N.A. Iz vospominanij starogo bryusoveda // Bryusovskie chteniya – 1996. Erevan, 2001].

Фролов М.А. Н.К. Гудзий в Государственной Академии Художественных Наук: К истории сотрудничества. Часть 1: 7 мая 1923 года – 28 мая 1924 года // Русская литература. 2023. № 2. С. 29–50 [Frolov M.A. N.K. Gudzij v Gosudarstvennoj Akademii Xudozhestvennyx Nauk: K istorii sotrudnichestva. Chast' 1: 7 maya 1923 goda – 28 maya 1924 goda // Russkaya literatura. 2023. № 2. S. 29–50].

Фролов М.А. Н.К. Гудзий в Государственной Академии Художественных Наук: К истории сотрудничества. Часть 2: 26 ноября 1924 года – 7 декабря 1928 года // Русская литература. 2023. № 3. С. 30–65 [Frolov M.A. N.K. Gudzij v Gosudarstvennoj Akademii Xudozhestvennyx Nauk: K istorii sotrudnichestva. Chast' 2: 26 noyabrya 1924 goda — 7 dekabrya 1928 goda // Russkaya literatura. 2023. № 3. S. 30–65].

Фролов Максим Андреевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ИМЛИ им. А.М. Горького РАН; m.a.frolov@gmail.com

"It's Time to Live More Calmly, More Focused and Quieter..." Pages of the Diary of Nicholas Gudzij, February – March 1924

The publication introduces the pages of the diary of the literary critic N.K. Gudzij, relating to February – March 1924. Their historical and literary interest is due to several reasons: firstly, the absence of similarly detailed records for other years in the pre-war part of the scientist's heritage, and secondly, the fact that they document a very important period of scientific Gudzij's activity is his work at the 2nd Moscow State University, the State Academy of Artistic Sciences and the Society of Lovers of Russian Literature. Thirdly, the published notes record Gudzij's participation in the literary life of Moscow, his impressions of meetings with people (fully describing the closest circle of his contacts), as well as some circumstances of the printed fate of his scientific works.

Keywords: *Gudzij, State Academy of Artistic Sciences, Society of Lovers of Russian Literature, Gershenzon, Rozanov, Bryusov.*

Frolov, Maxim Andreevich, PhD (Philology), Senior Researcher "Literary Heritage" Department, Gorky Institute of World Literature of the RAS, m.a.frolov@gmail.com

CONTENTS

Intellectual History Today

<i>Igor E. Surikov</i> Two Critiases and Atlantis: From the history of Athenian oligarchic thought.....	5
<i>Galina S. Klimova, Sergey V. Demidenko</i> The Intellectual History of Inequality as a Political Issue.....	16
<i>Tatiana G. Skorokhodova</i> Epoch-Makers in Intellectual History Pyotr Tchaadaev and the Bengal Renaissance Thinkers.....	35
<i>Ivan E. Zadorozhnyuk, Ella G. Zadorozhnyuk</i> About One Page from the Subject Area "History of Ideas".....	52
<i>Andrei B. Sokolov</i> Alfred the Cake and the Other Heroes of British History About One Famous Satire on School Textbook. Part 1.....	68
<i>The idea of the Common Good and the crisis of values in an era of change</i>	
<i>Daria S. Mityureva</i> The Concept of «Commonwealth» in Political Writings of the Civil War.....	80
<i>Marina S. Kiseleva</i> The good and general order of the world of Simeon Polotskij.....	96
<i>Marina Fedotova</i> Dimitry of Rostov' Sermons as Part of the Cell Chronicle Moral Education of the Flock and Ideas of Social Order.....	110
<i>Alexey Popovich</i> War and Peace in Sermons of Stefan Yavorsky.....	123
<i>Mikhail A. Kiselev</i> Peter the Great and Iurisperitus Pufendorf.....	140
<i>Svetlana A. Vasilieva</i> The Articulation of the Concept of "Hard-Labour" in the Socio-Political Discourse of Britain and Russia in the XVII–XVIII Centuries.....	158
<i>Andrei V. Keller</i> St. Petersburg Academy of Arts and Sciences in the Network of European Academies in the Early Modern Period The Place of "Arts" in the Structure of Scientific Knowledge....	175
<i>Crossroads of Interdisciplinarity</i>	
<i>Vera P. Budanova</i> What Was Said and What Jordan's «Getica» Kept Silent About.....	191
<i>Sergey Kondratiev</i> Court of High Commission, oath Ex officio and the privilege against self-incrimination in English debates at the Turn of the XVI–XVII centuries.....	203
<i>Georgiy Shpak</i> Formation of the Temporal Regime of the Modern Era on the Example of the British Educational Board Games of the XVII–XVIII centuries.....	216
<i>Anna Afanasyeva</i> Epidemics as a Reason for Studying the Region V.I. Isaev's 1901 Expedition to Astrakhan Province.....	232
<i>Anna G. Tsyapkina</i> Trebizond Expeditions of F.I. Uspensky: a Brief Overview of Research.....	244

История и личность

<i>Yulia S. Shipitsyna</i> “Science was his passion” emotive code of memories about English botanist Joseph Banks (1743–1820).....	258
<i>Mariam M. Kerimova, Olga B. Naumova</i> Declassified Archival Documents about the Kharuzins Family.....	273
<i>Denis D. Podlednov, Elena D. Kazantseva</i> Artistic Creativity as a Method of Living Through Traumatic Events	292
<i>Igor V. Narskii</i> A historian who felt connected to history. In memory of Dietrich Geyer (1928–2023)....	303

History – Memory – Event

<i>Luiza V. Korobitsyna Olga V. Kruzhkova</i> Historical and Cultural Vandalism as a Mechanism of Historical Memory Transformation	315
<i>Maxim Gorelov</i> Synod of Whitby (664): Rethinking the Event.....	326

Reading books...

<i>Andrey S. Minakov</i> New perspectives of literary Russia the first experience of the museum encyclopedia.....	336
<i>Lidiya Sychenkova</i> On the Background of the Marble Palace: Portraits of the First Soviet Cultural Historians...	343
<i>Mikhail Vedeshkin</i> The Apology for the Forgotten Emperor.....	349
<i>Stepan S. Grozov</i> Human and Animals in the High Middle Ages Culture about "The Animal Turn of the Thirteenth Century..." by N. Harris.....	357
<i>Pavel Akopian Olga P. Kashina</i> Eight Centuries of Nizhny Novgorod History in Two Volumes.....	363
<i>Igaeva Ksenia</i> Politics of Memory in Eastern Europe the Transformation of Narratives in "Old" and "New" Media.....	369

Publications and Translations

<i>Aleksandr V. Antoshchenko</i> Controversy on Intercommunion in the Fellowship of Saints Alban and Sergius.....	374
<i>Maxim Frolov</i> "It's Time to Live More Calmly, More Focused and Quieter..." Pages of the Diary of Nicholas Gudzij. February – March 1924.....	383

СОДЕРЖАНИЕ

Интеллектуальная история сегодня

<i>И.Е. Суриков</i> Два Крития и Атлантида: из истории афинской олигархической мысли (Часть I)...	5
<i>Г.С. Климова, С.В. Демиденко</i> Интеллектуальная история неравенства как политической проблемы.....	16
<i>Т.Г. Скороходова</i> Создатели эпох интеллектуальной истории	
<i>П.Я. Чаадаев</i> и мыслители Бенгальского Возрождения.....	35
<i>И.Е. Задорожнюк, Э.Г. Задорожнюк</i> Об одной странице из предметной области «история идей».....	52
<i>А.Б. Соколов</i> Альфред Лепешка и другие герои британской истории о знаменитой пародии на школьный учебник. Часть I.....	68

Идея Общего блага и кризис ценностей в эпоху перемен

<i>Д.С. Митурёва</i> Понятие «Commonwealth» в политических сочинениях периода Гражданской войны в Англии XVII в.....	80
<i>М.С. Киселева</i> «Вертоград многоцветный»: благо и общий порядок мира Симеона Полоцкого.....	96
<i>М.А. Федотова</i> Поучения Дмитрия Ростовского в составе «Келейного летописца» нравственное воспитание паствы и идеи социального порядка.....	110
<i>А.И. Попович</i> Война и мир в проповедях Стефана Яворского	123
<i>М.А. Киселев</i> Петр I и законодатель Пуфендорф	140
<i>С.А. Васильева</i> К вопросу об артикуляции понятия «принудительный труд» в общественно-политическом дискурсе Британии и России XVII–XVIII вв.....	158
<i>А.В. Келлер</i> «Художества» в борьбе дискурсов: Петербургская Академия художеств и наук в сети европейских академий в Раннее Новое время.....	175

Перекрестки интердисциплинарности

<i>В.П. Буданова</i> Что сказалось и о чем умолчала «Getica» Иордана.....	191
<i>С.В. Кондратьев</i> Высокая комиссия, присяга ex officio и право не свидетельствовать против себя в английских дискуссиях на рубеже XVI–XVII вв.....	203
<i>Г.В. Штак</i> Формирование темпорального режима модерна на примере британских образовательных настольных игр XVII–XVIII вв.....	216
<i>А.Э. Афанасьева</i> Эпидемии как повод к изучению региона экспедиция В.И. Исаева 1901 г. в Астраханскую губернию.....	232
<i>А.Г. Цыпкина</i> Трапезундские экспедиции Ф.И. Успенского: краткий обзор исследований.....	244

История и личность

<i>Ю.С. Штицына</i>	
«Наука была его страстью»: эмотивный код воспоминаний об английском ботанике Джозефе Бэнксе (1743–1820).....	258
<i>М.М. Керимова, О.Б. Наумова</i>	
Рассекреченные архивные документы о семье Харузиных.....	273
<i>Д.Д. Подледнов, Е.Д. Казанцева</i>	
Художественное творчество как метод проживания травмирующих событий (на примере мемуаров Е.А. Керсновской).....	292
<i>И.В. Нарский</i>	
Историк, ощущавший свою вовлеченность в историю. Памяти Дитриха Гайера (1928–2023).....	303

История – Память – Событие

<i>Л.В. Коробицына, О.В. Кружкова</i>	
Историко-культурный вандализм как механизм трансформации исторической памяти.....	315
<i>М.М. Горелов</i>	
Синод в Уитби (664 г.): переосмысляя событие.....	326

Читая книги...

<i>А.С. Минаков</i>	
Новые горизонты литературной России: первый опыт музейной энциклопедии.....	336
<i>Л.А. Сыченкова</i>	
На фоне мраморного дворца: портреты первых советских историков культуры.....	343
<i>М.А. Ведешкин</i>	
Апология забытому императору.....	349
<i>С.С. Грозов</i>	
Человек и животные в культуре Высокого Средневековья. О книге Н. Харриса «Анималистический поворот тринадцатого века...».....	357
<i>П.А. Акопян, О.П. Кашина</i>	
Восемь веков Нижегородской истории за два тома.....	363
<i>К.В. Игаева</i>	
Политика памяти в Восточной Европе трансформация нарративов в «старых» и «новых» медиа.....	369

Переводы и публикации

<i>А.В. Антощенко</i>	
Споры об интеркоммунионе в Содружестве Свв. Албания и Сергия.....	374
<i>М.А. Фролов</i>	
«Пора жить спокойнее, сосредоточеннее и тише...» страницы дневника Николая Гудзия. Февраль – март 1924 года.....	383
CONTENTS.....	396

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 85 / 2023

Главный редактор — Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр., д. 32А, к. 1423; тел. +7 (495) 938–53–91

<http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm> ; dialogue.time@yandex.ru

Поиск DOI: <http://search.rads-doi.org/index.php/> ; <http://www.doi.org/>

ISSN 2073–7564

10.21267/AQUILO.2023.85.85.027 <i>И.Е. Суриков</i>	10.21267/AQUILO.2023.85.85.011 <i>А.Г. Цыпкина</i>
10.21267/AQUILO.2023.85.85.028 <i>Г.С. Климова, С.В. Демиденко</i>	10.21267/AQUILO.2023.85.85.012 <i>Ю.С. Шитицына</i>
10.21267/AQUILO.2023.85.85.029 <i>Т.Г. Скороходова</i>	10.21267/AQUILO.2023.85.85.013 <i>М.М. Керимова, О.Б. Наумова</i>
10.21267/AQUILO.2023.85.85.030 <i>И.Е. Задорожнюк, Э.Г. Задорожнюк</i>	10.21267/AQUILO.2023.85.85.014 <i>Д.Д. Подледнов, Е.Д. Казанцева</i>
10.21267/AQUILO.2023.85.85.031 <i>А.Б. Соколов</i>	10.21267/AQUILO.2023.85.85.015 <i>И.В. Нарский</i>
10.21267/AQUILO.2023.85.85.032 <i>Д.С. Митурёва</i>	10.21267/AQUILO.2023.85.85.016 <i>Л.В. Коробицына, О.В. Кружкова</i>
10.21267/AQUILO.2023.85.85.001 <i>М.С. Киселева</i>	10.21267/AQUILO.2023.85.85.017 <i>М.М. Горелов</i>
10.21267/AQUILO.2023.85.85.002 <i>М.А. Федотова</i>	10.21267/AQUILO.2023.85.85.018 <i>А.С. Минаков</i>
10.21267/AQUILO.2023.85.85.003 <i>А.И. Попович</i>	10.21267/AQUILO.2023.85.85.019 <i>Л.А. Сыченкова</i>
10.21267/AQUILO.2023.85.85.004 <i>М.А. Киселев</i>	10.21267/AQUILO.2023.85.85.020 <i>М.А. Ведешкин</i>
10.21267/AQUILO.2023.85.85.005 <i>С.А. Васильева.</i>	10.21267/AQUILO.2023.85.85.021 <i>С.С. Грозов</i>
10.21267/AQUILO.2023.85.85.006 <i>А.В. Келлер</i>	10.21267/AQUILO.2023.85.85.022 <i>П.А. Акоюн, О.П. Кашина</i>
10.21267/AQUILO.2023.85.85.007 <i>В.П. Буданова</i>	10.21267/AQUILO.2023.85.85.023 <i>К.В. Игаева</i>
10.21267/AQUILO.2023.85.85.008 <i>С.В. Кондратьев</i>	10.21267/AQUILO.2023.85.85.024 <i>А.В. Антощенко</i>
10.21267/AQUILO.2023.85.85.009 <i>Г.В. Шпак</i>	10.21267/AQUILO.2023.85.85.025 <i>М.А. Фролов</i>
10.21267/AQUILO.2023.85.85.010 <i>А.Э. Афанасьева</i>	

Дизайн обложки *И.Н. Граве*

Формат 60x90 / 16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26. Тираж 600.

Отпечатано в типографии Onebook.ru (ООО «Сам Полиграфист»)

Москва, Волгоградский пр., дом 42, строение 5. Тел.: +7 495 545–37–10

Эл. почта: info@onebook.ru Адрес в Интернете: www.onebook.ru

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ).

Журнал включен в диссертационный перечень ВАК по специальностям: история, история философии, филология; в каталог «Роспечать» (подписной индекс 36030); в базу данных SCOPUS (с 2016 г.); в базу данных WoS Core Collection (Emerging Sources Citation Index [ESCI]) (с декабря 2017 г.), Q 1 (History — 2023 г.).

Полные электронные версии статей представлены на сайте: <http://roii.ru/publications/dialogue>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

(Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.).

Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624.